ПЕЧАТЬ ЛИТОВСКОЙ
БИБЛИОТЕКИ.
ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

4 - ИЮЛ 1912

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Съ портрета писаннаго И. Н. Крамскимъ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„Вѣстникъ Европы“, 1912 г.

Печать Калининской Городской общественной Библиотеки

4 - Мая 1912

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

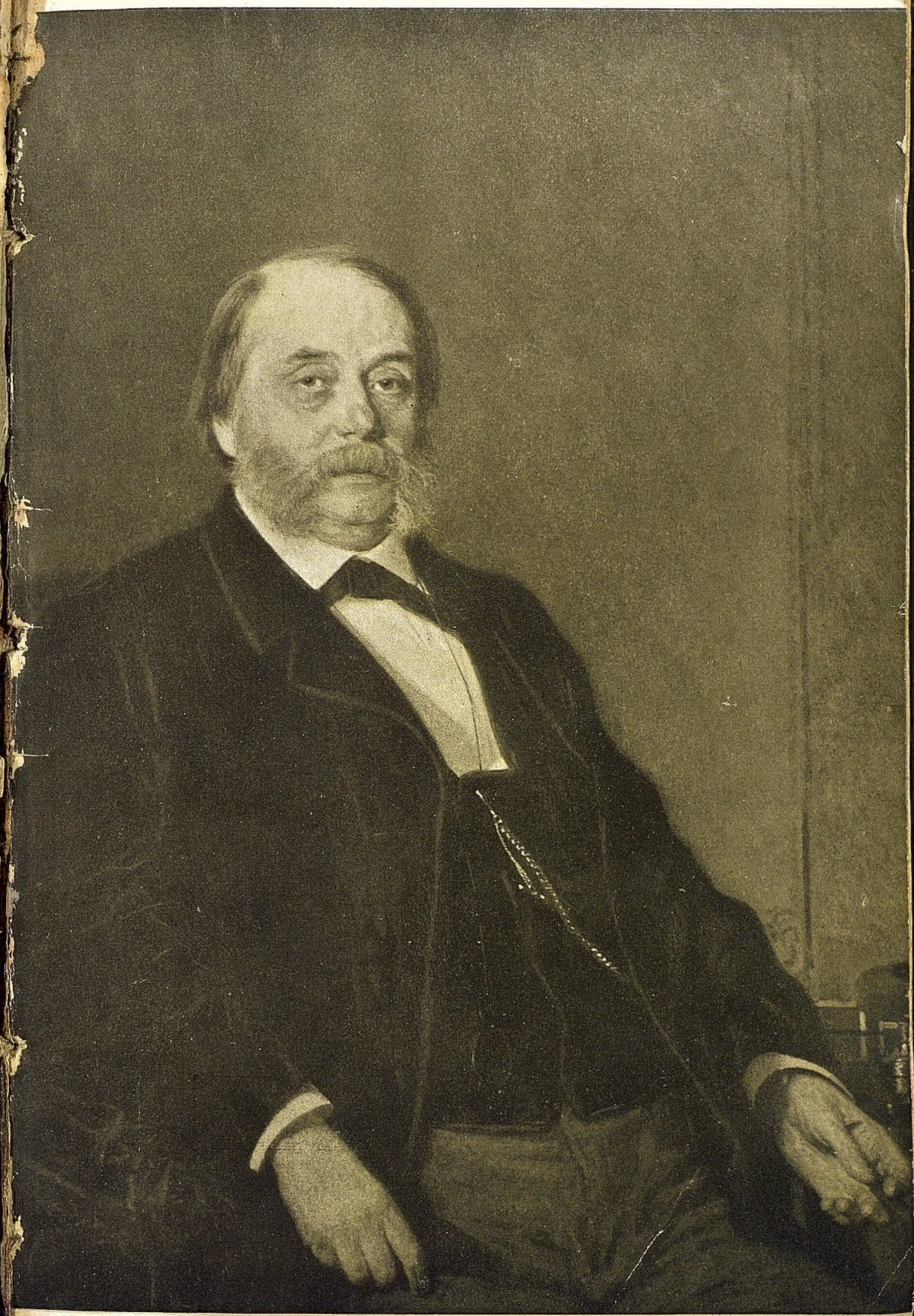
Съ портрета писаннаго Н. Н. Крамскимъ.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

„Вѣстникъ Европы", 1912 г.

Городской общественной * Печать Калининской * Библиотеки

4- JUIN 1912



ПЕЧАТЬ КАЛОВИНСКОЙ
БИБЛІОТЕКИ.
ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

4- [illegible] 1912

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ.

№ 16645 16951
49
ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

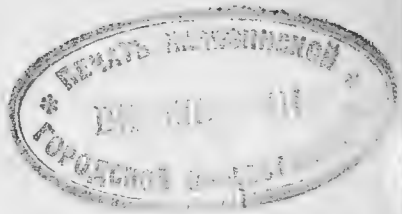
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, СПБ., Б. Подъяческая, 39.

4 - [illegible] 1912



№ 1664

ГОЛОДНАЯ ДЕРЕВНЯ [1].

(*Окончаніе*).

IX.

Героиня.

Еще школа, на этотъ разъ церковно-приходская. Длинная, узкая, черная изба, какъ будто самоварная труба. Какъ только умѣщается въ ней такое множество учениковъ!.. Впрочемъ здѣсь учатся въ двѣ смѣны. Одна смѣна сидитъ за партами, другая толпится въ сѣняхъ, дожидаясь очереди. Здѣсь мѣста никогда не остываютъ, словно въ дешевой ночлежкѣ.

— Школа у насъ,—говоритъ учительница,—если бы кто ее сжегъ, а на ея мѣсто построилъ бы новую...

На стѣнахъ вмѣсто пособій: Поученіе Іоанна Кронштадтскаго «О вредѣ піанства». Поучительно дѣтямъ... Портретъ архіерея. Бумажная икона: Богородица, пронзенная мечами, по три меча съ каждой стороны.

Въ школьной библіотекѣ книги:

1) «Жизненно-практическое значеніе вопроса о загробной жизни»... Въ голодное время, пожалуй, и подходитъ.

2) «Духовная свирѣль, собраніе кантовъ для пѣнія».

3) Тощая, нелѣпая брошюра:—«Вышиваніе по тюлю». Ей Богу, вышиваніе по тюлю. Я думалъ сперва, что эту брошюру прислалъ господинъ губернаторъ, помните, тотъ самый добрякъ, къ которому ѣздилъ съ визитомъ еще Павелъ Ивановичъ

---

[1]) См. іюнь, стр. 121.

Чичиковъ, но послѣ узналъ, что она осталась отъ прежней учительницы.

А въ видѣ учебника—книга «Сѣятель», изданіе Училищнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

— Дѣти, будемъ списывать этотъ образецъ для письма!.. Шурка, не ерзай, вотъ я тебѣ маклашку [1]) дамъ.

— «Дорогой дѣдушка, Ѳедотъ Ивановичъ! При первыхъ строкахъ моего письма я вамъ посылаю низкій поклонъ и всѣмъ сродственникамъ кланяюсь. Еще увѣдомляю васъ, что я лежу въ больницѣ. Случилась у меня бѣда, шестерней отдавило руку. Руку отняли. Теперь я буду плохой вамъ помощникъ. Видно такова воля Божія. А пишетъ за меня сестрица милосердная. Вашъ внукъ Семенъ Ѳедотовъ». (Стр. 51).

Унылые мотивы новѣйшаго русскаго письмовника, даже въ изданіи Святѣйшаго Синода. Учительница тоже унылая, съ сѣрымъ лицомъ, все кашляетъ и хватается руками за грудь.

— Чахотка у меня,—сообщаетъ она спокойнымъ тономъ.— Самая наша учительская болѣзнь...

Въ этой холодной черной трубѣ чахотка какъ будто летаетъ кругомъ на крыльяхъ сквозняка. А рядомъ въ селеніи Морша въ такой же церковно-приходской школѣ молодая учительница Авдотья Максимовна умерла отъ голоднаго тифа. Она занимала мѣсто помощницы и получала 10 рублей жалованья въ мѣсяцъ. Просто невѣроятно, что есть въ Россіи надъ Волгой и даже подъ Москвой такія мѣста и такіе оклады. Авдотья Максимовна была изъ бѣдной крестьянской семьи. Она посылала матери четыре рубля, а шесть рублей платила за столъ и квартиру. Хозяева попались такіе, которые все еще бились надъ своими «лошадиными дробями», стараясь уберечь ихъ отъ неминуемаго падежа. Шесть рублей уходили на покупку соломы и пыли отъ старыхъ отрубей. А люди питались кой-чѣмъ, по недѣлѣ не варили. Авдотья Максимовна стѣснялась говорить и только желтѣла да сохла. Въ результатѣ, какъ водится, тифъ и бугоръ на кладбищѣ.

Но когда ребятишки узнали, что Авдотья Максимовна кончается, они вышли на улицу, встали передъ дверью и завыли въ голосъ, съ горя, а можетъ быть, съ голоду. А на похороны пришла пѣшкомъ за сорокъ верстъ мать Авдотьи Максимовны и билась головою объ землю и вопила: «Голодомъ помремъ, голодомъ!»..

---

[1]) Маклашка—ударъ, съ татарскаго

Жалкія школы и жалкія учительницы... Но видно для каждаго правила найдется исключеніе. Такъ и въ Расхлѣбской губерніи въ Барагульскомъ уѣздѣ, въ селеніи Архиповкѣ, есть все-таки единственная школа—земская, правда, не церковно-приходская,—и единственная учительница, съ блескомъ, съ темпераментомъ, съ героическимъ лицомъ, совсѣмъ не подъ стать нашимъ посконнымъ трущобамъ и проселочнымъ узкимъ дорогамъ.

Про нее вживѣ сложилась народная легенда, чуть не эпосъ въ стихахъ, ибо она вела войну съ земскимъ начальникомъ и деревенскимъ кулакомъ и дошла до губернатора и выиграла тяжбу.

Это стихотворное произведеніе неизвѣстнаго автора явилось въ свѣтъ минувшей зимой и въ короткое время стало очень популярно во всемъ околоткѣ. Я приведу его съ нѣкоторыми сокращеніями, ибо въ полномъ видѣ оно мало уступаетъ длиною поэмамъ Гомера. Мой списокъ происходитъ отъ одного изъ молодыхъ крестьянъ, бывшихъ учениковъ героической учительницы. Я, впрочемъ, не берусь приводить его во всей красотѣ подлинной орѳографіи.

Поэма открывается описаніемъ продовольственныхъ операцій деревенскаго кулака, волостного старшины Ивахина:

1911-го года.
Онъ былъ Ивахинскаго рода.
Иванъ былъ названъ кулакомъ,
Но онъ остался дуракомъ.
Хлѣбомъ горькимъ насъ кормилъ,
Голодухою морилъ.
Стали глазъ ему тѣмъ колоть,
Онъ неподсѣванный сталъ молоть.
А наши уполномоченные люди
Жрутъ съ кулакомъ изъ одной они блюди.
Врешь ты, Иванъ Кулаковъ,
Нѣтъ теперя дураковъ,
Горькій хлѣбъ твой ѣсть не станемъ,
Мы къ начальству его представимъ.
Марью Николаевну мы заставимъ.

Далѣе идетъ описаніе подвиговъ учительницы Марьи Николаевны.

За такое важное дѣло
Марья Николаевна берется смѣло.
Марья Николаевна—молодецъ,
Скоро найдетъ тебѣ конецъ.

Прошло времени немного,
Сдѣлали въ міру тревогу.
Помолилась она Богу
И собралась въ путь-дорогу.
Пріустали у нихъ ноги
По этой грязной по дорогѣ.
Вотъ до Барагула они добились,
На машину они садились,
Къ губернатору явились.

Слѣдуетъ драматическая встрѣча героини съ губернаторомъ.

Первую дверь она отворила,
Лакею гостинецъ подарила.
Лакею гостинецъ угодилъ,
До губернатора онъ ее проводилъ.
Тутъ прошеніе она вручила
И отвѣтъ такой получила.
Онъ прошеніе прочиталъ
И съ досадою вскричалъ:
«Ну, мерзавцы, палачи,
«Посмотримъ ихъ горькіе калачи!
«Поѣзжай ты, душа, домой,
«А я пріѣду за тобой».
Вотъ пріѣхала она домой,
А народъ за ней толпой,
Не даютъ они ей покой.
И за эти двѣ недѣли
Пробили ей они всѣ двери.

Вѣнцомъ и заключеніемъ перваго отдѣла поэмы является торжественный пріѣздъ губернатора въ селеніе Архиповку:

Какъ у Марьиныхъ воротъ
Собирался хороводъ.
Губернатора ждалъ народъ.
Губернаторъ ѣдетъ, скачетъ,
А народъ весь стонетъ, плачетъ.
Вотъ къ крыльцу тройка подходитъ,
Марья Николаевна хоръ пѣвчихъ заводитъ,
Губернатора славословитъ,
Тутъ она передъ губернаторомъ
Обратилась за насъ съ рапортомъ.
За такую важную штуку
Онъ пожалъ ей правую руку,
Похвалилъ ея науку.

Часть вторая посвящается Степану Ивановичу Мотузову, крестьянскому ходоку:

Какъ Степану ходоку
Спою я пѣсенку таку,
Спою я пѣсенку прекрасну:
Попалъ въ холодну понапрасну.
Хоть самъ я это не видалъ,
Но впрочемъ отъ людей слыхалъ.
Въ холодну звѣрь его тащитъ,
На немъ шубонька трещитъ.
Волокомъ онъ его поперъ,
Потомъ замкомъ его заперъ.
Вотъ въ холодной онъ сидитъ
И въ окошечко глядитъ.
«Боже мой, Боже мой,
«Когда попаду теперь домой?
«Сидѣть буду до вечера,
«А ужинать мнѣ нечего».
Тутъ сосѣди увидали,
Марьѣ Николаевнѣ вѣсть подали.
Марья Николаевна такая,
Она милостивая какая,
Къ бѣднымъ, словно мать родная.
Краюху хлѣба подала,
Еще селедку принесла.

Въ самомъ концѣ неизвѣстный авторъ сообщаетъ о самомъ себѣ кратко и загадочно:

Писалъ добрый молодецъ,
У него есть мать-отецъ.
У него есть отецъ-мать,
И вамъ его не поимать.
33 года мнѣ отъ роду,
Не поймаете меня сроду.
Писалъ парень молодой,
Неженатый, холостой.
Я Архиповскій господинъ
Писалъ безъ товарищевъ, одинъ.
Съ товарищами писать, братцы, скверно.
Попадешь въ кутузку ты навѣрно.
Прошу васъ читать, меня не пытать.
Архиповскому Обществу.

Все описанное въ этой поэмѣ дѣйствительно имѣло мѣсто. И Степанъ Ивановичъ сидѣлъ въ холодной, и «Иванъ Кулаковъ», волостной старшина, поставлялъ своему другу и неоплатному должнику—земскому начальнику Попову, горькій хлѣбъ для выдачи крестьянамъ. И дѣтскій хоръ славословилъ губернатора передъ входомъ Архиповской школы.

Мало того: учительница Марья Николаевна организовала

изъ своихъ учениковъ потѣшную роту, не хуже земскаго начальника, Ивана Аристидовича Волло, о которомъ писано раньше. Впрочемъ, эта деревенская рота не имѣетъ ни игрушечныхъ ружей, ни даже описанія гимнастическихъ пріемовъ. Марья Николаевна сама изобрѣла всѣ учебные пріемы и сигналы и даже придумала особые трюки. Эффектнѣе всѣхъ—заключительный трюкъ: нырокъ черезъ голову въ снѣгъ. При этомъ поется изъ пѣсенки: «Лягушонокъ, скокъ-скокъ».

Когда полторы сотни ребятишекъ, построившись рядами, вдругъ принимаются кувыркаться въ сугробахъ черезъ голову, зрѣлище выходитъ живописное. Положимъ, иные «почти женихи» стыдятся, стоятъ.

Я понимаю, однако, что и славословящій хоръ, и потѣшная рота—все это житейская необходимость. Есть такое явленіе «мимикри» въ мірѣ животныхъ, защитная окраска безсильныхъ противъ нападенія сильныхъ, зоологическій маскарадъ.

Наша деревня находится нынѣ подъ властью утробныхъ инстинктовъ и хищныхъ нападеній, и каждое живое движеніе души, каждая крупица человѣческаго чувства нуждается въ защитной окраскѣ, больше чѣмъ нѣжныя крылья бабочки Papilio Megore.

Но даже и эта покорная защита, подсказанная жизнью, не очень охраняетъ. Я, напримѣръ, отнюдь не считаю побѣду Марьи Николаевны надъ Иваномъ Кулаковымъ окончательной и прочной, хотя онъ лишился своего мѣста и даже угодилъ подъ судъ. Помимо начальства, Иванъ Кулаковъ склоненъ прибѣгать и къ домашнимъ средствіямъ.

— Онъ подсылалъ человѣка мнѣ окна бить,—разсказывала Марья Николаевна,—и ворота дегтемъ мазать, да наши деревенскіе сказали, что ребра тому поломаютъ...

Я видѣлъ этихъ деревенскихъ хранителей порядка. Все это, конечно, бывшіе ученики Архиповской школы. Школа стоитъ на отшибѣ, и Марья Николаевна живетъ одна, даже безъ сторожа.

— Какъ вы не боитесь,—спрашивалъ я.

— У меня есть револьверъ,—сказала Марья Николаевна, впрочемъ, не очень увѣренно, и показала старый престарый Лефоше, безъ курка и, кажется, безъ дула. За то мимо оконъ прошли два здоровенные парня съ дубинами въ рукахъ, дошли до угла, вернулись и даже постукали палкой о плетень на страхъ возможному врагу.

— Ребята, подите сюда,—позвала Марья Николаевна.—Нервы мои издергались,—призналась она.—До того дохожу,

что не могу оставаться одна. Люди должны быть возлѣ меня...

Ребята вошли, сѣли поодаль на лавкѣ и молча смотрѣли на Архиповскую героиню. Глаза ихъ были широко открыты, и лица какъ будто высѣчены изъ мрамора.

— Вотъ, мнѣ кажется все, будто меня извести собираются,—сказала Марья Николаевна.—Отравятъ сулемой или домъ подожгутъ...

Лицо ея искривилось странной, болѣзненной судорогой. Видно, борьба съ Ивахинымъ и его приспными давалась ей не легко.

— Доносы пишутъ на меня, но ихъ, слава Богу, не слушаютъ. Грязнѣйшіе доносы. Но я, какъ женщина, далека отъ политики,— только хочется крестьянамъ пользу приносить. Объ этомъ никто вѣдь не думаетъ. Бывшій земскій начальникъ, до нынѣшняго злого, правда, какъ старый народникъ, стремился приносить пользу народу и даже такъ говорилъ про себя: «Чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ человѣчнѣе». Но только онъ горькую пилъ,— наивно прибавила она.

— Э, все это пустяки!..—Марья Николаевна тряхнула головой.—Вотъ приходите къ намъ въ общество, посмотрите народъ...

Она говорила объ обществѣ трезвости, которое основалось въ Архиповкѣ съ прошлаго года. Рядомъ съ нимъ существовалъ еще десятокъ учрежденій и затѣй. «Кредитка», чайная и при ней библіотека, конечно, въ карманныхъ размѣрахъ, вечерніе курсы и чтенія съ туманными картинами и даже спектакли для взрослыхъ и вечера для дѣтей съ раздачею гостинцевъ. Марья Николаевна повсюду была основательницей, а въ «Кредиткѣ» предсѣдательницей правленія и вмѣстѣ ревизіонной комиссіи, хотя второе противорѣчитъ первому.

Не менѣе энергичную дѣятельность она проявляла и въ собственной школѣ. Я попалъ въ Архиповскую школу на урокъ такъ называемаго «хорового чтенія». Стѣны школы вмѣсто пособій были увѣшаны манифестами 19 февраля, по поводу недавняго пятидесятилѣтія. Даже въ этихъ печатныхъ обояхъ сказывалось возможное свободомысліе, тѣмъ болѣе, что манифесты были Сытинскаго изданія, а не отъ клуба націоналистовъ. Дѣти весело шумѣли, какъ пчелы въ ульѣ. Можетъ быть, это проистекало оттого, что они только что получили горячій завтракъ: пшенную кашицу, съ кускомъ пшеничнаго хлѣба. Ибо Марья Николаевна, одна изъ немногихъ Расхлѣбскихъ учительницъ, съ

самаго начала съумѣла отвоевать у мѣстнаго земства школьную столовую.

— Улей подкормишь,—сказала она въ объясненіе,—и то загудитъ.

— Ну, дѣти, кто будетъ читать?

И школьники подняли руки.—Я буду—«Птичку»!.. Я—«Проказницу Мартышку»!.. Я—«Дядюшку Якова»!..

Всѣ стали читать разомъ вслухъ, кто во что гораздъ. Но скоро «Дядюшка Яковъ» побѣдилъ остальныхъ. Они читали хоромъ, скандируя, и даже притопывали въ тактъ, а если кто ошибался, другіе стучали объ столъ, и выли поправку, и даже угрожали ему кулакомъ.

Вечеромъ я угодилъ и въ трезвенное общество. Въ немъ, шутка сказать, 240 членовъ. Оно подавало недавно прошеніе о закрытіи винной лавки въ селеніи Архиповкѣ, но не получило никакого отвѣта, даже отрицательнаго. Въ ожиданіи его общество пытается бороться съ алкоголемъ силою музыки, подобно Орфею, укрощавшему вакхантовъ.

Марья Николаевна сидѣла за столомъ съ камертономъ въ рукахъ. На лавкахъ кругомъ сидѣло человѣкъ тридцать трезвенниковъ разнаго возраста, вплоть до сѣдыхъ стариковъ. Они закрывали глаза и съ увлеченіемъ пѣли, стройно и разнообразно, съ подголоскомъ, и «второй», и терціей».

— Ужъ я ихъ на всѣ голоса учу,—сказала Марья Николаевна,—и басомъ, и альтомъ, и теноромъ. Свой голосъ сорвала...

— Ну-ка ребята! Do-mi-sol...

Въ деревнѣ мы жили, метелки вязали,
Метелки вязали, въ Москву посылали.
Въ Москву посылали, рубли получали,
Вино покупали, гуртомъ выпивали...

— Что же это,—полюбопытствовалъ я,—развѣ это трезвенная пѣсня?

— Нѣтъ, не трезвенная, а самая, что ни на есть, пьяная. Пускай поютъ, и помнятъ, и казнятся...

Прямо предо мной сидѣлъ молодой парень съ рябымъ и широкимъ лицомъ, съ серьгой въ ухѣ, жилистый, сухой, съ виду, должно быть, изъ тѣхъ, про кого и въ частушкѣ поется:

Мы ребята-ежики,
По карманамъ ножики,
По двѣ гири на вѣсу,
Револьверъ на поясу.

Глаза его были закрыты, а ротъ широко открытъ, и по лицу расползлась блаженная улыбка, не знаю, отъ музыки или, быть можетъ, отъ словъ.

— Ну-ка, другую,—сказала Марья Николаевна.

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги-матушки широкой,
Ради вольности высокой,
Собралися мы сюда...
. . . . . .
Первымъ счастьемъ будь вино,
И счастливо и пьяно.
Вино!.. Вино!.. Вино!!!

Даже стѣны дрожали отъ этого звучнаго вопля. Марья Николаевна, видимо, хотѣла примѣнить новый воспитательный пріемъ, замѣнивъ вредную реальность художественной стилизаціей. Но все-таки, какъ отличить безъ спеціальныхъ указаній этихъ ненавистниковъ вина отъ поклонниковъ вина?..

Пѣніе окончилось.

— Пойдемте въ библіотеку,—предложила Марья Николаевна.

Библіотека помѣщалась въ чуланѣ на двухъ полочкахъ.

— Не знаю, что имъ давать,—жаловалась Марья Николаевна.— Ученыя даю, не хотятъ, говорятъ: «скучно». Земледѣльческія бросаютъ. Другіе даже смѣются. «Чего онъ понимая?»—Дѣйствительно, она показала мнѣ брошюрку министерскаго изданія, на третьей страницѣ которой я наткнулся на слѣдующее сообщеніе: «500 куръ въ 1 день отлично очищаютъ отъ всѣхъ насѣкомыхъ цѣлую десятину сада съ яблонями, грушами и вишнями». Это, конечно, было похоже на знаменитое мѣсто въ разсказѣ у Твена: «Теперь, когда гусаки начинаютъ метать икру».

— Сказку они хотятъ,—продолжала Марья Николаевна,— что-нибудь яркое, необыкновенное. О своей жизни ни за что не желаютъ читать и тоже смѣются:—«Вретъ онъ, дуракъ». Любятъ они Ната Пинкертона и всякую чертовщину, напримѣръ «Пещора Лиліенхфейста»,—такъ и напечатано въ заглавіи съ двумя опечатками,— «Дѣвица Вампиръ», «Орлеанскіе Пираты». Скажите, какъ ихъ привлечь къ чему-нибудь мѣстному, здѣшнему?

И я не зналъ, что ей отвѣтить.

— Недавно просили такую книжку, чтобы жалобы писать,— припомнила она.—Я, знаете, у нихъ за адвоката, волей неволей. Бумаги пишу, хоть не очень умѣю...

— Скажите мнѣ что-нибудь на прощаніе,—попросила Марья Николаевна.

— Вышибутъ васъ отсюда вмѣстѣ съ бумагами,—сказалъ я въ простотѣ своего сердца, но не весьма осмотрительно.

Она не огорчилась.

— Пускай вышибаютъ, не жалко. Я учиться поѣду въ Москву...

Русская деревня выжимаетъ изъ себя, какъ гидравлическимъ прессомъ, все яркое, талантливое, и оно поднимается вверхъ, какъ масло изъ воды и сплываетъ въ сторону, стекаетъ въ города и столицы.

А деревня остается раздавленной, и сѣрой, и сухой, какъ конопляный жмыхъ, который годится лишь свиньямъ на кормъ. Свиньи ѣдятъ, не робѣютъ.

Въ будущемъ году—быть ли, не быть Ивану Кулакову опять старшиной.

X.

Искатели.

Осада смиренная, почтительная, чуть не на колѣняхъ, но все же неотступная. Сѣни и кухня полны народомъ, и у каждаго вмѣсто оружія бумага въ рукахъ:

«Его Высокопревосходительству, господину разслѣдователю народонаселенія нуждающихъ въ продовольствіи по случаю сильнаго голода, ПРОШЕНІЕ».

А о чемъ просятъ, тому слѣдуютъ пункты. Кто проситъ хлѣба: дѣтишки голодаютъ; кто — старыхъ обносковъ: дѣтишки раздѣтыя; кто—сѣмянъ для посѣва, лошадь, корову, плугъ, борону...

Господи, какъ они жили до сей поры? Неужели вся ихъ надежда осталась только на какихъ-то сторонніхъ, случайныхъ, проѣзжающихъ мимо людей?..

Скоро ужъ полночь. Надо же намъ когда-нибудь и спать. Кое-какъ отвязались, спровадили, насулили съ три короба. Еще впереди «колосистые» дни въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Можетъ быть, малая толика перепадетъ и на долю этихъ голодныхъ и голыхъ людей.

Спать, спать!.. За стѣною храпятъ отецъ Алексѣй Черноводовъ, матушка, двѣ дочери епархіалки, работница, работникъ.

Крѣпко спятъ деревенскіе батюшки... Ужъ я говорилъ одному шутя: «Батюшка, обѣдню проспите». И онъ отвѣтствовалъ, также шутя: «Что жъ дѣлать, голодное время. Голодный человѣкъ сномъ Богу молится.»

Надо, однако, бумаги убрать передъ сномъ. Не то попадья, пожалуй, утащитъ какой-нибудь листочекъ, чтобъ подостлать подъ подовый пирогъ въ горячей печи, какъ вышло сегодня поутру. «Для васъ вѣдь пекла»,—сказала съ упрекомъ Матрена Сергѣевна. И я же остался виноватымъ.

Было бы все-таки жаль растерять эти голодныя, сѣрыя, безграмотныя просьбы. Межъ ними попадаются трепещущія жизнью, дрожащія наивными слезами:

«Похожу, погляжу, какъ людямъ выдаютъ и «комитетъ», и отъ «Краснаго Креста», то люди съ хлѣбомъ идутъ, а я со слезами. И пойду къ старостѣ и къ старшинѣ, и они все, знай, отказываютъ, — что ты сторонній, ненужный, батракъ, — хочь пропадай. Но ежели и вы этакимъ признаете и не окажете помощи, врученной вамъ свыше, то и мнѣ чего-нибудь не миновать. Тогда, можетъ быть, я буду достоинъ того, и грѣха своего во вѣкъ не изглажу. Потому что малыя дѣти и не понимаютъ, что нѣту, и кричатъ: «Давай!» И не стерпишь, ругаешься и бьешь и сдѣлается тошно, бѣлому свѣту не радъ».

Скрипъ, скрипъ, скрипъ... Снѣгъ скрипитъ. Кто-то опять заходилъ подъ окнами, топчется на мѣстѣ нерѣшительно и вмѣстѣ упорно.

Тукъ, тукъ... Таинственный стукъ.

— Кто тамъ еще? Войдите, если вамъ надо!..

Входятъ двое, высокій и низкій, оба въ лаптяхъ и въ полушубкахъ. Встали на порогѣ, молчатъ, а шапки подъ мышкой,—и глядятъ исподлобья такимъ страннымъ, вопросительнымъ, почти заговорщицкимъ взглядомъ.

— Ну, что скажете?

Молчатъ.

— Да ну, что же вамъ нужно? Говорите, не тяните...

— Ш-ш!..

Высокій дѣлаетъ шагъ впередъ, вытягиваетъ шею и шипитъ, какъ гусь. Потомъ недовѣрчиво оглядывается по сторонамъ.

Какъ это странно и какъ необычайно!.. Конспирація въ этой далекой забытой деревнѣ, да еще въ самомъ поповскомъ домѣ. Изъ-за перегородки густою скептической нотой доносится храпъ отца Алексѣя, словно возражаетъ этому шипящему гусю.

— Ну, будетъ ломаться. Что надо? говорите!..

— А вы намъ откройтесь, — возражаетъ высокій просительно и вмѣстѣ съ упрекомъ въ голосѣ.

— Какъ это откройтесь?—вспыхиваетъ мой спутникъ.

— Кто вы такіе, отколѣ, зачѣмъ...

Лицо моего спутника принимаетъ выраженіе привычнаго терпѣнія. И опять начинается лекція:—Жертвенный хлѣбъ, бѣдные люди собрали по копѣйкамъ... Не ссуда, безплатно, безвозмездно...

Высокій въ лаптяхъ нетерпѣливо машетъ рукой:

— Будя, слыхали!.. Нѣтъ, вы намъ откройтесь взаправду, отколѣ вы посланы... Мы такъ полагаемъ, что вы генералы,— выпаливаетъ онъ неожиданно въ упоръ,—отъ самого вышняго правительства.

Тьфу ты пропасть!.. Что, побожиться ему или ругнуться покрѣпче?

Нечего сказать, нашелъ генераловъ!..

— Касательно 12-го года...

— Дался вамъ 12-й годъ...

На сцену выступаетъ другой, низенькій. Онъ весь оброслъ жесткимъ волосомъ, какъ ежъ.

— А, можетъ, вы изъ такихъ, изъ студеныхъ?

— Какіе студеные еще?

— Студеные, бастовочные...

Только подумать!.. Они явились сюда рука объ руку въ полночной тишинѣ и ищутъ, одинъ—переодѣтыхъ генераловъ, другой—«бастовочныхъ студеныхъ». Имъ нуженъ *Deus ex machina,* внѣшняя таинственная сила, сверху или снизу, не все ли равно. Характерныя надежды русскихъ придавленныхъ душъ, ученыхъ и полуученыхъ и даже совсѣмъ неученыхъ. Ученые надѣются на массы, на новый соціальный референдумъ, а массы ожидаютъ переодѣтыхъ генераловъ, съ Олимпа или хотя бы съ Ахеронта. «Сила внѣ насъ»—это всеобщій девизъ.

— Что пишутъ насчетъ забастовки въ газетахъ? — спрашивалъ низенькій ежъ также въ упоръ, какъ шипящій любитель генераловъ.

Сакраментальная формула, и еще непремѣнно «въ газетахъ». Но въ этомъ селѣ, какъ на грѣхъ, даже отецъ Алексѣй Черноводовъ не получаетъ газеты. Можетъ, они еще и не видали газеты.

— Касательно 12-го года...

— Да что ты, въ умѣ ли?

Какъ знать, быть можетъ, его подослали.

Ежъ поднимаетъ голову и глядитъ насторожившись.

— Ты знаешь, что за это бываетъ?

Ежъ усмѣхается двусмысленно и злобно.

— Мы собственно насчетъ усмиренія...

— Какое усмиреніе?..

— Мы, видишь, въ солдатахъ служили,—говоритъ ежъ,— а теперь разсолдатились... Да ты не сумлѣвайся, оба служили. Я, напримѣръ, во флотѣ, а энтотъ въ пѣхотѣ. — Онъ киваетъ головой на высокаго. — Я много городовъ наскрозь прошелъ. Такъ, можетъ, будетъ, война, усмиренія, или чего, и вызовутъ насъ.

— Да ты кого усмирялъ?

— Я усмирялъ Потемкинъ Таврическій.

Что за фигура...

— А, можетъ, ты бунтовалъ на Потемкинѣ?

Онъ опять усмѣхается и качаетъ головой.—нѣтъ, молъ! А высокій снова начинаетъ:

— У насъ въ ротѣ былъ человѣкъ тайный, да намъ не совсѣмъ открывался, а только такъ говорилъ, что сколь много солдатъ безземельныхъ. Слышно было, онъ знаки имѣлъ, орленые знаки, да намъ на показывалъ.

Фантасмагорія въ лаптяхъ.

— Вотъ что, ребята, шли бы вы лучше домой, да спать ложились. Не о чемъ намъ съ вами разговаривать.

— Что жъ, мы пойдемъ!..

Высокій чешетъ въ затылкѣ, а низенькій ежъ бросаетъ послѣднюю злую усмѣшку и поворачивается къ двери.

Эти деревенскіе искатели всегда почему-то приходятъ вдвоемъ, какъ аисты и лебеди.

Интереснѣе этой четы конспираторовъ были два ходока изъ села Башмаковки, Бѣляковъ и Жевахинъ.

Они явились сегодня подъ вечеръ съ какимъ-то ручнымъ тюфякомъ, набитымъ бумагами; поздоровались и сѣли на лавкѣ. Оба были степенные, чисто одѣтые, съ особой крестьянской выдержкой въ каждомъ движеніи и жестѣ.

Голодные просители входили и снова выходили. А Бѣляковъ съ Жевахинымъ молчали и сидѣли, какъ зрители.

— Ну, вы что скажете?,—обратился къ нимъ наконецъ мой спутникъ.

— Мы не голодные?—отвѣтилъ Бѣляковъ спокойно,—намъ не надо пайка.

Мнѣ послѣ, дѣйствительно, сказали, что оба они зажиточные

люди. У каждаго «плугъ» верблюдовъ, лошади, овцы, коровы, большіе ометы старой соломы на кормъ для скота. И въ это голодное время они продавали солому частями другимъ односельчанамъ.

— Ну, что же вамъ нужно?

— Ты нашему горю не поможешь.

Бѣляковъ задумчиво приподнялъ вязанку своихъ документовъ.

— Развѣ въ газетахъ напишешь. Такъ мы уже подавали.

— Куда подавали?—спросилъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Этотъ спокойный скептическій тонъ звучалъ необычною нотой среди всеобщаго легковѣрія и торопливой жадности.

— Просьбу подавали, въ Губернское Присутствіе, — отвѣтилъ Бѣляковъ,—да въ Вѣдомостяхъ потомъ пропечатали, подавали главному писателю Мохрову, Ивану Ивановичу.

Это знакомое имя относилось къ редактору довольно извѣстной и многострадальной газеты: «Расхлѣбскія Вѣсти».

— Мѣсто наше глухое,—заговорилъ Бѣляковъ.—Куда и воронъ костей не заноситъ. А теперь наше село Башмаковка поизвѣстнѣе стало.

— Да вы кто будете?—спросилъ спутникъ мой и даже придвинулся ближе.

— Мы будемъ ходатели,—объяснилъ Бѣляковъ,—ходимъ касательно разныхъ дѣловъ. А если по ученому сказать: аргитаторы начальства.

— Что, агитаторы?..

— Не слухай ты его,—внезапно отозвался Жевахинъ, какъ дудочка, высокимъ теноркомъ.—Это отъ старосты Фирса пошло, да отъ земскаго начальника Клочкова. А кто жъ его знаетъ, что оно такое: аргитаторъ...

— Ну да,—подтвердилъ съ своей стороны Бѣляковъ,—староста Фирсъ уходить не хотѣлъ, а мы его уволили силкомъ. И земскій начальникъ насъ въ тюрьму хотѣлъ посадить. Написалъ губернатору про насъ, что мы аргитаторы начальства и бунтовщики. А мы подавали телеграмму, предводителю дворянскому, и онъ пріѣхалъ до полудороги въ Ольховку, а мы выходили на встрѣчу и вынесли ему семь документовъ, то мы доказали ему. А то написали про насъ, что мы возмутители, ѣздимъ будто по всякой Европѣ и возмущаемъ народъ.

— А какіе документы?—полюбопытствовалъ мой спутникъ.

— Документы вотъ,—сказалъ Бѣляковъ,—Богъ съ ними, много ихъ.

Онъ сунулъ руку въ тюфякъ и вытащилъ листокъ, написанный по формѣ, за печатью. А въ заголовкѣ было выведено ровнымъ писарскимъ почеркомъ: Вѣдомость неправильнымъ приходамъ и расходамъ, произведеннымъ въ Башмаковскомъ сельскомъ управленіи за 1910 годъ.

— Писарь изъ книги списалъ,—пояснилъ Бѣляковъ.

— Дайте посмотрѣть.

Мы стали разсматривать ихъ документы. Чего тутъ только не было.

Вѣдомость неправильныхъ приходовъ и расходовъ: изъ году въ годъ, лѣтъ за 20. Повидимому, это была прочно установленная графа въ отчетныхъ книгахъ сельскаго правленія.

Сдано Кузнецову земли изъ общественныхъ на годъ .	1500 руб.
да Фишерову на годъ	1400 руб.
Черевкову 350 десятинъ по 10 р. 5 к. . . .	3500 руб.
Въ то число дадено 30, додано Клочкову 25, выдано 10, еще дано 80, сахаръ и масло 15, Святого Алексѣя Престолъ—430 рублей, сторожу 2 р. 30 копѣекъ.	
Въ продовольственну ссуду	3212 руб.
Итого остается	7 р. 4 к.

16951

Хотя при подсчетѣ прихода и расхода, даже по этимъ нелѣпымъ или двусмысленнымъ цифрамъ должно бы остаться все-таки двѣ тысячи слишкомъ рублей.

Меня поразило еще разнообразіе формъ глагола давать: дадено, выдано, додано, дано. Видно, этотъ глаголъ усиленно разрабатывается въ сельскихъ управленіяхъ и прочихъ инстанціяхъ.

Списокъ украденныхъ денегъ: Фирса Цвѣткова 22 руб., Ивана Цвѣткова 15 руб., Матвѣя Фирсова шурина 11 руб. и еще именъ двадцать, такъ же кратко и странно указанныхъ и нельзя разобрать, у нихъ ли украдены деньги, они ли сами украли.

И прочая и прочая, все въ томъ же родѣ и безъ всякаго конца.

— А правда, что вы бунтовщики?—спросилъ шутливо мой спутникъ.

— Бунтовщики по закону,—отвѣтилъ Бѣляковъ.—Мы желаемъ спрямить законъ. Какой есть, такой пусть и стоитъ, хорошій, худой. Пусть не шатается вправо и влѣво, какъ пьяный...

Это были какія-то новыя чувства, англійскія мысли въ русской бытовой оболочкѣ, словно нить протянулась отъ стараго упрямца Гемпдена до этого новаго любителя законовъ въ нагольномъ полушубкѣ.

Мнѣ вспомнилось кстати крестьянское общество «за-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

коннаго сопротивленія начальству», которое я встрѣтилъ года четыре назадъ въ той же Расхлѣбской губерніи уѣздомъ повыше. Впрочемъ, все сопротивленіе состояло въ томъ, что крестьяне не платили штрафовъ, наложенныхъ административно, и засиживали ихъ въ тюрьмѣ.

Мужицкіе любители законовъ противъ мундирныхъ отцовъ циркуляра и героевъ усмотрѣнія!.. Партія слишкомъ неравная нынѣ. Можетъ быть, шансы сравняются больше лѣтъ черезъ 5 или 10...

— Ну-ка, разскажите, какъ вы бунтовали по закону...

— Разно выходило,—сказалъ Бѣляковъ съ невольнымъ вздохомъ.—Къ примѣру продовольственная ссуда. Сколько за кѣмъ недоимки, никакъ неизвѣстно. Почемъ продовольствіе, тоже неизвѣстно. Есть черновыя на списки пудовъ, а цѣновъ не написано. Во сколько хотятъ, во столько и цѣнятъ. Книги ведутъ—въ лицевомъ счетѣ одни цифыря, въ корешкахъ другіе, а въ квитанціяхъ третьи. Куплено съ фальшей, собрано съ фальшей, фальши на фальшахъ...

— Съ меня, напримѣръ, написано 92 рубля, а у меня на рукахъ квитанціи. Нигдѣ не записаны и опять плати. Такъ и течетъ отъ насъ, какъ вода...

— По моему разсчету я взялъ на сто рублей, а заплатилъ въ счетъ того 92 рубля, и теперь значится за мною опять 92 рубля. Будто на смѣхъ. Тутъ я сказалъ старшинѣ:—«Не дамъ. Что же съ меня одного этакая сумма?» Пришелъ старшина съ понятыми, сталъ двери ломать и замки разбивать. Вывели лошадь... Тогда мы подали просьбу въ губернское присутствіе, чтобъ намъ копіи выслали съ книгъ. А они намъ отвѣтили, что наймите писаря и сами спишите. Нѣту для васъ писарей. Мы въ задоръ вошли, пріѣхали, наняли. Они говорятъ, что стола для васъ нѣтъ. Найдите себѣ квартиру и возьмите списки домой. Наняли квартиру. Явились въ Контрольную Палату, стали справляться о перерасходахъ сельскаго старосты, тутъ насъ чуть не оштрафовали. «Вы почему ищете? Вы не потеряли. Пусть ищетъ, кто потерялъ». Но мы съумѣли оправдаться. «Общество наше потеряло. Мы тоже изъ общества».

Нельзя сказать, чтобъ это стремленіе къ законности въ данномъ случаѣ увѣнчалось особымъ успѣхомъ.

— Да развѣ вы не можете старосту учесть?—спросилъ мой спутникъ.

— Было, учитывали, 11 разовъ... И столько же разовъ онъ насъ со съѣзжей взашеи выталкивалъ. Жирный, здоровый

Видали вы его!... Тогда и собрали сходъ и вышибли старосту силкомъ. Новаго выбрали, Котельникова, а меня кандидатомъ по старостѣ. Старостѣ окладу полтораста, писарю—триста, а кандидату хотѣли на Масляну сдѣлать изъ чурочки рыбу,—пусть онъ ее поваритъ, поваритъ, да въ рукахъ повертитъ, да положитъ въ котелъ.

— Котельниковъ тоже укралъ 1000 рублей продовольственной ссуды. Станутъ учитывать, а онъ у того перехватитъ 100, у того 150: весь счетъ сойдется, а послѣ учета раздастъ. Тутъ мы напали на него и всѣ эти деньги отобрали и вложили въ ящикъ. А тѣ заемщики съ кольями пришли: «Подавай наши деньги, не то разнесемъ и старосту, и сборню. Да и вамъ не сдобровать»... Стали опять выбирать новаго старосту. А онъ тоже укралъ изъ общественныхъ сдачъ полтысячи рублей...

Это было, какъ сказка про бѣлаго бычка. Кого ни выбери, все равно украдетъ.

— Это все присказка,—сказалъ Бѣляковъ,—а сказка теперя пришла, какъ вышли отруба...

И снова началась спокойная, медлительная повѣсть:

— Фескинъ да Мыльниковъ отбили у насъ часть общества, всю бѣдноту, 284 души, а всѣхъ нашихъ душъ будетъ поболѣ 700. Фескинъ надѣлы скупаетъ, хитрый такой,—была потребительная лавка, далъ отступного 200 рублей, къ нему перешла. Сталъ на ухо шептать голышамъ: «Отобьемся отъ нихъ. Они васъ затѣсняютъ. Повинности—на васъ, а сдаточны деньги дѣлить, такъ вамъ не достанется части. Станемъ особѣ, составимъ общество, я буду вамъ старостой». Они согласились и написали бумагу на выдѣлъ, на дальнее поле. Мы тоже дали согласіе. А Фескинъ привелъ землемѣра, и взяли любую землю, подъ самымъ селомъ, крестомъ провели, четыре пруда проточной воды.— Тутъ мы было шумнули. А они съѣздили за стражниками, четырехъ привезли, да такъ и отрѣзали весь край на 20 верстъ, поперекъ всей дороги.—Наши закричали: «Не дадимъ!.. Развѣ они насъ завоевали, отрубщики эти, больше заслужили у отечества? Мы что же, снулые были, крови не проливали?.. Теперь прольемъ!..» А я имъ говорю: «На что вамъ кровь проливать? Дайте мнѣ лучше довѣренность, поѣду хлопотать, можетъ, и охлопочу». Тутъ они усмирились, говорятъ: «Въ крайности такъ хлопочи, что пусть лучше правительство всю эту землю отберетъ, а деньги вернетъ. А потомъ пусть надѣлятъ. Мы будемъ оброки по прежнему платить».— «Пусть такъ», говорю.—Собрались, поѣхали къ земскому, вотъ съ этимъ товарищемъ. А земскій только услыхалъ, такъ и завопилъ

истошнымъ гласомъ: «Мои—отрубщики!.. Гоните его въ шею»!.. Жевахинъ-то голову сунулъ, такъ ему чуть десятникъ голову дверью не оторвалъ.

— Прежде ходили, молили,—вмѣшался Жевахинъ также неожиданно,—«смягчи, Господи, сердце начальничье», а теперь и молить перестали. Каждый начальникъ—все равно стѣна, и слухать не хотятъ.

— Поѣхали въ городъ,—продолжалъ Бѣляковъ,—а намъ говорятъ: «Покиньте вы лучше это дѣло». И Фескинъ выдѣлилъ свои надѣлы къ одному мѣсту, природные и покупные,—помѣщикъ помѣщикомъ,—тоже въ городъ пріѣхалъ къ самому архіерею отъ отрубщиковъ. «Желаемъ по дальности мѣста устроить монастырь». И землю отвели. Годъ мы провели съ ними. 200 рублей расходовъ. Общество стало роптать: «Старые сколько украли, а новые уполномоченные тоже не оказываютъ толку». Кто говоритъ: «Отступитесь». А уже отступиться нельзя. Къ слѣдствію требуютъ насъ, подъ судъ подвели.

Бѣляковъ замолчалъ и задумался. Онъ думалъ долго и тяжко, потомъ поднялъ голову и посмотрѣлъ неувѣреннымъ взглядомъ. Въ его мозгу шевелилась новая мысль.

— Что я спрошу васъ,—заговорилъ онъ.—Можно ли куда жалобу подать на наши законы?

— Можно по суду,—сказалъ мой спутникъ,—сперва въ Палату, потомъ въ Сенатъ.

— А по иному какъ?—возразилъ Бѣляковъ съ тѣмъ же сомнѣніемъ въ голосѣ.—Если вездѣ проиграемъ, кому же подать?.. Вонъ, говорятъ, за-границей порядки другіе. Нельзя ли подать за-границу?

— За-границу нельзя,—солидно объяснилъ мой спутникъ.

— А если всемірному братству подать?—спросилъ Бѣляковъ.

— Какому всемірному братству?..

— Былъ слухъ такой, что ширится мирное братство, всѣхъ государствъ на землѣ общнѣе и выше.

Это, кажется, былъ далекій крестьянскій отголосокъ гаагской конференціи и Лиги Всеобщаго Мира.

— Господу Богу подать на небеса,—воскликнулъ Бѣляковъ, съ сплой и горечью.

— Да видно ему не въ доглядъ, какъ мы на землѣ болтаемся...

Видишь, чего захотѣлъ: законы спрямить...

XI.

Сварливые.

Докторъ Кузьминскій извѣстенъ во всей Расхлѣбской губерніи. Онъ родился и выросъ въ селеніи Ромжѣ, но бурные годы вышибли его съ насиженнаго мѣста и бросили въ городъ, какъ многихъ другихъ. Впрочемъ, связи его съ деревней ничуть не уменьшились, и въ голодной кампаніи онъ принималъ самое живое участіе.

Мнѣ говорили о немъ мужики въ Барагульскомъ уѣздѣ: —Григорій Андреичъ такой человѣкъ, онъ отъ своего тѣла кусокъ оторветъ, да намъ сунетъ, лишь бы не плакали.

Мнѣ также извѣстно, что въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца изъ Ромжи въ Расхлѣбскъ за 120 верстъ является телѣга и прямо къ Кузьминскому. Онъ нагружаетъ ее хлѣбомъ, мукою, пшеномъ, такъ чтобъ хватило на двѣ семьи, человѣкъ на 10, прибавляетъ еще сахару, чаю и сала и постнаго масла и отправляетъ обратно. Это его собственный даръ бывшимъ деревенскимъ сверстникамъ.

Докторъ Кузьминскій человѣкъ жизнерадостный и бодрый, но сегодня поутру онъ явился ко мнѣ съ нахмуреннымъ лицомъ и показалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Вашему Благородію, Григорію Андреевичу Кузьминскому. По приказанію вашему я сдѣлалъ такъ и выключилъ двухъ ѣдоковъ изъ списка, а на ихъ мѣсто написалъ новыхъ и тѣмъ нажилъ себѣ большую бѣду. Теперь мнѣ на улицу нельзя показаться. Каждый плюетъ на меня. Отъ собакъ можно отбиться. А отъ своего брата какъ отобьешься... Резоновъ не принимаютъ, срамятъ, клянутъ, грозятъ. Сулилъ имъ дать отступного, отъ себя самого, пуще того обозлились. Если выключить этихъ двоихъ по вашему распоряженію, тогда мнѣ будетъ смерть, ей Богу, смерть. Отставьте меня, ради Бога, отъ уполномоченныхъ. Я не могу, силъ моихъ нѣтъ. А хуже всѣхъ насѣдаетъ тая гадюка, Яковъ Лисенко.

Несчастный уполномоченный вашъ съ Пехлеванскаго хутора, Павелъ Пудякъ.

— Знаете, что! Поѣдемъ на эти хутора,—предложилъ мнѣ Кузьминскій.

Ему предстояло сдѣлать поѣздку въ глубь Барагульскаго уѣзда по особому дѣлу. Только что состоялось соглашеніе съ земской управой, и Общество Охраненія Народнаго Здравія вошло въ составъ Всеобщаго Земскаго Комитета. Губернская администрація поставила это непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго существованія столовыхъ. Теперь доктору Кузьминскому предстояло сдѣлать объѣздъ Барагульскаго уѣзда, можно сказать, безъ лицъ въ двухъ лицахъ, въ двойственномъ видѣ представителя Общества О. Н. З. и уполномоченнаго Земскаго Комитета. Онъ долженъ былъ передать столовыя общества отъ себя самого изъ лѣвой руки въ правую.

Почти половина этихъ столовыхъ по необходимости была устроена въ хохлацкихъ [1]) поселкахъ. Въ разныхъ концахъ Расхлѣбской губерніи разсѣяны эти поселки тавричанъ, херсонцевъ, кіевлянъ, полтавцевъ и азовцевъ. На земляхъ крестьянскаго банка, на земляхъ башкирскихъ и владѣльческихъ, группами, и хуторами, и отдѣльными отрубами, съ уплатой высокой цѣны, постоянно вздуваемой, на самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ,— хохлы-новоселы согласны на все, лишь бы добраться до отрѣзка въ 15 десятинъ, который по мѣркѣ полтавской и кіевской дѣлаетъ крестьянина если не панамъ, то все же хоть «полупанкомъ».

Мѣстами собрались цѣлыя цѣпи поселковъ, по дюжинѣ, и больше. Русскіе сосѣди относятся къ хохламъ по разному. Въ одномъ углу говорятъ: «О и чистотки—эти хохлацкія бабы. А мужики мастера и хозяева. Работаютъ честно». А въ другомъ углу напротивъ смѣются: «Надо хохлу десять лѣтъ, чтобъ только переобуться изъ чоботовъ въ зимнія валенки». Правда, полтавцы-новоселы на моихъ глазахъ выходили на зимнія общественныя работы въ кожаныхъ чоботахъ. Но у нихъ не на что было хлѣба купить, не то что валенки.

Иные изъ этихъ поселковъ успѣли опериться, корни пустили въ Расхлѣбскій черноземъ и даже въ эту голодную зиму не остались безъ хлѣба и корму для скота. Всего любопытнѣе такъ называемыя «Казармы», группа изъ трехъ поселеній, устроенныхъ на собственный счетъ богатымъ землевладѣльцемъ изъ Екатеринославской губерніи, А. А. Иваненковымъ.

А. А. Иваненковъ устраиваетъ за послѣднія 20 лѣтъ въ разныхъ губерніяхъ уже шестое поселеніе. Въ Барагульскій уѣздъ онъ вывелъ съ 1901 года до 150 семействъ изъ своихъ

[1]) Малорусскіе переселенцы за Волгой сами себя тоже называютъ «хохлами» въ отличіе отъ «русскихъ», т. е. отъ мѣстныхъ уроженцевъ.

ближайшихъ сосѣдей. Для этого онъ предварительно купилъ землю у мѣстныхъ помѣщиковъ и потомъ перепродалъ своимъ новоселамъ при помощи крестьянскаго банка. На каждое хозяйство пришлось 30—50 десятинъ. Г. Иваненковъ сталъ выдавать новоселамъ по мѣрѣ надобности ссуды на постройку домовъ, покупку сѣмянъ, скота и орудій, и даже машинъ, вплоть до молотилокъ. На каждую семью пришлось отъ тысячи до двухъ тысячъ рублей. Цифры эти кажутся почти невѣроятными. Зато хаты построены прямо огромныя, со всѣми амбарами и службами подъ общею кровлей. Такихъ не найдешь, пожалуй, и въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Именно поэтому сосѣди называютъ эти поселки «казармами».

Казармы биты изъ глины, по хохлацкому обычаю, выбѣлены мѣломъ, а крыты соломой подъ щетку. Впрочемъ иные успѣли замѣнить солому желѣзомъ. Хозяева держатъ по десятку лошадей и много коровъ, и овецъ, и даже верблюдовъ. Въ минувшую зиму они все-таки успѣли сохранить почти весь свой скотъ. Они одѣваются чище сосѣдей и смотрятъ на нихъ свысока. Сосѣди-хохлы тоже не долюбливаютъ ихъ и называютъ ихъ просто и грубо: «Мордатыя пики» (толстыя морды). Г. Иваненковъ построилъ и церковь и школу на собственный счетъ, на площади строитъ базаръ, собирается устроить опытную станцію и еще многое.

Есть однако въ этомъ «мордатомъ» раю довольно густая и мрачная тѣнь. Это—задолженность. Тысячъ двадцать изъ ссуды крестьяне заплатили, а еще остается до двухсотъ тысячъ, да надо банку платить за купленную землю. Хозяйство ведется простое, одно-посѣвное; желѣзная дорога далеко. Однимъ словомъ—обычныя условія русскаго сельскаго хозяйства. А. А. Иваненковъ не нажимаетъ уплатой, не взыскиваетъ, но если бы взыскивалъ, пожалуй, и эти «мордатыя пики», бросивъ казармы свои, ушли бы подальше на востокъ въ Степное и въ Сибирь, какъ дѣлаютъ тысячи другихъ.

Двѣ тысячи рублей на дворъ. По этому разсчету пришлось бы въ Россіи ежегодно затрачивать на устройство переселенцевъ милліоновъ 500, не считая земли. Зато, если посмотрѣть на тѣхъ переселенцевъ, которые приходятъ безъ денегъ и помощи, въ слѣпую, какъ овцы въ степи, становится стыдно и страшно.

Особенно круто пришлось тѣмъ, которые явились какъ разъ подъ неурожай, отдали задатки крестьянскому банку, зарыли

послѣднія деньги въ посѣвъ на безплодной землѣ и остались ни съ чѣмъ.

Въ довершеніе всего они были оставлены также безъ всякой продовольственной помощи. Банкъ отвернулся отъ нихъ, а земскіе начальники ссылались на то, что они не занесены въ списки. Они сразу дошли до крайнихъ предѣловъ нищеты и разоренія. Кто могъ, бѣжалъ въ города или обратно на родину. Другіе лежали пластомъ на нетопленной печкѣ и ждали конца. Еще въ ноябрѣ священникъ Крыжимскій прислалъ съ Большого Иргиза зловѣщую телеграмму: «Хохлы ждутъ себѣ смерти на отрубахъ. Откройте столовыя».

Однако, и устраивать столовыя у этихъ злосчастныхъ новоселовъ было далеко не вездѣ одинаково удобно. Начальство старалось разселять ихъ въ разсыпную, по новой системѣ, мелкими группами и отдѣльными дворами. И не было возможности устроить общаго питательнаго пункта для этой разсѣянной массы. Пришлось бы ребятишкамъ и старухамъ въ зимній буранъ ходить за четыре версты въ столовую.

Кстати сказать, мнѣ случилось указать на эту сторону землеустроительной медали вліятельному устроителю.

Онъ только плечами пожалъ.

— Да развѣ нельзя что-нибудь устроить, ну, общежитіе для бѣдныхъ, или очередную подводу посылать.

Очередную подводу... Почему же не аэропланъ?

Въ ожиданіи аэроплановъ горячую пищу въ столовыхъ часто приходилось замѣнять ежедневной выдачей муки и пшена. Голодные люди съѣдали всю выдачу въ два дня, а пять дней голодали.

Помимо того, пришельцы изъ разныхъ губерній, сведенные случаемъ вмѣстѣ, не всегда уживались по сосѣдски. Въ одномъ изъ поселковъ землю зачѣмъ-то разрѣзали на длинныя ленты въ три версты длиной и въ нѣсколько саженей шириной и роздали эти ленты въ видѣ отрубовъ. Въ результатѣ такого раздѣла явились постоянныя потравы, такія же вѣчныя драки, убійство скота и взаимное закрытіе дорогъ. Конечно, въ этомъ поселкѣ было совсѣмъ невозможно организовать столовую.

Въ другихъ поселкахъ голодная общественность имѣла двѣ формы. Въ самыхъ несчастныхъ, гиблыхъ, обездоленныхъ мѣстахъ жители жались другъ къ другу, какъ птицы въ снѣгу, дѣлили послѣдній кусокъ.

Такъ крестьянинъ Лука Удодъ съ хутора Гнѣдого разсказывалъ мнѣ:

— Я плугъ продалъ, купилъ муки пудъ, далъ полтора рубля. Сосѣди набѣжали: тому пять фунтовъ, тому три фунта, тому два фунта. Себѣ осталось пятнадцать фунтовъ. Вотъ такъ и живемъ. Кто добудетъ себѣ пудикъ, то всѣ расхватаютъ, не разбираютъ, гдѣ мое, а гдѣ чужое.

А другіе, напротивъ, жестоко ссорились и даже дрались изъ-за голоднаго пайка. На хуторѣ Старомихайловскомъ составились двѣ партіи и пошли въ кулаки. Мы пробовали ихъ разнимать и чуть намъ тоже не влетѣло.

Пехлеванскій хуторъ принадлежалъ къ числу сварливыхъ поселковъ. Мы пріѣхали туда по утру и попали въ столовую. Явился Пудякъ, высокій, худой, съ сердитымъ лицомъ и огромными руками.

— Ну,—сказалъ онъ Кузьминскому съ видомъ мрачнаго удовлетворенія,—пріѣхали вы. Теперь намъ дайте порядокъ. Мѣсто наше такое, нѣтъ никакого порядка. Ссора. Рахуба (грызня).

Словно не докторъ Кузьминскій, а Рюрикъ-Варягъ пріѣхалъ въ Новгородскую землю. Видно, русскія язвы съ тѣхъ самыхъ временъ ничуть не измѣнились.

Сталъ собираться народъ. Минутъ черезъ десять намъ сдѣлалось тѣсно, какъ въ бочкѣ сельдямъ, и жарко, какъ въ банѣ. Пехлеванцы были до крайности оборваны, хуже башкиръ. Лица у всѣхъ были худыя, голодныя, злыя. Они подѣлились тотчасъ же на двѣ партіи, даже раздвинулись вправо и влѣво и стали ругаться и простирать длани. Я, впрочемъ, замѣтилъ, что одна партія одѣта все-таки почище. Другая, зато, сплошь состояла изъ самыхъ оборванцевъ.

Посыпались взаимные упреки.

— Жулики!..

— Голодранцы!..

— У васъ лошади скрытыя. Проѣшьте лошадей...

— А вы по амбарамъ воруете.

— Масло сливаете сверху себѣ. Съѣдаете къ хлѣбу «привѣсы». Нашимъ дѣтямъ выдаете по $^3/_4$ фунта.

Эти обвиненія относились къ столовщику.

— Что это, правда? — полюбопытствовалъ Кузьминскій.

— Правда,—отвѣтили хоромъ на этотъ разъ обѣ партіи вмѣстѣ, и чистая, и драная.

— Вотъ видите,—съ упрекомъ сказалъ Кузьминскій.— Грызню завели, а за столовой не смотрите.

— Лисенко смотритъ,—отозвался голосъ изъ толпы.

Другіе засмѣялись.

— А который Лисенко?—спросилъ Кузьминскій опять.

— Тая гадина дома,—вмѣшался Пудякъ, все время сосредоточенно молчавшій.

— Гадина не гадина, ненужный человѣкъ,—возразилъ тотъ же голосъ.

То былъ Савва Дурный, деревенскій острословъ изъ партіи «драныхъ».

— Ну, пойдемте къ нему.

Лисенко жилъ въ какомъ-то странномъ шалашѣ, обмазанномъ глиной. Назвать его хатой можно было только съ большой натяжкой. Впрочемъ, на плоской кровлѣ, обсыпанной землею, былъ водруженъ деревянный шестъ и на немъ красовался флюгеръ въ видѣ мельницы. На стѣнкѣ была прибита дощечка съ надписью:

Вотъ эта дивная лошадка,
У ней заморская повадка:
Не можетъ крыльями летѣть
А только жернова вертѣть.

Мы набились къ Лисенкѣ въ шалашъ со всею ордой. У него было пятеро дѣтей и больная жена. Но самъ онъ былъ толстый и красный, съ длинными казацкими усами. Онъ сидѣлъ на низкой лавкѣ, замѣнявшей кровать, а на стѣнѣ надъ его головой красовалась огромная сабля въ ножнахъ.

— То—запорожская сабля?—шутливо спросилъ Григорій Андреичъ.

— Ни, стражничья,—отвѣтилъ Лисенко съ оттѣнкомъ обиды въ голосѣ.—Вѣдь я въ стражникахъ служилъ.

— Да по шеѣ дали,—отозвался Савва Дурный.

— Свою береги,—огрызнулся Лисенко.

— Ненавидятъ меня,—сказалъ онъ, обращаясь къ Кузьминскому,—за то что я денегъ не награбилъ и домой не принесъ. Были бы деньги, въ ногахъ бы ползали.

— Ваше благородіе,—внезапно воскликнулъ онъ.—Позвольте мнѣ, напримѣръ, въ здѣшнемъ селеніи порядокъ навести. Тутъ воръ на ворѣ, злодѣй на злодѣѣ.

— Самъ ты злодѣй,—отозвался Пудякъ съ ненавистью въ голосѣ.

— Не далъ Богъ свиньѣ рогъ,—злорадно промолвилъ Дурный.

Стражникъ-бражникъ,

запѣли ребятишки, которые тоже забрались въ лачугу вмѣстѣ съ большими.

— Геть, отсюда!—запальчиво крикнулъ Лисенко.

— Гу, гу!

Яшка стражникъ сердитъ,
Вдоль по улицѣ...

Дальше слѣдовала рифма совершенно умопомрачительная. Не знаю, была ли это импровизація или такая сложилась частушка про этотъ почтенный институтъ.

— Ахъ, Боже!..—Лисенко даже ударилъ рукой по колѣну.— Надо же кому-нибудь въ стражникахъ служить, и надо кому и стражниковъ кормить,—прибавилъ онъ разсудительно.

— Я, правда, служилъ годъ и полгода, но не сгодился. Стражникъ долженъ быть на обѣ стороны, выпивать да закусывать съ жуликомъ, а свяжутся биться съ мужикомъ, то его обвиноватить.

Стражникъ-бражникъ
Напился подъ праздникъ,

настаивали ребятишки.

Это походило на травлю. Обѣ партіи, и чистая, и драная, ненавидѣли Лисенку.

— Давно вы были стражникомъ?

— Въ тотъ самый годъ...

Мы догадались, конечно, что онъ говоритъ о 1905-мъ годѣ. Съ тѣхъ поръ минуло шесть лѣтъ, но мужики не забыли, даже на новыхъ мѣстахъ. Помнилъ и Лисенко.

— Муторный годъ (безпокойный годъ)!.. Такія бастовки пошли, да оратыри. Напримѣръ, не попробовавъ горькаго, сладкаго хочетъ, чтобы жить стало легче. А мы ихъ изъ насоса поливали. А оратырь говоритъ: «Пусть я погину, дѣтямъ моимъ легче будетъ»...

— Легче кобылѣ, что шкуру содрали,—отвѣтилъ Дурный.

— Молчи, промокатель!—отвѣтилъ Лисенко, къ несказанному моему удивленію. Этотъ деревенскій варіантъ моднаго словечка «провокаторъ» былъ для меня совершенно неожиданъ.

— Какой промокатель?

— Промокатели—по нашему вышніе жулики,— авторитетно объяснилъ Лисенко.—Такіе господа, карманы срѣзаютъ по дорогѣ... Безострожные люди.

— Какіе безострожные?

— Которыхъ не держитъ острогъ. Ты его нынче возьмешь, а онъ завтра на волю выходитъ.

— Какъ же онъ выходитъ?

— А такъ, что возьметъ карандашикъ, нарисуетъ на стѣнѣ «велисопедъ», да сядетъ и маршъ...

Въ этомъ нелѣпомъ разсказѣ все было характерно: и волшебный «велисопедъ» вмѣсто традиціонной лодочки, и безострожный колдунъ «промокатель», замѣстившій прежняго героя, разбойничьяго атамана.

— За что же уволили васъ?—спросилъ Кузьминскій.

— Да кто ихъ разберетъ,—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ Лисенко.—Ловишь, такъ кажутъ: «отпусти»! Отпустишь, такъ кажутъ: «Лови»!

Онъ все-таки видимо былъ въ какой-то передѣлкѣ съ безострожными «промокателями».

— Дали мнѣ отрубъ земли, а жалованья нѣтъ,—продолжалъ Лисенко съ неслыханной наивностью. —Что мнѣ ее, грызти что ли? Старшаго сына изъ хлѣба въ плугаторы нанялъ, а другой бороноволокъ [1]), забіяка. «Не хочу,—говоритъ,—ни сѣять, ни пахать. Въ стражникахъ буду, стану изъ пистолета стрѣлять». А другіе совсѣмъ малые... Что мнѣ съ ними дѣлать? Развѣ снять шаблюку, да порубить имъ шеи.

— Небось, не порубишь,—злорадно отозвался Дурный.

— Ваше благородіе,—воскликнулъ Лисенко также неожиданно, какъ въ первый разъ.—Смѣните вы того Пудяка, сдѣлайте уполномоченнымъ меня. Я, все равно, буду дешевле кормить...

— Тю, тю!—отвѣтила толпа.

— Стражникъ—ненужный человѣкъ...

XII.

Поѣздъ—Малашка.

Мы возвращались назадъ въ вагонѣ четвертаго класса, съ особымъ поѣздомъ, который въ просторѣчіи зовется «Уважительнымъ», ибо дѣлаетъ всѣмъ уваженіе, заѣзжаетъ на всѣ полустанки и платформы. Его называютъ также «Максимъ Горькій», изъ-за бродягъ и всякаго сброда, которые ѣздятъ съ

[1]) Около 12 лѣтъ мальчикъ считается «бороноволокомъ», т. е. способнымъ направлять лошадь, везущую борону.

такими поѣздами, и, совсѣмъ непочтительно, «Поѣздъ-Малашка», русское сокращеніе изъ «Поѣздъ-Молнія».

Молнія-Малашка плелась, какъ будто черепаха. Въ вагонѣ было жарко и пахло овчиной. Для экономіи мѣста люди сидѣли въ три этажа, и чьи-то смазные сапожищи свѣсились внизъ какъ разъ надъ моей головой.

Публика въ вагонѣ была сѣрая, ржаная съ мякиной пополамъ. Нѣсколько мелкихъ торговцевъ, которые всѣ разорились какъ будто по командѣ, одинъ даже дѣтей посылалъ въ голодную столовую на пятачковый обѣдъ; сельскій староста, который направлялся въ Барагулъ по приказу земскаго начальника садиться на восемь сутокъ подъ арестъ при полиціи, за то что отправилъ голодные списки прямо уѣздному съѣзду, минуя ближайшую инстанцію; странствующій слесарь, который ѣздилъ по селамъ править машины, сѣялки и жнейки. Видъ у него былъ до крайности тощій. Онъ жаловался, что работы по прежнему много, но только крестьяне не платятъ, все оставляютъ въ долгу до новаго хлѣба.

Напротивъ слесаря сидѣлъ мужикъ громоздкаго вида, безъ шапки, съ косматой головой, въ длинной рубахѣ безъ пояса. Его неуклюжія ноги были похожи на узловатые корни. На толстыхъ сапогахъ налипли тяжелые комья земли, и мнѣ показалось, будто они только что выдернуты изъ самыхъ глубинъ чернозема.

Но эта корявая полурастительная фигура являла слѣды возбужденія. Мужику не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ ерзалъ на скамьѣ, барабанилъ пальцами по стеклу, охалъ и даже стоналъ. Было это, какъ если бы пень или плугъ внезапно обнаружилъ разстроенные нервы и забарабанилъ лемехомъ по обочинамъ.

— Чего ты, дядя, чешешься,—спросилъ наконецъ слесарь довольно насмѣшливымъ тономъ,—аль блохи тя кусаютъ?

— Ѣду я,—сиплымъ голосомъ сказалъ мужикъ.—Почешешься тутъ...

— Куда ѣдешь-то?

— Чортъ меня знаетъ, куда,—отвѣтилъ мужикъ съ какой-то растерянной злостью.—Надыть, въ Сибирь.

— Какая Сибирь?—возразилъ съ удивленіемъ слесарь.—Въ Самару вѣдь ѣдешь.

— Ну, пусть и въ Самару,—отозвался мужикъ также отрывисто.—Мнѣ и въ Самарѣ будетъ Сибирь.

— Откедова ѣдешь такой?—спросилъ въ свою очередь

одинъ изъ торговцевъ, благообразный старикъ съ серебряной бородой.—Какъ съ цѣпи сорвался,—прибавилъ онъ тише.

— Правда,—подхватилъ неожиданно мужикъ.—Сорвался я съ цѣпи, съ отцовскаго гнѣзда. Землю я бросилъ, продалъ... Будь она проклята, во вѣки вѣковъ аминь!..

— Грѣхъ землю ругать,—взволнованно заговорилъ старикъ.—Ты червякъ земляной, а земля твоя матерь.

— А это не грѣхъ, не грѣхъ,—заговорилъ мужикъ, заикаясь отъ возбужденія.—Пашемъ, сѣемъ зерно, а она не отдаетъ. Отъ насъ забираетъ, а намъ не отдаетъ. Былъ бы то человѣкъ, морду бы ему побилъ растреокаянному...

Онъ былъ страшенъ, глаза его сверкали. Онъ говорилъ о землѣ съ неслыханной злостью, какъ о живомъ враждебномъ существѣ.

Столько писали о томъ, что крестьянинъ любитъ землю, какъ женщину. Но этотъ бѣжавшій мужикъ ее ненавидѣлъ тоже какъ женщину. Вмѣсто брака съ землей, здѣсь былъ разводъ, взаимная измѣна.

— Рѣжь меня, чтобъ я вернулся,—воскликнулъ онъ опять.—Бабу оставилъ, батьку оставилъ, ушелъ... Будетъ тебѣ кровь мою пить!..

Это опять относилось къ землѣ.

— А въ Сибирь для чего захотѣлъ?—не безъ коварства спрашивалъ слесарь опять,—вѣдь тоже пахать...

— Не буду пахать,—круто отвѣтилъ мужикъ.

— Что жъ будешь, сапоги тачать?—усмѣхнулся слесарь.

— Разбойничать буду,—отрѣзалъ мужикъ.—Дубину возьму и пойду...

И къ общему изумленію онъ затянулъ старинную разбойничью пѣсню:

Перекрестокъ—наша пашенка,
Мы не жали и не сѣяли...

— Выпилъ малый,—сказалъ старикъ и слегка покачалъ головой. Впрочемъ въ голосѣ его не было осужденія.

Слесарь вздохнулъ неожиданно и, кажется, также завистливо.

— Наша жизнь тоже тяжелая,—сказалъ онъ безъ явной связи съ предыдущимъ разговоромъ.

— А вы сволочи,—тотчасъ же отозвался мужикъ, который, какъ видно, сквозь пѣніе свое прислушивался къ рѣчи собесѣдниковъ.

— Отъ сволочи слышу,—вспыхнулъ слесарь.—Ты въ сто разъ сволочѣе меня.

— Какъ же не сволочи,—настаивалъ мужикъ.—«*Чижолая жисть!*»—передразнилъ онъ противника грубымъ искусственнымъ тономъ.—Если *чижолая жисть*, могете вы забастовку устроить. Вамъ хозяева плату прибавятъ... А противъ нея, противъ стервы, небось не устроишь забастовки.

Это опять относилось къ землѣ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ Сережка изъ Горьковской «Мальвы» напротивъ обругалъ «сволочами» мужиковъ:—«Всѣ мужики сволочи. Прикинутся они сиротами, имъ и хлѣба даютъ и всего»...

Но жизнь перевернула всѣ старыя загородки, и мужикъ очутился внизу. И вмѣсто казеннаго хлѣба его одолѣла казенная ставка на сильныхъ.

— Если бъ горѣла она, я бъ ее выжегъ чертовку до самого нижняго пекла.

Не было, кажется, браннаго слова, которымъ онъ бы не бросилъ въ землю, недавнюю кормилицу.

— Слышь ты, какъ тебя звать?—заговорилъ слесарь опять безъ связи съ предыдущимъ.

— Анемподистъ, — отвѣтилъ мужикъ, тяжело ворочая языкомъ.

— Вотъ что, Анема,—продолжалъ слесарь,—пріѣдешь въ Самару, сходи къ Левкову на заводъ, на Москательну улицу. Спроси Тимофея табельщика. Скажешь: Герасимъ послалъ. Онъ тебя на работу опредѣлитъ, желѣзныя штуки таскать. Вишь ты какой здоровый,—прибавилъ онъ, обозрѣвая сверху до низу огромную фигуру своего новаго знакомца.

— А платятъ тамъ?—спросилъ Анемподистъ отрывисто, словно икнулъ.

— Платятъ поденно,—подтвердилъ слесарь,—ты не сумлѣвайся. Чернорабочему семь гривенъ на день.

— Платятъ поденно, пойду,—радостно подхватилъ мужикъ. А съ этой земли мы сами платимъ по 20 рублей. Пойду... пойду,—повторялъ онъ, но голова его свѣсилась на грудь, дыханіе стало ровнѣе и гуще,—а губы все-таки время отъ времени повторяли: «п-п-п», какъ будто силились еще разъ сказать: пойду.

А я глядѣлъ на него и думалъ. Вотъ какъ просто и безъ всякихъ церемоній это человѣческое мясо, живой матеріалъ, попадаетъ прямо изъ деревни на заводъ, въ машину, подъ жерновъ, въ бучило. Машина передѣлываетъ его по собственному

плану, и половину кидаетъ въ отбросъ, толкаетъ въ босяки, въ зимогоры, въ галахи. А изъ другой половины вырабатываетъ во второмъ поколѣніи вотъ этакого жидкокостнаго невзрачнаго слесаря съ мѣшкомъ инструментовъ за спиной. И мѣчется слесарь по той же деревнѣ, чинитъ косилки и вѣялки въ долгъ и жалуется горько на скудость доходовъ.

Вотъ заколдованный кругъ, въ которомъ совершается развитіе народнаго богатства.

Русскій прогрессъ похожъ на буддійскую молитвенную мельницу или попросту на бѣлку въ колесѣ.

Въ деревняхъ голодаютъ крестьяне, въ городахъ слесаря и ткачи и даже прикащики въ лавкѣ; голодая, работаютъ до чернаго пота.

Все это связано вмѣстѣ мертвою петлей. Нельзя развязать эту петлю, а развѣ повѣситься можно...

Веселая жизнь...

Танъ.

ПРИВРАТНИКИ СЛАВЫ.

(Повѣсть).

I.

Въ то время, когда это началось, я могъ бы по совѣсти сказать: я здѣсь не при чемъ. Такъ далекъ я былъ отъ людей и обстоятельствъ того круга, въ которомъ все это произошло.

Въ Стромиловской усадьбѣ я былъ человѣкъ посторонній. Любой служащій при ней, начиная съ старшаго прикащика, Ивана Саввича, у котораго на этой должности борода изъ черной превратилась почти въ бѣлую, и кончая четырнадцатилѣтнимъ подросткомъ, телятникомъ Федькой, который состоитъ при телятахъ съ десяти лѣтъ,—любой изъ нихъ имѣлъ право считать себя въ усадьбѣ своимъ человѣкомъ болѣе, чѣмъ я.

Человѣкъ съ кокардой на фуражкѣ, съ золотыми пуговицами на пиджакѣ. Всякій пойметъ, что человѣку съ такими признаками нечего дѣлать въ деревенской усадьбѣ. А я именно и носилъ на фуражкѣ кокарду и на пиджакѣ моемъ, цвѣта глубоко-темной листвы, были металлическія пуговицы съ государственнымъ гербомъ.

А когда я, выйдя изъ маленькаго флигелька, гдѣ была моя квартира, шелъ черезъ усадебный дворъ, направляясь въ помѣщичій домъ, или съ важнымъ видомъ шагалъ по деревенской улицѣ, то про меня говорили: вотъ идетъ «ликвидаторъ».

И какъ ни странно звучало это слово въ примѣненіи ко мнѣ, къ человѣку съ кокардой на фуражкѣ, я не могъ отъ него отказаться. Въ смыслѣ оффиціальнаго обозначенія моей службы оно, разумѣется, никуда не годилось. Не можетъ быть такой должности, которая серьезно называлась бы «ликвидаторъ».

Но оно какъ нельзя лучше опредѣляло сущность моей дѣятельности: я дѣйствительно ликвидировалъ, въ этомъ было мое призваніе и назначеніе. Ради этого я, будучи чиновникомъ министерства земледѣлія, обладателемъ нѣкоего чина средней величины и городскимъ жителемъ, жилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ и за это получалъ жалованье.

Молодой Стромиловъ, Павелъ Сергѣевичъ, предоставивъ въ мое распоряженіе стоявшій безъ всякаго дѣла и порядочно уже покосившійся на бокъ старый флигель, въ которомъ одновременно со мной обитало неисчислимое множество крысъ, можно сказать, отплатилъ мнѣ добромъ за зло. Всего только мѣсяца четыре тому назадъ я «ликвидировалъ», какъ онъ самъ говорилъ, послѣдній кусокъ его наслѣдственнаго достоянія—шестьсотъ десятинъ земли.

У него при усадьбѣ осталось еще столько же, и онъ далъ Аннибалову клятву, что больше не выпуститъ изъ рукъ ни одной пяди земли.

Это была трагическая клятва, такъ какъ отецъ его, Сергѣй Павловичъ Стромиловъ, въ свое время получилъ отъ предковъ не меньше трехъ тысячъ десятинъ, но вмѣсто того, чтобы возиться со скучнымъ выколачиваніемъ доходовъ, онъ просто распродавалъ понемногу свою землю, и только внезапная смерть помѣшала ему довести это дѣло до полнаго конца.

Весна. Солнечно, почти жарко. Лѣсъ давно одѣлся въ нарядную листву. Въ саду неистово цвѣтутъ вишни и яблони, зелень нивъ поднялась высоко надъ землей и по обыкновенію много обѣщаетъ.

У меня пропасть дѣла. Нарѣзка хуторныхъ участковъ, безконечные разговоры съ мужиками. Приходятъ за сорокъ верстъ, по три часа къ ряду изводятъ меня разспросами и сами изводятся, и уходятъ съ тѣмъ же сомнѣніемъ въ глазахъ, съ какимъ пришли. Запахъ собственности дразнитъ ихъ, а вѣковая привычка къ общему корыту, боязнь перемѣны и полная неизвѣстность будущаго связываетъ имъ руки крѣпкими канатами и держитъ въ нерѣшительности.

Вотъ и сейчасъ на кухнѣ ихъ навѣрно ужъ набралось полдюжины. Я хочу поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться, потому что на дворѣ солнце и весна, и зову ихъ къ себѣ. Но начинается безконечная канитель: тѣ же вопросы въ десятый разъ, и тѣ же мои отвѣты, и ни шагу впередъ.

Я изъ силъ выбиваюсь, доказывая выгоды и преимущества хуторнаго хозяйства—вѣдь въ этомъ же состоитъ моя должность,

за это я получаю жалованье. Я краснорѣчивъ и убѣдителенъ, мои доводы неопровержимы.

И они соглашаются; я ихъ убѣдилъ безповоротно.

Но вотъ изъ помѣщичьяго дома прибѣжалъ мальчуганъ: Павелъ Сергѣевичъ проситъ меня къ обѣду,—я каждый день у него обѣдаю.

И мои собесѣдники почесываютъ затылки и, растерянные, не имѣющіе силы рѣшиться, расходятся по домамъ. Завтра придутъ и будетъ то же самое.

Я иду обѣдать. Столъ накрытъ на верандѣ. Два прибора, какъ каждый день.

Но мнѣ сразу бросается въ глаза, что Павелъ Сергѣевичъ какъ-то особенно оживленъ и чему-то видимо радуется.

Онъ въ высокихъ сапогахъ, съ прилипшей къ подошвамъ грязью. Это значитъ, что онъ сейчасъ самолично возился въ саду около колодца, приспособляя его къ поливкѣ деревьевъ.

На немъ сѣрая парусиновая тужурка со стоячимъ воротомъ, до верху застегнутая. Она вся въ пятнахъ, какъ и подобаетъ «рабочей одеждѣ».

Его бѣлыя изящныя руки съ длинными тонкими пальцами на моихъ глазахъ покраснѣли и погрубѣли, на ладоняхъ завелись мозоли. Но лицо не поддавалось ни вѣтру, ни загару. Матово-бѣлая кожа его стойко выдерживала дѣйствіе стихій.

По чертамъ это лицо не было красиво: широкій ротъ съ довольно толстыми губами, простецкій, чуть приподнятый кверху носъ и удивительно благородный, высокій, прямой «культурный» лобъ.

Темные густые волосы онъ давно не стригъ, и они росли, какъ заброшенный лѣсъ, путаясь, переплетаясь, свисая на лобъ и на виски, густо покрывая затылокъ. Городъ былъ въ сорока верстахъ, а въ усадьбѣ никто не владѣлъ ножницами. По той же причинѣ смотрѣли внизъ его довольно густые, но не длинные усы, и начали заростать щеки и подбородокъ.

Но несмотря на всѣ эти безпорядки, лицо его обладало какой-то неизъяснимой привлекательностью. Что-то зовущее къ полному довѣрію сіяло въ его большихъ, чуть-чуть грустныхъ глазахъ; какимъ-то внутреннимъ доброжелательствомъ вѣяло отъ его широкой улыбки.

Нѣтъ, право, было что-то удивительное въ лицѣ Павла Сергѣевича Стромилова. Благодаря этому лицу, я съ первой же нашей встрѣчи не то что полюбилъ его, а какъ-то весь предался этому молодому человѣку.

Мы пожали другъ другу руки. Я сегодня видѣлъ его только издали черезъ окно въ моемъ флигелѣ, когда онъ, при помощи садовника Дмитрія, ѣздившаго также и за кучера, налаживалъ въ саду для поливки безконечно запущенный снарядъ.

Высокая и стройная фигура его всячески изгибалась, когда онъ съ молоткомъ въ рукахъ присѣдалъ на корточки, стараясь заставить непокорную шестерню коннаго привода исполнять свою обязанность.

— Ну, что? Наладили, Павелъ Сергѣевичъ?—спросилъ я, занимая свое мѣсто за столомъ.

Онъ махнулъ рукой.

— Кузнецъ нуженъ. Онъ нуженъ на каждомъ шагу. Безъ него, какъ безъ рукъ.

Это ужъ давно было извѣстно и говорилось при всѣхъ случаяхъ. Все было расшатано въ старой усадьбѣ и отказывалось исполнять свое назначеніе. Много лѣтъ никто въ ней не жилъ, и домъ стоялъ заколоченный.

И за это время заржавѣли и обезсилѣли дверныя ручки и петли, и оконные засовы, растрескались полы, покосились стѣны. Никто не заглядывалъ въ имѣніе и хозяйствомъ правилъ полуграмотный, темный Иванъ Саввичъ.

Онъ былъ однако не настолько теменъ, чтобы не накопить для себя, какъ говорили, не одинъ десятокъ тысячъ.

Да никакихъ доходовъ отъ него и не требовали. Каждый годъ пріѣзжали банковскіе оцѣнщики и землемѣры; одни вычисляли, другіе отмѣривали, и огромное владѣніе таяло, какъ ледяная глыба на солнцѣ, а деньги отсылались въ Петербургъ или въ Парижъ, и тамъ проживались.

Павлу Сергѣевичу было двадцать три года, когда онъ кончилъ университетъ, почему-то юристомъ, и въ тотъ же годъ умеръ его отецъ (мать умерла гораздо раньше), неугомонный любитель жизни, до послѣдняго вздоха гонявшійся за ея прелестями.

Сдѣлавшись наслѣдникомъ вмѣстѣ съ младшей сестрой Наташей, два года назадъ кончившей институтъ, онъ помчался въ имѣніе спасать остатки.

Свирѣпый лай одичавшихъ дворовыхъ собакъ, встрѣтившій юнаго владѣльца, заколоченныя окна облѣзлаго, обветшавшаго дома, умирающія отъ отсутствія какого бы то ни было ухода фруктовыя деревья въ великолѣпномъ, нѣкогда славившемся саду, безнадежное разрушеніе, сквозившее во всемъ...

Но хуже этого были живые люди, оказавшіеся кредиторами. Они уже были здѣсь и грозили наложить когтистыя лапы на остатки имѣнія.

И пришлось Павлу Сергѣевичу начать съ ампутаціи: половина оставшейся земли была осуждена на продажу крестьянскому банку.

И, такъ какъ это былъ мой участокъ, то мнѣ и пришлось производить оцѣнку и ликвидацію. На этомъ печальномъ событіи мы встрѣтились и познакомились. А потомъ я снялъ у него пустовавшій флигель. Надо же было гдѣ-нибудь жить.

«Ничего у тебя не выйдетъ,—говорили Павлу Сергѣевичу петербургскія, не слишкомъ именитыя, но все же хорошо поставленныя, тетушки:—что можешь сдѣлать съ землей ты, никогда не видавшій деревни? Тебя съѣстъ первый попавшійся кулакъ, да хотя бы твой же приказчикъ-воръ Иванъ Саввичъ. Лучше сдай имѣніе въ аренду и начинай служить, пока мы живы. Поддержимъ тебя общими силами, выдвинемъ»...

Но Павелъ Сергѣевичъ былъ человѣкъ упрямый. Предки его не служили. До отца они занимались землей, отецъ просто жилъ и проживалъ то, что они накопили. Во всякомъ случаѣ онъ ни отъ кого не получилъ служебныхъ наклонностей, и мысль о службѣ была ему чужда и непріятна. Онъ зарылся въ деревню и далъ себѣ слово во что бы то ни сталъ возродиться.

И вотъ, несмотря на то, что все при одномъ прикосновеніи разваливалось, а оборотныхъ средствъ было такъ мало, что даже старую кузницу оборудовать и кузнеца нанять было не по силамъ, онъ все же не унывалъ и твердилъ, что своего добьется.

Мнѣ жалко было смотрѣть на него, но въ то же время все это мнѣ ужасно нравилось въ немъ. Я сказалъ за обѣдомъ:

— Вы такъ сіяете, Павелъ Сергѣевичъ, словно въ колодцѣ, вмѣсто загрязненной воды, вдругъ оказался какой-нибудь нарзанъ... а?..

— Да, это почти что такъ,—отвѣтилъ онъ и съ загадочной улыбкой посмотрѣлъ на меня. Но, видя мое недоумѣніе, прибавилъ:—впрочемъ, разумѣется, колодецъ здѣсь не при чемъ, а дѣло въ томъ, что... вотъ прочтите.

Онъ разстегнулъ одну пуговицу тужурки, вынулъ изъ бокового кармана смятую бумагу и далъ мнѣ. Это была телеграмма, помѣченная Москвой.

«Пріѣду завтра четвергъ. Здорова. Цѣлую».

Подписи не было, но я и такъ догадался.

— Это отъ Натальи Сергѣевны,—сказалъ я утвердительно.—Значитъ, она завтра пріѣзжаетъ? Вы очень рады?

— Я вѣдь чертовски люблю Наташу,—отвѣтилъ Павелъ Сер-

гѣевичъ.—Но дѣло не только въ этомъ, а въ томъ, что нашлись средства, чтобы ей пріѣхалъ. Я никакъ не могъ послать ей, вы знаете это, милый ликвидаторъ.

— Но вѣдь Наталья Сергѣевна получаетъ жалованье.

— Ничтожное. Половину тратитъ на учителя, остальное надо проживать. Ее тамъ затираютъ. И тетушки, которыя такъ распинаются изъ-за моей службы, ни въ чемъ не хотятъ помочь ей. Онѣ, видите ли, шокированы тѣмъ, что Стромилова поетъ въ оперѣ. Онѣ предпочли бы видѣть ее у себя на хлѣбахъ изъ милости. А Наташа еще, въ пику имъ, не захотѣла выдумывать фамилію, и, о ужасъ, на театральной афишѣ красуется во всю величину славное,—хотя, чортъ возьми, рѣшительно не знаю, кто и чѣмъ его прославилъ,—имя: Стромилова. Ну, а теперь она продала знаменитую шифоньерку отца, столь драгоцѣнную, что на нее не находилось покупателя, и ѣдетъ.

— Вы посылаете на станцію лошадей, конечно?

— Нѣтъ, я самъ поѣду. Да и кучера нѣтъ. Садовникъ плохо правитъ, я не могу довѣрить ему Наташу. Я поѣду на ночь, лошади отдохнутъ, а поѣздъ приходитъ рано. Теперь у насъ будетъ весело, ликвидаторъ... Наташа—сама жизнь... Голосъ у нея очаровательный; поетъ, какъ соловей. Умна, весела. Берегитесь, ликвидаторъ, она вамъ вскружитъ голову.

Ну, мнѣ-то особенныя предосторожности принимать было не къ чему. Наталья Сергѣевна—ее я никогда не видалъ, но Павелъ Сергѣевичъ такъ часто и много говорилъ мнѣ о ней, что я почти зналъ ее, и отъ нея уже издали вѣяло на меня какимъ-то блескомъ.

Да, именно, она представлялась мнѣ какой-то блестящей, лучезарной: маленькое солнце.

Я зналъ, что она высокая и стройная, какъ и ея братъ, но волосы у нея свѣтло-каштановые, и глаза не каріе, какъ у него, а зеленовато-сѣрые. О ея голосѣ ужъ нечего было и говорить, но я представлялъ себѣ и ея лицо, какъ-то странно, не въ чертахъ, а въ какомъ-то общемъ неуловимомъ образѣ.

Я зналъ, напримѣръ, что оно некрасиво (хотя этого никогда не говорилъ мнѣ Павелъ), но что въ то же время отъ него нельзя оторвать глазъ; что у нея прекрасные бѣлые зубы, и что въ улыбкѣ ея есть какой-то непреоборимый шармъ, который способенъ покорить ей всякаго.

И все-таки я за себя нисколько не боялся. Мнѣ было трид-

цать четыре года; я, разумѣется, не считалъ себя старикомъ; я зналъ даже, что наружность моя не лишена привлекательности. Были женщины, которыя находили, что я красивъ.

Но именно то, что Наталья Сергѣевна была такъ блестяща и обаятельна, что у нея былъ такой замѣчательный голосъ и ей предстояла, можетъ быть, необыкновенная карьера, именно вотъ это какъ бы застраховывало меня отъ ея чаръ.

Къ чему бы это послужило? Я очень скромный человѣкъ, съ приличнымъ положеніемъ, не болѣе. Для себя я не признаю несбыточныхъ надеждъ. Я ликвидаторъ—почтенное занятіе, дававшее мнѣ нѣкоторые чины и недурное жалованье. Я буду двигаться по службѣ и въ концѣ концовъ, вѣроятно, буду чѣмъ нибудь побольше.

Но изъ ликвидатора никогда не выйдетъ ничего блестящаго; отъ этой должности, почтенной и, можетъ быть, очень полезной, нѣтъ дорогъ, нѣтъ даже тропинокъ къ высокимъ положеніямъ. И вотъ это-то именно и застраховывало меня.

Я понимаю всякія безумства, но и въ безумствѣ долженъ быть смыслъ—ну, или не смыслъ, а, какъ бы это выразиться: соотвѣтствіе съ возможностями. Смѣлый пловецъ, бросаясь въ море во время урагана, совершаетъ безумство, но ему виденъ берегъ и мерещится возможность достигнуть его. По всей вѣроятности онъ не достигнетъ и погибнетъ, но это все равно. Я же, сколько бы ни вглядывался въ даль, въ этомъ моемъ положеніи не увидѣлъ бы берега.

Часовъ въ семь заложили тройку въ старый, дребезжащій, сильно позвякивавшій всѣми своими желѣзными частями экипажъ вродѣ коляски съ подъемнымъ верхомъ.

Эта тройка какимъ-то чудомъ уцѣлѣла въ конюшнѣ; ее нашелъ тамъ Павелъ Сергѣевичъ, внезапно пріѣхавъ въ усадьбу. По всей вѣроятности, Иванъ Саввичъ держалъ ее на помѣщичій счетъ для своихъ надобностей. А экипажъ уцѣлѣлъ потому, что о немъ забыли.

Павелъ Сергѣевичъ взялъ въ руки возжи и покатилъ. Оглянувшись на меня, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Смотрите же, ликвидаторъ, завтра встрѣтьте насъ съ надлежащими почестями.

II.

Но оказать почести мнѣ не удалось и даже встрѣчи не было.

Въ восемь часовъ утра прискакалъ верховой изъ сосѣдней волости, верстахъ въ двѣнадцати. Деревня называлась Васютино. Тамъ давно уже шли недоразумѣнія среди общества мужиковъ, собиравшихся купить банковскій участокъ. Нѣсколько «приверженцевъ» играли роль соблазнителей или, какъ говорили на мѣстѣ, «мутили народъ», а остальные упирались.

По обязанности службы, я стоялъ на сторонѣ соблазнителей и, такъ какъ всадникъ сообщилъ мнѣ, что сельчане противъ нихъ настроены враждебно и грозятся разнести ихъ избы, то я долженъ былъ немедленно ѣхать на защиту ихъ. Я вытребовалъ земскихъ лошадей и помчался.

Собственно, если бы дѣло дошло до драки, то трудно представить, чѣмъ бы я сталъ защищать своихъ приверженцевъ,— у меня даже револьвера не было съ собой. Я нашелъ все село во дворѣ волостного правленія. Издали слышались грозные голоса.

Партіи распредѣлились крайне неравномѣрно. На одной сторонѣ шесть покровительствуемыхъ мною хуторниковъ, а на другой всѣ остальные, душъ полтораста, и нѣкоторые изъ нихъ подозрительно опирались на палки.

Но я не даромъ уже два года возился съ этимъ народомъ. Подъѣзжая къ волости, я застегнулъ наглухо свой форменный пиджакъ, такъ что всѣ мои гербовыя пуговицы были на виду, хоть пересчитать ихъ, и торжественно блестѣли на солнцѣ. Поправилъ на головѣ фуражку съ кокардой.

И въ тотъ моментъ, когда мой шарабанъ остановился около избы и я только протянулъ ногу, чтобы сойти на землю, угрожающій гулъ прекратился, палки въ рукахъ приняли видъ кроткихъ посоховъ, а бунтующіе сняли шапки и привѣтствовали меня.

Да, золотыя пуговицы съ гербомъ имѣютъ, конечно, нѣкоторое значеніе, но главное—кокарда, эта квинтъ-эссенція государственности. Не знаю какъ это было во время революціи, но въ мирное время кокардой можно добиться отъ «простого народа» очень многаго.

Ну, а потомъ пошли переговоры. Мнѣ пришлось говорить цѣлыя рѣчи. Ворчали, почесывали затылки. Но въ концѣ концовъ смирились. Я одержалъ побѣду—то-есть собственно не я, а моя фуражка съ кокардой. Мнѣ даже удалось къ шести прежнимъ прибавить еще двухъ прозелитовъ.

Но все это задержало меня почти до полудня, и когда я вернулся въ усадьбу, со станціи уже пріѣхали.

Но я не пошелъ прямо въ домъ, а зашелъ къ себѣ и ждалъ приглашенія. Обыкновенно я этого не дѣлалъ. Съ Павломъ Сергѣевичемъ мы вѣдь не считались. Но теперь тамъ, кромѣ хозяина, была хозяйка.

Кромѣ того, я долженъ былъ нѣсколько пообчиститься. Двадцать четыре версты по пыльной дорогѣ оставили слѣдъ не только на одеждѣ, но и на лицѣ и рукахъ. Я вымылся, надѣлъ свѣжее бѣлье и простой пиджакъ съ обыкновенными пуговицами. Первое впечатлѣніе вѣдь самое важное, оно налагаетъ свою окраску на всѣ послѣдующія. Я не хотѣлъ представиться Натальѣ Сергѣевнѣ чиновникомъ.

Да я и былъ имъ въ сущности только по званію, такъ какъ мнѣ за это платили жалованье, а другихъ средствъ къ существованію у меня не имѣлось. Но у меня не было ни малѣйшаго душевнаго сродства съ гербовыми пуговицами и кокардой.

Мальчика не прислали, а пришелъ самъ Павелъ. Онъ зналъ уже, что меня потребовали въ Васютино, но выразилъ дружеское негодованіе по поводу того, что я не иду обѣдать запросто, а жду какихъ-то пословъ.

— Я познакомилъ сестру съ вашими прекрасными душевными качествами, милый ликвидаторъ, и она съ нетерпѣніемъ ждетъ васъ.

— Зачѣмъ же вы меня подводите,—возразилъ я.—Теперь я долженъ стараться проявить добродѣтели, которыхъ у меня нѣтъ, чтобы не подвести васъ.

— Кромѣ того,—продолжалъ Павелъ Сергѣевичъ,—я сказалъ, что вы красивы.

— Я вижу, что пріѣздъ Натальи Сергѣевны привелъ васъ въ шутливое настроеніе.

Онъ дѣйствительно былъ необыкновенно оживленъ и веселъ; «прирожденная» чудная улыбка не сходила съ его губъ.

Мы пошли въ домъ. На той же верандѣ былъ накрытъ столъ, но теперь было три прибора и передъ однимъ изъ нихъ стояла вазочка съ цвѣтами. Это Павелъ Сергѣевичъ отмѣтилъ приборъ своей сестры. До чего онъ былъ въ восторгѣ отъ нея!..

Явилась Наталья Сергѣевна и... Ну да, вотъ я ее увидѣлъ, она подала мнѣ руку, заговорила, заулыбалась...

Мы обѣдали, лилась болтовня, раздавался смѣхъ; они оба болтали и смѣялись, точно соперничая въ живости.

Но это все имѣло второстепенное значеніе въ сравненіи съ тѣмъ моментомъ, когда она явилась и я увидѣлъ ее. Впрочемъ,

это я узналъ потомъ, гораздо позже, а въ тотъ моментъ мнѣ ничего не пришло въ голову, кромѣ мысли, что она удивительно соотвѣтствуетъ моему представленію.

Я создалъ этотъ образъ по разсказамъ Павла Сергѣевича и по родственнымъ чертамъ его самого. И, должно быть, у меня была какая-то особенная способность воображенія: я словно давно уже видѣлъ ее и зналъ, былъ знакомъ, не разъ слышалъ ея голосъ, даже слова... Удивительно.

Высокая и стройная; свѣтло-каштановые волосы, много пышныхъ шелковистыхъ волосъ, цѣлая гора, и видно, что не знаетъ куда дѣвать ихъ; бирюзовые глазки, небольшіе и круглые; чуть-чуть вздернутый носикъ...

Ну да, это все такъ, но это все-таки не главное. Главное—улыбка, отъ нея блескъ, сіяніе... Маленькое солнце.

Въ самомъ дѣлѣ, такое ощущеніе, какъ будто, помимо того большого мірового солнца, которое плыветъ по небу и освѣщаетъ усадьбу, зеленыя нивы и цвѣтущій садъ, общаго солнца, готоваго служить всѣмъ одинаково,—здѣсь, на верандѣ, взошло еще другое, маленькое солнце, только для насъ двоихъ,—для меня и для Павла Сергѣевича. И у меня въ душѣ зазеленѣли мои нивы и зацвѣлъ мой садъ.

Вотъ я вижу, что въ словахъ это выходитъ вычурно, но въ дѣйствительности это такъ и было.

Улыбка въ сущности та же, что у Павла—родовая, наслѣдственная, но въ ней сосредоточилась вся обаятельность женской души, и теплота, и нѣжность, и скрытый задоръ...

Ахъ нѣтъ, это напрасно. Я пробую дать объясненіе тому, что въ сущности необъяснимо. Маленькое солнце, вотъ и все. Оно свѣтитъ и согрѣваетъ и даетъ блескъ всему, на что падаютъ его золотые лучи.

Была ли она красива или хоть только хорошенькая? Не знаю, я и потомъ никогда не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Но за то я знаю, что я вовсе не влюбился въ нее. Это-то я знаю навѣрное. Я только покорился ей въ тотъ моментъ, я предался ей—вотъ слово, которое лучше всего подходитъ.

А говорили конечно о пустякахъ. Сперва все было петербургское.

Тетушки. Въ изображеніи Натальи Сергѣевны это были пресмѣшныя чванницы. У нихъ у всѣхъ сыновья, которые должны сдѣлать карьеру. Поэтому онѣ цѣпко держатся за фалды мундировъ разныхъ высокихъ особъ, и понятенъ былъ ихъ ужасъ, когда появилась на театральныхъ подмосткахъ пѣвица Стромилова.

Ее вызвали, предали семейному суду, требовали перемѣны имени, и такъ какъ она отказалась, то и отъ нея отказались.

Въ театрѣ жалованье забрала впередъ, но долги, ахъ, портнихи, модистки—все проглотили. Но зато шифоньерка выручила: за нее дали всѣ семьсотъ. Триста ушли—куда? Да почемъ она знаетъ, куда,—просто ушли. Ну, конечно, сюда входитъ и дорога, еще бы! А четыреста цѣлы, четыреста—чувствуешь ли ты это, Павликъ?—привезла тебѣ. Они въ саквояжѣ, можешь открыть его и взять...

— Браво!—весело воскликнулъ Павликъ.—Кузница, два плуга, сепараторъ Альфа и многое другое,—понимаете ли вы это, ликвидаторъ?

— Какія страшныя слова! Альфа и Омега, сепараторъ, ликвидаторъ,—воскликнула Наталья Сергѣевна и звонко засмѣялась.

Павелъ преважно объяснилъ ей, что она не должна смѣшивать въ одну кучу такія разнородныя вещи, какъ сепараторъ и ликвидаторъ, такъ какъ первый есть всего только аппаратъ для выдѣленія сливокъ изъ молока, и притомъ онъ бываетъ только Альфа, а Омега здѣсь не при чемъ, а второй есть одушевленный предметъ, носящій мундиръ и кокарду и имѣющій своимъ высокимъ призваніемъ ликвидировать съ одной стороны залежавшіяся земл и разорившихся дворянъ, а съ другой крестьянскую деревню, при помощи размноженія хуторовъ.

Наталья Сергѣевна сдѣлала серьезное лицо и сказала, что извиняется за свое невѣжество и проникается глубокимъ уваженіемъ ко мнѣ и къ моей кокардѣ. При этомъ, несмотря на нарушеніе приличія, тутъ же я долженъ былъ встать изъ-за стола, принести изъ передней мою фуражку и демонстрировать передъ нею кокарду.

— Все это прекрасно,—сказала потомъ Наталья Сергѣевна:—я вижу, что оба вы премилые люди и что у меня будетъ превосходное общество. Но кромѣ этого,—есть ли какая-нибудь возможность здѣсь ѣздить верхомъ? Признаюсь, я объ этомъ мечтала еще въ институтѣ. Въ Парижѣ я научилась этому искусству...

— Дамское сѣдло есть, я открылъ его на чердакѣ,—промолвилъ Павелъ,—а лошади нѣтъ.

— Благодарю. Если только это сѣдло не обладаетъ свойствами ковра-самолета. Но у тебя есть цѣлая тройка...

— Да, какимъ-то чудомъ. Но ни одна изъ трехъ никогда не ходила подъ дамскимъ сѣдломъ.

На лицѣ Натальи Сергѣевны выразилась досада. Этого было достаточно, чтобы вмѣшался я.

— Это пустое,—сказалъ я;—всякую лошадь можно пріучить къ дамскому сѣдлу.

— Это сдѣлаете вы?

— Сдѣлаю.

— Но для этого нужно быть дамой, а вы только ликвидаторъ.

— Я сдѣлаюсь на нѣкоторое время дамой. Однимъ словомъ это ужъ мое дѣло. Черезъ недѣлю вы будете ѣздить верхомъ,— прибавилъ я, обращаясь къ Натальѣ Сергѣевнѣ.

— Боже, въ первые же полчаса знакомства онъ на всю жизнь связалъ меня благодарностью!—съ очаровательной улыбкой произнесла Наталья Сергѣевна.

Словомъ, во время перваго нашего обѣда мы сдѣлались старыми знакомыми и пріятелями. Почти не было минутъ неловкости и натянутости, обязательныхъ при всякомъ знакомствѣ, или, можетъ быть, онѣ были такъ кратки, что я ихъ не замѣтилъ.

Послѣ обѣда Наталья Сергѣевна подошла къ старому, но мужественно сохранившему приличный звукъ роялю, безъ всякаго предувѣдомленія сѣла за него, заиграла и запѣла.

Ужъ это было очаровательнѣй всего предыдущаго, и именно то, что она сдѣлала это такъ просто, какъ будто продолжала разговоръ.

Я не знатокъ въ музыкѣ, но въ свое время увлекался операми и слышалъ много извѣстныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ—и говорю прямо, что такого пѣнія никогда не слышалъ.

Голосъ былъ превосходный, не особенно сильный, но содержательный, ровный и красиваго тембра. Но не въ этомъ дѣло, не въ качествѣ голоса, а именно въ пѣніи, или, вѣрнѣе сказать, въ ней самой.

Она дѣйствительно точно продолжала обѣденный разговоръ, то самое настроеніе,—легкое, веселое, непринужденное.

Большая артистка, это для меня было ясно. А когда кончила, спросила меня.

— Ну, что? какъ находите мое пѣніе?

— Вы большая артистка,—воскликнулъ я.—Я не понимаю, почему васъ не носятъ на рукахъ и не платятъ вамъ золотыя горы.

— Погодите, ликвидаторъ, будутъ платить и будутъ носить,—сказалъ Павелъ Сергѣевичъ.

— Ты думаешь, Павликъ, что будутъ?

— Увѣренъ.

— Нѣтъ,—промолвила Наталья Сергѣевна и убѣжденно покачала головой.

— Почему?—спросилъ Павелъ.

— Ты не знаешь, что для этого нужно. Ты этого не знаешь, Павликъ...

— Я знаю. Это сказалъ одинъ итальянскій профессоръ. Нужны три условія: голосъ, голосъ и голосъ.

— Это былъ старый профессоръ, старой школы. А теперь нужно еще кой-что... Ахъ господа,—вдругъ прервала она сама себя, видимо нарочно прекращая этотъ разговоръ, который кажется былъ ей непріятенъ:—посмотрите, сколько солнца! Пойдемте въ садъ Я помню его въ дѣтствѣ... Впрочемъ въ сущности ничего не помню.

Прошла недѣля, въ продолженіи которой ничего не случилось, и событія, которыя послѣ разыгрались, ничѣмъ еще не дали о себѣ знать. Они-то въ сущности уже зарождались. Ихъ признаки присутствовали среди насъ, но мы этого не знали.

Встрѣчались за столомъ. Я только утренній кофе пилъ у себя во флигелѣ. У меня была спиртовая машинка, я самъ варилъ себѣ кофе, а сливки приносила мнѣ Авдотья изъ кухни.

Иногда я уѣзжалъ по своимъ ликвидаторскимъ дѣламъ. Но ихъ было тогда еще немного, и потому бо́льшую часть дня я проводилъ съ Стромиловыми, въ домѣ или въ саду.

Но было у меня особое занятіе, о которомъ пока зналъ только мальчуганъ Федька, спавшій въ конюшнѣ. Кромѣ водительства телятами, на его обязанности лежало еще подкладываніе лошадямъ сѣна и овса.

Это происходило каждый день въ шесть часовъ утра, а то и раньше.

Федька получилъ полтинникъ впередъ, и ему была подана надежда получить другой по окончаніи всей операціи.

Вмѣстѣ съ нимъ изъ тройки мы выбрали самую спокойную лошадь. Она была вороная, крупная, хорошихъ статей. Повидимому, въ ней была капля англійской крови.

Около конюшни была небольшая полянка, загороженная съ двухъ сторонъ—конюшней и заборомъ. Вотъ тутъ-то и происходило обученіе.

Я кой-что зналъ по этой части. Въ свое время я увлекался верховой ѣздой, ѣздилъ съ дамами, и у меня бывали маленькіе верховые романы. Я зналъ пріемы.

Дамское сѣдло было тутъ. Федька досталъ гдѣ-то женскую юбку. Подозрѣваю, что онъ просто-напросто у кого-то стащилъ ее. Эту юбку, я натаскивалъ на себя и очень ловко вскакивалъ на лошадь.

Сперва она пугалась такого необычайнаго сѣдока, даже пробовала стать на дыбы, но вѣрный Федька крѣпко держалъ ее за поводья и готовъ былъ при надобности вмѣстѣ съ нею подняться въ воздухъ.

Ликвидаторъ въ фуражкѣ съ кокардой и въ женской юбкѣ, сидящій на лошади, въ дамскомъ сѣдлѣ—это было, должно быть, пресмѣшное зрѣлище, но зато результатъ былъ блестящій: конь оказался талантливый и, въ два дня привыкнувъ къ дамскому сѣдлу и женской юбкѣ, чрезвычайно быстро усваивалъ, разумѣется самые общіе, неизбѣжные пріемы верховой ѣзды.

На шестой день мы съ Федей уже пробрались въ садъ, гдѣ была боковая широкая аллея, и тутъ я позволилъ себѣ сдѣлать два тура настоящимъ галопомъ.

И все вышло бы какъ нельзя лучше, если бы не подвелъ меня, въ данномъ случаѣ оказавшійся коварнымъ, Павелъ Сергѣевичъ.

Я ужъ второе утро галопировалъ по садовой аллеѣ, но именно въ это-то утро ему и взбрело на умъ проснуться рано и пройти зачѣмъ-то къ колодцу—этотъ колодецъ съ неисправной шестерней былъ его больнымъ мѣстомъ—и онъ, какъ потомъ оказалось, сквозь вѣтви видѣлъ всѣ мои упражненія.

И хватило выдержки у человѣка ни слова не сказать мнѣ объ этомъ. Только за обѣдомъ и ужиномъ онъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о верховой ѣздѣ и язвительно упрекалъ меня въ хвастовствѣ.

— Ну, гдѣ же ваша лошадь, милый ликвидаторъ? ай-ай, можно ли давать такія неосторожныя обѣщанія!

— И въ самомъ дѣлѣ,—прибавляла Наталья Сергѣевна,—а я по наивности повѣрила.

А на слѣдующее утро, въ самый разгаръ моего галопированія, въ концѣ аллеи вдругъ появились они оба. Ради смѣха, онъ не пощадилъ сестру и въ столь ранній часъ поднялъ ее съ постели. У нея были еще сонные глаза.

Ну, что же? мнѣ оставалось осадить коня и во всемъ великолѣпіи своего самоотверженно нелѣпаго наряда сойти на землю.

Наталья Сергѣевна хохотала до слезъ. Но въ концѣ концовъ вѣдь это же было трогательно, и когда я подвелъ къ ней коня, сказавъ:

— Можете садиться.

Она съ неподдѣльнымъ чувствомъ крѣпко пожала мнѣ руку.

— Неужели можно?—спросила она.

— Да вѣдь вы же видѣли. Это тянется уже недѣлю.

И было дѣломъ десяти минутъ побѣжать въ домъ и вернуться оттуда въ изящнѣйшей короткой амазонкѣ, которую она, конечно, привезла изъ Петербурга. Мы вывели лошадь изъ сада. Наталья Сергѣевна вскочила въ сѣдло и осторожно поскакала по дорогѣ.

— Вотъ видите,—сказалъ мнѣ Павелъ Сергѣевичъ.—Я не хотѣлъ, чтобы вашъ подвигъ прошелъ незамѣченнымъ.

Но какъ трогательно выражала она мнѣ благодарность, когда часа черезъ полтора вернулась домой и мы вмѣстѣ пили кофе на верандѣ.

Она и смѣялась моему комическому виду въ юбкѣ и съ кокардой—да къ тому же у меня была порядочно длинная борода,—и восторгалась моимъ рыцарствомъ. Комическое стало подвигомъ.

Притомъ и лошадь своими удачными качествами способствовала моему возвышенію въ ея глазахъ.

— Но что это за господинъ не русскаго вида? Я встрѣтила его верстахъ въ шести отсюда... Такой длинный и тонкій, лицо бритое. Онъ промчался мимо меня на сѣрой лошади, но все же успѣлъ любезно приподнять шляпу.

— Это Чарльсонъ.

— Какъ? англичанинъ? Что же онъ тутъ дѣлаетъ? Вотъ не ожидала встрѣтить въ этомъ краю англичанина.

— Этотъ Чарльсонъ замѣчательный человѣкъ,—вдругъ съ ядовитымъ выраженіемъ замѣтилъ Павелъ.—У себя на родинѣ, по всей вѣроятности, чистилъ бы лошадей на конюшнѣ у какого-нибудь лорда.

Наталья Сергѣевна съ величайшимъ недоумѣніемъ подняла на него глаза. Очень ужъ несвойственъ Павлу Сергѣевичу былъ этотъ тонъ. Но для меня онъ не былъ новостью. Я много разъ слышалъ его, когда рѣчь заходила о Чарльсонѣ, и только о немъ.

Я пояснилъ:

— Павелъ Сергѣевичъ ненавидитъ этого человѣка, и я никакъ не могу понять, за что.

— А что же онъ такое, этотъ Чарльсонъ? — спросила Наталья Сергѣевна.

— Этотъ человѣкъ семь лѣтъ тому назадъ явился въ здѣшнихъ мѣстахъ. Говорятъ, что у него было денегъ всего на всего сто

фунтовъ, то-есть около тысячи рублей. Онъ купилъ у помѣщика Мастальскаго двѣ десятины земли—просто пустырь, на которомъ плохо росла осина, и построилъ небольшой домикъ. Онъ зналъ по-русски десятокъ необходимыхъ словъ, но скоро выучился всѣмъ словамъ; теперь онъ говоритъ, какъ мы. Онъ сталъ скупать у окрестныхъ мужиковъ яйца, куръ и цыплятъ и отправлять ихъ сперва въ Москву и Петербургъ, а потомъ и за границу. Теперь у него огромное заведеніе, имѣются конторы въ сотнѣ городовъ Европы, а состояніе его исчисляется чуть ли не въ милліонъ.

— Это все же интересно, Павликъ,—сказала Наталья Сергѣевна.

— Да, очень,—неопредѣленно отвѣтилъ Павелъ.—Развѣ я говорю, что нѣтъ?

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Да вотъ и я никогда не могъ понять этого,—замѣтилъ я.—Мнѣ кажется,—пусть Павелъ Сергѣевичъ извинитъ меня, но мнѣ кажется, что это что-то въ родѣ зависти.

— Видите ли, мой другъ, почтенный ликвидаторъ — сказалъ Павелъ Сергѣевичъ, съ очень серьезнымъ лицомъ,—вы, пожалуй, и угадали, только не совсѣмъ. Зависть? Да; но не думаете же вы, что я завидую его курамъ, цыплятамъ и милліону, который онъ нажилъ въ сущности отъ некультурности и неустроенности русскаго мужика? Конечно, нѣтъ. А меня приводитъ въ бѣшенство именно вотъ это: что можно у насъ, при помощи нашихъ же недостатковъ, изъ ста фунтовъ такъ легко сдѣлать милліонъ, что мы такіе дураки, сидимъ въ своей землѣ, разоряемся, буквально распродаемся съ молотка, а если не съ молотка, такъ при помощи любезнаго государственнаго банка и его милыхъ ликвидаторовъ. А вотъ европеецъ пришелъ и только глазомъ моргнулъ, какъ мы понесли ему свое добро, — на, молъ, тебѣ, ваше высококультурное европейское превосходительство, получай за грошъ и перепродавай за полтинникъ. Вѣдь только это въ сущности онъ и дѣлалъ, больше ничего.

— Вы не правы, Павелъ Сергѣевичъ,—мягко возразилъ я. — Онъ дѣлаетъ это, совершенно вѣрно, но до него ничего этого не было. Крестьяне несутъ ему свое добро, а до него имъ нести его было некуда. Они теперь разводятъ цыплятъ, заводятъ носскія породы куръ, держатъ утокъ и гусей. Онъ создалъ для края новый источникъ дохода. И не просто онъ собиратель того, что плохо лежитъ. Посмотрѣли бы вы, какія у него холодильныя машины, сколько народу работаетъ, и прочее и прочее. Словомъ, вы не правы и не правы; а вамъ, Наталья Сергѣевна,

надо побывать тамъ. Если вы вообразите себѣ пустырь, на которомъ и осина плохо росла, и сравните съ тѣмъ, что тамъ теперь, то вы будете изумлены.

— Ну, да, да, конечно,—горячо воскликнулъ Павелъ Сергѣевичъ, вскочивъ съ своего стула и забѣгавъ по широкой верандѣ.—Изумлена ты будешь, но чѣмъ? Да, разумѣется, онъ правъ,—у него тамъ и выкормка, и сортировка, и холодильники, и тому подобное. Но почему же онъ не устроилъ все это тамъ, у себя, на своей прекрасной родинѣ? Да потому, что тамъ съ сотней фунтовъ ничего не устроишь. Потому что тамъ нѣтъ дураковъ, а всѣ умные, и никто не понесетъ живность за грошъ, а самъ пойдетъ на рынокъ и продастъ за полтинникъ. А еслибъ этого въ началѣ не было, то и всего прочаго онъ не завелъ бы.

— Павликъ,—вдругъ остановила его Наталья Сергѣевна,—развѣ ты такой... націоналистъ?

При этихъ словахъ у Павла Сергѣевича вдругъ прошла вся горячность, и онъ разсмѣялся.

— Ну, и сказала же ты, Наташа!

— Развѣ я сказала что-нибудь глупое?—промолвила Наталья Сергѣевна.

— Нѣтъ, напротивъ,—заступился я:—вы сказали очень хорошо. Павелъ Сергѣевичъ путается, но въ сущности это очень близко къ тому, что нынче называютъ націонализмомъ.

— Ничего подобнаго, я просто неправильно понятъ. Но ты, Наташа, откуда ты выкопала это словечко? Развѣ ты интересуешься политикой?

— О нѣтъ, я ничего въ ней не понимаю; но это слово теперь вездѣ встрѣчается. У насъ въ театрѣ есть суфлеръ, такъ вотъ онъ говоритъ, что онъ націоналистъ и, когда суфлируетъ тенору Малкину,—а Малкинъ еврей,—такъ нарочно переставляетъ слова, чтобы тотъ сбился...

— Ну вотъ,—почти обидѣвшись, сказалъ Павелъ Сергѣевичъ,—я вижу, что вы оба сбились на Богъ знаетъ что. Если ты интересуешься Чарльсономъ, то я, пожалуй, самъ поѣду съ тобой.

— А ты тамъ не будешь кусаться?—смѣясь, спросила Наталья Сергѣевна.

— Напротивъ, я у него поучусь, а потомъ самъ начну здѣсь оперировать. Да, чортъ возьми,—прибавилъ онъ, задумчиво глядя въ садъ, гдѣ деревья хоть и цвѣли, но какъ-то черезъ силу, потому что стояли не окопанныя, обремененныя излишними вѣтвями, безъ всякой поливки.—Недурно бы научиться у англичанина, какъ безъ денегъ поднять въ концѣ запущенное имѣніе.

Онъ очевидно думалъ о себѣ и о своемъ имѣніи, и стало немного грустно. Разговоръ оборвался и плохо налаживался.

Но потомъ это настроеніе прошло. Со станціи привезли принадлежности кузницы и явился кузнецъ. Павелъ Сергѣевичъ со страстью предался этому дѣлу.

III.

Мое положеніе въ этой семьѣ было странное, но чрезвычайно выгодное. Братъ и сестра очень любили другъ друга, но повидимому были мало знакомы, и многое въ каждомъ было для другого ново. Поэтому они постоянно и можетъ быть, невольно наблюдали другъ друга.

Я же стоялъ въ сторонѣ, къ обоимъ расположенный, пользуясь довѣріемъ обоихъ; и каждый со мной дѣлился впечатлѣніями и мыслями по поводу другого.

Въ особенности въ этомъ нуждалась Наталья Сергѣевна. Въ характерѣ Павла была способность прятать то, что ему было самому непріятно и тяжело; и если въ концѣ концовъ онъ все-таки обо всемъ со мной говорилъ, то это выходило какъ-то само собой, вслѣдствіе привычки не смотрѣть на меня какъ на посторонняго.

У Натальи Сергѣевны этой способности не было. Когда у нея являлась какая-нибудь мысль, она просто страдала отъ потребности высказать ее кому-нибудь, услышать мнѣніе другого, словомъ—облегчить душу. Но передъ Павломъ высказываться она не могла, потому что мысли ея большею частью относились къ нему.

И благодаря этому, мало-по-малу я сдѣлался какъ бы ея исповѣдникомъ и незамѣтно очутился близко-близко къ ея душѣ.

Ей скучно было ѣздить верхомъ одной, и я приспособилъ для себя другую лошадь изъ тройки. Прогулки наши были раннія, когда солнечные лучи еще только разогрѣвались, воздухъ былъ свѣжъ, а зелень нивъ влажна отъ невысохшей еще утренней росы. Въ шесть часовъ она просыпалась, а въ половинѣ седьмого мы уже ѣхали рядомъ по дорогѣ.

И вотъ, во время этихъ-то прогулокъ я узналъ, что она совсѣмъ не такая милая птичка, готовая во всякое время щебетать, смѣяться и пѣть, какъ это мнѣ показалось въ первое время нашего знакомства.

У нея въ головѣ было множество сомнѣній и вопросовъ; она наблюдала и думала о братѣ, о себѣ самой и о жизни.

Въ началѣ это было сдержанно; такъ, одно-другое короткое замѣчаніе и прислушиваніе къ тому, что я скажу, какъ отзовусь. Можетъ быть, даже и этого не было, а просто слова вырывались наружу, потому что было кому выслушивать ихъ.

— Какъ онъ бьется, бѣдный Павликъ... А ничего у него не выходитъ... Жалко смотрѣть на него...—говоритъ она глядя впередъ, какъ будто и не мнѣ.

— Но онъ вѣритъ, и его нельзя сбить,—откликаюсь я.

— А развѣ слѣдуетъ сбивать? Какъ по вашему?

Это уже вопросъ, налагающій отвѣтственность и при томъ, очевидно случайно, она сразу забралась въ самую гущину положенія.

Слѣдуетъ ли сбивать Павлика, то есть могутъ ли осуществиться его планы относительно подъема угасшаго родового благосостоянія, и именно при помощи земли и сада, безъ службы и безъ клянчанья о посторонней помощи?

При томъ же я знаю, что вопросъ этотъ гораздо шире, чѣмъ кажется, что онъ хотя и относится къ Павлику, но включаетъ въ себѣ и ее, Наталью Сергѣевну, ея судьбу. Вѣдь всѣ эти дни Павелъ Сергѣевичъ только и говорилъ, что объ этомъ. Наташа—огромный талантъ, и она должна сдѣлать блестящую карьеру, но безъ денегъ ничего нельзя сдѣлать.

О, онъ знаетъ, какъ это тамъ дѣлается. Нужно ткнуть одному тысячу, другому двѣ, нужно высыпать мѣшокъ золота на рекламу. Всѣ знаменитые пѣвцы погибали въ неизвѣстности, пока не нашли средствъ дѣлать рекламу. Приводились примѣры.

Ну, хорошо. Это все вѣрно. Но отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ сдѣлать нечеловѣческія усилія, чтобы на этихъ остаткахъ наслѣдственной земли, на этихъ шести стахъ десятинахъ создать дѣло, которое дастъ доходъ.

— Какое же это дѣло?—спрашивала Наталья Сергѣевна.

— Какъ какое? Вотъ садъ. Онъ страшно запущенъ, его надо поднять. Вотъ земля; арендаторы истощили ее въ конецъ, нужно дать ей новыя силы... Ахъ, въ сущности тутъ дѣло не въ деньгахъ, а въ энергіи. А главное, нужно самому работать, нужно съ головой погрузиться въ землю, полюбить ее и познать, какъ женщину...

Богъ знаетъ, что такое онъ говорилъ. Хорошія слова, которымъ никакъ нельзя было отказать въ справедливости, и которыя въ то же время, при его положеніи, рѣшительно никуда не годились.

Я не возражалъ, потому что вышелъ бы огорчительный и

безполезный споръ. Въ имѣніи даже плуга порядочнаго не было. Теперь вотъ наладили кузницу; въ ней работалъ кузнецъ, и Павлу Сергѣевичу наивно казалось, что въ этомъ все его спасеніе.

Вытаскивали изъ сараевъ обломки старыхъ плуговъ и какихъ-то странныхъ инструментовъ, назначеніе которыхъ по этимъ остаткамъ даже нельзя было опредѣлить. Кузнецъ долженъ былъ изъ всего этого создать надлежащія орудія.

И кузнецъ, конечно, не отказывался, на то онъ былъ мастеръ своего дѣла; но можно было заранѣе сказать, что изъ этого ничего не выйдетъ.

Поэтому я не спорилъ, а Наталья Сергѣевна, ничего не понимавшая въ этихъ дѣлахъ, должно быть почувствовала истину и тоже молчала; только чуть слышно вздохнула.

И вотъ теперь я долженъ отвѣтить на поставленный ребромъ вопросъ. Я считалъ своимъ долгомъ быть правдивымъ, и по крайней мѣрѣ хоть ее не обманывать. Я говорю:

— Сбивать безполезно, Наталья Сергѣевна, но и заблуждаться не къ чему.

Она съ видомъ нетерпѣнія дергаетъ за поводья.

— Да вы говорите ужъ все, ничего, если горько.

— Горечь-то не такая ужъ неустранимая,—стараюсь я быть все-таки мягкимъ.—Планы у Павла Сергѣевича прекрасные, и на шести стахъ десятинахъ можно чортъ знаетъ чего добиться, но нужны деньги... Безъ нихъ будетъ только напрасная трата силъ.

— А много нужно?

— Да вѣдь все приходится подымать съизнова и заводить. Вонъ даже конюшня, и та грозитъ развалиться. Садъ — вотъ онъ теперь весь въ цвѣту. Кажется, вотъ какой урожай предстоитъ, а урожая не будетъ.

— Не будетъ? Вы уже теперь знаете?

— Конечно, знаю. Деревья запущены, у нихъ нѣтъ силъ выростить хорошіе плоды... Такъ, вздоръ какой-нибудь будетъ.

— Ну, какъ много?

— Да ужъ самое меньшее—тысячъ десять истратить пришлось бы.

— О!—Только и произнесла она на это, чуть-чуть покраснѣла и погнала лошадь галопомъ.

Въ то утро мы не возвращались къ той темѣ. А только я замѣтилъ, что Наталья Сергѣевна весь этотъ день была какъ-то особенно нѣжна и ласкова съ братомъ.

Нѣтъ, эти утреннія наши прогулки рѣшительно творили чудо. Мы такъ быстро сблизились съ Натальей Сергѣевной, что намъ даже некогда было замѣтить это и удивиться.

Но не слѣдуетъ придавать этому обстоятельству то значеніе, какого оно не имѣло. Въ сближеніи этомъ не было ничего романическаго. Мы просто стали довѣрять другъ другу. Я узналъ многое о ней, а она услышала отъ меня разсказы о моей особѣ и о моей жизни, и этимъ мы были обязаны особому свойству прогулокъ верхомъ.

Да, это создаетъ какую-то необыкновенную обстановку. Я даже не знаю хорошенько, въ чемъ тутъ дѣло. Можетъ быть то, что, въ случаѣ неловкости, каждую минуту можно дать коню шпоры и ускакать.

Или вотъ это: говоришь куда-то въ пространство, словно съ вѣтромъ или съ облаками, а спутникъ невольно слышитъ.

Или, наконецъ, это ни съ чѣмъ несравнимое чувство свободы: кругомъ во всѣ стороны поля, до самаго горизонта, а надъ головой безбрежное небо. Нѣтъ никого съ нами. Если попадаются люди, мы быстро мчимся мимо и оставляемъ ихъ позади. Мы да солнце, которое плыветъ по небу.

Отъ меня она узнала всѣ подробности моей жизни. Это было очень странно, почти открытіе: когда я принялся разсказывать ей про свою жизнь, то съ самаго же начала увидѣлъ, что мнѣ нечего разсказывать, такъ все въ ней было обыкновенно, такъ бѣдно и сѣро.

Я этого прежде не думалъ; мнѣ казалось, что въ моей жизни были моменты интересные, даже драматическіе и потрясающіе. Но когда я заговорилъ о нихъ вслухъ, они вдругъ поблѣднѣли, уменьшились, точно пригнулись къ землѣ.

Дѣтство въ захудалой дворянской семьѣ, гимназія, университетъ, съ маленькимъ увлеченіемъ: ну, самое маленькое, почти недоразумѣніе, кончившееся высылкой на два мѣсяца...

По окончаніи курса, мечты о широкой общественной дѣятельности, важной и полезной для народа. Да, непремѣнно для народа. Народъ—это какая-то неизбѣжная узловая станція въ жизни русскаго интеллигента. Каждый хоть минутку да помечтаетъ о служеніи народу.

Но это, разумѣется, потомъ, а пока—служба, жалованье и чинъ... Да такъ и осталось, мечты улетучились. Жалованье платили и увеличивали. Вотъ и получился «ликвидаторъ». Словомъ, до ужаса обыкновенная жизнь.

А женщины? Неужели я не увлекался? Неужели я такъчерствъ?

О, да, конечно, были увлеченія, все было—но такое маленькое, коротенькое, ни къ чему не обязывающее.

Если говорить правду—а у меня нѣтъ никакого основанія не говорить ее,—то это есть и теперь, тамъ, въ губернскомъ городѣ, но тоже ничего глубокаго. Ну, вотъ, есть, а завтра, можетъ быть, не будетъ, и мнѣ это все равно.

И когда я разсказалъ вслухъ эту жизнь, я съ ужасомъ спросилъ себя: неужели это моя жизнь? И мнѣ стало обидно, что я такой блѣдный, сѣрый, обыкновенный человѣкъ.

У Натальи Сергѣевны настоящей жизни еще не было. Институтъ, два года въ Парижѣ, гдѣ покойный отецъ ея доживалъ свои послѣдніе годы, усиленно проѣдая кусокъ за кускомъ наслѣдственную землю. Тамъ она, по ея собственному опредѣленію, болталась, впрочемъ урывками обучаясь пѣнію, такъ какъ голосъ ея и тогда уже былъ признанъ.

Смерть отца: онъ и умеръ въ Парижѣ. Открытіе, что у нея съ братомъ не осталось никакихъ средствъ: урѣзанное имѣніе и долги. Послѣ недолгихъ колебаній—на сцену, и вотъ уже цѣлый годъ она пѣвица.

Больше ничего у нея не было въ прошломъ. Но будущее, будущее... Когда она говорила о немъ, глаза ея зажигались не просто огнемъ желаній, а какой-то жадностью жизни.

Все взять, все испробовать, зачерпнуть изъ всѣхъ источниковъ и пить, пить безъ конца.

— Но, слушайте, Наталья Сергѣевна, съ вашимъ голосомъ вѣдь вы можете сдѣлать колоссальную карьеру и заработать состояніе. Вы можете достигнуть всего.

— О, да... Конечно. Можно достигнуть всего. Но нужно сдвинуться съ мѣста.

— Что это значитъ?

— А вотъ какъ камень, который вѣка лежалъ на обнаженной вершинѣ горы, доступной всѣмъ вѣтрамъ и непогодѣ, и тоскливо глядѣлъ внизъ, гдѣ разстилается очаровательная цвѣтущая долина. Его только надо сдвинуть съ мѣста, а ужъ въ долину онъ докатится самъ. И вотъ случайно забрался на вершину какой-то любопытный туристъ, простымъ движеніемъ палки сдвинулъ камень съ мѣста, и полетѣлъ онъ внизъ въ долину, въ самую гущу зелени, и ничто ужъ его не остановитъ.

— Позвольте, но неужели же правъ Павелъ Сергѣевичъ, что нужно всѣмъ платить?

— Можетъ быть, и правъ, не знаю. Кажется, за грани-

цей это дѣлается очень просто. Тамъ, говорятъ, такса. У насъ таксы еще не выработали... Но за то у насъ... идеализмъ.

— Идеализмъ? Это что же такое въ примѣненіи къ данному случаю?

— Всѣ любятъ.

— А, но это немудрено, потому что вы обворожительны.

— Да, всѣ любятъ. Есть вліятельныя газеты, въ каждой по музыкальному божку и у каждаго изъ нихъ въ груди легко воспламеняющееся сердце. Въ театрѣ есть директора, режиссеры, дирижеры... Отъ всѣхъ зависитъ судьба пѣвицы. Можетъ быть, не всѣ могутъ сдѣлать ей добро, но ужъ навѣрно каждый въ своей спеціальности можетъ устроить ей гадость. И чтобы сдѣлать карьеру навѣрняка, женщина должна отвѣчать всѣмъ на ихъ чувства... Ну, на то, что они считаютъ чувствомъ. Тогда они всѣ разомъ начнутъ кричать о ней, выдвигать ее, носиться съ нею. Камень сдвинуть съ мѣста, и ужъ онъ навѣрно покатится и достигнетъ цвѣтущей долины.

— Всѣмъ отвѣчать?—воскликнулъ я, изумленный и подавленный.

— Всѣмъ, непремѣнно всѣмъ, и чтобы каждый считалъ побѣдителемъ только себя.

— Но вѣдь это же значитъ быть...

— Подлой, вы хотите сказать?

— Нѣтъ, я не хотѣлъ это сказать,—но на все готовой и неразборчивой.

— Да ужъ тутъ разбирать не приходится. Я вѣдь разсказываю вамъ не выдумки свои, а то, что знаю. Я видѣла такія карьеры...

— Такая карьера не для васъ...

— Ну, значитъ, вообще, карьера не для меня.

— Но неужели же нельзя иначе?.. Не всѣ же такъ...

— Ну, конечно, не всѣ. Иныя покупаютъ свою судьбу за наличныя деньги, другія и такъ проскальзываютъ... Случайно. Но вручать свою судьбу случаю, который можетъ опоздать на десять лѣтъ... А деньги... онѣ вѣдь являются позже... И приходится завидовать и считать счастливицами тѣхъ, которыхъ природа сдѣлала некрасивыми. Ихъ никто не хочетъ, и потому ничто имъ не мѣшаетъ.

Помню, что разговоръ этотъ оборвался, благодаря тому, что лошади наши вдругъ насторожились и стали тревожно прислушиваться къ какому-то отдаленному, но явственно приближавшемуся, гулу.

— Что это?—спросила Наталья Сергѣевна.

Я оглянулся.

— Свернемте подальше отъ дороги,—сказалъ я. — Это Чарльсонъ на своемъ автомобилѣ.

И мы сейчасъ же свернули направо по зеленямъ и отъѣхали саженей на сто. Лошади все время вздрагивали и приходилось успокаивать ихъ. Замѣтивъ это, англичанинъ замедлилъ ходъ.

— Автомобиль?—съ изумленіемъ воскликнула Наталья Сергѣевна.—Здѣсь, въ этихъ степяхъ?

— Единственный,—сказалъ я.—Въ сухую погоду здѣшнія дороги превосходны: мѣстность ровная, какъ доска. Но вѣдь и англичанинъ здѣсь тоже единственный.

Чарльсонъ между тѣмъ, замѣтивъ, что наши лошади сильно нервничаютъ, остановилъ свою машину, приподнявъ по направленію къ намъ шляпу, и какъ бы приглашалъ насъ проѣхать дальше.

Я раза два уже встрѣчался съ нимъ и потому отвѣтилъ на его поклонъ.

— Хотите поближе посмотрѣть на это чудо?—спросилъ я.

— Пожалуй, если лошади пойдутъ,—отвѣтила Наталья Сергѣевна.

Мы попробовали. Лошади неохотно, но довольно спокойно пошли. Минуты черезъ двѣ мы были около автомобиля.

Чарльсонъ уже вышелъ изъ него и направился къ намъ. Онъ былъ въ высокихъ сапогахъ и въ сѣрой шерстяной курткѣ.

— Простите, моя машина пугаетъ вашихъ лошадей,—сказалъ онъ, какъ-то чрезвычайно настойчиво выговаривая каждую согласную, но не дѣлая ошибокъ. — Здѣсь съ этимъ бѣда. Я могу ѣздить только раннимъ утромъ. Ужъ на меня подали въ судъ.

Онъ остановился и снова приподнялъ шляпу, адресуя это привѣтствіе спеціально Натальѣ Сергѣевнѣ. Я сказалъ:

— Это господинъ Чарльсонъ, которымъ вы такъ интересовались.

Наталья Сергѣевна кивнула ему головой.

— Мнѣ пріятно встрѣтиться,—сказалъ Чарльсонъ:—здѣсь никого нѣтъ, а мы сосѣди. Я имѣлъ удовольствіе видѣть на станціи вашего почтеннаго брата, но онъ, какъ я слышалъ, меня не любитъ.

— Мой братъ?—какъ казалось, съ искреннимъ удивленіемъ промолвила Наталья Сергѣевна,—за что же ему не любить васъ, мосье Чарльсонъ? Я думаю, напротивъ, онъ радъ будетъ видѣть васъ у себя, какъ и я, конечно...

— Благодарю васъ, если такъ.

И Чарльсонъ опять приподнялъ шляпу.

— Мы поѣдемъ обратно,—сказалъ я,—такъ что вы можете безпрепятственно продолжать вашъ путь.

И мы дѣйствительно, простившись съ нимъ, поѣхали по дорогѣ къ усадьбѣ, а Чарльсонъ, выждавъ нѣсколько минутъ, покатилъ на своемъ автомобилѣ въ противоположную сторону.

Когда мы разсказали объ этой встрѣчѣ Павлу Сергѣевичу, онъ оживился и выразилъ удовольствіе. Онъ въ сущности радъ, что произойдетъ знакомство съ Чарльсономъ. Безъ сомнѣнія, это очень интересный человѣкъ, разъ онъ могъ создать такое огромное дѣло изъ ничего, и будетъ очень пріятно посмотрѣть на него поближе.

— Ты, значитъ, перемѣнилъ свой взглядъ?—сказала Наталья Сергѣевна.

— Нѣтъ, но я тогда просто погорячился. Я все-таки отношусь къ нему, какъ къ врагу, но хочу получше узнать своего врага и, можетъ быть, научиться у него тому, что составляетъ его силу.

Я выслушалъ это и подумалъ: ужъ не созрѣлъ ли у Павла въ головѣ новый планъ обогащенія, не думаетъ ли онъ заняться тѣмъ же, чѣмъ занимается Чарльсонъ, и разбогатѣть на курахъ?

Но это значило бы, что онъ разочаровался въ своемъ прежнемъ планѣ, а этого не было видно. Напротивъ, онъ съ прежнимъ жаромъ занимался садомъ и землей, а особенно кузницей. Пока выковывались тамъ какія-то странныя орудія, изъ которыхъ должны были въ будущемъ составиться плуги и бороны, онъ буквально на послѣднія деньги, оставшіяся отъ привезенныхъ Натальей Сергѣевной, нанялъ бабъ, которыя пололи огородъ. Это было единственное, что онъ успѣлъ насадить, такъ какъ для яровыхъ посѣвовъ никто во время не приготовилъ землю.

Зато онъ возлагалъ несмѣтныя надежды на будущее лѣто, совершенно увѣренный, что при помощи своей энергіи и изготовляемыхъ кузнецомъ орудій приготовить землю и во время засѣетъ.

IV.

Чарльсонъ явился гораздо скорѣй, чѣмъ его ждали—на слѣдующій день.

Онъ былъ безукоризненъ — въ изящной черной визиткѣ, сшитой если не въ Лондонѣ, то во всякомъ случаѣ не въ на-

шемъ губернскомъ городѣ, съ начисто выбритымъ лицомъ. Рыжеватые волосы на головѣ его были довольно низко острижены и торчали ежомъ.

Онъ пріѣхалъ въ пролеткѣ, запряженной горячимъ вороннымъ рысакомъ, какъ онъ объяснилъ, орловской породы.

Онъ сейчасъ же началъ жаловаться на отсутствіе общества. Кругомъ живутъ помѣщики, но съ нимъ не знакомятся, считая его, повидимому, для себя не подходящимъ. Впрочемъ, онъ готовъ былъ признать это. Въ концѣ концовъ каждый выбираетъ себѣ общество, какое ему нравится.

Но не понималъ онъ, что никто, ну, рѣшительно никто изъ мѣстныхъ жителей не интересуется его предпріятіемъ. Между тѣмъ, у него есть что посмотрѣть.

Мы предоставляли ему говорить, а онъ дѣлалъ это охотно, какъ человѣкъ, долго остававшійся безъ общества. И мы узнали отъ него много подробностей о его дѣлѣ.

Да, это такъ и есть, что онъ пришелъ сюда съ сотней фунтовъ, ну, можетъ быть, немножко больше, и купилъ пустырь. Потомъ пришлось его расширить. Теперь у него подъ предпріятіемъ пять десятинъ, не болѣе, потому что этого совершенно достаточно.

Семь лѣтъ тому назадъ ему было всего двадцать шесть лѣтъ. Передъ этимъ онъ учился, очень немного, совсѣмъ немного, и нѣсколько лѣтъ работалъ въ разныхъ промышленно-техническихъ предпріятіяхъ. Наконецъ, пришла пора начать свое маленькое дѣло, и онъ придумалъ это. Вѣдь это главное—чтобы удачно придумать, чтобы не сдѣлать ошибки и не растратить напрасно силы и время.

Съ Россіей онъ познакомился раньше, когда его одна фирма посылала по дѣламъ. Онъ увидѣлъ, что это край богатый, но заброшенный.

Эти русскіе, казалось ему тогда—странные люди. Они похожи на богача, у котораго полныя кладовыя съѣстныхъ припасовъ и полные погреба чудныхъ винъ, но ему лѣнь подняться съ мѣста и достать все это, и онъ питается засохшимъ хлѣбомъ и запиваетъ квасомъ.

Да, онъ самъ придумалъ это. Идея принадлежитъ ему. И въ первое время ему здѣсь пришлось круто. Какой-то иностранецъ... Никто не хотѣлъ вѣрить ему. Да и не было привычки продавать птицъ и яйца. Приходилось обходить окрестныя села, уговаривать, чуть не умолять.

Языку онъ скоро научился. Когда нужно, всему научишься.

И затѣмъ пошло. Увидѣли, поняли выгоду и стали предлагать, приносить, навязывать. Тогда уже быстро двинулось дѣло. А теперь—вотъ пожалуйте-ка посмотрѣть, сами увидите.

Онъ разсказывалъ все это съ видомъ скромнаго величія, несомнѣнно чувствуя себя незаурядным явленіемъ. Такимъ тономъ разсказываются біографіи замѣчательныхъ людей.

Павелъ Сергѣевичъ слушалъ его внимательно, былъ любезенъ, рѣшительно ничѣмъ не проявлялъ своего недружелюбія и не сдѣлалъ ни одного замѣчанія, которое наводило бы на его точку зрѣнія.

— А мнѣ сказали, будто вы не одобряете меня и моего предпріятія,—промолвилъ Чарльсонъ, галантно обратившись къ нему.

Павелъ Сергѣевичъ, неготовый къ такому обращенію, покраснѣлъ и, очевидно почувствовавъ это, не захотѣлъ увиливать.

— Противъ васъ лично я ничего не могу имѣть,—отвѣтилъ онъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ; — до сихъ поръ я не имѣлъ удовольствія знать васъ, теперь узналъ и очень радъ этому. Что касается вашего предпріятія, то такой огромный успѣхъ его свидѣтельствуетъ о его полезности, и я сталъ бы въ смѣшное положеніе, если бы вздумалъ не одобрять его. Но...

Въ это мгновеніе я взглянулъ на Наталью Сергѣевну и въ глазахъ ея увидѣлъ тотъ же страхъ, какой былъ и въ моей душѣ. Оба мы боялись, какъ бы послѣ этого Павелъ не закусилъ удила и не сказалъ чего-нибудь обиднаго для гостя.

— Но,—продолжалъ Павелъ Сергѣевичъ, — я былъ бы больше доволенъ, если бы подобныя предпріятія создавали у себя дома мы сами, русскіе.

— О, это само собой разумѣется!—сказалъ Чарльсонъ, наклонивъ голову въ его сторону, — вы должны такъ желать, и это дѣлаетъ честь вашему сердцу. Но, къ моему удивленію, никто здѣсь этого не желаетъ. Я, признаюсь, былъ увѣренъ, что встрѣчу конкурентовъ и принималъ это въ разсчетъ, но ихъ нѣтъ...

— Кромѣ одного,—сказалъ я:—развѣ вы ничего не слышали о Вертуновѣ? Третья станція отсюда...

— О, я слышалъ, я знаю, я даже былъ у него... Но когда вы посмотрите у меня и у него и сравните, вы увидите какая разница. Я вамъ даже могу сказать: у меня дѣло коммерческое, а у этого Вертунова, какъ здѣсь говорятъ, кулаческое.

— Въ чемъ же разница?—спросилъ Павелъ.

— О, большая, въ самомъ корнѣ. Мнѣ пришлось бы слиш-

комъ долго и слишкомъ скучно объяснять, но вы сами это поймете. Я слышалъ, что мадмуазель Стромилова,—снова перемѣнилъ онъ разговоръ, повернувъ лицо въ сторону Натальи Сергѣевны, —прекрасная артистка. Я увѣренъ, что это правда.

— Сестра поетъ на сценѣ,—отвѣтилъ Павелъ Сергѣевичъ.— Да, у нея прекрасный голосъ.

— Я хотѣлъ бы настолько заслужить ваше довѣріе, чтобы когда-нибудь услышать ваше пѣніе.

Послѣ этихъ словъ онъ тотчасъ поднялся и началъ прощаться.

— Я живу одиноко,—говорилъ онъ,—и, помимо желанія показать вамъ мое предпріятіе, мнѣ доставило бы большое удовольствіе видѣть всѣхъ васъ у себя. Къ сожалѣнію, мой автомобиль я могу предложить къ вашимъ услугамъ только въ очень ранніе часы. У меня уже три процесса по поводу испуга мѣстныхъ лошадей и вслѣдствіе этого поломки экипажей.

Онъ простился и уѣхалъ, оставивъ послѣ себя какое-то сложное впечатлѣніе спокойной самоувѣренности и порядка.

Это посѣщеніе подѣйствовало на Павла Сергѣевича страннымъ образомъ. Онъ какъ-то вдругъ загорѣлся нетерпѣніемъ поскорѣе побывать у Чарльсона и посмотрѣть на его предпріятіе. Онъ говорилъ:

— Я смотрѣлъ на него и слушалъ его, и мнѣ казалось, что я соприкасаюсь какъ будто съ другимъ міромъ. Да это такъ и есть; что-то иное во всемъ,—и въ манерѣ говорить, и въ способѣ мыслить. Онъ не похожъ ни на кого изъ насъ: ни на помѣщика, ни на купца, ни на крестьянина, ни на мѣщанина. Смотришь на него и думаешь: этотъ человѣкъ никогда не сдѣлаетъ ошибки, не увлечется одной красивой стороной дѣла, не выстрѣлитъ зря, а хорошо прицѣлится, навѣрняка. Вотъ онъ воспитаніе получилъ навѣрно самое скудное, у него не было ни гувернера, ни дядьки, а ведетъ себя превосходно. Вотъ пріѣхалъ, посидѣлъ ни много, ни мало, сколько нужно. Такъ прилично, безъ хвастовства, безъ заносчивости. И все это у него въ крови, воспитано вѣками у цѣлой націи. Очень я хотѣлъ бы разсмотрѣть его поближе.

Рѣшено было завтра ѣхать къ Чарльсону, и на другой день мы поѣхали. Онъ жилъ вблизи желѣзнодорожной станціи. Поэтому выѣхать пришлось съ утра.

Мы пріѣхали туда около полудня.

Чарльсонъ встрѣтилъ насъ чрезвычайно любезно, затащилъ къ себѣ въ домъ и прежде всего предложилъ намъ завтракъ, отъ котораго мы не отказались.

Постройки предпріятія занимали довольно значительное про-

странство, въ пять десятинъ. Доносился гулъ отъ электрической станціи, питавшей освѣщеніе всѣхъ зданій, равномѣрный стукъ отъ паровой мельницы и шумъ отъ машиннаго зданія, назначеніе котораго пока намъ не было еще понятно.

— О, потомъ, потомъ,—отвѣтилъ на наши вопросы Чарльсонъ.—Все покажу вамъ, господа, и все будетъ вамъ ясно. А теперь прошу васъ... Извиняюсь за мое хозяйство. У меня еще нѣтъ жены, и потому вы навѣрно найдете множество недостатковъ.

Послѣ длинной прогулки въ экипажѣ, подъ вліяніемъ обильнаго утренняго кислорода и весеннихъ солнечныхъ лучей, мы были порядочно голодны и не замѣтили никакихъ недостатковъ.

Столъ былъ сервированъ красиво, блюда были вкусны, двѣ горничныя подавали ихъ исправно, а хозяинъ былъ любезенъ и угощалъ совсѣмъ по-русски, заставляя повторять кушанья и подливая вино.

Небольшой домъ, въ которомъ онъ жилъ, стоялъ нѣсколько особнякомъ отъ дѣловыхъ построекъ и былъ окруженъ садомъ. Передъ террасой, на которой насъ угощали, былъ чистенькій изящный зеленый газонъ, росли цвѣты, и среди нихъ билъ маленькій, почти игрушечный фонтанчикъ.

— Это очень просто, — сказалъ Чарльсонъ, указывая на фонтанъ,—у насъ вѣдь имѣется свой водопроводъ.

Въ домѣ мы видѣли три небольшихъ комнаты, обставленныхъ, какъ кукольный домикъ: множество изящныхъ вещицъ—столики, тумбочки, этажерки съ фарфоровыми фигурками.

Въ одной комнатѣ стояло піанино; но оно было такъ густо заставлено мебелью, что до него трудно было добраться и, очевидно, на немъ никогда не играли.

Только рабочій кабинетъ Чарльсона выходилъ широкимъ окномъ къ воротамъ сада, и тамъ виденъ былъ главный корпусъ завода, производившій солидное дѣловое впечатлѣніе. Тутъ не было ничего лишняго—тяжелая конторка, низенькій шкафъ, позади диванъ шведскаго стиля, такое же кресло передъ столомъ.

Къ концу завтрака явился управляющій, котораго звали Петромъ Васильевичемъ. Онъ учился въ какомъ-то спеціальномъ учебномъ заведеніи, но Чарльсонъ, мало вѣрившій въ русскую культуру, посылалъ его въ Англію, гдѣ онъ и закончилъ свое куроводное образованіе. Скромный господинъ лѣтъ подъ сорокъ, видимо знающій свое дѣло и относившійся къ намъ съ величайшей почтительностью.

Подъ его предводительствомъ, въ то время, какъ самъ

Чарльсонъ шелъ позади, съ нами, и давалъ намъ подробныя объясненія, мы двинулись на осмотръ, предусмотрительно захвативъ съ собой пледы.

Но когда мы собирались выйти изъ воротъ окружавшаго домъ садика, Чарльсонъ остановилъ насъ.

— Извиняюсь,—сказалъ онъ,—прошу васъ подождать одну минутку.

Онъ подошелъ къ кусту, на которомъ цвѣли раннія чайныя розы, быстро срѣзалъ вынутымъ изъ жилетнаго кармана маленькимъ ножичкомъ нѣсколько пышныхъ цвѣтковъ и поднесъ ихъ Натальѣ Сергѣевнѣ, которая отъ неожиданности въ первую минуту даже смутилась.

— Необходимая предосторожность, — какъ-то конфузливо улыбаясь, промолвилъ Чарльсонъ.—Несмотря на всѣ наши заботы, въ помѣщеніи, гдѣ живутъ птицы, мы не можемъ устранить присущій имъ запахъ, который способенъ доставить неудовольствіе. Эти розы прекрасно пахнутъ.

Такъ какъ галантности любезнаго хозяина было дано столь исчерпывающее объясненіе, то Натальѣ Сергѣевнѣ оставалось поблагодарить его своей очаровательной улыбкой.

Эту улыбку, повидимому, замѣтилъ уже Чарльсонъ и все время держался около Натальи Сергѣевны и ей главнымъ образомъ адресовалъ свои объясненія.

Насъ повели въ отдѣленіе, гдѣ работали нѣсколько машинъ. Вертѣлись ремни и колеса. Какія-то высокія желѣзныя трубы были покрыты бѣлымъ снѣгомъ и льдомъ. Въ помѣщеніи было прохладно.

Чарльсонъ далъ объясненіе: машины добываютъ холодъ, въ этомъ состоитъ ихъ задача.

— Въ нашемъ предпріятіи все основано на холодѣ,—говорилъ онъ:—благодаря этимъ машинамъ, мы можемъ работать круглый годъ и ни одна куриная лапка у насъ не пропадаетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, все тутъ было основано на холодѣ. Часа два неустанно мы поднимались на лифтахъ изъ этажа въ этажъ. Тутъ намъ показывали сотни тысячъ яицъ, которыя при нулевой температурѣ сохраняли свою свѣжесть въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Десятки женщинъ, ловко владѣя устроенными для этой цѣли аппаратами, быстро сортировали ихъ, другія укладывали въ ящики, которыми былъ заваленъ весь этажъ.

Потомъ лифтъ поднялъ насъ въ слѣдующій этажъ, и мы очутились въ десяти-градусномъ холодѣ, гдѣ замораживалась и въ ящикахъ сохранялась въ замороженномъ видѣ птица. Вотъ

тутъ-то и пригодились намъ пледы. Мы видѣли сотни свиныхъ тушъ, изъ которыхъ приготовлялась солонина для Англіи; намъ показали цѣлую фабрику окороковъ и колбасъ, которые шли въ Москву и провинцію.

Въ особомъ помѣщеніи, въ отдѣльныхъ кормушкахъ, мы видѣли сотни тысячъ живыхъ птицъ, которыя откармливались всевозможными способами—и руками, и машинками.

Намъ показали, наконецъ, самую работу надъ всѣмъ этимъ матеріаломъ, и мы убѣдились, что шестьсотъ мѣстныхъ мужиковъ и бабъ, возившихся со всѣмъ этимъ, прекрасно знаютъ свое дѣло, и каждый въ своей спеціальной работѣ проявляетъ наилучшее искусство.

— Они нисколько не уступаютъ въ работѣ англичанамъ,— говорилъ намъ самъ Чарльсонъ.—Русскій народъ очень способенъ, отлично усваиваетъ технику. Но его надо поставить на дѣло и обучить. Самому ему недостаетъ иниціативы. Признаюсь, я задавалъ себѣ вопросъ, отчего это такъ?—продолжалъ нашъ любезный хозяинъ:—такой талантливый народъ, и вотъ ему какъ будто положена граница. И я отвѣтилъ, да, знаете ли, я такъ сказалъ себѣ: это оттого, что онъ слишкомъ долго работалъ изъ-подъ палки. Да, я такъ себѣ объяснилъ, и думаю, что я правъ. Отъ него, знаете ли, надо спрятать палку, какъ можно дальше спрятать, чтобы онъ долго совсѣмъ ее не видалъ и даже забылъ о ея существованіи. Тогда онъ и намъ, европейцамъ, дастъ впередъ...

Съ особой гордостью Чарльсонъ демонстрировалъ передъ нами раздѣлку свиныхъ тушъ. Тутъ у него работали исключительно англійскіе мастера—и это дѣйствительно было совершенство. Ничто не пропадало. Ноги и головы отправлялись на соотвѣтствующіе рынки, сало перетапливалось, даже хребты продавались мѣстнымъ крестьянамъ по баснословно дешевой цѣнѣ и кормили ихъ.

Наталья Сергѣевна ежеминутно подносила къ своему носу розы и усиленно нюхала ихъ. Несмотря на усовершенствованную вентиляцію, воздухъ въ помѣщеніи былъ тяжелый. Чарльсонъ все время извинялся и повторялъ, что у нихъ приняты всевозможныя гигіеническія мѣры, но что съ этимъ ничего нельзя подѣлать.

— Теперь не угодно ли вамъ пожаловать въ контору,— обратился онъ къ Павлу Сергѣевичу.—Васъ я не приглашаю, такъ какъ навѣрное вамъ будетъ скучно, а вашъ братецъ этимъ дѣломъ интересуется. Я хочу объяснить, въ чемъ заключается

мой коммерческій принципъ, чтобы вы, когда побываете у этого вотъ... Вертунова, могли понять разницу.

Но Наталья Сергѣевна выразила желаніе идти въ контору, и мы всѣ пошли туда.

Двѣ небольшія комнаты. Въ передней сидѣли за длиннымъ столомъ три конторщика и что-то вписывали въ толстыя книги. Высокая рѣшетка отдѣляла ихъ отъ приходящей туда публики.

Въ задней комнатѣ стоялъ изящный письменный столъ, за которымъ работалъ обыкновенно самъ Чарльсонъ.

— Вотъ это все заказы,—сказалъ онъ, показывая намъ кучу телеграммъ. Всѣ они были иностранные и всѣ изъ Англіи. Чарльсонъ работалъ исключительно для своего отечества, гдѣ, какъ оказывается, большой спросъ на русскую живность.

На желѣзнодорожной линіи у него были свои вагоны-ледники, которые нагружались и везли товаръ до Риги, а тамъ перегружались на пароходъ и доставлялись въ Англію.

Затѣмъ онъ усадилъ насъ за столъ и, иллюстрируя свою рѣчь ссылками на записи въ книгахъ, началъ объяснять свой «коммерческій принципъ».

— Вотъ телеграмма, полученная сегодня утромъ,—говорилъ онъ, указывая на бумагу, надѣтую на гвоздикъ въ стѣнѣ.— Въ ней обозначены цѣны вчерашняго рынка на наши продукты. Такую телеграмму мы получаемъ каждый день. Изъ этихъ цѣнъ мы вычитаемъ разъ навсегда вычисленный процентъ на производство и транспортъ, а также разъ навсегда установленный нормальной доходъ; остатокъ составляетъ здѣшнія цѣны, по которымъ мы принимаемъ отъ крестьянъ привозимые намъ продукты. Такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакого произвола. Каждый можетъ, взглянувъ на телеграмму, самъ опредѣлить цѣны сегодняшняго дня. Когда вы будете у Вертунова, прошу васъ обратить вниманіе между прочимъ и на этотъ вопросъ.

Послѣ этого намъ на той же террасѣ былъ предложенъ чай, а затѣмъ мы, простившись съ хозяиномъ, поѣхали къ себѣ. На прощанье Чарльсонъ сказалъ:

— Когда-нибудь позвольте прокатить васъ въ автомобилѣ.

Павелъ Сергѣевичъ пригласилъ его пріѣзжать въ усадьбу запросто, «лучше всего къ обѣду». Онъ съ видимымъ удовольствіемъ принялъ это предложеніе.

Осмотръ Чарльсоновскаго предпріятія произвелъ на Павла Сергѣевича необыкновенно сильное впечатлѣніе.

— Вѣдь это же все выросло изъ ста фунтовъ, то-есть въ сущности изъ ничего,—говорилъ онъ, и глаза его какъ-то осо-

бенно блестѣли.—На пяти десятинахъ... А у меня, хоть и немного, а все-таки шестьсотъ. Почему каждый изъ насъ не можетъ добиться того же? Почему я не могу? Вы думаете, что я не могу?

Этотъ вопросъ былъ обращенъ прямо ко мнѣ, а я именно такъ и думалъ: что онъ не можетъ, что ему не добиться даже и тѣни подобнаго успѣха.

Почему? По тысячѣ причинъ, которыя всѣ лежатъ не въ землѣ его, и даже не въ недостаткѣ средствъ, а въ немъ самомъ, и опять же не въ воспитаніи, не въ привычкахъ жизни, на что обыкновенно ссылаются въ такихъ случаяхъ, а въ расѣ, я сказалъ бы—въ свойствахъ крови и нервовъ.

Если правда, что мужикъ привыкъ дѣйствовать изъ-подъ палки и что надо подальше убрать и спрятать отъ него палку, то вѣдь та же самая палка играла первенствующую роль и въ жизни помѣщика, только съ другого конца.

Но я этого не сказалъ ему. Къ чему отравлять его душу безнадежностью? Несомнѣнно, это было мое чисто теоретическое мнѣніе, и я допускалъ, что могу и ошибаться. Пусть оно вѣрно само по себѣ, но отдѣльная личность, благодаря усилію воли и какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ, можетъ явиться исключеніемъ. Почему Павлику не быть такимъ исключеніемъ?

Я сказалъ:

— Вовсе я такъ не думаю. Почему нѣтъ? При извѣстныхъ условіяхъ человѣкъ можетъ достигнуть всего.

Я, конечно, не подкрѣпилъ свою мысль доводами, потому что ихъ у меня не было, но Павелъ Сергѣевичъ такъ былъ охваченъ новыми впечатлѣніями, что, по его настойчивому требованію, на слѣдующій же день мы отправились къ Вертунову.

Это было верстахъ въ тридцати, близъ полустанка той же линіи.

Наталья Сергѣевна поѣхала неохотно, единственно чтобы не огорчить брата. И, конечно, здѣсь ей не были предложены розы.

Все предпріятіе Вертунова помѣщалось въ черной половинѣ его избы да въ сараѣ. Въ избѣ возились съ яйцами, а сарай обыкновенно былъ биткомъ набитъ птицей. Ни о какихъ машинахъ и холодильникахъ не было и рѣчи.

Но мы нашли сарай пустымъ. Вертуновъ работалъ только зимой, пользуясь природнымъ холодомъ морозовъ. Съ наступленіемъ тепла онъ прекращалъ свою работу.

И его «коммерческій принципъ» дѣйствительно былъ въ другомъ родѣ. Ссужая деньгами окрестныхъ мужиковъ въ трудныя

минуты, онъ держалъ ихъ въ кабалѣ и ужъ всякую живность, которую они разводили для его «заведенія», бралъ у нихъ за что хотѣлъ, повелительно назначая самыя мизерныя цѣны.

Вся округа была у него въ долгу, и на этомъ зиждилось все его предпріятіе, дававшее ему солидный доходъ.

Когда мы вернулись отъ Вертунова въ усадьбу, Павелъ Сергѣевичъ, раньше все время оживленно говорившій о Чарльсонѣ и его предпріятіи, какъ-то вдругъ замолкъ, видимо удрученный послѣднимъ впечатлѣніемъ.

V.

Мнѣ пришлось уѣхать на нѣсколько дней въ сосѣдній уѣздъ, гдѣ крестьяне выразили желаніе поселиться на хуторныхъ участкахъ. Нужно было произвести разверстку банковской земли и разныя формальности.

Кромѣ того, тутъ же одинъ помѣщикъ, нуждаясь въ оборотныхъ средствахъ, продавалъ банку половину своего имѣнія, и мнѣ пришлось съ двумя товарищами, тоже ликвидаторами, производить оцѣнку его земли. А такъ какъ помѣщикъ торопилъ и хотѣлъ получить деньги какъ можно скорѣе, то мы всѣ оттуда поѣхали въ губернскій городъ.

Я могъ бы ограничиться нѣсколькими часами и въ тотъ же день уѣхать въ усадьбу. Признаюсь, мнѣ этого очень хотѣлось. Я соскучился по Стромиловымъ, и не по Наталіи Сергѣевнѣ, какъ можно было бы подумать, а именно по обоимъ имъ. Я уже привыкъ проводить жизнь въ ихъ обществѣ, и безъ нихъ мнѣ не доставало чего-то существеннаго. Но мнѣ захотѣлось кой-что провѣрить.

Да, у меня явилось подозрѣніе относительно качества моего чувства къ Натальѣ Сергѣевнѣ. Она была слишкомъ обаятельна, чтобы я имѣлъ право свою какую-то безудержную привязанность къ ней объяснять только дружескими побужденіями. А между тѣмъ мнѣ этого ужасно не хотѣлось, потому что это испортило бы отношенія и было бы ни къ чему.

Вотъ я и рѣшилъ остаться и повидаться съ моей пріятельницей Маріей Григорьевной Алтаевой.

Это было премилое существо, которому я былъ обязанъ многими прекрасными минутами. Небольшого роста, тоненькая, съ маленькимъ смуглымъ личикомъ, живая, изящная, она обладала способностью всегда быть весело настроенной, во всемъ

видѣть только хорошія стороны и совершенно не замѣчать дурныхъ.

Она была замужемъ, у нея были дѣвочка и мальчикъ шести и семи лѣтъ. Но съ мужемъ у нея были формальныя отношенія.

Алтаевъ былъ довольно удачливый чиновникъ—исполнительный, сухой, разсчетливый. Онъ служилъ по банку и былъ даже до извѣстной степени моимъ начальствомъ. Но служба заставляла его жить въ Петербургѣ, и только изрѣдка въ лѣтніе мѣсяцы онъ пріѣзжалъ сюда, чтобы повидать дѣтей и вообще поддержать формальную связь съ семьей.

А Марья Григорьевна не любила Петербургъ и предпочитала ему свой родной городъ.

Наша близость тянулась уже года четыре, съ тѣхъ поръ, какъ я, прикомандированный къ мѣстному отдѣленію банка, переѣхалъ сюда изъ Петербурга. Это были милыя, пріятныя, но въ высшей степени спокойныя отношенія. Въ самомъ началѣ, можетъ быть, и было увлеченіе, съ свойственными ему маленькими бурями, но бури очень скоро стихли и установилась постоянная хорошая погода. Ни одна изъ сторонъ не страдала отъ ревности, взаимнаго довѣрія было даже слишкомъ много. Я по своимъ ликвидаторскимъ обязанностямъ отсутствовалъ по мѣсяцамъ и, пріѣзжая въ городъ на нѣсколько дней, встрѣчалъ привѣтъ и ласку и пріятно проводилъ эти дни.

Вотъ мы и теперь встрѣтились. Марья Григорьевна была мнѣ рада и сейчасъ же обдала меня своей жизнерадостной веселостью. Этимъ качествомъ ея я дѣйствительно увлекался гораздо больше, чѣмъ ею самой, и самъ дѣлался веселъ.

И все было такъ, какъ всегда, тѣ же ласки и та же пріятность. Никакихъ сомнѣній, ни угрызеній совѣсти я не ощущалъ. Образъ Натальи Сергѣевны, которую я не забывалъ ни на минуту, не являлся ко мнѣ съ упреками и не становился между мною и моей старой подругой.

Такимъ образомъ, провѣрка привела меня къ наилучшимъ выводамъ. Я не влюбленъ въ Наталью Сергѣевну ни капельки, я только преданъ ей и готовъ всячески служить ей.

Но, Боже мой, развѣ я не столь же преданъ Павлу Сергѣевичу? Вотъ я скучаю по нимъ—да, не смотря на всю любезность и ласки Марьи Григорьевны, скучаю, но по нимъ обоимъ. У нихъ въ усадьбѣ я нашелъ пристанище въ моей скитальческой жизни ликвидатора. Я привыкъ считаться съ ними въ распредѣленіи моего дня, мнѣ ихъ недоставало.

Вотъ и все. Это, конечно, не мало, но это во всякомъ случаѣ не то, чего я боялся.

Наконецъ, я вернулся въ усадьбу. Я отсутствовалъ больше недѣли. И за это время, какъ оказалось, кой-что произошло. Жизнь изрядно подвинулась впередъ.

Чарльсонъ, точно почувствовалъ мое отсутствіе, на другой же день послѣ моего отъѣзда, раннимъ утромъ примчался въ усадьбу на своемъ моторѣ, и поѣздка верхомъ была замѣнена катаніемъ на автомобилѣ. Это было какъ нельзя болѣе кстати, потому что Наталья Сергѣевна терпѣть не могла ѣздить одна.

Но это повторилось на слѣдующій день и на третій. Чарльсонъ пріѣзжалъ каждый день, и они ѣздили по окрестнымъ дорогамъ. Потомъ онъ вмѣстѣ съ Стромиловыми пилъ чай и уѣзжалъ домой.

Я пріѣхалъ къ обѣду. За обѣдомъ все это было мнѣ разсказано, но только въ видѣ простыхъ фактовъ. Павелъ Сергѣевичъ слегка пошутилъ:

— Чарльсонъ скоро сдѣлаетъ предложеніе Наташѣ... Вѣдь онъ англичанинъ,—у него время деньги. Не станетъ онъ зря тратить такъ много времени.

Но Наталья Сергѣевна разсмѣялась, и этимъ дѣло кончилось. А послѣ обѣда, когда Павелъ отправился въ кузницу, гдѣ теперь были сосредоточены всѣ его интересы, Наталья Сергѣевна увлекла меня въ садъ, и тутъ я имѣлъ случай убѣдиться въ ея исключительномъ довѣріи ко мнѣ.

Для нея не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Чарльсонъ по уши влюбленъ въ нее. Каждое утро онъ привозитъ ей цвѣты и все время говоритъ ей тяжеловѣсные, но необыкновенно опредѣленные комплименты. Первый свой пріѣздъ, напримѣръ, онъ объяснилъ тѣмъ, что съ нѣкоторыхъ поръ для него солнце начало всходить не на востокѣ, а на югѣ, и чтобы быть навѣрное понятымъ, онъ вынулъ изъ кармана маленькій компасъ и указалъ ей, что усадьба по отношенію къ его мѣстопребыванію лежитъ какъ разъ на югѣ.

Потомъ онъ началъ объяснять ей, въ какомъ блестящемъ состояніи находятся его дѣла: главный капиталъ его лежитъ въ Лондонскомъ банкѣ, а въ Россіи онъ держитъ только оборотныя суммы. Его торговыя конторы имѣются въ девяти крупныхъ городахъ Англіи, а сотни агентовъ разъѣзжаютъ по Россіи и занимаются закупкой живности для его предпріятія. Осторожно была названа даже цифра свободнаго капитала: она очень близко подходила уже къ милліону. И при этомъ развивался планъ о

расширеніи предпріятія путемъ основанія акціонернаго общества.

Словомъ, дѣловая декларація была сдѣлана, и въ самомъ скоромъ времени слѣдовало ожидать предложенія.

— Однако,—замѣтилъ я:—въ десять дней вы успѣли закружить англичанина до такого одурѣнія. Какія богатыя способности!

— Ну, эти способности не во всѣхъ случаяхъ дѣйствуютъ одинаково,—возразила она.

— Развѣ были другіе случаи?

— Да вѣдь вотъ вы же остались въ здравомъ умѣ.

— Да, и могу передъ вами похвастаться: я въ этомъ убѣдился.

— Вы встрѣтились съ вашей привязанностью?

— Мы провели вмѣстѣ нѣсколько дней.

— Нѣсколько безумно счастливыхъ дней?

— Нѣсколько умѣренно пріятныхъ дней... Нѣтъ, ничего особеннаго. Но вы мнѣ не мѣшали. А развѣ вамъ это доставляетъ хоть какое-нибудь огорченіе?

— Нѣтъ, нѣтъ, не думайте этого. Это было бы ужасно Я тогда потеряла бы...

— Тайнаго совѣтника,—подсказалъ я.

— Вотъ именно.

— И прибавьте—сознательно преданнаго вамъ.

— Неужели преданнаго?

— Безъ малѣйшихъ оговорокъ.

— Такъ что, если бы я попросила васъ... Ну, что бы такое?.

— Да все равно, что бы-то ни было.

— Ну, напримѣръ, если бы мнѣ понадобился мужъ?

Я взглянулъ на нее. Она тотчасъ же разсмѣялась и начала увѣрять, что мнѣ нечего бояться, что ей еще не нуженъ мужъ, и мнѣ не грозитъ подобная участь. Но былъ моментъ, до того, какъ она засмѣялась, и я уловилъ ея взглядъ—странный, какъ бы испытующій, взглядъ человѣка, который чутко прислушивается.

«Такъ что это, можетъ быть, и не шутка», — подумалъ я, но не сосредоточился на этой темѣ, а отложилъ ее, какъ предметъ размышленія, на будущее время.

— Помилуйте, у васъ такой претендентъ, какъ мистеръ Чарльсонъ...—сказалъ я.

— О,—воскликнула она.—Это потребовало бы отъ меня долгихъ размышленій, если бы что-нибудь подобное случилось.

Боюсь, что этотъ мистеръ не выдержитъ экзамена на... на мужа такой принцессы, какъ я.

— Но послушайте, не думаете же вы, что я сколько-нибудь болѣе годился бы въ принцы, чѣмъ этотъ обладатель милліона.

— Куриный милліонъ... куриный принцъ... Ха, ха... А я развѣ похожа на королеву куринаго царства? Нѣтъ, знаете что? Мы пока оставимъ эту тему. Разскажите лучше о томъ, какъ вы встрѣтились съ... какъ зовутъ вашего друга?

— Ее зовутъ Марья Григорьевна.

— Какъ вы встрѣтились и какъ провели время съ Марьей Григорьевной?

Я и началъ-было разсказывать въ общихъ выраженіяхъ, но Наталья Сергѣевна сдѣлала мину недовольства и перебила меня.

— Вы точно бабушкину сказку разсказываете. Очень мнѣ интересно знать, что вы вмѣстѣ пили чай и поѣхали въ театръ. А послѣ театра?

— Ужинали.

— А послѣ ужина?

Опять пришлось мнѣ взглянуть на нее вопросительно. Никогда еще разговоръ между нами не принималъ такого характера.

— Что вы собственно хотите знать?—спросилъ я.

— Васъ это удивляетъ, мой другъ? Но я именно хочу знать то, чего не знаю.

— Но зачѣмъ?

— У меня есть свои соображенія...

— Такъ что же я долженъ сказать?

— Ну, вы какъ-нибудь такъ... Я вовсе не требую... Я хочу только знать: да или нѣтъ?

— Да...

— Ну, вотъ и все.

Она слегка вспыхнула и замолкла. Мы шли по аллеѣ, которая вела къ дому, и веранда была близко. Она больше не захотѣла гулять. Мнѣ показалось, что брови ея чуть нахмурились, но мнѣ неудобно было показать, что я это замѣтилъ, и я не сказалъ ни слова.

Въ домѣ она сейчасъ же сѣла за рояль и занялась упражненіями голоса, а я сидѣлъ на верандѣ, курилъ и думалъ о нашемъ разговорѣ. Меня тревожило это странное противорѣчіе. Съ одной стороны прямо сказала, что радуется моему чисто дружескому настроенію, моей преданности безъ всякой примѣси. А

съ другой—этотъ настойчивый вопросъ и эта хмурость лица, молчаніе и прекращеніе прогулки. Какая это была задача для моего смущеннаго ума...

И къ тому же я видѣлъ, какъ ей трудно было говорить на столь рискованную тему. Она запиналась, искала словъ и краснѣла. Раньше, когда, во время общаго разговора, случалось Павлу Сергѣевичу обмолвиться какой-нибудь легкой двусмысленностью, она краснѣла и останавливала его:—«Павликъ?» Нѣтъ, значитъ ей это было нужно, но зачѣмъ? Не влюблена же она въ меня, ликвидатора. Объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Съ Павломъ у меня въ тотъ же день вышелъ коротенькій разговоръ.

— А не думаетъ ли въ самомъ дѣлѣ Чарльсонъ сдѣлать предложеніе Натальѣ Сергѣевнѣ?—сказалъ я.

— Тутъ не было бы ничего удивительнаго,—отвѣтилъ онъ.—Наташа обворожила его съ первой встрѣчи. А вчера она при немъ пѣла, такъ вотъ — еслибъ вы видѣли, что съ нимъ сдѣлалось! Онъ весь растаялъ, точно онъ былъ изъ масла. Онъ мнѣ сказалъ тихонько: «счастливъ человѣкъ, котораго изберетъ себѣ въ мужья ваша сестрица. Его жизнь будетъ непрерываемымъ праздникомъ». Такъ и сказалъ. У него мысли необыкновенно круглыя и обтесанныя, какъ билліардные шары.

— Ну и если... Какъ вы на это посмотрѣли бы?

— Я не вмѣшался бы въ это дѣло. Положеніе, въ которомъ оставилъ насъ отецъ, даетъ Наташѣ право самой выковывать себѣ жизнь...

И только. Своего отношенія къ этому вопросу по существу онъ не высказалъ, и я зналъ, что этого ни за что изъ него не выжать.

Но для меня также было ясно, что этотъ бракъ былъ бы ему крайне непріятенъ.

Мнѣ не хочется разсказывать подробности нѣсколькихъ недѣль, которыя прошли до главнаго событія. Не произошло ничего особеннаго.

Чарльсонъ пріѣзжалъ раза три въ недѣлю, и твердо держался своей линіи: смотрѣлъ на Наталью Сергѣевну влюбленными глазами, таялъ, когда она пѣла, говорилъ круглые, «обтесанные, какъ билліардные шары», комплименты, но предложенія не дѣлалъ.

Но было совершенно ясно, что онъ его сдѣлаетъ. Онъ только, повидимому, считалъ дурнымъ тономъ поспѣшность въ подобныхъ дѣлахъ. Нужно, чтобы прошло извѣстное время, иначе

столь серьезный шагъ можетъ показаться легкомысленнымъ. Серьезное дѣло надо дѣлать серьезно.

Я нѣсколько разъ уѣзжалъ по дѣламъ и потому время для меня проходило какъ-то незамѣтно. Такимъ образомъ прошелъ іюнь и половина іюля.

Наталья Сергѣевна уже начала обсуждать планъ возвращенія въ Петербургъ. У нея былъ контрактъ, который обязывалъ ее въ началѣ августа быть тамъ. И какъ-то разъ объ этомъ заговорили въ присутствіи Чарльсона.

— Какъ? вы собираетесь уѣзжать? Такъ скоро?—воскликнулъ онъ и, насколько это было ему доступно, всполошился.— Я никакъ этого не думалъ. Но да, да, если контрактъ, тутъ ничего нельзя подѣлать... Контрактъ, это все равно, что законъ.

Я смотрѣлъ на этого человѣка, у котораго было столько самообладанія и выдержки, чтобы терпѣливо создать изъ ничего такое огромное дѣло—и видѣлъ, что онъ растерялся въ конецъ. И я ждалъ, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ же встанетъ и даже безъ свойственной ему округленности выраженій, просто ляпнетъ свое предложеніе. Я замѣтилъ, что и Наталья Сергѣевна насторожилась.

Но вмѣсто этого, Чарльсонъ поднялся и началъ прощаться. Онъ только сказалъ:

— Если я еще не очень надоѣлъ вамъ, прошу позволенья быть у васъ послѣ-завтра.

Ему конечно дали позволенье, и онъ уѣхалъ.

Но это «послѣ-завтра» было многозначительно. Никогда онъ не просилъ позволенья, а просто пріѣзжалъ. Онъ какъ бы хотѣлъ этимъ сказать: «приготовьтесь, обдумайте. Я ничего не дѣлаю поспѣшно. Я все дѣлаю основательно и какъ слѣдуетъ».

И эти два дня въ усадьбѣ прошли нѣсколько иначе, чѣмъ всегда. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза—это необычайное волненіе Павла Сергѣевича. Онъ видимо съ трепетомъ ждалъ исхода. Что-то выйдетъ? Какъ отнесется Наташа?

И иногда, когда мы бывали вмѣстѣ, онъ засматривалъ ей въ глаза, какъ будто хотѣлъ тамъ прочитать намекъ на отвѣтъ. Но Боже сохрани произнести одинъ изъ этихъ вопросовъ громко. «Наташа имѣетъ право сама выковывать свою жизнь».

О, эта нѣжная братская деликатность, въ ней эгоизма столько же, сколько и нѣжности. Пусть она сама куетъ... Жизнь, это—такая отвѣтственная вещь. Если онъ вмѣшается, скажетъ свое мнѣніе, и оно повліяетъ, и она поступитъ не такъ, какъ сама хотѣла, а потомъ будетъ неудача—вѣдь тогда она будетъ

имѣть право упрекать его. Ну, не она, такъ онъ самъ, что̀ еще хуже.

Разумѣется, это не то, что вотъ эта безпричинная, безоговорочная, въ сущности сумасшедшая преданность, моя преданность—ликвидатора, который даже не влюбленъ, а просто готовъ отдать ей все, что у него есть.

И не слова это, а право же, такъ и чувствовалось и ужасно хотѣлось этого: отдать все, принести самое цѣнное на алтарь несравненной улыбки.

Съ Натальей Сергѣевной въ эти дни никакого путнаго разговора у меня не вышло. Я забрасывалъ удочку: «какъ молъ? чего надо ожидать отъ ближайшаго будущаго?» А она смѣялась.

— А какъ вы думаете? Ну, догадайтесь. Вотъ если догадаетесь...

— Что же мнѣ будетъ тогда?

— Вамъ будетъ выдана премія: кубокъ. Почетный кубокъ...

И опять смѣялась. А я все-таки хотѣлъ заработать почетный кубокъ и сказалъ:

— Я думаю, что куриное царство останется безъ королевы.

— Ну, вотъ мы и посмотримъ... посмотримъ, посмотримъ... А только вы, ликвидаторъ, будьте готовы ко всему.

— Неужели ко всему?

— Да, рѣшительно ко всему... времени такъ мало осталось, и нужно «ковать свою жизнь»...

Это выраженіе она цитировала, какъ принадлежащее ея брату. Онъ часто употреблялъ его примѣнительно къ себѣ самому. Онъ тоже ковалъ свою жизнь, но дѣлалъ это очень плохо.

Но какъ волновался онъ въ то утро, когда долженъ былъ пріѣхать Чарльсонъ, въ это знаменитое «послѣ-завтра», которое наконецъ настало. Онъ всталъ рано, присутствовалъ при отправленіи нашемъ въ прогулку верхомъ, самъ хотѣлъ осѣдлать третью лошадь изъ тройки и ѣхать съ нами, но мы оба запротестовали. Лошадь была диковатая, никогда подъ сѣдломъ не ходила. И онъ остался.

Во время прогулки, когда Наталья Сергѣевна что-то шутила на счетъ почетнаго кубка, я спросилъ ее:

— Ну, а вы сами уже знаете, достанется этотъ кубокъ мнѣ, или нѣтъ?

Она отвѣтила:

— Вотъ видите ли, если бы это былъ не англичанинъ, а русскій, обыкновенный русскій человѣкъ, то я навѣрно знала бы, что вы останетесь безъ кубка.

— А теперь?

— А теперь еще не знаю...

— Въ чемъ же разница?

— Есть такой герой въ русской сказкѣ: любитъ онъ царевну и хочетъ жениться на ней. Вотъ ему и говорятъ: въ нѣкоторомъ царствѣ, за тридевять земель, на морѣ на океанѣ, на самомъ днѣ его лежитъ волшебный перстень. Этотъ перстень достанешь, царевна будетъ твоя. И простоватый герой мчится, какъ угорѣлый, доставать перстень, претерпѣваетъ разные ужасы, но все-таки достаетъ и получаетъ любимую царевну. Это русская сказка, и я думаю, что такъ поступилъ бы всякій влюбленный русскій. Ну, а англичанинъ подумаетъ и высчитаетъ, что, пока добудетъ перстень, можетъ быть и жизнь пройдетъ и что вообще это безпокойно и невыгодно, и откажется отъ царевны...

— А можетъ быть, и не откажется?

— Можетъ быть... вотъ потому-то вашъ почетный кубокъ и находится подъ сомнѣніемъ. Ну, а вы, мой другъ, готовы ко всему?

— Не пугайте меня, я ничего не боюсь.

— Ничего, ничего?

— Ну даже и трижды ничего.

— Смотрите, какъ бы вы не наобѣщали слишкомъ много...

VI.

Часовъ въ десять пріѣхалъ Чарльсонъ. Мы увидѣли его издали въ окно. На этотъ разъ онъ явился не на автомобилѣ, а въ пролеткѣ, на своемъ рысакѣ «орловской породы».

Ахъ, какъ онъ былъ смѣшонъ въ своемъ величіи человѣка, намѣревающагося сдѣлать предложеніе. Это намѣреніе сквозило во всемъ: въ длинномъ черномъ сюртукѣ, въ великолѣпномъ пышномъ букетѣ изъ розъ, который онъ держалъ въ лѣвой рукѣ, въ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ, въ лакированныхъ штиблетахъ и главное, главное — въ сосредоточенно-величественно-серьезномъ лицѣ. Я думаю, каждый встрѣченный имъ по дорогѣ пѣшеходъ, взглянувъ на него, могъ сказать: этотъ человѣкъ собирается сдѣлать предложеніе.

Павелъ Сергѣевичъ, увидѣвъ его, сейчасъ же черезъ веранду ушелъ въ садъ. Я хотѣлъ сдѣлать то же самое, но Наталья Сергѣевна остановила меня.

— Не оставляйте меня безпомощной,—сказала она.—Вамъ ничего не стоитъ посидѣть вонъ въ этой комнатѣ.

И она указала мнѣ налѣво, гдѣ былъ кабинетъ Павла. Я сейчасъ же шмыгнулъ туда и былъ ужасно радъ, что, можетъ быть, незримо буду присутствовать при священнодѣйствіи, которое будетъ совершать торжественный Чарльсонъ. Ужъ, конечно, я оставилъ дверь не совсѣмъ притворенной.

И вотъ что я слышалъ. Чарльсонъ вошелъ въ столовую и очевидно преподнесъ букетъ, такъ какъ первыя слова Натальи Сергѣевны были:

— Ахъ, какія чудныя розы! Благодарю васъ. Садитесь... Почему вы сегодня такой торжественный, мосье Чарльсонъ.

Не ради ли меня она приняла его въ столовой, чтобы я все слышалъ? Повидимому такъ. Вѣдь обыкновенно всѣ проводили время на верандѣ, и день стоялъ солнечный и тихій.

Отвѣтъ Чарльсона, повидимому, занявшаго предложенный ему стулъ:

— Когда человѣкъ переживаетъ исключительно торжественное настроеніе, то и одежда его невольно принимаетъ торжественный видъ.

«Ага, подумалъ я,—вотъ сразу и началось».

Чарльсонъ, которому была предоставлена полная свобода высказаться, продолжалъ:

— Прошу у васъ терпѣнія и простите, если я начну нѣсколько издалека. Что извѣстное настроеніе мое относительно васъ стало мнѣ свойственно не сегодня и не вчера, это, полагаю, вамъ уже ясно безъ объясненій. Да вы и сами знаете, что близкое сосѣдство съ вами ни для кого не можетъ пройти безнаказанно. Я позволю себѣ сказать, что былъ у вашихъ ногъ уже съ того дня, когда вы съ вашимъ уважаемымъ братомъ сдѣлали моему дому честь своимъ посѣщеніемъ.

«Браво, Чарльсонъ» подумалъ я—«говоритъ, какъ истый сынъ старой парламентской Англіи».

Но я при этомъ еще старался вообразить лицо Натальи Сергѣевны, и мнѣ казалось, что ей стоило большихъ усилій удержаться отъ смѣха. А Чарльсонъ неуклонно продолжалъ:

— Относительно себя самого я давно уже все взвѣсилъ и рѣшилъ, но у меня въ Англіи живетъ старая мать, мнѣніе которой я всегда испрашиваю во всѣхъ важныхъ дѣлахъ моей жизни, и я ей написалъ о своихъ намѣреніяхъ. Вы можете быть увѣрены, что въ этомъ письмѣ я изобразилъ васъ, какъ исключительное явленіе красоты, ума, таланта и добродѣтели, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ. И я ждалъ ея отвѣта. Но третьяго дня я здѣсь узналъ о возможности вашего скораго

отъѣзда, и вы, конечно, замѣтили, какъ это глубоко потрясло меня,—такъ какъ я не имѣлъ еще отвѣта отъ моей матери. Я тотчасъ же поторопился и послалъ моей матери срочную телеграмму съ оплоченнымъ срочнымъ же отвѣтомъ. Вчера я получилъ ея благословеніе, а сегодня являюсь къ вамъ за рѣшеніемъ моей судьбы. Мое состояніе вамъ извѣстно, моя энергія обѣщаетъ вамъ, что съ каждымъ годомъ оно будетъ увеличиваться. Я васъ люблю и предлагаю вамъ быть моей женой...

И, сказавъ все это, онъ замолкъ. И чувствовалось, что этотъ человѣкъ въ своей длинной декларації весь исчерпался.

Нѣсколько секундъ глубокаго молчанія, отъ котораго наиболѣе сильное чувство неловкости по всей вѣроятности испытывалъ я. Да, въ самомъ дѣлѣ я волновался за Чарльсона гораздо больше, чѣмъ онъ самъ. Послышался ровный, крѣпкій голосъ Натальи Сергѣевны.

— Я такъ тронута всѣмъ этимъ, право... Я вамъ благодарна, мосье Чарльсонъ.

— Помилуйте. Я хотѣлъ бы быть вамъ благодаренъ.

— Да... И я не отрицаю въ принципѣ... Но думаю, что, когда я объясню вамъ мой взглядъ, то вы сами скажете: нѣтъ.

— Не могу себѣ представить это. Какой же взглядъ?

— Видите ли, я артистка... я пѣвица.

— Да, знаю, и мнѣ извѣстно, что есть такой предразсудокъ... но я свободенъ отъ него, увѣряю васъ.

— То-есть?

— То-есть то обстоятельство, что вы до настоящаго времени были артисткой на сценѣ, не можетъ послужить препятствіемъ къ осуществленію моего намѣренія.

— Но я артистка по натурѣ... Я намѣрена и впредь оставаться на сценѣ.

— Да, но зачѣмъ же? Мое состояніе позволитъ вамъ обходиться безъ этого.

— Я понимаю. Но вы навѣрно хотите, чтобы ваша жена жила съ вами въ вашемъ домѣ, при вашемъ дѣлѣ и раздѣляла съ вами каждый вашъ день?

— Но какъ же иначе? Вѣдь я хочу жениться именно для того, чтобы у меня была жена и, разумѣется, я долженъ жить тамъ, гдѣ мое дѣло, иначе оно упало бы, и я разорился бы...

— Ну, вотъ видите, мосье Чарльсонъ, вотъ мы и разошлись въ главномъ. Даже собственно не разошлись, напротивъ: мы сходимся, ужасно сходимся... Вы хотите жениться, оставаясь

при своемъ дѣлѣ; я хочу выйти замужъ, продолжая работать на своемъ поприщѣ. Я въ этомъ отношеніи не могу сдѣлать ни малѣйшей уступки, и вы, какъ мнѣ кажется, то же. Вы сами сказали и даже вашей матушкѣ написали, что у меня есть талантъ.

— О, да, да. И это искренно,—подтвердилъ Чарльсонъ.

— Но согласитесь, что этотъ талантъ не найдетъ никакого примѣненія въ вашемъ предпріятіи.

— Безъ сомнѣнія. Но разъ вы сдѣлаетесь женой и матерью...

— О, мосье Чарльсонъ, это съ моей стороны не отказъ, а просто добрый совѣтъ. Въ настоящую минуту я уже могу преподать вамъ его: никогда не ищите себѣ жены и матери вашихъ дѣтей среди дѣвушекъ, которыя заражены талантомъ, особенно если онѣ, какъ я, побывали на сценѣ и отравлены хоть маленькимъ успѣхомъ. Вы навсегда испортите свою жизнь и не сдѣлаете счастливой ее... Мнѣ кажется, что теперь уже все ясно...

— Да, теперь мнѣ ясно. Я сдѣлалъ ошибку.

— Вы ее не сдѣлали, къ счастью. Надѣюсь, что я не причинила вамъ боль...

— Нѣтъ, мнѣ больно. Повѣрьте. Но все же я благодаренъ вамъ за прямоту и искренность. Вашъ отвѣтъ горекъ, но честенъ... Позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку...

Потомъ онъ поднялся. Ему протянули руку, и онъ поцѣловалъ ее.

— Мы это забудемъ, мосье Чарльсонъ.

— Насколько это въ силахъ человѣка,—отвѣтилъ Чарльсонъ.—Могу ли я повидать вашего почтеннаго брата?

— Зачѣмъ?—съ удивленіемъ спросила Наталья Сергѣевна.

— О, нѣтъ, нѣтъ. Совсѣмъ по другому. У меня есть къ нему дѣло, просто дѣло, касающееся земли.

— А... Онъ вышелъ въ садъ. Вы навѣрно найдете его у колодца. Онъ тамъ занятъ поливкой деревьевъ.

— Благодарю васъ. Можно такъ?

Шаги по направленію къ верандѣ. Чарльсонъ вышелъ въ садъ. Наталья Сергѣевна подошла къ двери и растворила ее настежь. Я вышелъ изъ своей засады.

— Вы слышали? Герой нашелъ невыгоднымъ отправляться въ тридевятое царство за волшебнымъ перстнемъ и, какъ слѣдовало ожидать, предпочелъ отказаться отъ принцессы. Вы выиграли почетный кубокъ.

Она говорила это голосомъ взволнованнымъ. Щеки ея были красны, и въ глазахъ свѣтился горячій блескъ.

— Итакъ, меня хотѣли сдѣлать дѣйствительно куриной королевой. Этотъ скромный и корректный человѣкъ думалъ, что я посвящу ему свою жизнь. Но почему? Съ какой стати? Какъ вы думаете, ликвидаторъ?

— Когда любятъ, дѣлаютъ это и не спрашиваютъ, почему— сказалъ я.

— Любятъ! Боже мой! Легко сказать! Для этого нужно слишкомъ много. А онъ даже не освѣдомился, любятъ ли его... онъ довольствуется своей собственной любовью... Ахъ, а сегодня 17 іюля,—воскликнула она, взглянувъ на висѣвшій на стѣнѣ календарь.—Боже, какъ мало времени осталось!

— А зачѣмъ вамъ время?

— Зачѣмъ? Это я вамъ скажу потомъ... Теперь я не могу... Утомлена. Вы думаете, мнѣ легко досталось это объясненіе? О... Но я скажу, непремѣнно скажу... Ахъ, да, подите къ нимъ. О чемъ онъ можетъ теперь говорить съ Павликомъ? Меня это начинаетъ интриговать.

Въ самомъ дѣлѣ, это было очень интересно: о чемъ и какъ можетъ говорить человѣкъ съ братомъ только что отказавшей ему дѣвушки? Я пошелъ къ колодцу и нашелъ тамъ обоихъ.

Издали я уже видѣлъ, что оба они сидятъ на срубѣ колодца и между ними идетъ правильная бесѣда. Говоритъ Чарльсонъ, а Павелъ Сергѣевичъ слушаетъ. Я подошелъ къ нимъ.

— Не помѣшаю?

— Нѣтъ. Нисколько!—отвѣтилъ Павелъ.

— Даже напротивъ,—откликнулся и Чарльсонъ:—вы, сколько могу судить, человѣкъ практичный и поможете мнѣ убѣдить Павла Сергѣевича. Мы вамъ разскажемъ сначала. Дѣло въ томъ, какъ я вотъ говорю, что въ моемъ предпріятіи ради выкормки разнаго рода птицъ и свиней требуется весьма значительное количество муки и подобныхъ продуктовъ. Такъ какъ я имѣю въ виду въ самомъ близкомъ будущемъ расширить дѣло, для чего, быть можетъ, придется учредить акціонерное общество, то продуктовъ этихъ потребуется еще болѣе. Не такъ ли?

Я разумѣется вполнѣ согласился съ нимъ. Хотя я и понималъ все то, что онъ говорилъ, но не могу сказать, чтобы слушалъ его внимательно. Гораздо больше я былъ занятъ изученіемъ лица этого человѣка. По лицу этому мнѣ хотѣлось проникнуть въ его душу, и мнѣ казалось, что я таки забрался туда и увидѣлъ тамъ образцовое «заведеніе», съ прекрасными

прочными постройками, съ электрическимъ освѣщеніемъ и холодильными машинами; да, право, точь въ точь куриное предпріятіе мистера Чарльсона, только въ маленькомъ видѣ. Все на мѣстѣ, все работаетъ какъ слѣдуетъ, и при помощи холодильныхъ машинъ для всего отпускается столько тепла или холода, сколько нужно.

А Чарльсонъ излагалъ свое дѣло. Оно было очень просто: у него есть паровая мельница, которая вырабатываетъ потребное количество муки. Но зерно приходится покупать; поставляютъ большею частью окрестные крестьяне. Немало закупается и на рынкѣ. И тутъ предпріятіе зависитъ отъ случайностей. Крестьянинъ продаетъ, когда его душитъ нужда. Иногда навезутъ горы, а въ другое время ничего. Рыночныя цѣны тоже капризны. Контора никогда не можетъ составить точную смѣту. Между тѣмъ въ коммерческомъ дѣлѣ все должно быть точно и заранѣе предусмотрѣно.

Тутъ я перебилъ его вопросомъ:

— А почему бы вамъ, мосье Чарльсонъ, не пріобрѣсти землю и не сѣять для себя? Вѣдь земли теперь продается сколько угодно.

— Ахъ нѣтъ...—рѣшительно возразилъ Чарльсонъ:—обработка земли есть особое предпріятіе, требующее исключительной энергіи и вниманія. Я не могу всецѣло отдаться двумъ предпріятіямъ, это было бы раздвоеніе, и оба отъ этого шли бы плохо. Но я говорю: вотъ у господина Стромилова имѣется земля, шестьсотъ десятинъ, если не ошибаюсь. Ну да, такъ. Но, если мои свѣдѣнія правильны, у господина Стромилова не имѣется оборотныхъ средствъ. Я прошу извинить меня, если я ошибаюсь. Такъ я и предлагаю заключить со мной договоръ: я даю господину Стромилову удобреніе для земли—лучшее удобреніе, почти гуано, получаемое отъ моихъ птицъ; у меня его цѣлыя горы... Я поставляю орудія для обработки земли, такъ какъ, насколько я успѣлъ разсмотрѣть, тѣ орудія, которыя дѣлаетъ вашъ кузнецъ, не будутъ удовлетворять своему назначенію. Я оплачиваю рабочихъ и даю сѣмена для посѣва и вообще все, что потребуется, а господинъ Стромиловъ сѣетъ только для меня, для моего предпріятія, и весь урожай поступаетъ ко мнѣ по цѣнѣ, заранѣе между нами условленной, не подверженной колебаніямъ и одинаковой на весь срокъ контракта, т. е. на десять лѣтъ. Я считаю, что дѣлаю господину Стромилову выгодное предложеніе, которое, нисколько не скрываю, выгодно и для меня. Не такъ ли?

Я быстро обнялъ своимъ умомъ всѣ подробности предло-

женія, принялъ во вниманіе грустное положеніе Павла Сергѣевича, у котораго дѣйствительно не съ чѣмъ было поднять свое дѣло, и нашелъ, что предложеніе Чарльсона для него не только выгодно, но прямо выручаетъ его.

И я отвѣтилъ, что предложеніе заслуживаетъ того, чтобы о немъ подумать.

— И я подумаю... Благодарю васъ, мосье Чарльсонъ,— сказалъ Павелъ Сергѣевичъ, но такимъ суровымъ тономъ, который не давалъ надежды на согласіе.

— Я очень радъ,—промолвилъ Чарльсонъ и поднялся со сруба,—но прошу васъ не затягивать ваше рѣшеніе, такъ какъ, въ случаѣ вашего несогласія, я долженъ буду организовать это въ другомъ мѣстѣ, и у меня уже имѣется кандидатъ. Мое почтеніе,—прибавилъ онъ, протянувъ руку Павлу Сергѣевичу.— Пожалуйста передайте мой искренній привѣтъ вашей любезной сестрицѣ Натальѣ Сергѣевнѣ.

Затѣмъ онъ протянулъ руку мнѣ и пошелъ по направленію къ выходу. Павелъ счелъ своимъ долгомъ проводить его, я послѣдовалъ за нимъ. Чарльсонъ сѣлъ въ пролетку, приподнялъ шляпу, любезно улыбнулся и уѣхалъ.

— Чортъ возьми,—съ величайшимъ оживленіемъ, радостно потирая руки, воскликнулъ Павелъ.—Гдѣ Наташа? Я хочу привѣтствовать ее по случаю ея великолѣпнаго отказа. Я боялся... Ахъ, какъ я боялся! У него милліонъ... Это такъ соблазнительно. Пойдемте къ ней. Но нѣтъ, какова выдержка у этого человѣка. Пришелъ ко мнѣ и заявилъ: я только что сдѣлалъ вашей любезной сестрицѣ (замѣтьте, какъ у него все въ порядкѣ: сестрица всегда любезная, а братецъ всегда почтенный), да, сдѣлалъ предложеніе и имѣлъ печальную честь получить отказъ. Печальную честь—такъ и сказалъ. Я раздѣляю ея побужденія и благодаренъ ей за прямоту и корректность. Но это не имѣетъ никакого отношенія къ тому дѣлу, которое я буду имѣть удовольствіе вамъ объяснить... И началъ объяснять дѣло самымъ что ни на есть дѣловымъ образомъ. Нѣтъ, не хотѣлъ бы я видѣть мою сестру рядомъ съ этимъ порядочнымъ господиномъ, все величіе котораго основано на куричѣ и ея яйцахъ. И вотъ представьте, ликвидаторъ, вѣдь я въ сущности чуждъ сословныхъ предразсудковъ. Вѣдь ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Наташа пѣла на сценѣ, гдѣ поетъ всякій, кто хочетъ. А при мысли объ этомъ бракѣ у меня точно камень взваливался на спину.

— А предложеніе его вамъ все-таки выгодно,—сказалъ я.

— Можетъ быть, можетъ быть... Я сейчасъ не могу о немъ думать. Идемте къ Наташѣ.

Мы отыскали Наталью Сергѣевну. Онъ радостно пожималъ ея руки и цѣловалъ ее. Она смотрѣла на него широкими глазами. «Чему ты радуешься?—казалось, говорили эти глаза:— вѣдь это же неудача, чистая неудача»...

Но онъ ничего въ этомъ не понималъ. Ему предоставлялась братская любовь, а полное довѣріе—мнѣ.

Потомъ обсуждали дѣловое предложеніе Чарльсона. Наталья Сергѣевна стояла за принятіе, но подавала свой голосъ сдержанно. Она, конечно, ничего не понимаетъ, но ей такъ кажется.

Но я спорилъ горячо, я лѣзъ на стѣну. Надо же было когда-нибудь сказать правду, что при теперешнихъ возможностяхъ имѣніе обязательно должно пойти къ гибели. Да, да, оно заложено въ банкѣ, но въ концѣ лѣта придется заложить его вторично. Будетъ двѣ закладныхъ. Это будетъ сдѣлано непремѣнно, потому что не на что и нечѣмъ пахать. Что такое? Садъ? Онъ дастъ кой-что? Онъ ничего не дастъ. Вишни уже давно погибли. Почему? никакихъ морозовъ не было, цвѣли отлично—и погибли. Просто такъ, за недостаткомъ силъ у деревьевъ. А яблоки,—пусть-ка онъ присмотрится, какія они всѣ уроды, калѣки, внутри изъѣдены червями. За нихъ и гроша не дадутъ. Для сушки они не годятся, мочить ихъ нельзя... Ну, а въ будущемъ году нечѣмъ платить проценты по закладнымъ... Ахъ, это такая обыкновенная исторія, сколько ужъ ихъ прошло на моихъ глазахъ. А потомъ... Ну, да, я же, я, вашъ искренній другъ, долженъ буду производить ликвидацію... Чортъ возьми. Не хотѣлъ бы я на этотъ случай быть ликвидаторомъ... А предложеніе Чарльсона упало прямо съ неба. У васъ будетъ небольшой, но постоянный доходъ, будетъ хватать на проценты и еще останется. Вы можете понемногу, не торопясь, улучшать хозяйство, омолодить садъ; ахъ, да все, все...

Но Павелъ Сергѣевичъ какъ отрѣзалъ:

— Не хочу быть приказчикомъ господина Чарльсона, получать отъ него какія-то субсидіи, зависѣть отъ его воли на каждомъ шагу и чувствовать себя благодарнымъ ему за свое существованіе... Не желаю. Лучше буду биться, какъ рыба объ ледъ, но буду самъ собой. Вотъ все.

Такъ и не сдвинулся съ мѣста. Наталья Сергѣевна умолкла и только тихонько покачивала головой. Я злился, кричалъ, чего со мной никогда еще не бывало. Открылъ ему наконецъ всю безпомощность его положенія, но ничего не могъ подѣлать.

Вечеромъ онъ сѣлъ и написалъ Чарльсону письмо, въ которомъ благодарилъ его за предложеніе, но отказывался принять его, и письмо тотчасъ же было отослано съ верховымъ.

И потомъ весь вечеръ былъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи и очень много говорилъ о томъ, что все это пустое,—разные страхи на счетъ имѣнія и вообще будущаго. Надо только работать, не покладая рукъ и главное—не падать духомъ.

Дальше шли планы ближайшихъ мѣропріятій: онъ продастъ на срубъ небольшую рощу, которая какимъ-то чудомъ уцѣлѣла на ихъ землѣ. Къ чему она? только занимаетъ мѣсто. Землю можно распахать и засѣять. У него уже есть покупатель, который даетъ двѣ тысячи, а дастъ, должно быть, больше. Пятьсотъ рублей Наташѣ на обратный проѣздъ и первыя траты, пока получитъ жалованье, а остальное на дѣло. Нѣсколько плуговъ, рядовая сѣялка, улучшеніе сада и многое, многое еще другое. И вы увидите, что покажетъ будущее лѣто, вы увидите...

На слѣдующій день утромъ мы съ Натальей Сергѣевной совершали нашу обычную прогулку верхомъ. Не знаю, откуда это взялось, но у меня было что-то вродѣ предчувствія. Я даже не могъ бы сказать, было ли это предчувствіе радости или несчастья, но для меня еще съ вечера, когда я пришелъ домой, было ясно, что вотъ-вотъ случится нѣчто необычайное, ни на что не похожее, не согласное ни съ какими ожиданіями.

Какое-то необыкновенное волненіе, заставлявшее меня курить безъ перерыва. Я не могъ читать и, отшвырнувъ книгу, ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

Потомъ ворочался въ постели, долго-долго, пока не заставилъ себя уснуть. А утромъ проснулся съ усиленнымъ біеніемъ сердца, и сейчасъ же опять началось вчерашнее.

И вотъ мы поѣхали. Ничего особеннаго не произошло, повидимому—и не готовилось. Но, можетъ быть, я, благодаря своему волненію, былъ ненаблюдателенъ. Потомъ, когда я перебиралъ въ своей памяти это утро, я вспомнилъ, что всѣ тѣ обыкновенныя слова, которыя произносила тогда Наталья Сергѣевна, а особенно ея смѣхъ, носили какой-то наркотическій, я скажу, шампанскій характеръ.

Поравнявшись съ рощей, той самой, которая была осуждена на продажу, мы хотѣли-было, по обыкновенію, повернуть обратно. Но Наталья Сергѣевна сказала:

— Не пройтись ли намъ, если вы ничего не имѣете противъ?..

Что же я могъ имѣть противъ прогулки? Развѣ я могъ что-нибудь предположить?

Мы сошли съ коней и привязали ихъ къ дереву. Была тропинка, которая пересѣкала рощу. Она вела къ небольшому прудку, окруженному березами, которыя глядѣлись въ него, какъ въ зеркало и отражали свои бѣлыя одежды въ темномъ блескѣ его воды. Здѣсь лежало давно поваленное бурей дерево; на немъ мы сиживали не разъ.

— Ну, вотъ,—сказала Наталья Сергѣевна,—сегодня уже восемнадцатое іюля, и я могу объяснить вамъ, зачѣмъ мнѣ время... Вы расположены слушать?

— Какъ всегда,—отвѣтилъ я.

— Такъ слушайте. Восемнадцатое іюля. Самое позднее—третьяго августа я должна быть въ Петербургѣ. Значитъ, у меня есть всего двѣ недѣли, чтобы выйти замужъ...

И какъ просто было сказано! Безъ малѣйшаго дрожанія въ голосѣ, безъ запинки и безъ подчеркиванія. Я даже въ первую минуту усумнился въ серьезности ея заявленія и спросилъ почти шутливо:

— Но гдѣ же женихъ?

— Женихъ? Это тотъ преданный другъ, который не будетъ разспрашивать, зачѣмъ мнѣ это нужно, а удовольствуется заявленіемъ, что безъ этого я не могу сдѣлать ту карьеру, какой заслуживаю... Это тотъ человѣкъ, который способенъ, выполнивъ нѣкоторыя, впрочемъ не особенно обременительныя, обязанности, связанныя съ званіемъ мужа, отказаться отъ всякихъ правъ и отойти въ сторону, когда его объ этомъ попросятъ... Словомъ, это человѣкъ, сознательно преданный мнѣ, безъ малѣйшихъ оговорокъ.

Это были мои слова, которыя я сказалъ ей въ разговорѣ, когда вернулся изъ губернскаго города, послѣ встрѣчи съ Маріей Григорьевной. Тогда еще было прибавлено: «еслибъ мнѣ понадобился мужъ»... Было сказано и замято смѣхомъ.

И ужъ не знаю, что было теперь, въ этотъ моментъ, когда мы сидѣли на деревѣ, сваленномъ бурей — былъ ли это дѣйствительно безумный порывъ преданности или гордость человѣка, произнесшаго столь отвѣтственныя слова. Но я всталъ и, обратившись къ ней лицомъ, сказалъ:

— Если рѣчь идетъ обо мнѣ,—а надѣюсь, у васъ нѣтъ другого, обладающаго такими качествами,—то я совершенно готовъ къ этому.

Она быстро поднялась, и вотъ мы стоимъ другъ противъ друга, лицомъ къ лицу и испытующе смотримъ другъ другу въ глаза, какъ бы совершая послѣднюю провѣрку.

— И это правда? Въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ?—на-

стойчиво произноситъ она, не отводя своего взгляда отъ моихъ глазъ.

— Это въ самомъ дѣлѣ, Наталья Сергѣевна. Если вамъ это нужно...

— Не спрашивая, зачѣмъ? Вы себя провѣрили? Испытали? Вы можете быть такимъ?

— Еслибъ даже и не могъ, то для васъ былъ бы...

— О... Признаюсь, я въ этомъ не была увѣрена. Я требую отъ васъ чего-то дикаго.

— Но я ничѣмъ не жертвую — развѣ вы этого не знаете?

— А ваша Марья Григорьевна?

— Она замужемъ... Для нея ничто не измѣнится...

— А если она скажетъ: нѣтъ?

— Я послушаюсь только себя.

— Боже мой... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... развѣ есть такіе люди? Послушайте, милый мой другъ...

Она взяла меня подъ руку, и мы тихо пошли по тропинкѣ.

— Мнѣ это нужно,—да, да... Вѣдь я же не виновата, что все это такъ сложилось... Отецъ такъ жилъ... Мы бѣдны. И я хочу жить... О, какъ страстно я хочу жизни! Я не говорю, что безъ этого нельзя... Можно, да—но не такъ легко и не такъ вѣрно... Я не хочу рисковать... И это развяжетъ мнѣ руки... Можетъ быть, вы уже поняли?

— Мнѣ кажется, что да...

— Ну, вотъ. И больше ни слова объ этомъ. Какой вы умный! Вы понимаете. Такъ это рѣшено?

— Ну да. Конечно. Безповоротно.

— Мы скажемъ Павлику. Но вмѣстѣ, вмѣстѣ...

— Онъ будетъ огорченъ.

— Нѣтъ, не будетъ. Я знаю. Я намекала ему, я ставила васъ рядомъ съ Чарльсономъ, и онъ сказалъ: я предпочитаю ликвидатора... ха-ха! ликвидаторъ! Что вы въ данномъ случаѣ ликвидируете?

— Веревку, которая связываетъ вамъ руки.

— Да, это такъ. И ничего, ничего для себя?

— О, Боже! неужели же вы не понимаете, что я получаю отъ васъ высшее довѣріе, какое только можетъ оказать человѣкъ другому?

— Ну, нагнитесь же, дайте мнѣ вашъ лобъ... я его поцѣлую...

Она это сдѣлала; я поцѣловалъ ея руку. Мы дошли до лошадей, отвязали ихъ и сѣли.

Богъ знаетъ, почему—какъ только выѣхали изъ рощи на дорогу, мы оба одновременно, какъ будто сговорившись, пустили лошадей галопомъ, да такъ и доскакали до самого подъѣзда.

И. Потапенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПОДРУГѢ.

Ты вновь зовешь печальными глазами,
Вся блѣдная, къ утраченной веснѣ.
А ночью станешь плакать при лунѣ
И въ темномъ паркѣ ожидать часами.

Сквозь дымку слезъ—напрасно обо мнѣ
Ты будешь помнить... Будни между нами...
Люблю другую... Съ тихими слезами
Умѣй забыться въ одинокомъ снѣ.

Прости меня! Глухое пламя гложетъ
Больную душу... Призракомъ въ мечтѣ—
Иное счастье манитъ и тревожитъ!

Мнѣ холодно и страшно въ пустотѣ.
Лишь обезсилѣвъ, я вернусь, быть можетъ,
Къ твоей земной, доступной красотѣ.

Яковъ Годинъ.

МОЛОДНЯКЪ [1].

(Очерки).

III.

Веселый звѣрь и отравленныя души.

— Э, ну васъ къ чертямъ!—воскликнулъ Валентинычъ.— Завыли, чисто волки голодные... тоску нагнали! Будетъ вамъ выть,— пейте водку! Для того, что ль, я васъ къ себѣ позвалъ, чтобы вы мнѣ душу отравляли?

Лазутка оборвалъ пѣсню и насмѣшливо посмотрѣлъ на Валентиныча.

— Ухъ, сердитъ ты нынче, Валентинычъ!—сказалъ онъ.— Хотѣли мы тебя съ Кириллычемъ пѣсней распотѣшить, анъ, выходитъ, еще пуще растревожили. А выпить—почему не выпить... для смягченія души и тѣла.

— Ergo bibamus! — провозгласилъ Валентинычъ, наливая водку.

— Это еще что за слова такія?—спросилъ Лазутка, когда всѣ выпили.

— А тебѣ на что?

— Да такъ, любопытно знать. Я люблю, чтобы со мной понятно разговаривали, а ты иной разъ такое словечко вывернешь, ажъ туманъ въ голову ударитъ. И откуда ты ихъ берешь?

— Что жъ, ты думаешь, даромъ что ли я въ семинаріи че-

---

[1]) См. іюнь, стр. 80.

тыре года учился? Ломали - ломали башку-то всякой штукой, вотъ оно кое-что и застряло. Деревенскихъ дураковъ, по крайности, удивлять могу,—съ усмѣшкой добавилъ онъ.

— Ну, дураковъ удивлять, на это премудрости немного надо!—спокойно возразилъ Лазутка.—Ты вотъ умнаго попробуй—удиви, это вотъ мы бы посмотрѣли, а объ дуракахъ и хлопотать нечего.

— А это кто же такое дураки-то?—вмѣшался вдругъ Иванъ Кириллычъ.—Для какихъ дураковъ ты свои слова говоришь, Валентинычъ? Ежели ты это про насъ... съ Лазуткой... То это даже очень обидно выходитъ. Мы къ тебѣ... какъ къ доброму пришли.. со всей милой душой... а ты насъ дураками почитаешь? Это какъ же такъ?

Въ голосѣ у него дрожали слезы обиды; языкъ немного заплетался отъ выпитой водки; на лицѣ выступили красныя пятна. Валентинычъ молча шагалъ по избѣ, и гитара въ углу слабо звенѣла отъ его тяжелыхъ шаговъ.

— Кириллычъ, ты сбѣсился?—сказалъ Лазутка, смѣясь.—Что тебя укусило? Брось, стоитъ объ этомъ толковать!

— Нѣтъ, постой, Лазутка, пускай онъ мнѣ отвѣтитъ!—продолжалъ Иванъ Кириллычъ, вставая и размахивая своими длинными руками. Почему такое... онъ насъ презираетъ? Вотъ онъ... интелли-гентъ (Иванъ Кириллычъ немного запнулся)... вотъ онъ ходитъ, каблуками постукиваетъ и... презираетъ! Почему? Пускай онъ мнѣ скажетъ, почему такое... Коль скоро ты мужикъ... сейчасъ всѣ они отъ тебя рыло на сторону воротятъ? Словъ ихнихъ мы не понимаемъ?.. Такъ это ты еще погоди, не въ словахъ дѣло! Ты въ душу гляди... а слова наплевать! Слова разныя бываютъ, а душа... одна! Э-эхъ, Валентинычъ!... Много ты учился, а самаго настоящаго-то не постигъ... Помнишь, мы съ тобой книжку одну читали... Надсона поэта... что тамъ сказано было? Забылъ, небось, а?

И Иванъ Кириллычъ, безпорядочно жестикулируя и заикаясь отъ волненія, съ паѳосомъ началъ декламировать:

...Такъ умѣй же и ты отозваться душой
Всѣмъ, кто ищетъ и проситъ участья,
Всѣмъ, кто гибнетъ въ борьбѣ, кто подавленъ нуждой,
Кто усталъ отъ грозы и ненастья...

Научись беззавѣтно и свято любить,
Увѣнчай молодые порывы,
И тепло тебѣ станетъ трудиться и жить
Въ этомъ мірѣ борьбы и наживы...

— А, Валентинычъ? Каковы слова-то?—воскликнулъ онъ, докончивъ упавшимъ голосомъ:—а ты... ты... презираешь...

Валентинычъ остановился передъ нимъ, и его пасмурный ликъ освѣтился добродушной улыбкой.

— Лазутка, ну, погляди ты на это чучело?—сказалъ онъ и, взявъ Ивана Кириллыча за плечи, посадилъ его на лавку.—Съ чего онъ взялъ, что я кого-то презираю? Дурень ты, Ванька, никого я не презираю, кромѣ себя! Черти вы этакіе, понимаете, себя я презираю, а вамъ завидую. Интеллигентъ!.. Скажетъ вѣдь тоже! Какой я къ чорту интеллигентъ... Кутейной породы! И отецъ былъ дьячокъ, и дѣды-прадѣды — дьячки, и всѣ были пьяницы, а по ихъ стопамъ и я пошелъ... Тоже дьячокъ и пьяница. Только всего и разницы, что они дьячили со страхомъ и вѣрою, а я, можетъ, и со страхомъ... но безъ вѣры. Интеллигентъ!—повторилъ онъ съ изступленіемъ и захохоталъ.—Дрянь я, подлецъ, грязный комъ земли... больше ничего...

Но Иванъ Кириллычъ не слушалъ его и плакалъ горькими, пьяными слезами, въ которыхъ выливались всѣ его глубоко затаенныя обиды и разочарованія.

— Вѣдь, я къ нимъ со всею душею пришелъ...—бормоталъ онъ, всхлипывая.—Я ихъ вонъ какъ превознесъ... выше горъ сіонскихъ... я думалъ—вотъ они, люди-то гдѣ... вотъ гдѣ свѣтъ, который и во тьмѣ свѣтитъ!.. А замѣсто того они меня пинкомъ... Братцы, обидно это, а? На, говоритъ, тебѣ три цѣлковыхъ въ зубы и уходи... Насмѣшка! Нешто мнѣ три цѣлковыхъ нужно было? Я свѣту во тьмѣ искалъ... я бы имъ во вѣки вѣковъ работникомъ былъ, только бы они мнѣ свѣтъ показали... а они пинкомъ! Братцы мои, да вѣдь послѣ этого только помереть—больше ничего... Стало быть, книжки-то всѣ врутъ? Лазутка! Валентинычъ! Стало быть, неправда все это, что написано?

Онъ разскажетъ тебѣ о печали твоей,
Но разскажетъ, какъ братъ, безъ глумленья...
Онъ подниметъ угасшую вѣру въ тебѣ,
Онъ разгонитъ сомнѣнье и муку
И протянетъ тебѣ въ непосильной борьбѣ
Безкорыстную братскую руку...

— Ну, будетъ тебѣ!—нетерпѣливо перебилъ Лазутка безпорядочную декламацію Ивана Кириллыча.—Завелъ свою шарманку... терпѣть этого не могу! Парень сажень росту, а реветъ, какъ старая баба, глядѣть ажъ тошно! Ну, выпилъ, такъ пой,

пляши, крыши подымай, вотъ это по моему. А ты чего разслюнявился?

— Лазутка, горько мнѣ! Обидно мнѣ! Нигдѣ я теперь свѣта не вижу... Учителя нашего, Михаила Денисыча, помнишь? Какія онъ намъ слова говорилъ, а? Братство, равенство... а, между прочимъ, въ одноглазку за оскорбленіе личности... За что? За то, что я его пуще отца родного превозносилъ? Душу онъ во мнѣ этимъ самымъ убилъ! Сердце вынулъ! Идеалъ мой оскорбилъ... «идеалъ человѣка и свѣта»!

— А ты плюнь! — хладнокровно сказалъ Лазутка. — Всѣ они—одинъ чортъ на дьяволѣ! Сила, братъ, сила нужна, а слюну-то распустишь—никого не удивишь. Съ этимъ народомъ не слезой надо дѣйствовать, а зубьемъ, да дубьемъ. Вотъ тогда скажи: наша взяла!

— Вѣрно, Лазутка!—одобрилъ Валентинычъ.—Ты молодецъ! Ты человѣкъ здоровый, и мысли у тебя здоровыя. А Кириллычъ отравленъ! Весь онъ съ головы до ногъ отравленъ, и пропадетъ, аки червь безгласный! Мы съ нимъ только на навозъ годимся, ибо прахъ есмы и во прахъ обратимся!

— А я на это не согласенъ,—возразилъ Иванъ Кириллычъ.

— Ну, мало ли что не согласенъ, а вотъ придетъ эдакій Лазутка, зацѣпитъ вилами и преспокойно въ помойную яму кинетъ! Потому, братецъ, что въ насъ съ тобой середка гнилая, червà ее выѣла, а на гнилушкахъ только грибы поганые и растутъ!

— Ты, Валентинычъ... про себя говори! А мои мечты... совсѣмъ другія!

— Мечты! Какія это у тебя мечты?—насмѣшливо спросилъ Валентинычъ.—Съ чужого голосу ты свои пѣсни поешь, вотъ что я тебѣ скажу! Навинтила тебя Анночка Златокудрова, вотъ ты и вертишься волчкомъ, а въ какую сторону вертишься—и самъ не знаешь.

Иванъ Кириллычъ покраснѣлъ, слезы высохли у него на глазахъ, и онъ крѣпко ударилъ кулакомъ по столу.

— Не трожь ты Анночку, Валентинычъ!—закричалъ онъ съ угрозой.—Давно я тебѣ говорю, не трожь!.. Я самъ по себѣ, и нечего тебѣ ее сюда путать. Чего ты меня подзуживаешь? Я, вѣдь, тоже... и размахнуться могу!

— А ну, ну, размахнись!—подзадорилъ его Валентинычъ.

Иванъ Кириллычъ подпрыгнулъ, какъ ужаленный, и, сжавъ кулаки, ринулся на Валентиныча. Но не успѣлъ онъ его ударить, потому что Лазутка, словно желѣзными клещами, стиснулъ

ему сзади локти, оттащилъ назадъ и посадилъ на лавку. Валентинычъ хохоталъ.

— Сиди, чортъ!—говорилъ Лазутка, не выпуская Ивана Кириллыча изъ своихъ желѣзныхъ объятій. — Вотъ, вѣдь, идолъ, то ревѣтъ, а то драться! Не давай ты ему, Валентинычъ, водки, совсѣмъ онъ съ нея дурѣетъ!

— Пусти!..—задыхаясь, шипѣлъ Иванъ Кириллычъ.—Пусти, Лазутка... я ему сейчасъ послѣдній глазъ выколочу! Что онъ надо мной смѣется, сатана кривая? Изувѣръ! Безбожникъ! Душу свою чертямъ продалъ!

— Пусти его, Лазутка, пускай онъ потѣшится!—сказалъ Валентинычъ.—Я его эдакъ больше люблю. А то надѣнетъ на себя личину дурацкую, глядѣть тошнитъ. «Мечты! Порывы! Идеалъ»!.. Какой тамъ къ шуту идеалъ, — всѣ сволочи, и у каждаго въ нутрѣ звѣрь сидитъ. А то: «идеалъ»!..

— Молчи, кривой дьяволъ! Брось, Лазутка, убью я его...

— Видѣли мы эти «идеалы»!—продолжалъ издѣваться Валентинычъ.—Снаружи поглядишь, оно точно, сидитъ эдакая благолѣпная каналья, чистенькій, прилизанный, хвостикомъ умильно виляетъ, въ глазу—слеза, на языкѣ—медъ... Ахъ, думаешь, какое прелестное произведеніе природы! Но попробуй, тронь-ка это произведеніе за самое больное мѣсто,—охъ-хо-хо-о! Увидишь «идеалъ человѣка и свѣта»! Сейчасъ эта самая позолота слѣзетъ, да какъ выскочитъ оттуда звѣрюга, да какъ защелкаетъ зубами!.. Лазутка, пусти ему лапы, хочу Ваньку въ звѣриномъ видѣ поглядѣть...

— Да вѣдь онъ, чортъ, какъ медвѣдь ломитъ!—сказалъ Лазутка.—Здоровый дьяволъ, переколотитъ всю посуду, на все село грому надѣлаетъ.

— Ничего, пусти!

— Пусти, Лазутка!—просилъ и Иванъ Кириллычъ, хрипя отъ бѣшенства.—Пусти, дай мнѣ его хоть однова по мордѣ треснуть...

Лазутка выпустилъ. Иванъ Кириллычъ заскрипѣлъ зубами и бросился къ Валентинычу.

— Бей, бей!—спокойно вымолвилъ тотъ, не трогаясь съ мѣста и съ любопытствомъ глядя на Ивана Кириллыча.

Но Иванъ Кириллычъ остановился, и его поднятая рука упала, какъ перешибленная.

— Ну, что жъ ты? Бей! По мордѣ хотѣлъ? На, бей по мордѣ...

Иванъ Кириллычъ стоялъ и, тяжело дыша, исподлобья смотрѣлъ на Валентиныча.

— Эхъ, ты! — засмѣялся Валентинычъ.—И этого не можешь?.. Слякоть!

Иванъ Кириллычъ взвылъ, размахнулся... и страшный грохотъ, звонъ и трескъ потрясли благочестивую хижину просвирни. Своимъ размахомъ Иванъ Кириллычъ нечаянно зацѣпилъ столъ, и онъ рухнулъ на полъ со всѣмъ, что на немъ находилось. Четвертная бутыль и чашка съ капустой разлетѣлись вдребезги. Охнула гитара. Псовка съ жалобнымъ визгомъ полѣзла подъ кровать. Въ сѣняхъ кто-то затопоталъ, дверь отворилась, и блѣдная отъ страха просвирня робко заглянула въ щелку.

— Матушки мои, да что же это такое?—съ ужасомъ воскликнула она.—Валентинычъ, да никакъ ты ужъ въ избѣ изъ ружья палить зачалъ?

Но увидѣвъ опрокинутый столъ, раскатившіеся по полу огурцы, осколки посуды, пролитую водку и среди всего этого Ивана Кириллыча, стоявшаго, какъ Еруслань Лазаревичъ на полѣ брани, она сейчасъ же сообразила, въ чемъ дѣло, и вознегодовала всей своей благочестивою душой.

— Ахъ, разбойники! Ахъ, отябели! Валентинычъ, Бога ты не боишься! Аль ты забылъ, какіе дни ноне? Въ церкви страсти читаютъ, а они развратъ затѣяли! Ишь, нагналъ мужичья полонъ домъ! Извѣстно, они рады за дурничку натрескаться... Опивать да объѣдать—это ихнее первое дѣло. Видятъ, простъ человѣкъ, готовы его съ кишками слопать...

— Ну-ну-ну!..—остановилъ ее Валентинычъ.—Не ропщи, мамаша, иди, просвирки пеки. У насъ тутъ свои дѣла.

— Вижу я, какія дѣла! Лазутка, ты откуда взялся, антихристъ? Давно ли въ холодной блохъ кормилъ, и опять за свое? Смутитель, отреченная твоя душа, Іеровоамъ нечестивый! Вотъ я скажу бабкѣ твоей, какъ ты въ покаянные дни, наливши бѣльма, пѣсни задуваешь. Да какъ у тебя языкъ-то не отсохъ? Да не разразило тебя громомъ небеснымъ за твое непотребство?

— Нѣтъ, тетенька, еще не разразило!—смѣшливо отозвался Лазутка.— И языкъ не отсохъ, болтается въ лучшемъ видѣ. Хочешь представлю?

Онъ птицей вылетѣлъ на середину избы, и не успѣла еще благочестивая просвирня развернуть свои уста для новаго проклятія, какъ веселый парень уже носился передъ нею въ буйной присядкѣ.

— Го-осподи!—въ ужасѣ простонала просвирня и поспѣшно захлопнула дверь. А вслѣдъ ей неслись неистовые взрывы хо-

хота, неистовый топотъ присядки и дикіе выкрики Лазуткиной пѣсни:

Шапчишша на емъ
Какъ рожонъ торчитъ,
А лаптишши на емъ
Чортъ по мѣсяцу плелъ,
На плечишшахъ кафтанъ
Съ дохлой кошки содранъ...
Эхъ-ну, да ну, да ну...

IV.

Порывы молодыхъ сердецъ.

Валентинычъ долго хохоталъ; наконецъ совершенно ослабѣлъ и, задыхаясь, сѣлъ на полъ. Видя, что ничего страшнаго нѣтъ, Псовка выбралась изъ-подъ кровати, подползла на брюхѣ къ хозяину и осторожно начала лизать его руку, какъ бы извиняясь за свое трусливое бѣгство. Лазутка, весь красный, вытиралъ потное лицо полой полушубка.

— Упарился!—сказалъ онъ.—Сроду такъ не плясалъ, всѣ ноги вывертѣлъ.

Валентинычъ снова залился съумасшедшимъ хохотомъ.

— Ахъ, чтобы ты сдохъ!—стоналъ онъ умирающимъ голосомъ.—Комикъ... Ей Богу, комикъ! Ка-акъ она прыснула... охо-хо-хо... Вотъ тебѣ и покаянные дни... Фу, не могу больше... Сердце лопнуть хочетъ... «Іеровоамъ...» Ахъ, ты, чортъ!.. Ха-ха-ха...

— Ну, будетъ тебѣ, Валентинычъ, взаправду лопнешь. Давай черепки собирать. Эхъ, матушка-четвертинушка, разсыпалась, сердечная, на мелки часточки, и глотку промыть нечѣмъ! А ты чего стоишь, чортъ дикій?—обратился онъ къ Ивану Кириллычу, который все еще стоялъ среди обломковъ, сконфуженный и растерянный.—Надѣлалъ дѣловъ, бугай заводскій! Право слово, бугай: уставитъ рога и претъ незнамо куда, извѣстно, глупая скотина! Учитель тоже...

Иванъ Кириллычъ покорно помогъ Лазуткѣ поставить на мѣсто столъ, собралъ съ пола черепки и выбросилъ ихъ за окно, потомъ сѣлъ на лавку и поникъ головой.

— Не понимаютъ меня... нѣтъ, не понимаютъ!—обиженно и печально заговорилъ онъ.—Что я?.. Кто я такой? Зачѣмъ на

бѣлый свѣтъ родился?.. Хожу, ищу... толкаюсь во всѣ двери—и нѣту... Ничего нѣту!.. Братцы вы мои, что жъ, погибать мнѣ, аль что?..

— Опять заскулилъ!—сказалъ Лазутка, подмигивая Валентинычу.—Ну, и учитель! Научитъ онъ своихъ ребятъ плакать,—то-то хорошее дѣло! Ну, Ванька, не думалъ я, что изъ тебя эдакая бля-бля выйдетъ. Такой шустрый малый былъ, а оказалась—сопля!

— Молчи... Лазутка!..—заплетающимся языкомъ продолжалъ Иванъ Кириллычъ.—Не знаешь ты... моей души. Ищу я... понимаешь? Ищу... а ты смѣешься. Всѣ смѣются!.. Ты укажи мнѣ стезю... и я буду перенимать каждый шагъ твоей жизни... Но кто укажетъ? Ты... ихъ видалъ? А я не видалъ. На кого надѣялся... они мнѣ спину показали. Я къ нимъ шелъ съ протянутой рукой... а они меня въ бинокли разглядывали, будто я козявка, что ли... Это какъ по твоему? Фил... фир... фи-лантропія... или какъ?

— А ты плюнь!—хладнокровно посовѣтовалъ Лазутка, свертывая и закуривая папироску.—Нахаркалъ бы въ ихній бинокль, пускай бы протирали.

— Эхъ, Лазутка, не эти слова ты говоришь... Или я, что ль, не тѣ слова говорю... Необразованные мы... ходимъ по стѣнкѣ, спотыкаемся... Ну что «нахаркалъ». Нахаркать не долго... да люди-то гдѣ? Людей мнѣ надо... а ихъ не видать. Ты вотъ подумай надъ этимъ... Я думалъ—и въ отчаянность пришелъ. Потому весь міръ состоитъ изъ такихъ, которые внутрь не проникаютъ, а видятъ сверху и тѣмъ гордятся. Вонъ Валентинычъ сидитъ... Онъ—образованный, онъ всякую латынь знаетъ... не то, что мы, которые изъ навоза вышли. И я почиталъ его за милаго друга... Я ему всю изнанку свою вывернулъ... А онъ... смѣется. Презираетъ и смѣется... Надъ душой моей смѣется, а? Не могу я этого... Лазутка...

Валентинычъ поднялся съ пола и съ серьезнымъ лицомъ подошелъ къ Ивану Кириллычу.

— Ну, Ванька, будетъ! Давай мириться... Ну? Давай, что ль, лапу сюда...

Но Иванъ Кириллычъ лапу не давалъ и громко сморкался, закрывая рукой свои заплаканные глаза.

— Что лапа?.. Мнѣ не лапа... ты мнѣ душу свою дай... Душа-то твоя... гдѣ она?

— Ну, братъ, этого я и самъ не знаю. Вотъ чудакъ-то? Дай ему душу! Да гдѣ я ее возьму тебѣ, когда, можетъ, ее и нѣтъ совсѣмъ?

— Слышишь, Лазутка? Души нѣту... Вотъ онъ какъ съ нами разговариваетъ... Эхъ, Валентинычъ, Валентинычъ, не другъ ты нашему мужицкому сердцу!

— Ну, Ванюха, завязъ ты, и носа не видно!—сказалъ Лазутка.—Слушалъ-слушалъ я тебя, ажно въ головѣ заясило. Ну, про бинокли—это понятно, а къ Валентинычу-то ты чего прилипъ? Онъ, братъ, съ нами на одной доскѣ стоитъ, даромъ что кутейникъ. А ты тянешь: душа, душа... Какая тамъ душа, когда мы всѣ въ одной трясинѣ завязли? Тутъ, братъ, отъ старичья да отъ кулачья ходу нѣту; одно осталось—бери въ руки оглоблю да вышибай куму окна, авось на вольный духъ выскочимъ! А ты: «душа»!

— Вотъ это я понимаю!—воскликнулъ Валентинычъ, въ одушевленіи мѣряя своими журавлиными ногами просвирнину хату.—Вотъ это просто и ясно! Именно, надо повышибить всѣ окна старымъ чертямъ! Опаршивѣли мы отъ ихняго духу... Имъ тепло въ вонючей кучѣ сидѣть, а мы не продохнемъ... Такъ, Лазутка, дѣйствуй! Бери оглоблю, и я съ тобой!..

Иванъ Кириллычъ вытеръ слезы и поднялъ голову.

— Постой, Валентинычъ... Лазутка, молчи! Да нешто я этого не понимаю? Я самъ родился на то, чтобы возстать за бѣдныхъ. Я беречь себя не хочу... Вотъ гляжу я на этого жирнаго чорта, старшину, какъ онъ въ желтой поддевкѣ, съ расчесанной бородой, топаетъ своими ножищами на бѣднаго мужика,—у меня такъ и чешется кулакъ, чтобы свиснуть его по пузу. И ужъ свисну, это онъ дождется... Ну, ладно, свисну, а какой изъ этого лядъ?

— Э, Ванюха, ты только свисни, а тамъ ужъ видно будетъ.

— Ничего не видно... Я его свисну, а онъ меня по законной статьѣ вспишетъ. И опять кто же въ дуракахъ будетъ? Иванъ Саламатинъ... За Михаилъ Денисыча въ одноглазкѣ сидѣлъ, за старшину—наказанъ. И во вѣки вѣковъ меня этимъ будутъ въ морду тыкать... Потому, ихъ—сила, а насъ, эдакихъ, разъ-два, и обчелся. Объ томъ и скорбь моя... Гдѣ они, люди-то? Ищу—и не вижу... Старшина — что, темный онъ, какъ земля черная, въ землѣ сидитъ, свѣту не видитъ. А отъ Михаила Денисыча — горько и обидно... Вѣдь у него на стѣнкахъ-то не Ѳома да Ерема, какъ у старшины въ горницѣ... За что же насъ изобидѣлъ? За что Варьку Бутягину изъ училища по всему селу съ позоромъ гналъ, какъ воровку, людямъ на поруганіе?.. Ухъ, матушки, не стерплю я, убью когда-нибудь эту самолюбивую фигуру!

Иванъ Кириллычъ ударилъ кулакомъ по столу, Лазутка засмѣялся.

— Стой, Ваня, доска не виновата! Не хвастай, никого ты не убьешь: силы въ тебѣ много, а духу нѣту. Помнишь, какъ Ѳедотка Малыгинъ въ училищѣ на тебя наябедничалъ? Другой бы на твоемъ мѣстѣ взялъ его за виски, да и вывозилъ сколько надо, только и всего. А ты, какъ дошло до дѣла, сейчасъ и на мировую. Ѳедотка—онъ хитрый дьяволъ, и мальчишкой былъ—змѣя, и теперь такой же остался. Разсыпался горохомъ, разслезился, ка-быть добрый, ты и размякъ. Сердце въ тебѣ дѣвичье, Ванька, слезой да лаской тебя сейчасъ улестишь, какъ кошку сальцемъ! А насчетъ учителя я тебѣ скажу,—всѣ они такіе, что старшина, что писарь, что учитель. Покуда сидитъ въ грязи, потуда и человѣкъ, а какъ вылѣзъ изъ грязи въ князи, такъ сейчасъ мужика и обраталъ, какъ мерина! Все равно, какъ клещъ: голоднаго его не видать, а какъ въѣлся въ мясо, да насосался досыта теплой кровушки,—горой раздулся, зубомъ не возьмешь!

— Правильно!—подтвердилъ Валентинычъ.

— А ты думаешь, я не знаю?—возразилъ Иванъ Кириллычъ.—Ты, Валентинычъ, меня не учи, я и безъ тебя много обдумалъ... А почему я говорю? Потому что Лазутка мнѣ другъ изъ-дѣтства, и я облегчить себя хочу. Не сталъ бы я этого говорить отцу стараго вѣка, а я говорю юношѣ, который хотя и съ ничтожнымъ образованіемъ, но чувствуетъ свѣтъ и теплоту въ своемъ оскорбленномъ сердцѣ. А ты, Валентинычъ, этого не понимаешь... Ты свыше смотришь, отъ высокаго понятія, и наша мужицкая слеза тебѣ не солона...

— Зря ты это, Ванька!—перебилъ его Лазутка.—Спьяну болтаешь!

— Спьяну?—воскликнулъ Иванъ Кириллычъ и опять весь запылалъ, какъ полова, въ которую залетѣла искра.—Лазутка, спьяну, ты говоришь? А ты знаешь, отчего бываетъ пьянъ человѣкъ? Я тебѣ скажу на это... Помнишь Алешку Заострожнова? Пьяница онъ по твоему, а? Сроду капли въ ротъ не бралъ, трезвѣй его въ селѣ никого нѣту. Ну, вотъ ты и подумай, для чего это онъ передъ Рождествомъ Христовымъ въ тридцатиградусный морозъ зашелъ въ шинокъ, снялъ съ рукъ рукавицы и отдалъ ихъ за полбутылки? А выпивши полбутылку, онъ тутъ же вынулъ изъ-подъ полы суму, повѣсилъ ее на плечо и пошелъ по дворамъ собирать кусочки... Ну?

— Чего «ну»? Не про Алешку сказъ, а про тебя.

— А хоть бы и про меня... Нѣтъ, Лазутка, ты не суди

смаху, семьсотъ побиваху, а разбери причину. Это глубоко, и не по всякому уму задача. Не понять ее тому, кто ходитъ въ мѣховой шубѣ, соболиной шапкѣ и трековыхъ перчаткахъ. Не понять и тому, кто много учился и мало горя испыталъ... Алешкину полбутылку всѣ примѣтили, а про сумку забыли. Вотъ и ты, Лазутка, по вершкамъ летаешь. Ванька пьянъ,—это ты разсудилъ и припечаталъ... А въ сумку Ванькину глядѣлъ, что тамъ есть? Эхъ ты, Лазарь Иванычъ Кайдаковъ, пріятель мой задушевный! Не знаешь ты, что я нынче утромъ, можетъ, на вѣки разссорился съ двумя человѣками, которыхъ каждое слово для меня—источникъ слезъ? И кто эти люди? Родной отецъ и мать...

— Вотъ удивилъ! Съ отцами разругался!.. Да я съ ними каждый день, какъ песъ, грызусь. Отцы-то намъ и первые недруги. Возстали они на насъ, не терпятъ нашего духу. Игра не новая, все та же бубновая!

— А мнѣ это горько... Отчего они своей пользы не хотятъ понять? Отъ одного корня мы, а верхушки врозь! Говоритъ мнѣ нынче отецъ: «Брось свои книжки, не смѣй съ Анкой поповой якшаться. Догулялся со школой своей до одноглазки, а съ читаньемъ и вовсе до Сибири дойдешь. Что за премудрость такая: малому за двадцать, давно бы тятей быть, а онъ изъ школяровъ не выходитъ. Брось эту ремузію, остепенись пора за умъ, да за дѣло взяться».—«Какое дѣло»? говорю.—«А такое: вонъ купецъ Сивоклоковъ рабочихъ нанимаетъ, иди къ нему пахать, косить, молотить, вотъ тебѣ и дѣло!» А я ему въ отвѣтъ:—«не пойду къ Сивоклокову! Не желаю быть пахаремъ земли, хочу быть пахаремъ душъ!» Ка-акъ онъ остервенился!.. «Вонъ, кричитъ, съ моего двора!» И мать подзуживаетъ: «сведи его, отецъ, въ волостное, пущай ему тамъ портки спустятъ, «авось тогда въ разумъ придетъ». «Ахъ вы, говорю, родители! Когда я съ Епихиныхъ хуторовъ пять красныхъ въ домъ приносилъ, вы меня по головкѣ гладили, а теперь портки спущать? За что? За мою любовь къ вашей старости? Темные вы, жалкіе люди!.. Мы за свѣтъ вашей жизни страдаемъ, хочемъ васъ изъ ямы вытащить, а вы портки спущаете»...

— Ни къ чему эти слова! — невозмутимо вымолвилъ Лазутка.—Они отъ насъ ихъ не принимаютъ. Вбили себѣ въ башку, что старый глазъ дальше молодого видитъ, и знать ничего не хотятъ. Словами ихъ не проймешь. Видалъ быка въ болотѣ? Ты его хочешь на сухое мѣсто поставить, а онъ тебя рогами въ пузо. Вотъ и старики такіе же!

— Лазутка, да вѣдь люблю я ихъ! У меня отъ жалости

къ ихъ нуждѣ сердце спекается кровью! Жалкіе они, какъ слѣпые по землѣ ползаютъ; кто ни пришелъ, тотъ и пнулъ ногой. Хочу я въ нихъ понятіе пробудить, а они не чувствуютъ... И никто не чувствуетъ! Во всѣ стороны гляжу и не вижу протянутой ко мнѣ руки. Одно утѣшеніе: темная ночь да пузырь съ чернилами, да бѣлая бумага... Съ ней одной говорю, и она слушаетъ.

Валентинычъ, который давно уже лежалъ на «гноищѣ» своемъ (такъ онъ называлъ свою постель), пуская въ потолокъ клубы табачнаго дыма, повернулъ голову къ Ивану Кириллычу и прислушался.

— Послушай, Кириллычъ, да ты ужъ не стихи ли пишешь?—спросилъ онъ.

— А тебѣ какое дѣло? Можетъ, и пишу,—угрюмо проворчалъ Иванъ Кириллычъ.

— Вотъ чучело! И не скажетъ ничего. Ну, лѣзь въ карманъ, доставай, показывай?

Иванъ Кириллычъ оторопѣлъ и схватился за карманъ.

— А ты почемъ знаешь, что они у меня въ карманѣ?

— Ага, клюнуло!.. Самъ, братецъ, стихи писалъ, по опыту знаю. Ну, нечего фигурничать, читай, покуда мнѣ слушать охота. Сейчасъ и критику тебѣ наведемъ.

Иванъ Кириллычъ смущенно замигалъ глазами, и лицо у него стало виноватое, растерянное, какъ у школяра, застигнутого въ минуту недозволенной шалости.

— Да вы смѣяться будете...

— Ну такъ что жъ? Эка важность? И посмѣемся, не издохнешь отъ этого. По крайней мѣрѣ удовольствіе доставишь, а то что толку, если они у тебя въ карманѣ сопрѣютъ.

Иванъ Кириллычъ подумалъ, страшно покраснѣлъ и съ рѣшительнымъ видомъ досталъ изъ кармана штановъ тетрадку сѣрой бумаги, перегнутую вчетверо и затертую на сгибахъ.

— Только вы, братцы, не очень...—робко прошепталъ онъ. И руки у него дрожали, когда онъ развертывалъ завѣтную тетрадку.

— «Порывы молодыхъ сердецъ». Стихотворенія Ивана Саламатина, Епихины хутора, Журавлевской волости. Ноябрь, 1902 г.

— Ну, ну, валяй!—поощрительно крикнулъ съ «гноища» Валентинычъ.

— «Друзья, не легко жить съ нуждою...—началъ Иванъ Кириллычъ дрожащимъ голосомъ, заранѣе весь вспотѣвъ отъ внутренняго волненія.

Не легко одиноко страдать
И съ измученной горемъ душою
Въ бой съ неправдою въ свѣтъ выступать...

— Что жъ ты остановился? Читай, читай!

— Погодите, я вамъ лучше другое... Тутъ конца нѣту.

И откашлявшись, чтобы прочистить охрипшее горло, онъ продолжалъ:

Страшно!.. Тьма, безпросвѣтная тьма...
Все наполнено дьявольской силою;
Въ этомъ мракѣ кромѣшномъ погибель одна,
Нѣтъ защиты безсильному, хилому...
Спятъ великія силы, силы земли,
Ихъ не трогаетъ участь народная,
И не знаютъ они, что родные сыны,
Что лучшіе дѣти родимой страны
Погибаютъ, сражаясь за все благородное...
За свободу мышленій, за истину въ бой
Они идутъ, геройски сражаясь съ толпой.

— Здорово!—воскликнулъ Лазутка.—И складно, и за сердце беретъ.

— Это я еще въ прошломъ году писалъ, да не кончилъ,— сказалъ ободренный Иванъ Кириллычъ.—Ночь была, ни зги тебѣ не видно. А я сидѣлъ въ училищѣ, читалъ про Чернышевскаго, какъ его на каторгу ссылали. Одинъ, всѣ спятъ, ни въ одномъ окошкѣ свѣту нѣтъ, — прямо душа мретъ. Ну, я и написалъ, что на сердцѣ было. А вотъ недавно кончилъ.

Но вотъ утро, заря занимается,
Все сильнѣй и сильнѣй борьба разгорается,
И немного борцовъ, защищающихъ знамя народное,
Ихъ рѣдѣютъ ряды, погибаютъ они,
Погибаютъ, сражаясь за все благородное:
Но постойте немножечко, братцы мои,
Скоро къ вамъ подойдутъ подкрѣпленія,
Сознаетъ ужъ народъ всѣ невзгоды свои
И пробьетъ скоро часъ, и настанетъ конецъ,
И настанетъ конецъ ихъ терпѣнію...

Унылый, протяжный звукъ прилетѣлъ съ улицы и долго трепеталъ въ избѣ, какъ большая, испуганная птица. Потомъ другой... третій... Лазутка всталъ и началъ застегивать полушубокъ.

— Никакъ это къ вечернямъ звонютъ? Надо мнѣ домой показаться.

— За какимъ чортомъ?—проворчалъ Валентинычъ.

— Нельзя!—сказалъ Лазутка съ широкой дѣтской улыбкой.—Бабка тамъ у меня, на печкѣ сидитъ, дожидается. Надо ей валенки обколотить, шубенку надѣть, да до церкви довести. Безъ меня-то оголтѣлые черти не догадаются, а я ужъ завсегда ее въ церкву вожу. Ничего, она у меня добрая старуха, мы съ ней въ ладу живемъ.

— Да вѣдь отъ тебя водкой разитъ, учуетъ старуха-то!

— Ничего, поругается-поругается, да и опять помиримся. Ну, спасибо, Валентинычъ, за угощенье. Прощай, Ванюха, приходи на праздникъ яйца катать. Я твою пѣсню на голоса переложу, подъ гармошку споемъ, ловко выйдетъ!

Онъ вышелъ. Псовка жалобно заскулила ему вслѣдъ, но сейчасъ же испугалась и опять смиренно улеглась въ уголку. Валентинычъ всталъ съ гноища и шумно зашагалъ по избѣ.

— Ну, Кириллычъ, стихи твои, конечно, ни къ шуту не годятся... Надсонъ и Пушкинъ лучше тебя писали...

— Господи, да развѣ я себя равняю?—краснѣя, какъ свекла, возразилъ Иванъ Кириллычъ.—Что я, одурѣлъ что ль? Съ Надсономъ или съ Некрасовымъ себя равнять... Куда мнѣ до нихъ?

— Постой, Кириллычъ!—нетерпѣливо перебилъ Валентинычъ.—Конечно, ты не Пушкинъ и не Некрасовъ... Но знаешь, что я тебѣ скажу?

Онъ остановился и вперилъ въ Ивана Кириллыча свой сверкающій глазъ. Ивану Кириллычу показалось, что онъ его сейчасъ обругаетъ... онъ весь съежился... Унылые звуки великопостнаго благовѣста продолжали носиться и стонать въ избѣ.

— Вотъ что я тебѣ скажу...—продолжалъ Валентинычъ.—Ужъ если деревенскіе парни начали такіе стихи сочинять — это великолѣпно!.. Это, шутъ тебя обдери, здоровенно-хорошо!

— Хорошо?—съ удивленіемъ спросилъ Кириллычъ.

— Ну да!—сердито крикнулъ Валентинычъ.—Это, братъ, признакъ... Какъ тамъ у тебя? «И пробьетъ часъ, и настанетъ конецъ ихъ терпѣнію»... Настанетъ, это вѣрно! Подходитъ, братъ... Приближается! Гремитъ! Чего ты на меня глаза вылупилъ? Не понимаешь ничего? А еще стихи пишешь... Вотъ какъ тарарахнетъ она, — вся старая гнилятита кверху днищемъ перевернется... И пойдетъ! И затрещитъ! И такая буря подымется... ахъ, чортъ васъ возьми совсѣмъ... хорошо!

Онъ хохоталъ, размахивалъ руками, сверкалъ единственнымъ глазомъ... но вдругъ обмякъ, затуманился весь и докончилъ угрюмо:

— Только я не доживу до этого... Издохну!..

Дверь осторожно отворилась, въ избу заглянула просвирня и потянула носомъ.

— Валентинычъ, а Валентинычъ!.. Будетъ тебѣ кудесничать. Иди къ вечернѣ; батюшка о. Агафоникъ прислалъ.

Валентинычъ мутно поглядѣлъ на нее и вмѣсто отвѣта легъ на кровать, которая такъ и заходила ходуномъ подъ его грузнымъ тѣломъ.

— Да это что же такое?.. Кто же часы-то будетъ читать?

— Пускай самъ читаетъ. Не пойду!

— Господи, какъ же такъ? Нехорошо, Валентинычъ... Поди, умойся холодненькой водицей, космы-то пригладь, да и иди съ Господомъ.

— Сказалъ — не пойду, и не пойду. Я пьянъ. А если приставать будете, пойду сейчасъ и всю бороду твоему Агафонику выдеру! Такъ ты ему и скажи...

Просвирня горестно всплеснула руками и вышла. Колоколъ грустно звонилъ; мимо оконъ тихонько мелькали смутныя тѣни. Говѣльщики шли молиться Богу. Ковыляли старики и старухи. Бѣжали въ прискочку ребятишки...

— Валентинычъ, а Валентинычъ?—сказалъ Иванъ Кириллычъ нерѣшительно.—А ты бы и вправду пошелъ? Хозяйка-то вѣрно говоритъ: Христовы дни нынче, а мы, какъ язычники, пляшемъ, поемъ, водку тянемъ. Съ какой радости?

Валентинычъ не отвѣчалъ. Иванъ Кириллычъ поглядѣлъ на него: онъ спалъ, сложивъ на груди руки, какъ покойникъ, и лицо его во снѣ было печальное, милое и простое. У Ивана Кириллыча тоскливо сжалось сердце. Хмѣльной угаръ прошелъ; голова прояснилась... Колоколъ все звонилъ; казалось, кто-то одинокій звалъ всѣхъ къ себѣ и грустилъ, что никто не идетъ. И Ивану Кириллычу стало ужасно жаль себя, Валентиныча, людей, мелькающихъ мимо оконъ, Христа, къ которому не шелъ Валентинычъ, своего далекаго, беззаботнаго дѣтства, когда такъ хорошо и чисто вѣрилось, такъ свѣтло и просто было жить...

Онъ нахлобучилъ на себя свою ушастую шапку и пошелъ домой.

V.

На бревнѣ подъ колокольней.

Старая колокольня тряслась и гудѣла отъ праздничнаго трезвона. Молодые парни и подростки пестрою гирляндой уни-

зали ветхія перила лѣсенки, ожидая своей очереди «позвониться». Свѣжій весенній вѣтеръ раздувалъ пузыремъ ихъ желтыя, розовыя, красныя и голубыя рубашки; дробно сыпался громкій безпорядочный говоръ; вспыхивалъ и раскатывался здоровый молодой смѣхъ, взвизгивала гармоника, взлетала и падала разгульная пѣсня. Пахло травой, весной, свѣжими куличами, печеными яйцами. Молодежь праздновала свой первый весенній праздникъ, и въ ея буйномъ весельи было что-то языческое, горячее и хмѣльное... какъ будто ожилъ древній солнечный богъ, Ярило, и взмутилъ молодую кровь колдовскими чарами забытой старины. Пѣли, плясали, смѣялись колокола; пѣлъ и плясалъ пахучій молодой вѣтеръ; развѣвались красныя рубахи, красныя юбки дѣвокъ, красныя ленты въ ихъ косахъ. Все было красное, все было звонкое, все куда-то неслось, кипѣло, горѣло, какъ огненный вихрь...

Анночка сидѣла у отвореннаго окна и поджидала Варю Бутягину, чтобы идти вмѣстѣ подъ колокольню. О. Георгій въ новой шумящей рясѣ изъ голубого сатинета расхаживалъ по залѣ и вполголоса напѣвалъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ». Иногда онъ останавливался, глядѣлъ на Анночку и затѣмъ опять начиналъ ходить, шурша на ходу рясой.

— Фу, какъ надоѣлъ этотъ звонъ,—сказала Анночка, притворяя окно.—Это второй день, и то уже въ головѣ гудитъ, а что будетъ дальше?

— Ничего... привыкнешь!—отозвался о. Георгій.—А я такъ люблю. Молодость вспоминается... Охотникъ я былъ тоже... позвониться-то. Бывало, и ночью все... колокола снятся. Чудно!

— Что это Варька противная не идетъ!—зѣвая, воскликнула Анночка.—Обѣщала сейчасъ послѣ обѣда придти и пропала. Должно быть, опять Трофимовна не пускаетъ. Экая сварливая баба!

— «Христосъ воскресе изъ ме-ертвыхъ»,—началъ было батюшка и опять остановился.—А знаешь, Анночка... тяжелый человѣкъ Агафоникъ! Вотъ я хожу и все думаю объ немъ... все думаю... Никого онъ не любитъ, Анночка... и пуще всего тебя не любитъ. Это меня безпокоитъ.

— Ну, папаша, охота безпокоиться!

— Не могу, Анночка. Такой у меня характеръ. Безпокоитъ меня Агафоникъ... боюсь я его.

— Ахъ, папаша, смотрю я на васъ, всѣ вы тутъ напуганные какіе-то. Всѣ чего-то боитесь. Даже странно.

Она снова зѣвнула. Анночка очень любила отца, но ей

было съ нимъ скучно, и когда они оставались вдвоемъ, оказывалось, что имъ какъ-то совсѣмъ не о чемъ говорить. Это ее тяготило.

— Да какъ же не бояться, Анночка?—продолжалъ о. Георгій.—Люди мы ничтожные, и власти надъ нами много. Все равно, какъ въ сѣтяхъ живемъ. Тутъ ужъ сиди смирно, не шевелись, а начнешь биться—еще пуще запутаешься...

Онъ подождалъ отвѣта, но Анночка молчала. Она открыла окно и смотрѣла на площадь, пестрѣвшую разноцвѣтными нарядами гуляющихъ. Колокольня по прежнему гудѣла и дрожала отъ бѣшеной пляски колоколовъ.

— Безпокойное какое-то время нынче!—говорилъ, между тѣмъ, о. Георгій.—Живешь и не знаешь, кто тебѣ другъ, кто врагъ. Вотъ въ 1881-мъ году было... Когда императора Александра II убили... такая же разруха шла. Я тогда молодой былъ... а тебя, Анночка, еще и на свѣтѣ не было... Страшно было! Не знаю, какъ по городамъ, а у насъ въ деревняхъ Богъ знаетъ, чего ждали. Мы съ попадьей—твоей матерью покойницей, царство ей небесное!—бывало, по ночамъ не спимъ. Зажжемъ лампадку передъ иконами, да такъ и сидимъ... до разсвѣта... Боялись! Чего боялись—Богъ его знаетъ. Идетъ что-то... а что—невѣдомо...

Анночка затворила окно. Трезвонъ сталъ глуше, а голосъ о. Георгія—громче.

— А нынѣ еще хуже стало, Анночка. Люди какіе-то иные сдѣлались... На моихъ глазахъ перемѣнились. Или ужъ это отъ старости мнѣ кажется, но смотрю—и вижу: все другое. Не знаю только—къ худшему или къ лучшему...

Теперь уже Анночка слушала внимательно. О. Георгій такъ рѣдко говорилъ, что ей казалось, будто онъ вполнѣ доволенъ своей простой, патріархальной жизнью и не знаетъ никакихъ сомнѣній, никакихъ тревогъ. Теперь неожиданно открылось, что онъ думаетъ... и думаетъ глубоко, тяжело, одиноко... и Анночкѣ стало жаль отца и жаль, что она такъ долго оставляла его одного съ тоскливыми думами, неясными тревогами.

— Къ лучшему, папаша, къ лучшему!—весело воскликнула она.

— Не знаю, Анночка, не знаю... но, конечно, дай Богъ, дай Богъ... Вотъ я читаю въ газетахъ... съѣзды какіе-то пошли... собираются люди, хотятъ измѣнить жизнь. Это хорошо. Правда, трудно жить стало... Но ужъ очень мы напуганы... Вотъ

къ тебѣ молодежь наша приходитъ, слушаю я ваши разговоры. Чувствую, что хорошо это... свѣжо какъ-то, смѣло, впередъ двигается. Но... боюсь... Разсказываешь ты имъ про кружки разные, про партіи... Что-жъ, Анночка, я тебѣ мѣшать не хочу... Я понимаю, нельзя отставать, когда все впередъ двигается... если ужъ надо, такъ иди... Но, Анночка...

О. Георгій сталъ передъ дочерью и робко заглянулъ ей въ глаза.

— Одно тебя прошу, Аночка... не убій! Одно только... ну, и вотъ!..

— Варя идетъ!—сказала Анночка и поспѣшно добавила:—А объ этомъ, папаша, мы съ вами еще поговоримъ! Послѣ... И не бойтесь, папаша, ничего не бойтесь! Никого я не убью!..

Вошла Варвара въ новой кубовой юбкѣ, въ бѣлой прямой кофтѣ, но какъ всегда по старушечьи повязанная темнымъ платочкомъ; только въ косѣ вилась красная лента.

— Гдѣ это ты пропадала, святая душа? Я тебя ждала, ждала!

— Нельзя было, Анночка. Тетки пришли изъ Еременихи, мать за самоваромъ къ сосѣдямъ посылала, чай пили.

— А Саламатинъ придетъ?

— Онъ за Ѳомкой-Косорукимъ пошелъ. Вмѣстѣ придутъ на бревно.

— Ну, папаша, мы гулять пойдемъ! Ты насъ скоро не жди, мы теперь на бревнахъ до ночи просидимъ. Помнишь, какъ, бывало, мы тамъ всѣ лѣтніе вечера пропадали? Помнишь, ты насъ тогда «желторотиками» называлъ? Ну, скажешь, бывало, желторотики въ свой цыплячій клубъ полетѣли!

— Помню, помню!—отозвался повеселѣвшій о. Георгій.—А что жъ ты думаешь, теперь вы не желторотики? Такіе же... только крылышки немножко отростать начали. Ну, идите съ Господомъ... но, Анночка, ты того... смотри, остерегайся... Поглядывай по сторонамъ-то... а то ты, я тебя знаю... занесешься въ поднебесье и не замѣтишь, какъ Агафоникъ подкрадется. Потаенный онъ человѣкъ, ходитъ тихо, глядитъ криво... боюсь я его!

Анночка съ Варварой вышли и сразу точно окунулись въ волны краснаго звона, краснаго свѣта, красныхъ сарафановъ, рубашекъ, лентъ... На встрѣчу имъ шли Иванъ Кириллычъ и Ѳомка-Косорукій. Иванъ Кириллычъ шелъ скоро, вразвалку, широко улыбаясь дѣвушкамъ; Ѳома едва поспѣвалъ за нимъ, съ трудомъ волоча свои слабыя, тонкія ноги и безпомощно болтая на ходу «неправою» рукой.

— Фу, какъ красно!—щурясь отъ солнца и звона, воскликнула Анночка. — Вся наша Муравлевка точно макомъ зацвѣла. Смотри-ка, Ваня, монашенка-то наша и то себѣ красную ленту въ косу заплела!

Иванъ Кириллычъ жаднымъ и горячимъ взглядомъ смотрѣлъ на Варвару. Она покраснѣла и нахмурилась. Ѳома остановился поодаль и задумчиво наблюдалъ пеструю картину деревенскаго праздника, облитую тепломъ весенняго солнца.

— Что задумался, Ѳома?—спросила Анночка.—Хорошо? Вотъ бы красками-то написать да въ Петербургъ на выставку? Они тамъ сроду такого солнышка не видятъ, живутъ въ потемкахъ да брюзжатъ!

— Хорошо бы! — вздохнулъ Ѳома. — Да не умѣю я... Нешто такъ нарисуешь?

Анночка предложила пройтись по селу, пока на колокольнѣ «отзвонятся». Прошли къ рѣкѣ и послушали, какъ шумитъ вода. Посмотрѣли на ребятишекъ, которые на лужайкѣ около «гамазеи» катали яйца.

— Люблю я ребятъ! — сказала Анночка. — И подумать только, что эти карапузики тоже будутъ когда-нибудь дѣятелями жизни, будутъ рѣшать разные важные вопросы, устраивать революціи, проповѣдывать новыя ученія... Смѣшно! Я люблю на нихъ смотрѣть и заранѣе представлять себѣ, что изъ нихъ выйдетъ. Посмотрите вонъ на того черненькаго, шустраго малыша, какъ онъ играетъ! У него полны карманы яицъ, и онъ постоянно ихъ пересчитываетъ и косится на всѣхъ, какъ бы у него не отняли. Вотъ онъ нацѣливается... глядите, глядите! Сощурился, языкъ высунулъ, глаза сверкаютъ, какъ у волченка. Попалъ!.. Ишь, какъ схватился—и сейчасъ въ карманъ... Жадный бѣсенокъ! Навѣрное міроѣдомъ будетъ или старшиной, все въ свой карманъ тащить станетъ... А вонъ другой, рыженькій, кудрявый... Глаза веселые, носъ кашей замазанъ. Онъ проигрался въ пухъ и прахъ и карманы даже вывернулъ,—на те, глядите, ничего нѣту! Это въ родѣ Лазутки. А эта дѣвочка въ розовой юбкѣ! Отъ земли не видать, а ужъ важничаетъ, какъ большая. Чистенькая, аккуратная, косичка масломъ намазана, смотритъ не улыбнется. Это, должно быть, братишка ея, толстый, съ мокрымъ носомъ? Ахъ, разбилъ яйцо, ревetъ! Ну, задастъ она ему! Такъ и есть... Разъ по затылку! И другое яйцо дала. Варя, это чисто ты!

— Ну ужъ, и выдумщица ты, Анночка,—возразила Варя и добавила со вздохомъ:—А я, когда гляжу на ребятишекъ,

сейчасъ мнѣ школа вспоминается..! Ажно тошно сдѣлается, ей Богу.

— Ну, чего тамъ тосковать объ лѣтошнемъ снѣгѣ! Надо, Варюха, впередъ смотрѣть, а не оглядываться. Ну, пойдемте, ребятишки, натрезвонились звонари-то, замолчали!

Иванъ Кириллычъ ничего не говорилъ. Онъ шелъ рядомъ съ Варей и хотя не смотрѣлъ на нее, но всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ ея молодую красоту, крѣпкую свѣжесть ея расцвѣтающаго тѣла, и весь горѣлъ отъ сдержанной страсти, и томился стыдливымъ желаніемъ быть къ ней ближе, прикоснуться хоть къ краю ея красной ленты.

Гуляющая молодежь уже растеклась съ площади по улицамъ, и имъ навстрѣчу безпрестанно попадались пестрыя, хохочущія группы парней и дѣвокъ. Парни шли со свистомъ, съ гиканьемъ, съ гармониками и жилейками; дѣвки неслись разноцвѣтнымъ вихремъ, обнявшись, щелкая сѣмечки, горланя пронзительными голосами любимую «говорушку».

Ой, мамашка, спокой дочку,
Отпусти ее на ночку.
Я мамашку обманула,
Въ подворотню сиганула...

— Фу, мерзость!—воскликнула Анночка.—«Мамашка» да «папашка»—и когда они эту гадость пѣть перестанутъ? Вы, учителя! Когда вы своихъ учениковъ научите другія пѣсни пѣть?

— Какіе же мы учителя, Анночка?—печально сказала Варя.—Мы бы и научили, да насъ за учителей не признаютъ.

Въ одной группѣ они увидѣли Лазутку. Онъ шелъ въ своемъ неизмѣнномъ рваномъ полушубкѣ, накинутомъ на одно плечо, въ шапкѣ на бекрень, и художественно наигрывалъ на гармоникѣ «барыню». Увидѣвъ Анночку, онъ лихо сдернулъ шапку и высоко подбросилъ ее надъ головой.

— Дружкамъ почтеніе! Гуляетъ Лазутка!

— Здравствуй, гуляка!—смѣясь, крикнула Анночка.—Приходи нынче на бревна старину вспомянуть!

— Приду!—отозвался Лазутка, и шумная ватага пронеслась мимо съ хохотомъ, свистомъ и задорными переливами «барыни». Что-то яркое, пламенно-жгучее сверкнуло и погасло... Красная лента въ Вариной косѣ трепетала и дразнила своимъ змѣинымъ шелестомъ, своими огнистыми отливами... Иванъ Кириллычъ смотрѣлъ на нее затуманенными глазами, и ему хотѣ-

лось такъ же, какъ Лазутка, кричать, плясать, обнимать горячее, дѣвичье тѣло, и жаль было, что онъ этого не можетъ...

— А что, Валентинычъ все еще пьетъ?—спросила Анночка.

— Не знаю... давно его не видалъ,—пробормоталъ Иванъ Кириллычъ.

— Не вида-алъ...—насмѣшливо протянула Анночка.—Ну ужъ и ты тоже хорошъ гусь! Я, вѣдь, все знаю! Кто въ прошлый четвергъ у Валентиныча скандалилъ? Напился, посуду перебилъ, въ драку полѣзъ... Эхъ ты! Ну, Лазуткѣ и Валентинычу простительно, они отпѣтые, а ты? Хочешь народъ учить, а самъ первый водкой себя дурманишь...

Понуривъ голову, Иванъ Кириллычъ молчалъ. Варвара поглядѣла на его убитое лицо, и ей стало жаль парня. Она тихонько взяла его за руку. Весь вздрогнувъ отъ счастья, онъ отвѣчалъ Варѣ горячимъ пожатіемъ и поднялъ голову.

— Что было, то прошло, Анна Егоровна... Сознаю, что неправильно поступилъ. Больше этого не будетъ.

— Не зарекайся лучше! Мягкій ты, Ваня, какъ воскъ. Тебя надо въ ежевыхъ рукавицахъ держать. Варюха, вотъ выходи за него замужъ, онъ у тебя шелковый будетъ!

Она поглядѣла на нихъ и, хитро посмѣиваясь, добавила:

— А что же, чѣмъ не пара? Смотри-ка, Ѳома, какіе они оба славные! Чисто женихъ и невѣста!

Иванъ Кириллычъ весь побагровѣлъ, Варвара потупилась. И такъ они шли рука съ рукой, оба молодые, сильные, здоровые, оба счастливые своей еще невысказанной любовью.

Въ логовѣ Валентиныча всѣ окна были затворены наглухо. Просвирня, какъ вѣрный стражъ, сидѣла на лавочкѣ у воротъ и бесѣдовала съ сосѣдкой, тощей бабой съ огромнымъ животомъ.

— А что, Ваня, не зайти ли намъ за Валентинычемъ?—сказала Анночка.

Иванъ Кириллычъ вспомнилъ злобныя выходки Валентиныча противъ Анночки и замялся.

— Кто его знаетъ, Анна Егоровна... Какъ къ нему заходить-то? Чудной онъ... Съ нимъ иной разъ не сговоришь. Начнетъ блажить...

Но быстрая Анночка уже летѣла къ просвирнѣ, которая смотрѣла на нее довольно враждебно.

— Здравствуйте! Дома Валентинычъ?

— А вамъ зачѣмъ?—сурово освѣдомилась просвирня.

— А это ужъ мы ему сами скажемъ!—засмѣялась Анночка, и прежде, чѣмъ просвирня собралась отвѣтить, подбѣжала къ

окну Валентинычевой квартиры.—Валентинычъ! А Валентинычъ! Вы дома?

Внутри избы что-то зашумѣло, оконница поднялась, и наружу высунулась голова Валентиныча. Онъ былъ трезвъ, умытъ и причесанъ.

— Мое почтеніе!—сдержанно сказалъ онъ.—Что прикажете?

— Скажите, какъ оффиціально! Ну, будетъ чудить, Валентинычъ! Надѣвайте что-нибудь тамъ на голову и пойдемте на бревна!

— На бревна?.. Гм... Да на что я вамъ, Анна Егоровна? Скучный я... и совсѣмъ даже ни для кого не интересный.

— Ну-ну-ну! Собирайтесь, собирайтесь, мы ждемъ! Что за фокусы?

Валентинычъ сморщился, что-то заворчалъ и закрылъ окно. Просвирня уже приготовилась злорадствовать, но не прошло и минуты, какъ Валентинычъ показался на улицѣ и, выражая всей своей фигурой молчаливое недовольство, зашагалъ родомъ съ Анночкой.

— Экая шалова эта дочка о. Егора!—пустила ей вслѣдъ просвирня.—Наберетъ дѣвокъ, парней деревенскихъ и вѣшается съ ними по улицамъ, какъ прости Господи, шлюха какая-нибудь! Нашла компанію съ кѣмъ водить, безстыдница! И отецъ-то сдурѣлъ, во всемъ ей потакаетъ...

Въ церковной оградѣ было уже пусто, и колокольня молчала. Вся площадка передъ ней была густо усѣяна разноцвѣтной яичной скорлупой и сѣмячками. Еще голые кусты акацій и сирени бросали жидкую тѣнь на сѣрыя плиты какихъ-то забытыхъ могилъ. Надписи на нихъ давно стерлись, и было что-то жалкое, грустно-смиренное въ этихъ заброшенныхъ памятникахъ никому неизвѣстныхъ людей. Новая молодая жизнь смѣющимся потокомъ проносилась надъ ними; новые люди попирали ихъ своими ногами, а онѣ все глубже осѣдали въ землю и обросшія мохомъ, изъѣденныя солнцемъ и дождями, молчаливо стерегли истлѣвшій прахъ. Нѣсколько старыхъ бревенъ, оставшихся отъ какой-то давнишней постройки, лежало у ограды.

— Ну, вотъ и нашъ цыплячій клубъ!—сказала Анночка, когда они рядкомъ, точно и въ самомъ дѣлѣ цыплята на нашестѣ, усѣлись на бревнѣ.—Валентинычъ, ваше сердце не умиляется?

— Чему это?—сухо спросилъ Валентинычъ.

— А вотъ тому, что опять мы всѣ вмѣстѣ, и колокольня эта старенькая тутъ, и могилки, и бревна, и все, все... Вѣдь, это, Валентинычъ, молодость тутъ наша, наши первыя сознательныя чувства, мечты, надежды... Какъ же не умиляться?

— Вотъ еще!.. Какія сантиментальности! Совсѣмъ это мнѣ не къ рылу!.. И давно ужъ я отъ всего этого ушелъ.

Анночка посмотрѣла сбоку на его рѣзкій профиль съ мертвымъ глазомъ и задумалась.

— Да, Валентинычъ!—сказала она серьезно.—Вы отъ насъ ушли... далеко. Хотѣлось бы мнѣ знать, почему...

Валентинычъ напряженно захохоталъ, и видно было, что онъ смѣется насильно, что ему вовсе не хочется смѣяться.

— Что вы смѣетесь?—строго спросила Анночка.

— Да какъ же... Чудно! Человѣкъ прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы, морду у него отъ пьянства горой раздуло, и весь-то онъ съ ногъ до головы грязный, какъ свинья въ навозной кучѣ, а вы требуете, чтобы онъ ахалъ и восхищался... «Ахъ, наше дѣтство!.. Ахъ, цвѣточки! Ахъ, родныя могилки!..»

Послѣднія слова онъ пропищалъ тоненькимъ голоскомъ, подражая Анночкѣ, и снова принужденно захохоталъ.

— Какой вы несчастный, Валентинычъ! — грустно прошептала Анночка.—Мнѣ васъ очень жалко!

— Покорно васъ благодарю!.. Но въ жалостяхъ вашихъ я ничуть не нуждаюсь и прошу со вздохами ко мнѣ не лѣзть. Вы идете своей дорогой, а я—своей... Ну, и кончено... и гусь свиньѣ не товарищъ. А на родныя могилки и на всякія тамъ мечты и порывы я давно наплевалъ... и вообще плюю на всѣхъ! Вотъ-съ!..

Анночка вся вспыхнула и быстро отодвинулась отъ Валентиныча. Пронеслась минута тяжелаго молчанія... Всѣмъ казалось, что Валентинычу теперь остается только одно—встать и уйти. Но онъ не всталъ и не ушелъ, а продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и, насупившись, какъ быкъ, ковырялъ палкой землю.

VI.

Тревожная ночь и первый поцѣлуй Ивана Кириллыча.

— А я въ Петербургѣ часто вспоминала наше бревно и колокольню!—начала Анночка спокойно, какъ будто ничего особеннаго не произошло и дружеская бесѣда ничѣмъ не прерывалась. Бывало, сидишь въ аудиторіи или на какой-нибудь сходкѣ, электричество горитъ, кругомъ море головъ, ораторъ на эстрадѣ рѣчь говоритъ—и вдругъ вспомнится Муравлевка... Что-то они

тамъ дѣлаютъ теперь, мои милые товарищи? И сейчасъ какъ будто на яву представляется: сидите вы всѣ, занесенные снѣгомъ; ночь—ни зги не видно; собаки воютъ, выйти некуда, нигдѣ человѣческаго голоса не слышно. Ты, Варя, небось, что-нибудь изъ книжки списываешь; Трофимовна ворчитъ на печи, зачѣмъ зря свѣтло жжешь, а Ваня у себя на Епихиныхъ хуторахъ тоже въ книжку уткнулся. Тишина, тоска, не съ кѣмъ словомъ перекинуться...

— Вѣрно! Вотъ вѣрно-то все разсказала! — воскликнулъ Иванъ Кириллычъ и переглянулся съ Варварой; они оба засмѣялись. Анночка продолжала:

— Вотъ какъ подумаешь объ этомъ, такъ даже стыдно сдѣлается: и почему это я такая счастливая? Чѣмъ заслужила, что мнѣ—и свѣтъ, и книги, и лекціи, а имъ—ничего? Прибѣгу домой и сейчасъ вамъ письмо писать: все-таки на душѣ легче, что я не одна пользуюсь, а и съ вами кое-чѣмъ дѣлюсь.

— И псы подъ трапезою ѣдятъ отъ крупицъ дѣтей...—проворчалъ себѣ подъ носъ Валентинычъ.

— А мы, Анночка,—поспѣшно сказала Варвара,—мы, бывало, какъ получимъ отъ тебя письмо, такъ у насъ чисто праздникъ! Цѣлую недѣлю другъ къ дружкѣ ходимъ, все читаемъ, читаемъ... Спасибо тебѣ, хорошо описывала! Мы хоть и не видали ничего, а по твоимъ писаньямъ будто и сами вездѣ побывали, гдѣ ты была.

— Очень пріятно... На свадьбѣ былъ, медъ пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало... — опять буркнулъ Валентинычъ.

Но всѣ по молчаливому соглашенію дѣлали видъ, какъ будто совсѣмъ не замѣчаютъ его присутствія, и продолжали бесѣду.

— У насъ, Анна Егоровна, объ твоихъ письмахъ много разговору было,—сказалъ Иванъ Кириллычъ.—Думаешь-думаешь, бывало, ломаешь-ломаешь голову-то, а все какъ въ потьмахъ... Ужъ очень сомнѣнье беретъ.

— О чемъ сомнѣнье?—спросила Анночка.

— Да вотъ хоть бы къ примѣру, насчетъ того... Писала ты намъ про рабочихъ, про разныхъ тамъ людей, какъ они за народъ стараются, хотятъ право и законы по новому передѣлать, чтобы нормальный порядокъ былъ. Ну, вотъ... По письмамъ-то у тебя выходило—здорово дѣло двигается! Соединяется народъ, чувствуетъ въ себѣ силу великую, вотъ-вотъ только завелъ машину—и вся эта буржуазія къ чертямъ разлетится. Такъ я говорю, Анна Егоровна?

— Ну, ну, такъ, а дальше что? Сомнѣнія-то какія?

— Да вотъ какія, Анна Егоровна... Ну, думаешь себѣ, хорошо тамъ у нихъ въ Питерѣ все налажено, и рабочіе соединяются, и партіи разныя, и все... а у насъ? Да какъ поглядишь кругомъ себя-то, да увидишь, какъ мужички-то наши другъ-дружку за полведра продать готовы, а бабы своихъ ребятъ отъ грыжи въ печкѣ запариваютъ,—ажно по-закожью морозъ подираетъ. А ну какъ мы отъ васъ отстанемъ? Ну какъ вы-то на сто шаговъ впередъ зашагаете, а мы васъ назадъ потянемъ на версту? Вѣдь, это какая махинища-то, а? Ее раскачать надо...

— Ну вотъ, вы и раскачивайте...

Валентинычъ еще глубже воткнулъ свою палку въ землю и запѣлъ сквозь губы:

Брандтъ-мейстеръ нашъ кричитъ,
Тушить огонь велитъ:
Качай-качай-качай,
Накачивай-качай,
Чтобы народъ спасти
Отъ опа-сно-сти!..

Анночка покосилась на него, и ея круглыя щеки задрожали отъ смѣха. Но она сдержалась и, отвернувшись отъ Валентиныча, серьезно продолжала:

— Объ чемъ же я и говорю? Конечно, вся сила въ мужикѣ: если онъ не двинется, никакого толку не будетъ. Надо его будить, толкать, а то онъ эдакъ царство небесное проспитъ.

— Хорошо, Анна Егоровна, будить, это я понимаю... Но какъ?

— А мы-то на что? А книжки, школы, бесѣды?..

— Жила-была старица въ тишинѣ подъ дубомъ, — снова запѣлъ Валентинычъ:

Она пошла париться,
Братья, возликуемъ!
И, какъ баба чинная,
Взяла пукъ мочала...
Это пѣсня длинная,
Начинай сначала!

— Валентинычъ! — крикнула Анночка дрожащимъ отъ внутренняго смѣха голосомъ.

— Что прикажете?

— Валентинычъ, это безобразіе! Люди хотятъ серьезно по-

говорить, а вы имъ мѣшаете своими дурацкими пѣснями. Если не хотите слушать, лучше уйдите.

— Зачѣмъ? Мнѣ, можетъ, и здѣсь хорошо.

Анночка быстро повернулась къ нему, онъ къ ней, оба поглядѣли другъ на друга, и Анночка звонко расхохоталась.

— Валентинычъ, ахъ вы, чучело гороховое! Ну чего вы какимъ-то Шопенгауэромъ прикидываетесь? Совсѣмъ вы не такой! Посмотрите на него, господа: наморщился, важничаетъ, а у самого и носъ смѣется, и вихры на головѣ, и даже стеклянный глазъ...

Всѣ смотрѣли на Валентиныча, и звонкій молодой смѣхъ долго раскатывался надъ сѣдыми плитами, молчаливо сторожившими давно истлѣвшій, никому не вѣдомый и никому не нужный прахъ. Солнце уже зашло; весеннія, прозрачно-зеленыя сумерки сгущались въ стѣнахъ церковной ограды, сѣрой тканью обволакивали старую колокольню, сѣяли трепетъ и тайну въ кружевной паутинѣ сиреней и акацій. Что-то тихо ползло и шуршало по влажной землѣ; что-то тихо коснулось большого колокола, и нѣжный, струнный звукъ долго качался и стоналъ въ земномъ океанѣ небесъ.

— Постойте!—сказала Анночка, прислушиваясь.—Колоколъ зазвонилъ... Отчего это?

— Это не къ добру...—шепотомъ отвѣчала Варя.—Когда колоколъ самъ зазвонитъ, это къ смерти. Можетъ, кто-нибудь изъ насъ умретъ въ этомъ году...

— Эхъ, вы, конспираторы! — засмѣялся Валентинычъ. — Собираетесь народъ будить, а сами въ бабьи сказки вѣрите! Борьба, борьба... а чуть гдѣ зашуршало, сейчасъ душа въ пятки.

— Ничуть не въ пятки! — возразила Анночка, въ душѣ немножко сконфуженная словами Валентиныча. — Если я спросила, отчего зазвонилъ колоколъ, это вовсе еще не значитъ, что я испугалась.

— Ну да, не испугались! А у самой и голосъ дрожитъ, и носъ побѣлѣлъ отъ страху. Эка штука—колоколъ зазвонилъ! Либо птица крыломъ задѣла, либо Агафоникъ залѣзъ и въ потемкахъ лбомъ стукнулся.

— Агафоникъ?—съ удивленіемъ воскликнула Анночка.

— Ну, конечно! Онъ—парень хитрый, знаетъ, гдѣ рыба-головель водится. Притаился гдѣ-нибудь и подслушиваетъ. А головель—онъ дуракъ: разинулъ пасть и лѣзетъ прямо на крюкъ.

— Это еще что за аллегоріи?

— Никакихъ аллегорій нѣтъ. Вы бы еще на площадь вышли, да и гаркнули во все горло: «вставай, подымайся, рабочій народъ!» Организаторы тоже... Мнѣ, конечно, на ваши конспираціи наплевать, а Агафонику это чистый медъ.

— Ерунда, Валентинычъ!—возразила смущенная Анночка.—Какія конспираціи? Былъ просто разговоръ общаго свойства...

— Ну, матушка, нынче и за общія свойства по затылку да въ одноглазку! Мнѣ-то начхать на эту тетрадь, я все равно въ вашу революцію не вѣрю, ну, а вашей милости это зазорно: размахнуться по чужой спинѣ, да себя кулакомъ по лбу!

Анночка замолчала и задумалась. Зеленыя сумерки примеркали; старая, добродушная колокольня потемнѣла, нахмурилась; большая, красная звѣзда тускло глядѣла сквозь прорѣзы оконъ... точно сердитый старческій глазъ косился на безпокойную молодежь, тревожившую вѣчный сонъ невѣдомыхъ покойниковъ. И по кустамъ кто-то ходилъ и шептался.

— А ну, какъ это и вправду Агафоникъ шастаетъ?—робко замѣтилъ Ѳома-Косорукій.

— Ой, боюсь, боюсь!—закричала Анночка, хохоча и тиская Варвару.

— Ну, Анночка, не кричи!—заворчала Варя, пугливо озираясь.—Нехорошо... все-таки здѣсь покойники.

— А что, ты боишься, они вылѣзутъ? Ахъ, трусишка! Помнишь, какъ мы здѣсь одинъ разъ сидѣли и вдругъ метеоръ пролетѣлъ. А ты какъ заорешь: «огненный змѣй летитъ! Огненный змѣй»!

— Ну что-жъ... Конечно, когда не знаешь, всего боишься. Учиться надо!—со вздохомъ добавила она.—Безъ науки и солнце за головешку покажется.

— Ну, будетъ, Варюха, не надо больше серьезныхъ разговоровъ! Давайте лучше пѣть. Валентинычъ, вы регентомъ?

— Ну ладно, только, чуръ, не тянуть козла за хвостъ, а то брошу. Пѣсня какъ водка; нужно, чтобы она по всѣмъ жиламъ огнемъ разливалась. Не люблю плохой водки и плохой пѣсни!

— Да ужъ знаемъ, знаемъ! Какую начинать?

— Мою любимую... Разбойничью!

Онъ поднялся съ бревна, взмахнулъ своими длинными руками и задалъ тонъ.

Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ большой волны,

взвился бѣлокрылой чайкой серебряный голосокъ Анночки.

Выплываютъ расписные,
Острогрудые челны...

подхватилъ хоръ, и пѣсня широкой звенящей рѣкой разлилась въ стѣнахъ церковной ограды. Глубоко и сильно звучала октава Валентиныча; сиповатый тенорокъ Ивана Кириллыча дружно сплетался съ высокимъ и чистымъ голосомъ Анночки; серьезно и торжественно вторили Варвара и Ѳома.

— Величественно! — командовалъ Валентинычъ въ изступленномъ экстазѣ.

На кормѣ сидитъ хозяинъ...

продолжали пѣвцы замедленнымъ темпомъ, и чудилось, какъ въ ночную синь набѣгаютъ и дышатъ могучія волны великой русской рѣки, и звучно плещутъ весла, и влажный вѣтеръ вздымаетъ и пѣнитъ бѣлые гребни валовъ.

Атаманъ съ своей княжной
Свадьбу новую справляетъ,
И разгульный, и хмѣльной.

— Свирѣпо!

Эхъ, ты, Волга, мать родная,
Волга вольная рѣка,
Не видала ты подарка
Отъ донского казака!

гремѣлъ хоръ съ насмѣшливой и буйной злобой.

И когда послѣдніе раскаты разбойничьяго хохота затерялись подъ сводами старой колокольни, Валентинычъ выждалъ одну секунду грознаго молчанія и отрывисто, съ сердечнымъ надрывомъ, кинулъ пѣвцамъ:

— Со злезой!

Быстрымъ взмахомъ подымаетъ
Онъ красавицу-княжну
И, не глядя, внизъ бросаетъ
Въ набѣжавшую волну...

— Вотъ это я понимаю! — воскликнулъ Валентинычъ, вытирая выступившій на лбу потъ.—Это люди были,—орлы, а не цыплята желтоперые! Эхъ, братцы, не во время я родился! Мнѣ бы тогда жить, гулялъ бы я со Стенькой Разинымъ по матушкѣ-Волгѣ, грабилъ купеческіе караваны, да московскихъ воеводъ на висѣлицу вздергивалъ! Это жизнь, а не пукъ мочалы, начинай сначала!..

— Врете вы все, Валентинычъ! — рѣзко оборвала его Анночка.—Ну, какой вы Стенька Разинъ? Если бы въ васъ было что-нибудь такое, небось, и теперь бы обнаружилось. Такъ все это, слова одни. Садитесь лучше, успокойтесь!

— Вы думаете, слова? — спросилъ Валентинычъ и покорно сѣлъ.

— Да, конечно! Ну, посмотрите вы на себя, что вы такое? Парень вы неглупый, съ талантомъ, и все это у васъ даромъ пропадаетъ. Застрялъ въ псаломщикахъ, и ни съ мѣста. Водку пьетъ, съ попомъ Агафоникомъ воюетъ, скандальничаетъ,—фу, даже говорить противно! У Стеньки Разина хоть удаль была, смѣлость, размахъ широкій, а у васъ что? Весь на мелкія деньги размѣнялся, опошлился, опустился, а туда же... Стенька Разинъ!.. Глупо!

— Ловко!—хмуро разсмѣялся Валентинычъ.—Отчитала и печатью припечатала... Пошлякъ, пьяница и скандалистъ—иди на всѣ четыре стороны... Тэ-экъ-съ! Ну, а что же мнѣ дѣлать по вашему? Мочалку жевать... т. е., какъ вы изволите выражаться, «будить народъ»... книжки тамъ разныя, чтенія, кружки, конспираціи... Не могу-съ, ибо не вѣрю и не вижу никакого толку. Вотъ если бы въ открытую идти, баррикады строить,— это другое дѣло...

— А что жъ, можетъ, и баррикады скоро будемъ строить!— задумчиво и серьезно сказала Анночка.

— Ну вотъ, тогда меня и позовите,—иронически произнесъ Валентинычъ. — На пушечное мясо я гожусь. А покуда улита ѣдетъ, я ужъ на старомъ полозу останусь. И пить буду, и гулять буду, а смерть придетъ—помирать буду...

— И зачѣмъ вы представляетесь, Валентинычъ? Вѣдь я васъ знаю, совсѣмъ вы не такой. Не гримасничайте, ненавижу я ваши отвратительныя гримасы! Не такой вы!

— А какой же?

— Вы сами знаете, какой... Душа у васъ хорошая, а вы нарочно ее поганите. Искру Божію въ себѣ заливаете водкой.

— Ага! Значитъ, я—человѣкъ съ искрой! Наваринскаго дыма съ пламенемъ!..

— Ну, опять забалаганилъ!—махнувъ рукой, сказала Анночка.—Если такъ, ужъ лучше пѣсни пѣть. Постойте, я вамъ сейчасъ одну хорошую спою, не чета разбойничьей...

Смѣло, друзья, не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою...

Кто-то шибко пробѣжалъ за оградой, тяжело хлопнула ка-

литка, и быстрые, мягкіе шаги зашуршали по прошлогодней листвѣ.

— Дружки, вы тутъ?

— Лазутка!

— Онъ самый! А вы чего притаились? Небось, ужъ и пѣсни всѣ безъ меня перепѣли?

— Садись, Лазутка. Господа, подвиньтесь. Что это ты запыхался?

— Бѣжалъ дюже. Ребята насилу отпустили,—играй да играй имъ «барыню»! Ажно пальцы одеревенѣли. Я взялъ да отъ нихъ въ логъ сиганулъ, да задами сюда... Не догнали, черти!

Онъ тяжело дышалъ, сердце у него стучало, и жаръ шелъ отъ разгоряченнаго тѣла.

— Вотъ это человѣкъ! — сказалъ Валентинычъ. — Не съ искрой, а съ пламенемъ!

— А, и ты здѣсь, одноглазый? Все мудреныя слова говоришь...

— У меня, братъ, кромѣ мудреныхъ словъ ничего больше и нѣту. Тутъ меня Анночка во-какъ за это отчитала!

— Такъ и надо! Языкомъ здорово орудуешь, а дѣла не видать. Ну что, Аннушка, какъ у васъ тамъ въ Питерѣ? Скоро какую-нибудь развязку сдѣлаютъ, аль намъ самимъ за зеленую дубину браться?

— Ну, ужъ это ты, Лазутка, что-то больно скоро,—сказала Анночка.

— А чего-жъ ждать-то? Покуда отъ насъ одна мяздра останется? Обидно, Аннушка, ждали-ждали, а они насъ все по горбу, да по мордѣ. Житья отъ нихъ нѣту, задавило насъ хамство, да панство, теперича одинъ конецъ: либо ихъ на осину, либо намъ въ домовину...

Анночка хотѣла что-то сказать, но вдругъ насторожилась и привстала.

— Кричатъ...—тревожно сказала она.—Слышите, слышите?

— Гдѣ?—встрепенулся Лазутка.

Протяжный вопль принесся откуда-то съ села... ему отвѣчалъ другой, третій... все ближе, ближе... Молодежь повскакала съ бревна, и Лазутка, какъ кошка, взметнулся на стѣну ограды.

— Пожаръ!—закричалъ онъ во всю глотку.

Прозрачная синь ночи заколыхалась, и темно-розовыя волны поплыли въ спокойную глубину небесъ. Старая колокольня выступила изъ темноты и зардѣлась тревожнымъ румянцемъ. Прон-

зительные крики рѣзали тишину, бросая смятеніе и трепетъ по спящимъ улицамъ села.

— Лазутка, гдѣ горитъ?

— Не знаю... На гумнахъ гдѣ-й-то.

Выбѣжали за ограду. Глухой гомонъ уже катился по площади; испуганныя тѣни метались въ розовыхъ отсвѣтахъ огня. Дробный стукъ сыпался въ окна церковной сторожки.

— Вставай, рябой дьяволъ! Натрескался и дрыхнетъ. Звони сполохъ...

— О, Господи, веревки-то никакъ не найдешь...

— Да ты чего глядишь? Высаживай ему окна!

Полупьяный сторожъ въ одной рубахѣ выскочилъ на улицу, и воющіе звуки набата посыпались съ колокольни. Кровавыя тучи дыма и огня взвивались все выше и выше. Было свѣтло, какъ днемъ.

— Здорово полыхаетъ!—крикнулъ Лазутка съ ограды.

Онъ стоялъ теперь весь на свѣту, облитый горячимъ багрянцемъ, и весело скалилъ свои бѣлые волчьи зубы.

— Пойдемъ, Лазутка, смотрѣть! Слѣзай скорѣе!

Они смѣшались съ толпой мужиковъ и бабъ, бѣжавшихъ на гумна. Отрывистыя рѣчи, торопливыя слова жужжали въ багровыхъ переливахъ пламени.

— Слышь, у Королькова одонья горятъ...

— Ну, это ничего, у него много...

— Моли Бога, вѣтру нѣту, а то бы на сусѣдей перекинуло...

— Дѣло праздничное, цыгарку ребята курили, да и кинули...

— Пожаръ! Пожаръ!—ревѣлъ кто-то съ крыши, и этотъ ревъ зловѣще сплетался съ бѣшенымъ ревомъ набата.

Одонья пылали, какъ гигантскіе костры. Внутри ихъ что-то шипѣло и трещало; красные огненные столбы подымались отъ нихъ къ небу. Временами пламя устало припадало книзу и пряталось въ огромныхъ клубахъ дыма, которые, подобно чернымъ драконамъ, расползались во всѣ стороны, наполняя свѣжесть ночи своимъ смраднымъ, удушливымъ дыханіемъ. Не видно было, но чувствовалось, какъ пламя погружается все глубже и глубже въ пласты соломы, какъ жадно роется во внутренностяхъ одоньевъ, грызетъ и гложетъ колосъ за колосомъ, зерно за зерномъ... Мгновенье!—и вотъ оно снова съ веселымъ свистомъ рванулось наружу и снова пляшетъ, смѣется, и мечетъ горстями золотыя искры въ темное лицо равнодушнаго неба...

Мужики густой цѣпью стояли вокругъ горѣвшаго хлѣба и съ страннымъ спокойствіемъ смотрѣли на огонь. Никто не тушилъ; не видно было ни ведеръ, ни бочекъ съ водой, ни багровъ. Спокойно смотрѣли, спокойно перекидывались короткими замѣчаніями. Суетился одинъ хозяинъ, самъ Корольковъ, толстый мужикъ съ лысиной во всю голову и провалившимся носомъ. Безъ шапки, босой и растрепанный, онъ перебѣгалъ отъ одного мужика къ другому, билъ себя въ грудь и кричалъ съ пронзительными, гнусливыми всхлипываньями:

— Братцы!.. На тыщу рублевъ!.. Тушите, родимые, ничего не пожалѣю... На тыщу рублевъ... бра-атцы!.. Помогните сколько-нибудь, милые мои...

— Ну да, тушите!..—слышались лѣнивые голоса.—Подика, самъ потуши, попробуй!.. Идѣ тамъ тушить... Оно вонъ какъ занялось. Нешто подойдешь?.. Не подойдешь... Сичасъ глотку дымомъ перехватя...

— Тыщу рублевъ!..—вопилъ Корольковъ съ отчаяніемъ.

— Небось, не обѣдняешь, Кузьма Петровичъ... У тебя и такъ много... Воля Божья... Ужъ это извѣстно, никто, какъ Богъ!..

Лазутка протискался впередъ и весь красный, горячій, смѣющійся, какъ духъ огня и разрушенія, передразнилъ плачущаго хозяина.

— Тыщу рублевъ!.. ишь ты! А небось, въ голодный годъ ни одного снопа гнилого на общество не пожертвовалъ, гундосый чортъ! Кровь это наша горитъ, а не тыща рублевъ. Тутъ въ каждомъ зернышкѣ по мужицкой кровинкѣ... такъ пущай же огонь стрескаетъ, а не твое несытое брюхо. По крайности погрѣемся...

Мужики сгрудились около Лазутки и прислушивались, сдержанно улыбаясь. Одинъ сказалъ:

— Кровь не кровь... а оно, конечно... Недобромъ нажито, хинью и возьмется...

Близко протопотали лошадиныя копыта, и въ кругъ мужиковъ ворвалась новая фигура въ форменной шинели съ свѣтлыми пуговицами. Загремѣли ругательства.

— По какому случаю пожаръ, растакъ васъ и разъ эдакъ?.. Отчего не тушатъ, такія-сякія дѣти? Я вамъ покажу, пор-рядокъ, анафемы!.. У меня сейчасъ все Муравлево колесомъ завертится!.. Запрягай лошадей, тащи воды, черти проклятые!.. Раскидывай солому!..

Мужики загудѣли, но никто не тронулся съ мѣста, и лица были по прежнему спокойны и равнодушны.

— Ты бы проспался сначала, господинъ урядникъ!.. На ногахъ не стоишь, ничего не видишь... Это тебѣ не изба горитъ, а солома... Раскидай ее, все село загорится. Заяснило въ глазахъ-то отъ дармовой водки... Сунулся бы самъ въ эдакую страсть, коли шкуры не жалко!

Урядникъ метнулся направо, метнулся налѣво, разлетѣлся было къ пылающимъ одоньямъ, но, полузадушенный и опаленный горячимъ вихремъ, крутившимся вокругъ пожарища, скакнулъ назадъ, запутался въ шашкѣ и упалъ. Лазутка пронзительно засвисталъ.

— Что, дяденька, перетягиваетъ? Видать, голова-то легче заду? Тебѣ бы на мѣсто головы приставить, оно бы способнѣй было, а то больно уменъ, какъ попъ Семенъ: свалился у него меринъ подъ мостъ, а онъ его держитъ за хвостъ, и меринъ пропалъ, и попъ голову сломалъ!..

Мужики молчали, но въ ихъ глазахъ перебѣгали огоньки, и улыбки прятались въ широкія бороды. Урядникъ всталъ, выругался и, прихрамывая, куда-то исчезъ, точно провалился сквозь землю.

Анночка схватила Валентиныча за руку.

— Пойдемте домой, Валентинычъ... Гдѣ Варя? Гдѣ Саламатинъ?

Но ни Варвары, ни Ивана Кириллыча, ни Ѳомы не было около нихъ. Они затерялись гдѣ-то въ толпѣ.

— Что это вы?—спросилъ съ удивленіемъ Валентинычъ, едва поспѣвая за бѣгущей Анночкой.

— Страшно, Валентинычъ... Мужики страшные...

— Ну вотъ тебѣ и разъ! А какъ же будетъ, если вся Россія-то проснется? Тогда еще страшнѣе будетъ.

— Не такъ, не такъ...—Анночка оглянулась на толпу, которая глухо ворчала и копошилась въ кровавомъ заревѣ догорающихъ одоньевъ.—Нѣтъ... это было бы черезчуръ страшно...

— Чудная вы... Чего вы тутъ страшнаго увидали? Самый обыкновенный пожаръ, и мужики самые обыкновенные. Можетъ, вамъ чудно, что они не тушатъ? Такъ вѣдь это они всегда такъ, когда не ихнее добро горитъ. А ужъ на Королькова-то имъ и вовсе наплевать, они бы его и сами давно сожгли, кабы посмѣлѣе были.

— Не такъ, не такъ... — повторила Анночка, когда они уже вышли на площадь, пустую и безмолвную, потому что набатъ давно прекратился.

— Ну, а какъ же?—насмѣшливо спросилъ Валентинычъ.—

Иль вы думаете, что революцію-то въ бѣлыхъ перчаткахъ надо дѣлать?

— Совсѣмъ не въ бѣлыхъ перчаткахъ... Но вѣдь надо, чтобы все это было организовано, а не такъ, какъ вотъ это... зажечь съ четырехъ концовъ—и гори...

— Что жъ, ужъ больно много всякаго хламу накопилось. Экіе вы какіе, совсѣмъ въ жизни ничего не понимаете, все у васъ по книжкамъ! Покуда книжки въ рукахъ, потуда вы и смѣлые, а начнись настоящее,—сейчасъ и испугаетесь. Смотрите, Анна Егоровна, кабы вамъ тогда не споткнуться! Пошелъ впередъ—шагай, не оглядывайся, а то затопчутъ... Смиренъ песъ, когда на цѣпи сидитъ; сорвался съ цѣпи—хозяина перваго за глотку...

— Какія у нихъ были лица!—сказала Анночка, все еще думая о пожарѣ.—Не злыя, нѣтъ; это было бы понятно. Но они стояли, молчали—и про себя радовались. Вотъ что меня особенно поразило! Затаенная, холодная радость... Мнѣ даже страшно стало, когда я представила себѣ, что же они будутъ дѣлать, если... побѣдятъ.

— Эко у васъ воображеніе-то! Успокойтесь, ничего не будетъ. Никогда они никого не побѣдятъ. Какъ сидѣли тысячу лѣтъ на цѣпи, такъ и еще тысячу лѣтъ просидятъ. Знаю я ихъ, святыхъ мужичковъ вашихъ! Имъ бы только хлѣбушко-батюшка, да печка теплая, да баба толстая, — больше ничего не надо. У нихъ и поговорка такая сложена: хоть Акулькой зови, только хлѣбомъ корми!

— Ахъ, Валентинычъ, да вѣдь, и хлѣба-то нѣту! Нищета полная, безправіе, голодъ тѣлесный и духовный, развѣ вы не видите? Революція разразится непремѣнно. Наше дѣло только въ томъ, чтобы сдѣлать ее организованной, а не стихійной. Надо, чтобы народъ дѣйствовалъ сознательно, а не такъ вотъ, какъ вы говорите: зажечь со всѣхъ четырехъ концовъ — и гори!

— Именно! Революція, такъ революція, а не разводъ съ церемоніей, и если народъ будетъ жечь, а вы—тушить, берегитесь, затопчутъ!

— Вы думаете—затопчутъ?—задумчиво сказала Анночка.—Ну что жъ... а все-таки мы попробуемъ руководить...

— Ого-го-го!—иронически воскликнулъ Валентинычъ.—Громко сказано.. Это вы-то будете руководить революціей? Гдѣ вамъ! У Королькова одонья загорѣлись, вы и то испугались, а что же будете дѣлать, когда вся Россія загорится?

Анночка молчала. Ей было досадно и немножко стыдно, что она обнаружила передъ Валентинычемъ свою слабость, и она хотѣла бы заставить его забыть объ этомъ.

—Ну, это мы еще посмотримъ...—проговорила она уклончиво и вдругъ звонко разсмѣялась.—А Лазутка-то, Лазутка-то? Какъ онъ урядника-то срѣзалъ? Вотъ бѣсенокъ!

— Да, Лазутка—это малый серьезный, не намъ съ вами чета. Если бы такихъ побольше было, тогда и я бы, пожалуй, въ революцію повѣрилъ... Только нѣтъ, ни шиша изъ этого не выйдетъ! Слопаютъ Лазутку ваши же святые мужички и опять, на цѣпи сидя, барскіе объѣдки будутъ глодать...

Они подошли къ поповскому дому. Окно въ залѣ было отворено, и о. Георгій стоялъ около него, тревожно всматриваясь въ темноту.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ, услышавъ голоса.—Анночка, это ты?

— Я, папаша! Что же вы не спите?

— Да такъ, Анночка... Слышу набатъ, вотъ и сижу. Ты на пожарѣ была?

— На пожарѣ. У Королькова одонья сгорѣли.

— Каждый праздникъ что-нибудь горитъ. Экій народъ неосторожный! Напьются, курятъ гдѣ попало... А это кто съ тобой?

— Валентинычъ, папаша.

— А, Валентинычъ!.. Что жъ вы стоите? Заходите въ домъ.

— Спасибо, о. Георгій,—отозвался Валентинычъ.—Поздно, вонъ ужъ пѣтухи поютъ. Спокойной ночи, пріятныхъ сновъ.

— Ну, прощайте, Валентинычъ, — сказала Анночка у калитки.—Приходите къ намъ почаще, покуда я здѣсь. И... вотъ еще, что,—добавила она шепотомъ.—Не пейте вы, пожалуйста, водки... ну ее! Хорошій вы парень, а губите себя этимъ проклятымъ зельемъ... Пригодитесь еще!

— На пушечное мясо? — жестко засмѣялся Валентинычъ.

— Нѣтъ, право! Слышите? Не смѣйте пить. Не любите вы меня, Валентинычъ! Совсѣмъ разлюбили! А прежде-то—помните?

Валентинычъ отвѣчалъ не сразу и тяжело сопѣлъ въ темнотѣ.

— Я-то помню...—сказалъ онъ, наконецъ.—Это не я, это вы меня разлюбили... А впрочемъ, и любить-то не за что! Псаломщикъ, пьяница... одноглазый чортъ! Ну и... къ чорту все это.

А за то, что я вамъ нынче подлостей наговорилъ, вы меня простите. Давайте сюда ручку!

Анночка протянула ему руку, и онъ крѣпко стиснулъ ее въ своихъ огромныхъ костлявыхъ лапахъ.

— Прощайте! А на баррикады-то все-таки позовите, когда строить будете.,. Только не доживу я, подохну... И хотя вы на меня давно крестъ поставили, а я васъ все-таки любилъ и... люблю. Вотъ!

Онъ нагнулся и крѣпко поцѣловалъ Анночкину руку, но сейчасъ же какъ будто устыдился этого, грубо оттолкнулъ ее отъ себя и, захохотавъ, исчезъ въ глубинѣ пустынной и безмолвной площади.

«Вретъ все!» подумала Анночка съ недоумѣніемъ. Однако поднесла къ лицу свою руку, все еще горѣвшую отъ желѣзнаго Валентинычева пожатія, и долго смотрѣла на то мѣсто, которое онъ поцѣловалъ. Потомъ шаловливо засмѣялась, зажмурилась и съ внезапно загорѣвшимся сердцемъ сама прильнула губами къ своей рукѣ.

Одонья догорѣли. На томъ мѣстѣ, гдѣ они недавно стояли, теперь дымились огромныя кучи пепла и тлѣющаго зерна. Тамъ и сямъ по нимъ бѣгали красныя искры, иногда съ трескомъ вспыхивали синіе огоньки, извиваясь, ползали длинныя золотыя змѣйки. Пахло печенымъ хлѣбомъ и соломенной гарью. Мужики уже разбрелись по домамъ, но десятка полтора какихъ-то неопредѣленныхъ фигуръ, отбрасывая отъ себя неуклюжія, черныя тѣни, копошились вокругъ пламенѣющихъ вороховъ и длинными шестами тыкали въ пожарище. Корольковъ, притихшій и покорившійся, тоже возился здѣсь съ желѣзными граблями въ рукахъ и изрѣдка злобнымъ голосомъ кричалъ на оставшихся мужиковъ:

— Не трожь, не трожь, нечего тутъ! Уходи съ Богомъ!.. Какъ тушить, такъ ни одной сволочи нѣту, а на погорѣлое мѣсто сейчасъ, чисто воронье на падаль, налетѣли! Пошли, пошли отседа, тутъ вашего ничего нѣту!

Видимо, онъ боялся, какъ бы мужики не растащили обгорѣлаго зерна, и въ полоумной жадности своей еще надѣялся извлечь изъ него какую-нибудь пользу.

Валентинычъ потолкался среди мужиковъ и собрался уходить. Внезапно кто-то сильный ударилъ его сзади по плечу.

— А, Лазутка! Ты все еще тутъ? Чего не дрыхнешь?

— Успѣю еще въ могилѣ належаться! Эдакія дѣла да спать? Давай покуримъ!

Они свернули папироски и закурили.

— Здорово погрѣлись!—весело воскликнулъ Лазутка, затягиваясь. — Ажно выпить захотѣлось. Нешто пойти къ солдаткѣ Любашкѣ? У ней завсегда есть.

— Что жъ, пойдемъ...—разсѣянно сказалъ Валентинычъ, но вдругъ вспомнилъ горячую ручку Анночки и рѣшительно добавилъ.—Нѣтъ, ну ее къ чорту, Любашку! Не хочу, спать пойду.

— Ну, стало быть, и я не пойду. Не лакать же мнѣ одному, какъ псу изъ лужи? Нѣтъ, а Корольку-то, Корольку-то нынче какую люминацію сдѣлали? На тыщу рублевъ, говоритъ... ха-ха-ха!..

Валентинычъ остановился и поглядѣлъ на смѣющуюся Лазуткину рожу, освѣщаемую огонькомъ папиросы.

— Ка-акъ онъ мужикамъ-то кланялся!—продолжалъ Лазутка. — Ужомъ вился... милые мои, тушите! А забылъ, дьяволъ, какъ онъ въ позапрошломъ году лошадей на шкуры у мужиковъ покупалъ? Матерого мерина за полтину, стригуна—за двугривенный!.. Сколько народу тогда изъ-за него, лысаго пса, по міру пошло, а? Ну, теперь вспомянетъ!.. Ха-ха-ха!.. Полетѣли наши денежки на небо къ Богу жаловаться!..

Онъ хохоталъ, приплясывалъ, и всѣ лохмотья на немъ тоже плясали и хохотали въ неудержимомъ весельи.

— Слушай, Лазутка!—серьезно сказалъ Валентинычъ.—Это ты?..

— Я!—дерзко и весело отвѣтилъ Лазутка.

— Молодецъ!..—воскликнулъ Валентинычъ, хлопая его по плечу.—Одобряю... Такъ ихъ и надо, чертей!.. Бей, жги, дѣйствуй! Ты, веселый, здоровый звѣрь!..

Они разошлись. Улица опустѣла. Село спало мертвымъ сномъ. Но двѣ неясныя тѣни еще маячили у воротъ Михѣевой избы. Иванъ Кириллычъ провожалъ Варю. Они давно ушли съ пожара, проводили Ѳомку-Косорукаго и долго гуляли по огородамъ, держа другъ друга за руки. Хотѣлось наговориться передъ Варинымъ отъѣздомъ.

— Охъ, Ваня, какъ поздно!—сказала наконецъ Варвара.—Завтра мать ругаться будетъ.

— Ну, ничего, не долго ужъ!—грустно вымолвилъ Иванъ Кириллычъ.—До Красной горки только... уѣдешь, и ругать будетъ некому. Одинъ я останусь...

— А ты, Ваня, не больно сокрушайся. Кто его знаетъ, что еще будетъ. Можетъ, я еще вернусь скоро. Боюсь я этого города... Это здѣсь мы хороши, а тамъ, можетъ, я и не гожусь

ни на что. И люди тамъ другіе, и наука другая. Не поймешь ничего, и принимайся опять за пряжу, да за псалтырь.

— Ты, Варя, поймешь. Это вотъ я, какъ былъ дуракомъ, такъ дуракомъ и останусь. Уѣдешь ты и меня забудешь...— уныло тянулъ Иванъ Кириллычъ.—Всему научишься, выйдешь въ учительницы, на что я тебѣ тогда нуженъ буду?

— Не дури, Ваня!—строго сказала Варвара.—Что я сказала, то вѣрно. Какой ты для меня былъ, такой и будешь.

— О?—воспрянулъ духомъ Иванъ Кириллычъ.—Вѣрно? Не обманешь?

— Ну вотъ еще, что же мнѣ, божиться что ли?—усмѣхнулась Варвара.

У Ивана Кириллыча загорѣлось сердце и закружилась голова. Онъ схватилъ Варю за обѣ руки и сильно потянулъ къ себѣ.

— Не надо, не надо, Ваня...—защищалась Варвара.—Рано еще намъ съ тобой думать объ этомъ. Учиться надо... много учиться... на свѣтъ—на дорогу выйти, а потомъ ужъ... Ну, пусти же, Ваня!

Но Иванъ Кириллычъ уже ничего не слышалъ и не понималъ. Онъ запрокинулъ Варварину голову назадъ и впился въ ея горячія губы. И почудилось ему, что онъ вознесся на седьмое небо и что счастью его не было ни начала, ни конца.

Но Варвара Бутягина была дѣвица положительная и хорошо знала, что всему на свѣтѣ бываетъ и начало, и конецъ. Она съ силой отняла свои руки у Ивана Кириллыча и, немного задыхаясь, точно послѣ сильнаго бѣга, сказала:

— Ну... будетъ! Некогда баловаться... Прощай!

Она дѣловито подправила растрепавшіеся волосы подъ платокъ, потуже затянула его концы и юркнула въ сѣнцы. Иванъ Кириллычъ, блаженно улыбаясь и пошатываясь, какъ пьяный, побрелъ домой.

В. І. Дмитріева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТОЛСТОЙ и РУССО.

(Окончаніе).

3. Происхожденіе и причины несогласія между ученикомъ и учителемъ.

Собственно говоря, Толстой остается вѣренъ общему духу Руссо даже въ самыхъ своихъ отклоненіяхъ. Даже превращая перспективное историческое міровоззрѣніе Руссо въ плоскую схему абсолютовъ, гдѣ извѣстно только вѣчно-правое и вѣчно-лѣвое, вѣчно-черное и вѣчно-бѣлое, «настоящее» Божеское добро и безусловное дьявольское зло,—Толстой все же не выходитъ изъ предѣловъ общей имъ доктрины, по крайней мѣрѣ формально. Вѣдь Руссо выставилъ на своемъ знамени приматъ чувства въ человѣческой жизни, между прочимъ и въ образованіи идей. А приматъ чувства имѣетъ своею крайней судебной инстанціей: «я такъ чувствую; да будетъ на мѣсто разума чувство». Понятно, что при этомъ оставляется самая широкая свобода для произвольныхъ построеній каждаго человѣка, лишь бы чувство его, говорящее ему то, а не иное, было искренне и, такъ сказать, достаточно громко. Если при этомъ два оракула чувства расходятся въ своихъ вѣщаніяхъ, то это опять-таки нисколько не противорѣчитъ само по себѣ сущности ученія. Только разумъ, съ его пагубной свободой, можетъ искать всеобще необходимыхъ идей... Впрочемъ, я, пожалуй, уже нѣсколько уклоняюсь отъ дѣйствительныхъ мнѣній Руссо и Толстого. Такъ говорятъ не они, а скорѣе сторонники религіи внѣшняго откровенія. Они же, каждый отдѣльно, утверждаютъ, что ихъ сердце, пользуясь услу-

гами разума, открываетъ имъ единственно вѣрную, слѣдовательно всеобще-необходимую истину. Но, во-первыхъ, это непослѣдовательно: имъ слѣдовало бы объявить религію дѣломъ крайне измѣнчивымъ, въ зависимости отъ множества людей и отъ разнообразія чувствъ. Во-вторыхъ, скрытая логика ихъ примата чувства, какъ мнѣ кажется, должна такъ же рѣшительно исключать «разумныя» доказательства основныхъ истинъ, какъ и у вѣрующихъ въ откровеніе; не даромъ англійскіе сектанты XVII-го вѣка (изъ числа инденендентовъ), стоя на почвѣ подобной же доктрины, говорили о «внутреннемъ» откровеніи. «Голосъ сердца» Толстого и Руссо, въ сущности—такое же «внутреннее» откровеніе.

Однако, повторяю, согласіе Руссо и Толстого въ формальномъ примѣненіи догмата чувства—я не умѣю назвать иначе этого, не терпящаго возраженій принципа—остается все же ограниченнымъ дѣйствительною идейной аберраціей ученика. Аберрація же объясняется разницей въ чувствахъ, диктующихъ одному скорѣе свѣтскія, правовыя политическія теоріи, другому—божественныя, моральныя, индивидуалистическія. Интересно болѣе строго изслѣдовать вопросъ: за какимъ же изъ двухъ «культовъ сердца» мы должны признавать больше правъ на руководительство въ жизни, и на чемъ основаны такія права?

Съ точки зрѣнія Толстого, надо признаться, этотъ вопросъ остается неразрѣшимымъ. Вѣдь, по его мнѣнію, божественное чувство любви, божескій «свѣтъ»—если только къ нему искренно и внимательно прислушаться—должны говорить каждому человѣку одно и то же. Конечно, призраки міра сего, пристрастія и т. п. заглушаютъ голосъ природы и могутъ искажать ликъ Любви въ нашемъ представленіи. Но это дѣла не мѣняетъ. Почему я долженъ считать, что ученіе чувства Толстого вѣрнѣе ученія чувства Руссо? Гдѣ гарантія, гдѣ ручательство подлинности того или, напротивъ, другого? Гарантія—въ немъ самомъ, въ явной, чувствуемой чистотѣ ученія любви. Такъ говоритъ Толстой; но если я запротестую и скажу, что мое чувство, мой общественный инстинктъ громко говоритъ въ пользу Руссо? Что тогда? Или, еще хуже: мое чувство колеблется между тѣмъ и другимъ. Тогда окажется, что могутъ быть два ученія чувства, равно цѣнныхъ передъ Господомъ. А между тѣмъ они, несомнѣнно, во многомъ толкаютъ меня въ разныя стороны. Трагическое положеніе! А если, кромѣ Толстого и Руссо, явятся еще иные, съ иными чувствами? Гдѣ, наконецъ, критерій истины?

Очевидно, что окончательный критерій не въ чувствѣ, а по-

жалуй, все въ томъ же земномъ, человѣческомъ разумѣ. И если Толстой, сторонникъ абсолютной безошибочности божественнаго голоса чувства, не въ силахъ помочь намъ, попробуемъ обратиться снова къ Руссо, который и чувство низводитъ до земного уровня, и разуму даетъ при немъ существенную роль.

Мы уже видѣли, что Руссо прекрасно понималъ объективную природу историческихъ явленій [1]). Онъ зналъ, поэтому, что чѣмъ выше чувства человѣка, тѣмъ вѣрнѣе порождены они въ насъ не природой, а соціальной средой, а самыя высшія чувства, тѣ, которыя представляются ихъ носителямъ какимъ-то внутреннимъ откровеніемъ и выливаются въ религіозныя системы и соціально-политическія ученія, не только не врождены человѣку, какъ вѣритъ Толстой, а всѣми своими корнями погружены въ соціальную почву. Эта идея была необычайно плодотворна въ наукѣ, образовавъ сущность современныхъ историко-философскихъ взглядовъ; укажемъ, для примѣра, лекціи «объ искусствѣ» Тэна, гдѣ всякое произведеніе искусства разсматривается какъ своего рода плодъ данной страны и эпохи, или же упомянутую «Жизнь Іисуса» Ренана и многія сочиненія Гюйо.

Съ этой точки зрѣнія становится вполнѣ объяснимо происхожденіе спеціальнаго оттѣнка въ чувствѣ Толстого, внушившемъ ему тѣ или другія отклоненія отъ Руссо. Руссо былъ сынъ одной, Толстой—другой соціальной среды. Если взглянуть на общество, въ которомъ жилъ каждый изъ нихъ, какъ на цѣлое, то сразу поражаетъ сходство Франціи средины XVIII вѣка и Россіи средины и конца XIX вѣка. Какъ тутъ, такъ и тамъ полукрѣпостныя формы общежитія, разрушающійся самодержавный режимъ. Чувство людей стало широкимъ потокомъ направляться противъ разлагающагося порядка. Вотъ объясненіе протеста и Руссо, и Толстого. Но вѣдь это—объясненіе ихъ сходства, а не различія. Намъ нужно глубже проникнуть въ детали соціальнаго строенія, въ тѣ соціальные слои, на какіе распадалось и распадается общество. При сужденіи объ окраскѣ чувства того или иного дѣятеля огромное значеніе имѣетъ его общественное положеніе. Это до того важно, что каждый историкъ въ такъ называемой историко-филологической критикѣ различныхъ документальныхъ

[1]) Дж. Морлей, въ своемъ трудѣ о Руссо, упрекаетъ Руссо въ неисторичности. Мнѣ кажется, что это ошибка. Морлей правъ въ томъ, что историческія свѣдѣнія Руссо были не очень обширны, и что, вслѣдствіе отсутствія во времена Руссо раціональной критики историческихъ источниковъ, онъ нерѣдко слишкомъ довѣрялся свидѣтельствамъ Тита Ливія, Геродота и другихъ, считая подлинною исторіею преданія Греціи и Рима. Но это не помѣшало ему какимъ-то удивительнымъ чутьемъ проникнуть въ сущность процесса историческаго развитія.

источниковъ—лѣтописей, мемуаровъ, дневниковъ, литературныхъ произведеній—обязательно прибѣгаетъ къ опредѣленію общественнаго положенія автора. Онъ знаетъ, что свойственные извѣстному сословію, классу, профессіи интересы и чувства даютъ безсознательное пристрастіе къ различнымъ психологическимъ формамъ и идеямъ.

Эту-то историко-филологическую критику я и попытаюсь примѣнить къ чувству Руссо и Толстого.

Тутъ намъ сразу становится ясно, что Руссо и Толстой неизбѣжно должны были разойтись въ своихъ «демонахъ». Силою протестующаго времени оба получили энергичное соціальное внушеніе къ протесту; но для одного изъ нихъ, Руссо, внушеніе это было совершенно естественно, какъ для сына народа, къ которому онъ принадлежалъ весь, цѣликомъ, съ головы до ногъ, притомъ именно къ его трудовымъ, обездоленнымъ слоямъ, соками которыхъ паразитарно питался весь ancien règime. Толстой же былъ съ ногъ до головы баринъ, т. е. принадлежалъ къ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ былъ скипетръ эпохи. Понятно, что тайно посѣянный въ его сердцѣ протестъ былъ протестъ противъ сословной основы его собственнаго существованія. Уже изъ этого одного видно, что его чувство должно было имѣть нѣсколько искусственный и сложный характеръ, должно было видоизмѣниться сосѣдствомъ въ его сердцѣ съ прирожденными инстинктами и воспитанными чувствами барской среды.

Спора нѣтъ, чувства Толстого, лившіяся такимъ кипучимъ потокомъ изъ его сочиненій на весь современный міръ, имѣютъ великую общечеловѣческую цѣну и интересъ,—иначе онъ не могъ бы производить такого мощнаго впечатлѣнія на сердца самыхъ разнообразныхъ по національности и по общественному положенію людей. Это—не чувства перваго попавшагося русскаго барина и отнюдь не специфически-барскія, сословныя чувства. Но соціально-психологическая форма, въ которую все же заключены его общечеловѣческія чувства, есть форма барская, необходимо отличная отъ чисто плебейской, народной формы Руссо. И эту особенную барскую фарму надо выяснить, выдѣлить, чтобы имѣть затѣмъ возможность сказать, какому же изъ двухъ голосовъ природы или вѣщаній самого Бога слѣдуетъ отдать предпочтеніе, и въ какой степени.

Руссо, какъ живой отпрыскъ, какъ атомъ безправнаго народа, всею душой болѣлъ за народныя права и ненавидѣлъ привилегіи знати. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Мальзербу онъ говоритъ: «Я ненавижу великихъ (знатныхъ), ненавижу ихъ сословное по-

ложеніе, ихъ предразсудки, ихъ мелочность, всѣ ихъ пороки, и ненавидѣлъ бы еще больше, если бы меньше ихъ презиралъ» (письмо 28 іюня 1762 г.). Въ другихъ мѣстахъ мы находимъ выраженія страстнаго негодованія за обиды французскихъ крестьянъ, которыхъ Руссо много и близко видѣлъ во время своихъ пѣшеходныхъ блужданій. Самъ претерпѣвъ не мало кровныхъ униженій отъ «баръ», какъ въ бытность свою еще лакеемъ и гувернеромъ, такъ и потомъ, уже литераторомъ, онъ весь загорался при видѣ малѣйшаго безправія. Онъ нутромъ своимъ, ранѣе всякаго разсужденія, зналъ цѣну правовой свободы, тѣмъ болѣе, что живо помнилъ относительную свободу своей женевской родины. Вмѣстѣ со всѣми элементами народа, не вовсе забитыми крѣпостничествомъ, онъ ощущалъ настоящій голодъ «правъ человѣка».

Даже и пороки Руссо были пороками того же народа. Въ своей личной жизни Руссо далеко не можетъ назваться образцомъ добродѣтели; на его совѣсти есть и весьма темныя пятна (напр. отдача имъ пяти своихъ дѣтей въ пріютъ «найденышей»). И вообще въ фактахъ его біографіи не встрѣтимъ ни громкаго геройства, ни изящества. Это — черненькій, часто некрасивый, взъерошенный, грубоватый выходецъ изъ задыхавшейся въ рабствѣ массы. Малодушіе, необычайная застѣнчивость въ высшей средѣ, какой-то пассивный фатализмъ— неотъемлемыя черты Руссо, черты той массы, которая только начинала тогда просыпаться и чувствовать, но не умѣла еще жить. Зато, съ другой стороны, выйдя въ люди и имѣя всѣ шансы занять наверху, у самаго источника привилегій, теплое мѣсто (самъ король Людовикъ XVI обратилъ на него благосклонное вниманіе), Руссо вдругъ самымъ энергичнымъ образомъ совершилъ то фактическое опрощеніе, которое для Толстого всю жизнь было лишь идеаломъ. Для Руссо это было такъ просто: вмѣстѣ съ парикомъ и шестью дюжинами рубашекъ тонкаго полотна онъ выбросилъ за окно и привилегію посѣщенія салоновъ, и благосклонность общественнаго мнѣнія. Всѣ біографы Руссо, даже враждебные ему, подтверждаютъ его непреклонность въ отказѣ отъ «данайскихъ даровъ» со стороны знатныхъ покровителей, въ томъ числѣ французскаго, прусскаго и англійскаго королей. Этотъ «медвѣжонокъ» (Ourseau — измѣненное для шутки «Rousseau») жилъ и умеръ гордымъ плебеемъ, бѣднякомъ. Прямымъ сыномъ народа глядитъ онъ на васъ и изъ своихъ сочиненій. Онъ требуетъ отмѣны всѣхъ и всяческихъ привилегій, введенія равноправія и народнаго самодержавія, какъ необходимой гарантіи противъ

насилія отдѣльныхъ лицъ или группъ надъ всѣмъ обществомъ. Его «Общественный договоръ» стремится замѣнить старое «право сильнаго» новымъ порядкомъ свободнаго добровольнаго самоподчиненія всѣхъ творимому всѣми же закону.

Другое дѣло—Толстой. «Естественныя» его чувства составляли какъ разъ ту сословную психологическую оболочку, отъ которой онъ всю жизнь свою всячески старался освободиться. Всѣ великосвѣтскіе герои его произведеній рисуютъ живо, какія мытарства и муки переживаетъ баринъ, пытающійся раскрѣпостить свои человѣческія чувства отъ цѣпей сословія. Поэтому проникнуться требованіями вѣка, т. е. требованіями народа, которыя столь живо чувствовалъ Руссо—проникнуться ими Толстой могъ лишь совершая надъ своимъ барскимъ нутромъ крайнее моральное насиліе. Что же двигало его къ такому насилію, не смотря даже на столь крѣпкое въ немъ всегда убѣжденіе въ правдивости прирожденнаго чувства, въ томъ числѣ, казалось бы, и чувства аристократическаго самомнѣнія, чувства превосходства бѣлой кости надъ черною?

Мнѣ кажется, двигало Толстымъ не что иное, какъ его врожденный художественный талантъ. На Толстомъ можно изучать сущность такого таланта. Сущность эта состоитъ въ выдающейся способности переноситься воображеніемъ во всякаго другого человѣка—способности, присущей Толстому въ самой необычайной степени. Это художественное ясновидѣніе, даръ самъ по себѣ близкій къ любознательности,—т. е. происхожденія интеллектуальнаго, а не эмоціональнаго,—естественно приводило къ исключительно-живому и ясному пониманію мотивовъ и интересовъ разныхъ лицъ, попадавшихъ въ обширный кругъ житейскаго наблюденія художника. Отсюда прямой путь къ прощенію, къ снихожденію, къ сочувствію всякимъ страдающимъ, а въ особенности, конечно, наиболѣе страдающей массѣ. Таковъ исходный пунктъ толстовской любви. Самъ Толстой раскрываетъ намъ особенный смыслъ этого своего термина въ письмѣ къ Новоселову, 1889 г. Любовь для него, оказывается, не простое непосредственное чувство, а «проникновеніе», т. е. всестороннее, полное, объективное пониманіе другихъ людей и ихъ связей между собою, пониманіе ихъ «въ Богѣ». Оттого и можно всякаго любить, что понимаешь его «кругомъ»: вспомнимъ «круглаго» Каратаева, равно ко всѣмъ ласковаго.

Вотъ эта-то, такъ сказать, *художественная любовь* и подняла въ Толстомъ голосъ противъ всѣхъ барскихъ чувствъ и вооружила его противъ обидъ барской цивилизаціи. Психологія—

совершенно отличная отъ непосредственности и естественности Руссо, на собственномъ опытѣ извѣдавшаго горечь народной судьбы. Сравнительная искусственность позиціи Толстого и окольность его путей протеста бьетъ въ глаза. Говорю это далеко не въ судъ и не въ осужденіе: какимъ бы путемъ человѣкъ не пришелъ къ признанію правъ народа, это признаніе само по себѣ искупаетъ все; и даже, чѣмъ труднѣе ему было увидѣть истину сквозь гипнозъ своего общественнаго положенія, тѣмъ больше достоинъ онъ удивленія. Тѣмъ не менѣе эта искусственность и окольность—не самыя лучшія условія для полнаго совпаденія толстовскаго христіанства съ линіей дѣйствительныхъ чувствъ и требованій народа. Руссо только впитывалъ, по пути, своимъ страстнымъ сердцемъ и своимъ умомъ, свободнымъ отъ цѣпей традиціи, всѣ близко родственныя ему народныя чувства; Толстой сперва пропускалъ всю жизнь сквозь призму своей творческой фантазіи, и, какъ бы ни была сильна эта фантазія, она все же имѣетъ лишь субъективный характеръ по сравненію съ «природой», съ самимъ голосомъ народа. И какъ бы ни искрення была любовь Толстого къ народу, она все же—любовь къ народу, а не любовь народа къ самому себѣ.

Поэтому вмѣсто права и политики, вмѣсто народнаго самодержавія и «противленія злу» соціальнымъ согласованіемъ доброй воли всѣхъ, у Толстого и выступаютъ на первый планъ мораль, любовь и непротивленіе злу насиліемъ. Какъ членъ властвующаго сословія, онъ слишкомъ мало могъ проникнуться непосредственно гнетущимъ чувствомъ безправія, чтобы пріобрѣсти столь же непосредственный инстинктъ права. Съ другой стороны, торжество любви къ народу въ его сердцѣ столько стоило ему борьбы съ собою и съ своей средой, что любви онъ и воздвигнулъ въ своемъ сердцѣ алтарь, и она вытѣснила оттуда все, что казалось ей несродно.

Это вовсе не значитъ, конечно, чтобы любовь ко всѣмъ сама по себѣ противорѣчила требованію равноправія. Смѣшно было бы и говорить объ этомъ! Еще менѣе слѣдуетъ отсюда, чтобы любовь была необходимою принадлежностью барства, въ противоположность народу. Такое предположеніе тоже способно вызвать улыбку! Я хочу сказать совсѣмъ другое: не сама по себѣ любовь является барскимъ качествомъ, а въ своеобразной исторической психикѣ Толстого она заняла такое положеніе по отношенію ко всему его душевному міру, что рѣзко противостоитъ правовымъ требованіямъ народа и времени, а потому и получаетъ въ концѣ концовъ значеніе барскаго пережитка.

«Въ концѣ концовъ»—ибо сперва, какъ мы видѣли, именно любовь разссорила Толстого со средой его предковъ и обратила въ народника. Но затѣмъ, когда ему оставалось, повидимому, сдѣлать лишь одинъ шагъ далѣе въ направленіи къ современной демократіи, онъ упорно ограничивается первымъ шагомъ, объявляя его не просто необходимой ступенью къ высшему, а, наоборотъ, высшимъ идеаломъ всякихъ человѣческихъ стремленій. Вотъ въ этой-то задерживающей, тормозящей тенденціи я вижу скрытое дѣйствіе сословной психологической формы—а вовсе не въ любви, какъ таковой. Любовь, какъ таковая, какъ чувство, какъ живой импульсъ, напротивъ, постоянно увлекала Толстого все дальше и дальше на историческую дорогу народныхъ требованій, часто вопреки его принципамъ, какъ то мы видѣли въ предыдущемъ изложеніи. Но, съ другой стороны, любовь, возводимая въ теоретическую панацею, постоянно останавливала его въ его народныхъ увлеченіяхъ. И подъ теоретической панацеей, въ глубинѣ, таилось несознаваемое, темное, косное, барское чувство, какая-то глухая боязнь народа, какое-то недовѣріе къ способности народа лучше организоваться самому, чѣмъ организовалъ его ранѣе насильникъ-баринъ своими ежевыми рукавицами.

Толстой и для народа разсчитываетъ только на ту любовь, которая воскресила и духовно воспитала его самого. Этотъ ходъ внутренней жизни великаго писателя представляется даже логичнымъ въ своемъ родѣ. Толстой несетъ народу самый цѣнный перлъ изъ сокровищъ своего сердца. И правда, врядъ ли возможно вообразить себѣ широкую демократію будущаго безъ взаимной любви между всѣми людьми. Но когда такая любовь принимается исключать необходимыя основныя условія самоопредѣленія людей въ обществѣ, то мы съ нѣкоторой грустью отмѣчаемъ дыханіе прошлаго на ясныхъ чертахъ идеи будущаго. Святой баринъ, чудакъ-баринъ, баринъ не отъ міра сего, именно своею милою непричастностью къ идущей сейчасъ борьбѣ за права и оказывается все еще не освободившимся отъ барскаго типа. Вѣдь неумѣлость въ современной житейской, между прочимъ и политической практикѣ и пренебреженіе къ послѣдней такъ характерны для старыхъ баръ.

Какъ казалось Толстому, заново открытый имъ догматъ любви ставилъ его въ необычайно выгодную позицію безпартійности, безпристрастія среди современной свалки. Въ дѣйствительности же онъ часто оказывался со своей любовью «внѣ времени и пространства», т. е. внѣ жизни, внѣ живого ощущенія

ея самыхъ больныхъ сторонъ; не то, что Руссо, больной болѣзнями народа. Толстой полагалъ, что его взгляды придаютъ ему необычайную свободу критики: все въ современности въ большей или меньшей степени отрицала и отвергала его любовь. Въ дѣйствительности же, совсѣмъ наоборотъ, именно свобода критики и страдала всего больше. Это вѣрно отмѣтилъ еще Тургеневъ въ своихъ отзывахъ о Толстомъ-беллетристѣ; такъ напр., въ письмѣ къ Полонскому по поводу «Анны Карениной» Тургеневъ писалъ: «Романъ въ цѣломъ отличается отсутствіемъ свободы... Все это пахнетъ Москвой... славянофильствомъ, юнкерствомъ и т. п.» [1]). И дѣйствительно, формальная широта критики Толстого весьма нерѣдко, при очной ставкѣ съ реальной жизнью, обращается въ робость, въ тиски. Чувство любви, заявляя симпатію къ страдающему народу, въ то же время призываетъ нашу симпатію и къ «великимъ» (какъ выражался Руссо), на томъ основаніи, что вѣдь и они—люди, слѣдовательно, не могутъ быть исключены изъ дѣйствія закона христіанской любви. А потому, при всей крайней смѣлости Толстого въ отрицаніи старинныхъ привилегій, онъ на практикѣ будетъ совѣтовать чрезвычайную мягкость и осторожность въ ихъ отмѣнѣ. Врядъ ли нужно доказывать, что такую обоюдомягкую проповѣдь можетъ создать лишь тотъ, кто слишкомъ близко и лично связанъ съ людьми прошлаго, кто хотя бы и всей душой призывалъ будущее, но не можетъ не ужасаться при мысли, какъ гибельно это будущее для близкихъ ему по жизни людей. Близкимъ другомъ Толстого очень долго былъ Фетъ, это воплощеніе крѣпостническаго кулачества, хотя и въ оболочкѣ сладкозвучнаго лирика. И какъ же Толстому было бы не скорбѣть объ участи его «Фетушки» въ случаѣ демократической реформы? Вѣдь «Фетушка» въ новой обстановкѣ былъ бы совершенно немыслимъ. Оттого-то мы и встрѣчаемъ у одного изъ весьма свѣдущихъ біографовъ Толстого, Левенфельда, слѣдующее утвержденіе: Толстой «уже въ 1868 г. пришелъ къ убѣжденію, что великая мѣра (освобожденіе крестьянъ) имѣла и дурныя стороны. Она была преждевременно проведена въ жизнь и обязана своимъ происхожденіемъ теоріямъ любящихъ народъ теоретиковъ, а не истиннымъ потребностямъ народа и необходимости». Конечно, мотивируется это указаніе благомъ народа, но несомнѣнно любовь Толстого хотѣла бы возможно мягче по-

[1]) Тѣ же выраженія объ «отсутствіи свободы» встрѣчаются въ письмѣ къ Суворину о томъ же романѣ и къ Дружинину по поводу «Утра помѣщика».

стелить солому, на которую пришлось тогда падать людямъ, столь ему близкимъ. Вѣдь онъ пережилъ вмѣстѣ съ ними такую привязанность къ сословному фундаменту—къ землѣ, къ «своей собственной природѣ», какъ выражался онъ въ письмѣ къ Фету (май 1861 г.),—«на которой женился посредствомъ купчей крѣпости или отъ которой родился по наслѣдству, еще лучше». Пустынникъ Ясной Поляны слишкомъ былъ къ ней привязанъ, чтобы не болѣть душой за такихъ же обитателей дворянскихъ гнѣздъ, хотя и осуждалъ ихъ любовь къ роскоши и ихъ эксплуатацію народа.

Но, конечно, не Руссо, которому едва ли не больше пришлось страдать отъ любви высокопоставленныхъ меценатовъ, чѣмъ отъ ихъ немилости, который пріобрѣлъ къ концу жизни даже какую-то манію страха при малѣйшемъ намекѣ на «благодѣяніе», не онъ бы затруднялъ себя заботами о судьбѣ этой естественной привязанности. У Руссо не было теоріи, которая бы затрудняла разрывъ, да и темпераментъ его не могъ бы вынести продолжительное время условій Ясной Поляны будь у него даже въ наличности толстовскія теоріи. Можно ручаться, что Руссо не выдержалъ бы и десятой части тѣхъ мученій, которыя выносилъ среди «роскоши» своей Ясной Поляны, графъ Толстой [1]); онъ просто бѣжалъ бы, куда глаза глядятъ, по своему съ дѣтства усвоенному, подмастерскому обычаю. Бѣжалъ бы, не глядя, что сзади бросаетъ. Но Толстой былъ необычайно терпѣливъ. Лишь передъ смертью вступилъ онъ, наконецъ, прямо на путь человѣка изъ народа, приблизившись тѣмъ къ своему учителю Руссо.

Это же отсутствіе свободы, эта же связанность старымъ видны и въ другомъ отношеніи. Какъ указывалъ Тургеневъ, Толстой унаслѣдовалъ свою идею любви, вмѣстѣ съ «собственной природой», отъ старшаго барскаго поколѣнія, притомъ консервативнаго лагеря. Вѣдь славянофилы, совершенно подобно Толстому, критиковали всю современную культуру гнилого Запада съ точки зрѣнія христіанской любви, яко бы особо присущей русскому народу (въ брошюрѣ Толстого: «О значеніи русской революціи» сохраняется слѣдъ этого взгляда, въ видѣ надежды на богоизбранность славянства). И такъ же точно они, во имя этой

[1]) «Въ своей, исключительно счастливой въ мірскомъ смыслѣ жизни—говоритъ Толстой («Въ чемъ моя вѣра»),—я наберу страданій, понесенныхъ мною во имя ученій міра, столько, что ихъ достало бы на хорошаго мученика во имя Христа. Всѣ самыя тяжелыя минуты моей жизни... до того нездоровья и тѣхъ неестественныхъ и мучительныхъ условій жизни, въ которыхъ я живу теперь,—все это мучительство во имя ученія міра». Это писано еще въ 1884 г., за 27 лѣтъ до смерти! Подобныя жалобы встрѣчаются и въ статьѣ: «Три дня въ деревнѣ» («В. Е.», 1910 г., № 9).

любви, отрицались отъ всякой политики, какъ грѣха насилія. Политика представляется славянофиламъ, какъ и Толстому, дѣломъ всегда корыстнымъ, всегда направляемымъ групповыми интересами, въ ущербъ любви ко всѣмъ. Поэтому-де русскій народъ и возложилъ все бремя политики на плечи внѣсословнаго самодержца, оставивъ для себя исключительно моральную жизнь. Реформаторская идея славянофиловъ была направлена къ освобожденію народа и его мысли, но условіемъ для реформы предполагалась опять-таки любовь и согласіе всѣхъ, въ чемъ явственно слышался голосъ барскаго самосохраненія.

Толстой, конечно, далеко ушелъ отъ славянофиловъ, но христіанство его подчасъ тоже отзывалось «Москвой и славянофильствомъ». Въ письмѣ къ Александру III (мартъ 1881 г.) онъ такъ доказываетъ необходимость для Россіи обновленія христіанствомъ: «Убивая, уничтожая ихъ (соціалистовъ), нельзя бороться съ ними. Не важно ихъ число, а важны ихъ мысли. Для того, чтобы бороться съ ними, надо бороться духовно. Ихъ идеалъ есть *общественный достатокъ*, *равенство*, *свобода*; чтобы бороться съ ними, надо поставить противъ нихъ идеалъ такой, который бы былъ выше ихъ идеаловъ, включалъ бы въ себя ихъ идеалъ... Есть только одинъ идеалъ, который можно противопоставить имъ,—тотъ, изъ котораго они выходятъ, не понимая его и кощунствуя надъ нимъ,—тотъ, который включаетъ ихъ идеалъ, идеалъ любви, прощенія и воздаянія добра за зло».

Здѣсь «идеалъ любви» получаетъ оправданіе, приближающееся къ сословно-консервативному, хотя и не узко-эгоистическое. Толстой вовсе не желаетъ съ помощью этого идеала сохранить дворянскій строй Россіи. Онъ понимаетъ, и понялъ потомъ еще лучше, всю утопичность такого желанія. Но онъ хотѣлъ бы сохранить право устроенія новой, уже не дворянской Россіи въ рукахъ прежнихъ строителей, такъ какъ это, на его взглядъ, дало бы наименьшее потрясеніе для всѣхъ. И для этого нуженъ «идеалъ любви». И въ другихъ подобныхъ письмахъ онъ все такъ же увѣщеваетъ старую власть взяться за новое дѣло. Любя народъ, любя его будущую свободу, онъ все же инстинктивно больше вѣрилъ старымъ дѣятелямъ—какъ ни обличалъ и ни порицалъ ихъ грѣхи. И не только въ своихъ письмахъ въ «сферы», но и долгое время въ своихъ «радикальныхъ» сочиненіяхъ Толстой явно обращается преимущественно къ читателю изъ верховъ общества. Такъ, напр., въ «Такъ что же намъ дѣлать?» онъ предоставляетъ женщинамъ высшихъ сословій самую существенную роль въ будущей полной реформѣ

общества, а въ предисловіи къ брошюрѣ: «Этика пищи» («Первая ступень», 1892 г.) онъ пишетъ объ освобожденіи людей отъ потребленія одуряющихъ веществъ» слѣдующее: «И кажется, что это уже начинается. И какъ всегда, начинается *съ высшихъ классовъ*, тогда, когда уже заражены всѣ низшіе».

Наконецъ, видимый радикализмъ, даже своего рода нигилизмъ [1]) толстовской критики не долженъ обманывать нашихъ глазъ, такъ какъ онъ нерѣдко—тоже косвенное порожденіе его барства. Легко достается абсолютное отрицаніе всего, кромѣ любви, тому, кто, найдя въ себѣ силу, хотя бы только теоретически, отречься отъ скверны своего соціальнаго положенія, въ то же время не пріобрѣлъ чувства симпатіи къ отрицающему старый міръ, растущему въ грязи городовъ цвѣтку новой добродѣтели: защиты *своего* права, на почвѣ правъ *всѣхъ*. При этомъ условіи всестороннее отрицаніе, самою своею всесторонностью, показываетъ, что оно хватаетъ черезъ край; оно сродни старорусскому типу широкихъ натуръ, которыя ужъ коли возьмутся отрицать—такъ ужъ до тла все.

Коль любить—такъ не на шутку,
Коль ругнуть—такъ ужъ съ плеча!..

Тутъ опять-таки просвѣчиваетъ крѣпостная косточка. Старые бары, подобно грозному Ивану Васильевичу, любили, нагрѣшивъ, каяться во всю, каяться такъ, чтобы всѣ кругомъ знали, что нѣтъ хуже пса смердящаго, какъ онъ, кающійся. Толстой, подъ формою «христіанскаго ученія, соотвѣтствующаго современному развитію человѣчества», стремится увлечь весь народъ въ свое старозавѣтное, безмѣрное покаяніе, силою котораго и надѣется спасти міръ. «Покайтеся, ибо приблизилось царство небесное» (ср. брошюру «Опомнитесь»). Но вѣдь мы знаемъ, сколь мало богаты результатами бывали покаянные кризисы батюшки Грознаго царя, навѣрное глубоко искренніе. И, пожалуй, пора ужъ намъ перестать вѣрить въ домашнее средство всенародныхъ покаяній, по завѣту сѣдой старины. Время наше новое, и нѣтъ надъ нимъ силы у старосвѣтскихъ преданій.

Въ личной жизни Толстого покаяніе играетъ опредѣляющую роль. Вѣроятно еще на севастопольскихъ бастіонахъ онъ впервые сталъ замышлять свое всемірное покаяніе, когда навсегда убѣдился въ крушеніи крѣпостного прошлаго. Но живымъ, ра-

[1]) Выраженіе Тургенева, по поводу отрицанія Толстымъ искусства.

стущимъ слоямъ современной народной массы и каяться не въ чемъ. Ничего не можетъ обѣщать покаянное возвращеніе въ пыль вѣковъ. Не столько вѣра въ изношенные символы прошлаго, сколько надежда на вновь созданныя и созидаемыя орудія разума человѣческаго ведетъ новыя поколѣнія. Руссо, съ его «Общественнымъ договоромъ», даетъ намъ въ руки средство свободно создавать новую свободно-договорную организацію общества, вмѣсто старинныхъ организацій насилья.

Толстой совершенно остался глухъ къ этой сторонѣ воззрѣній Руссо. Вышедшій изъ помѣщичьей среды, «севастопольскій солдатъ», близкій свидѣтель палочныхъ временъ, онъ усматривалъ насиліе даже и тамъ, гдѣ была развѣ лишь тѣнь его, сходство только по формѣ, при разницѣ по существу. Уничтоженіе насилія путемъ сознательнаго договора—этой формы общества не въ силахъ былъ уже усвоить великій выходецъ изъ старой Руси. Другое дѣло—Руссо, самъ вышедшій изъ политически-дѣятельнаго слоя женевской республики. Руссо живо предчувствовалъ въ будущемъ колоссальное, самодѣятельное движеніе европейскихъ массъ и для него старался создать идеальныя формы. Не меньшій ненавистникъ политическаго насилія, чѣмъ Толстой, онъ отыскалъ для него историческое, т. е. конечно относительное, а не абсолютное противоядіе въ *участіи всѣхъ въ политикѣ*, т. е. въ томъ, что врагу старинной «политики» изъ числа ея бывшихъ, хотя бы моральныхъ участниковъ, не можетъ не казаться безграничнымъ расширеніемъ стараго зла. Всѣ—политики! Да это для Толстого равносильно тому, чтобы всякій смирный деревенскій мужикъ возмечталъ о требованіи лично для себя подобныхъ же привилегій насилія, какими владѣютъ сейчасъ немногіе бары. «Я представилъ себѣ,—говоритъ, напр., Толстой,—что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ съ дѣтства словомъ и примѣромъ внушается не то, что внушается теперь, что человѣкъ долженъ соблюдать свое достоинство, отстаивать передъ другими свои права *(чего нельзя иначе сдѣлать, какъ унижая и оскорбляя другихъ)*, а внушается то, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ и не можетъ быть *выше или ниже другого*».

Итакъ, для Толстого право совершенно совпадаетъ съ привилегіей, съ униженіемъ и оскорбленіемъ другихъ. Чтобы уйти отъ этого грѣха, онъ создаетъ утопію *всеобщаго безправія*. Эта отрицательная демократія есть отголосокъ тѣхъ жестокихъ временъ, когда только безграничнымъ смиреніемъ, т.-е. самоуничиженіемъ, можно было человѣку, не участвующему въ насиліи, пріобрѣсти

право существованія въ гнетущей всѣхъ безъ разбора общественной средѣ. Но новое время уже теперь оставляетъ гораздо больше свободы для молекулярнаго движенія массъ. Анахронизмомъ является такой преувеличенно-боязливый призывъ. Естественно, нынче наоборотъ, стремленіе расширять уже живущую въ массахъ, хотя все еще слишкомъ недостаточную свободу.

Толстой пытается съ истинно-барскимъ размахомъ установить безусловную противоположность злого насилія и доброй свободы, еще небывалой на землѣ. Руссо устанавливаетъ болѣе скромную, условную противоположность общественнаго насилія и общественнаго согласія, уже наблюдавшагося, по его мнѣнію, въ древнихъ республикахъ и въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ ему малыхъ государствъ. Что касается толстовскаго всеобщаго безправія, оно показалось бы Руссо дважды страннымъ. Руссо твердо знаетъ, что рабъ и господинъ—понятія соотносительныя. Господа—лишь тамъ, гдѣ рабы, и наоборотъ; рабство не можетъ существовать безъ господъ, ибо и сами рабы «всегда готовы господствовать или служить, смотря по тому, благопріятна ли имъ судьба или неблагопріятна». Всеобщее безправіе, въ глазахъ Руссо, было бы лишь кануномъ новой тираніи. Прекращеніе тираніи совпадало для него съ началомъ политической демократіи.

Толстой надѣялся построить новый міръ изъ чистаго кристалла Добра. Эта древняя кристалльная мечта имѣетъ, быть можетъ, одинъ существенный недостатокъ въ рукахъ ея новѣйшаго реставратора: отсутствіе вѣры въ чудеса. Современный разумъ, тоже не вѣрящій въ чудеса, въ силу этого не довѣряетъ и идеальнымъ кристалламъ, которые въ дѣйствительности представляютъ собою обыкновенно отвлеченныя схемы, творимыя соціальнымъ слоемъ, теряющимъ почву подъ ногами. Конечно это относится не къ идеѣ Толстого въ ея драгоцѣнномъ зернѣ, а лишь къ ея обветшалой, барской одеждѣ.

4. Руссо и Толстой подъ угломъ зрѣнія исторіи.

По сравненію съ Толстымъ, Руссо является въ большей степени нашимъ современникомъ, хотя онъ и умеръ за полвѣка до рожденія Толстого. Такъ, въ дѣйствительности, приближаетъ и удаляетъ людей то самое время, которое Толстому казалось лишь призракомъ передъ лицомъ вѣчнаго Бога, досаднымъ при-

зракомъ, только путающимъ людей, не дающимъ позабыть, что прекрасное прошлое невозвратно ушло.

Но вѣдь и Руссо постоянно обращалъ свое лицо съ грустными вздохами въ ту же привлекательную даль, въ ту же волшебную дымку невозвратнаго. Да, конечно. И въ этомъ заключается тоже утопически-консервативная, оборотная сторона Руссо. Если въ предыдущемъ изложеніи выступала впередъ его прогрессивно-реальная сторона, то лишь, по сравненію съ полу-славянофильскимъ толстовскимъ романтизмомъ, который еще наивнѣе «дикарскаго» романтизма Руссо, а также потому, что прогрессивная нота все же господствуетъ въ причудливомъ аккордѣ тѣхъ «противорѣчій» Руссо, надъ которыми считаютъ нужнымъ съ презрительной гримасой издѣваться его ученые и неученые противники.

Человѣкомъ прошлаго дѣлаетъ Толстого его принадлежность къ уходящему въ прошлое слою населенія, къ слою, уже сыгравшему свою роль на исторической сценѣ. Ученіе Толстого—какъ бы высшая точка сознанія барства, завѣщаніе мудрѣйшаго изъ баръ, увидавшаго и закатъ барства, и зарю новыхъ временъ. Человѣкомъ современнымъ дѣлаетъ Руссо принадлежность къ народу, этому угнетенному барствомъ слою, или, вѣрнѣе—не слою, а создателю всѣхъ соціальныхъ слоевъ, тому маточному разсолу, изъ котораго выкристаллизовываются въ историческомъ процессѣ всевозможные соціальные слои. Однако самая неопредѣленность этого понятія заставляетъ ближе опредѣлить положеніе Руссо въ народной массѣ, чтобы уловить и тѣ соціальныя тренія, которыя придали, такъ сказать, шероховатую, точно поношенную поверхность его сверкающимъ новою жизнью народнымъ идеямъ.

Во времена Руссо во французской массѣ уже болѣе или менѣе намѣтились тѣ новыя струи городского пролетаріата, которыя въ наши времена являются главными носителями демократическихъ движеній. Самъ Руссо принадлежалъ отчасти къ этому легко-подвижному разряду людей, ничего не ждавшему отъ господствующихъ порядковъ и только въ развитіи новыхъ отношеній черпавшему свои надежды. Руссо любилъ людей этого оттѣнка—парижскихъ каменщиковъ, плотниковъ, трактирныхъ слугъ, какъ мы видимъ изъ его «Исповѣди» и изъ «Воспоминаній о Руссо» Б. де-Сенъ-Пьера. Подруга его жизни, Тереза, взята была имъ изъ этихъ же сиротъ общества, и крайняя умственная неразвитость этой «дикарки» можетъ служить довольно вѣрнымъ показателемъ тогдашней малосознательности авангарда народной арміи. Однако, Руссо угадалъ основныя черты просы-

павшихся уже тогда стремленій этой части народа къ самоосвобожденію и воплотилъ ихъ въ своихъ политическихъ трактатахъ. Насколько вѣренъ такой взглядъ, показываютъ намъ отзывы нѣкоторыхъ спеціалистовъ по Руссо, напр., фрейбургскаго профессора Мориса Массона. Послѣдній даже склоненъ преувеличивать пролетарскія черты Руссо, считая его наслѣдственнымъ рабочимъ, со всею психологіей, свойственной этому классу (см. его статьи о Руссо, въ парижскомъ журналѣ «Revue des cours et conférences», № 29, май 1908 г.). «Весь Руссо—говоритъ онъ,—объясняется Жакъ-Жакомъ, вся система—человѣкомъ, привычками его среды или, лучше, его соціальнаго класса». Въ дѣйствительности рабочаго класса, въ современномъ смыслѣ слова, тогда еще почти не существовало; были, скорѣе, шаткіе, текучіе, неопредѣленные его зародыши, родъ соціальной туманности. И Руссо надо считать скорѣе провидцемъ судебъ этой туманности, а не идеологическимъ отраженіемъ «класса», т. е. формы ясно дифференцированной. Вѣрно, однако, и то, что въ своей многобурной жизни Руссо успокоился, наконецъ, лишь въ тѣ семь послѣднихъ лѣтъ, когда велъ существованіе вполнѣ по своему вкусу. Зарабатывая на жизнь перепиской нотъ, онъ снималъ квартирку въ рабочемъ предмѣстьѣ Парижа и жаждалъ лишь одного: потеряться въ трудовой массѣ и навсегда позабыть о своемъ «блестящемъ» литературномъ прошломъ.

Однако, повторяю, эта особо близкая душѣ Руссо порода людей тогда не выдѣлялась сколько-нибудь рѣзко изъ остального народа. Создавая ея идею, самъ Руссо неизбѣжно долженъ былъ, такъ сказать, проэктировать послѣднюю на общій фонъ, на народъ вообще: вѣдь и демократія Руссо была всенародная. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, народная масса была еще цѣликомъ погружена всею своею жизнью, всѣми своими интересами, чаяніями и болями, въ готовомъ къ разложенію прошломъ. И самъ Руссо опять-таки сидѣлъ тѣломъ и душой, слѣдовательно—и многими изъ своихъ «естественныхъ» чувствъ, тамъ же, въ темномъ прошломъ. Вѣдь по рожденію онъ былъ далеко не «рабочій»: изъ числа пяти разрядовъ населенія Женевы, онъ принадлежалъ къ высшему, къ «гражданамъ» (citoyens) или городской аристократіи, представители которой одни только могли быть избираемы въ правительственный совѣтъ «des Magnifiques, Très-honorés et Souverains Seigneurs». Онъ, слѣдовательно, былъ лишь обнищавшій потомокъ «хорошей фамиліи». Впрочемъ, вѣдь и вообще пролетаріатъ образовался изъ обломковъ и продуктовъ разложенія старыхъ общественныхъ группъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, если Руссо прихватилъ съ собою, въ составѣ своихъ идей, и элементы, свойственные міровоззрѣнію этой, родной ему по крови части народа, этихъ «честныхъ буржуа», какъ называетъ ихъ Юлія въ «Новой Элоизѣ», прибавляя, что они «образуютъ, быть можетъ, наиболѣе достойный уваженія разрядъ населенія». Одно можно рѣшительно отрицать въ Руссо: какую бы-то ни было духовную близость съ тѣми, такъ сказать, сливками третьяго сословія, которыя, въ лицѣ откупщиковъ, банкировъ и финансистовъ, стремились уже тогда захватить бразды общества и особо покровительствовали «философіи». Съ ними-то и разошелся Руссо, рѣзко порвавъ съ Дидро, Гриммомъ и салономъ м-мъ д'Эпинэ. Отъ этой, въ современномъ смыслѣ слова, капиталистической буржуазіи онъ безусловно былъ далекъ. Его «честные буржуа» были стараго, до-капиталистическаго закала, буржуа, сохранявшіеся больше въ провинціи, въ малыхъ городкахъ, поближе къ деревнямъ, слѣдовательно и къ древней сельско-хозяйственной культурѣ, которая разрушалась отъ соприкосновенія съ новой. Эта старинная буржуазія труда и достатка имѣла своимъ идеаломъ не столько денежное накопленіе, сколько свой домъ—полную чашу, вродѣ хозяйства г. Вольмара, почтеннаго супруга Юліи. Всѣ идеалы и добродѣтели здѣсь клонили къ простотѣ нравовъ, къ чинному, чистому быту, къ строгимъ правиламъ. Эта-то среда мѣщанства южно-французскихъ провинцій и давала (въ союзѣ съ мелкимъ сельскимъ хозяйствомъ) главную массу гугенотовъ XVI и XVII вѣковъ, свободомыслящихъ и упорныхъ въ защитѣ старыхъ вольностей республиканцевъ-федералистовъ.

Отсюда проистекало у Руссо, наряду съ передовыми политическими взглядами, извѣстное предрасположеніе къ платоническому консерватизму — платоническому, ибо, въ дѣйствительности, онъ совсѣмъ отсталъ отъ размѣренно добродѣтельныхъ привычекъ тѣхъ гнѣздъ, откуда вылетѣлъ, и въ поклоненіи чувству создалъ слишкомъ опасный для старинной патріархальности элементъ. Вѣдь онъ самъ признавался въ своихъ «Мечтаніяхъ», что, «когда его долгъ и его сердце находятся въ противорѣчіи, то долгъ заранѣе побѣжденъ». Какой же это пуританинъ и поклонникъ старины? А между тѣмъ все старое, традиціонное, коренное въ народѣ казалось ему особо почтеннымъ и «естественнымъ». Его такъ и тянуло подъ тѣнь вольнаго быта полупастушескихъ племенъ Швейцаріи, гдѣ, однако, врядъ ли онъ могъ бы найти пріютъ по себѣ (стоитъ только вспомнить, какъ

набожные крестьяне долины Валь-де-Траверъ готовы были побить камнями «еретика»). Вотъ какъ идиллически онъ рисуетъ бытъ горцевъ Верхняго Валлиса въ письмѣ Сенъ-Пре къ Юліи: «Ихъ безкорыстіе было столь полно, что за все время моего путешествія мнѣ не пришлось истратить ни одного патагона (мѣстнаго экю). Въ самомъ дѣлѣ, на что потратишь деньги въ странѣ, гдѣ хозяева не получаютъ стоимости своихъ издержекъ (?), а работники—стоимости своихъ услугъ (?), и гдѣ въ то же время не встрѣтите ни одного нищаго? Впрочемъ, деньги весьма рѣдки въ Верхнемъ Валлисѣ, но это отъ того, что жители зажиточны: ибо съѣстные припасы тамъ въ изобиліи—при отсутствіи вывоза на сторону и излишества въ потребленіи у себя дома; при этомъ горецъ, которому земледѣльческій трудъ — удовольствіе, отнюдь не теряетъ трудолюбія. Если когда-либо у нихъ денегъ станетъ больше, они неминуемо обѣднѣютъ. Они достаточно мудры, чтобы чувствовать это, и въ *странѣ имѣются золотые рудники, разработка которыхъ не дозволяется*... Въ отношеніяхъ другъ съ другомъ они сохраняютъ ту же простоту: дѣти, достигшіе разумнаго возраста, равны со своими отцами, слуги садятся за столъ вмѣстѣ съ хозяевами; одна и та же свобода царитъ и въ домахъ, и въ республикѣ, и семейство здѣсь — образъ государства».

Можно было бы даже подумать, съ точки зрѣнія «историко-филологической критики», развитой въ предыдущей главѣ, что Руссо слѣдовало бы прямо и безъ разговоровъ отнести къ идеологамъ натуральнаго хозяйства, къ адвокатамъ зажиточнаго общиннаго крестьянства, естественно расположеннаго къ первобытно-коммунистическимъ воззрѣніямъ на собственность («право перваго захвата» у Руссо), къ вѣчевому укладу жизни [1]) и къ превращенію свойственныхъ ихъ быту отношеній въ вѣчноистинныя, т. е. въ божественныя. Тогда бы дѣйствительно поклонникъ вѣковѣчной старины Руссо не далеко бы разошелся съ дворяниномъ Толстымъ, ибо оба жаждали бы одного: того золотого вѣка, откуда пошли одинаково и семейственно-общинныя чувства крестьянъ, и семейственно-родовыя чувства дворянъ. Недаромъ же самобытныя идеи барина Толстого такъ удивительно совпали съ самобытными идеями крестьянъ-духоборовъ и многихъ другихъ русскихъ сектантовъ, въ родѣ признаваемаго

---

[1]) Если только страна не подвержена постояннымъ военнымъ опасностямъ и, въ связи съ этимъ, не выдвигаетъ власть абсолютнаго монарха—какъ это наблюдается въ восточныхъ имперіяхъ.

Толстымъ тоже за своего «учителя» Сютаева, съ его девизомъ: «все въ табѣ» (ср. письмо Молочникову, 25 февр. 1909 г.).

Однако на самомъ дѣлѣ тяготѣніе Руссо къ истовому мужицкому укладу жизни гораздо меньше опредѣляетъ его воззрѣнія, чѣмъ хотя бы у Толстого. Въ идилліи крестьянской жизни его прельщаетъ скорѣе ея цѣльность, уравновѣшенность, такъ сказать самодовлѣніе, чѣмъ специфическія земледѣльческія черты. Вѣдь мы знаемъ уже, какъ осторожно относился Руссо къ особенностямъ каждаго народа. Конечно, для чисто сельскохозяйственныхъ странъ, какъ напр. Польша (ср. его «Замѣчанія о правительствѣ Польши и о его проектируемой реформѣ»), онъ предпочиталъ федеративно-крестьянскій строй. Но для другихъ государствъ, гдѣ «почва неблагодарна и безплодна или же страна слишкомъ тѣсна для жителей», онъ совѣтовалъ: «обратитесь къ промышленности и искусствамъ, продукты которыхъ вы будете мѣнять на съѣстные припасы, вамъ не хватающіе» («Общ. дог.», кн. II, гл. 11). Словомъ Руссо вовсе не считалъ крестьянскій бытъ единственнымъ благомъ для всѣхъ народовъ. Мало того, ему лично были не по вкусу неотъемлемые недостатки этого быта: легко подвижный «дикарь» оказывается у него гораздо выше «рутиннаго» крестьянина по своему человѣческому типу («Эмиль», кн. 2). Точно также—и «ремесленникъ». «Ремесленникъ зависитъ лишь отъ своего труда, онъ свободенъ, настолько же свободенъ, насколько земледѣлецъ—рабъ... Всюду, гдѣ ремесленника станутъ мучить, ему недолго уложить свои вещи: онъ уноситъ съ собой свои руки и уходитъ» (тамъ же). Чувствуется, что подъ именемъ ремесленника здѣсь уже рисуется образъ настоящаго промышленнаго пролетарія, свободнаго отъ стариннаго прикрѣпленія къ цеху и къ мѣсту.

За всѣми этими необходимыми оговорками, вѣрнымъ остается то, что пристрастіе Руссо ко всему тому romanesque, что онъ видѣлъ въ старинѣ, кладетъ свой меланхолически-боязливый отсвѣтъ даже на самыя новаторскія и смѣлыя его воззрѣнія. Онъ, правда, не доводитъ своей зависимости отъ предковъ до того, чтобы вовсе отрицать возможность для людей цѣлесообразнаго устройства политической среды, какъ мы видимъ у Толстого. Напротивъ, онъ то и ободряетъ насъ къ такому устройству. Но въ то же время нѣкоторыми чертами своихъ политическихъ схемъ онъ отдаетъ дань почтеннымъ временамъ, когда все спасеніе полагали въ твердыхъ авторитетахъ. И тутъ подчасъ онъ бываетъ не такъ далекъ отъ теоретиковъ отеческаго правленія, Гуго Гроція и Гоббса, съ которыми постоянно поле-

мизируетъ. Вся разница въ томъ, что роль деспота-монарха у него переносится на самодержавный народъ. И надо сказать, что наше время, логически-необходимо развивая главную идею Руссо о самодержавіи народа, далеко оставило позади себя своего перваго теоретика на этихъ пунктахъ, гдѣ онъ мысль о свободѣ людей въ обществѣ подмѣняетъ мыслью о произволѣ государства надъ людьми.

Не стану здѣсь входить въ детали. Ограничусь указаніемъ на то, въ чемъ особенно ярко выступаетъ вліяніе старины. Такова рѣшительная невозможность для Руссо допустить борьбу частныхъ группъ и партій внутри общества—борьбу, составляющую на самомъ дѣлѣ характернѣйшій признакъ живого демократическаго общества. По мнѣнію Руссо въ этомъ—могила общества. Ибо вѣдь оно есть «моральное тѣло»: вообразите себѣ, что бы получилось, если бы органы тѣла либо группы органовъ вступили между собой въ борьбу? Понятно, цѣлость тѣла, его гармонія разрушилась бы, оно перестало бы быть тѣломъ. То же и съ обществомъ. Политическій механизмъ общества, его конституція должна быть такъ «совершенна», чтобы жизнь текла въ немъ гладко и ровно, безъ сучка и задоринки, во исполненіе существующихъ законовъ. Руссо, поклонникъ античныхъ городовъ - республикъ, поклонникъ кальвинской теократіи въ родной Женевѣ, не могъ и мысли допустить, чтобы реальная жизнь, жизнь интересовъ могла постоянно дѣлить гражданъ на противоположные лагери, для которыхъ каждый законъ можетъ имѣть весьма различный смыслъ: однимъ быть другомъ, другимъ—врагомъ. Онъ не понималъ естественности и необходимости ежеминутной «борьбы за право» такихъ лагерей, стремящихся придать каждому отвлеченному закону свое житейское практическое толкованіе. Онъ не понималъ, что въ потокѣ соціальной жизни законъ фактически мѣняетъ свое содержаніе, хотя и остается формально тѣмъ же—впредь до отмѣны. И онъ требовалъ «святого», чуть ли не вѣчнаго закона, нарушеніе котораго стояло бы наряду съ богохульствомъ.

Въ этой-то религіозной, теократической концепціи закона и «общественнаго договора»—отсталость Руссо, отсталость отъ собственной идеи. Такая концепція требуетъ логически не правленія большинства (поглядите, какъ враждебенъ Руссо къ этому, для насъ уже до смѣшного банальному принципу, и вообще къ представительству—напр., въ главѣ «О депутатахъ или представителяхъ»), а—единогласія! Какъ странно сближается здѣсь крайній, можно сказать, неумолимый политикъ съ отрицателемъ

всякой политики Толстымъ! Этотъ странный союзъ «насилія» съ «непротивленіемъ» объясняется именно тѣмъ, что Руссо здѣсь, вопреки своему научному методу, жаждетъ абсолютно-совершеннаго закона, а не относительнаго, практически пригоднаго, слѣдовательно существенно измѣнчиваго, въ зависимости отъ историческихъ условій. Вотъ въ этомъ принципіальномъ требованіи единогласія и слѣдовало бы Толстому искать мотива всяческаго насилія, а не въ томъ фактѣ, что частный интересъ имѣетъ свойство расходиться съ другими частными интересами или такъ называемымъ «интересомъ всѣхъ». Интересы вѣдь могутъ и примиряться на какомъ-либо относительно безобидномъ компромиссѣ, а вотъ единогласіе... этотъ небесный идеалъ стоилъ на землѣ морей крови! И замѣчательно: его требуютъ всегда именно самыя безпросвѣтно-тираническія монархіи. Если же выступали съ нимъ религіозно-одушевленные идеей свободы народные дѣятели, то—какъ это было во французской и англійской революціяхъ—дѣло обязательно кончалось опять-таки тиранією Кромвелей и Наполеоновъ.

Традиціонный взглядъ Руссо на соціальную борьбу, какъ на врага соціальной гармоніи, придаетъ жестко деспотическій духъ его политикѣ. Э. Фагэ, напримѣръ, имѣетъ извѣстное право говорить, что Руссо создаетъ изъ народа «новаго Константина, новаго Ѳеодосія», т. е. византійскаго самодержца, «какого Боссюэтъ создавалъ изъ Людовика XIV». Въ самомъ дѣлѣ, разъ частные союзы для преслѣдованія своихъ насущныхъ интересовъ заранѣе осуждены моралью—формальнымъ ли образомъ, въ видѣ закона, или молчаливымъ общественнымъ мнѣніемъ, это все равно,—то тогда понятно, что «духъ закона» возлагаетъ на его исполнителей, какъ впрочемъ и на всѣхъ гражданъ вообще, святой долгъ преслѣдовать эти политическія аномаліи. Отсюда недалеко и до инквизиціи, и до полнаго прекращенія закономъ (плохое утѣшеніе!) всякой политической самодѣятельности. Въ перспективѣ рисуется безгласный народъ, гдѣ личная воля безъ остатка поглощается «всеобщею волею»,—словомъ, то полицейское государство-чудовище, отъ котораго съ понятнымъ ужасомъ отворачивается Толстой.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, духъ сочиненій Руссо не только не исчерпывается этимъ «якобинскимъ» (или—что одно и то же—религіозно-нетерпимымъ) оттѣнкомъ демократизма, но, напротивъ, духъ этотъ цѣликомъ противорѣчитъ подобнымъ обветшалымъ воззрѣніямъ. И противорѣчитъ имъ прежде всего исходная мысль Руссо: личная свобода гражданина. Вѣдь Руссо

потому-то такъ и хлопочетъ о наилучшемъ способѣ узнавать истинное мнѣніе верховнаго властелина-народа, что ему важно органическое созданіе закона свободнымъ сердцемъ каждаго гражданина. Законъ, не имѣющій такой моральной санкціи—уже не законъ. Потому-то Руссо признаетъ законъ «святымъ» лишь до тѣхъ поръ, пока народъ не замѣнитъ его другимъ. Это значитъ практически, признать законы, не исключая и самого «общественнаго договора» (или, выражаясь по нынѣшнему, конституціи государства) принципіально измѣнчивыми, и предоставить каждому не только полную личную свободу выражать свои искреннія мнѣнія (а кто же судья моей искренности, кромѣ меня самого?) о желательныхъ перемѣнахъ въ законѣ, но и свободу борьбы за ихъ осуществленіе. Отсюда уже прямо вытекаетъ та гарантія личной неприкосновенности, та свобода мнѣній, слова, союзовъ и проч., которая служитъ основой политической жизни нашихъ дней.

Изъ «культа сердца» Руссо, изъ признанія имъ неизбѣжности политическихъ рамокъ, для, увы! «испорченнаго» цивилизаціей человѣчества, прямо слѣдуютъ всѣ лучшіе нынѣшніе принципы. Все нетерпимое, «единогласное», фанатическое, все это—достояніе архива исторіи, и показываетъ неоспоримо лишь одно: Руссо, какъ Жанъ-Жакъ, т. е. какъ ограниченный сынъ своего времени, былъ ниже уровня своей огромной, важной исторической роли. Да, впрочемъ, кто изъ смертныхъ можетъ избѣжать такой участи? Мы видѣли, что не избѣжалъ ея и геній, быть можетъ гораздо мощнѣе моделированный природою, Толстой,—получившій, правда, отъ общества гораздо менѣе благопріятную обстановку для развитія своего генія. Вѣдь спертая, душная атмосфера помѣщичьихъ усадебъ никакъ не можетъ сравниться, въ смыслѣ «человѣчности», съ народнымъ, стихійнымъ просторомъ. Можетъ быть, потому мы и наблюдаемъ у Толстого, наряду съ громаднымъ захватомъ, глубиной творчества и дѣятельной силой моральныхъ стремленій, гораздо болѣе сильную, чѣмъ у Руссо, односторонность, какъ бы поляризованность воззрѣній.

Мы уже видѣли ранѣе, въ чемъ Толстой не поспѣваетъ за своимъ временемъ, подхватившимъ и развившимъ ученіе Руссо, находя въ немъ болѣе полнаго и многосторонняго выразителя. Остается показать, что и Толстой, подобно учителю, внесъ въ сокровищницу времени новыя и драгоцѣнныя начала, — подъ какой бы неподходящей, повидимому, ипостасью они ни появлялись на свѣтъ. Конечно, начала эти не лежатъ

въ области политическо-соціальной — хотя и въ этой области они заставили Толстого, «наперекоръ стихіямъ», дать не мало образцовъ протеста поразительной силы. Начала эти — чисто моральнаго содержанія, а именно, дальнѣйшее, свободное и смѣлое развитіе моральнаго индивидуализма Руссо, не остающееся безъ вліянія и на прогрессъ политическихъ народныхъ воззрѣній. Сознательные элементы народа, разумѣется, не преминутъ сдѣлать соотвѣтствующіе выводы изъ толстовскихъ началъ, хотя бы выводы эти ускользнули отъ самого автора.

Толстой съ чрезвычайной силой подчеркнулъ взглядъ Руссо на полное самоопредѣленіе каждаго человѣка. Если Руссо и правильнѣе Толстого усматривалъ ту единственную арену, гдѣ можетъ совершаться это самоопредѣленіе, именно — арену общества, то, съ другой стороны, только отъ Толстого, и ни отъ кого иного, исходитъ безпредѣльное довѣріе къ человѣку, предоставленному на всю свою волю. Руссо, правда, впервые выдвинулъ принципъ врожденной доброты человѣка, но доброта эта имѣетъ, по Руссо, силу преимущественно лишь пока человѣкъ—érmite solitaire, дикарь, Робинзонъ, т. е. находится въ условіяхъ изолированности, нынѣ не встрѣчающихся. Общество же, то самое общество, которое Руссо стремится улучшить «законами», пугаетъ его своею ненадежностью, заставляетъ опасаться за каждый шагъ человѣка среди «подобныхъ ему». Тутъ столько соблазновъ со стороны тщеславія («amour-propre») и прочихъ «искусственныхъ страстей», что Руссо становится мнителенъ, недовѣрчивъ къ личной свободѣ. Оттого-то весь его «Эмиль» наполненъ вѣчной заботой сперва о возможной изоляціи воспитанника отъ всякаго общества (къ общественному образованію авторъ питаетъ непобѣдимое отвращеніе), а потомъ о созданіи загодя въ душѣ воспитанника какъ можно болѣе надежныхъ противоядій противъ предвидимыхъ въ будущемъ неизбѣжныхъ соціальныхъ отравъ. Эта мудрость воспитателя граничитъ съ какою-то трусостью и хитростью, чуть что не іезуитизмомъ. Такъ, Руссо выставляетъ подозрительное педагогическое правило: «безъ сомнѣнія, Эмиль долженъ дѣлать только то, что хочетъ; но онъ долженъ хотѣть только того, что вы хотите, чтобы онъ дѣлалъ». Здѣсь недовѣріе уже переходитъ въ безусловное отрицаніе настоящей свободы дѣйствій. И все же, въ заключеніе, столь тонко направляемый къ добру Эмиль, достигнувъ зрѣлости и предоставленный самому себѣ, творитъ рядъ ошибокъ, глупостей, губитъ свою избранницу сердца Софію и, наконецъ, оказывается самъ на днѣ несчастья, въ Алжирской неволѣ. И

все по собственной винѣ (см. продолженіе «Эмиля», романъ «Эмиль и Софія или пустынники», къ сожалѣнію не конченный). А вѣдь воспитателемъ Эмиля былъ самъ пророкъ «внутренняго человѣка», Жанъ-Жакъ...

Толстой совершенно освободилъ идею Руссо отъ призраковъ страха. Въ первой же повѣсти своей: «Дѣтство, отрочество и юность» онъ далъ намъ картину развитія такого же «естественнаго» и добраго мальчика, какъ Эмиль, но—безъ мудраго воспитателя (нельзя же считать такимъ нѣмца-дядьку или француза-гувернера). И вотъ, оказывается, что этотъ предоставленный самому себѣ новый Эмиль—самъ себя воспитываетъ, самодѣятельно сбрасывая съ себя, чешую за чешуей, кору общественныхъ предразсудковъ и страстно стремясь къ добру. Оказывается, самъ человѣкъ, лишь бы не слишкомъ его давили въ тиски «образцоваго» воспитанія, достигаетъ свободно лучшихъ моральныхъ успѣховъ, чѣмъ въ рукахъ самаго мудраго воспитателя.

Мы теперь оставляемъ въ сторонѣ барскіе привѣски къ идеѣ Толстого, его «абсолютную» окраску понятія добра; насъ интересуетъ здѣсь самая идея *самовоспитанія*. Она какъ нельзя лучше подходитъ къ нашему быстро самоосвобождающемуся отъ путъ стараго общества вѣку. И замѣчательно, что никто изъ русскихъ или иностранныхъ писателей—баръ или дѣтей народа—не развилъ ея съ такой беззавѣтной и радостной убѣжденностью, какъ Толстой. Толстой всю жизнь повторялъ ее ярче и ярче въ своихъ великихъ художественныхъ созданіяхъ, которымъ она-то и придаетъ ихъ неуловимый сразу сознаніемъ, но ясно ощутимый внутренній свѣтъ и теплоту. Идея эта небывало сильно доказана имъ художественно на примѣрахъ самой черной, безжалостно-реальной дѣйствительности. Человѣкъ—самъ себѣ наилучшій судья; онъ—самодержецъ въ своемъ моральномъ сознаніи, и онъ оказывается сильнѣе всѣхъ отравъ общества, стремящихся проникнуть въ его сердце, если только онъ слѣдуетъ самому себѣ.

Но тутъ Толстой и становится въ ряды самыхъ мощныхъ двигателей демократіи, ибо даетъ ей въ руки новое оружіе противъ злѣйшихъ ея враговъ—тѣхъ проповѣдниковъ крѣпостной морали, которые, какъ на камень краеугольный, опираются на полное недовѣріе къ личности, родящейся-де въ грѣхахъ, по какой причинѣ она и нуждается въ патріархальной уздѣ со стороны авторитетовъ. А такое отношеніе къ врагамъ демократіи, въ

силу вещей, уже приводитъ насъ къ политикѣ—какъ бы ни открещивался отъ нея христіанинъ-Толстой.

Руссо-«дикарь» не могъ вполнѣ преодолѣть боязни предъ обществомъ, даже обществомъ свободныхъ Эмилей, и потому... и потому счелъ нужнымъ подчинить послѣднихъ деспотизму общества; но, естественно не надѣясь и на такой деспотизмъ, искалъ для общества опоры еще въ Богѣ. Довѣріе же Толстого къ личности способно дать «общественному договору» нашего времени единственную моральную основу, въ какой онъ нуждается: основу взаимнаго уваженія сознательныхъ людей, внутренно убѣжденныхъ въ необходимости и добрѣ своего историческаго, народнаго дѣла.

Пусть самъ графъ Толстой брезгливо отворачивается отъ политической роли — исторія не посмотритъ на его слабости и предразсудки и дастъ ему мѣсто среди другихъ творцовъ демократіи, въ особенности въ ряду тѣхъ, кто стремится перенести энергію «политическаго тѣла» отъ центра его къ *самодѣятельной* периферіи, къ *живой массѣ*. Этимъ именно путемъ развиваются теперь идеи общественнаго самоуправленія, что мы видимъ фактически во многихъ странахъ на ростѣ требованій всенароднаго референдума, «иниціативы», пропорціональнаго представительства и другихъ гарантій для меньшинства противъ подавленія большинствомъ. Идеи Толстого—лучше сказать, логика лучшихъ его идей—впадаютъ въ это именно русло, и приносятъ въ него еще неоцѣненную, свѣжую, великую струю.

Характерно, что эту именно народную струю приноситъ представитель столь солоно пришедшагося народу барства. По истинѣ, исторія — пресвоенравная богиня, съ которою не сговоришься!

Несмотря на всѣ странности, видимыя и дѣйствительныя противорѣчія, ошибки и пробѣлы, несмотря на всю историческую накипь на идейномъ ядрѣ морально-политическихъ взглядовъ, созданныхъ сообща женевскимъ полумѣщаниномъ-полурабочимъ XVIII вѣка и его ученикомъ, московскимъ баріномъ XIX в., суть этихъ взглядовъ оказывается глубоко вѣрною и оправданной исторіею, которая ужъ сама беретъ на себя обязанность ихъ очищать, уяснять и воплощать въ конкретную дѣйствительность. Еще долго, вѣроятно, эти взгляды будутъ современны намъ и нашимъ внукамъ; не скоро исчерпается ихъ реальная цѣнность, не скоро они станутъ просто «историческими», въ презрительномъ смыслѣ этого слова. И будущіе читатели, перечитывая нѣкоторыя изъ ихъ произведеній, все также

будутъ испытывать то же чувство душевной возвышенности и восхищенія, какое испытываемъ сейчасъ и мы. Руссо и Толстой безсмертны, вѣчны—пока существуетъ народъ, стремящійся на основѣ личной свободы и равенства всѣхъ, осуществить «царство Божіе» (о, разумѣется, не абсолютное!) на землѣ. А вѣдь такой народъ, считая отъ нашихъ временъ, просуществуетъ, пожалуй, не мало-таки вѣковъ?..

«Голосъ сердца» говоритъ намъ, вопреки всѣмъ скептическимъ мефистофелямъ, зрѣніе которыхъ загипнотизировано судорогами и язвами въ мукахъ рождающагося будущаго, что мы стоимъ на порогѣ новаго періода исторіи, періода «естественнаго человѣка». Не въ томъ дѣло, конечно, чтобы мы вернулись вспять и стали «бѣгать по лѣсамъ на четверенькахъ», какъ смѣялся Вольтеръ надъ Руссо, а въ томъ, что человѣкъ станетъ творить себѣ общество по образу своему и подобію, общество жилое, уютное и привольное, гдѣ каждый будетъ себя чувствовать, какъ у себя дома. Тогда какъ теперь люди, словно на мусорномъ заднемъ дворѣ, задыхаются отъ пыли, создаваемой ихъ же сутолокой, противъ всякаго ихъ желанія и къ сомнительному удовольствію горсти избранныхъ. Человѣкъ станетъ хозяиномъ своихъ человѣческихъ отношеній, на мѣсто теперешняго рабства—рабства, котораго ничуть не избѣгаютъ даже избранные, какъ бы они ни были довольны своею львиною долей.

Лозунгъ всенароднаго, сознательнаго, цѣлесообразнаго строительства общества созданъ впервые Руссо, и нашелъ въ Толстомъ одного изъ могучихъ апостоловъ. Лозунгъ этотъ былъ провозглашенъ со всѣмъ краснорѣчіемъ, какое было знакомо религіозному паѳосу предыдущей эпохи, но именно поэтому и со всѣмъ ея—да будетъ прощено мнѣ это слово—косноязычіемъ. Тѣмъ не менѣе смыслъ лозунга остается глубоко роднымъ для насъ, уже отвыкшихъ плакать надъ рѣчами епископовъ Боссюэтовъ и Фенелоновъ. Смыслъ этотъ рѣзко противоположенъ девизу: «добродѣтель народа есть слѣпое повиновеніе мудрымъ законодателямъ», защитниками котораго выступали не одни епископы, но и такіе ярые ихъ враги, какъ Дидро и Вольтеръ, и даже «соціалисты» XVIII столѣтія, аббатъ Мабли и Морелли.

Въ противоположность девизу абсолютизма и философскаго «просвѣщенія», ученіе Руссо-Толстого (поскольку ученикъ не расходится съ учителемъ) устанавливаетъ двѣ неоспоримыхъ истины. Во 1-хъ, политическій строй даже самыхъ грубо-солдатскихъ и полицейскихъ государствъ держится, не разваливаясь, не благодаря голому насилію, а еще больше потому, что

въ глубинѣ, подъ организаціей насилія, есть всегда въ наличности молчаливое согласіе народа, т. е. согласіе, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства личностей—*неписанный* «общественный договоръ». Другой вопросъ, конечно, насколько соотвѣтствуетъ та или иная форма общества лучшимъ желаніямъ и представленіямъ каждаго; но она признается единственно возможнымъ выходомъ при данныхъ условіяхъ, родомъ всеобщаго компромисса [1]). Иначе, несмотря на самую упорную охоту насильниковъ примѣнять насиліе, государство распадается или—что въ этомъ случаѣ одно и то же—мѣняетъ форму.

Во вторыхъ, въ такомъ видѣ «общественный договоръ» присущъ стихійно возникшимъ обществамъ, гдѣ вышеуказанное согласіе носитъ поневолѣ полувынужденный характеръ, ибо люди не въ состояніи еще понять сущность общественныхъ силъ, властно требующихъ сплоченія, организаціи во что бы то ни стало, и пассивно покоряются неодолимой необходимости, не позволяющей имъ устроиться по своей волѣ. Они умѣютъ лишь олицетворять эту гнетущую силу собственныхъ своихъ отношеній въ видѣ неисповѣдимой, сверхестественной воли и слѣпо ей покоряться (какъ проповѣдуетъ и Толстой). Такое согласіе, конечно, позволяетъ людямъ кое-какъ существовать, но для нихъ, въ особенности же для личностей чуткихъ къ запросамъ души, «чувствительныхъ», жизнь эта нерѣдко хуже каторги. Въ противоположность этому, наше сознательное время открываетъ перспективу «общественнаго договора», достойнаго, наконецъ, своего имени—такого общественнаго договора, параграфы котораго составлялись бы не на основаніи учета печальныхъ необходимостей, отказа отъ лучшихъ запросовъ сердца, чтобы только-только какъ-либо продышать на этомъ свѣтѣ, въ безпросвѣтной, черной работѣ, не доѣдая, не допивая, какимъ-то живымъ трупомъ. Возникаетъ перспектива договора, на основѣ *высшихъ стремленій каждой личности* къ полному развитію заложенныхъ въ ней потребностей.

Дерзкая была это мысль, мысль о возможности такой ослѣпительно-новой формы договора. Для этого надо было осмѣлиться понять, что въ самомъ человѣчествѣ таится достаточно силъ не только для удовлетворенія существующихъ потребностей и желаній, но и для гораздо болѣе повышеннаго ихъ уровня. Эту difficulté, эту трудность и нашли въ себѣ смѣлость побѣ-

1) Таковъ взглядъ не только Руссо, но, по существу, и Толстого, ибо вѣдь и онъ говоритъ, что «стоитъ только измѣниться общественному мнѣнію, и все измѣнится».

дить теоретически Руссо и Толстой. Руссо уразумѣлъ, что вся трудность устранится, если всѣ люди, словно муравьи или кораллы, отдадутъ безъ остатка всѣ личныя силы въ пользу одного общаго цѣлаго, гдѣ роль каждаго человѣка—лишь нота въ общемъ аккордѣ. Тогда, конечно, объединенная дѣятельность всѣхъ несоизмѣримо умножаетъ возможности удовлетворенія для всѣхъ, слѣдовательно, и счастья для каждаго. Толстой же въ особенности уразумѣлъ другую гарантію тѣхъ же возможностей: со стороны нашего «я». Если каждое «я» будетъ видѣть въ каждомъ другомъ такую же драгоцѣнность, интересъ которой надо беречь и лелѣять не менѣе, если не болѣе, своего, то отсюда получится опять-таки неисчерпаемое увеличеніе источниковъ удовлетворенія для всѣхъ и счастія для каждаго.

Люди прежде не знали колоссальныхъ размѣровъ общихъ силъ, которыми они *потенціально* владѣютъ, и потому давали свое согласіе, скрѣпя сердце, на скупое, полуживотное существованіе. Понятно, что пробудившись отъ сна невѣжества, они съ тѣмъ большей охотой дадутъ согласіе на истинно-человѣческое счастіе, которое «такъ близко, такъ возможно». И надо прибавить, что послѣ Руссо народъ уже не разъ пробовалъ перейти къ этому новому счастью. Мы знаемъ, обо что разбились эти первыя попытки: объ экономическій вопросъ. Руссо не усчитывалъ еще всей острой силы этого подводнаго камня современности; онъ, кажется, надѣялся справиться съ нимъ простыми мѣрами «добраго управленія» (de la bonne politie; напр., въ его «Трактатѣ о политической экономіи», статьѣ изъ «Энциклопедіи»). Толстой, человѣкъ болѣе зрѣлаго вѣка, уже рѣшительно требуетъ проведенія равенства и въ экономической области. Но, увы, Толстой едва ли не хуже Руссо оріентировался въ крайней сложности современныхъ капиталистическихъ явленій; здѣсь онъ, можетъ быть, больше всего оставался старымъ бариномъ (ср. его «самобытныя» политико-экономическія теоріи въ «Такъ что же намъ дѣлать?»). И на долю другихъ народныхъ силъ выпадаетъ заслуга точнаго изслѣдованія этого рода тормазовъ къ реализаціи «общественнаго договора». Впрочемъ мы уже достаточно говорили объ историческихъ недомолвкахъ и обмолвкахъ учителя и ученика. Чтобы предупредить слишкомъ одностороннее отношеніе къ этимъ недочетамъ, я долженъ прибавить, что они—далеко не простой историческій «песокъ», годный только для того, чтобы вымыть изъ него «золото» общественно-цѣнныхъ идей. Нѣтъ, исторія—хозяйка изумительно практичная. Она, по примѣру гоголевскаго Костанжогло,

утилизируетъ и то, что на видъ слѣдовало бы, кажется, только бросить.

Старые мѣха, въ которые Руссо и Толстой льютъ свое вино новое, именно и способны привлекать къ нимъ тѣ медленно пробуждающіеся, застрявшіе въ тинѣ старинныхъ отношеній и формулъ слои массъ, которые не могли бы вынести яркаго свѣта чистой идеи народоправленія. Сѣтованіе на стремительно развивающуюся культуру, вздохи о временахъ, когда хлѣбныя зерна были съ человѣчью голову, а старики—моложе нынѣшнихъ молодыхъ (ср. сказки Толстого), призываніе небесной санкціи на скромныя земныя дѣла—все это какъ нельзя болѣе по плечу еще многимъ милліонамъ народа [1]). А въ то же время религія Толстого—самая раціональная, насколько это возможно для религіи, и самая объединяющая, ибо наиболѣе лишена конкретныхъ представленій о божествѣ и культѣ.

Нечувствительно многіе люди массы могутъ входить черезъ Руссо, и особенно Толстого, въ кругъ новыхъ идей. Жизнь, силою рѣзкой игры своихъ противоположностей, поможетъ имъ впослѣдствіи освободиться отъ формы, впервые ихъ привлекшей. Но, можетъ быть, наибольшее значеніе получаютъ инородные элементы толстовскихъ воззрѣній именно въ нашемъ отечествѣ. Здѣсь, послѣ недавней эпохи бурныхъ увлеченій политикой, для широкихъ массъ, повидимому, настало политическое похмѣлье. Проповѣдники чистой демократіи, пожалуй, долго принуждены будутъ на многихъ пунктахъ, сложа руки, отступать передъ этой повальной оскоминой къ политикѣ. И тутъ Толстой съ его «абсолютной» антиполитичностью, кто знаетъ? можетъ сыграть, вопреки ожиданіямъ, немалую роль.

Приверженцы его изъ народа, отмахиваясь отъ политики и въ то же время, напр., требуя земли «по Генри Джорджу», неизбѣжною логикой толстовскаго «голоса сердца» будутъ приведены, въ концѣ концовъ, къ тому, отъ чего бѣжали. Возможно, конечно, и тутъ сектантство другого рода, въ средѣ того стариннаго крестьянства, которое, подобно части духоборовъ, умирая, съ непримиримой враждебностью глядитъ на непонятное движеніе жизни вокругъ него.

А. Дивильковскій.

---

[1]) Въ особенности это нужно отнести, быть можетъ, къ Востоку, о которомъ съ такой симпатіей отзывается Толстой въ брошюрѣ о русской революціи.

ПѢСНЯ.

(Изъ М. Конопницкой).

Полетѣли пѣсни-пташки мои,
Понесли привѣтъ,
Постучалися въ оконцо твое,—
А тебя ужъ нѣтъ...

И слетѣлись пѣсни-пташки мои,
Въ ночь унылую,
Тамъ, гдѣ ива клонитъ вѣтви свои
Надъ могилою.

И однѣ припали къ сердцу земли—
Росы-слезы пьютъ,
А другія въ люди скорбь понесли—
Кровь по каплѣ льютъ...

А. Колтоновскій.

НА РУБЕЖѢ.

I.

Въ ясный майскій день 1877-го года я, Стефановичъ и Фесенко направились въ какой-то трактиръ вблизи Николаевскаго вокзала, чтобы закусить и за одно потолковать объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

До того дня я съ Фесенко не видѣлся въ теченіе года. Между тѣмъ въ моей жизни за это время случилось чрезвычайно крупное происшествіе: въ маѣ 1876 г. я принялъ участіе въ неудавшемся, покушеніи на жизнь ренегата Николая Гориновича, почему полиція очень энергично меня разыскивала. Но я, переѣзжая изъ города въ городъ, продолжалъ, въ качествѣ «нелегальнаго», вращаться на югѣ, гдѣ меня многіе хорошо знали въ лицо, а потому я легко могъ попасть въ руки властей.

Понимая, какому риску я подвергаюсь, мой другъ Фесенко, жившій въ то время въ Петербургѣ, прислалъ мнѣ въ Одессу письмо, въ которомъ настоятельно убѣждалъ меня немедленно уѣхать за-границу, для чего препроводилъ необходимую на эту поѣздку сумму денегъ, а также двѣ рекомендательныя записки къ нѣкоторымъ извѣстнымъ эмигрантамъ.

Но я самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонилъ это предложеніе, такъ какъ, подобно другимъ революціонерамъ той эпохи, считалъ отъѣздъ въ эмиграцію чуть ли не «измѣной святому дѣлу освобожденія народа», проявленіемъ «недостойнаго малодушія», а то и «трусости». Поэтому, когда во время упомянутой выше прогулки Фесенко предложилъ намъ зайти въ трак-

тиръ, чтобы потолковать серьезно о нашемъ положеніи, мнѣ не трудно было догадаться, что онъ имѣетъ въ виду нашу поѣздку за-границу. Такъ оно и оказалось.

Лишь только половой, поставивъ все нами заказанное на отдѣльный столикъ, удалился, Фесенко приступилъ къ дѣлу. Онъ приводилъ разные доводы въ пользу моей и Стефановича поѣздки, доказывалъ всю безразсудность съ нашей стороны, оставаться въ Россіи, гдѣ насъ каждый часъ могли арестовать, а затѣмъ на долгіе годы, если не на всегда, отправить на каторгу.

— Подумайте, въ ваши годы,—тебѣ, вѣдь, двадцать одинъ,—сказалъ онъ мнѣ,—а вамъ, сколько?—обратился онъ къ Стефановичу, котораго видѣлъ въ первый разъ.

— Мнѣ двадцать три,—отвѣтилъ тотъ.

— И въ эти годы быть столь равнодушными къ жизни!—воскликнулъ Фесенко.—Попасть на каторгу значитъ проститься не только со свободой, но и съ жизнью.

Дѣйствительно, въ описываемое время всѣ мы такъ смотрѣли на приговариваемыхъ въ каторжныя работы; оттуда, полагали мы, никто никогда не вернется.

— Между тѣмъ,—продолжалъ убѣждать насъ болѣе пожилой и опытный, чѣмъ мы, Фесенко,—поживши нѣкоторое время за-границей, вы заметете за собою слѣды, васъ перестанутъ усиленно разыскивать, вы и наружно нѣсколько измѣнитесь, да и самое пребываніе тамъ принесетъ вамъ большую пользу.

— Какую?—спросилъ я не безъ усмѣшки, потому что на основаніи разсказовъ лицъ, побывавшихъ за-границей, я, какъ и другіе тогдашніе крайніе революціонеры, составилъ себѣ самое нелестное представленіе о вліяніи западно-европейской жизни на нашихъ эмигрантовъ.

— Вы поучитесь, увидите новыя страны и условія; могу дать вамъ рекомендаціи въ Лондонъ, если захотите поѣхать туда, чтобы познакомиться съ Марксомъ и Энгельсомъ. Наконецъ, вы убѣдитесь, все ли вы отрицали въ современномъ строѣ, что слѣдуетъ отрицать.

Послѣдній доводъ Фесенко въ пользу нашей поѣздки показался мнѣ и Стефановичу до того курьезнымъ, что мы оба разсмѣялись.

— Для этого намъ не нужно ѣхать за-границу,—сказалъ я:—мы и теперь уже все отрицаемъ въ современномъ строѣ.

Не соблазняла насъ возможность поучиться на свободѣ, при благопріятныхъ для того условіяхъ, потому что, какъ истинные послѣдователи Бакунина, мы находили, что имѣвшихся у

насъ свѣдѣній болѣе чѣмъ достаточно, чтобы «вызвать бунтъ среди крестьянъ»,—не обладавшихъ даже и частью тѣхъ знаній, какія мы имѣли. Не прельщала насъ и перспектива знакомства съ Марксомъ и Энгельсомъ, къ которымъ, въ качествѣ убѣжденныхъ бакунистовъ, мы относились совершенно отрицательно, не потрудившись, конечно, познакомиться съ ихъ сочиненіями. Не пугала насъ и возможность очутиться на каторгѣ, такъ какъ мы давно уже привыкли къ мысли, что рано или поздно намъ ея не миновать. Всѣ доводы и соображенія искренно расположеннаго къ намъ Фесенко не произвели на насъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, потому что мы съ нимъ разно чувствовали, разно были тогда настроены. Къ различіямъ въ возрастахъ, въ характерахъ и развитіи присоединялось еще слѣдующее обстоятельство.

Какъ разъ въ то именно лѣто Стефановичъ, вмѣстѣ со мною, и Бохановскимъ, затѣялъ сдѣлавшійся вскорѣ очень извѣстнымъ Чигиринскій заговоръ, съ подложной царской грамотой, и въ Петербургъ мы пріѣхали лишь за тѣмъ, чтобы тѣснѣе связаться съ Сѣверной организаціею («Троглодитами»), отъ которой, въ случаѣ возстанія въ Кіевской губ., мы разсчитывали получить поддержку, какъ личными участниками, такъ и въ видѣ матеріальныхъ средствъ. Эта организація, въ число членовъ которой входилъ тогда обладавшій большимъ имуществомъ Дм. Лизогубъ, считалась богатой.

Обо всемъ этомъ ничего не зналъ Фесенко: хотя лично мы питали къ нему полное довѣріе, но по «конспиративнымъ» правиламъ мы не могли посвятить его въ нашъ планъ, разъ намъ было извѣстно, что онъ не приметъ въ немъ участія. Поэтому нашъ категорическій отказъ отъ его предложенія поѣхать заграницу былъ ему совершенно непонятенъ и казался не совсѣмъ логичнымъ, чуть ли не безумнымъ упрямствомъ.

— Попадетесь, пожалѣете, что отказались!—сказалъ онъ, истощивъ всѣ аргументы.

То было наше послѣднее съ нимъ свиданіе. Сказанныя имъ на прощанье слова мнѣ, дѣйствительно, вскорѣ вспомнились.

II.

Прошло три съ чѣмъ-то мѣсяца—и въ первыхъ числахъ сентября того же года меня, Стефановича, Бохановскаго и еще восемь человѣкъ изъ интеллигентной молодежи арестовали по обвиненію въ подготовкѣ возстанія среди крестьянъ Чигиринскаго

уѣзда. Одновременно съ нами было арестовано около тысячи крестьянъ.

На одномъ изъ первыхъ допросовъ вскорѣ затѣмъ прославившійся товарищъ прокурора Котляревскій сообщилъ мнѣ и Стефановичу, что въ виду военнаго времени,—тогда происходила русско-турецкая кампанія,—генералъ-губернаторъ Чертковъ намѣренъ предать насъ военному суду.

— Васъ, главныхъ зачинщиковъ навѣрно приговорятъ, къ смерти и казнятъ,—счелъ нужнымъ прибавить въ сущности совсѣмъ не злой отъ природы и очень неглупый Котляревскій; но таково уже, видно, вліяніе профессіи, что она побуждаетъ къ ненужному, излишнему «усердію», а, слѣдовательно, и къ жестокости.

Теперь я не могу въ точности возстановить въ памяти, какое впечатлѣніе произвело на меня это сообщеніе товарища прокурора. Кажется, скорѣе радостное, чѣмъ печальное: «лучше сразу конецъ, чѣмъ долгое, медленное умираніе на каторгѣ»,—навѣрно думалъ я. Къ этому соображенію вѣроятно присоединялось еще и лестное для молодого честолюбія представленіе, что вотъ меня «постигнетъ такая же участь, какъ Пестеля, Рылѣева и другихъ борцовъ и мучениковъ»...

Но, на ряду съ этими соображеніями, приходили, помню, на умъ и другія. Дѣлая три шага впередъ и назадъ по крохотной одиночкѣ, я иногда думалъ, что, въ сущности, погибну ни за что. Исходомъ Чигиринскаго заговора никто изъ насъ не былъ доволенъ, и погибнуть за это именно дѣло не могло казаться заманчивымъ. Невольно приходилъ на память весь пройденный мною тогда недолгій жизненный путь...

Кажется, нигдѣ человѣкъ не предается такъ часто воспоминаніямъ, какъ въ одиночномъ заключеніи. Оно и понятно: отсутствіе впечатлѣній въ настоящемъ естественно заставляетъ переноситься мысленно въ прошлое. Эта же причина развиваетъ въ заключенномъ склонность заноситься въ будущее и строить относительно его самые радужные, воздушные замки.

Въ этомъ отношеніи я, конечно, не составлялъ исключенія. Мнѣ также приходили на память всевозможные, крупные и мелкіе факты изъ прошлаго и, между прочимъ, не разъ вспоминалась и описанная бесѣда наша съ Фесенко въ петербургскомъ трактирѣ.

«Что, собственно, хотѣлъ онъ сказать своей фразой: «всели вы отрицаете, что нужно?»—спрашивалъ я себя.

Будучи на волѣ, я совершенно не останавливался на доводахъ Фесенко въ пользу заграничной поѣздки: не до того было.

Но, очутившись въ одиночкѣ, можетъ быть отчасти также подъ вліяніемъ словъ Котляревскаго о военномъ судѣ, я вновь и вновь возвращался къ нашей бесѣдѣ съ Фесенко и къ его предсказанію, что пожалѣемъ, зачѣмъ отказались отъ поѣздки за-границу.

«Неужели въ двадцать два года уже разстаться съ жизнью, ничего почти не сдѣлавъ и не увидавъ?»—приходило не разъ на мысль. Голова усиленно начинала работать надъ всевозможными, въ большинствѣ случаевъ фантастическими планами побѣга изъ тюрьмы.

«Ну вотъ, если теперь попаду на волю, непремѣнно отправлюсь за-границу! Чистѣйшій предразсудокъ, будто искренній, послѣдовательный революціонеръ не долженъ туда ѣздить: плохъ тотъ бакунистъ, котораго такая поѣздка можетъ испортить!»

Эти мысли являлись, въ сущности, первой брешью въ прочномъ, стойкомъ «бунтарскомъ» моемъ «міровоззрѣніи». Начавшись съ такихъ вполнѣ естественныхъ соображеній, онѣ по законамъ логики развивались далѣе и привели къ совершенно новымъ заключеніямъ.

Естественное въ моемъ возрастѣ и при моихъ условіяхъ страстное желаніе очутиться вновь на волѣ очень скоро осуществилось самымъ реальнымъ образомъ: спустя девять мѣсяцевъ послѣ ареста, 6 мая 1878 г., меня, Стефановича и Бохановскаго, Фроленко вывелъ изъ тюрьмы, подъ видомъ часовыхъ [1]).

III.

Къ плану отправиться за-границу безъ малѣйшихъ колебаній присоединились мои товарищи—Стефановичъ и Бохановскій. Но, раньше чѣмъ осуществить это намѣреніе, всѣ мы находили необходимымъ окунуться въ водоворотъ общественной жизни, т. е. предварительно прожить нѣсколько недѣль въ Петербургѣ.

За короткое время, проведенное нами въ заключеніи, въ Россіи произошло много крупныхъ событій, и наилучшее представленіе о нихъ, намъ казалось, можно было себѣ составить, очутившись въ столицѣ. Къ тому же и переправиться «нелe-

[1]) Подробности объ этомъ—въ моихъ «Четырехъ побѣгахъ», сбор. «Знаніе» № 2[illegible], въ «Подпольной Россіи» Степняка и въ разсказѣ Фроленки: «Моя служба ключникомъ».

гальнымъ путемъ» за-границу удобнѣе всего было при содѣйствіи Сѣверной организаціи, у которой прекрасно было поставлено это дѣло.

Не останавливаясь ни на минуту въ Кіевѣ, мы прямо изъ тюрьмы отправились на берегъ Днѣпра и, сѣвъ въ приготовленную намъ товарищами лодку, проплыли до Кременчуга, а оттуда по желѣзной дорогѣ черезъ Харьковъ пріѣхали въ первыхъ числахъ іюня въ Петербургъ.

Наши ожиданія относительно общественнаго настроенія столицы вполнѣ оправдались: оно было чрезвычайно приподнятое, что обусловливалось многими происшедшими незадолго предъ тѣми крупными событіями. Хотя всѣ они должны быть хорошо извѣстны большинству читателей, знакомыхъ съ прошлымъ нашего освободительнаго движенія, тѣмъ не менѣе, полагаю, не будетъ излишнимъ, въ виду дальнѣйшаго, коснуться здѣсь этихъ обстоятельствъ.

31-го марта 1878-го года въ Петербургскомъ окружномъ судѣ присяжными засѣдателями была оправдана Вѣра Засуличъ, стрѣлявшая въ градоначальника Трепова, который подвергъ тѣлесному наказанію политическаго арестанта Боголюбова (Емельянова). Оправданіе это было встрѣчено ликованіемъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества.

Незадолго передъ этимъ небывалымъ въ Россіи событіемъ произошло другое: особое присутствіе сената съ сословными представителями постановило сравнительно легкій приговоръ подсудимымъ по такъ называемому «Большому процессу» (193-хъ): многіе изъ нихъ были оправданы, другимъ многолѣтнее предварительное заключеніе было зачтено въ наказаніе, и они были освобождены изъ тюрьмы; только нѣсколько человѣкъ приговорены были къ ссылкѣ на поселеніе и въ каторжныя работы; но и относительно послѣднихъ судъ ходатайствовалъ о замѣнѣ этихъ наказаній болѣе мягкими. Ни у кого не было сомнѣній, что ходатайство это,—какъ то всегда случалось,—будетъ уважено. Однако, возмущенное неожиданнымъ исходомъ процесса Засуличъ правительство на этотъ разъ пошло противъ установившагося обычая: приговоръ суда не былъ смягченъ. Такимъ образомъ, на лицахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ Засуличъ, правительство выместило свое недовольство вердиктомъ присяжныхъ. Главнымъ виновникомъ этого исхода ходатайства особаго присутствія сената революціонеры считали тогдашняго шефа жандармовъ, генерала Мезенцова.

Этимъ не ограничились послѣдствія дѣла Засуличъ: выстрѣлъ

ея явился сигналомъ къ первымъ насильственнымъ актамъ, происшедшимъ въ томъ же году и послужившимъ началомъ такъ называемой «террористической борьбы».

Въ февралѣ 1878 г. Ив. Ковальскій съ товарищами оказалъ въ Одессѣ вооруженное сопротивленіе жандармамъ, явившимся къ нему для производства обыска въ его квартирѣ. Въ Кіевѣ Валеріанъ Осинскій съ товарищами совершилъ покушеніе на тов. прокурора Котляревскаго, а затѣмъ ими же былъ убитъ на улицѣ жандармскій адъютантъ, баронъ фонъ-Гейкингъ. Подъ Харьковомъ члены Сѣверной организаціи сдѣлали попытку отбить перевозимаго въ центральную каторжную тюрьму Войнаральскаго, одного изъ осужденныхъ по большому процессу, за котораго тщетно ходатайствовало особое присутствіе сената.

Эти и другія происшествія, напр. «мартовскіе безпорядки» среди студентовъ кіевскаго университета, въ сильной степени наэлектризовали тогдашнихъ революціонеровъ. Да и не насъ однихъ: вся прогрессивная часть общества полна была радужныхъ ожиданій, что вполнѣ понятно, такъ какъ то было вскорѣ послѣ благополучно закончившейся турецкой кампаніи.

«Разъ братушки, благодаря пролитой нашими солдатами крови, получили политическую свободу, немыслимо, чтобъ у насъ все оставалось по старому, безъ измѣненій»,—приходилось слышать отъ мирныхъ обывателей. И многіе изъ нихъ чуть не со дня на день ждали манифеста о «завершеніи зданія», подъ чѣмъ на эзоповскомъ языкѣ подразумѣвался тогда созывъ земскаго собора.

Конечно, огромное большинство умѣренно настроеннаго общества ограничивалось лишь выраженіемъ «промежъ себя», въ дружеской бесѣдѣ за стаканомъ чая, подобныхъ надеждъ и предположеній! Все же нѣкоторые, — правда, очень немногіе,— не прочь были и отъ кое-какихъ активныхъ, рискованныхъ шаговъ, что отчасти проявлялось тогда въ прессѣ, впрочемъ, лишь въ праздничные ея дни — тотчасъ вслѣдъ за оправданіемъ Вѣры Засуличъ. Но когда за напечатаніе письма Засуличъ, протестовавшей противъ административнаго произвола, была закрыта издававшаяся В. Ѳ. Коршемъ газета «Сѣверный Вѣстникъ», — органы печати снова заговорили «эзоповскимъ языкомъ».

Въ нѣкоторыхъ городахъ, преимущественно на югѣ—въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ—представители либеральной части общества не прочь были даже вступить въ кое-какія соглашенія съ революціонерами, для совмѣстной борьбы за политическую свободу. Если память мнѣ не измѣняетъ, такое соглашеніе не

состоялось, главнымъ образомъ, по винѣ южныхъ бунтарей: кажется, мои тогдашніе единомышленники, въ качествѣ рѣшительныхъ отрицателей всякой «государственной власти» и какой-бы то ни было «формы правленія», нашли невозможнымъ содѣйствовать тому, чтобы «г.г. либералы получили конституцію, а, слѣдовательно, за одно съ буржуазіей, угнетали бы народъ «усовершенствованнымъ способомъ». Валеріанъ Осинскій признавалъ въ то время необходимымъ начать систематическую борьбу для завоеванія политической свободы, но онъ оказался буквально въ единственномъ числѣ: внесенное имъ въ этомъ смыслѣ на обсужденіе членовъ Сѣверной организаціи предложеніе въ концѣ лѣта 1878 г. было всѣми отвергнуто самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Какъ бы то ни было, но по многимъ признакамъ чувствовалось, что начинается нѣчто новое, происходитъ какой-то переломъ. Никто изъ дѣйствовавшихъ лицъ, изъ непосредственныхъ участниковъ еще не замѣчалъ начавшагося процесса и тѣмъ менѣе былъ въ состояніи дать себѣ отчетъ, происходитъ ли измѣненіе лишь въ тактикѣ или также и въ основныхъ воззрѣніяхъ тогдашнихъ революціонеровъ.

Намъ со Стефановичемъ, столь неожиданнымъ образомъ очутившимся вновь въ Петербургѣ, не могла не броситься въ глаза произошедшая за этотъ короткій періодъ времени перемѣна. Но, какъ и другіе, мы склонны были приписывать ее всецѣло подъему въ общественномъ настроеніи, вызванному дѣломъ Засуличъ. Само собою разумѣется, что не однимъ лишь этимъ дѣломъ обусловливался указанный подъемъ.

IV.

Многіе члены Сѣверной организаціи продолжали пребывать въ деревняхъ, завязывая тамъ связи съ крестьянами, но, по тѣмъ или инымъ причинамъ, нѣкоторые изъ нихъ все чаще стали появляться въ столицахъ и, вообще, въ крупныхъ городахъ. По прибытіи въ Петербугъ, мы тамъ застали Кравчинскаго, Оболешина, Ольгу Натансонъ, Александра Хотинскаго, Бердникова и Трощанскаго, къ которымъ вскорѣ присоединились Александръ Михайловъ, Александръ Квятковскій, Адріанъ Михайловъ и Баранниковъ. Если принять во вниманіе, что число активныхъ членовъ этого, какъ и всякаго, вообще тайнаго общества не могло быть очень большимъ, то уже одинъ фактъ пребыванія лѣтомъ

столь значительнаго контингента выдающихся членовъ въ одномъ только Петербургѣ могъ навести но кое-какія размышленія и соображенія. По тѣмъ или инымъ причинамъ, но несомнѣнно «народникамъ», признававшимъ, согласно программѣ, необходимымъ работать преимущественно среди крестьянъ, не сидѣлось въ деревняхъ. Оно и понятно: результаты этой дѣятельности были проблематичны и сама она сопряжена была со всевозможными трудностями, лишеніями, тяжелыми разочарованіями,— а въ городахъ, особенно въ столицахъ, жизнь шла ускореннымъ темпомъ, чуть не каждый день приносилъ новыя, разнообразныя впечатлѣнія, чувствовалось нѣчто особенное, еще небывалое, не вполнѣ понятное и объяснимое.

Взять хотя бы то обстоятельство, что, благодаря сравнительно мягкому приговору по Большому процессу, многіе подсудимые сразу очутились на волѣ, въ Петербургѣ. На небольшихъ квартирахъ устраивались собранія, на которыхъ происходили оживленные дебаты, конечно—по поводу дѣятельности въ народѣ, по поводу господствующаго въ странѣ произвола администраціи и т. п. Полиція нѣкоторое время не препятствовала такимъ собраніямъ; случалось, извощики стояли у домовъ, гдѣ они происходили, въ ожиданіи сѣдоковъ. Но заботливое о благополучіи россійскихъ гражданъ третье отдѣленіе вскорѣ положило конецъ этимъ «вольностямъ»: людей, проведшихъ многіе годы въ тюрьмахъ и петропавловской крѣпости и признанныхъ даже исключительнымъ судомъ невиновными, стали массами отправлять въ административную ссылку. Туда же отправили и немало свидѣтелей по этому процессу. Столь жестокая, произвольная мѣра не могла, конечно, вызвать добрыхъ чувствъ къ попечительному начальству.

Въ описываемое лѣто, какъ никогда раньше въ такихъ размѣрахъ, стали совершаться побѣги изъ мѣстъ ссылки. Очень часто, чуть ли не еженедѣльно начали прибывать высланные въ административномъ порядкѣ. Иногда одновременно удавалось бѣжать нѣсколькимъ ссыльнымъ. Это обстоятельство, кромѣ естественнаго чувства радости и оживленія, вносило въ революціонную среду нѣчто новое, также въ немалой степени повліявшее на измѣненіе, казалось, прочно установившагося характера дѣятельности: у людей, проведшихъ нѣсколько лѣтъ въ мѣстахъ заключенія, въ большинствѣ случаевъ—при чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ, затѣмъ очутившихся въ ссылкѣ, откуда имъ иногда чудеснымъ образомъ удавалось бѣжать, при самомъ восторженномъ, пылкомъ отношеніи къ народу и дѣятельности

въ его средѣ, не могло быть желанія сразу устремиться въ деревню. У такихъ людей вполнѣ естественно было, наоборотъ, желаніе пожить сперва въ городахъ, узнать «новости», послушать, повидать товарищей. Къ тому же,—нечего грѣха таить,—у большинства изъ посидѣвшихъ по нѣскольку лѣтъ въ тюрьмахъ улетучилось, въ значительной степени, восторженное отношеніе къ народу, а слѣдовательно и къ дѣятельности въ деревнѣ.

Бѣжавшіе изъ административной ссылки, увеличили контингентъ такъ называемыхъ «нелегальныхъ». Одно это обстоятельство не могло не повліять на дальнѣйшій ходъ революціоннаго движенія.

Слой «нелегальныхъ», кажется, присущъ почти всецѣло нашему освободительному движенію. По крайней мѣрѣ, на сколько мнѣ знакома исторія западно-европейскихъ странъ, эта, если можно такъ выразиться, разновидность революціонеровъ нигдѣ не насчитывала такого значительнаго контингента, нигдѣ этотъ слой дѣятелей не сыгралъ такой крупной роли въ общественной жизни, какъ у насъ, начиная съ послѣдней четверти минувшаго столѣтія почти вплоть до нашихъ дней. Между тѣмъ не могу припомнить, чтобы въ печати попадалось что-либо спеціально посвященное «нелегальнымъ». Думаю, не излишнимъ будетъ, поэтому, сказать здѣсь о нихъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ самому немало лѣтъ пришлось прожить въ качествѣ «нелегальнаго».

Возникновеніе обычая проживать съ чужимъ или фальшивымъ документомъ, конечно, обусловливалось существующей только у насъ паспортной системой. Съ давнихъ временъ онъ практиковался разными протестующими и преслѣдуемыми слоями населенія—сектантами, уголовными, бродягами. Интеллигентная молодежь несомнѣно у народа заимствовала этотъ пріемъ еще въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Но сначала лишь отдѣльныя лица, да и то въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, прибѣгали къ проживанію подъ чужими именами. Начавшееся въ 70-хъ годахъ «хожденіе въ народъ» вызвало необходимость пользоваться въ сравнительно широкихъ размѣрахъ фальшивыми, преимущественно крестьянскими паспортами. Отсюда не далеко уже было и до появленія «нелегальнаго» революціонера.

Когда, послѣ извѣстнаго погрома пропагандистовъ лѣтомъ 1874 г., нѣсколько десятковъ лицъ остались неразысканными, то часть ихъ, незначительная, скрылась за-границу, большинство же осталось въ Россіи. Но такъ какъ списки съ обозначеніемъ ихъ именъ, а отчасти и примѣтъ, были третьимъ отдѣленіемъ всюду разосланы, то розыскиваемыя полиціею лица вынуждены были прибѣгнуть къ фальшивымъ паспортамъ, съ которыми воз-

можно было проживать въ городахъ, вращаясь среди молодежи и въ обществѣ. Таковы, въ немногихъ словахъ, условія, вызвавшія появленіе у насъ «нелегальныхъ».

Вскорѣ практика показала, что «нелегальное существованіе» не только не стѣснительно, но, при господствовавшихъ въ Россіи порядкахъ, представляетъ много удобствъ и даже преимуществъ: «легальнымъ» людямъ легче было скомпрометироваться и попасть въ руки властей, такъ какъ ихъ имена скорѣе становились извѣстными полиціи. Къ тому же у «нелегальнаго» имѣлся всегда въ запасѣ второй, а то и третій фальшивый паспортъ. Скомпрометировавъ одинъ документъ, «нелегальный», безъ всякаго труда и риска, переѣзжалъ въ другой городъ, а то лишь на другую квартиру, гдѣ прописывался подъ новымъ паспортомъ. Благодаря легкости въ перемѣнѣ документа, а, слѣдовательно, и мѣстожительства, званія или профессіи, нѣкоторымъ «нелегальнымъ» удавалось продержаться, несмотря на энергичные розыски ихъ полиціей, по 3—4, а то и больше лѣтъ. Михаилъ Фроленко, напр., не уѣзжая ни разу за-границу, просуществовалъ на нелегальномъ положеніи цѣлыхъ шесть лѣтъ, что не случалось рѣшительно ни съ кѣмъ изъ легально проживавшихъ революціонеровъ.

Не вѣрно представленіе тѣхъ, кто предполагаютъ, будто «нелегальный» скрывался отъ постороннихъ лицъ, никуда не показывался, «таился въ подпольѣ». Наоборотъ, «нелегальный» всюду, гдѣ находилъ нужнымъ, показывался, завязывалъ сношенія въ обществѣ, выступалъ на сходкахъ и т. п. Многимъ изъ встрѣчавшихся съ нимъ бывало извѣстно, что онъ—«нелегальный», и одно уже это обстоятельство поднимало его фонды и значеніе.

Когда съ теченіемъ времени контингентъ «нелегальныхъ», разросся, и нерѣдко даже цѣлые кружки состояли изъ такихъ лишь членовъ, создалась особая психологія этого разряда революціонеровъ. Нелегальное существованіе вырабатывало полнѣйшее равнодушіе ко всему будничному, матеріальному. «Нелегальный», нерѣдко незнавшій, гдѣ проведетъ онъ ближайшую ночь, въ буквальномъ смыслѣ не имѣлъ никакихъ вещей и платья, кромѣ бывшихъ на немъ и въ его карманахъ.

Бродячій образъ жизни, неопредѣленность существованія и постоянное ожиданіе ареста, развивали въ «нелегальномъ» стремленіе скорѣе сдѣлать что-нибудь замѣтное, крупное. Отсюда же возникала у него и жажда сильныхъ ощущеній, охота къ рискованнымъ, опаснымъ предпріятіямъ. Поэтому, «нелегальный» въ большинствѣ случаевъ являлся очень смѣлымъ и отважнымъ рево-

люціонеромъ, готовымъ въ любой моментъ примкнуть къ самому отчаянному предпріятію, въ которомъ легко было ему сложить свою буйную голову.

Само собою разумѣется, что въ возникновеніи этой психологіи отчаянія немалую роль съигралъ господствовавшій въ странѣ строй, съ произволомъ и злоупотребленіями съ ужасными тюремными порядками.

При указанномъ настроеніи «нелегальнаго», нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что къ концу 70-хъ годовъ его не тянуло въ народъ. Жизнь въ деревнѣ требовала большой выдержки и постоянства, привычки и охоты къ спокойной, мирной, будничной работы изо дня въ день. Между тѣмъ, душа «нелегальнаго», въ большинствѣ случаевъ, стремилась, къ другой обстановкѣ и сферѣ дѣятельности.

Поэтому, хотя «народническія» воззрѣнія, которыхъ придерживался «нелегальный», говорили ему про необходимость работать, главнымъ образомъ, въ деревнѣ, среди народа—крестьянъ, казаковъ, сектантовъ,—но чувство и настроеніе тянуло его въ городъ.

Въ возникновеніи такого диссонанса между психологіей тогдашняго революціонера и народнической программой, которой онъ придерживался, не послѣднюю роль сыграло и наступившее съ середины 70-хъ годовъ разочарованіе въ народѣ и въ плодотворности дѣятельности въ его средѣ.

Не желая, въ большинствѣ случаевъ, даже себѣ самимъ сознаться въ обманутыхъ надеждахъ на народъ и въ постигшемъ насъ въ его средѣ почти полномъ пораженіи, мы, сами того не сознавая, подогрѣвали себя и свою вѣру въ крестьянъ, придумывая разныя поправки и дополненія, результатомъ чего, въ концѣ концовъ, и явилась такъ называемая «народническая программа».

У многихъ южныхъ «бунтарей» значительно раньше, чѣмъ у сѣверянъ, развился скептицизмъ относительно плодотворности дѣятельности среди крестьянъ. На сѣверѣ несовмѣстимость «народнической программы» съ настроеніемъ революціонеровъ особенно рельефно обнаружилась только съ лѣта 1878 г., когда жизнь забила ключемъ въ городахъ и когда съ замѣтнымъ увеличеніемъ числа «нелегальныхъ» не только не возобновился приливъ въ деревни народниковъ, но, наоборотъ, сталъ замѣчаться отливъ ихъ оттуда.

Невѣрно, поэтому, утвержденіе нѣкоторыхъ, будто лишь покушеніе Соловьева на Александра II-го и вызванный этимъ погромъ поселеній Сѣверной организаціи на Волгѣ послужили

причиной бѣгства изъ деревень. Это обстоятельство было лишь послѣдней каплей, переполнившей чашу.

V.

Въ Петербургѣ мы со Стефановичемъ сразу попали въ среду членовъ Сѣверной организаціи. Какъ я уже упомянулъ выше, съ «троглодитами» мы, «чигиринцы», вступили въ обязательныя, федеративныя, отношенія съ весны 1877-го года. Въ то время мы были чуть ли не единственными или, во всякомъ случаѣ, одними изъ первыхъ среди южныхъ «бунтарей», которые связались болѣе или менѣе тѣсными узами съ сѣверными «народниками». Хотя ни по программѣ, ни по тактическимъ пріемамъ между «бунтарями» и «народниками» не было почти никакихъ разногласій, тѣмъ не менѣе въ описываемое мною время заключенный нами договоръ съ «троглодитами» являлся необычнымъ, въ нѣкоторомъ родѣ даже оппозиціоннымъ актомъ.

Дѣло въ томъ, что у наиболѣе ярыхъ южныхъ бакунистовъ еще въ началѣ 70-хъ годовъ существовало болѣе или менѣе скептическое или критическое отношеніе къ сѣверянамъ. Нерасположенные ни къ какой организаціи и дисциплинѣ, «бунтари» признавали сѣверянъ,—еще со временъ господства чайковщины,—«формалистами», «централистами», а также въ значительной степени «мирными культуртрегерами», что, тогда считалось бранными эпитетами. У иныхъ южанъ отрицательное отношеніе къ сѣверянамъ въ серединѣ 70-хъ годовъ доходило до того, что они не только сами никогда не ѣздили въ столичные города, но неодобрительно относились къ тѣмъ изъ своихъ единомышленниковъ, которые это дѣлали, такъ какъ, молъ, «ничего путнаго» извлечь изъ такихъ поѣздокъ «бунтарь» не могъ. Къ концу 70-хъ гг. такой провинціализмъ или мѣстный патріотизмъ началъ исчезать, но все же у нѣкоторыхъ южанъ удержался взглядъ, что сѣверяне «черствые, прозаичные», что нѣтъ у нихъ «души». Себя южане склонны были считать «романтиками», съ «душой нараспашку».

Между тѣмъ, мое и Стефановича непосредственное знакомство съ «троглодитами» въ значительной степени измѣнило предвзятое мнѣніе, составившееся и у насъ относительно сѣверянъ. По крайней мѣрѣ тѣ изъ членовъ Сѣверной организаціи, съ которыми мы познакомились весной 1877-го года—Маркъ Андрее-

вичъ Натансонъ, Валеріанъ Осинскій, Баранниковъ, Оболешинъ, не говоря уже о Лизогубѣ, котораго я давно зналъ,—произвели на насъ самое благопріятное впечатлѣніе. Оказалось, что и темпераментъ, и «душа» у нихъ имѣются; къ тому же мы замѣтили у нихъ черты, хотя и отличавшія ихъ отъ южанъ, но говорившія больше въ ихъ, чѣмъ въ нашу, пользу. Такъ, сѣверяне производили впечатлѣніе болѣе стойкихъ, постоянныхъ и положительныхъ людей, чѣмъ южане.

Какъ и у многихъ вообще въ тѣ времена, у «троглодитовъ» составилось о «бунтаряхъ» представленіе, какъ о людяхъ отважныхъ, на все готовыхъ «головорѣзахъ», отчаянныхъ молодцахъ. И такая, въ сущности далеко нелестная репутація, помнится, нравилась намъ, южанамъ.

Нашъ удачный, казавшійся тогда чуть не сказочнымъ по замыслу и выполненію, побѣгъ изъ тюрьмы, въ связи съ отчаяннымъ по дерзости Чигиринскимъ заговоромъ, въ значительной степени усилилъ указанную репутацію южанъ. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали и всѣ тѣ насильственные акты, которые произошли на югѣ въ томъ же году. Да и самое крупное событіе—дѣло Вѣры Засуличъ—совершилось не безъ вліянія южанъ: хотя она задумала и осуществила свое предпріятіе совершенно самостоятельно, внѣ связи съ какой-либо организаціею, все же она предъ тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ прожила на югѣ среди «бунтарей».

Троглодиты отнеслись къ намъ тепло, просто, какъ къ старымъ товарищамъ, словно мы были давними членами ихъ организаціи. У нихъ не было отъ насъ тайнъ; мы сразу получили отъ нихъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ предпріятіяхъ ихъ и планахъ. Это посвященіе насъ въ положеніе дѣлъ дало намъ возможность, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, быстро оріентироваться, войти въ курсъ дѣлъ, такъ какъ уже въ то время Сѣверная организація сосредоточила въ своихъ рукахъ нити всевозможныхъ предпріятій, затѣвавшихся въ разныхъ мѣстностяхъ страны.

Въ то время какъ мы, южане, не умѣли, да и не старались объединить хотя бы только разбросанные въ южныхъ городахъ кружки бакунистовъ—«троглодиты», чуть ли не съ момента ихъ появленія на сѣверѣ, поставили себѣ цѣлью сплотить, привлечь въ свою организацію всѣхъ наиболѣе активныхъ революціонеровъ, имѣвшихся тогда въ Россіи. И къ концу 70-хъ годовъ они почти добились этого. Правда, на югѣ продолжали еще существовать необъединенныя даже между собою

группы и кружки «бунтарей»; но и они, въ большей или меньшей степени находились въ связи съ сѣверной организаціей черезъ посредство выдающагося по энергіи дѣйствовавшаго на югѣ члена этого общества—неутомимаго Валеріана Осинскаго.

Иниціатива сплоченія во-едино всѣхъ активныхъ силъ принадлежала очень популярному въ тѣ времена Марку Андреевичу Натансону, положившему основаніе организаціи «чайковцевъ» еще въ концѣ 60-хъ годовъ. Къ его имени, поэтому, нѣкоторые прилагали эпитетъ «собиратель земли русской». Но иронія, чувствовавшаяся въ этихъ словахъ, была совершенно неумѣстна, такъ какъ роль Натансона въ нашемъ освободительномъ движеніи 70-хъ годовъ чрезвычайно велика. Къ сожалѣнію, она до сихъ поръ еще недостаточно оцѣнена и мало или вовсе не извѣстна новымъ поколѣніямъ.

Съ послѣдовавшимъ, лѣтомъ 1877-го года, арестомъ этого удивительно энергичнаго, умѣлаго и неутомимаго организатора Сѣвернаго общества, роль его отчасти перешла въ руки его жены Ольги Натансонъ и Оболешина. Но эти два лица, дѣйствовавшія въ большомъ согласіи, удержали только традиціи Марка Андреевича—объединять и сплачивать всѣхъ, кого можно было; вполнѣ замѣнить арестованнаго они не могли.

Чрезвычайно разнообразна и многостороння была дѣятельность Ольги Натансонъ и Оболешина, игравшихъ роль центральнаго или справочнаго бюро лѣтомъ 1878-го года. Кромѣ привлеченія новыхъ членовъ въ организацію, кромѣ содѣйствія въ устройствѣ поселеній и посредничества въ сношеніяхъ съ размѣстившимися въ деревняхъ лицами, въ число ихъ функцій входило исполненіе многочисленнѣйшихъ порученій, поступавшихъ ежедневно изъ разныхъ мѣстъ и отъ всевозможныхъ группъ и лицъ, даже не входившихъ въ составъ общества.

Предпринимается ли гдѣ-нибудь насильственный актъ или освобожденіе заключеннаго и административно высланнаго, нужно-ли отпечатать воззваніе, хотѣлось ли кому-нибудь отправиться за-границу контрабаднымъ путемъ, — со всѣми аналогичными, крупными и маленькими дѣлами неизмѣнно обращались къ Ольгѣ Натансонъ и Оболешину.

При малѣйшей возможности они каждаго старались удовлетворить, со всѣми были одинаково предупредительны. Всегда пунктуально аккуратные, они рѣшительно всякаго съ кѣмъ имъ приходилось имѣть дѣло, располагали къ себѣ привѣтливымъ, добрымъ отношеніемъ. Я увѣренъ, что никому не приходилось слышать ни отъ Ольги Натансонъ, ни отъ Оболе-

шина не только раздражительнаго, но и какого бы то ни было замѣчанія, что было бы такъ естественно при разнообразныхъ столкновеніяхъ со многими лицами, и особенно при тѣхъ невѣроятно сложныхъ условіяхъ, при которыхъ имъ приходилось исполнять ихъ многочисленныя и разнообразныя функціи: вѣдь они, если можно такъ выразиться, строили зданіе на вулканѣ, рискуя быть ежеминутно поглощенными имъ.

Ничто не измѣняло ихъ ровнаго, добродушно-веселаго настроенія; они никогда не прочь были отъ шутки, забавнаго разсказа и громкаго смѣха. Глядя на ихъ бѣготню изъ конца въ конецъ по Петербургу и его окрестностямъ, приходилось удивляться ихъ неутомимости, энергіи и душевному равновѣсію.

Другъ съ другомъ ихъ связывало не только единство убѣжденій, цѣли и совмѣстное исполненіе однѣхъ и тѣхъ же общественныхъ функцій, но, въ неменьшей степени, и одинаковыя черты характера. Между ними, поэтому, установились дружескія отношенія, при чемъ каждый всегда не прочь былъ подпустить добродушную остроту по адресу другого. Они очень напоминали сердечно привязанныхъ другъ къ другу брата съ сестрой.

Мы со Стефановичемъ изъ всѣхъ членовъ Сѣверной организаціи особенно сблизились съ этой парой. Къ сожалѣнію, въ тѣ времена не принято было спрашивать другого о его прошломъ. Да и не интересно это было: не все ли равно, казалось, что такой-то изъ дворянъ или мѣщанъ, бывшій студентъ или семинаристъ; всѣ были одинаково близки, по солидарности въ убѣжденіяхъ и по готовности жертвовать всѣмъ ради общаго дѣла. Поэтому, не только прошлое даннаго товарища, но и его настоящее имя, если онъ былъ «нелегальнымъ», было совершенно безразлично и часто вполнѣ неизвѣстно. Нерѣдко только впослѣдствіи, много времени спустя послѣ ареста, изъ обвинительныхъ актовъ, печатавшихся во время процессовъ, случалось узнавать дѣйствительное имя и родословную товарища, съ которымъ на волѣ въ теченіе довольно продолжительнаго періода бывалъ не только знакомъ, но и близокъ. Неудивительно поэтому, что я не даю никакихъ свѣдѣній относительно прошлаго Натансонъ и Оболешина. Объ этомъ, кажется, у насъ никогда не заходила рѣчь.

VI.

Если не считать Сергѣя Кравчинскаго, который всего лишь за нѣсколько дней до нашего пріѣзда въ Петербургъ

примкнулъ къ Сѣверной организаціи, самымъ крупнымъ членомъ этого общества былъ тогда безспорно Александръ Михайловъ. Онъ, въ сущности, явился достойнымъ преемникомъ Марка Натансона въ качествѣ организатора, несмотря на свою молодость: когда онъ примкнулъ къ этой организаціи въ 1877 г., ему было 22—23 года. Отличіе организаторскихъ способностей Александра Михайлова отъ таковыхъ же Марка Натансона заключалось въ томъ, что послѣдній заботился, такъ сказать, о созданіи тѣла, остова Сѣвернаго общества, т. е. о возможно большемъ привлеченіи членовъ, первый стремился внѣдрить въ него душу, привить дисциплину, что ему, хотя и не безъ упорной борьбы, удалось вполнѣ.

Человѣкъ съ изумительнымъ характеромъ, съ непреклонной волей, настойчивостью и выдержкой, Александръ Михайловъ, когда я съ нимъ познакомился лѣтомъ 1878-го года, началъ лишь развивать свои природныя способности, истинные размѣры которыхъ обнаружились въ скоромъ времени.

Отправившись весной, въ качествѣ яраго народника, къ какимъ-то сектантамъ, онъ вскорѣ убѣдился, что имѣвшіяся у него свѣдѣнія о расколѣ недостаточны для успѣшной дѣятельности, и потому вернулся въ Петербургъ, чтобы, путемъ занятій въ публичной библіотекѣ, пополнить замѣченный имъ пробѣлъ. Но другая могучая волна, поднявшаяся въ томъ году, захлестнула и этого, казалось, столь устойчиваго, непреклоннаго народника. Едва ли далеко подвинулся онъ въ занятіяхъ расколомъ. Онъ больше не возвращался въ народъ. Начавшаяся тогда активная, такъ называемая «террористическая» борьба увлекла его цѣликомъ: онъ отдался ей всѣми своими помыслами и способностями и на ней сложилъ свою голову...

Если «дворника»—такова, не помню почему, была революціонная его кличка,—только особенныя, въ тотъ именно періодъ сложившіяся общественныя условія заставили сдѣлаться приверженцемъ активной борьбы, то нѣкоторые,—правда, немногіе,—самой природой какъ бы предназначены были для этого рода дѣятельности. Наиболѣе опредѣленнымъ, рѣдкимъ представителемъ этой категоріи лицъ между троглодитами былъ безспорно Баранниковъ, впослѣдствіе также пріобрѣвшій большую извѣстность и также рано погибшій; въ описываемое лѣто онъ только оперивался, набирался силъ.

Вообще, среди членовъ сѣверной организаціи можно было встрѣтить самые разнообразные, оригинальные типы. Требовались только соотвѣтствующія условія для проявленія индивидуальныхъ

чертъ и способностей. Эти условія вскорѣ дѣйствительно возникли. Въ описываемое мною лѣто только широкимъ общественнымъ кругамъ, но далеко не всѣмъ называвшимъ себя «радикалами»—тогдашнее наименованіе революціонеровъ—были извѣстны даже клички наиболѣе крупныхъ членовъ Сѣверной организаціи; одни именовали ихъ «троглодитами», желая этимъ указать на трудность разыскать ихъ, другіе, по старой памяти, называли ихъ «натансоновцами», а то просто—сѣверянами. Только съ осени того же года, послѣ выхода газеты «Земля и Воля», именемъ послѣдней стали называть всю организацію.

Почти полная неизвѣстность «троглодитовъ», изъ которыхъ многіе въ теченіе двухъ-трехъ, а то и больше лѣтъ, принадлежали къ революціонному лагерю, объяснялась подпольнымъ характеромъ ихъ дѣятельности, а также господствовавшими въ тѣ времена порядками и пріемами относительно такъ называемыхъ «политическихъ преступниковъ».

Вслѣдствіе этихъ условій, общество въ широкомъ смыслѣ слова почти ничего не могло знать о томъ, что творится въ революціонномъ мірѣ, такъ какъ въ прессу о нихъ проникали только скудныя свѣдѣнія, да и то лишь послѣ состоявшагося процесса или послѣ какого-нибудь экстравагантнаго происшествія, котораго никакъ нельзя было уже скрыть. Впервые процессъ Засуличъ, напечатанный полностью въ газетахъ, приподнялъ завѣсу, открылъ отчасти для всего читающаго люда подполье. И многіе только тогда заинтересовались этимъ невѣдомымъ раньше міромъ. Еще не задолго предъ тѣмъ большинство русскихъ гражданъ пуще огня боялось революціонеровъ, будучи твердо увѣрено, что за мимолетное даже знакомство съ ними можно угодить въ страшное третье отдѣленіе, откуда, молъ, уже нѣтъ возврата. Но процессъ Засуличъ сдѣлалъ многихъ куда болѣе смѣлыми. Заинтересовавшись этой дѣвушкой, имя которой было у всѣхъ на устахъ, нѣкоторые изъ самыхъ мирныхъ обывателей или обывательницъ, не боясь риска скомпрометироваться, стремились повидать Засуличъ, когда ее, послѣ оправданія, разыскивала полиція. Помню, товарищи разсказывали, что какая-то высокопоставленная дама предлагала сравнительно большую сумму денегъ за предоставленіе ей возможности увидѣть Засуличъ, съ тѣмъ, конечно, условіемъ, чтобы это свиданіе обставлено было всевозможными предосторожностями.

Другіе шли еще дальше и выражали желаніе познакомиться вообще съ подпольными дѣятелями. Чувствовалось, что забила новая струя въ общественной жизни страны, при чемъ для мно-

гихъ было несомнѣнно, что эта струя получила свое начало въ подпольѣ. Даже лица, стоявшія далеко отъ революціонной среды, стали съ напряженіемъ ждать новыхъ фактовъ активной борьбы, а иные осмѣливались шепотомъ сообщать знакомымъ, что революціонеры готовятъ нѣчто особенное.

Если столь напряженно-выжидательно было настроеніе мирныхъ членовъ общества, то нетрудно себѣ представить, какъ чувствовала себя тогда впечатлительная молодежь. Вотъ иллюстрація: то къ тому, то къ другому изъ насъ, «опытныхъ и пожилыхъ» революціонеровъ, обращались въ то лѣто юноши и молодыя дѣвушки съ заявленіями объ ихъ желаніи совершить насильственный актъ по отношенію какого-нибудь должностного лица. Иногда эти молодые люди спрашивали насъ, на комъ именно слѣдуетъ имъ остановить свой выборъ. Но мы всѣ такого рода предложенія отклоняли, убѣждая молодыхъ мстителей отказаться отъ ихъ намѣренія. Въ этихъ случаяхъ нами руководила не жалость къ должностнымъ лицамъ и даже не состраданіе къ молодымъ мстителямъ, а, главнымъ образомъ, опасеніе, чтобы частыя повторенія изолированныхъ насильственныхъ актовъ не привели революціонное движеніе въ совершенно нежелательную сторону. Быть можетъ, мы такимъ образомъ, спасли кое-кого изъ должностныхъ лицъ отъ участи Трепова, если еще не болѣе трагической, а нѣкоторыхъ молодыхъ людей—отъ каторги.

Этотъ порывъ къ актамъ мести навѣянъ былъ дѣломъ Засуличъ, слѣдовательно, также былъ совершенно новымъ явленіемъ. Неудивительно, поэтому, что значеніе его не вполнѣ было понято даже самыми наблюдательными и дальновидными изъ тогдашнихъ революціонеровъ. Сами принимая активное участіе въ насильственныхъ актахъ, мы не видѣли въ этомъ никакого отклоненія отъ нашихъ народническихъ воззрѣній, такъ какъ въ нашу задачу, рядомъ съ дѣятельностью въ народѣ, входила и такъ называемая «дезорганизаторская», т. е. вооруженныя сопротивленія при арестахъ, освобожденіе товарищей изъ тюремъ, расправы съ ренегатами и т. п.

VII.

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ плановъ, осуществленіемъ которыхъ въ то лѣто заняты были нѣкоторые члены Сѣверной организаціи, проживавшіе въ Петербургѣ, была подготовка регулярнаго выпуска подпольной газеты въ самой столицѣ. Въ

настоящее время трудно составить себѣ даже приблизительное представленіе, до какой степени этотъ планъ казался важнымъ дѣятелямъ тогдашняго движенія. Попытаюсь хотя бы отчасти перенести читателя въ ту эпоху.

Было время,—въ началѣ 70-хъ годовъ,—когда между Бакунинымъ и Лавровымъ шли безконечные споры о томъ, нужно ли революціонерамъ знаніе, нужна ли теоретическая подготовка передъ выступленіемъ на практическое поприще. Бакунинъ рѣшалъ этотъ вопросъ отрицательно, находя, что имѣющихся у учащейся молодежи свѣдѣній болѣе чѣмъ достаточно, такъ какъ, молъ, у народа и таковыхъ нѣтъ. Лавровъ, наоборотъ, считалъ необходимымъ предварительное пріобрѣтеніе энциклопедическихъ знаній по обширнѣйшей программѣ. По поводу даннаго вопроса эти учителя тогдашней молодежи, а за ними ихъ ярые послѣдователи, ломали копья; немало статей въ заграничныхъ изданіяхъ было напечатано, а также рѣчей произнесено на тему: «знаніе и революція».

Для огромнаго большинства тогдашнихъ революціонеровъ сама жизнь разрѣшала этотъ споръ скорѣе въ пользу Бакунина, чѣмъ Лаврова. Господствовавшія въ странѣ условія не давали возможности лицамъ, искренно желавшимъ работать среди народа, пріобрѣтать солидныя знанія, такъ какъ ихъ арестовывали задолго до исполненія хотя бы незначительной части намѣченной ими для себя программы занятій. Зная это, многіе предпочитали отправляться въ народъ съ тѣми свѣдѣніями, какія у нихъ уже имѣлись. Тѣ изъ послѣдователей Лаврова, которые оставались вѣрными выработанной имъ программѣ, въ большинствѣ случаевъ такъ и не выступали на практическое поприще и совсѣмъ сходили со сцены. Впослѣдствіи самъ Лавровъ призналъ, что дѣйствительность опровергла его предположенія, и говорилъ, что самъ не причисляетъ себя къ «лавристамъ».

Внимательно прислушиваясь къ тому, что развивали находившіеся въ эмиграціи главари тогдашняго движенія, революціонная молодежь довольно усердно читала все то, что печаталось за-границей и въ большихъ, сравнительно, количествахъ доставлялось въ Россію контрабаднымъ способомъ. Сильно были распространены тогда газета и журналъ «Впередъ», издававшіеся Лавровымъ, а также сочиненія Бакунина и его послѣдователей.

Для большинства тогдашнихъ революціонеровъ всѣ эти произведенія являлись, въ сущности, единственной духовной пищей. Многіе изъ насъ не читали регулярно даже русскихъ періоди-

ческихъ изданій, исходя изъ господствовавшаго, особенно на югѣ, взгляда, что въ «легальныхъ» журналахъ, хотя бы и самыхъ передовыхъ, «ничего путнаго не можетъ быть». Исключеніе дѣлалось развѣ лишь для Щедрина и очень немногими — для Михайловскаго, который, къ слову сказать, въ началѣ 70-хъ годовъ среди насъ, «бунтарей», не пользовался популярностью.

Съ годами вліяніе эмиграціи на происходившее въ странѣ революціонное движеніе все ослабѣвало. Практическая дѣятельность, установившаяся въ Россіи, не могла ничего почерпнуть изъ заграничныхъ произведеній: они почти ничего не въ состояніи были дать «народническимъ» воззрѣніямъ, ставшимъ господствующими къ срединѣ 70-хъ годовъ. Къ этому же времени совсѣмъ прекратилъ свое существованіе журналъ «Впередъ», а со смертью Бакунина, лѣтомъ 1876 г., перестали появляться произведенія его и его заграничныхъ послѣдователей. Въ Женевѣ продолжала выходить газета «Набатъ», Ткачева, но, въ виду якобинскаго своего характера, этотъ органъ имѣлъ лишь весьма немногихъ приверженцевъ.

Дошло до того, что одно время въ Россіи, особенно на югѣ, почти совсѣмъ не попадалась на глаза нелегальная литература. Только съ устройствомъ въ концѣ 1877 г. троглодитами небольшой подпольной типографіи стали появляться краткіе отчеты по большому процессу, прокламаціи по поводу дѣла Засуличъ, а также воззванія по поводу происходившихъ тогда стачекъ среди рабочихъ петербургскихъ заводовъ.

Огромный успѣхъ, который имѣли эти листки среди молодежи, общества и рабочихъ, наглядно показалъ, какой въ странѣ возникъ спросъ на свободное слово. Отвѣтить на него тогда же попыталась одна независимая группа, состоявшая изъ лицъ съ совершенно неопредѣленными взглядами: она предприняла изданіе нелегальной газеты, подъ названіемъ «Начало». Послѣ 3-го номера, листокъ этотъ прекратилъ свое существованіе. Тогда Сѣверная организація рѣшила основать свой, народническій органъ—газету «Земля и Воля».

Трудно представить себѣ болѣе удачный моментъ для осуществленія этого намѣренія, чѣмъ лѣто 1878-го года. Органъ «народниковъ» сразу пріобрѣлъ вліяніе и значеніе.

Заранѣе представляли мы себѣ впечатлѣніе, какое на общество, а особенно на правительство, произведетъ появленіе перваго номера нашей газеты. И въ самомъ дѣлѣ! Въ Петербургѣ, съ его многочисленной полиціей и грознымъ третьимъ отдѣленіемъ, отъ котораго, какъ многимъ тогда казалось, ничто

не могло укрыться, революціонеры затѣяли изданіе своего органа, подписка на который, какъ объявлялось заранѣе, принимается у извѣстныхъ редакціи лицъ.

Легко представить себѣ возмущеніе, охватившее правившія сферы и, наоборотъ, ликованіе, распространившееся въ революціонной средѣ, а отчасти и вообще въ оппозиціонныхъ кругахъ.

Намъ положительно везло въ то лѣто; отовсюду приходили извѣстія, указывавшія на успѣхъ революціоннаго движенія и на быстрый ростъ его значенія. Почти единственнымъ неудачнымъ фактомъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ была упомянутая мною выше попытка вооруженнаго освобожденія Войнаральскаго подъ Харьковомъ. Но и она окончилась сравнительно безъ большихъ жертвъ, такъ какъ изъ значительнаго числа ея участниковъ былъ случайно арестованъ одинъ только Медвѣдевъ (Фоминъ) и то по его собственной оплошности.

Въ то же лѣто членами Сѣверной организаціи было организовано очень сложное по обстановкѣ и отчаяное по выполненію убійство шефа жандармовъ, ген. Мезенцова, на многолюдной улицѣ столицы, послѣ чего исполнителямъ этого предпріятія—Кравчинскому и Баранникову—удалось скрыться на рысакѣ, запряженномъ въ пролеткѣ.

Не удивительно, что «подполье», еще недавно бывшее почти совсѣмъ неизвѣстнымъ широкимъ кругамъ общества, лѣтомъ 1878 г. заставило всѣхъ говорить о себѣ, вызывая въ однихъ ужасъ, негодованіе и возмущеніе, въ другихъ, наоборотъ, большой интересъ и готовность такъ или иначе придти къ нему на помощь.

VIII.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Петербургъ, къ намъ пришелъ однажды Оболешинъ и, вынувъ изъ портфеля, съ которымъ онъ не разставался, какіе-то документы, попросилъ насъ возможно скорѣе съ ними познакомиться. Оказалось, что то были «программа народниковъ» и «организаціонный уставъ» троглодитовъ.

Мы, южные «бунтари», совершенно отрицали всякаго рода писанные программы и уставы, довольствуясь устной передачей нашихъ воззрѣній неофитамъ. Для насъ, поэтому, предложенные Оболешинымъ документы являлись вполнѣ новинкой: то были первые программа и уставъ, которые я увидѣлъ,

несмотря на то, что около четырехъ лѣтъ уже принадлежалъ къ революціонному лагерю и за это время входилъ въ нѣсколько кружковъ.

Въ фактѣ занесенія на бумагу по пунктамъ своихъ воззрѣній, какъ это сдѣлали троглодиты, мы, южане, склонны были видѣть одно изъ проявленій присущаго имъ «формализма», хотя и не заключавшаго въ себѣ ничего «особенно вреднаго». Но до чего велико было наше равнодушіе къ письменной формулировкѣ своихъ убѣжденій—доказательствомъ этому служитъ то, что Стефановичъ, несмотря на просьбы и доводы Оболешина, наотрѣзъ отказался прочитать эту программу, заявивъ увѣренность, что она несомнѣнно «прекрасно составлена». Онъ признавалъ вполнѣ достаточнымъ, что изъ насъ двоихъ я, познакомившись съ нею, нашелъ въ ней все «правильно изложеннымъ».

Не намъ однимъ, но и другимъ южанамъ казалось въ тѣ времена, что формулировка на бумагѣ нашихъ воззрѣній представляетъ нѣкоторое неудобство при практической дѣятельности: жизнь, молъ, очень измѣнчива и не всегда, поэтому, возможно справляться съ записанными пунктами программы, а измѣненіе ихъ является очень сложной задачей. То ли дѣло устно передаваемыя другъ другу воззрѣнія, которыя можно быстро измѣнить, а затѣмъ вести безконечные споры по поводу незначительныхъ разногласій, нерѣдко вытекавшихъ изъ неправильно понятыхъ словъ собесѣдника.

Убѣдившись въ томъ, что у насъ со Стефановичемъ не имѣется рѣшительно никакихъ принципіальныхъ возраженій ни противъ «программы», ни противъ «устава», Оболешинъ заявилъ намъ тогда, что, въ такомъ случаѣ, мы можемъ вступить въ число членовъ Сѣверной организаціи, такъ какъ у нихъ уже состоялось постановленіе на этотъ счетъ.

Дѣло въ томъ, что до этого предложенія наша небольшая чигиринская группа состояла съ названной организаціею съ весны 1877-го года только въ союзныхъ отношеніяхъ. Годомъ раньше едва ли троглодитамъ пришло бы на умъ приглашать «южныхъ сорвиголовъ» вступить въ ихъ организацію, а насъ, «бунтарей», крайне изумило бы такое предложеніе со стороны «формалистовъ»,—до того тогда казались значительными крошечныя различія, существовавшія между нами. Но истекшій годъ, съ многочисленными его событіями, если не вполнѣ, то въ значительной степени сгладилъ рѣзкіе углы, какъ у «народниковъ», такъ и у «бунтарей», являвшихся, въ сущности, единомышленниками, только подъ разными кличками.

Не споры о теоретическихъ разногласіяхъ, тактическихъ пріемахъ или организаціонныхъ принципахъ, —каковыхъ, къ слову сказать, южане совершенно не вели съ сѣверянами,—уничтожали существовавшія между нами шероховатости, а исключительно совмѣстныя выступленія въ общихъ практическихъ предпріятіяхъ. Само собою разумѣется, что не могло быть рѣчи о какихъ-либо теоретическихъ разногласіяхъ, когда требовалось организовать, напр., освобожденіе насъ троихъ чигиринцевъ изъ кіевской тюрьмы или Войнаральскаго и т. п. Подобныя предпріятія сблизили, а затѣмъ и объединили южанъ съ сѣверянами.

Мы со Стефановичемъ рѣшили принять предложеніе сѣверянъ лишь условно, т. е. въ томъ случаѣ, если организація согласится дать намъ временный отпускъ за-границу. Велико было удивленіе Оболешина и его товарищей, когда они услыхали объ этомъ нашемъ рѣшеніи.

— А мы думали, что вы отправитесь на Волгу или Донъ, чтобы создать организаціи среди народа!—заявилъ Оболешинъ, и въ голосѣ его слышалось огорченіе и разочарованіе.

Тогда у троглодитовъ было нѣсколько поселеній въ Саратовской и Самарской губ. [1]). А такъ какъ мы, чигиринцы, главнымъ образомъ Стефановичъ, пріобрѣли преувеличенную репутацію «искусныхъ и ловкихъ организаторовъ народныхъ массъ», то вполнѣ естественно было огорченіе Оболешина и другихъ троглодитовъ по поводу нашего рѣшенія уѣхать на время за-границу.

Тутъ мнѣ приходится коснуться вопроса, поднимавшагося въ нашей подпольной и отчасти въ легальной печати.

Упоминая о Чигиринскомъ заговорѣ, нѣкоторые писатели упорно и неизмѣнно повторяютъ, что я и Стефановичъ «впослѣдствіи чрезвычайно», а то и «горько», «жалѣли», зачѣмъ затѣяли это дѣло, а также, будто «всѣ тогдашніе революціонеры крайне отрицательно отнеслись къ нему».

Печатно въ «Искрѣ» мнѣ приходилось уже опровергать эти ошибочныя утвержденія. Я показалъ, что при нашихъ бунтарскихъ воззрѣніяхъ, а также при сложившихся въ Чигиринскомъ уѣздѣ условіяхъ, мы не могли поступить иначе, по меньшей мѣрѣ странно было бы «жалѣть» о томъ, что было неизбѣжно.

Что касается «отрицательнаго отношенія тогдашнихъ ре-

[1]) См. подробности у О. Аптекмана: «Общество Земля и Воля», (изд. Донской рѣчи). Эта, въ общемъ не дурно составленная книга далеко не можетъ считаться исчерпывающей тему; къ тому же въ ней имѣются нѣкоторыя неточности, а мѣстами и преувеличенія, особенно въ характеристикахъ лицъ.

волюціонеровъ къ этому дѣлу, то Г. В. Плехановъ, въ качествѣ современника, въ той же «Искрѣ» подробно изложилъ, какъ большинство членовъ Сѣверной организаціи одобрительно отнеслось къ образу дѣйствій чигиринцевъ. Къ этому могу прибавить, что мы лично, въ нашихъ сношеніяхъ съ товарищами, рѣшительно ни въ чемъ не могли тогда замѣтить даже намека на отрицательное къ намъ отношеніе. Никто не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки доказать намъ, что мы не должны были прибѣгнуть къ тому пріему, который мы примѣнили. Да это было бы совершенно излишне, такъ какъ мы, конечно, сами прекрасно понимали, что «обманывать крестьянъ», хотя бы и съ наилучшими намѣреніями, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Доказательствомъ вѣрности моихъ словъ можетъ служить чрезвычайно радушный пріемъ, который мы всюду встрѣчали, а также настойчивыя приглашенія, полученныя нами отъ троглодитовъ вступить въ ихъ общество.

IX.

Члены Сѣверной организаціи, селившіеся въ деревняхъ, занимали тамъ должности волостныхъ и сельскихъ писарей, фельдшеровъ, учителей. Своимъ участливымъ отношеніемъ къ нуждамъ и потребностямъ крестьянъ они старались пріобрѣсти ихъ расположеніе. Но дѣятельность ихъ была, главнымъ образомъ, культурной: чтобы не скомпрометироваться и, слѣдовательно, не разрушить съ большимъ трудомъ устроеннаго положенія, народникъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, да и то только съ отдѣльными, близко знакомыми крестьянами, могъ дѣлиться своими соціалистическими убѣжденіями. Его роль сводилась, главнымъ образомъ, къ тому чтобы дождаться такого благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, при которомъ онъ могъ бы воспользоваться пріобрѣтенной имъ въ данной мѣстности популярностью. Сами поселенцы, повидимому, не представляли себѣ возможности «приблизить время народной революціи», дать «сигналъ», къ ней. Но сидѣть неопредѣленное время «у моря и ждать погоды» не всѣмъ было по нутру. Этимъ объяснялось начавшееся въ то время бѣгство изъ деревень.

Изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ и свидѣтельскихъ показаній извѣстно, какого значительнаго успѣха достигала пропаганда соціализма среди русскихъ рабочихъ вообще и петербургскихъ въ особенности, начиная еще со временъ чайковцевъ.

Рабочіе проявляли готовность идти рука объ руку съ революціонной учащейся молодежью во всѣхъ рѣшительно формахъ ея дѣятельности. Они участвовали въ движеніи 70-хъ годовъ не только въ періоды «хожденія въ народъ», въ «бунтарскомъ» и «поселенческомъ» пріемахъ дѣятельности, но также и во всѣхъ прямыхъ и непосредственныхъ выступленіяхъ революціонеровъ, начиная съ нашумѣвшихъ въ свое время, похоронахъ студента Чернышева, заболѣвшаго въ домѣ предварительнаго заключенія, и съ демонстраціи на Казанской площади 6-го декабря 1876 г., вплоть до освобожденія Вѣры Засуличъ у зданія окружнаго суда, когда, послѣ оправданія, жандармы намѣревались ее арестовать.

Несмотря, однако, на проявленную рабочими отзывчивость, несмотря даже на то, что весной 1878 г. среди петербургскихъ рабочихъ происходили значительныхъ размѣровъ стачки, сопровождавшіяся, конечно, арестами, высылками и пр., стачки, въ которыхъ нѣкоторые члены Сѣверной организаціи принимали самое дѣятельное участіе,—въ теченіе нашего пребыванія лѣтомъ въ Петербургѣ изъ троглодитовъ никто не занимался пропагандой между рабочими, никто даже не заглядывалъ въ эту среду. Мало того: утверждаю, что во время нашихъ безконечныхъ разговоровъ и толковъ о дѣятельности въ народѣ, мы совершенно упускали изъ виду этотъ слой трудящихся,—словно его абсолютно не существовало въ Россіи. По крайней мѣрѣ, при всемъ напряженіи памяти, я не могу теперь припомнить, чтобы у насъ когда-либо шла рѣчь о рабочихъ: они были для насъ тогда въ полномъ смыслѣ слова quantité négligeable.

Послѣ попытки создать среди чигиринскихъ крестьянъ обширной тайной организаціи, на Стефановича многіе стали смотрѣть, какъ на спеціалиста въ этомъ дѣлѣ. Стоило ему—полагали многіе троглодиты,—отправиться въ имѣвшіяся у нихъ поселенія, и онъ навѣрно очень скоро придумаетъ способъ, какъ поднять мѣстныхъ крестьянъ, а, слѣдовательно, ускорить моментъ наступленія революціи. Въ виду нашего намѣренія поѣхать за-границу, приходилось если не окончательно отказаться отъ этой надежды, то, во всякомъ случаѣ, на время разстаться съ нею. Этого, понятно, не могли допустить наиболѣе активные и нетерпѣливые изъ находившихся тогда въ Петербургѣ членовъ Сѣверной организаціи. Оболешинъ и Ольга Натансонъ начали насъ убѣждать, чтобы мы, хотя на время, отказались отъ своего намѣренія, «въ виду крайне напряженнаго положенія дѣлъ въ тотъ моментъ». Стефановичъ остался, однако, непреклоннымъ въ принятомъ имъ и мною рѣшеніи. На помощь къ

намъ явился Кравчинскій, пользовавшійся общей любовью и уваженіемъ и самъ лишь незадолго передъ тѣмъ вернувшійся изъ-за границы.

— Прекрасно! Пусть ѣдутъ! Благословляю!—говорилъ онъ, заливаясь звонкимъ добродушнымъ смѣхомъ.

Скрѣпя сердце, примирился и милѣйшій Оболешинъ, котораго мы искренно полюбили, съ нашимъ отъѣздомъ.

— Ну, Богъ съ вами, поѣзжайте!—заявилъ онъ.—Только не засиживайтесь тамъ долго.

Зная, что въ этомъ случаѣ имъ руководитъ забота о торжествѣ народническихъ идеаловъ, мы, конечно, обѣщали исполнить его желаніе.

Цѣль нашего почти двухмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ была вполнѣ достигнута: насколько это было возможно при нашемъ нелегальномъ положеніи, когда насъ усиленнѣйшимъ образомъ розыскивала полиція, мы въ достаточной степени познакомились съ настроеніемъ разныхъ слоевъ, а также съ дѣлами и планами революціонеровъ. Непосредственнаго, практическаго участія въ затѣвавшихся троглодитами предпріятіяхъ мы не могли, да и не хотѣли принять. Наша «дѣятельность» сводилась почти исключительно къ разговорамъ, главнымъ образомъ о судьбахъ народа, о нашихъ задачахъ и пріемахъ въ его средѣ, о мѣрахъ къ приближенію «развязки» и пр. Но, въ виду выше изложенныхъ событій, приходилось бесѣдовать также и о фактахъ насильственнаго характера. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы, какъ болѣе «опытные и практичные дѣятели», давали товарищамъ «разумные совѣты» и указанія, хотя не больше ихъ могли разобраться въ начавшемся ходѣ событій. Однако, какъ ни пріятна была эта роль, какъ ни интересенъ былъ моментъ, все же приходилось поторопиться съ отъѣздомъ. Дѣло въ томъ, что всѣ приготовленія къ покушенію на ген. Мезенцова были давно уже закончены. Предполагая, что послѣ этого насильственнаго акта начнутся усиленные розыски въ Петербургѣ, члены Сѣверной организаціи рѣшили отложить день его совершенія до нашего отъѣзда, изъ опасенія, какъ бы мы случайно не были арестованы. Единственной задержкой для нашего отъѣзда являлось отсутствіе Зунделевича, завѣдывавшаго «заграничнымъ департаментомъ», т. е. контрабандным путемъ. Лишь незадолго до нашего пріѣзда въ Петербургъ онъ отвезъ за-границу Вѣру Засуличъ и почему-то замѣшкался тамъ.

Между тѣмъ, выжидательное со дня на день положеніе

становилось все болѣе тягостнымъ и довело мое, напр., нервное состояніе до крайняго напряженія, вслѣдствіе чего я какимъ-нибудь неосторожнымъ шагомъ могъ повредить намъ обоимъ. Помню такой случай.

Однажды я шелъ со Стефановичемъ по Невскому. На встрѣчу намъ попались два жандармскихъ офицера, которые, поровнявшись съ нами, какъ мнѣ показалось, внимательно посмотрѣли на насъ.

— Они насъ заподозрили!—заявилъ я увѣреннымъ тономъ, когда мы съ ними разминулись.

— Это такъ показалось,—возразилъ мой другъ.

— Вотъ провѣрь,—сказалъ я.—Остановимся у этого магазина, и ты встань бокомъ; тогда увидишь, что они теперь смотрятъ намъ вслѣдъ.

Послѣдовавъ моему предложенію, Стефановичъ убѣдился, что эти офицеры дѣйствительно, остановившись невдалекѣ, разсматривали насъ. Но, вѣроятно, нашъ видъ спокойныхъ фланеровъ разсѣялъ явившееся было у нихъ относительно насъ подозрѣніе.

Чтобы по возможности избѣгать нежелательныхъ встрѣчъ, мы поселились въ Лѣсномъ на дачѣ. Но и тамъ, вслѣдствіе напряженно выжидательнаго моего состоянія, однажды, со мною случилось недоразумѣніе, которое могло имѣть трагическій исходъ.

У насъ какъ-то остался ночевать пріѣхавшій изъ Петербурга извѣстный въ тѣ времена «выдающійся теоретикъ бакунизма и народничества» Юзовъ (онъ же Каблицъ). Пробесѣдовавъ до полуночи, мы улеглись и вскорѣ крѣпко заснули. Вдругъ сквозь сонъ слышу, какъ по лѣстницѣ тихо, словно крадучись, поднимается нѣсколько человѣкъ. Быстро вскочивъ съ постели и разбудивъ товарищей, я сообщилъ имъ шепотомъ, что пришли насъ арестовать.

Въ качествѣ бунтарей, считавшихъ обязательнымъ оказывать при арестѣ вооруженное сопротивленіе, мы расположились въ рядъ съ направленными въ дверь дулами револьверовъ, намѣреваясь открыть огонь, лишь только жандармы постучатъ къ намъ. Но въ сѣняхъ все было тихо. Такъ какъ «жандармы» долго не стучали, мы, наконецъ, сами рѣшили открыть дверь, послѣ чего убѣдились, что поднятая мною тревога была напрасна.

— Тебѣ просто приснились жандармы! — заявилъ мой другъ. Но я твердо стоялъ на томъ, что слыхалъ шаги.

На слѣдующее утро хозяинъ дачи, при встрѣчѣ, спросилъ

насъ, почему ночью у насъ вдругъ поднялось какое-то движеніе. При этомъ выяснилось, что вмѣстѣ съ женой и дѣтьми онъ вернулся откуда-то поздно, а такъ какъ ихъ спальни расположены были рядомъ съ нашей квартирой—чего мы не знали—то я и проснулся отъ ихъ, хотя и тихихъ, шаговъ по лѣстницѣ.

— Уже мы съ женой подумали, не заболѣлъ ли кто изъ васъ?—заявилъ хозяинъ участливо.

Какое ужасное несчастіе могло бы произойти, вздумай онъ изъ предупредительной заботливости о «заболѣвшемъ» постучать въ нашу дверь!..

* * *

Во второй половинѣ іюля Зунделевичъ вернулся изъ своей поѣздки, и мы, наконецъ, собрались въ дорогу.

На Варшавскій вокзалъ насъ пришли провожать Кравчинскій, Александръ Михайловъ и Оболешинъ,—все скомпрометированный, «нелегальный» народъ.

— Какая богатая пожива была бы «синимъ мундирамъ», знай они, кто мы!—замѣтилъ, смѣясь, Кравчинскій.

Но кучка прилично одѣтыхъ молодыхъ людей рѣшительно ничѣмъ не могла возбудить подозрѣнія жандармовъ.

Самымъ дружескимъ образомъ попрощавшись со всѣми пришедшими насъ проводить, мы послѣ второго звонка направились въ вагонъ, откуда продолжали бесѣдовать черезъ окно. Они выражали желаніе, чтобы мы не засиживались за-границей, а мы—застать по возвращеніи всѣхъ невредимыми, на волѣ.

Это наше наиболѣе горячее пожеланіе впослѣдствіи не сбылось по отношенію прекрасныхъ товарищей—Ольги Натансонъ и Оболешина: вскорѣ послѣ нашего отъѣзда ихъ арестовали, а затѣмъ, спустя немного, оба они, молодые, способные, честные, скончались въ предварительномъ заключеніи...

Поѣздъ тронулся. Товарищи на платформѣ и мы изъ вагона еще долго размахивали платками.

Левъ Дейчъ.

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Поблѣднѣли незабудки,
И задумался лопухъ.
И за рельсами, у будки,
На зарѣ поетъ пѣтухъ.

Тамъ—за тѣнью перекладинъ—
Поѣздъ двинулся, гудя...
Воздухъ сладокъ и прохладенъ
Отъ ромашки и дождя.

Яковъ Годинъ.

СЕРДЦЕ ВЪ ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Разсказъ Вилльяма Дж. Локка).

Дѣвушка стояла на концѣ маленькой каменной дамбы; ея волосы, юбки и дешевое мѣховое боа сильно развѣвались на рѣзкомъ нордъ-вестѣ. Трудно было понять немолодому, любящему комфортъ человѣку, какъ я, что можно въ суровый декабрьскій день стоять на дамбѣ у моря и слушать вой вѣтра; и я раздумывалъ надъ этой загадкой, спускаясь изъ деревни къ морю. Это не что иное, думалъ я, какъ проявленіе избытка молодости и жизненной силы. Еще нѣсколько шаговъ—и я увидѣлъ лицо дѣвушки въ полъ-оборота и замѣтилъ, что она не обращаетъ вниманія ни на вѣтеръ, ни на холодъ, и не сводитъ глазъ съ моря. Затѣмъ дорожка повернула въ сторону, и я потерялъ изъ виду профиль дѣвушки.

Я пересѣкъ дорогу вдоль берега и быстро зашагалъ по дамбѣ. Подойдя къ ней довольно близко, я окликнулъ ее:

— Полина!

Она закружилась, точно флюгеръ въ бурю, и пронзительно вскрикнувъ, бросилась ко мнѣ на встрѣчу. Лицо ея сіяло радостью и надеждой. Это выраженіе я когда-то уже,—къ счастью своему,—видѣлъ на лицѣ женщины. Но какъ только дѣвушка, приблизившись, узнала меня, радость сразу погасла.

— Ахъ, это вы...—сказала она дрожащими губами.

— Да, къ сожалѣнію, голубушка,—сказалъ я, и взялъ ее за руку.—Я бы отъ души желалъ быть кѣмъ-либо другимъ.

Она залилась слезами. Я обнялъ ее одной рукой, похлопалъ по плечу и сказалъ, какъ говорятъ мужчины, желая успокоить:

— Да ну же, перестаньте!

Я имѣлъ право на эти отеческія привилегіи по отношенію къ ней, такъ какъ двадцать лѣтъ назадъ помогъ ея рожденію.

— О, докторъ,—сказала она.—Простите меня. Я, конечно, рада васъ видѣть. Это отъ неожиданности. Мнѣ казалось, что это призракъ. Въ Равето никто никогда не пріѣзжаетъ.

— Никогда?—спросилъ я мягко.

Слезы снова полились. Я оперся о каменный парапетъ и бросилъ взглядъ вокругъ себя. Дѣйствительно, Ravetot-sur Mer не было мѣстомъ способнымъ привлечь пріѣзжихъ въ декабрѣ.

Покрытый валунами берегъ, съ нѣсколькими рыбачьими лодками, точно убѣгалъ отъ волнъ прибоя; маленькое казино, заколоченое и печальное какъ заброшенная дача, виднѣлось невдалекѣ; такіе же печальные стояли на берегу отель «de l'Univers» и двѣ или три виллы; позади нихъ утесъ и наверху его маленькая, сѣрая церковь; дальше дорога, поднимавшаяся вверхъ по утесу, терялась въ поворотахъ. Это все, что было видно въ Ravetot-sur-Mer. Пустынное и непривѣтливое было это мѣсто зимой; и только дѣло чрезвычайной важности, касавшееся Полины, привело меня сюда. Полина и ея негодный отецъ были вынуждены жить въ Равето вслѣдствіе бѣдности.

Онъ нанималъ хорошенькую виллу въ полъ-милѣ отъ моря, и на деньги, вырученныя за лѣто отъ сдачи ея, они какимъ-то чудомъ ухитрялись жить весь годъ. Они, кюре и рыбаки были единственными зимними обитателями этого мѣстечка. Ближайшій врачъ жилъ въ Мервилѣ, въ двадцати километрахъ, и по близости не было ни одного интеллигентнаго человѣка. И все же послѣднее замѣчаніе моей маленькой пріятельницы показалось мнѣ не совсѣмъ правдивымъ.

— Вы такъ увѣрены, голубушка,—сказалъ я,—что никто никогда не посѣщаетъ Равето?

— Вамъ отецъ сказалъ?—спросила она беззвучно.

— Нѣтъ. Я догадался. Я имѣю способность отгадыванія. И этотъ... нѣкто сдѣлалъ мою маленькую пріятельницу несчастной.

— Онъ разбилъ мое сердце,—сказала Полина.

Я поднялъ мѣховой воротникъ своего пальто, такъ какъ холодный нордъ-вестъ щипалъ мнѣ уши. Будучи старше и невредимъ сердцемъ, я былъ чувствителенъ къ холоду. Я предложилъ ей походить взадъ и впередъ по дамбѣ, пока она будетъ разсказывать мнѣ свои невзгоды, и продѣлъ ея руку подъ свою.

— Кто онъ?—спросилъ я.—И что онъ здѣсь дѣлалъ?

— О, докторъ! что̀ вамъ до этого?—отвѣтила она, подавляя слезы.—Я не хочу его больше видѣть.

— Не рисуйтесь!—сказалъ я.—Если бъ этотъ негодяй былъ сейчасъ здѣсь...

— Онъ вовсе не негодяй!—вскрикнула она.—Если бы онъ былъ здѣсь, я не была бы такъ несчастна. Мнѣ было бы легче забыть его. Онъ умный, хорошій, благородный,—все что хотите Я не могла ожидать, что онъ поступитъ иначе—это было ужасно безобразно. И когда вы окликнули меня, я подумала, что это онъ...

— И женская противорѣчивая душа сильно желала его видѣть?—спросилъ я.

— Кажется, что такъ,—созналась она.

Я взглянулъ на ея хорошенькое личико и увидѣлъ, что оно блѣдно и печально.

— Вы мало ѣдите и еще меньше спите,—сказалъ я строго.—Давно уже?

— Недѣлю,—сказала она жалобно.

— Это все надо измѣнить. Эта пустыня—неподходящее мѣсто для душевнаго исцѣленія.

Полина крѣпче прижалась къ моей рукѣ. Она всегда была сердечной дѣвочкой, а теперь особенно жаждала теплаго отношенія и сочувствія.

— По моему теперь все равно,—сказала она.—Все равно, гдѣ бы я ни была. Раньше, передъ его пріѣздомъ, я ненавидѣла Равето и всегда мечтала о яркой и веселой жизни. Я часто стояла здѣсь у моря и все ждала, что случится что-нибудь, и мы уѣдемъ отсюда. Но ничего не случалось. День шелъ за днемъ, а мнѣ все приходилось только возиться по дому, да шить, да читать. Отецъ вѣчно сидѣлъ у камина со своей маленькой рулеткой, бумагой и карандашомъ и работалъ надъ своей удивительной системой, которая должна обогатить насъ. У насъ никогда не будетъ денегъ на поѣздку въ Монте-Карло, чтобы испробовать систему; такъ пусть хоть утѣшается. Хотя достаточно бы съ него игры!

Она очень просто говорила объ этомъ со мной—старымъ другомъ. Дѣло въ томъ, что ея отецъ проигралъ цѣлое состояніе. Въ отчаяніи онъ поставилъ на своемъ долговомъ обязательствѣ чужую фамилію, и долженъ былъ за это отсидѣть въ тюрьмѣ. Родные порвали съ нимъ всякія отношенія. Вотъ почему онъ въ бѣдности и уединеніи жилъ среди рыбаковъ. Онъ не внушалъ уваженія, этотъ старикъ, и мнѣ всегда жаль было Полину за то, что у нея такой отецъ. Мать ея умерла много лѣтъ назадъ. Мнѣ захотѣлось перемѣнить тему разговора, тяжелую для нея.

— Итакъ,—сказалъ я, когда мы прошли уже всю дамбу до конца и повернули назадъ,—однажды, когда одинокая маленькая принцесса глядѣла на море и ждала, сама не зная чего, появился молодой принцъ изъ волшебной сказки, завладѣлъ ея сердцемъ, а затѣмъ покинулъ островъ.

— Въ этомъ родѣ... только хуже,—пробормотала она. И прибавила внезапно задрожавшимъ голосомъ:—Я разскажу вамъ все. Я не могу больше молчать. У меня нѣтъ никого, кому бы я могла довѣриться. Да. Онъ пріѣхалъ. Я въ это время стояла здѣсь, на краю дамбы. Онъ спросилъ у меня по французски, какъ пройти на кладбище, и я узнала по акценту, что онъ тоже англичанинъ, какъ и я. Я спросила его, зачѣмъ онъ идетъ на кладбище. Онъ сказалъ, что хочетъ посмотрѣть могилу своей жены. Единственная англичанка, похороненная здѣсь—нѣкая м-съ Эверестъ, которая утонула прошлымъ лѣтомъ. Онъ былъ ея мужъ. Онъ пояснилъ мнѣ, что служитъ въ Индіи и теперь находится въ отпуску. Будучи въ Парижѣ, онъ подумалъ, что хорошо бы съѣздить въ Равето, гдѣ въ тишинѣ онъ можетъ работать надъ своей книгой.

— Но вѣдь онъ пріѣхалъ на могилу своей жены,—замѣтилъ я.

— Да, и это тоже. Видите ли, они уже нѣсколько лѣтъ жили врозь,—въ разводѣ. Она была нехорошая женщина. Онъ не говорилъ мнѣ этого; онъ слишкомъ рыцарь и джентльменъ. Но здѣсь ходило о ней много сплетенъ. Я пошла съ нимъ на кладбище. Я знаю, хорошо воспитанная дѣвушка не пошла бы такъ сразу съ незнакомымъ.

— Голубушка моя,—сказалъ я,—въ Ravetot-sur-Mer она пошла бы даже съ конемъ крылатымъ.

Полина сжала мою руку.

— Какой вы чуткій, милый докторъ.

— Я только знаю законы человѣческой психологіи,—отвѣтилъ я.—Ну, а что было послѣ пріятной прогулки на кладбище?

— Онъ спросилъ меня, дѣйствительно ли верхнее кафэ на холмѣ—единственное мѣсто въ Равето, гдѣ можно пріютиться. Это вѣдь ужасно, знаете: никто тамъ не живетъ, кромѣ рыбаковъ и рабочихъ съ фермъ, а другого мѣста нѣтъ. Отель открытъ только во время сезона. Я объяснила ему, что въ Равето зимою никто не бываетъ.

Онъ имѣлъ разочарованный видъ и сказалъ, что, пожалуй, придется искать спокойствія гдѣ-нибудь дальше. Затѣмъ онъ спросилъ меня, не найдется ли дома, гдѣ бы его взяли въ жильцы.

Она замолкла.

— Ну, и что же?—спросилъ я.

— О, докторъ, онъ казался мнѣ добрымъ и сильнымъ, и взглядъ у него былъ такой ясный, открытый! Мы сразу стали друзьями, и мнѣ тяжела была мысль, что онъ уѣдетъ. Въ Равето невесело зимою, когда, кромѣ нашей Жанны, не съ кѣмъ слова сказать по цѣлымъ недѣлямъ. А затѣмъ, средствъ у насъ нѣтъ, и когда случается, мы беремъ квартирантовъ.

— Я понимаю вполнѣ,—сказалъ я.

Она кивнула головой.

— Да, вотъ такъ вопросъ и былъ рѣшенъ. Развѣ порядочная дѣвушка позволила бы себѣ такую вещь?—Я отвѣтилъ ей, что она немало была бы удивлена, еслибъ узнала о порядочныхъ дѣвушкахъ столько, сколько я знаю. Она слабо улыбнулась и продолжала свой безыскусственный разсказъ.

Конечно, м-ръ Эверестъ радостно ухватился за предложеніе. Не всякому молодому и мало-опечаленному вдовцу дано жить подъ одной кровлей съ такой прелестной молодой дѣвушкой, какъ Полина. Онъ перенесъ свой багажъ, занялъ лучшую изъ свободныхъ въ виллѣ комнатъ, а Полина и старая Жанна стали хлопотать и устраивать его. Старикъ, правда, мрачно сидя въ своемъ углу у камина, не особенно любезно встрѣтилъ гостя. Онъ ворчалъ, злился и бранилъ дочь за то, что она не спросила за пансіонъ вдвое. Развѣ она не знаетъ, что имъ дорогъ каждый грошъ? Его рулетка испортилась, надо было отослать ее въ Парижъ починить. А откуда взять денегъ? Положительно, отецъ Полины самый брюзгливый старый эгоистъ изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ!

Послѣ этого, — отрывочно и безсвязно разсказывала моя дѣвица,—наступили идиллическіе дни. Полина болтала съ м-ромъ Эверестомъ по утрамъ, гуляла съ нимъ послѣ обѣда, вечеромъ играла ему на роялѣ, а въ промежуткахъ встрѣчалась съ нимъ за столомъ. Она никогда не видала мужчины, похожаго на него; для нея онъ былъ музыкой и силой жизни. Онъ казался ей воплощеніемъ всѣхъ тѣхъ неопредѣленныхъ мечтаній, которыя носились у нея передъ глазами, когда она стояла подъ вѣтромъ у моря. Несомнѣнно, что и онъ былъ немножко влюбленъ въ нее. Я думаю, что однажды, когда они укрылись отъ дождя подъ навѣсъ, онъ поцѣловалъ ее. Исповѣдь молодой дѣвушки всегда полна подробностей, но важные детали обыкновенно пропускаются. Но опытному глазу они, конечно, видны. Какъ бы то ни было, Полина была счастлива, а Эверестъ какъ-будто былъ расположенъ оставаться въ Равето безконечно и сторожить ея счастье.

Исторія пока довольно обыкновенная. Было бы странно, если бъ бѣдная Полина не влюбилась въ него и если бы его сердце не было тронуто. Если бы онъ нашелъ чувство дѣвушки слишкомъ глубокимъ для того, чтобы имѣть право принять его, и поспѣшно удалился бы, исторія тоже была бы очень обыкновенной. Но его внезапный отъѣздъ имѣлъ другое основаніе, чрезвычайно тяжелаго характера. Я не могу обвинять его, но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что я бы поступилъ иначе.

Однажды утромъ Эверестъ попросилъ Полину, чтобы Жанна хорошенько поискала въ его комнатѣ двадцати-франковую монету, которую онъ уронилъ. Послѣ обѣда отецъ далъ ей двадцать франковъ, чтобы отослать по почтѣ въ Парижъ за какой-то новый механизмъ для его драгоцѣнной рулетки. Эверестъ пошелъ проводить ее на почту. Они шли черезъ деревню подъ руку, точно женихъ и невѣста, и я думаю, что онъ говорилъ съ ней нѣжнѣе обыкновеннаго, потому что въ этомъ мѣстѣ разсказа она заплакала. Когда она положила деньги на стойку, то замѣтила, что это новая испанская монета. Испанское золото попадается рѣдко. Она показала ее Эвересту и, встрѣтивъ его взглядъ, прочла въ немъ удивленіе. Получивъ росписку, они пошли назадъ, и Полина забыла объ инцидентѣ. Прошло нѣсколько дней. Эверестъ сталъ озабоченъ и разсѣянъ. Однажды онъ въ теченіе цѣлаго дня избѣгалъ ея. Она бродила растерянная, ничего не понимая, и проплакала почти всю ночь. Чѣмъ она обидѣла его? На слѣдующее утро онъ объявилъ, что уѣзжаетъ. Спѣшныя дѣла требуютъ его присутствія въ Парижѣ. Съ сжавшимся сердцемъ она произвела съ нимъ разсчетъ и написала росписку въ полученіи денегъ. Лицо у него было неподвижно, какъ маска, а глаза глядѣли на нее холодно, непроницаемо. Она робко спросила у него, неужели онъ уѣдетъ такъ, не сказавъ ей ни одного добраго слова.

— Бываютъ случаи, миссъ Уидрингтонъ,—сказалъ онъ,—когда молчать—это самое доброе слово.

— Но что же я сдѣлала?—воскликнула она.

— Ничего, кромѣ хорошаго и милаго. Думайте обо мнѣ, какъ хотите. Прощайте.

Онъ взялъ свой чемоданъ, и она видѣла въ окошко, какъ онъ отдалъ его мальчику-рыбаку, чтобы понести его за три мили на ближайшую станцію. Онъ исчезъ за воротами и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ ея жизни. Нѣсколько минутъ спустя къ ней подошла толстая Жанна и стала утѣшать ее. Конечно, это для барышни очень тяжело, но развѣ барышня могла ожидать чего-либо дру-

гого? Мосье Эверестъ не могъ дольше оставаться у нихъ въ домѣ. Это понятно. Конечно, баринъ немножко тронутъ въ умѣ и не можетъ отвѣчать за свои поступки. Но все-таки мосье Эвересту не понравилось, что баринъ взялъ деньги изъ его комнаты. Но, Боже мой, Боже! Неужели барышня не знала, что отъ этого самаго мосье Эверестъ и уѣхалъ?

— Отецъ укралъ у него это испанское луи,—зарыдала Полина.—Затѣмъ онъ укралъ еще бумажку въ пять франковъ. Затѣмъ онъ былъ застигнутъ м-ромъ Эверестомъ въ самый моментъ, какъ онъ рылся въ его бумажникѣ. Жанна слышала ихъ разговоръ. Это ужасно, ужасно! Какъ онъ, должно быть, презиралъ меня! Я вся горю, когда думаю объ этомъ... и я люблю его... и цѣлую недѣлю уже не сплю... и сердце мое разбито...

Я ничего не могъ сдѣлать, чтобы успокоить взрывъ ея отчаянія; я могъ только дать ей выплакаться и погладить ее по плечу. Раннія сумерки спускались надъ Равето, и пейзажъ казался печальнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Успокойтесь, дорогая,—сказалъ я.—Вы молоды, душа ваша чиста, и вы справитесь съ этимъ.

— Никогда,—простонала она.

— Вы покинете Ravetot-sur-Mer, и новая жизнь прогонитъ прочь всѣ мрачныя тѣни.

— Нѣтъ. Это невозможно. Мое сердце разбито, и я хочу только стоять здѣсь у моря, пока не умру.

— Да, дѣйствительно здѣсь можно умереть, если стоять долго,—сказалъ я, пожимаясь отъ холода.—Пойдемте домой.

Она согласилась. Мы пошли по темной дорогѣ, ведущей отъ моря вглубь. Тогда я сказалъ съ нѣкоторымъ удареніемъ:

— А васъ даже не интересуетъ знать, для чего, я бросилъ свою уютную квартиру въ Лондонѣ и притащился сюда, въ эту забытую Богомъ дыру?

— Въ самомъ дѣлѣ для чего, милый докторъ?—спросила она невнимательно.

— Для того, чтобы сообщить вамъ, что умерла ваша крестная, тетка Каролина; она оставила вамъ три тысячи фунтовъ годового доходу и назначила меня вашимъ опекуномъ, пока вамъ не исполнится двадцать пять лѣтъ. И еще для того, чтобы увезти завтра въ Англію прелестную и богатую миссъ Полину Уидрингтонъ.

Она стояла пораженная, открывъ ротъ, и глядѣла на меня.

— Это правда?—прошептала она.

— Конечно—подтвердилъ я.

Лицо ея преобразилось: оно сіяло радостью. Изумленіе,

восторгъ сверкали въ ея юныхъ, еще красныхъ отъ слезъ глазахъ. Въ своемъ возбужденіи она схватила меня за рукавъ.

— Докторъ! Докторъ! Три тысячи фунтовъ въ годъ! Значитъ, Англія, Лондонъ! Люди, много людей! Все, о чемъ я мечтала! Все чудное и красивое, что есть въ жизни!

— Да, голубушка.

Она схватила мои руки и стала трясти ихъ вправо и влѣво.

— Какое счастье! какое счастье!—воскликнула она.

— Ну, а что же разбитое сердце?—вставилъ я съ усмѣшкой.

Она выпустила мои руки, вздохнула, и лицо у нея сразу стало скорбное и несчастное.

— Я забыла. Что для меня теперь все это? Я никогда не забуду. Мое сердце разбито.

— Те-те-те, голубушка!—сказалъ я.

Съ англ. перев. М. С.

1812-ый годъ.

(Посвящается памяти моего отца, прапорщика въ арміи Кутузова).

Отъ Ковно до Бородина.

24-го іюня новаго стиля французы впервые проникли черезъ Нѣманъ въ Россію. Кампанія 1812-го года, послѣдствіемъ которой былъ цѣлый переворотъ въ сферѣ не одной внѣшней политики западныхъ державъ, но и въ той роли, какую призвана играть Россія въ судьбахъ Европы, закрылась обратнымъ переходомъ черезъ Нѣманъ остатка приведенныхъ Наполеономъ ополченій въ ночь съ 14-го на 15-е декабря. Такимъ образомъ мы вступили въ періодъ столѣтней годовщины освободительной войны.

Я бы желалъ принять участіе въ поминкахъ объ этомъ времени, въ роли скромнаго обозрѣвателя новѣйшихъ историческихъ работъ, которыя, въ Россіи и за границей, выяснили отдѣльныя стороны грандіозной эпопеи, закончившей собою диктатуру Наполеона и сдѣлавшей Россію, на время, вершительницей судебъ міра.

Отъ меня далека мысль присваивать себѣ задачи военнаго историка; у меня нѣтъ для этого достаточной технической подготовки. Я намѣренъ обратить вниманіе читателя лишь на слѣдующіе вопросы, которые кажутся мнѣ лучше выясненными позднѣйшими по времени писателями, чѣмъ это сдѣлано было ранними мемуаристами и историками.

Первый вопросъ, который я намѣренъ поставить, состоитъ въ томъ, въ какой мѣрѣ походъ 1812-го года былъ вызванъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ событій—или можно думать,

что виновникомъ его было одно властолюбіе Наполеона? Вторая, не менѣе важная проблема—выяснить причины, по которымъ французскій полководецъ избралъ именно тотъ планъ кампаніи, который привелъ его въ Москву и помѣшалъ устроиться на зимовку въ лучше снабженныхъ провіантомъ и менѣе суровыхъ по климату малороссійскихъ губерніяхъ. Третій вопросъ, который я также намѣреваюсь затронуть—тотъ, насколько болѣе рѣшительное выступленіе за польскую независимость входило въ дѣйствительныя намѣренія Наполеона и способно ли было бы оно повліять на измѣненіе самаго хода событій.

Я намѣреваюсь, далѣе, указать, на основаніи недавно отпечатанныхъ источниковъ, каковы были порядки гражданскаго управленія, заведенные французами во временно занятыхъ ими областяхъ. Моей задачей будетъ также провѣрить показанія оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ исторіографовъ о побѣдоносномъ шествіи приведенныхъ съ Запада дружинъ на Смоленскъ и Москву мемуарами современниковъ и письмами самихъ участниковъ похода. Я желалъ бы раскрыть нелицевую сторону событій и ту оцѣнку, какую они находили въ рядахъ не начальствующихъ, а подчиненныхъ.

Новѣйшая литература по всѣмъ этимъ вопросамъ необыкновенно богата не только во Франціи и Россіи, но и въ Германіи. Обозрѣть ее въ полномъ объемѣ превзошло бы мои силы. Я ограничусь указаніемъ лишь на то, что мнѣ кажется наиболѣе существеннымъ.

Работы покойнаго Вандаля, Массона, Леви, Шюкэ во Франціи, Росбери—въ Англіи, Фуросье и Кирхэйзена—въ Германіи, во многомъ измѣнили ходячія представленія о воинственности Наполеона и о возможности для Франціи избѣжать всѣхъ тѣхъ походовъ, которые связаны съ его именемъ. Ими болѣе или менѣе выясненъ тотъ фактъ, что Наполеоновскія войны тѣсно связаны съ тѣми, какія французская республика должна была вести съ войсками союзниковъ, грозившими самому существованію Франціи, что душою всѣхъ направленныхъ противъ республики заговоровъ и походовъ была Англія, что неудача задуманныхъ и отчасти предпринятыхъ французами высадокъ на ея берегъ побудила ихъ аттаковать ее сразу и въ ея заморскихъ владѣніяхъ, и въ ея иноземныхъ рынкахъ созданіемъ такъ называемой континентальной системы. Все это можетъ быть признано болѣе или менѣе установленнымъ новѣйшей литературой о Наполеонѣ. Континентальная система должна была закрыть рынки всего міра для продуктовъ англійской промышленности и тѣмъ

обезпечить возможность поступательнаго развитія мануфактуръ и торговли на протяженіи континента Европы. Такая новая точка зрѣнія, высказанная, между прочимъ и мною въ обширной статьѣ объ исторіи Англіи, напечатанной въ энциклопедическомъ словарѣ Гранатовъ, находитъ обстоятельное развитіе въ вышедшемъ въ нынѣшнемъ году сочиненіи Александра фонъ-Пецъ и Павла Дэна: «О господствѣ Англіи въ эпоху континентальной системы». Съ полнымъ основаніемъ—пишутъ авторы во вступленіи къ своей книгѣ—что Наполеонъ считалъ Англію своимъ злѣйшимъ врагомъ. Такъ какъ она перенесла поле битвы въ области торговли, хозяйства и финансовъ, то Наполеонъ былъ правъ, слѣдуя за нею шагъ за шагомъ и дѣлая попытку закрыть доступъ на континентъ продуктамъ ея промышленности и обмѣна. Онъ стремился достигнуть этого съ помощью континентальной системы, которая должна была нанести ударъ финансовому положенію Англіи, а слѣдовательно, косвенно, и владычеству ея надъ морями[1]).

Историки расходятся въ сужденіи по вопросу о томъ, лежалъ ли интересъ Россіи въ союзѣ съ Франціей или, наоборотъ, съ Англіей, поставлено ли было правительство Александра I-го въ необходимость нарушить обязательства, принятыя по миру въ Тильзитѣ, и отказаться отъ фактическаго проведенія той, можно сказать бумажной блокады, которой континентальная система подвергла англійскіе берега и товары. Въ вышедшей въ нынѣшнемъ году книгѣ Валишевскаго: «Сынъ великой Екатерины Павелъ первый» заходитъ рѣчь о томъ, въ какой мѣрѣ печальный конецъ русскаго императора связанъ былъ съ недовольствомъ, вызваннымъ въ придворныхъ кругахъ и въ зажиточномъ дворянствѣ разрывомъ Россіи съ Англіей—главнымъ покупателемъ нашего хлѣба, — и переходомъ ея на сторону Франціи. Англичанинъ Омейра (Omeyra), въ своихъ мемуарахъ о «Наполеонѣ въ изгнаніи», говоритъ, что слышалъ изъ его устъ слѣдующія слова: «Если бы Павелъ I-й остался въ живыхъ, вы бы уже потеряли Индію. Мы составили съ нимъ проектъ ея завоеванія» [2]).

Это позволяетъ думать, что походъ въ Египетъ долженъ былъ служить только преддверіемъ къ завоеванію британскихъ владѣній въ Индіи.

Г-нъ Покровскій, въ издаваемой товариществомъ «Міръ» «Русской исторіи», говоритъ, что разрывъ съ Англіей, по сло-

---

[1]) «Englands Vorherrschaft aus der Zeit der Kontinentalsperre, von Alexander von Peez und Paul Dehn, стр. XII. (Лейпцигъ. 1912).

[2]) Omeyra, Napoleon en exil. т. I, стр. 384.

вамъ одного изъ декабристовъ, писавшаго по указаніямъ лицъ, близко стоявшихъ къ заговору противъ Павла, считался нанесшимъ «неизъясненный вредъ» нашей заграничной торговлѣ. «Англія—разсуждаетъ Фонвизинъ,—снабжала насъ произведеніями и мануфактурными, и колоніальными, въ обмѣнъ за сырые продукты нашей почвы. Эта торговля открывала единственные пути, которыми въ Россію притекало все для нея необходимое. Дворянство было обезпечено вѣрнымъ полученіемъ доходовъ со своихъ помѣстій, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, пеньку, ленъ и проч. Разрывъ съ Англіей, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ ненависть къ Павлу, и безъ того возбужденную жестокимъ деспотизмомъ» [1]).

Что декабристъ Фонвизинъ передаетъ здѣсь мнѣнія современниковъ и даже самихъ участниковъ заговора—пишетъ Покровскій,—доказываетъ рѣчь Зубова на знаменитомъ ужинѣ, съ котораго заговорщики прямо отправились въ Михайловскій дворецъ: по передачѣ Чарторыжскаго, Зубовъ началъ именно съ указанія на безразсудность разрыва съ Англіей, благодаря которому нарушаются жизненные интересы страны и ея экономическое благосостояніе.

Послѣ кончины Павла послѣдовало примиреніе Россіи съ Англіей, какъ непосредственный результатъ исчезновенія ближайшаго виновника вражды съ нею. «Война съ этой державой, издавна богатѣйшимъ рынкомъ для русскаго хлѣба, строевого лѣса, сѣры и пеньки, болѣе всего—говоритъ Адамъ Чарторыжскій,—возстановила общественное мнѣніе противъ покойнаго императора» [2]).

Александръ послѣ мира въ Тильзитѣ, присоединилъ Россію къ континентальной блокадѣ, созданной Берлинскимъ декретомъ Наполеона отъ 21 ноября 1806 года. Французскому посланнику Савари, въ донесеніи изъ Петербурга отъ 6 (18) октября 1807 г. приходится отмѣтить тотъ фактъ, что на закрытіе гаваней англійскимъ кораблямъ смотрятъ въ Россіи какъ на запрещеніе вывоза, наложенное на всѣ тѣ произведенія русской земли, которыя Англія покупала и вывозила ежегодно въ большомъ количествѣ. «Продолженіе такого положенія—вещей прибавляетъ Савари,—рисуется воображенію какъ бѣдствіе, способное задѣть интересы всего народа. Можно опасаться, что жалобы торговцевъ примутъ вскорѣ еще болѣе

1) Русская исторія, т. 4-й, кн. 8-я, стр. 231.
2) Ibid., стр. 239.

серьезный характеръ». Савари полагаетъ, что Франція могла бы принять мѣры къ тому, чтобы умолкли жалобы русскихъ купцовъ; достаточно было бы для этого распространить слухъ, что она (Франція) намѣрена пріобрѣсть въ Россіи все наличное количество лѣсу, пеньки, холста и прочаго, въ которыхъ она тѣмъ болѣе нуждается, что давно не дѣлала въ этой странѣ необходимыхъ закупокъ [1]).

Г. Покровскій держится, повидимому, того взгляда, что жизненные интересы Россіи заставляли ее отказаться отъ поддержки континентальной системы и тѣмъ обезпечить себѣ возможность сбыта продуктовъ своей сельско-хозяйственной промышленности на англійскіе рынки. Совершенно противоположную точку зрѣнія защищаетъ одинъ изъ авторовъ того коллективнаго труда, который вышелъ недавно подъ названіемъ: «Отечественная война и русское общество 1812 года». Обыкновенно принято считать,—пишетъ онъ,—что союзъ Россіи съ Франціей по Тильзитскому договору если и давалъ намъ нѣкоторыя политическія преимущества, то все же былъ для насъ крайне разорителенъ. Континентальная система, которой мы должны были подчиниться, не только уменьшила государственный доходъ (таможенные сборы), но еще, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на предметы потребленія и паденія курса рубля, гибельно отразилась на благосостояніи всѣхъ сословій въ Россіи. Разбирая этотъ, какъ онъ самъ признаетъ, ходячій взглядъ, г. Военскій соглашается съ тѣмъ, что внѣшній оборотъ Россіи дѣйствительно упалъ въ 1808 г. до 83 милліоновъ со ста и ста двадцати милліоновъ, которыхъ онъ достигъ въ 1807 и въ 1806 гг.; онъ не споритъ также противъ того, что послѣдствіемъ уменьшенія ввоза заграничныхъ товаровъ явилось сильное возрастаніе цѣнъ на нихъ; но онъ въ то же время полагаетъ, что современники преувеличили значеніе этого факта, изображая его какъ народное бѣдствіе, разоряющее всѣ классы населенія. Достаточно—говоритъ онъ,—взглянуть на списокъ иностранныхъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію, чтобы убѣдиться, что это были предметы потребленія высшихъ классовъ; самому большему вздорожанію подверглись кофе и сахаръ; но въ то время оба эти продукта употреблялись однимъ городскимъ зажиточнымъ классомъ; даже въ среднемъ помѣщичьемъ быту они считались большимъ лакомствомъ. Купечество же и крестьяне ихъ вовсе не употребляли. Тоже было и съ заграничными винами. Единственнымъ продуктомъ общаго потребленія,

[1]) Ibid., стр. 253, 254.

ввозимымъ къ намъ изъ Англіи, была соль. Въ письмахъ къ императору Александру императрица Марія Федоровна жаловалась на то, что нѣтъ сословія, которое бы не страдало отъ недостатка соли. Но англійская соль была необходима только Петербургу и Прибалтійскому краю; западныя губерніи получали соль изъ Пруссіи и Австріи, поэтому нельзя смотрѣть на прекращеніе ея ввоза изъ Англіи, какъ на общее народное бѣдствіе. Другимъ послѣдствіемъ континентальной системы, кромѣ уменьшенія привоза англійскихъ товаровъ и вывоза русскихъ, было паденіе курса ассигнаціоннаго рубля въ 1807 г. до половины, а въ 1811 году — до $^1/_4$ серебрянаго. Для помѣщиковъ, домовладѣльцевъ и купечества такое паденіе рубля — утверждаетъ авторъ — отнюдь не было разорительно; всѣ налоги и подати уплачивались тѣмъ же ассигнаціоннымъ рублемъ. Повышеніе же цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства—рожь, пшеницу и т. д.—было выгодно; многіе за это время поправили свои дѣла и даже обогатились. Людямъ, недавно купившимъ имѣнія въ долгъ на ассигнаціи, пониженіе курса рубля послужило къ обогащенію — пишетъ одинъ изъ современниковъ, Вигель; оно явилось также спасеніемъ для всѣхъ задолженныхъ. Силясь доказать, что континентальная система и вызванные ею послѣдствія были скорѣе благодѣтельны для Россіи, чѣмъ наоборотъ, г. Военскій приводитъ еще слѣдующія соображенія: русское сельское хозяйство—говоритъ онъ,— находилось въ первобытномъ состояніи; обрабатывая землю даровымъ трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ, помѣщики не нуждались въ заграничныхъ машинахъ; въ тѣхъ усадьбахъ, въ которыхъ не гнались за модой и придерживались старины, домъ представлялъ полную чашу и не нуждался почти ни въ чемъ покупномъ. Благосостоянія крестьянъ континентальная система не коснулась, за исключеніемъ однихъ оброчныхъ, для которыхъ она была прямой прибылью, такъ какъ оброкъ платился обезцѣненными ассигнаціями. Промышленность фабрично-заводская была у насъ еще въ зачаточномъ состояніи и не нуждалась — утверждаетъ г. Военскій—въ привозныхъ орудіяхъ производства. Общій выводъ его тотъ, что, при огромныхъ естественныхъ богатствахъ и низкомъ уровнѣ потребностей большинства населенія, Россія болѣе, чѣмъ любое изъ европейскихъ государствъ, могла выдержать континентальную систему безъ ущерба для своего экономическаго благосостоянія. Въ XIX в. единственнымъ сословіемъ, имѣвшимъ политическое значеніе, было дворянство: изъ дворянъ брались чиновники; къ нимъ принадлежали жившіе въ столицахъ богатые помѣщики, для которыхъ паденіе рубля было,

разумѣется, весьма чувствительно. Настояніямъ ихъ—по мнѣнію автора—и долженъ былъ уступить императоръ Александръ; передъ лицомъ «дворянской фронды» онъ порвалъ союзъ съ Наполеономъ, во всѣхъ отношеніяхъ якобы выгодный для Россіи.

Сказать, чтобы такое мнѣніе было вполнѣ согласовано съ тѣмъ, что въ томъ же сборникѣ пишетъ г. Пичета—«О хозяйственномъ положеніи Россіи въ началѣ XIX в.»—едва ли возможно. Мы читаемъ въ его статьѣ (т. II, стр. 246), что въ началѣ XIX вѣка, какъ и въ концѣ XVIII-го, происходило въ Россіи разложеніе натуральнаго хозяйственнаго уклада; въ странѣ развивалась промышленность, усиливалось денежное обращеніе, въ зависимости отъ увеличенія оборотовъ по внѣшней и отчасти внутренней торговлѣ; устанавливались и сельско-хозяйственныя предпріятія. Всѣ эти явленія по мнѣнію г. Пичета, приходится учитывать при изученіи эпохи 1812-го года. Въ рукахъ купечества, какъ и членовъ руководящаго класса, имѣлись большіе капиталы; развивавшійся товарообмѣнъ отвелъ Россіи опредѣленное мѣсто на европейскомъ рынкѣ, и всякое сокращеніе его должно было вести къ разоренію лицъ заинтересованныхъ. Авторъ признаетъ первые годы царствованія Александра золотымъ вѣкомъ для нашей развивающейся промышленности, защищенной отъ иноземной высокимъ таможеннымъ тарифомъ и даже запрещеніемъ ввозить въ страну извѣстные фабрикаты. Число фабрикъ съ 2323 въ 1804 г. повысилось въ 1814 г. до 3731; число рабочихъ за то же десятилѣтіе съ 95.000 возросло до 169.500; значительная часть фабрикатовъ, какъ парусныя полотна и фламандскія, шли за границу; полотно-ткацкое производство Московской, Ярославской, Владимірской и Калужской губерній предназначало $^2/_3$ общей выручки для заграничнаго отпуска. Развивается одновременно и желѣзодѣлательная промышленность, благодаря спросу на желѣзо на заграничномъ рынкѣ. И сельско-хозяйственная промышленность направлена была отчасти на удовлетвореніе не одного внутренняго рынка. Въ моемъ отзывѣ о книгѣ покойнаго Иванюкова: «Паденіе крѣпостного права» я привелъ выдержки изъ депешъ испанскаго резидента о 1811-мъ годѣ, въ которыхъ говорится о широкомъ развитіи землепашества въ Новороссіи съ цѣлью поставки хлѣба за границу. Разрѣшеніе при Петрѣ III вывозить его черезъ всѣ порты—пишетъ г. Пичета—должно было увеличить международный товарообмѣнъ. Позволяя дворянству оптомъ торговать тѣмъ, что родится въ деревнѣ, законодательство Екатерины II не могло не увеличить какъ внѣшняго, такъ и внутренняго товаро-

обмѣна. А спросъ на русское сырье въ Англіи усиливался, благодаря переживаемой ею промышленной революціи. Въ 1808 г. вывозъ доходилъ у насъ уже до 61.470.000 рублей, при ввозѣ въ 46.650.000; торговый балансъ склонялся, такимъ образомъ, въ нашу пользу. Все это измѣнилось въ періодъ времени, слѣдовавшій за миромъ въ Тильзитѣ: съ 1806 по 1808 г. наши обороты по внѣшней торговлѣ съ 107.445.000 пали до 31.000.000 (ibid., стр. 252).

И, не пускаясь въ дальнѣйшія подробности, можно сказать, что приведенныя данныя не оправдываютъ представленія о томъ, будто Россія ничего не теряла отъ распространенія на нее континентальной системы. Г. Пичета указываетъ, что къ эпохѣ освободительной войны наше отечество переросло натурально-хозяйственный укладъ жизни и вступило въ начальную эру капиталистическаго развитія. Я полагаю, поэтому, что Александръ подчинился вліянію не одного дворянства, когда счелъ нужнымъ отступить отъ строгаго соблюденія того высокаго таможеннаго тарифа въ цѣлыхъ 50% стоимости товара, которымъ съ 1811-го года обложены были англійскіе продукты. Наполеонъ завершилъ въ сентябрѣ того же года свои военныя приготовленія для похода въ Россію. Флигель-адъютантъ Чернышевъ уже въ это время доносилъ государю Александру: «война рѣшена въ умѣ Наполеона, онъ считаетъ ее необходимой для обладанія Европой; никакія уступки съ нашей стороны не могутъ отсрочить борьбы, долженствующей рѣшить участь не одной Россіи, но и всей твердой земли» (т. е. континента Европы).

Въ препирательствахъ, возникшихъ въ 1811 г. между Наполеономъ и Александромъ, рѣчь заходитъ и о Варшавскомъ герцогствѣ. Александръ заподозриваетъ императора французовъ въ намѣреніи возстановить Польшу; Наполеонъ приписываетъ Александру желаніе захватить Варшавское герцогство. Что было справедливаго въ этихъ взаимныхъ нареканіяхъ? Собирался ли дѣйствительно Наполеонъ I возродить Рѣчь Посполитую? Не было ли къ тому серьезныхъ препятствій? Получили ли поляки какія-либо опредѣленныя обѣщанія? Не считать ли, наоборотъ, роковой политической ошибкой, уменьшившей шансы предпринятаго французами похода, выжидательное отношеніе, въ какое Наполеонъ сталъ къ вопросу о возсозданіи Польши и Литвы? Таковъ рядъ вопросовъ, какими задались иностранные и русскіе повѣствователи, отчасти по случаю наступающаго столѣтія отечественной войны, отчасти подъ вліяніемъ вновь обнародованныхъ матеріаловъ. Въ сборникѣ, изданномъ подъ общей редакціей

гг. Дживилегова, Мельгунова и Пичета, разбираются всѣ эти вопросы. Варшавское герцогство, созданное Наполеономъ въ 1807 г.,—пишетъ г. Рябининъ,—результатъ сложной дипломатической работы: оно должно было и удовлетворить видамъ Наполеона, и вознаградить поляковъ за кровь, пролитую ими подъ французскими знаменами, и возбудить въ участницахъ польскихъ раздѣловъ, Австріи и Россіи, тревогу за цѣлость ихъ польскихъ владѣній. По Тильзитскому договору отъ 25 іюня (7 іюля) 1807-го года на престолъ вновь образованнаго великаго герцогства Варшавскаго былъ возведенъ саксонскій король Фридрихъ-Августъ. Созданіемъ Варшавскаго герцогства Наполеонъ ослаблялъ Пруссію, лишая ее значительной части ея территоріи, и создавалъ удобный базисъ для возможныхъ будущихъ военныхъ дѣйствій противъ Россіи и Австріи. Государству, выкроенному изъ коренныхъ польскихъ областей, Наполеонъ далъ чуждо звучавшее въ ушахъ поляковъ названіе Варшавскаго герцогства. Онъ тщательно избѣгалъ въ оффиціальныхъ актахъ словъ: полякъ и польскій, желая разсѣять опасенія Россіи и Австріи за цѣлость отобранныхъ ими у Польши владѣній. Давая конституцію населенію Варшавы и Великой Польши, Наполеонъ обязался согласовать ее со спокойствіемъ сосѣднихъ государствъ, т. е. не включать въ нее ничего такого, что бы могло служить признаніемъ правъ поляковъ на польскія земли, присвоенныя себѣ этими государствами.

Образованіе незначительнаго герцогства, насчитывавшаго всего 2 милліона 400 тысячъ жителей, не считалось ни поляками, ни самимъ Наполеономъ, достаточнымъ вознагражденіемъ за военную помощь, оказанную поляками французамъ во всѣхъ ихъ войнахъ съ 1797 по 1801 г., а равно и въ 1806-мъ году, когда съ французскими войсками дралась бокъ о бокъ и организованная по призыву Наполеона польская армія. Представившейся ему польской депутаціи Наполеонъ заявилъ, что стѣсненъ въ рѣшеніи польскаго вопроса подозрительностью сосѣднихъ монархій. Отвѣтъ, данный послѣ перехода французовъ черезъ Нѣманъ однимъ изъ саперовъ Наполеоновскихъ полчищъ подъѣхавшимъ къ нимъ казакамъ—отвѣтъ на вопросъ: «что вы за люди и зачѣмъ вы въ Россіи?»—гласилъ: «мы французы, пришли воевать съ вами, взять Вильну и освободить Польшу» (см. мемуары Сегюра, т. I, стр. 126). Онъ способенъ вызвать въ умѣ представленіе, что война 1812-го года имѣла между прочимъ въ виду установленіе польской независимости. Но было ли такъ на самомъ дѣлѣ? Въ интересной статьѣ, написанной г. Погодинымъ и озаглавленной «Наполеонъ и Польша», разсказывается, что разъ война съ Рос-

сіей стала неизбѣжной въ глазахъ императора, онъ счелъ нужнымъ отправить въ Варшаву резидентомъ человѣка, извѣстнаго своимъ сочувствіемъ полякамъ, а именно Биньона; на него возложена была миссія подготовить общественное мнѣніе Польши къ войнѣ съ Россіей; въ инструкціи, данной ему Наполеономъ, поляки могли найти мысли, имъ особенно дорогія. На новаго резидента возлагалась обязанность «дать правительству герцогства направленіе, которое подготовило бы его къ великимъ перемѣнамъ, имѣющимъ быть осуществленными императоромъ на пользу польскаго народа». «Намѣреніе императора»—значилось далѣе въ этомъ актѣ — «заключается въ томъ, чтобы организовать Польшу въ предѣлахъ всей или части прежней ея территоріи, не прибѣгая для этого къ войнѣ». «Безъ возстановленія Польши, — говорится далѣе въ томъ же актѣ, — Европа не будетъ имѣть надлежащихъ границъ со стороны Россіи; Австрія и Германія будутъ противопоставлены непосредственно сильнѣйшему государству на свѣтѣ. Истинныя намѣренія Наполеона были, однако, далеки отъ только что выраженныхъ пожеланій; въ нотѣ, отправленной почти одновременно въ Петербургъ, шла рѣчь о готовности императора французовъ отказаться отъ всякаго предпріятія, которое могло бы повести къ возстановленію Польши. Депеша, разумѣется, была тайной и не могла, поэтому, измѣнить отношенія къ нему поляковъ. Во время подготовленія къ войнѣ съ Россіей Наполеону необходимо было обезпечить себѣ поддержку Пруссіи и Австріи. Этимъ объясняется заключеніе имъ договора съ имперіей Габсбурговъ, въ составъ котораго были включены тайные пункты, касавшіеся Галиціи. Галиція должна была остаться и впредь во владѣніи Австріи; въ томъ же случаѣ, если бы часть ея отошла къ польскому королевству, Австріи было обѣщано присоединеніе къ ней Иллирійскихъ провинцій. Передъ своимъ походомъ въ Россію, Наполеонъ 30-го мая 1912 года прибылъ въ Познань; здѣсь выработанъ былъ проектъ образованія генеральной конфедераціи и условлено было, что она прибѣгнетъ къ Наполеону съ просьбой возстановить прежнюю Польшу, за исключеніемъ изъ нея Галиціи; та же конфедерація должна была обратиться и къ населенію прежней Рѣчи Посполитой съ предложеніемъ объединиться съ герцогствомъ Варшавскимъ. При этомъ прежде всего имѣлась въ виду Литва; возстаніе ея противъ Россіи входило, очевидно, въ разсчеты Наполеона. Воспослѣдовавшая замѣна Биньона аббатомъ Прадтомъ, была понята поляками какъ ручательство въ томъ, что Наполеонъ намѣренъ обратить Варшаву въ столицу большого

самостоятельнаго государства. Въ своемъ обращеніи къ солдатамъ Наполеонъ одновременно называлъ войну съ Россіей «второй польской кампаніей». Принимая польскихъ делегатовъ, онъ не отказывался отъ раздачи двусмысленныхъ обѣщаній.

Въ мемуарахъ одного изъ участниковъ похода, доктора Генриха фонъ-Брандта, появившихся еще въ 1869 г. и отрывки изъ которыхъ перепечатаны недавно Кирхейзеномъ въ сочиненіи: «Гибель Наполеона», отмѣченъ рядъ интересныхъ подробностей на счетъ впечатлѣнія, произведеннаго Наполеономъ въ польскихъ земляхъ. Брандту пришлось быть въ Познани 27 мая, во время проѣзда Наполеона; онъ говоритъ съ чужихъ, къ сожалѣнію, словъ о томъ дурномъ впечатлѣніи, какое императоръ произвелъ на польскую знать, собранную въ рефекторіи іезуитскаго монастыря для его встрѣчи. Увидѣвъ ее наряженной въ придворные костюмы, Наполеонъ обратился къ ней со словами: «Мнѣ пріятнѣе было бы видѣть васъ обутыми въ сапоги со шпорами, съ привѣшеннымъ къ поясу мечемъ—такъ, какъ были одѣты ваши предки на случай набѣга татаръ и казаковъ; времена, въ которыя мы живемъ, таковы, что надо быть вооруженнымъ съ ногъ до головы и держаться за рукоятку сабли». Самъ Наполеонъ, повидимому, остался недоволенъ слишкомъ молодымъ составомъ набранныхъ въ Познани рекрутъ: «Я нахожу солдатъ черезчуръ юными — мнѣ надо людей способныхъ выносить усталость, подростки же годны только къ тому, чтобы наполнять ими госпитали».

Тотъ же свидѣтель, въ бытность свою въ Вильнѣ, отмѣчаетъ впечатлѣніе, какое произвели слова, сказанныя Наполеономъ въ отвѣтъ на адресъ, поднесенный ему 28 іюня депутаціей отъ варшавскаго сейма, съ сенаторомъ Выбыцкимъ во главѣ. Выбыцкій закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: «Скажите только, государь, что Польское королевство существуетъ, и вашъ декретъ всѣмъ міромъ будетъ признанъ за реальность». Наполеонъ, отвѣчая ему, сталъ настаивать на той мысли, что ему приходится мирить много противорѣчивыхъ интересовъ и осуществить немало обязательствъ. «Я люблю вашу націю,—сказалъ онъ,—я сочувствую всему вами сдѣланному, я разрѣшаю ваши новыя усилія; все, что будетъ зависѣть отъ меня для осуществленія вашихъ резолюцій, я сдѣлаю; если ваши усилія будутъ единодушны, вы въ правѣ надѣяться, что враги ваши вынуждены будутъ признать ваши права, но въ этихъ отдаленныхъ странахъ на единодушія усилій населяющихъ ихъ жителей вы должны опирать всѣ ваши надежды на успѣхъ. Я высказался въ

томъ же смыслѣ и при первомъ моемъ появленіи въ Польшѣ; считаю нужнымъ прибавить, что мною гарантирована австрійскому императору цѣлость состоящихъ подъ его властью государствъ, и поэтому мнѣ невозможно допустить никакого шага, который поколебалъ бы мирное обладаніе имъ тѣмъ, что осталось у него отъ польскихъ провинцій. Если Литва, Самогитія, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Волынь, Украйна, Подолія будутъ одушевлены тѣми же чувствами, какія я нашелъ въ Великой Польшѣ, Провидѣніе несомнѣнно увѣнчаетъ успѣхомъ ваше великое дѣло; оно вознаградитъ вашу преданность родинѣ, которая сдѣлала васъ столь заслуживающими сочувствія; этой преданностью вы завоевали себѣ мое уваженіе и покровительство». (см. «Исторію Консульства и Имперіи» Тьера, брюссельское изд., 1856 г., т. XIV, стр. 115 и 116).

Авторъ мемуаровъ, докторъ фонъ-Брандтъ, сообщаетъ, что одинъ изъ весельчаковъ солдатъ его роты истолковывалъ слова императора такъ: «конфедерація, провозглашенная въ Варшавѣ съ разрѣшенія Наполеона, означала въ сущности то, что французы такъ же охотно будутъ грабить Литву, какъ они ограбили уже Польшу.

Вопросу о возникновеніи польской конфедераціи въ 1812 г. въ III т. сборника, изданномъ исторической комиссіей, посвящена г. Пичета особая статья. По занимающему насъ вопросу она не прибавляетъ, къ сожалѣнію, ничего новаго къ извѣстному повѣствованію Тьера.

Мы до сихъ поръ не имѣемъ данныхъ для провѣрки показаній г-жи Сталь о томъ, будто при свиданіи съ русскимъ посланцемъ, министромъ полиціи Балашовымъ, Наполеонъ въ Вильнѣ сказалъ о полякахъ слѣдующее: «ужъ не воображаете ли вы, что я очень озабоченъ судьбою этихъ якобинцевъ?» Шатобріанъ, приводящій въ своихъ мемуарахъ «Изъ-за могилы» это свидѣтельство г-жи Сталь, прибавляетъ, что по своимъ связямъ она имѣла возможность черпать свои свѣдѣнія изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ.

Та же г-жа Сталь утверждаетъ, что въ письмѣ къ графу Румянцову одинъ изъ министровъ Наполеона предлагалъ даже вычеркнуть имя Польши и поляковъ изъ оффиціальныхъ актовъ. Во всемъ этомъ Шатобріанъ видитъ доказательство того, что Наполеонъ чувствовалъ отвращеніе къ «храбрымъ просителямъ, озабоченнымъ возрожденіемъ своей родины».

Документы, недавно отпечатанные Виленской комиссіей для разбора древнихъ актовъ (т. XXXVII) и относящіеся

къ исторіи отечественной войны 1812-го года, касаются, между прочимъ, и той организаціи, какую получило управленіе Вел. Княж. Литовскаго во время занятія его французами, начиная съ 1-го іюля 1812 г. Сказать, однако, чтобы эти матеріалы представили въ новомъ свѣтѣ вопросъ, такъ обстоятельно изученный еще Тьеромъ, было бы несомнѣннымъ преувеличеніемъ. Они заключаютъ въ себѣ въ переводѣ тѣ самые источники, какими при изображеніи гражданской части управленія, заведеннаго въ Россіи французами, пользовался авторъ «Исторіи консульства и имперіи». По занимающему насъ вопросу нѣтъ также почти никакихъ новыхъ данныхъ въ изданной барономъ Байемъ въ 1912 г. книгѣ «Смоленскъ. Происхожденіе его эпопеи въ 1812-омъ году», съ прибавкой словъ: «на основаніи неизданныхъ источниковъ». Отпечатанные здѣсь акты болѣе касаются самаго хода военныхъ дѣйствій въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ, матеріальнаго и духовнаго состоянія французской арміи, вопроса о продовольствіи войскъ и т. д., нежели гражданской администраціи занятыхъ французами земель. Того же нельзя сказать объ историческихъ матеріалахъ, извлеченныхъ изъ сенатскаго архива, подъ наблюденіемъ А. И. Блинова, приватъ-доцентомъ Спб. унив. П. И. Гронскимъ; они касаются главнымъ образомъ устройства временнаго управленія Москвой, вслѣдъ за ея занятіемъ французами, и не одной только Москвой, но и Смоленскомъ. Я намѣренъ коснуться ближайшимъ образомъ всѣхъ этихъ данныхъ, болѣе или менѣе восполняющихъ тѣ свѣдѣнія, какія сообщили намъ на этотъ счетъ историки Наполеоновскаго похода въ Россію.

Такъ какъ гражданскій правопорядокъ, установленный завоевателемъ, былъ вездѣ одинъ и тотъ же, то я считаю возможнымъ говорить о немъ въ примѣненіи ко всѣмъ занятымъ французами областямъ. Указомъ Наполеона 1-го іюля 1812 г., изданнымъ въ Вильнѣ, правительство Великаго Княжества Литовскаго было устроено слѣдующимъ образомъ: во главѣ была поставлена комиссія изъ пяти человѣкъ, не считая генеральнаго секретаря; отдаленнымъ прообразомъ ея, очевидно, служила пятичленная французская директорія 1795 г. и возникшія по ея образцу директоріи въ отдѣльныхъ департаментахъ; этой комиссіи ввѣрено было завѣдываніе финансами края, доставка провіанта, организація мѣстнаго ополченія—народной гвардіи и жандармеріи. При комиссіи установлена должность императорскаго комиссара; комиссіи подчинены коллегіальныя управленія, созданныя по губерніямъ—Виленской, Гродненской, Минской и Бѣлосток-

ской; ихъ личный составъ ограниченъ тремя членами. Предсѣдательство въ провинціальной комиссіи принадлежитъ интенданту, очевидно призванному играть ту же роль, какую во французскихъ департаментахъ исполняютъ префекты; вотъ почему подчиненное ему лицо, поставленное во главѣ уѣзда, носитъ тоже названіе, какое со временъ Имперіи придано во Франціи стараго порядка должности «субъ-делегата интенданта». Что касается до городского управленія, то Вильна поставлена была подъ власть мэра, четырехъ совѣтниковъ, носящихъ названія adjoints или адъюнктовъ — названіе со временъ революціи введенное и во Франціи; мэръ съ своими адъюнктами является исполнительнымъ органомъ по отношенію къ совѣщательному органу, муниципальному совѣту,—опять-таки учрежденію скопированному съ французскаго образца. Я касаюсь одного гражданскаго устройства, а не военнаго; иначе мнѣ пришлось бы говорить о сформированіи народной гвардіи и жандармеріи. Еще два слова о семи комитетахъ, организованныхъ Наполеономъ при временномъ правительствѣ Вел. Княж. Литовскаго; эти комитеты вѣдали одинъ — продовольственную часть, другой—полицію, третій—финансы, четвертый—военную часть, пятый—внутреннія дѣла, шестой—народное просвѣщеніе, седьмой — судебные порядки. Каждый комитетъ является коллегіей по меньшей мѣрѣ изъ 5-ти и не болѣе 10-ти членовъ. О томъ, какъ организовано было провинціальное и уѣздное управленіе, можно судить по слѣдующему: изъ Минской губерніи былъ образованъ департаментъ; во главѣ его поставлена комиссія, раздѣлившаяся на три отдѣленія: продовольствія, полиціи и финансовъ. Губернаторомъ или интендантомъ назначенъ былъ генералъ французской арміи Драниковскій, обязанности котораго временно исполнялъ генералъ Барбанегръ; въ каждомъ уѣздѣ создана была пятичленная комиссія, по назначенію центральной. Уѣзды по французскому образцу были раздѣлены на кантоны—ключвыйтства,—каждый съ особымъ подкомиссаромъ, обязаннымъ исполнять всѣ распоряженія по уѣзду. Въ городахъ возникли магистраты и ратуши, подчиненныя уѣзднымъ комиссіямъ; уѣздныя комиссіи, подобно губернскимъ, подраздѣлены на отдѣленія—продовольствія, финансовъ и полиціи. Рядомъ съ комиссіей въ уѣздѣ установлена и должность подпрефекта; онъ наблюдаетъ за порядкомъ, безопасностью и производитъ раскладку повинностей. Въ помощь ему даны два совѣтника. Подпрефектами призваны служить прежніе предводители дворянства; отказъ отъ должности не допускается. На такихъ же при-

близительно началахъ устроены были три дня спустя послѣ занятія Смоленска его муниципальная и департаментская организаціи. Аудиторъ французскаго государственнаго совѣта, Арманъ де Вилльбланшъ, назначенъ былъ интендантомъ Смоленской губерніи; имъ созданъ былъ муниципальный совѣтъ, на который возложена забота о возвращеніи жителей въ свои дома; предсѣдателемъ муниципальнаго совѣта и мэромъ назначенъ былъ отставной титулярный совѣтникъ Ярославлевъ, секретаремъ—учитель гимназіи Ефремовъ, какъ хорошо знавшій французскій языкъ. 17-го августа Вилльбланшъ издалъ прокламацію, въ которой приглашалъ жителей Смоленской губерніи довѣрчиво относиться къ французамъ и по всѣмъ дѣламъ обращаться въ составленное въ Смоленскѣ изъ «высшихъ русскихъ согражданъ» новое присутствіе, называемое «муниципалите», т. е. «градоправительственный совѣтъ». Главною обязанностью этого совѣта было снабженіе французской арміи провіантомъ и фуражемъ, распредѣленіе войскъ по квартирамъ, поддержаніе чистоты въ городѣ, снабженіе французовъ небходимыми строительными и прочими матеріалами, предоставленіе въ ихъ распоряженіе необходимаго количества рабочихъ и, наконецъ, сношеніе съ комиссарами, назначенными французами въ уѣздахъ и набранными изъ русскихъ помѣщиковъ. Большинство мѣстныхъ обывателей старалось уклониться отъ несенія возложенныхъ на нихъ обязанностей. Французскія власти вынуждали ихъ согласіе, часто подъ угрозой смерти. Комиссарамъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, нерѣдко опредѣлявшимся на службу безъ предварительнаго ихъ опроса о согласіи, поручено было возстановить и охранять порядокъ, выслушивать и принимать всевозможныя жалобы и ходатайства, снабжать провіантомъ и фуражемъ городъ Смоленскъ и французскую армію, по требованію интендантовъ. Тѣ же комиссары нерѣдко заботились объ охранѣ имущества мѣстныхъ жителей отъ грабежа, мародерства и поджога, со стороны какъ французскихъ солдатъ, такъ и русскихъ грабителей. Для руководства дѣятельностью комиссаровъ учреждена была въ Смоленскѣ верховная комиссія, составленная изъ французовъ и русскихъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ устройствѣ гражданскаго управленія въ Москвѣ послѣ занятія ея французами. Генералъ-губернаторомъ города и провинціи назначенъ былъ Наполеономъ маршалъ Мортье, а гражданскимъ управителемъ—Лессепсъ; послѣдній издалъ прокламацію къ жителямъ Москвы, предлагая имъ вернуться въ свои жилища и увѣряя, что порядокъ возстано-

вленъ и поддерживаемъ при помощи муниципалитета и городской полиціи; муниципалитетъ будетъ составленъ изъ русскихъ, члены его будутъ носить черезъ плечо красную ленту, городской же голова, или мэръ, сверхъ того—бѣлый поясъ. Муниципалитетъ раздѣленъ былъ на 6 департаментовъ, во главѣ которыхъ поставлены были помощники городского головы, «adjoints». Къ компетенціи муниципалитета и его департаментовъ отнесено было: содержаніе въ порядкѣ дорогъ, улицъ и мостовыхъ, попеченіе о больницахъ и госпиталяхъ, охрана свободы богослуженія, защита труда мастеровыхъ и ремесленниковъ, расквартированіе войскъ, забота объ общественной безопасности и спокойствіи, мировая юстиція и исправительная полиція, общественное призрѣніе, очистка улицъ и садовъ отъ труповъ людей и животныхъ. Наряду съ муниципалитетомъ образована была и городская полиція. Она препоручена была двумъ главнымъ комиссарамъ, или полиціймейстерамъ и 20-ти участковымъ. На эти должности назначены преимущественно лица французскаго происхожденія, проживавшія въ Москвѣ. Донесенія ихъ дошли до насъ. Въ нихъ говорится всего чаще о пожарахъ и мародерствѣ, о томъ, что цѣлыя улицы выгорѣли и изъ всѣхъ строеній уцѣлѣли однѣ церкви. Часто упоминается объ истязаніи французами лошадей: солдаты, забавы ради, отрѣзали у нихъ хвосты и перерѣзывали имъ ноги [1]).

Мы видѣли, что въ числѣ заботъ муниципалитета было охраненіе свободы богослуженія. Наполеонъ озабоченъ былъ мыслью о томъ, чтобы естественная вражда къ нему русскихъ не осложнялась еще оскорбленіемъ ихъ вѣры или культа. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ о его отношеніи въ Смоленскѣ къ тому священнику, который явился къ нему съ ходатайствомъ за мирныхъ жителей, искавшихъ убѣжища въ храмѣ. Наполеонъ принялъ священника весьма благосклонно и вернулъ его къ паствѣ въ сопровожденіи пикета солдатъ, на которыхъ возложена была забота о его безопасности.

Объ этихъ фактахъ заходитъ рѣчь одинаково и у Жомини, и у Сегюра. Въ своемъ недавнемъ сочиненіи объ эпопеѣ Смоленска въ 1812 г. баронъ де Вауе приводитъ слова, обращенныя императоромъ французовъ къ представителю православной церкви. Въ отвѣтъ священнику, объявившему, что онъ оказываетъ пріютъ въ храмѣ всѣмъ потерпѣвшимъ отъ пожара и оставшимся безъ крова, Наполеонъ сказалъ: «Богъ озаботится судьбою несчастныхъ жертвъ войны и наградитъ васъ за вашу смѣ-

[1]) См. Журн. Мин. Юст. за 1912 г., № 3. стр. 216—223.

лость. Идите съ миромъ, добрый пастырь; если бы всѣ священники слѣдовали Вашему примѣру и не отказались отъ миссіи защиты мира, которая на нихъ возложена Небомъ, если бы они не покинули храмовъ, которые, при ихъ присутствіи, становятся священными, мои солдаты пощадили бы эти пріюты. Всѣ, вѣдь, мы христіане, и вашъ Богъ—нашъ Богъ» [1]).

Заканчиваю мой очеркъ разсмотрѣніемъ вопроса о томъ, какія причины еще до пожара Москвы порождали у французовъ опасенія, а у русскихъ надежду на неуспѣхъ предпринятаго Наполеономъ похода. Я, разумѣется, не коснусь вопросовъ стратегіи или тактики, какъ мнѣ недоступныхъ; я не буду говорить объ отдѣльныхъ сраженіяхъ, о томъ, на чьей сторонѣ осталась побѣда, какія ошибки допущены были съ обѣихъ сторонъ и т. д.; я укажу только, на основаніи мемуаровъ и писемъ современниковъ, на тѣ причины, которыя неизбѣжно должны были вести къ ослабленію вторгшихся въ Россію полчищъ, еще до прибытія ихъ въ Москву.

Въ недавно отпечатанныхъ воспоминаніяхъ Генриха фонъ-Роосъ, врача въ Наполеоновскомъ войскѣ, упоминается о томъ, какъ, вслѣдъ за переходомъ черезъ Нѣманъ, стало исчезать въ Наполеоновской арміи прежнее оптимистическое отношеніе къ предстоящему походу. Причиной тому былъ недостатокъ въ припасахъ для корма людей и скота, въ связи съ этимъ открылись болѣзни и потеряно было много лошадей. Число введенныхъ Наполеономъ войскъ оцѣнивается различно. Кто говоритъ о шестистахъ слишкомъ тысячахъ, кто всего на всего о 450 т.

Еще до прибытія въ Вильну болѣе 40 тыс. человѣкъ выбыли изъ строя, потому ли, что отстали на пути, или добровольно дезертировали, переходя обратно черезъ Нѣманъ. Составъ войска изъ разныхъ національностей въ значительной степени объясняетъ меньшую сплоченность его, сравнительно съ тѣми войсками, которыя Наполеонъ ранѣе водилъ въ Италію, или съ которыми ему приходилось выигрывать сраженія при Маренго или Аустерлицѣ. Кромѣ французовъ, въ войскѣ Наполеона Шатобріанъ насчитываетъ 26 тысячъ итальянцевъ, 80 т. нѣмцевъ, принадлежащихъ къ Рейнской конфедераціи, 30 т. австрійцевъ и 20 т. пруссаковъ,—итого 180 т. человѣкъ, набранныхъ

1) См. книгу барона Вауе (Парижъ, 1912, с тр. 128—129).

2) Въ мемуарахъ «Изъ-за могилы» Шатобріанъ опредѣляетъ цифру всѣхъ введенныхъ Наполеономъ полчищъ въ 600.000. Меньшую цифру даютъ мемуары Марбо.

изъ чужеземцевъ, болѣе или менѣе насильственно вовлеченныхъ въ борьбу человѣкомъ, ранѣе враждовавшимъ съ ихъ родиной. Современники теряются въ догадкахъ, почему Наполеонъ придалъ такой пестрый составъ своему войску. Одни видятъ въ этомъ желаніе пощадить по возможности собственныхъ подданныхъ, другіе—желаніе оставить за собою поменьше туземныхъ ополченій.

Тьеръ указываетъ, что съ самаго начала похода обнаружился недостатокъ не въ мясѣ, котораго было изобиліе, а въ мукѣ. Въ хлѣбномъ зернѣ также не чувствовалось недостатка; русскіе озаботились истребленіемъ муки, мельницъ и запасовъ овса, въ томъ разсчетѣ, что зерно не сразу можетъ быть обращено въ хлѣбъ, а лошади, не получая овса, не въ состояніи долго переносить нелегкій трудъ, на нихъ возложенный [1]).

Первая забота Наполеона, по достиженіи имъ Вильны, состояла въ постройкѣ хлѣбопекаренъ. Въ городѣ оказалось недостаточное число ихъ, способное поставлять ежедневно не болѣе 30 тыс. порцій, требовалось же немедленно по меньшей мѣрѣ 100 тыс., а въ ближайшіе дни цѣлыхъ 200 тысячъ. Говоря о полкахъ, поставленныхъ подъ начальство маршаловъ Удино и Нея и вошедшихъ въ Вильну, Тьеръ говоритъ: «имъ недоставало хлѣба, соли, спиртныхъ напитковъ. Они тяготились тѣмъ, что имъ приходилось ѣсть мясо безъ приправы, или замѣнять булки разведенной въ водѣ мукою. Лошади крайне ослабѣли, благодаря недостатку овса. Число отставшихъ въ арміи было значительно. Такъ какъ жители разбѣжались, ища убѣжища въ лѣсахъ, то не у кого было спросить дорогу. Препятствіемъ къ тому служило и незнаніе языка. Передвиженіе затруднено было также большимъ количествомъ подводъ подъ артиллерію и багажъ. Онѣ запрудили дорогу и мѣшали свободному проходу войскъ» [2]). Ко всему этому прибавился страшный ливень 28 іюля, сопровождавшійся непогодой, сыростью и холодомъ въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней.

Въ войскѣ обнаружилась диссентерія, подъ вліяніемъ частью быстрой перемѣны погоды, частью преобладанія почти исключительно мясной пищи, особенно свинины, наконецъ, необходимости проводить ночь въ открытомъ полѣ, такъ какъ домовъ едва хватало для чиновъ генеральнаго штаба.

Тьеръ указываетъ также на то, что Наполеонъ, вербуя лошадей для войска и въ Швейцаріи, и въ Италіи, и въ Германіи,

---

[1]) «Исторія Консульства и Имперіи», т. XIV, стр. 30.
[2]) Ibid., стр. 34—35.

набралъ лошадей слишкомъ молодыхъ и непривычныхъ къ перевозкѣ большихъ грузовъ. По песчаной почвѣ Польши имъ пришлось тянуть громадные обозы и довольствоваться одной смоченной дождемъ зеленой рожью [1]). Благодаря холоднымъ и дождливымъ ночамъ 29 и 30 іюля, нѣсколько тысячъ лошадей погибли въ открытомъ полѣ. Пришлось побросать на пути обозы, которые затѣмъ и были разграблены оставшимися позади солдатами. Всѣ историки войны 1812 г. одинаково указываютъ на то, что мародерство очень скоро развилось въ тылу арміи. По дорогѣ отъ Нѣмана въ Вильну отъ 25 до 30 тыс. баварцевъ, вюртембергцевъ, итальянцевъ, уроженцевъ ганзейскихъ городовъ, испанцевъ и даже французовъ покинули—пишетъ Тьеръ,—свои полки, занялись грабежомъ оставленныхъ по дорогѣ обозовъ, а затѣмъ и литовскихъ замковъ. Наполеонъ не нашелъ другого средства помочь бѣдѣ, какъ остановиться на нѣсколько дней въ Вильнѣ. Онъ надѣялся дать тѣмъ возможность возсоединиться съ арміей всѣмъ, кто отсталъ отъ нея по пути. Строгой экзекуціей мародеровъ онъ одновременно думалъ предупредить дальнѣйшее распространеніе этой язвы въ войскахъ. На сколько значительно было вліяніе только что указанныхъ причинъ на сокращеніе числа войскъ, можно судить по тому, что изъ 120 тысячъ человѣкъ, которые были поставлены подъ начальство Макдональда, Удино, Нея и Мюрата, можно было насчитать лишь отъ 107—108 т. ч. [2]).

Недавно отпечатанные мемуары Рооса подтверждаютъ свидѣтельства другихъ современниковъ о суровости, съ какой Наполеонъ преслѣдовалъ мародеровъ. «На третій или четвертый день по оставленіи Вильны»—читаемъ мы въ этихъ мемуарахъ, составленныхъ на близкомъ разстояніи отъ перехода черезъ Березину [3]), «нашли мы на пути кирасирскій отрядъ, выстроившійся четырехугольникомъ. Въ серединѣ мы увидѣли четырехъ солдатъ, занятыхъ копаніемъ ямъ. На нашъ вопросъ, что это означаетъ, намъ отвѣтили: военнымъ судомъ они приговорены за мародерство и насиліе къ смертной казни. Ихъ велѣно разстрѣлять. Они готовятъ теперь собственныя могилы [4]). Другой современникъ, фонъ-Брандтъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ на пути отъ Нѣмана до Вильны. 27-го іюня онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: нигдѣ не видно ни одного жителя. Близъ лежащія селенія почти разрушены. Войска, ранѣе насъ

---

1) О томъ же идетъ рѣчь и въ мемуарахъ Марбо.
2) Тьеръ, Т. XIII, стр. 43. [illegible]
3) См. вступленіе, стр. LXVIII.
4) Ibid., стр. 27.

прошедшія тутъ, разбили дома и пожгли ихъ доски во время своего бивуака. Поселяне скрываются въ сосѣднемъ лѣсу. Леденящій дождь лилъ всю ночь. Солдаты провели ее вокругъ огня, поддерживаемаго брошенными въ него деревьями. Слѣдующій день, 28-го, опять лилъ дождь, и мы страдали отъ холода. Вокругъ все было разграблено и опустошено. Села, черезъ которыя намъ приходилось проходить, лежали въ развалинахъ. Около Средниковъ, гдѣ мы остановились для бивуака, молодыя поросли ржи повсюду были скошены и даны на съѣденіе лошадямъ. Солдаты, принадлежавшіе къ молодой гвардіи императора, за которой мы слѣдовали по пятамъ, цѣлыми кучами валялись по дорогѣ. 30-го мы остановились на близкомъ разстояніи отъ Вильны; вдоль и поперекъ страна казалась пустыней. Цѣлыя деревни были снесены, на бивуакахъ нищіе подходили просить хлѣба. Они рисовали намъ жалобную картину насилій и грабительствъ, произведенныхъ по всему пути, и дѣйствительно повсюду намъ попадались покинутые и разграбленные обозы, отставшіе отъ полковъ солдаты, и притомъ въ такомъ числѣ, что ими заняты были не только села и мѣстечки, но нерѣдко и вся дорога. На разстояніи четверти мили и даже половины ея тянулись телѣги съ запряженными въ нихъ маленькими мѣстными лошадками. На телѣгахъ мародеры нагрузили все ими награбленное въ селѣ [1]).

И на пути изъ Вильны въ Минскъ повторились тѣ же сцены. Войскамъ приходилось устраиваться на ночь по близости къ лѣсу, такъ какъ деревни были снесены. На бивуакахъ чувствовался недостатокъ провіанта. О какомъ бы то ни было правильномъ распредѣленіи пищи не могло быть и рѣчи. Гдѣ это было возможно, отбирали награбленное у мародеровъ. За мясомъ посылали въ глубь лѣсовъ, куда крестьяне угнали скотъ. Дороги размыты были дождемъ и усѣяны трупами павшихъ лошадей. Приходилось замѣнять ихъ набранными на мѣстахъ, но такъ какъ онѣ получали такое же плохое продовольствіе, какъ и прежнія, то ихъ постигала въ близкомъ будущемъ та же судьба.

Не болѣе двухъ недѣль прошло со времени перехода черезъ Нѣманъ, и уже въ арміи выступали явственные признаки разложенія. Многихъ людей не доискивались въ полкахъ. Авторъ мемуаровъ говоритъ, что наибольшія потери людьми понесены были въ новыхъ полкахъ, набранныхъ въ сѣверной Германіи. Такъ, въ одномъ изъ такихъ полковъ, принадлежавшемъ къ

1) Ibid., стр. XXXIII—XXXVI.

дивизіи генерала Кампанъ и составленномъ изъ 4-хъ батальоновъ, ко времени прибытія въ Минскъ оказалось всего навсего нѣсколько сотъ человѣкъ.

Эти свидѣтельства мемуаровъ находятъ подтвержденіе въ перепискѣ современниковъ. 1-го іюля 1812-го года Шёнъ пишетъ изъ Гумбиннена Гарденбергу: русскій крестьянинъ бѣжитъ передъ врагомъ, или скрываетъ свое имущество. 4-го іюля въ новомъ посланіи онъ прибавляетъ: по дорогѣ отъ Мемеля въ Вильно города и села опустѣли, нигдѣ нельзя найти провіанта, войска остаются безъ хлѣба, лошади французской кавалеріи умираютъ въ такомъ числѣ, что дороги покрыты ихъ трупами. Ихъ кормили зеленой рожью, отъ чего кони, какъ извѣстно, гибнутъ. Французская кавалерія въ жалкомъ состояніи. 8-го іюля тотъ же корреспондентъ пишетъ: вернувшіеся изъ Вильны сообщаютъ, что армія нуждается въ хлѣбѣ, спиртныхъ напиткахъ и всякихъ вообще припасахъ, за исключеніемъ мяса. Значительная часть лошадей—нѣкоторые говорятъ: половина всего числа,—вымерла. Въ Вильнѣ военные склады сожжены были русскими передъ входомъ французскихъ войскъ; отъ пожара спасли лишь немного овса, но онъ настолько провонялъ дымомъ, что лошади не ѣдятъ его (Chuquet, стр. 13—16).

Отъ многихъ начальниковъ не ускользала мысль о возможности потерять кампанію въ виду такой быстрой убыли людей и животныхъ. Въ мемуарахъ «Изъ-за могилы» Шатобріанъ разсказываетъ, что герцогъ Виченцскій въ Вильнѣ сказалъ однажды Наполеону въ лицо: «я добрый французъ и доказалъ это своимъ прошлымъ, я сдѣлаю это и теперь, повторяя вамъ, что война, вами затѣянная, не политична и опасна, что вы потеряете армію, Францію и Имперію» (книга вторая). Подобныя же разсужденія Брандтъ влагаетъ въ уста полковника Хузовичъ, хорошо, какъ онъ пишетъ, освѣдомленнаго человѣка. «Вы увидите», сказалъ онъ мнѣ однажды, «Наполенъ повторитъ ошибку Карла XII; онъ оставляетъ за собою поляковъ неорганизованными, литовцевъ — разгромленными. Малѣйшее пораженіе можетъ повлечь за собою нашу гибель. Разъ походъ будетъ потерянъ, вся Германія возьмется за оружіе, и тогда повторится въ ней, только въ бо̀льшемъ масштабѣ, то самое, что вы видѣли въ Испаніи. Короли, которыхъ Наполеонъ впрегъ въ свою колесницу тріумфатора, вырвутся изъ-подъ ярма, а разграбленные народы добьются кровавой мести». [1])

[1]) Ibid., стр. XXXIX.

Повидимому и самъ Наполеонъ не относился слѣпо къ надвигавшейся опасности. Онъ искалъ встрѣтиться съ непріятелемъ и сразиться съ нимъ поскорѣе въ открытомъ бою. Онъ надѣялся, что одно выигранное сраженіе обезпечитъ его политикѣ тотъ же успѣхъ, какой выпалъ ей въ удѣлъ послѣ Аустерлица и Эйлау. Вслѣдъ за переходомъ черезъ Нѣманъ онъ, какъ разсказываютъ очевидцы, не безъ риска для себя умчалъ свою лошадь въ сосѣдній лѣсъ, въ надеждѣ открыть въ немъ признаки наличности въ сосѣдствѣ русскаго войска. Не нашедши его, онъ вернулся въ лагерь крайне недовольный. Его быстрые переходы и впослѣдствіи направлены были къ тому, чтобы помѣшать соединенію Багратіоновскаго отряда съ полками, предводительствуемыми Барклай-де-Толли. Онъ искалъ встрѣчи съ каждымъ изъ этихъ двухъ военачальниковъ въ отдѣльности и по всей вѣроятности добился бы своей цѣли, если бы между его братомъ, королемъ Жеромомъ, и маршаломъ Даву не послѣдовало столкновенія, изъ-за котораго Жеромъ сложилъ съ себя возложенныя на него полномочія и его войска не поспѣли во время настигнуть Багратіона. Всѣ эти факты слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы намъ нужно было снова возвращаться къ нимъ. Я хочу отмѣтить только то, что еще мѣсяца за три до начала похода въ апрѣлѣ въ Данцигѣ распространенъ былъ слухъ, что русскій императоръ будетъ избѣгать открытаго сраженія. Граждане города объясняли это тѣмъ, что битвы съ Наполеономъ никогда не оканчивались для Александра успѣшно. [1])

Генералъ Матье Дюма, въ свою очередь, разсказываетъ, что въ Берлинѣ, въ апрѣлѣ 1812-го года, онъ получилъ отъ извѣстнаго историка Нибура слѣдующее сообщеніе: въ 1807 году въ Мемелѣ мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться съ Барклай-де-Толли, съ трудомъ оправлявшимся отъ ранъ. Онъ говорилъ со мною и отстаивалъ свой планъ защиты Россіи на случай французскаго нашествія. И такъ какъ этотъ генералъ сдѣланъ былъ съ тѣхъ поръ военнымъ министромъ и поставленъ во главѣ русской арміи, то я не сомнѣваюсь, что онъ приведетъ этотъ планъ въ исполненіе. Планъ же этотъ состоитъ въ томъ, чтобы образовать двѣ арміи, двѣ главныя массы, которыя вслѣдъ за переходомъ французовъ черезъ Нѣманъ отступятъ и займутъ каждая крѣпкое положеніе за траншеями. Здѣсь онѣ будутъ ждать событій и, сообразно имъ, или будутъ дѣйствовать врознь, или соединятся и кондентрируются, уходя еще далѣе

[1]) См. Arthur Chuquet, «1912 годъ. Русская война». Изд. 1912 г., стр. V.

вглубь страны, въ одной изъ двухъ занятыхъ позицій или на промежуточномъ стратегическомъ пунктѣ, смотря потому, какъ опредѣлится планъ наступленія со стороны французовъ. Вашимъ колоннамъ противуставлены будутъ всѣ препятствія, созданныя природой страны; васъ ждетъ также рядъ частныхъ стычекъ, направленныхъ къ ослабленію арміи. Но русскіе сдѣлаютъ это, продолжая отступленіе въ направленіи къ Москвѣ, къ сердцу имперіи, и избѣгая по возможности всякаго общаго сраженія. Генералъ Барклай-де-Толли убѣжденъ, что такимъ кунктаторствомъ онъ ослабитъ великую армію. Оставляя непріятелю разоренную и покинутую жителями страну, русскій генералъ разсчитываетъ нанести роковой ударъ вашей многочисленной и прекрасной кавалеріи. Въ то же время онъ сохранитъ свои резервы и получитъ нужныя ему подкрѣпленія въ новомъ наборѣ. Въ концѣ концовъ, вмѣсто рѣшительной побѣды, васъ ждетъ новая Полтава. Дюма прибавляетъ отъ себя, что слышанное отъ Нибура было переданъ имъ генералу Бертье и при его посредствѣ дошло до Наполеона [1]).

Если уже вскорѣ послѣ заключенія мира въ Тильзитѣ Барклай-де-Толли высказывалъ мысль о необходимости при оборонительной войнѣ вовлечь непріятеля непрекращающимся отступленіемъ во внутрь страны, то трудно согласиться съ ходячимъ воззрѣніемъ, будто весь планъ оборонительной войны выработанъ былъ иностранцемъ, генераломъ Пфулемъ, хранился въ секретѣ императоромъ Александромъ отъ своихъ ближайшихъ полководцевъ и приводимъ былъ въ исполненіе по частямъ личными приказами государя, удалившагося, правда, изъ главной квартиры для поѣздки въ Москву и Петербургъ, но продолжавшаго, тѣмъ не менѣе, руководить всѣми дѣйствіями своихъ войскъ издалека.

Я нахожу послѣдній откликъ этой развитой еще Тьеромъ точки зрѣнія въ недавнемъ сочиненіи проф. Довнаръ-Запольскаго: «Обзоръ новѣйшей русской исторіи» (т. I, Кіевъ, 1912 г.). Несмотря на отдаленность своего пребыванія отъ арміи—пишетъ авторъ,—не смотря на тогдашнее неудобство сношеній, весь ходъ военныхъ операцій былъ налаженъ такимъ образомъ, что фактически ими руководилъ императоръ. Имъ былъ принятъ пагубный планъ Пфуля, и этотъ планъ должны были выполнять

[1]) См. Мемуары Матье Дюма, т. III, стр. 416—417; приведенный текстъ воспроизведенъ у Шюке на 10—11 стр.

генералы, его не одобрявшіе. Мало того: противъ единой арміи непріятеля дѣйствуетъ съ русской стороны рядъ отдѣльныхъ армій, каждая изъ которыхъ, безъ связи другъ съ другомъ, руководствуется распоряженіями, идущими отъ императора» [1]). Авторъ приводитъ въ подтвержденіе своей мысли, между прочимъ, содержаніе письма, посланнаго Багратіономъ императору Александру I-му въ началѣ іюня. Въ немъ Багратіонъ жалуется на то, что не пользуется довѣріемъ государя; ему не открытъ планъ операціонныхъ дѣйствій, «а потому онъ и не можетъ удобно распоряжаться командуемой имъ арміей». Отвѣчая на это письмо, Александръ не счелъ нужнымъ открыть Багратіону планъ дѣйствій. Барклай де-Толли въ это его также не посвятилъ. Багратіонъ желалъ наступленія и потому не понималъ движеній Барклая-де-Толли. «Богъ его вѣдаетъ»—пишетъ онъ Растопчину,—«что онъ хочетъ изъ насъ сдѣлать, милліонъ перемѣнъ въ минуту, и мы, назадъ и вбокъ шатаясь, кромѣ мозолей на ногахъ и усталости, ничего хорошаго не пріобрѣли; истинно не вѣдаю таинства его... Вождь нашъ, по всему его поступку съ нами, не имѣетъ вожделѣннаго разсудка, или же—лисица». Только значительно позже, говоритъ Довнаръ-Запольскій, Багратіонъ удостовѣрился въ томъ, что бѣгство русской арміи» является исполненіемъ воли Государя. «Барклай говоритъ»,—пишетъ онъ значительно позже Ростопчину, «что Государь запретилъ ему давать рѣшительное сраженіе. По моему видно, что государю угодно, чтобы вся Россія была занята непріятелемъ» [2]).

Приводитъ г. Довнаръ-Запольскій еще одинъ фактъ, повидимому, подтверждающій его мысль. 25 іюля Барклай пишетъ: «для главнокомандующаго не понятна цѣль столь быстраго отступленія арміи, ибо такое отступленіе производитъ недовольство среди солдатъ; для главнокомандующаго остается неяснымъ, что будетъ предпринимать вся русская армія въ лагеряхъ подъ Дриссой; онъ даже боится, что при быстромъ отступленіи армія можетъ потерять изъ виду непріятеля». Изъ этого письма, пишетъ г-нъ Довнаръ-Запольскій, совершенно ясно, въ какое ложное положеніе былъ поставленъ главнокомандующій арміей и военный министръ (Барклай-де-Толли). Онъ обязанъ былъ выполнять военный планъ и военныя движенія, намѣченныя далеко въ тылу иностранцами, или же государе-

1) См. стр. 140.
2) Ibid., стр. 141.

выми адъютантами. Г-нъ Довнаръ-Запольскій смотритъ на назначеніе Кутузова главнокомандующимъ какъ на рѣшеніе, принятое военнымъ совѣтомъ какъ бы съ цѣлью положить конецъ личному руководительству войною императора Александра. Объ этомъ руководительствѣ говоритъ и генералъ Чернышевъ въ своихъ запискахъ. Онъ разсказываетъ, что Александръ самъ занялся выработкою общаго операціоннаго плана всѣхъ армій [1]).

Далеко не такъ смотритъ на дѣло человѣкъ, состоявшій все время войны при особѣ главнокомандующаго, сперва Барклая-де-Толли, а затѣмъ Кутузова: я разумѣю курляндца Левенштерна. Онъ говоритъ, что сначала думали принять генеральное сраженіе подъ Вильной и соотвѣтственно этому, былъ данъ приказъ войскамъ со всѣхъ сторонъ сойтись къ ней. Но вскорѣ оставили эту мысль, такъ какъ, при «неимовѣрномъ» преобладаніи непріятеля, сраженіе съ нимъ могло быть только гибельнымъ. Движеніе французскихъ колоннъ по направленію къ Вильнѣ вскорѣ перестало вызывать какія бы то ни было сомнѣнія, а на всемъ ихъ пути не было мѣстности, на которой можно было бы съ успѣхомъ оказать сопротивленіе врагу, несравненно болѣе многочисленному. Поэтому рѣшено было покинуть Вильну, унося съ собою или подвергая уничтоженію содержимое военныхъ складовъ. 16-го (28-го) іюня ночью Барклай-де-Толли оставилъ свою главную квартиру въ Вильнѣ. «Тѣмъ самымъ началось давно уже составленное, много разъ подвергавшееся обсужденію, живо оспариваемое, съ великими издержками подготовленное отступленіе къ Двинѣ, въ лагерь подъ Дриссою». Сильный арріергардъ былъ оставленъ позади, чтобы помѣшать слишкомъ быстрому напору врага; въ полнѣйшемъ порядкѣ произошло отступленіе по различнымъ дорогамъ. Во все слѣдовавшее затѣмъ время Барклай былъ неутомимъ. Занятый всякаго рода работой, выпадающей въ удѣлъ полководцу въ теченіе дня, онъ часть ночи удѣлялъ на обдумываніе своихъ проектовъ. Онъ проводилъ ее за картами и планами. «Меня будили ночью; чтобы изложить на бумагѣ его мысли и составить его отчеты, которыхъ ждалъ фельдъегерь у входа въ главную квартиру, съ трудомъ удерживаемыми на мѣстѣ конями».

Французы, повидимому, на первыхъ порахъ отнеслись весьма критически къ приводившемуся нами въ исполненіе плану военныхъ дѣйствій. Когда Левенштернъ посланъ былъ въ лагерь

[1]) ibid., стр. 145—147.

Мюрата, фактически въ роли соглядатая, для виду же—съ порученіемъ открыть съ нимъ переговоры, между королемъ Неаполитанскимъ и мнимымъ парламентеромъ завязалась слѣдующая бесѣда.

«Вами потеряны уже цѣлыя провинціи», сказалъ король; «васъ откинутъ еще дальше, и война несомнѣнно скоро сдѣлается вамъ невыносимой». «Нѣтъ», отвѣтилъ Левенштернъ; «охота воевать разгорается у насъ со всякой новой потерей, и такъ какъ мѣста у насъ не мало, то мы отступаемъ на большое разстояніе, чтобы легче сдѣлать прыжокъ впередъ.—«Ба—поспѣшилъ отвѣтить Мюратъ,—вы скоро узнаете, что значитъ терять провинціи; но сознаніе пробудится въ васъ слишкомъ поздно» [1]).

Въ теченіе тѣхъ 24 часовъ, которые Левенштерну пришлось провести во французскомъ лагерѣ, онъ имѣлъ такой же продолжительный разговоръ съ генераломъ Себастіани. Послѣдній сообщилъ ему самые, какъ выражается Левенштернъ, фантастическіе проекты. «Себастіани предсказывалъ походъ во внутрь Россіи главной части французскихъ войскъ, посылку на Двину сильнаго корпуса, высказывалъ полную увѣренность въ успѣхѣ, обѣщалъ возстановленіе польскаго королевства, созданіе великаго герцогства Курляндскаго, съ обширной территоріей по ту сторону Двины». «Мнѣ помнится», пишетъ Левенштернъ, «что въ разговорѣ съ нимъ зашла рѣчь даже о возстановленіи великаго гетманства казацкаго. Онъ въ то же время говорилъ о великихъ выгодахъ, какія русскій народъ получитъ отъ французовъ. Наполеонъ, несетъ-молъ для него съ собою просвѣщеніе и свободу». На это отъ Левенштерна послѣдовалъ отвѣтъ: «Мы, курляндцы, охотнѣе сдѣлаемся Азіей, въ союзѣ съ Россіей, чѣмъ Европой съ вами, или съ кѣмъ-либо другимъ».

Левенштернъ говоритъ также о судьбѣ постигшей знаменитый планъ Пфуля. «Армія», говоритъ онъ, «продолжала свое отступленіе, пока не достигла лагеря въ Дриссѣ... Лагерь этотъ былъ созданъ въ исполненіе проекта, генерала Пфуля».

Пфуль былъ какимъ-то mixtum compositum изслѣдователя-археолога, ученаго педанта, совершеннаго новичка въ дѣйствительной жизни, человѣка жившаго въ мірѣ фантазіи и потому способнаго споткнуться, найдя на пути простую соломинку. Такъ какъ его разумъ былъ ограниченъ, то и планы, имъ при-

---

[1]) См. «Паденіе Наполеона». Т. I, 1812 г. (изд. Кирхейзена, стр. 93—97).

думанные, не отличались большой глубиной. Онъ признавалъ только двухъ полководцевъ—Цезаря и Фридриха II прусскаго; остальныхъ онъ не принималъ въ разсчетъ. Все, послѣдовавшее со смерти Фридриха II, считалъ онъ регрессомъ въ военномъ искусствѣ. О Наполеоновской манерѣ вести войну не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Къ колоссальнымъ военнымъ предпріятіямъ императора французовъ онъ прилагалъ ограниченный масштабъ семилѣтней войны. Онъ хотѣлъ остановить разливъ Наполеоновскаго владычества маленькими средствами, повредить ходу его военныхъ дѣйствій передвиженіемъ нѣсколькихъ тысячъ людей, занятіемъ ими фланговыхъ позицій, способныхъ служить угрозой непріятелю, и, какъ завершеніе всего, укрѣпленнымъ лагеремъ по образцу того, какимъ окружилъ себя Фридрихъ II въ Бунзельвитеръ, выдерживая здѣсь въ теченіе недѣль напоръ численно превосходившихъ его силъ австрійцевъ и русскихъ. Въ этомъ направленіи выработанъ былъ Пфулемъ и планъ похода 1812-го года. 29 іюня (11 іюля) вошли мы въ лагерь въ Дриссѣ, продолжаетъ Левенштернъ; но едва мы оказались въ немъ, какъ раздался общій крикъ недовольства. Самому даже близорукому человѣку не мудрено было увидѣть, что въ этомъ лагерѣ мы отрѣзаны отъ болѣе богатыхъ южныхъ провинцій и что непріятель будетъ тѣснить насъ къ сѣверу, пожалуй даже къ морю. Настояніями людей съ вѣсомъ, ясно понимавшимъ положеніе, удалось на военномъ совѣтѣ у императора Александра добиться совершеннаго устраненія плановъ Пфуля. Барклаю-де-Толли развязаны были руки и дана возможность дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Онъ собрался скорыми переходами привесть стоявшую подъ его начальствомъ армію въ Витебскъ и прибыть туда раньше Наполеона, направившаго въ этотъ городъ значительную часть своихъ войскъ. Изъ Витебска Барклай надѣялся предпринять соединеніе съ войсками Багратіона. 2-го (14) іюля, три дня, слѣдовательно, спустя послѣ прибытія въ Дриссу, мы снова вышли изъ нея, но и эти три дня отдыха едва не вызвали нашей гибели. Съ немалымъ трудомъ опередили мы въ Витебскѣ непріятеля. Можно было думать, что мы бьемся объ закладъ, кто изъ насъ ранѣе, французы ли на правомъ берегу Двины, или мы, русскіе, на лѣвомъ, достигнемъ города. Исходъ похода, судьба Россіи и Европы зависѣли такимъ образомъ отъ быстроты ногъ. Русскія войска двигались быстрѣе: Россія и Европа были спасены» [1]).

1) Ibid., стр. 101—103.

Левенштернъ разсказываетъ далѣе объ интригахъ, направленныхъ противъ Барклая; наиболѣе дѣятельное участіе принималъ въ нихъ генералъ Армфельдъ, перешедшій со шведской службы и участвовавшій въ устройствѣ судебъ Финляндіи. Генералъ Паулуччи также косвенно содѣйствовалъ интригѣ. Онъ порицалъ военныя операціи Барклая и дѣлалъ видъ, что смѣется надъ нимъ. Герцогъ Александръ Вюртембергскій, принцъ Августъ Ольденбургскій, генералъ Бенигсенъ, которому успѣшный походъ въ Пруссію внушилъ преувеличенное представленіе о самомъ себѣ, безудержно и передъ всѣми указывали на мнимыя ошибки, сдѣланныя Барклаемъ, и старались породить сомнѣніе въ способностяхъ того, отъ кого исходили эти ошибки. Ермоловъ назначенный главою генеральнаго штаба при Барклаѣ, искренно его ненавидѣлъ, хотя съ внѣшней стороны и дѣлалъ видъ, что преданъ ему душою. Имъ сдѣлано было все, чтобы подъ рукою поддерживать огонь. Недовольство Барклаемъ изъ высшихъ сферъ распространилось на генераловъ, а отъ нихъ перешло и къ нижнимъ чинамъ. Императоръ Александръ, отъ вниманія котораго не ускользнули всѣ эти интриги, рѣшилъ положить имъ конецъ оставленіемъ арміи и передачей Барклаю неограниченныхъ полномочій въ командованіи войскомъ. Сѣвъ уже въ экипажъ и пожимая на прощанье руку военнаго министра, онъ сказалъ ему: «Я поручаю вамъ мою армію; не забывайте, что я имѣю только ее одну». Эти услышанныя окружающими слова несомнѣнно были въ числѣ причинъ, побудившихъ Барклая быть крайне осторожнымъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Съ самаго начала противникъ всякаго раздѣленія войска на двѣ арміи, Барклай приложилъ стараніе къ тому, чтобы достигнуть ихъ соединенія. Онъ жаловался, поэтому, на замедленіе и отсутствіе доброй воли, которыя побуждали Багратіона и Платова противиться осуществленію такой мысли. Наоборотъ, онъ хвалилъ Дохтурова и графа Петра Палена за то, что своими быстрыми переходами они проложили путь къ такому счастливому исходу [1]).

Мы знаемъ, съ другой стороны, изъ мемуаровъ французскихъ полководцевъ, въ томъ числѣ Марбо, что нежеланіе короля Вестфаліи и брата Наполеонова Жерома подчиняться приказамъ, исходившимъ отъ маршала Даву, послужило причиной, по которой французскія войска не воспротивились во время соединенію обѣихъ русскихъ армій подъ Смоленскомъ и не окружили Багратіонова войска раньше его соединенія съ арміей

[1]) Ibid., стр. 105 и 106.

Барклая, что, разумѣется, имѣло бы послѣдствіемъ совершенно иной исходъ войны.

Разсчеты Наполеона оказались ошибочными и по отношенію къ той роли, какую обычные союзники Франціи—Турція и Швеція—сыграли въ предпринятомъ имъ походѣ. Онъ не ожидалъ, что Турція заключитъ миръ съ Россіей и тѣмъ самымъ позволитъ Александру направить противъ французовъ войска, дотолѣ дѣйствовавшія на Прутѣ. Онъ еще менѣе ждалъ того, что наслѣдникъ шведскаго престола, генералъ Бернадоттъ, измѣнитъ своему слову—всегда дѣйствовать въ союзѣ съ своей родиной, Франціей—и послѣ свиданія въ Або съ императоромъ Александромъ, заручившись его обѣщаніемъ отдѣленія Норвегіи отъ Даніи и присоединенія ея къ Швеціи, пойдетъ рука въ руку съ русскимъ вѣнценосцемъ. Бернадоттъ одобрилъ планъ кампаніи, избранный Барклаемъ, и рекомендовалъ завлечь внутрь страны приведенныя Наполеономъ полчища [1]).

Гораздо ранѣе соединенія обѣихъ армій—Барклая и Багратіона,—Наполеонъ и его генералы имѣли случай не разъ задумываться надъ конечнымъ исходомъ затѣяннаго ими предпріятія. Въ виду истребительнаго характера, какой населеніе, послушное приказамъ главнокомандующаго, придало войнѣ съ французами, уничтожая свои запасы и угоняя скотъ и лошадей въ лѣса на всемъ ихъ пути, Наполеоновы полчища встрѣчали однѣ разрушенныя деревни, подожженные амбары съ хлѣбомъ и кормомъ для скота, однимъ словомъ—«настоящую пустыню».

Въ своихъ воззваніяхъ къ населенію Барклай де Толли предлагалъ «вооруженною рукою нападать на уединенныя части непріятельскихъ войскъ, дабы ни одинъ ратникъ не скрылся отъ мщенія нашего. Продѣлавшіе походъ съ Наполеономъ разсказываютъ, въ своихъ мемуарахъ, что въ войскѣ не разъ слышались предсказанія: «походъ кончится неудачей». Въ виду психологіи русскаго крестьянина, на него не оказывали никакого воздѣйствія обѣщанія свободы отъ крѣпостной зависимости, о которыхъ не разъ говорилось въ воззваніяхъ Наполеона; такія воззванія только запугивали помѣщиковъ въ Литвѣ и, какъ показываетъ въ числѣ другихъ Марбо, заставляли ихъ воздерживаться отъ серьезной помощи Наполеону. Съ другой стороны, едва ли большое вліяніе оказывали и печатныя обращенія Барклай-де Толли къ нѣмецкимъ и французскимъ солдатамъ, распространенныя въ серединѣ іюля и началѣ августа; они призывали

1) Обо всемъ этомъ говорится немало въ мемуарахъ Марбо.

солдатъ вернуться на родину и «не поддерживать честолюбивыхъ замысловъ человѣка, который не хочетъ мира и спокойно проливаетъ кровь храбрецовъ». Въ отвѣтныхъ посланіяхъ, въ редакціи которыхъ принималъ участіе самъ Наполеонъ, говорилось о порабощеніи народа въ Россіи, о томъ, что онъ поставленъ въ положеніе рабочаго скота, заходила рѣчь о рекрутчинѣ, мало чѣмъ отличающейся отъ набора лошадей и воловъ, встрѣчались напоминанія о томъ, что солдатъ бьютъ батогами и что для нихъ закрытъ всякій путь къ повышенію. Недалеко, однако, то время—гласилъ манифестъ императора французовъ—когда мы уничтожимъ рабство въ русской имперіи и возстановимъ ваши права. Крестьянинъ станетъ одновременно и подданнымъ, и гражданиномъ. Онъ сдѣлается хозяиномъ своего времени и въ правѣ будетъ распоряжаться своимъ трудомъ. Онъ перестанетъ быть собственностью своего помѣщика, подобный въ этомъ быку или лошади (Chuquet, «12-й годъ «Война съ Россіей», стр. 35—38, 40—50). Всѣ эти воззванія не оказывали дѣйствія, по той наипростѣйшей причинѣ, что большинство крестьянъ не имѣло возможности и прочесть ихъ.

Пожаръ Смоленска произвелъ на французовъ самое ошеломляющее впечатлѣніе; но гораздо ранѣе его о ни вынесли уже убѣжденіе, что русскіе не остановятся ни предъ какою жертвою. Брандтъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что задолго до Смоленска полковникъ Хлудовицъ предсказывалъ оставленіе города русскими и ихъ дальнѣйшее отступленіе. Пожаръ Смоленска авторъ мемуаровъ приписываетъ частью дѣйствію брошенныхъ въ городъ гранатъ, частью поджогу самихъ жителей. «Русскіе истребили огнемъ свои хлѣбные магазины» [1]).

Взятый въ плѣнъ хохолъ говорилъ ухаживавшему за нимъ врачу Гуличу: «вы люди добрые, но царь вашъ злодѣй; что сдѣлалъ ему нашъ царь, что хочетъ онъ отъ нашей матушки-Россіи? [2]) Подымись ты, святая земля, отстаивай нашу вѣру, нашего царя и нашу родину». Это были послѣднія его слова передъ смертью. «Таковы всѣ они,—сказалъ докторъ Гуличъ о русскихъ.—Боюсь, чтобы нашъ императоръ не затѣялъ опасной для него исторіи [3])».

Сознаніе опасности подсказывало Наполеону желаніе остановить дальнѣйшій походъ и дождаться весны, сперва въ Вильнѣ,

---

[1]) «Гибель Наполеона», изданіе Кирхейзена, стр. 45.
[2]) Ibid., стр. 46—47.
[3]) Ibid., стр. 50.

затѣмъ въ Витебскѣ. Онъ надѣялся, что русскій императоръ самъ предложитъ ему мировую. Въ его лагерѣ объясняли упорство Александра кознями Англіи и присланнаго въ его войско англійскаго агента Вильсона [1]).

Но какими бы вліяніями ни руководимъ былъ Александръ, его вѣчную славу составитъ упорство, съ какимъ онъ отклонялъ, и до, и послѣ занятія Москвы, всякія приглашенія вступить въ переговоры съ непріятелемъ. Въ письмѣ, написанномъ въ Смоленскѣ 23 августа 1812 г. и появившемся въ «Журналѣ Имперіи» въ Парижѣ, говорится: «русскіе на столько вѣрны своей системѣ отступленія, что они отойдутъ къ Москвѣ, а оттуда, пожалуй, и дальше—къ Волгѣ, и за Волгу» (Chuquet, стр. 63). Правда, Барклай-де-Толли, а за нимъ Кутузовъ, не оправдали вполнѣ этихъ ожиданій; ни тотъ, ни другой не хотѣли сдать безъ сопротивленія: первый—Смоленскъ, второй—Москву.

Битва подъ Бородинымъ была вызвана желаніемъ отстоять первопрестольную. Бородинское сраженіе было кровавой баней для обоихъ противниковъ, но всего болѣе для русскихъ. Въ концѣ концовъ они принуждены были отступить. Но это не измѣнило рѣшенія императора Александра. При вѣсти о гибели Москвы онъ поручилъ полковнику Мишо, сообщившему ему объ этомъ, повторять всюду слѣдующее: «я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелемъ съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить».

И въ этомъ довѣріи къ выносливости и патріотизму своего народа лежитъ источникъ той привязанности, какую питали къ нему, многіе годы спустя, участники освободительной войны 1812 г. Въ числѣ ихъ былъ и мой отецъ, прапорщикъ въ войскѣ, дѣйствовавшемъ еще въ 1811-мъ году противъ Турціи. Въ числѣ воспоминаній дѣтства, особенно врѣзавшихся въ мою память, были тѣ поздравленія, какія, уже глубокимъ старикомъ, онъ получалъ отъ своихъ сослуживцевъ въ день поминальной обѣдни по героямъ 12-го года. Изъ поколѣнія въ поколѣніе переходитъ восторженная память о стойкости, съ какой русскій народъ, въ полномъ единеніи со своимъ государемъ, отстоялъ независимость отчизны отъ опаснѣйшаго изъ нашествій, перенесеннаго со времени освобожденія отъ татарскаго ига. Эта память живетъ и понынѣ, не вызывая въ насъ въ то же

[1]) См. Мемуары Марбо.

время никакихъ враждебныхъ чувствъ къ націи, успѣвшей сдѣлаться нашимъ союзникомъ. Мы только съ гордостью смотримъ на прошлое и видимъ въ немъ залогъ такой же стойкости въ отстаиваніи нашего самоопредѣленія противъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, какихъ можетъ поставить намъ ближайшее или отдаленное будущее.

Максимъ Ковалевскій.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ АСТРОНОМІИ.

I.—Метафизика и астрономія.

Астрономія изучаетъ вселенную, взятую какъ одно цѣлое. Общія идеи, возбуждаемыя этой наукой, всегда находились, поэтому, въ непосредственной связи съ самыми основными проблемами естественной философіи. Главной изъ этихъ проблемъ всегда являлось рѣшеніе сложнаго вопроса: какъ произошелъ окружающій насъ міръ, а въ немъ и мы сами? Какимъ образомъ дошелъ онъ до своего современнаго состоянія и каковъ будетъ его конецъ? Этотъ вопросъ былъ такъ важенъ, что онъ въ древности сталъ даже религіознымъ. Религія пытается отвѣтить на него, введя въ рѣшеніе задачи, взамѣнъ одного, другое неизвѣстное—божество, происхожденіе и природа котораго объявлялись непостижимыми для человѣческаго разума.

Современная астрономія, какъ дитя реализма, совершенно устранила при рѣшеніи своихъ задачъ какія-либо сверхъестественныя, сознательныя и свободнодѣйствующія силы, недоступныя нашему уму. Она устранила и устраняетъ до сихъ поръ даже и допускаемыя нѣкоторыми философами-геометрами четвертое, пятое и иныя измѣренія въ протяженности нашей вселенной.

Мнѣ самому не разъ уже приходилось доказывать въ своихъ научныхъ работахъ, что хотя четвертое измѣреніе пространства и представимо для богато развитаго математическаго воображенія (хотя бы въ понятіи о времени), но ничто намъ не указываетъ на то, чтобы въ окружающей насъ природѣ дѣйствовали гдѣ-либо силы, или совершались перемѣны, которыхъ нельзя было бы

фиксировать, т. е. точно опредѣлить въ жизни міросданія, указавъ ихъ время на какой-либо хронологической шкалѣ и мѣсто по длинѣ, ширинѣ и высотѣ пространства, т. е. по его тремъ доступнымъ намъ измѣреніямъ. Это показываетъ, что если четвертое, пятое и т. д. измѣренія пространства и существуютъ не въ одномъ только нашемъ мышленіи, исходящемъ изъ аналогіи, но и въ дѣйствительности, то все въ природѣ застыло и оледенѣло по этимъ невѣдомымъ намъ протяженіямъ, и слѣдовательно, все равно, что и совсѣмъ они не существуютъ не только для насъ, но и для самой вселенной съ ея вѣчной жизнью.

Дѣйствительно, если бы по этимъ недоступнымъ намъ протяженіямъ, — говоритъ намъ простая логика, — существовали неравномѣрности, т. е. перемѣны; если бы силы, управляющія движеніемъ міровъ, распространялись изъ своихъ центровъ не только по длинѣ, ширинѣ и высотѣ, по геометрически разлагаемымъ на нихъ косвеннымъ направленіямъ, но и по другимъ независимымъ отъ нихъ протяженіямъ, то законъ ослабѣванія этихъ силъ по мѣрѣ удаленія отъ центра былъ бы не ньютоніанскій. Мы знаемъ, что и сила свѣта, и сила тяготѣнія, и сила электрическихъ притяженій и отталкиваній ослабѣваютъ всегда пропорціонально второй степени разстоянія отъ мѣста своего возникновенія, т. е. совершенно такъ, какъ если бы по мѣрѣ удаленія отъ ихъ центра, тотъ же самый запасъ энергіи распространялся постепенно по концентрическимъ, сферическимъ оболочкамъ, которыя, какъ извѣстно, увеличиваются пропорціонально второй степени только въ пространствѣ трехъ измѣреній.

Если бы этого не было, если бы дѣйствіе центральныхъ физическихъ силъ, управляющихъ жизнью всѣхъ міровъ, распространялось еще по какимъ-либо инымъ радіусамъ, уходящимъ въ пространство другихъ измѣреній, то законъ ослабѣванія этихъ силъ былъ бы совсѣмъ другой. При ихъ уходѣ еще и по «четвертому измѣренію», они ослабѣвали бы, какъ показываетъ анализъ, пропорціонально третьей степени удаленія отъ своего центра; при удаленіи сразу по пяти измѣреніямъ они ослабѣвали бы пропорціонально четвертой степени и т. д.

Анализъ вообще обнаруживаетъ, что всякій центральный импульсъ, при движеніи вдаль отъ своего центра, долженъ ослабѣвать пропорціонально уменьшенному на одну единицу числу самостоятельныхъ измѣреній того протяженія, по которому онъ распространяется.

Поясникъ это наглядным примѣромъ. Если бъ мы поставили электрическую лампочку въ трубѣ съ абсолютно зеркальными

стѣнками, то увидѣли бы, что яркость освѣщенія въ ней совсѣмъ не ослабѣваетъ при удаленіи отъ источника свѣта, потому что во всякой трубѣ свѣтъ распространяется только по ея единственному направленію—длинѣ. Если бъ эту же лампочку мы помѣстили вмѣсто трубы въ промежутокъ между двумя параллельными зеркалами, обращенными своими отражательными поверхностями другъ къ другу, то замѣтили бы, что яркость свѣта тамъ уже ослабѣваетъ, и притомъ прямо пропорціонально первой степени удаленія отъ мѣста свѣченія, потому что здѣсь свѣтъ можетъ распространяться уже по двумъ измѣреніямъ: въ длину и въ ширину заключеннаго между зеркалами пространства.

А какъ только мы удалимъ зеркала, то сейчасъ же увидимъ, что яркость свѣта начнетъ ослабѣвать при всѣхъ обстоятельствахъ не болѣе и не менѣе, какъ пропорціонально второй степени разстоянія, а не пропорціонально третьей, четвертой и т. д., чѣмъ и доказывается, что для свѣта въ свободномъ пространствѣ вселенной нѣтъ исхода ни по четвертому, ни по пятому и ни по какимъ другимъ измѣреніямъ пространства, кромѣ нашихъ трехъ: длины, ширины и высоты и промежуточныхъ между ними, разлагающихся на нихъ при анализѣ.

Такимъ образомъ для современной астрономіи, а съ нею и вообще для естественно-научной философіи, нѣтъ никакой нужды прибѣгать не только къ вмѣшательству какихъ-либо сверхъестественныхъ силъ, но даже къ новымъ пространственнымъ протяженіямъ, кромѣ тѣхъ трехъ, о которыхъ намъ сообщаютъ наши органы чувствъ. Всѣ безчисленные міры вселенной жили и живутъ такъ, какъ если бы они управлялись лишь своими собственными внутренними силами. Никогда ничего сверхъестественнаго не наблюдалось среди нихъ, а потому его нѣтъ и у насъ на землѣ въ окружающей насъ жизни, и все, что кажется намъ «не отъ нашего міра» сводится къ зрительной, вкусовой, обонятельной, слуховой или осязательной галлюцинаціи, или обнаруживаетъ проявленіе еще не изслѣдованныхъ нами силъ природы, настолько же естественныхъ, какъ и извѣстныя намъ уже свѣтъ, теплота, электричество, химическое сродство и т. д.

А что еще многія невѣдомыя намъ естественныя силы существуютъ, на это указываютъ недавнія открытія рентгеновыхъ лучей и радіоактивности, т. е. такихъ факторовъ природы, о которыхъ раньше и не подозрѣвали. Однако и они не представляютъ изъ себя ничего необыкновеннаго, чудеснаго, и тотчасъ же послѣ открытія сдѣлались доступными опытному изслѣдованію каждаго, не требуя никакихъ мистическихъ обстановокъ, спо-

собныхъ вызывать индивидуальныя или коллективныя галлюцинаціи.

Сама астрономія всегда указываетъ намъ на несовершенство и на ограниченность нашихъ органовъ чувствъ и даетъ намъ возможность ихъ пополнить и исправить. Она первая обнаружила, что кажущееся обращеніе солнца, луны и звѣздъ вокругъ земли является лишь нашимъ субъективнымъ ощущеніемъ, зависящимъ отъ незамѣчаемаго нами собственнаго вращенія земного шара; она первая показала, что голубой небесный куполъ, простирающійся надъ нашими головами, съ ходящимъ по нему днемъ облаками и съ усѣивающими его по ночамъ звѣздами, есть простой оптическій обманъ, зависящій отъ голубоватаго цвѣта нашей земной атмосферы; она первая показала, что звѣзды лежатъ не рядомъ, а разсѣяны въ небесномъ пространствѣ во всевозможныхъ разстояніяхъ отъ насъ. Она дала намъ, въ дополненіе къ нашему зрѣнію, сначала телескопъ, усиливающій въ тысячу разъ нашу зоркость, и еще болѣе удивительный инструментъ—спектроскопъ, разлагающій свѣтовые лучи на группы и по свойствамъ каждой группы опредѣляющій, отъ какого вещества свѣтъ къ намъ идетъ. Такимъ образомъ мы узнали вещественный составъ поверхностей у всѣхъ видимыхъ нами небесныхъ свѣтилъ, узнали, что всѣ они въ опредѣленные возрасты развиваютъ на своихъ поверхностяхъ тѣ же самые виды вещества, и что естественныя группы веществъ, составляющихъ поверхностныя напластованія земли до 30—50 верстъ глубины, появляются всегда впервые на небесныхъ свѣтилахъ въ видѣ газовъ въ эпоху перехода ихъ фотосферныхъ поверхностей отъ бѣлокалильнаго жара къ желтоватому. До тѣхъ поръ, въ предыдущія стадіи развитія, развиваются на нихъ другія, неизвѣстныя на современной земной поверхности чрезвычайно тугоплавкія вещества, опускающіяся уже при бѣлокалильной жарѣ къ центру свѣтила и погребенныя также въ глубинѣ нашей земли подъ толщами ея поверхностныхъ породъ.

Исключивъ вмѣшательство въ исторію развитія вселенной какихъ-либо сверхъестественныхъ силъ, «существующихъ всюду и вѣчно», современная астрономія должна была признать изучаемую ею вселенную безконечной и въ пространствѣ, и во времени. Всякія перемѣны съ этой точки зрѣнія являются въ ней лишь мѣстными. Отдѣльные свѣтила и цѣлые ихъ рои возникаютъ и снова таютъ въ безбрежномъ океанѣ ея первичнаго, все наполняющаго вещества, какъ кучевыя облака въ ясный лѣтній день, какъ волны на безбрежномъ океанѣ, тогда какъ самый океанъ

во всей его безбрежности остается однимъ неизмѣннымъ цѣлымъ.

Такъ рѣшаетъ современная астрономія вопросъ о происхожденіи вселенной: она существуетъ и будетъ существовать всегда.

II. Разсѣяніе энергіи въ природѣ съ астрономической точки зрѣнія.

Но здѣсь сейчасъ же появляется второй основной вопросъ мірозданья, на который нужно отвѣтить. Физика даетъ намъ законъ сохраненія общаго запаса энергіи въ природѣ и говоритъ намъ, что всякая энергія—лучистая, магнитная, электрическая, кинетическая—можетъ переходить цѣликомъ въ тепловую, между тѣмъ какъ эта послѣдняя можетъ, на основаніи такъ называемаго второго закона термодинамики, превращаться обратно въ выше приведенные ряды энергій не при всѣхъ условіяхъ, а только тогда, когда она переходитъ отъ болѣе нагрѣтаго тѣла къ болѣе холодному. Однако такой переходъ тепла не можетъ, конечно, совершаться безгранично, такъ какъ холодныя тѣла во вселенной мало-по-малу нагрѣваются до уровня теплыхъ, передавшихъ имъ избытокъ своей теплоты. И что же тогда произойдетъ?

Всѣ роды энергіи перейдутъ въ тепловую, а тепловая уравновѣсится, разольется равномѣрно повсюду, и съ этого момента всякая жизнь и всякія перемѣны во вселенной должны будутъ прекратиться.

Этотъ процессъ постепеннаго перехода всѣхъ родовъ энергіи, такъ сказать, въ фондовую-тепловую, равномѣрно разлитую во всей вселенной и изъ которой нѣтъ возврата, называется процессомъ энтропіи, отъ греческаго слова *ентрепо*—обращаюсь внутрь.

Но почему же въ такомъ случаѣ во вселенной, существующей вѣчно, этотъ процессъ не закончился уже безчисленное количество лѣтъ тому назадъ? Да и какимъ образомъ могло вдругъ возникнуть въ природѣ движеніе, разнообразіе? Если его не было раньше, оно не могло и произойти. Все вѣчное должно быть навѣки неизмѣнно въ цѣломъ; оно можетъ вѣчно измѣняться только въ отдѣльныхъ частяхъ, какъ этому мы уже указывали примѣръ въ волнующемся океанѣ, общій видъ поверхности котораго всегда тотъ же самый.

Вотъ новый основной вопросъ, который приходится рѣшать

современной астрономіи, постепенно превращающейся въ астрофизику.

Ясно, что процессу энтропіи — обращенію тепла внутрь— должно что-то противодѣйствовать въ природѣ. Нетрудно видѣть, (какъ я уже говорилъ въ моихъ болѣе спеціальныхъ работахъ), что такими противодѣйствующими факторами прежде всего должны быть: 1) біологическая дѣятельность организмовъ и 2) антиэнтропическое устройство міровыхъ атмосферъ, переносящее теплоту отъ болѣе холодныхъ тѣлъ къ болѣе нагрѣтымъ, т. е. противодѣйствующее вышеупомянутому второму закону термодинамики и дающее тепловымъ процессамъ обратный ходъ. Такимъ образомъ, оставляя пока біологію, мы приходимъ къ новому, *третьему* закону термодинамики: антиэнтропическому дѣйствію міровыхъ атмосферъ.

Поясню это примѣромъ.

Изъ физики извѣстно, что если мы расширимъ объемъ перегрѣтаго газа во сколько-нибудь разъ, то его абсолютная температура понизится во столько же разъ, если въ данномъ газѣ при этомъ не происходитъ молекулярныхъ реконструкцій, выдѣляющихъ или поглощающихъ теплоту.

Точно также и наоборотъ: когда мы сожмемъ какой-либо перегрѣтый газъ въ нѣсколько разъ, его абсолютная температура во столько же разъ увеличится.

Благодаря этому, если въ нашей земной атмосферѣ мы возьмемъ, напримѣръ, кубическій метръ воздуха и перенесемъ его на такую высоту, гдѣ объемъ его увеличится вдвое, то его абсолютная температура упадетъ вдвое; а когда снова опустимъ его на поверхность земли, и онъ сожмется подъ давленіемъ всѣхъ находящихся надъ нимъ слоевъ воздуха до прежняго, объема, его температура, обратнымъ ходомъ, повысится вдвое, т. е. дойдетъ до первоначальнаго числа градусовъ.

Вотъ почему теплота въ газовой оболочкѣ планетъ, гдѣ всегда происходятъ, кромѣ горизонтальныхъ вѣтровъ, и вертикальныя теченья воздуха вверхъ и внизъ, никогда не уравновѣсится. Въ самыхъ верхнихъ слояхъ, гдѣ плотность ничтожно мала, температура будетъ близка къ абсолютному нулю, если верхній слой атмосферы не заключенъ въ оболочкѣ другого, несравненно болѣе легкаго газа; тогда его верхнее охлажденіе будетъ равно охлажденію заключающаго газа.

Но отъ этой минимальной величины температура внутри атмосферы будетъ все болѣе и болѣе возрастать по мѣрѣ приближенія къ поверхности свѣтила, гдѣ и достигнетъ своего ма-

ксимума, пропорціональнаго средней вертикальной плотности этой атмосферы [1]).

Какія бы мѣстныя перемѣны въ температурѣ такой атмосферы ни возбуждались посторонними источниками нагрѣванія и охлажденія, это все равно: пока она не уподобилась твердому тѣлу, пока въ ней есть передвиженія вверхъ и внизъ, температура въ ней не уравняется, а слѣдовательно будетъ отсутствовать и энтропія по вертикальному направленію. Вотъ почему я и назвалъ такое устройство атмосферы у небесныхъ свѣтилъ анти-энтропическимъ.

Благодаря ему на поверхности нашей земли часто происходятъ явленія передачи тепловой энергіи отъ болѣе холодныхъ тѣлъ къ болѣе теплымъ. Возьмемъ, напримѣръ, случай, когда вѣтеръ перелетаетъ черезъ хребетъ высокихъ снѣжныхъ горъ. У его подошвы онъ имѣетъ температуру прилегающей къ ней равнины. Перелетая черезъ горы, онъ отъ расширенія охлаждается значительно ниже нуля и принимаетъ часть теплоты отъ снѣжныхъ вершинъ, оледенивъ ихъ еще болѣе; затѣмъ, спустившись по другую сторону хребта и сжавшись до прежняго объема, воздухъ не только возвращаетъ свою прежнюю температуру, но сохраняетъ еще и ту прибавку, какую получилъ на снѣжныхъ вершинахъ, и благодаря этому нагрѣваетъ своимъ соприкосновеніемъ болѣе теплую равнину на счетъ болѣе холодныхъ вершинъ прилежащаго къ ней горнаго хребта.

Вотъ почему вершины высокихъ горныхъ цѣпей не могутъ никогда нагрѣться солнцемъ, хотя его лучи и несравненно горячѣе тамъ, чѣмъ у ихъ подножія. Всю дополнительную теплоту снимаютъ съ горъ нисходящія теченія воздуха и передаютъ внизъ равнинамъ и долинамъ.

Отсюда ясно, что если бъ, напримѣръ, вся наша солнечная система была погружена въ гигантскую атмосферу изъ чрезвычайно легкаго газа, вродѣ *коронія*, наблюдаемаго вокругъ солнца на огромномъ протяженіи, и если бъ эта атмосфера уплотнялась по направленію къ солнцу, то при ея огромной массѣ и огромной константѣ солнечнаго поля тяготѣнія, она вызывала бы у своихъ вертикальныхъ теченій такое нагрѣваніе при ихъ приближеніи къ поверхности солнца, что это одно способно было бы поддерживать температуру его поверхности на высотѣ бѣлаго каленія. А всѣ планеты поддерживались бы этой атмосферой на такомъ тепловомъ уровнѣ, какимъ обладаетъ короніальная атмо-

1) См. мои «Основы качественнаго физико-математическаго анализа», (1907).

сфера на данномъ разстояніи отъ солнца. Тогда напрасно солнце отдавало бы планетамъ свою теплоту излученіемъ. Онѣ все равно передавали бы избытокъ своей поверхностной температуры, если не соприкосновеніемъ, то ночнымъ излученіемъ въ ближайшіе слои этой самой короніальной или зодіакальной атмосферы, оказавшейся болѣе холодною, чѣмъ они; она, въ свою очередь унесла бы полученную теплоту сначала вдаль къ своей периферіи, а затѣмъ, вновь спустившись къ поверхности солнца, возвратила бы ее ему для новаго излученія въ тѣ же самыя планеты.

Никакого процесса энтропіи не было бы въ нашей солнечной системѣ при такихъ условіяхъ. Уравновѣшеніе температуры во вселенной могло бы произойти при такихъ обстоятельствахъ только при передачѣ теплоты въ между-звѣздныя пространства, за предѣлы подобныхъ «зодіакальныхъ» междупланетныхъ атмосферъ, имѣющихся, повидимому у всѣхъ безчисленныхъ звѣздъ вселенной.

Но здѣсь опять является вопросъ: а способно ли междузвѣздное пространство нагрѣваться?—Отвѣтъ на такой вопросъ можетъ быть только одинъ. Все, что мы знаемъ о междузвѣздной средѣ, показываетъ, что—нѣтъ!

Если бъ свѣтоносная среда была способна нагрѣваться, то, проникая насквозь всѣ наши физическія тѣла, омывая каждый ихъ атомъ, подобно струѣ холодной воды въ холодильникѣ, она въ нѣсколько минутъ отняла бы у нихъ всю ихъ теплоту. Да и въ дѣйствіяхъ нашихъ паровыхъ машинъ, и въ калориметрическихъ приборахъ всегда происходилъ бы утокъ теплоты неизвѣстно куда, чего однако ни разу не наблюдалось. Значитъ свѣтоносная среда діатермична, точно также какъ и діэлектрична.

А это совершенно устраняетъ вопросъ объ уравновѣшеніи температуры во всей вселенной, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ идею о существованіи междупланетныхъ зодіакальныхъ атмосферъ совершенно необходимой для объясненія хотя бы одного того обстоятельства, что за весь историческій періодъ мы не замѣчаемъ охлажденія солнца, тогда какъ по количеству испускаемыхъ имъ ежесекундно на землю калорій тепла, оно должно бы совсѣмъ потухнуть въ нѣсколько тысячъ лѣтъ существованія нашей цивилизаціи, если бъ его тепло безвозвратно разсѣивалось по междузвѣзднымъ пространствамъ.

Но, кромѣ того, энтропіи должны противодѣйствовать еще и общіе процессы развитія органической жизни, основанные на ассимиляціи веществъ, на безконечномъ воспроизведеніи индиви-

дуальныхъ особенностей цѣлаго живаго организма изъ мельчайшихъ зародышныхъ частичекъ. Явленія жизненной дѣятельности вводятъ насъ въ такую область природы, гдѣ изъ безпорядочныхъ движеній слагаются стройныя и гармоническія, гдѣ изъ массы элементовъ слагаются стройныя системы, гдѣ созидаются новыя и очень сложныя химическія соединенія, часто не съ выдѣленіемъ, а съ поглощеніемъ теплоты, т. е. тоже съ антиэнтропическими признаками.

Спектральный анализъ показалъ намъ, что каждое небесное свѣтило въ своей космической эволюціи проходитъ тѣ же самыя стадіи, какъ и его небесные братья и сестры—звѣзды и планетныя туманности, какъ его дѣти и внуки—планеты и ихъ спутники. Земля является только однимъ изъ этихъ свѣтилъ, и потому, разъ на ней существуетъ органическая жизнь, то мы должны придти къ заключенію, что эта жизнь развивается по тѣмъ же самымъ біологическимъ законамъ и на всѣхъ другихъ свѣтилахъ въ ту же фазу ихъ развитія.

Въ этомъ смыслѣ и біологія, а съ ней и соціологія становятся не исключительно земными, а общеміровыми науками, и законы біологической эволюціи, изучаемые нами только на одной изъ стадій земной жизни, начинаютъ принимать характеръ общеміровыхъ.

Николай Морозовъ.

НОЧЬЮ.

И тихо и темно..
Лишь звѣзды въ небѣ ясномъ,
Вѣщая о прекрасномъ,
Глядятъ въ мое окно...
И тихо, и темно!..
Лишь сердце бьется страстно,
Стремясь вернуть напрасно
Забытое давно...
И тихо, и темно...

В. М.

ВЪ СТЕПИ.

Моя подневольная поѣздка по степи (я долженъ обслѣдовать благополучіе ея) тянется уже двѣ недѣли. То верхомъ, то въ тарантасѣ, полусонный и усталый, кружилъ я все время отъ аула къ аулу, тщетно стараясь отыскать хоть крупицу здраваго смысла въ порученномъ мнѣ, по многимъ причинамъ нелѣпомъ дѣлѣ. Первые дни я находилъ нѣкоторое удовольствіе въ этой роли своеобразнаго «perpetui mobilis», но чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось не подъ силу: инстинкты номада очевидно безнадежно заглохли во мнѣ. Одинаково надоѣло и безцѣльное, безконечное шатаніе съ мѣста на мѣсто, и однообразные опросы киргизовъ, и сами они въ несуразныхъ нарядахъ временъ Чингисхана, съ ихъ наивнымъ и иногда назойливымъ любопытствомъ, и ужасныя ночевки въ кишащихъ всякимъ звѣрьемъ кибиткахъ, и грязная пища—каждое въ отдѣльности и все вмѣстѣ взятое. И я, положительно, по-дѣтски обрадовался, когда сегодня поутру вдалекѣ показались сѣрыя очертанія Тюбэ: въ этомъ крошечномъ городкѣ—кучкѣ глиняныхъ строеній, тонущихъ въ морѣ песку—я могъ дать себѣ отдыхъ на 2—3 дня.

Мнѣ отвели низенькую прохладную комнату, меблированную «по-европейски»: у стѣны противъ дверей красовался, Богъ знаетъ какимъ путемъ попавшій сюда старинный полированный круглый столъ на массивной ножкѣ и два вѣнскихъ стула, а въ углу, за выступомъ большой русской печи, стояла кровать, настоящая желѣзная кровать... Почетная туземная свита разошлась, и я, наконецъ, остался одинъ.

Я тщательно вымылся, переодѣлся, напился чистаго чая изъ чистаго стакана; на столѣ, покрытомъ новой цвѣтной скатертью, блестѣлъ только что вычищенный самоваръ, крохотныя оконца

прятались за свѣжими ситцевыми занавѣсками, а изъ отдернутаго полога такъ заманчиво виднѣлось постельное бѣлье—предметъ, о существованіи котораго я успѣлъ совершенно забыть... Съ меня точно сошла какая-то противная кора...

* *
*

Въ моей комнатѣ 4 окна. Два выходятъ на базарную площадь; эта площадь, охваченная замкнутымъ кругомъ лавокъ, и есть все Тюбэ. Другія два окна смотрятъ въ степь. Я придвигаю скамью, сажусь, закуриваю папиросу, откидываю занавѣску—и вижу песчаные бугры, нѣсколько словно влипшихъ въ землю кибитокъ, двухъ киргизовъ, покачивающихся на важно шагающихъ верблюдахъ, и дорогу, уходящую вдаль, куда-то въ даль, Богъ знаетъ куда... Я прекрасно знаю, что эта дорога не ведетъ (готовъ сказать) никуда,—только что я пріѣхалъ по ней,—что въ этой дали ничего нѣтъ,—тѣ же бугры да кибитки... Но какъ-то не хочется вспоминать о томъ, что мнѣ извѣстно... На дворѣ теперь должно быть очень жарко, а у меня хорошо, прохладно, тихо... Я спокойно отдыхаю, курю, хожу по комнатѣ и опять сажусь и гляжу въ окно. Киргизы уже далеко. Скоро они совсѣмъ скроются изъ виду. Маленькіе, игрушечные, они продолжаютъ такъ же смѣшно покачиваться, а верблюды—такъ же важно шагать. Изъ ближайшей кибитки выбѣжали голые ребятишки и гоняются другъ за другомъ. Женщина въ бѣломъ халатѣ тутъ же толчетъ свое просо въ высокой деревянной ступѣ. Она ни разу не оборачивается, всецѣло отдавшись своей работѣ, и только правильно, какъ машина, сгибается и выпрямляется, сгибается и выпрямляется. Табунъ полудикихъ лошадей носится капризнымъ вихремъ по полю, въ облакѣ пыли. Мирно пасутся овцы.

Какъ странно!... Эта скучная, хорошо знакомая картина теперь почему-то нравится мнѣ. Степь, наводившая на меня во время поѣздки смертельную тоску, начинаетъ казаться по прежнему заманчиво-прекрасной,—такой же, какою я представлялъ ее себѣ до пріѣзда въ эти мѣста. Я собственными глазами убѣдился, что въ ней, какъ и повсюду на землѣ, царятъ безобразіе, произволъ, нищета, несчастіе—и, все-таки, въ настоящую минуту мнѣ снова кажется, что въ этой степи, гдѣ-то далеко за горизонтомъ, лежатъ тѣ именно желанныя мѣста, та волшебная, таинственная даль, въ которой должны разрѣшиться всѣ томленія души, недовольной дѣйствительностью...

Да, эта дорога ведетъ къ ней, чрезъ пески и луга, чрезъ кристально чистыя, быстро бѣгущія рѣки. Безчисленныя стада раз-

сыпаны тамъ по полямъ. Вонзаясь въ небо, высятся синеверхія мечети, гдѣ отрѣшившіеся отъ свѣта святые наставляютъ народъ въ вѣчныхъ завѣтахъ вѣры. Тамъ жизнь течетъ легко, безъ напряженій, безъ усилій... Тамъ свободные, ничѣмъ не скованные, ни къ чему не прикованные люди медленно бродятъ по землѣ, какъ бродили нѣкогда наши праотцы, еле попирая ее, не насилуя ея, не зная безумнаго, унизительнаго труда новыхъ временъ. Тамъ страна блаженнаго покоя и медлительно важныхъ размышленій, родина и прошлое міра, безконечность и тайна, тамъ старый Востокъ!...

И вѣдь все это истина—такая же, какъ и то, что ѣзда по этой дорогѣ физически невыносима, что рѣки солены и мертвы, что мечети построены казанскими подрядчиками-татарами по двѣ тысячи рублей за «штуку», что муллы сребро - вѣрнѣе, барано- и еще въ большей степени быко-любивы, что населеніе коснѣетъ въ невѣжествѣ, грязи и болѣзняхъ... Но эта послѣдняя истина мнѣ теперь не нужна. Двѣ недѣли я жилъ ею и пресытился. Довольно съ меня! Дѣйствительность всегда прекрасна—не надо только слишкомъ близко всматриваться въ нее. Красота пуглива: какъ заколдованный кладъ, она дается лишь тому, кто подходитъ къ ней наивно, по-дѣтски довѣрчиво, съ полузавязанными глазами... Огонь разсудка сжигаетъ ее...

Такъ погасни, ненужное теперь пламя! Дѣйствительность прекрасна. Въ этой комнатѣ я достаточно далекъ отъ нея. Все тяжелое, все грубое осталось за стѣнами, по ту сторону, а то немногое, что доходитъ ко мнѣ, легко, воздушно и вызываетъ такіе же и, поэтому, прельщающіе отклики...

Гуляйте же, гуляйте, мои вольныя мысли...

* * *

За дверью слышится топанье тяжелыхъ ногъ. Кто-то хочетъ войти и, видимо, не рѣшается.

— Кто тамъ?

Низкій, крѣпкій голосъ мычитъ что-то въ отвѣтъ.

— Кто?

Входитъ единственный, какъ я потомъ узналъ, въ Тюбэ, представитель администраціи—мужчина громаднаго роста, съ толстыми рыжими усами, бородой патріарха и глазами на выкатѣ. У двери онъ вытягивается, чуть не прошибая головой потолокъ, и, прижавъ къ ногѣ шашку, реветъ, что имѣетъ честь явиться. Фигура и голосъ его заполняютъ всю комнату, и я, хотя и самъ довольно высокаго роста, вдругъ чувствую себя

ребенкомъ. Особенно поражаютъ меня кисти рукъ—ладони величиною съ добрую лопату. Такимъ пальцамъ щупленькая киргизская шея должна казаться чѣмъ-то въ родѣ шейки курченка.

— Что вамъ нужно?—спрашиваю я.

Не мѣняя позы, онъ протягиваетъ мнѣ большой казенный пакетъ и нѣсколько ожидавшихъ меня здѣсь писемъ: помимо своихъ прямыхъ обязанностей, полицейскій, какъ оказывается, выполняетъ здѣсь еще функціи почтмейстера и почтальона.

— Сегодня ночью, ваше благородіе, пройдетъ обратная почта въ N (губернскій городъ),—снова гудитъ въ ушахъ.

Одну минуту я колеблюсь: мнѣ хотѣлось бы избавиться отъ служебной корреспонденціи и передать сейчасъ же отвѣтъ полицейскому. Но этотъ человѣкъ положительно слишкомъ громоздокъ для моей комнаты—вдвоемъ съ нимъ намъ не хватитъ воздуха, и я спѣшу отослать его, сказавъ, что вечеромъ пришлю письма. Въ дверяхъ онъ сгибается вдвое. Уфъ!.. Слава Богу!.. Я открываю всѣ окна...

Вотъ онъ шагаетъ по площади, массивный, какъ живая каріатида.

Если у Ермака было много такихъ молодцовъ, то завоеваніе Сибири вполнѣ понятно.

Какія плечи!..

Престижъ власти въ Тюбэ покоится на прочномъ основаніи...

* *
*

Былъ у меня потомъ еще одинъ гость—молодой киргизъ, кандидатъ университета, занимающій довольно видное мѣсто въ губернской администраціи. Въ Тюбэ онъ попалъ случайно и, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, зашелъ ко мнѣ. Это—невысокій, смуглый, худощавый человѣкъ, похожій лицомъ на микадо. Посидѣлъ онъ у меня недолго, чему я былъ очень радъ: усталость послѣ дороги начала давать себя чувствовать. Впрочемъ, мы условились встрѣтиться сегодня еще разъ.

Зовутъ его Али Бекъ-Мухамедовымъ.

* *
*

Въ верстѣ отъ Тюбэ протекаетъ маленькая степная рѣчка, почти ручеекъ: вода еле покрываетъ камешки, лежащіе на днѣ. Но немного повыше городка она неожиданно расширяется и образуетъ довольно глубокое озеро, густо заросшее у береговъ травой и камышемъ. Нѣсколько тонкихъ березокъ, посаженныхъ какъ будто, нарочно, превращаютъ этотъ уголокъ въ подлинный оазисъ.

Нургали (мой слуга, киргизъ) принесъ сюда кошму, и я уже съ часъ лежу на ней, утопая въ травѣ. Вечеръ очаровательный, тихій. Восходитъ луна. Огромный блистающій дискъ ея покоится одну минуту на вершинѣ бугра, потомъ тяжело, словно нехотя, отрывается и величественно поднимается вверхъ. Съ неба льется пепельный, нѣжно свѣтящійся туманъ. Сонное озеро дышитъ свѣжей сыростью. Такъ убаюкивающе шелестятъ листья... Изрѣдка въ водѣ плеснетъ какая-нибудь еще не угомонившаяся рыба; пойдутъ лѣниво круги, потомъ опять все застынетъ. Гдѣ-то далеко за рощей сиротливо и длинно звучитъ колокольчикъ: почта. Скоро, значитъ отправятся мои письма. Полетятъ по степи, по дорогамъ, день и ночь, въ темномъ, скверно пахнущемъ мѣшкѣ, подъ тяжелыми сапогами мужика. А ихъ ожидаютъ нѣжныя бѣлыя руки... Нѣжныя бѣлыя руки... Бѣлыя руки...

Со дна выплываетъ пузырекъ и лопается.... и еще одинъ... и еще одинъ...

Это вздохи воды...

Видно и въ ней много горя.

Давно уже я не злился такъ, какъ теперь. Бекъ-Мухамедовъ пришелъ сюда, къ озеру, и битый часъ изводитъ меня разговоромъ о томъ, что мнѣ въ эту минуту совершенно неинтересно. Съ большимъ жаромъ, подробно и долго — о, какъ долго!—онъ излагаетъ свои взгляды на положеніе киргизовъ, на будущую судьбу ихъ, на необходимость ликвидаціи скотоводства и перехода къ высшей культурѣ и т. д., и т. д. Мой новый знакомый—потомокъ послѣднихъ хановъ и, очевидно, страстно любитъ свой народъ, что, конечно, и прекрасно, и почтенно; но все-таки нужно же понимать, когда умѣстно обнаруживать это чувство и когда — некстати. «Экспропріація земель», «западная культура», «обязанности интеллигенціи», «современная наука»,—все это сыплется, сыплется безъ остановки, безъ удержу, какъ зерно изъ лопнувшаго мѣшка... И въ этакую ночь!.. Нѣкоторое время я изъ вѣжливости пересиливалъ себя, стараясь быть внимательнымъ, но затѣмъ попросту пересталъ слушать и ищу теперь, чѣмъ бы развлечься.

* * *

Въ водѣ у самаго берега уже нѣкоторое время движется что-то темное, большое. Я низко нагибаюсь и вглядываюсь: че-

репаха. Какъ могло попасть сюда это лѣнивое землеводное? Побродивъ немного взадъ и впередъ, она вдругъ останавливается противъ Бекъ-Мухамедова и, воззрившись въ него, стоитъ такъ, не шевелясь, какъ зачарованная. На меня она не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ сомнѣнія, молодой киргизъ чѣмъ-то заинтересовалъ ее: она вся тянется къ нему, изгибаетъ шею, поводитъ головкой, точно вслушивается въ его слова, точно силится понять и отвѣтить ему.

Что за странное созданье!..

Кто ты? Что вызвало тебя сюда? Ты, можетъ быть, соскучилась въ своемъ темномъ царствѣ и думаешь развлечься... рѣчами Бекъ-Мухамедова? Или, наоборотъ, онъ разогналъ твой сонъ и ты сердишься?.. Можетъ быть ты вдругъ начнешь расти, расти—и заревешь, заговоришь съ нимъ громовымъ голосомъ?

Право, давно пора.

Вольныя мысли мои, помогите, избавьте меня отъ этого несноснаго говоруна. Разгуляйтесь, летите, неситесь... Разбейте вашими легкими крыльями толщу вѣковъ, стучите въ песчаныя могилы — пусть встанетъ оттуда какой-нибудь благодѣтельный джинъ и унесетъ его за три девять земель... А потомъ... потомъ, если хотите, потѣшьте меня—оживите на мигъ призраки прошлаго, и пусть воскреснетъ древняя старина чудесъ во всемъ ея знойномъ и пышномъ очарованіи... Пусть появятся въ этихъ зыбкихъ потокахъ луннаго свѣта дворцы изъ драгоцѣнныхъ камней, статуи чистаго золота, песчаныя моря, веселые караваны, чернобородые люди въ чалмахъ... Пусть зашумятъ, зашелестятъ шорохи шелковыхъ тканей, тихіе крадущіеся шаги, незнакомый говоръ, женская рѣчь... Пусть польются пѣсни любви; благоуханныя, складкія, вѣчныя пѣсни любви... Я хочу услышать ихъ...

На этомъ мѣстѣ полетъ моей фантазіи прерывается столь же внезапно, сколь и преждевременно: Бекъ-Мухамедовъ, подчеркивавшій избранныя мысли взмахами своей длинной и толстой палки, увлекшись, вдругъ ударяетъ ею по водѣ... На насъ летятъ брызги, а перепуганная черепаха безъ оглядки уходитъ вглубь.

— Вы потеряли внимательную слушательницу и облили меня,—замѣчаю я кротко и достаю изъ кармана платокъ.

— Неважно... Посмотрите на японцевъ (онъ торопится и наскоро вытираетъ лицо руками)—цивилизація подарила имъ мощь, независимость, славу...

Я инсинуирую съ тихой яростью:

— Вамъ цивилизація подарила сифилисъ, администрацію и переселенцевъ...

Но Бекъ-Мухамедовъ не смущается.

— Неважно... Это плата за ученіе... За какія-нибудь 40 или 50 лѣтъ полудикій народъ—замѣтьте, цѣлый народъ—нагналъ передовыя націи человѣчества. Подумайте, какой гигантскій скачекъ!..

Палка Бекъ-Мухамедова размашисто изображаетъ этотъ скачекъ.

— Вы научите и меня дѣлать такіе же,—говорю я, быстро отодвигаясь въ предѣлы недосягаемости... — Положите вашу палку...

— Неважно... То, что удалось японцамъ, можетъ удасться и другимъ... Дайте намъ возможность, и мы черезъ одно поколѣніе выставимъ цѣлую армію ученыхъ, мыслителей, техниковъ, которые въ свою очередь будутъ работать на благо человѣчества. Мы также способны, какъ и японцы...

Онъ говоритъ еще и еще. Я боюсь уже проронить слово—это только подливаетъ масло въ огонь—и снова стараюсь думать о совершенно постороннихъ предметахъ. Наконецъ онъ умолкаетъ.

Сразу становится очень тихо. Степь угрюмо настораживается. Маленькіе домики Тюбэ, ярко освѣщенные луной, кажутся странно близкими—точно подошли къ намъ. Бекъ-Мухамедовъ смотритъ на часы.

— Намъ еще не пора?—спрашиваю я.

— Нѣтъ. Мнѣ дадутъ знать. Вѣроятно Беньяшъ еще не пріѣхалъ (Беньяшъ—извѣстный въ степи музыкантъ и пѣвецъ. Бекъ-Мухамедовъ вызвалъ его спеціально для меня изъ сосѣдняго аула, верстъ за тридцать. Чтобы сохранить couleur locale, мы будемъ его слушать въ киргизской чайной).

Снова тихо. Я чувствую себя великолѣпно. Но, увы, счастье недолговѣчно: на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде, изъ воды робко высовывается голова черепахи, и это какъ будто снова вдохновляетъ Бекъ Мухамедова.

— Встрѣчали ли вы когда-нибудь учениковъ киргизскихъ школъ?—спрашиваетъ онъ.

А! Опять!.. Я, такъ сказать, внутренне скрежещу зубами и сильнымъ ударомъ подвернувшагося подъ руку камня въ свою очередь прогоняю вдохновительницу. Небольшой водяной смерчъ обрушивается на Бекъ-Мухамедова, но не охлаждаетъ его. Спо-

койно вытирая лицо, онъ продолжаетъ, прежде даже чѣмъ я успѣлъ извиниться.

— Удивительно развитые парни!.. Просто поразительно! Въ этихъ школахъ ихъ почти ничему не учатъ, но какъ они великолѣпно разбираются во всемъ!.. Дайте-ка такимъ дорогу!..

— Вы правы,—подтверждаю я невиннымъ тономъ.—Во время объѣзда мнѣ какъ-то встрѣтился такой парень, и я дѣйствительно былъ пораженъ. Этотъ молодой человѣкъ очень толково говорилъ со мной объ электричествѣ, о химіи, показалъ мнѣ всѣ созвѣздія на небѣ и даже предложилъ привести дѣвушку—дѣло, видите ли, было ночью...

Никакого эффекта!.. Бекъ-Мухамедовъ невозмутимо несется дальше:

— Неважно... Онъ думалъ услужить вамъ... Нѣтъ, придетъ и наша пора... Таланты наши не израсходованы... Они накоплялись вѣками... Мы еще покажемъ себя... Въ Японіи цивилизація была навязана народу сверху, у насъ онъ самъ потянется къ ней...

Внезапное появленіе какого-то длиннополаго киргиза къ счастью останавливаетъ этотъ словесный водопадъ: музыкантъ уже тутъ и сидитъ въ чайной. Мы тотчасъ же и направляемся туда.

* *
*

«Чайная» находится на окраинѣ Тюбэ, въ глубинѣ большого двора, отгороженнаго отъ степи невысокой полуразвалившейся стѣной. Это—просторная кибитка, ничѣмъ, какъ мнѣ кажется, не отличающаяся отъ обыкновенной жилой кибитки киргизовъ. Насъ дожидались; самоваръ уже готовъ. Прямо противъ двери, на почетномъ мѣстѣ, приготовлены подушки—для Мухамедова и меня. Посреди, на полу, стоитъ лампа и коптитъ. Угарно. Мы садимся. Слѣва на кошмахъ размѣстилось человѣкъ восемь киргизовъ, кто на корточкахъ, кто на колѣняхъ. Одинъ, изъ нихъ, молодой стройный парень, безусый, съ лицомъ кирпичнаго цвѣта, держитъ въ рукахъ что-то въ родѣ гитары или балалайки.

— Это Беньяшъ,—указываетъ мнѣ Бекъ-Мухамедовъ и тотчасъ же начинаетъ оживленно разговаривать съ нимъ.

Тѣмъ временемъ высокая молодая дѣвушка, дочь хозяина чайной, разстилаетъ у нашихъ ногъ цвѣтную скатерть сомнительной чистоты, ставитъ на нее черный жестяной подносъ съ красными узорами (такіе, помнится, были повсюду въ употре-

бленіи лѣтъ 25—30 тому назадъ) и начинаетъ перетирать стаканы безусловно грязнымъ полотенцемъ. Къ моему удивленію, она совершенно не стѣсняется гостей. Затѣмъ она принимается наливать чай и дѣлаетъ это очень внимательно и опять-таки вполнѣ спокойно, изрѣдка даже чуть улыбаясь одними уголками рта. Руки у нея довольно красивы—маленькія, бѣлыя, полныя. Ее нельзя назвать хорошенькой, но среди этихъ грубыхъ и грязныхъ мужчинъ глаза съ удовольствіемъ отдыхаютъ на ней. Направо отъ входа, въ глубинѣ, у груды нагроможденныхъ сундуковъ сидитъ какая-то сморщенная старушонка и спитъ маленькая дѣвочка. Хозяинъ, высокій и бородатый киргизъ среднихъ лѣтъ, озабоченно суетится, впрочемъ больше, кажется, для вида: дуетъ въ самоваръ, переноситъ лампу то туда, то сюда, потомъ, словно уставъ, садится около старухи и снова встаетъ, и снова садится.

Чай пьютъ сосредоточенно и серьезно. Мнѣ не особенно удобно: сидѣть на полу, даже на подушкахъ, съ непривычки—утомительно. Бекъ-Мухамедовъ—на колѣняхъ и чувствуетъ себя очень хорошо въ этой позѣ. Киргизы относятся къ нему съ большимъ почтеніемъ: никто не позволяетъ себѣ первымъ заговорить съ нимъ; если онъ обращается къ кому-нибудь, спрошенный весь наклоняется къ нему и коротко отвѣчаетъ. Но раболѣпства нѣтъ. Чувствуется какая-то особая, не европейская культура. Эти простые и, на мой взглядъ, грубые люди держатъ себя великолѣпно, съ достоинствомъ, вызывающимъ уваженіе. Они не смѣются, даже не улыбаются, важные, какъ въ мечети. Дѣвушка, не поднимая ни на кого глазъ, быстро наполняетъ опорожненные стаканы. Отецъ ея по прежнему «старается» и только мѣшаетъ ей. Все это мнѣ очень нравится, и когда Бекъ-Мухамедовъ взглядываетъ на меня, я ему привѣтливо улыбаюсь. Онъ видитъ, что мнѣ пріятно, и доволенъ. Право, мой новый знакомый очень милъ. Онъ имѣлъ основаніе считать себя почти оскорбленнымъ мною и, несмотря на это, такъ ласковъ и внимателенъ... Впрочемъ, кто знаетъ, что на душѣ у сына Востока?...

Чаепитіе окончено. Беньяшъ начинаетъ настраивать свою балалайку. Это — нѣчто чрезвычайно грубое, примитивное: маленькій ящичекъ-резонаторъ, склеенный изъ еле обструганныхъ дощечекъ съ аршиннымъ тоненькимъ грифомъ, перетянутымъ поперекъ веревочками для обозначенія ладовъ. Струнъ всего двѣ. Звукъ жалкій, маленькій, чуть слышный,—по крайней мѣрѣ при моихъ попыткахъ извлечь его. Оказывается, од-

нако, что въ умѣлыхъ рукахъ эта плохенькая игрушка дѣлаетъ чудеса. Беньяшъ снова провѣряетъ струны, закрѣпляетъ колки, не спѣша обнажаетъ правое предплечье и вдругъ съ силой ударяетъ концами пальцевъ по струнамъ. Я поражаюсь: изъ сквернаго ящичка неожиданно полились чистые, металлическіе звуки, сплетаясь, заплетаясь, переплетаясь на тысячу ладовъ. Точно звуки арфы. Какое умѣнье!.. Бекъ-Мухамедовъ, наблюдающій за мною, положительно сіяетъ. Сыгравъ прелюдію, Беньяшъ начинаетъ пѣть. Голосъ у него плохой, сдавленный, узкій. Мелодіи я не могу разобрать. Скорѣе это какой-то безконечный речитативъ, мелодекламація. Описывается война между персами и русскими (Бекъ-Мухамедовъ тихимъ шепотомъ переводитъ мнѣ содержаніе). Персы потерпѣли пораженіе. Они зовутъ на помощь сартовъ. Трусливые сарты трижды отказываются, но, наконецъ, выступаютъ. Битва. Персы и сарты бѣгутъ... Обнаженная мѣдно-красная рука пѣвца, не переставая аккомпанировать, успѣваетъ въ то же время колоть и рубить. И это красиво, очень красиво... Струны великолѣпно передаютъ крики ужаса сартовъ, топанье ногъ, пушечные выстрѣлы. Объясненія Бекъ-Мухамедова не портятъ впечатлѣнія, а кажутся необходимымъ дополненіемъ къ пѣнію. Другая пѣснь разсказываетъ о гибели сына султана на охотѣ, еще одна—о легендарномъ состязаніи двухъ знаменитыхъ пѣвцовъ, и струны послушно плачутъ съ осиротѣвшимъ султаномъ и головокружительно быстро передаютъ детали состязанія. Я втягиваюсь, вживаюсь въ эту странную музыку, и готовъ поклясться, что лучшей никогда не слыхалъ. Въ наступившей мертвой тишинѣ слухъ буквально заливается потокомъ металлическихъ звуковъ. Напряженный, глухой голосъ пѣвца кажется громаднымъ. Всѣ словно застыли. Дѣвушка не сводитъ глазъ съ Беньяша. Блѣдное лицо ея стало еще блѣднѣе. Старуха мирно дремлетъ. Бекъ-Мухамедовъ широко и счастливо улыбается. Еще аккорды, еще варіаціи, еще странный напѣвъ и незнакомыя слова—и вдругъ все стихаетъ. Беньяшъ усталымъ жестомъ кладетъ на земь свою балалайку. Я горячо благодарю Бекъ-Мухамедова.

— Скажите Беньяшу, что я въ восторгѣ отъ его искусства,—прошу я, но пѣвецъ сидитъ уже около очнувшейся старухи и шепчется о чемъ-то съ нею. Дѣвушка неслышно поднимается и выходитъ изъ кибитки. Старуха, кряхтя, встаетъ и слѣдуетъ за ней. Я хочу расплатиться, но Бекъ-Мухамедовъ рѣшительно противится этому: онъ считаетъ меня своимъ гостемъ. Мы сидимъ еще нѣсколько минутъ и уходимъ всѣ. У

вороть въ тѣни стоитъ дѣвушка и, наклонившись къ старухѣ, слушаетъ ее. Мы проходимъ мимо, дѣлаемъ сотню, другую шаговъ. Беньяшъ, съ которымъ я прекрасно объясняюсь черезъ Бекъ-Мухамедова, останавливается, улыбается мнѣ ртомъ и глазами, прощается и идетъ обратно: онъ, оказывается, забылъ въ чайной свою балалайку. Провожавшіе насъ киргизы тоже расходятся.

— Знаете, зачѣмъ онъ вернулся въ чайную?—спрашиваетъ меня Бекъ-Мухамедовъ и смѣется.

— Думаю, что знаю,—отвѣчаю я и тоже смѣюсь.—Ну, прощайте. Спасибо.

— Вы едва ли найдете теперь вашу квартиру. Я васъ провожу.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я знаю дорогу.

Бекъ-Мухамедовъ снова предлагаетъ свои услуги и, наконецъ, прощается и уходитъ.

На залитой луннымъ свѣтомъ площади остаюсь я одинъ.

* * *

Уже очень поздно, но я еще возбужденъ только что слышанной музыкой и не чувствую охоты возвращаться домой. Не спѣша я пересѣкаю базарную площадь, одну минуту лавирую среди слѣпыхъ сѣренькихъ домиковъ, и—вотъ я уже въ степи.

Луна стоитъ очень высоко. Отбрасываемая мною тѣнь коротка и бѣжитъ за мною неотступно. Я иду напрямикъ черезъ ямы и бугры. Песокъ хруститъ. Въ головѣ еще звучатъ перезвоны струнъ и голосъ Беньяша... Что теперь подѣлываетъ этотъ молодецъ? Бродитъ вѣроятно гдѣ-нибудь около чайной, и когда старики улягутся... Внезапно вырисовывается блѣдное лицо киргизки, прильнувшее къ его обнаженной темной рукѣ... Мертвенно бѣлое въ полутьмѣ...

Я все иду. Степь пустынна. Въ серебристой мглѣ гребни дальнихъ холмовъ кажутся горбами исполинскихъ верблюдовъ, спрятавшихъ въ землю свои колоссальныя головы и ноги. Немного жутко. Это одиночество и тишина, эта печальная, дикая мѣстность, эта луна, глядящая внизъ со страшной высоты и такъ любовно и кротко освѣщающая каждую ничтожную песчинку—все это такъ странно дѣйствуетъ на меня... Что-то тянетъ впередъ все дальше и дальше. Мнѣ смутно кажется, что гдѣ-ни будь я непремѣнно натолкнусь на нѣчто чудесное, совершенно новое и нежданное... Вѣрнѣе, мнѣ смутно хочется этого. Можетъ быть вонъ тамъ, за холмами, вдругъ окажется какая-нибудь пропасть,

бездонная, неизмѣримая, или гигантская стѣна, поднимающаяся до самыхъ небесъ... Такой бездны, такой стѣны не должно быть, а все-таки? Развѣ всѣ дороги уже пройдены? Развѣ всѣ возможности исчерпаны? Дважды два, конечно четыре, и земля—шаръ, и вода—H_2O, и воздухъ—смѣсь кислорода, азота, углекислоты, и т. д., и тысячу разъ такъ далѣе... Конечно, конечно... Но какая это въ сущности нудная, постылая дребедень!.. Жизнь красота ея, ея цѣнность , ея блескъ и глубина—вся въ свѣжести и силѣ переживаній. Спектръ жизни—единая яркая и могучая гамма чувствъ, отъ дикаго звѣрства до самопожертвованія за други своя. Ее урѣзываетъ въ бѣгѣ тысячелѣтій кротоподобная работа разума—исподволь и съ обоихъ концовъ. «Больше знать», «дальше предвидѣть»—развѣ это не значитъ: меньше удивляться, меньше восхищаться, меньше любить, меньше ненавидѣть, меньше презирать?.. Быть мудрымъ—развѣ это не то же, что жить съ отрубленными крыльями, съ окаменѣвшей душой? Во всей вселенной не можетъ быть, не должно быть существа болѣе несчастнаго, болѣе достойнаго сожалѣнія, чѣмъ великій Всезнающій... И вотъ теперь я хочу чуда, предъ лицомъ котораго все мое знаніе оказалось бы полнымъ невѣжествомъ, которое разбило бы проклятыя, неразрывныя земныя цѣпи и открыло бы выходъ въ другой міръ, въ другіе міры... Ибо въ этомъ мірѣ—взвѣшенномъ и измѣренномъ,—мнѣ теперь тѣсно, душно... Я хочу чуда! Пусть душа не выдержитъ...

Легкія мысли мои! Покажите его!.. Вы все кружите и кружите, какъ усталыя птицы надъ этой скучной степью... Оторвитесь отъ нея, взвѣйтесь, полетите, понеситесь!.. Эхъ!.. видно, это и вамъ не подъ силу, бѣдныя крылья моей души! Вѣдь и вы—плѣнныя дѣти той же земли...

Вотъ снова стали видны крыши Тюбэ.

Комокъ грязи, мнѣ все-таки придется возвратиться къ тебѣ...

Какъ скучна бываетъ жизнь!..

Мих. Юшкевичъ.

ФРАУ БЮРГЕЛИНЪ И ЕЯ СЫНОВЬЯ.

Романъ Габріэллы Рейтеръ.

Пер. съ нѣм. М. Славинской.

I.

Рѣзкій осенній вѣтеръ по ночамъ уже гулялъ по парку, и кое-гдѣ листья были тронуты заморозками. На каштанахъ многія вѣтви уже отливали блѣдно-желтымъ цвѣтомъ; тутовыя деревья, красивыми группами расположенныя въ рѣчной долинѣ и нашедшія тамъ свою вторую родину, горѣли великолѣпными бронзовыми и пурпурными тонами. Изъ кустовъ у воды выглядывали ярко-красныя гроздья ягодъ, которыя народъ называетъ хлѣбомъ малиновокъ, а на зеленыхъ полянахъ мелькали тамъ и сямъ свѣтло-лиловыя пятна нѣжныхъ осеннихъ цвѣтовъ.

Стадо овецъ, пастухъ въ коричневомъ плащѣ, прислонившійся къ дереву, собаки, грѣющіяся на полуденномъ солнцѣ—все это придавало ландшафту характеръ безмятежной, законченной идилліи.

По дорогѣ вдоль луговъ, тамъ, гдѣ паркъ, поднимаясь, заканчивался естественно и живописно, двигались гуляющіе, наслаждаясь теплымъ октябрьскимъ днемъ, въ которомъ было еще столько блеска, красокъ и солнечнаго свѣта.

Направо шоссе было окаймлено живыми изгородями, съ двумя бѣлыми деревянными рѣшетчатыми калитками. Въ тѣни большихъ деревьевъ стоялъ маленькій бѣлый домъ съ высокой остроконечной крышей и крохотными окнами, за которыми видны были ветхія старомодныя кисейныя занавѣски. Домъ этотъ знакомъ былъ всѣмъ проходящимъ, и не одинъ изъ нихъ останавливалъ на немъ почтительный, благоговѣйный взглядъ. Великій поэтъ

жилъ нѣкогда въ этомъ уютномъ домикѣ и отсюда одарялъ своихъ современниковъ и грядущее потомство сокровищами красоты, гармоніи и духовнаго совершенства. Въ немъ жила та божественная сила, которая никогда не знаетъ отдыха, требуетъ безпрерывной творческой дѣятельности. И потому онъ въ часы досуга засадилъ всю долину и окрестные холмы, расположивъ чужія, блещущія яркими красками деревья среди тополей и вязовъ родины, создавъ такимъ образовъ иллюзію благословеннаго юга...

Народъ, не зналъ его пѣсенъ, но зналъ, что обязанъ ему этимъ великолѣпнымъ паркомъ, мѣстомъ прогулки въ воскресные и праздничные дни.

Между этимъ величаво-скромнымъ памятникомъ прошлаго и новенькой казармой, назойливо бросающейся въ глаза своими двумя высокими башнями съ цинковой крышей, лежали сады, домики и дачки—скромныя постройки скромныхъ людей. Среди нихъ невольно привлекала вниманіе большая вилла, надъ отдѣлкою которой работали маляры и штукатуры. Въ саду копали, сажали кусты, разбивали клумбы.

— Вотъ гдѣ хорошо жить, — сказала молодая дѣвушка, проходившая внизу по дорогѣ вмѣстѣ со старой женщиной, и кинула вверхъ оживленный взглядъ.—Изъ оконъ, должно быть, славный видъ! Жалѣю, что у меня уже взята квартира!

Она остановилась.

— Можетъ быть, и нашлось бы здѣсь что-нибудь?

— Подумай только: зимою, въ гололедицу! Такая даль до театра и такая пустыня,—проворчала старуха.—Но тебя бы на это хватило!

Молодая дѣвушка разсмѣялась.

— Ахъ, мама! Тебѣ придется еще ко многому привыкнуть!

— Да, видитъ Богъ, что придется!—вздохнула мать. И ея озабоченное лицо и горько сжатыя губы стали еще озабоченнѣе, чѣмъ были за минуту до того. По маленькой, черной шерстяной пелеринкѣ, по старой, но хорошо сохранившейся кружевной шляпѣ, по полной достоинства и строгой осанкѣ каждый бы сразу узналъ въ ней то, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ: деревенскую пасторшу. Но дочь... Отъ бѣлокурой дѣвушки вѣяло еще благоуханіемъ деревенскихъ садовъ и сиреневыхъ бесѣдокъ, ея бѣлое, слишкомъ туго накрахмаленное платье, большая шляпа bergère съ нѣжно-зелеными лентами выражали еще довольно наивное стремленіе къ романтикѣ,—но движенія ея были сво-

бодны, свѣжее лицо отражало измѣнчивую и сложную душевную жизнь, что совершенно необычно для пасторской дочери.

— Мама, я пойду, спрошу, не отдается ли у нихъ въ домѣ что-нибудь?—воскликнула она энергично, подобрала свое неудавшееся платье и пустилась бѣгомъ наверхъ, къ дому. Мать съ трудомъ поспѣвала за ней. Когда Дорисъ хотѣла уже открыть желѣзную калитку сада, мать закричала ей, задыхаясь отъ напряженія:

— Дорисъ! Да что ты! Погоди! Вѣдь, тутъ живутъ англичане: эта странная женщина,—знаешь?

— А! Та, что̀ послала мнѣ розы послѣ «Тангейзера».? Директоръ мнѣ много разсказывалъ о ней... Господи, кто только-не попадаетъ къ намъ въ городъ! Съ ней я бы хотѣла познакомиться.

— Не знаю, стоитъ ли?—скептически сказала пасторша Рюдеръ.—Говорятъ, ея дѣти совсѣмъ не крещены... И чего только люди не выдумаютъ!—прибавила она неодобрительно, прочитавъ надпись на садовой калиткѣ: «Вилла «Эдина»...— Въ адресной книгѣ она называется просто фрау Бюргелинъ. А затѣмъ ее еще называютъ м-съ Алландайсъ. Вотъ и разберись тутъ!

Позади въ кустахъ что-то зашуршало. На той же дорожкѣ, по которой только что взбѣжала фрейленъ Дорисъ, появился стройный мальчикъ въ короткихъ, черныхъ бархатныхъ штанишкахъ. Онъ быстро пробѣжалъ мимо Дорисъ, и передъ ней веселымъ, яркимъ зигзагомъ блеснулъ его красный, шелковый галстухъ. Отворивъ калитку, мальчикъ пріостановился на минуту и взглянулъ на молодую дѣвушку большими синими глазами. Затѣмъ онъ поскакалъ сильными прыжками вверхъ по дорожкѣ, и его каштановые кудри развѣвались при этомъ.

— Какой красивый мальчикъ,—восторженно воскликнула Дорисъ.—Какъ онъ на меня посмотрѣлъ! Точно дикая козочка въ завѣтномъ паркѣ. Ну, для такого вся жизнь будетъ завѣтнымъ паркомъ!

— Имя-то у него какое: Діонисъ!—проворчала пасторша.

Дорисъ громко, чистосердечно расхохоталась.

— А мнѣ какъ разъ и нравится все, что ты говоришь объ этой дамѣ. Отчего ей было не назвать своего очаровательнаго мальчика Діонисомъ?

— Что-то языческое!

— Ну, мама, не будь такой нетерпимой!

— Не могу я мѣняться на старости лѣтъ,—упрямо воз-

разила пасторша.—Что она хочетъ доказать всей этой ерундой?

— Какое намъ дѣло?—отвѣтила Дорисъ.—Идемъ дальше.

И она пошла молча; серьезная задумчивость согнала радостное выраженіе съ ея цвѣтущаго молодого лица.

Она была счастлива. Развѣ она не достигла того, что было ея самой недосягаемой мечтой? Вотъ ужъ два мѣсяца она состоитъ примадонной на сценѣ своего родного города. Здѣсь, на этихъ подмосткахъ, которыя ей казались почетнѣе всѣхъ другихъ въ Германіи, потому что были освящены великими, свѣтлыми воспоминаніями, ей дано было жить и работать для искусства, завоеваннаго съ такимъ трудомъ! Она могла теперь показать родителямъ, что для этой цѣли стоило бороться и что ея духовному отцу не придется краснѣть за нее!

Она могла хоть немного облегчить и украсить жизнь своихъ милыхъ стариковъ. Какъ часто рисовалось ей все это въ воображеніи, и однако... Легко ли будетъ и дальше имѣть родителей такъ близко отъ себя? Есть ли у нея еще что-нибудь общее съ матерью?

Проносясь мимо дома, мальчикъ спросилъ у толстой женщины, стоявшей въ дверяхъ:

— Гдѣ мама?

— Съ садовникомъ разговариваютъ.

Діонисъ нашелъ фрау Бюргелинъ на горкѣ, въ самой высокой части усадьбы: она давала приказаніе расчистить и утрамбовать для мальчиковъ площадку для игръ. Длинное, свободное платье изъ темно-пурпурной ткани, не принадлежащее ни къ какой модѣ, струилось мягкими волнами вокругъ ея тѣла; бѣлый шерстяной башлыкъ окутывалъ ея голову.

Мать тотчасъ же спросила у мальчика его мнѣніе насчетъ площадки; онъ далъ толковый, дѣльный отвѣтъ. Она положила руку на его плечо и оперлась на него. Онъ стоялъ спокойно и несъ эту тяжесть, какъ драгоцѣнное отличіе.

— Гдѣ Карлъ?—спросила мать.

— Кажется, гулять пошелъ.

— Его никогда нѣтъ, когда онъ нуженъ,—замѣтила фрау Бюргелинъ.—А я хотѣла узнать его желанія. Но теперь дѣло будетъ сдѣлано безъ него.

— Мама,—сообщилъ Діонисъ,—я видѣлъ Дорисъ Рюдеръ. Она стояла передъ калиткой и смотрѣла въ нашъ садъ.

— Да?—разсѣянно спросила мать.

— Можетъ быть, ей нужно было поклониться?

— Нѣтъ, дитя, ты ей не представленъ. Это было бы навязчивостью.

Несмотря на свое англо-саксонское происхожденіе, фрау Бюргелинъ говорила хорошимъ нѣмецкимъ языкомъ. Только по безупречно-чистому прозношенію каждаго слога и по нѣкоторому своеобразію интонаціи можно было угадать иностранку. Она медленно обошла площадку, въ раздумьи оглядываясь вокругъ.

— Такъ вы поняли меня, Беккеръ?—спросила она садовника.—Эти луковицы посадите въ траву въ перемежку и не равномѣрно — слышите? Примулы, гіацинты, крокусы, нарциссы и тюльпаны... Я не хочу англійскихъ газоновъ,— обратилась она снова къ сыну. — Пусть у насъ будетъ весело и пестро, какъ въ Швейцаріи на Альпійскихъ лугахъ,—ты помнишь, милый? А въ клумбахъ будутъ лиліи и розы—настоящій нѣмецкій цвѣтникъ! Но этотъ кустъ бузины—вотъ тамъ, пожалуйста, выкопайте, Беккеръ!

— Но она уже такъ красиво цвѣтетъ,—осмѣлился замѣтить садовникъ.

— Знаю, знаю... Только уберите ее,—нетерпѣливо вырвалось у фрау Бюргелинъ. Она пошла съ сыномъ дальше и продолжала, обращаясь къ нему:

— Терпѣть не могу бузины. A vulgar fellow. Въ Шотландіи ее можно видѣть въ каждомъ дворѣ, возлѣ курятника и свиного хлѣва. Простота хороша, но не въ такой степени. Ты игралъ уже свои упражненія, Діонисъ?

— Часъ.

— Такъ иди наверхъ. А затѣмъ приходи въ гостиную и сыграй мнѣ.

— Хорошо, мама.

Стоя на ступеняхъ веранды, фрау Бюргелинъ взяла въ обѣ руки головку мальчика и поцѣловала его въ лобъ. Мальчикъ принялъ эту ласку, какъ добрая собачка отъ своего господина. Затѣмъ онъ побѣжалъ дальше, а фрау Бюргелинъ прошла своей размѣренной, благородно-величественной походкой черезъ веранду въ прилегающую спальню. Камеристка осторожно сняла башлыкъ съ ея бѣлыхъ волосъ и отворила дверь въ гостиную, гдѣ ее уже поджидала компаньонка за низенькимъ англійскимъ чайнымъ столикомъ.

Фрау Бюргелинъ была еще не старая женщина и умѣла создать подходящую обстановку для своей эффектной наружности.

Вся обстановка комнаты была задумана и исполнена въ

соотвѣтствіи съ ея хозяйкой. Портьеры на дверяхъ и окнахъ падавшія мягкими складками, были того же тона, только нѣсколько свѣтлѣе платья фрау Бюргелинъ. Ея нѣжно-розовому цвѣтущему лицу, представлявшему такой удивительный контрастъ съ серебромъ ея волосъ, нечего было бояться сочной яркости красокъ, сверкавшихъ вокругъ. Серебряная корона ея волосъ имѣла чрезвычайно эффектный видъ, когда она полулежала въ качалкѣ, и вокругъ нея сверкали матовыми, коричневыми и золотыми бликами рѣзныя бронзовыя инкрустаціи голландской мебели-ренесансъ.

Выпивъ чаю, фрау Бюргелинъ нѣкоторое время лежала тихо съ опущенными рѣсницами и слушала игру своего сына. Изъ верхняго этажа ясно и отчетливо доносились звуки упражненій и этюдовъ. Діонисъ игралъ съ изумительной для своего возраста силой, бѣглостью и сознательностью. Но когда онъ взялся за новое упражненіе, то каждая его ошибка и неувѣренная нота отражались на подвижномъ лицѣ его матери.

— Вы устали, madame?—спросила компаньонка по-французски.

Фрау Бюргелинъ открыла глаза.

— Не очень,—отвѣтила она ласково.

И прибавила:

— Какъ хорошо быть опять дома, у себя... Голубушка, вы должны быть наставницей и руководительницей моего Діониса. Намъ съ вами необходимо взаимное довѣріе. Намъ надо узнать другъ друга! Я рада, что пересуды и сплетни о моемъ бракѣ не помѣшали вамъ пріѣхать ко мнѣ.

— Я столько слышала о вашей добротѣ, о вашемъ благородномъ образѣ мыслей.

Фрау Бюргелинъ не протестовала противъ этихъ словъ: она не считала ихъ комплиментомъ. Доброту и благородный образъ мыслей она находила вполнѣ естественными для нея и неотъемлемыми, какъ часть ея самой.

— Борьба была тяжелая,—продолжала она серьезно.—И я побѣдила. Я отвоевала у мужа своихъ сыновей. Теперь они—мои... Мои!—воскликнула она громко въ порывѣ внезапно вспыхнувшей страсти и, поднявшись съ мѣста, стояла, откинувшись назадъ, сверкая глазами.—Моя собственность, мое достояніе! Пусть онъ посмѣетъ теперь протянуть къ нимъ руку или хотя бы спросить о нихъ... Онъ былъ плохой мужъ, плохой отецъ! Онъ не исполнялъ своего долга: теперь онъ потерялъ насъ.

— А что если его любовь къ мальчикамъ когда-нибудь проснется?

Фрау Бюргелинъ съ изумленіемъ взглянула на mademoiselle. Она не ожидала возраженій, произнося свой монологъ. И потому она холодно и высокомѣрно проговорила:

— Для мальчиковъ отецъ ихъ умеръ.

Послѣдовала длинная пауза. Швейцарка почувствовала, что сказала неловкость, и сидѣла тихо, опустивъ руки на колѣни. Фрау Бюргелинъ ходила по комнатѣ взадъ и впередъ. Сверху доносились монотонныя упражненія Діониса.

— Вы знаете, что не я бросила мужа, а онъ бросилъ меня?—рѣзко спросила фрау Бюргелинъ.

М-lle Оберъ на этотъ разъ только утвердительно наклонила голову въ отвѣтъ.

— Цѣлый годъ я ждала, не вернется ли онъ. Три раза я передавала ему, что прощаю его, но потомъ я приняла свои мѣры и провела ихъ до конца. Онъ не имѣетъ основаній жаловаться.

— Вамъ должно быть очень пріятно, снова чувствовать себя госпожею своей жизни.

— Ахъ, милая, научаешься цѣнить только то, чего долго недоставало... Супружеская жизнь моя была тяжелая. Многое въ ней было тяжело. Я никогда не любила Англію и всегда хотѣла выйти замужъ за нѣмца, но все-таки... Я была очень избалована. Моему мужу слѣдовало измѣнить свою профессію. Онъ вѣдь и самъ не любилъ ея. Сельскій врачъ!.. Приходилось толковать съ крестьянами и выслушивать ихъ жалобы. Среди нихъ было не мало превосходныхъ людей, но все-таки... такая жизнь была не для меня. Я никогда не давала почувствовать мужу, что мнѣ, шотландской аристократкѣ, претитъ, когда его друзья въ моемъ присутствіи курятъ отвратительныя сигары и говорятъ на своемъ отвратительномъ діалектѣ... Но онъ такъ дивно пѣлъ!.. Я влюбилась въ его голосъ на Фирвальдштетскомъ озерѣ. Онъ проплылъ мимо насъ въ лодкѣ... Онъ былъ такой мужественный и ловкій, онъ карабкался на скалы, какъ серна.

Фрау Бюргелинъ подошла къ окну и взглянула въ паркъ. На желто-оранжевомъ вечернемъ небѣ чернѣли вѣтки сосны, а верхушки ея пылали золотомъ.

— Славный я нашла уголокъ!—сказала она мягко.—Въ этомъ миломъ маленькомъ городкѣ мои мальчики подростутъ здоровые и радостные... Пожалуйста, голубушка, позовите мнѣ Діониса! Пусть поиграетъ мнѣ немного Вагнера. Довольно уже этюдовъ! Милый мальчикъ, какъ онъ добросовѣстно работаетъ!

М-lle Оберъ только что хотѣла выйти изъ комнаты, какъ

фрау Бюргелинъ вдругъ рѣзко отошла отъ окна и стала прислушиваться.

На тѣнистой дорогѣ парка, проходившей мило сада виллы «Эдина», послышался свистъ: это была мелодія швейцарской народной пѣсни.

— Что съ вами?—спросила компаніонка тревожно, замѣтивъ выраженіе ненависти на лицѣ фрау Бюргелинъ.

— Пусть Паулина закроетъ парадную дверь! Не отворять, когда позвонятъ! Скорѣе! Пожалуйста, скорѣе!...

М-lle Оберъ поспѣшно выбѣжала изъ комнаты.

Фрау Бюргелинъ прижала руку къ сердцу, вслушиваясь.

— Это онъ!.. Тѣ же звуки, тотъ же протяжный тонъ въ концѣ... Нѣтъ покоя, нѣтъ конца!—шептала она безутѣшно, покачивая головой, и продолжала вслушиваться.

Стукнула садовая калитка. Еще разъ прозвучалъ припѣвъ пѣсни съ протяжнымъ концомъ. Легкіе шаги по гравію дорожки...

Фрау Бюргелинъ не рѣшалась подойти къ окну. Отъ волненія у нея стучало въ вискахъ, шумѣло въ ушахъ. Ея постояннымъ страхомъ, ея idée fixe было, что мужъ явится къ ней въ одинъ прекрасный день. Съ какою цѣлью?—она сама не знала. Можетъ быть, просто затѣмъ, чтобы нарушить ея спокойствіе. У него такой непонятный характеръ.

Прозвучалъ звонокъ, послышался стукъ отворяемой двери.

А вѣдь она приказала... Гнѣвное восклицаніе сорвалось съ ея губъ, она сжала руки.

Вошла m-lle Оберъ.

— Зачѣмъ отворили дверь?—рѣзко накинулась на нее фрау Бюргелинъ.

— Mais, madame, это Карлъ.

— Карлъ?

И вслѣдъ за швейцаркой вошелъ въ комнату старшій сынъ фрау Бюргелинъ.

— Почему заперли дверь, вѣдь еще такъ рано?—спросилъ онъ, ничего не подозрѣвая.

— Ты встрѣтилъ кого-нибудь внизу въ саду?—рѣзко обратилась къ нему мать.

— Ни души.

— А кто же свистѣлъ.

— Я.

— Ты? Это ты?.. Я запрещаю тебѣ насвистывать эту пѣсню? Ты слышишь?

— Слышу, но не понимаю, отчего... Пѣсня хорошая. Вотъ послушай!..

И онъ снова началъ насвистывать пѣснь совершенно такъ же, съ тѣми же оттѣнками, какъ дѣлалъ это его отецъ, когда хотѣлъ успокоиться послѣ непріятныхъ сценъ съ женой.

Помнилъ ли это Карлъ? Не нарочно ли онъ это сдѣлалъ? Не держалъ ли онъ сторону отца больше, чѣмъ она могла предположить?

— Замолчи!—отрывисто закричала она:—Я не хочу больше никогда слышать этой пѣсни!

— Ну что-жъ? Хорошо! Приходится уступить непонятному капризу,—сказалъ Карлъ упрямо.

— Такъ говорить съ матерью неприлично, Карлъ!

У фрау Бюргелинъ каждый нервъ дрожалъ отъ возбужденія. Въ ней кипѣла злоба на сына. Проявлявшееся въ немъ сходство съ отцомъ оскорбляло ее и отталкивало отъ него.

Въ это время вошелъ Діонисъ. Онъ тихо сѣлъ за рояль и сталъ играть отрывокъ изъ «Мейстерзингеровъ». Фрау Бюргелинъ подошла къ нему, прислонилась своей щекой къ его каштановымъ кудрямъ и прошептала:

— Утѣшеніе мое! Счастье мое! Сынъ мой!

Слезы хлынули у нея изъ глазъ.

Растерянный и неловкій, стоялъ Карлъ среди комнаты.

Богъ знаетъ, откуда у Діониса такое чутье ко всѣмъ настроеніямъ матери, а у него совсѣмъ никакого! И всегда выходитъ такъ, какъ будто онъ сдѣлалъ что-то ужасное! Если бъ онъ только понялъ, почему такъ преступно было съ его стороны насвистывать эту пѣсню... Можетъ быть, потому что свистѣть вообще не полагается джентльмену... Постоянно онъ влетаетъ въ такія исторіи, которыя оказываются не джентльменскими!.. Но какъ можетъ насвистываніе раздражать мать, которая такъ радовалась проявленію какой бы то ни было способности въ дѣтяхъ? Должно быть, ей не понравилось, что онъ свистѣлъ слишкомъ грубо. Что если бы попробовать нѣжнѣе, мягче? И онъ сложилъ губы для свиста и снова началъ свою пѣсню.

— Mais Charles!—испуганно воскликнула m-lle Оберъ.

— Мама,—сказалъ Карлъ, погруженный всецѣло въ свои мысли:—вотъ такъ тебѣ больше понравится!

И онъ продолжалъ насвистывать.

Мать рѣзко повернулась къ мальчику и взглянула на него блестящими отъ гнѣва глазами, взгляда которыхъ онъ боялся.

— Иди въ свою комнату! Ты будешь ужинать у себя.

— Да, но... Объясни же мнѣ, мама!..

— Ни слова больше!

Карлъ вышелъ, но въ его походкѣ, въ покачиваньи головою, въ каждомъ мускулѣ его тѣла выражался негодующій протестъ противъ материнскаго приказа.

II.

Маленькіе нѣмецкіе города... Сколько маленькихъ своеобразныхъ міровъ! Есть среди нихъ и такіе, гдѣ словно царитъ еще и нынѣ строгая дисциплина сурового военнаго начальника прежнихъ временъ, гдѣ улицы вытянулись прямыя, какъ стрѣлы, гдѣ дома стоятъ, какъ ряды выстроившихся гренадеровъ, гдѣ парадъ съ оглушительнымъ духовымъ оркестромъ является сборнымъ пунктомъ для всего общества. Есть и такіе, которые получили особую физіономію благодаря страсти къ охотѣ ихъ князей. Есть маленькія резиденціи, въ которыхъ витаетъ веселый чувственный духъ рококо вокругъ нимфъ и фавновъ цвѣтущихъ дворцовыхъ садовъ. Это — гнѣзда старыхъ романтическихъ любовныхъ исторій и пикантныхъ новыхъ скандаловъ. Какъ рѣзко отличаются отъ нихъ промышленные города, гдѣ мощный духъ иниціативы, при посредствѣ желѣзодѣлательныхъ и химическихъ фабрикъ, измѣнилъ даже воздухъ и воду; деревья тамъ сохнутъ, а населеніе обращено въ прелетаріатъ. Есть и города музъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ всегда происходятъ какія-нибудь празднества: пѣвческія, военныя, фехтовальныя,—города, которые всегда украшены вѣнками, гдѣ развѣваются флаги и вѣчно раздается хоровое пѣніе. Есть города-гарнизоны, гдѣ тонъ задаетъ лейтенантъ; есть студенческіе, гдѣ ту же роль играютъ корпоранты. Есть портовые города, гдѣ каждый уголокъ пропахъ рыбой и смолой и гдѣ еще въ ходу странныя суевѣрія рыбаковъ.

Каждый изъ этихъ городовъ сообщаетъ своимъ жителямъ нѣчто, только ему присущее, внушаетъ имъ особый взглядъ на то, что въ жизни важнѣе, необходимѣе всего, что больше всего ее украшаетъ и обогащаетъ. Съ проницательностью британки, которая не ошибается, если не хочетъ ошибиться, фрау Эдина Алландайсъ Бюргелинъ выбрала для своего жительства изъ всѣхъ своеобразныхъ нѣмецкихъ городовъ, которые были ей извѣстны, именно тотъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ ея эстетическимъ потребностямъ и духовной культурѣ. Здѣсь, въ

Бернгардсгаузенѣ, господствовала интеллигентность, и именно тотъ родъ ея, который, созданный больше вліяніемъ художниковъ и поэтовъ, чѣмъ ученыхъ, просачивался постепенно въ теченіе цѣлаго вѣка во всѣ слои населенія, шлифуя и облагораживая духовную физіономію жителей. Исключенія, конечно, были, но большею частью это былъ элементъ пришлый; въ общемъ же и пріѣзжіе, долго остававшіеся въ Бернгардсгаузенѣ, пріобрѣтали классически-просвѣтленное, въ нѣкоторомъ родѣ Платоновское міровоззрѣніе. Какъ водится, и здѣсь женщины играли руководящую роль, не благодаря новой демократической эмансипаціи, а по традиціи добраго стараго времени, когда благородныя женщины являлись вдохновительницами духовной жизни своего времени. И эти женщины все еще носили тѣ же имена, что и въ эпоху великихъ поэтовъ: Корнелія, Каролина, Лотта, Наталія. Ихъ окружало вѣяніе славнаго прошлаго; ихъ матери и тетки были тѣми прелестными созданіями, которыя воспѣты въ безсмертныхъ пѣсняхъ поэтовъ. Среди любезныхъ придворныхъ фрейлинъ и умныхъ дамъ-патронессъ, которыми кишѣлъ Бернгардсгаузенъ, попадались еще породистыя головы оригинальнѣйшаго безобразія; онѣ все еще въ мечтахъ несли на себѣ тѣ вѣнки изъ розъ, которыми онѣ нѣкогда, въ качествѣ маленькихъ толстощекихъ геніевъ, вѣнчали олимпійцевъ.

Эти женщины никогда не оскверняли своихъ устъ пошлыми сплетнями. Онѣ умѣли осудить одной улыбкой, мягкимъ движеніемъ руки отстранить навсегда, но онѣ умѣли и благосклонно принять въ свой кругъ того, кто приближался къ нимъ, въ качествѣ вѣрнаго ученика. Даже больше: если онѣ въ комънибудь угадывали сходное направленіе ума, если онѣ ожидали отъ него оживленія своего, все же нѣсколько узкаго круга, то онѣ привѣтливо шли на встрѣчу гостю.

Такъ и случилось, когда фрау Эдина Алландайсъ Бюргелинъ появилась въ ихъ обществѣ. Отличныя рекомендаціи ввели ее ко двору, и на новогоднемъ пріемѣ ея величавая красота была отмѣчена всѣми. Не будучи ни остроумной, ни веселой, она умѣла черпать изъ своего богатаго жизненнаго опыта и умно и интересно разсказывать. Герцогъ любилъ пить у нея чай и болтать съ ней объ общихъ знакомыхъ, о выдающихся ученыхъ и художникахъ, которыхъ онъ охотно причислялъ къ своимъ друзьямъ. Съ принцессами у фрау Бюргелинъ начался оживленный обмѣнъ книгами и нотами. Герцогская фамилія ощущала особую прелесть бывать въ домѣ, въ которомъ открывалъ дверь не ливрейный лакей, а хорошенькая

бѣлокурая горничная въ свѣтломъ ситцевомъ платьѣ, а хозяйка тѣмъ не менѣе принимала съ спокойнымъ достоинствомъ равной. Фрау Бюргелинъ, которую принцессы называли не иначе, какъ м-съ Алландайсъ, оставалась въ ихъ глазахъ шотландской аристократкой, находившейся въ родствѣ съ англійскимъ королевскимъ домомъ. Тотъ періодъ ея жизни, когда она была замужемъ за швейцарскимъ врачемъ, онѣ разсматривали какъ романическое intermezzo, и благожелательно игнорировали его.

Фрау Бюргелинъ умѣла цѣнить хорошія отношенія, установившіяся у нея со дворомъ въ Бернгардсгаузенѣ, но для самой важной части ея жизненнаго плана они имѣли такъ же мало значенія, такъ и знакомство съ образованными и умными городскими аристократками. И прежнія молодыя стремленія, и нѣкоторыя надежды на будущее,—все заставляло ее особенно горячо интересоваться театромъ. А Бернгардсгаузенъ былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ городовъ, гдѣ театръ въ самомъ дѣлѣ являлся своего рода храмомъ. Директоръ его, немного поэтъ, большой идеалистъ, къ тому же любезный свѣтскій человѣкъ, пользовался своими талантами для блага своего учрежденія, какъ настоящій капиталистъ. Средствъ въ его распоряженіи было мало, но обѣщаній—сколько угодно. Онъ умѣлъ такъ искренно распредѣлить эти обѣщанія, такъ ловко затушевывалъ денежную сторону, такъ ярко рисовалъ артистамъ перспективы, сіявшія тонкими, заманчивыми красками, что ни извѣстные поэты, ни артисты, сколько-нибудь выдающіеся, не могли устоять передъ нимъ. Выходило такъ, что тотъ, кто отказывался, пріобрѣталъ репутацію грубаго матеріалиста. Благодаря этому баронъ Пернебергъ ставилъ въ своемъ театрѣ интересныя пьесы даже раньше Берлина. Онъ всегда имѣлъ согласіе знаменитыхъ гастролеровъ, которые готовы были пренебречь звонкой монетой ради чести и духовнаго удовлетворенія, которое давало имъ выступленіе въ Бернгардсгаузенѣ. Ихъ ждали орденъ и милостивыя слова герцога, оживленные вечера въ домѣ директора, гдѣ вся мѣстная аристократія осыпала ихъ знаками вниманія, паломничество къ могиламъ великихъ поэтовъ, гдѣ, возложивъ дорогой вѣнокъ, такъ удобно было соединить идеальное поклоненіе искусству съ рекламой для самого себя. Молодые многообѣщающіе таланты удовлетворялись самымъ скромнымъ окладомъ, лишь бы только довершить свое художественное воспитаніе подъ руководствомъ такого пламеннаго любителя искусства, искренно принимавшаго участіе въ каждомъ ихъ успѣхѣ. Благодаря этому театральная

жизнь маленькаго городка оставалась всегда на должной высотѣ.

Фрау Бюргелинъ обладала способностью къ энтузіазму, свойственному ея расѣ. Эта способность, находящаяся въ такомъ странномъ противорѣчіи съ обычной сдержанностью англосаксонцевъ,—не результатъ ли это примѣси страстной кельтской крови?—иногда неожиданно вспыхиваетъ въ цѣломъ народѣ, удивляя весь міръ. Когда эта иностранка появлялась въ театрѣ на своемъ обычномъ мѣстѣ и сидѣла величественная, недосягаемая, обвѣянная холодомъ, такая далекая отъ оживленной болтовни старыхъ дамъ и молодыхъ дѣвушекъ съ лейтенантами, то не вѣрилось, что та же женщина, захваченная впечатлѣніемъ спектакля, даетъ полную волю слезамъ, или же такъ неистово апплодируетъ, что заставляетъ тяжелую на подъемъ нѣмецкую публику повторять вызовы артистовъ. Симпатіи свои она выражала энергично. Кто заслужилъ ея расположеніе, того она и въ обществѣ, и при дворѣ защищала стойко и страстно. Особенно неутомимо она старалась выдвинуть новую молодую пѣвицу, Дорисъ Рюдери. Фрау Бюргелинъ сочувственно относилась къ смѣлому реализму въ ея толкованіи ролей, вызывавшему неодобреніе въ части публики.

Дорисъ знала объ этомъ. И когда она выходила на сцену, взглядъ ея невольно направлялся туда, гдѣ серебрились волосы надъ розовымъ лицомъ, гдѣ такъ серьезно сидѣлъ съ матерью красивый, стройный мальчикъ.

Однако, страстное увлеченіе фрау Бюргелинъ театромъ объяснялось не столько интересомъ къ пѣвицѣ, сколько мыслью о сынѣ. Въ Діонисѣ сконцентрировалась пламенная мечта всей ея жизни. Діонисъ, будущій артистъ, долженъ быть воспитанъ въ томъ убѣжденіи, которое она сама вынесла изъ Байрейта,—что художественное произведеніе, объединяющее въ себѣ музыку и поэзію, сценичность и декоративную обстановку, является высшимъ въ искусствѣ. Сынъ ея долженъ проникнуться мыслью, что искусство—не красивое «между прочимъ», что въ немъ глубочайшее значеніе нашей культуры.

Фрау Бюргелинъ была увѣрена, что эта мысль не привьется къ нему такъ сильно въ столицѣ, гдѣ ежедневно смѣняются тысячи разнообразныхъ интересовъ, какъ въ тихомъ, утонченномъ Бернгардсгаузенѣ.

Діонисъ очень рано проявилъ необычайное музыкальное дарованіе въ своихъ дѣтски-наивныхъ, но интересныхъ композиціяхъ. Фрау Бюргелинъ имѣла право надѣяться...

И она надѣялась со всей неистощимостью своего богатаго воображенія. Ей не казалось дерзкимъ требовать отъ судьбы вѣнца генія для сына. Онъ будетъ преемникомъ Вагнера... Но съ новымъ лейтмотивомъ—мотивомъ радости. Онъ долженъ расти, не зная страданій, не зная горя, чтобы, созрѣвъ, раскрыть сердца измученныхъ людей для солнца, для наслажденія, для беззаботнаго ликованія.

Лучшая часть ея самой должна въ немъ жить и служить красотѣ. Какъ благочестивыя матери посвящаютъ свое любимое дитя Богоматери, такъ фрау Бюргелинъ посвятила своего сына чистому и строгому служенію искусству.

По мѣрѣ того, какъ отдѣлка виллы «Эдина» приближалась къ концу, между ея хозяйкой и мѣстными городскими жителями завязывалось все больше нитей.

Ремесленники получили хорошій заработокъ при постройкѣ и внутреннемъ устройствѣ красиваго дома; въ магазинахъ дѣлались большія закупки.

Комитетъ общества пособія бѣднымъ съ благодарнымъ удивленіемъ принялъ отъ фрау Бюргелинъ довольно крупное пожертвованіе, а съ наступившей холодной зимой нѣсколько бѣдныхъ дѣтей получало ежедневно горячій обѣдъ на кухнѣ новой виллы. Фрау Бюргелинъ постепенно становилась своимъ человѣкомъ въ Бернгардсгаузенѣ, а сыновья ея неутомимо бродили по окрестностямъ и знакомились съ ними.

Занимались мальчики дома. Имъ давали уроки учителя гимназіи, и потому въ то время, когда всѣ ученики были въ классѣ, Карла можно было встрѣтить мечтательно бродящимъ по полю, а Діониса—играющимъ съ воспитательницей въ снѣжки. Въ жителяхъ Бернгардсгаузена искони была крѣпка строгая, педагогическая традиція—и по поводу этихъ встрѣчъ многіе неодобрительно покачивали головой. Солиднаго возраста мужчины и дамы обмѣнивались своими опасеніями на этотъ счетъ, и даже раздавались громко пророческія предостереженія. Наконецъ, черезъ полгода общественное мнѣніе рѣшило, что любезности, расточаемыя чужестранкой направо и налѣво, даютъ ему право энергически заявить о себѣ.

Конечно, фрау Бюргелинъ—прелестная женщина, но она должна руководиться тѣми принципами воспитанія, которыя господствуютъ въ Бернгардсгаузенѣ. Было рѣшено, что для мальчиковъ не годится женское воспитаніе и что ей слѣдуетъ взять къ сыновьямъ гувернера, вмѣсто этой m-lle Оберъ,

или, еще лучше, отдать ихъ, какъ обычно дѣлается, въ гимназію.

Придворныя дамы съ породистыми головами первыя открыли походъ. Въ качествѣ авангарда была выслана одна изъ нихъ, отличавшаяся бойкостью языка.

Явившись, она стала изображать милой м-съ Алландайсъ, съ каррикатурнымъ преувеличеніемъ, тѣ опасности, которыя ждутъ ея сыновей въ будущемъ: Діонисъ превратится въ невозможнаго маменькинаго сынка, а Карлъ, безъ сомнѣнія, заведетъ романъ съ первой встрѣчной барышней или вступитъ въ связь съ деревенской коровницей.

Фрау Бюргелинъ сидѣла молча, съ серьезнымъ лицомъ, передъ говорившей. Только когда на сцену была выведена коровница, она нахмурила брови и прошептала:

— Какая пошлость!

Фрейлейнъ фонъ-Клингенбергъ подобное мнѣніе объ ея благихъ предупрежденіяхъ не понравилось, и она воскликнула съ раздраженіемъ:

— Вспомните мое слово: такіе эксперименты всегда плохо кончаются!

— Кто изъ насъ двоихъ лучше знаетъ мальчиковъ,—какъ по вашему?—спросила фрау Бюргелинъ.—Вы ли, видѣвшая ихъ не больше четырехъ разъ и едва сказавшая съ ними нѣсколько словъ, или я, родившая и воспитывающая ихъ?

Фрейлейнъ фонъ Клингенбергъ замѣтила на это, что чужіе иногда замѣчаютъ то, что ускользаетъ отъ родителей.

— Да, отъ родителей, у которыхъ не хватаетъ ни ума, ни охоты думать о своихъ дѣтяхъ—отвѣтила фрау Бюргелинъ презрительнымъ тономъ,—Но... скажите мнѣ по правдѣ: развѣ Діонисъ производитъ на васъ впечатлѣніе невыносимаго существа?

— Нѣтъ... конечно, нѣтъ! онъ—прелестный мальчикъ.

— А Карлъ производитъ на васъ впечатлѣніе испорченнаго мальчишки?

— Но, милая моя... голубушка!

— Отвѣтьте, пожалуйста, на мой вопросъ!—Синевато-стальные глаза фрау Бюргелинъ заблистали, точно лезвіе меча на солнцѣ.

— Какъ вамъ сказать?.. Что-то странное въ немъ уже есть...

— Это не то, о чемъ я спрашиваю. Обыкновенными, сѣренькими людьми мои сыновья не могутъ быть.

— Да нѣтъ же,—успокаивала ее Корнелія Клингенбергъ,—я и не думала этого. Въ семьѣ профессора Берглинга, гдѣ Карлъ часто бываетъ, всѣ его очень любятъ. Только онъ немножко черезчуръ увѣренно для своего возраста высказываетъ свои мнѣнія.

— Но изъ этого вы вѣдь не можете заключить объ его испорченности?

— Господи, какъ вы серьезно все принимаете!

— Потому что это вопросъ серьезный. Не слѣдовало бы высказывать мнѣній, которыхъ нельзя обосновать.

Фрейлейнъ фонъ-Клингенбергъ перемѣнила тему разговора.

Когда она распрощалась, фрау Бюргелинъ сказала своей Паулинѣ:

— Если эта дама опять пріѣдетъ, скажите, что меня нѣтъ дома. Я не могу видѣть ея лица. Какъ она безобразна,—протянула она въ задумчивости.

Неуспѣхъ смѣлой и всегда побѣждавшей Корнеліи Клингенбергъ обезкуражилъ другихъ дамъ.

— Этой женщинѣ можетъ импонировать только мужчина,—воскликнула Люцинда фонъ-Кальбъ

— Не намекнуть ли его свѣтлости?—спросила старая, вліятельная фрейлина.

— Ахъ, герцогъ забываетъ такого рода дѣла, когда онъ хорошо проводитъ время.

— Eh bien, самый подходящій къ случаю человѣкъ, это—директоръ Маттіасъ. Вѣдь, кончится эта затѣя, и мальчики все равно попадутъ въ гимназію подъ его начало.

Энергично побуждаемый со всѣхъ сторонъ, д-ръ Маттіасъ просилъ у фрау Бюргелинъ разрѣшеніе зайти для переговоровъ. Судя по всему, что слыхалъ объ англичанкѣ, она представлялась ему просто экзальтированной женщиной. Люцинда Кальбъ была права: тутъ нужно было вмѣшательство строгаго мужскаго элемента. И, въ качествѣ спеціалиста, онъ можетъ ей лучше всѣхъ выяснить опасность домашняго воспитанія.

Когда директоръ входилъ въ гостиную виллы «Эдина», у него была на языкѣ отлично составленная, содержательная рѣчь. Но когда на встрѣчу ему вышла фрау Бюргелинъ въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи изъ мягкаго индійскаго шелка, съ затканнымъ серебромъ шарфомъ на серебрянныхъ волосахъ, ея наружность и высокомѣрный взглядъ ея сине-стальныхъ глазъ смутили его и вывели изъ равновѣсія.

Она опустилась въ глубокое кресло и любезно предложила директору такое же, напротивъ нея. Затѣмъ она серьезно и сдержанно попросила его сообщить ей то, что онъ имѣетъ сказать ей.

Д-ръ Маттіасъ безуспѣшно старался внушить себѣ, что костюмъ ея—смѣшонъ, а осанка—театральна. Она подавляла его. Онъ смотрѣлъ на ея руку, нѣжностью и цвѣтомъ похожую на бѣлую чайную розу, и старался твердо проникнуться мыслью, что для директора герцогской гимназіи въ Бернгардсгаузенѣ позорно потерять самообладаніе при видѣ бѣлой руки. И онъ началъ медленно, съ отеческимъ увѣщаніемъ въ голосѣ, тѣмъ тономъ, въ какомъ онъ обыкновенно говорилъ прощальныя рѣчи выпускнымъ ученикамъ, рисовать передъ фрау Бюргелинъ блага строгой, правильной дисциплины, подчиненія единицы цѣлому и гуманитарнаго воздѣйствія классической гимназіи на умъ и характеръ.

Тутъ Фрау Бюргелинъ прервала его и спросила съ дѣланной вѣжливостью:

— А вамъ не приходилось убѣждаться, г-нъ директоръ, что у вашихъ учениковъ послѣ выпускныхъ экзаменовъ мало что остается отъ ума и характера?

— Милостивая государыня!.. ваше предположеніе нѣсколько смѣло! очень смѣло,— съ негодованіемъ воскликнулъ д-ръ Маттіасъ.

Фрау Бюргелинъ откинулась назадъ въ креслѣ, медленно и красиво перебирая темно-красную бахрому обивки.

— Мнѣ пришлось наблюдать это довольно часто у молодыхъ людей въ Германіи. И примѣръ этотъ, признаюсь, не вызываетъ во мнѣ желанія подражать ему.

Насмѣшливая улыбка скользнула по ея губамъ.

— Какъ вамъ извѣстно, я иностранка — къ счастью—и такимъ образомъ полиція не можетъ заставить меня воспитывать моихъ сыновей не такъ, какъ я не хочу.

— Вы не сознаете отвѣтственности, которую берете на себя.

— Я всегда отдаю себѣ отчетъ въ своемъ поступкѣ,—холодно возразила она.

— А если ваши сыновья когда-нибудь будутъ упрекать васъ?

— Отъ этого я застрахована, потому что они — мои сыновья,—сказала она гордо. — Впрочемъ, вы сами, г-нъ директоръ, можете судить о результатахъ моего метода. Старшій классъ гимназіи Карлъ и Діонисъ будутъ посѣщать, а также держать окончательные экзамены.

— Боюсь, что при этихъ—простите меня—очень женственныхъ планахъ воспитанія вы врядъ ли достигнете требуемаго для нѣмецкаго аттестата зрѣлости уровня.

— Это мы увидимъ.—Фрау Бюргелинъ поднялась и позвонила.

— Паулина, я слышу, экипажъ уже поданъ, чтобы ѣхать въ театръ. Пусть подождетъ.

— Я не стану дольше задерживать васъ,—сказалъ д-ръ Маттіасъ торжественно. — Я бы желалъ только увѣрить васъ, что исключительно стремленіе помочь одиноко живущей дамѣ моимъ опытомъ побудило меня...

Фрау Бюргелинъ протянула ему руку и любезно улыбнулась. Она подумала объ экзаменѣ сыновей.

— Какого вы мнѣнія объ учителѣ Венденбургѣ? Я слышала, что онъ хорошій математикъ.

— Я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе,—сказалъ д-ръ Маттіасъ и съ достоинствомъ сталъ прощаться. Онъ былъ недоволенъ собою.

Когда директоръ ушелъ, Фрау Бюргелинъ злобно расхохоталась: непрошенный совѣтчикъ глубоко задѣлъ ея самолюбіе. Ей надо было сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы не дать ему сильнѣе почувствовать это. А излагать этому чужому человѣку мотивы и основанія своихъ плановъ воспитанія ей и въ голову не приходило.

Фрау Бюргелинъ медленно подошла къ своему письменному столу. Тамъ стоялъ маленькій рѣзной шкафчикъ, обвитый зеленью. Она раскрыла его дверцу. Внутри, за вазочкой съ цвѣтущей бѣлой розой, стояла карточка маленькой дѣвочки съ нѣжнымъ личикомъ и тѣми же большими невинными глазами, какіе были у Діониса. Фрау Бюргелинъ долго глядѣла на портретъ, и слезы катились изъ-подъ ея опущенныхъ вѣкъ.

Снова встала въ ея памяти болѣзнь и смерть этого ребенка... того ребенка, который пробудилъ ея душу для тихой, глубокой материнской любви. И угасаніе этого ребенка она должна была видѣть, не будучи въ состояніи помочь ему.

Когда наступила агонія, она, какъ тигрица, бросилась къ доктору, крѣпко схватила его за плечи и закричала:

— Говорите правду: отъ чего умираетъ мой ребенокъ?

Онъ пожалъ плечами.

— А другіе... мальчики?

Онъ молчалъ.

— Но я вѣдь здорова! Мой отецъ былъ суровый вояка, индійскій офицеръ, который прошелъ невредимымъ черезъ чуму, холеру лихорадку и военные походы. Мой мужъ...—Тутъ она запнулась.—Правда, онъ очень нервенъ, очень своеобразенъ...

— Сударыня,—сказалъ врачъ спокойно,—не ваши дѣти одни такіе. Человѣчество все теперь устало, издергано, не имѣетъ силы сопротивляться.

— Но мои дѣти не должны быть такими,—закричала она съ упрямствомъ женщины, готовой идти противъ всего мірового порядка, если этого требуетъ защита ея дѣтенышей.

Докторъ улыбался.

Фрау Бюргелинъ не могла забыть этой улыбки, днемъ и ночью. Она преслѣдовала ее даже въ минуты глубочайшаго горя. Она и вырвала ее изъ тупого оцѣпенѣнія, которое сковало ее послѣ смерти дѣвочки.

Діонисъ, красивый, какъ маленькій греческій богъ, игралъ у ея ногъ. Она смотрѣла на него и думала, что вотъ онъ выростетъ и превратится въ усталаго, измученнаго, никуда негоднаго человѣка или же начнетъ такъ же медленно и непонятно чахнуть, какъ зачахла его сестренка. Она стала зорко присматриваться къ Карлу, котораго, вообще, не особенно любила, такъ какъ онъ оскорблялъ ея тонкое эстетическое чувство, и равнодушно предоставляла его измѣнчивымъ воспитательнымъ опытамъ мужа. Теперь она стала тревожиться и за него.

Она вернулась къ жизни.

Энергичная работа мысли началась въ ея тонко-организованномъ мозгу. Она стала читать медицинскія, естественно-научныя, философскія книги. Она совѣщалась съ врачами, учеными, педагогами. Въ ней созрѣвалъ планъ развестись съ мужемъ, чтобы безъ помѣхи провести свою волю въ отношеніи дѣтей. Мужъ своей «безвѣстной отлучкой» какъ-бы пошелъ навстрѣчу ея желанію. Она рѣшительно воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы стать свободной. Ясность ея мысли и твердость воли расположили швейцарскій судъ въ ея пользу; дѣти остались за ней.

Годы боролась она упорно, чтобы спасти своихъ мальчиковъ для свѣта, простора и счастливаго, безмятежнаго существованія—а какой-то гимназическій учитель воображаетъ, что переведетъ ее въ свою вѣру, двумя-тремя елейными пошлостями...

Экипажъ отослали. Фрау Бюргелинъ отказалась отъ театра: она была слишкомъ взволнована.

Когда въ слѣдующій разъ герцогъ пилъ въ пять часовъ чай у фрау Бюргелинъ, она перевела разговоръ на своихъ сыновей. Заговорила о томъ, какъ быстро они стали развиваться, съ тѣхъ поръ какъ поселились въ Бернгардсгаузенѣ. Она

разсказала о любви Карла къ природѣ и описала его комнату, которую онъ изукрасилъ камешками, перьями, раковинами и рѣдкими растеніями, точно жилище индѣйскаго вождя. Она выразила надежду, что изъ него со временемъ выйдетъ дѣльный естествоиспытатель. Въ Діонисѣ судьба исполнила ея завѣтное желаніе: въ этомъ мальчикѣ душа музыканта, наивнаго творца радости. Онъ наполнитъ міръ солнечными пѣснями. Братья любятъ другъ друга больше всего на свѣтѣ. Карлъ благоговѣетъ передъ невинной красотой и дарованіями своего младшаго брата. Его тонкій, наблюдательный умъ опредѣляетъ его быть другомъ и лучшимъ свѣтникомъ младшаго брата, и онъ будетъ видѣть въ этомъ прекраснѣйшую цѣль своей жизни.

Фрау Бюргелинъ сочинила цѣлую маленькую поэму о своихъ сыновьяхъ и въ живыхъ, яркихъ образахъ внушила ее воображенію своего высокаго гостя. Но ея разсказъ опьянялъ ее.

— Мои сыновья должны быть и будутъ нѣмцами!—воскликнула она горячо.—Такимъ образомъ я подарю странѣ, въ которой я нашла новую родину, двухъ мужей, которыми она вправѣ будетъ гордиться.

Герцогъ пожалъ ей руку, но его накрахмаленная осанка не измѣнилась ни на іоту: по его внѣшности никогда нельзя было замѣтить чувствъ, волновавшихъ его.

— Великолѣпно, великолѣпно—пробормоталъ онъ. — Это очень интересно. Я хочу видѣть вашихъ сыновей.

Карла и Діониса позвали. Когда они оба появились— Карлъ нѣсколько сутулый, неловкій, съ раннимъ пушкомъ на губѣ, Діонисъ, стройный, кудрявый мальчикъ,—они показались герцогу вполнѣ точной иллюстраціей къ поэмѣ, сочиненной ихъ матерью. Онъ съ почти дѣтской довѣрчивостью потрепалъ ихъ по плечу и погладилъ по головѣ, называя ихъ «милые юные друзья», и высказалъ имъ пожеланіе, чтобы они посвятили свои силы въ будущемъ его странѣ. Онъ уже представлялъ себѣ Карла ученымъ свѣтилемъ въ своемъ университетѣ, а Діониса—достойнымъ обновителемъ художественныхъ традицій, которыя нѣкогда насадили въ его маленькой отчизнѣ великіе артисты.

Фрау Бюргелинъ тонко улыбалась. Она надѣялась, что нашла вліятельнѣйшаго защитника своихъ плановъ и желаній.

III.

Фрау Бюргелинъ знала о фантастическомъ убранствѣ комнаты Карла только изъ разсказовъ m-elle Оберъ. Она очень

рѣдко навѣщала верхній этажъ, гдѣ жили мальчики. Обыкновенно ея появленіе сопровождалось какимъ-нибудь выговоромъ. Но теперь фрау Бюргелинъ стала избѣгать этого. Ей не хотѣлось раздражать Карла изъ-за разныхъ мелочей. Съ нимъ и такъ нелегко было справиться. Она любила, чтобы мальчики, когда бывали вмѣстѣ съ ней, разсказывали ей, что съ ними происходило за день. Это такой удобный случай знакомиться съ ними, прививая понемножку ихъ молодымъ умамъ свои взгляды. При всей внѣшней свободѣ они должны идти руководимые ею, на привязи неограниченнаго довѣрія. Съ Діонисомъ это удавалось какъ нельзя лучше. За столомъ онъ каждый разъ разсказывалъ безобидно-смѣшныя исторіи, случившіяся съ нимъ. И какъ красиво онъ выглядѣлъ, когда сообщалъ, напримѣръ, что въ лѣсу онъ увидѣлъ дикую козу и побѣжалъ за ней, но не могъ догнать ее; или какъ старая крестьянка спросила у него, не принцъ ли онъ, потому что онъ носитъ короткіе черные бархатные штанишки. М-еlle обыкновенно дополняла подробностями разсказы мальчика, и фрау Бюргелинъ такимъ образомъ всегда знала, что и какъ они дѣлаютъ. А когда въ сумеркахъ Діонисъ ложился на мягкій коверъ у ея ногъ и клалъ голову на ея колѣни, пальцы ея, лаская, играли его кудрями; она начинала говорить съ нимъ о музыкѣ, и онъ задавалъ умные вопросы. Тогда она ощущала такую радость жизни, какой никогда ужъ не надѣялась испытать со времени смерти своей дѣвочки.

Эта радость не омрачалась ничѣмъ только въ отсутствіи Карла, такъ какъ у него была невыносимая манера все критиковать и противорѣчить матери. Эту манеру надо было въ немъ искоренить, потому что съ нею вѣдь только враговъ наживешь. Фрау Бюргелинъ первая готова была съ удовольствіемъ признать своеобразное мнѣніе, если только оно выражено въ почтительной формѣ. Но нѣкоторые излюбленные ея взгляды ему слѣдовало щадить. А онъ не дѣлалъ этого: наоборотъ, онъ возражалъ противъ нихъ съ особой настойчивостью и пилилъ, пилилъ своимъ слабымъ, легко охрипавшимъ голосомъ такъ долго, что она выходила изъ терпѣнія. А душа его все-таки оставалась для нея закрытой. За это она винила своего мужа. Онъ вздумалъ помѣстить восьмилѣтняго мальчика въ парижскій пансіонъ, гдѣ вертлявые, насмѣшливые французики сразу цѣлымъ роемъ напали на безпомощнаго «аллемана» и такъ задразнили его, что онъ вернулся домой, совершенно онѣмѣлый и подавленный. Съ тѣхъ поръ мать часто замѣчала

въ его глазахъ жалобное выраженіе, и оно трогало ее. Она рѣшила вознаградить его за то, въ чемъ провинился передъ нимъ отецъ.

И шутя, и серьезно она старалась вызывать его на откровенность. Напрасно. Ей не удавалось узнать, что радуетъ, что печалитъ его. Карлъ оживлялся только тогда, когда могъ критиковать что-нибудь; все остальное время онъ сидѣлъ за столомъ молча, уйдя въ себя. Было непріятно видѣть, какъ онъ ѣстъ то быстро, почти прожорливо, то вяло, едва ковыряя вилкой ѣду. Вообще, нерадостно было смотрѣть на этого хмураго, длиннаго подростка. Весь душевный складъ фрау Бюргелинъ, весь ея культъ изящества и красоты, протестовалъ противъ него. Такъ было уже въ первый часъ существованія Карла: когда ей поднесли маленькое, безобразное коричневое существо, она съ отвращеніемъ отвернула голову, и, чтобы не волновать ее, ребенка убрали. Она и носила, и родила его съ гнѣвомъ и отвращеніемъ, негодуя на унизительныя страданія и грязь, сопровождающія рожденіе. Съ этимъ первымъ ребенкомъ были связаны мучительныя воспоминанія.

Но все-таки фрау Бюргелинъ была хорошая мать Карлу. Оглядываясь вокругъ, она думала: «у нѣмецкихъ матерей и инстинкта материнскаго, и любви—пропасть; и что же выходитъ изъ ихъ сыновей? Обыкновенно—очень плохо воспитанные молодые люди, которые, правда, умѣютъ работать, но не воспріимчивы къ тонкостямъ культуры и смотрятъ на женщину сверху внизъ, съ грубымъ, холоднымъ презрѣніемъ.

Фрау Бюргелинъ хотѣла заставить Карла уважать и высоко цѣнить ее. Если все прекрасное въ жизни онъ будетъ вкушать черезъ нее, то благодарность его будетъ такъ сильна, что изъ нея расцвѣтетъ любовь.

Изъ-за упрямства и страсти противорѣчить Карлъ нѣсколько разъ былъ отосланъ отъ обѣденнаго стола. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ нарочно опаздывать къ столу. Тогда Паулина подавала обѣдъ ему одному, и онъ, уставъ и изголодавшись отъ долгаго шатанія по полямъ, могъ безъ помѣхи ѣсть сколько хотѣлось. Но мать очень скоро замѣтила его маневръ и постаралась тотчасъ же отпарировать его. Кто опоздалъ къ обѣду, тому не подаютъ ничего горячаго. Но все же кусокъ хлѣба, холодное мясо и немного компота всегда находились для провинившагося. Горничная Паулина держала сторону барыни, но кухарка, Трина, уже изъ вражды къ Паулинѣ стала на защиту Карла. И когда онъ получалъ приказаніе оставаться въ своей комнатѣ, то и

она, и Діонисъ тайно доставляли плѣннику всякое угощеніе. Такимъ образомъ вмѣсто тяжелаго наказанія получалось только облегченіе.

Съ нѣкотораго времени во всей виллѣ «Эдина» сталъ чувствоваться чрезвычайно противный запахъ — запахъ тлѣнія и гніющаго тѣла. Фрау Бюргелинъ чувствовала его каждый разъ, когда проходила по корридору.

— Здѣсь гдѣ-нибудь, вѣроятно, лежитъ мертвая мышь,— сказала она Паулинѣ.—Посмотрите хорошенько.

— Ахъ, барыня... вовсе не отъ мертвыхъ мышей воняетъ,— сказала толстая горничная,—а изъ комнаты молодого барина Карла.

— Боже мой,—испуганно воскликнула фрау Бюргелинъ,— сколько разъ я повторяла вамъ и требовала, чтобы въ комнатахъ сыновей вы поддерживали всегда самую строгую чистоту. Для чего же вы въ домѣ?

— Простите меня, барыня... но въ этомъ хлѣвѣ—извините—никакъ чистоты не поддержишь. И молодой баринъ изъ себя выходитъ, чуть только притронешься къ его хламу.

Фрау Бюргелинъ поднялась наверхъ. Паулина шла за ней, злорадно улыбаясь. Она видѣла, какъ барыня плакала послѣ сценъ съ Карломъ—и оттого терпѣть его не могла. Въ ея бѣдной жизни обожаніе красоты фрау Бюргелинъ стало настоящимъ культомъ.

Фрау Бюргелинъ нѣсколько разъ потянула воздухъ своимъ тонкимъ носикомъ и сказала: «Degoûtant»! Затѣмъ открыла дверь въ комнату Карла.

Она была и вправду похожа на пещеру первобытнаго человѣка.

На стѣнахъ красовались крылья разныхъ дикихъ птицъ, между ними чучела маленькихъ звѣрьковъ, змѣиная кожа, мотыльки. Пни причудливой формы, осиныя гнѣзда и вѣтки съ засохшими бронзово-коричневыми листьями образовали фантастическую декорацію, а изъ средины ея скалилъ зубы бѣлый черепъ лошади.

Нѣсколько мгновеній фрау Бюргелинъ въ молчаливомъ изумленіи простояла на порогѣ. Во всемъ убранствѣ сказывался вкусъ, краски и формы были подобраны эффектно. Но чучела птицъ были препарированы не настоящимъ образомъ, черепа не вычищены какъ слѣдуетъ; вмѣстѣ съ приторнымъ запахомъ тлѣющихъ травъ и сухихъ листьевъ они давали невыносимый для чувствительныхъ нервовъ запахъ.

— Good heavens!—сказала фрау Бюргелинъ и прижала платокъ ко рту и носу,—какъ онъ можетъ выносить это! Какъ m-elle Оберъ могла допустить что-нибудь подобное. Вѣдь это очагъ заразы! Придется наново оклеивать комнату. Что за мысли приходятъ въ голову такимъ мальчикамъ! Оригинально даже все это, но невозможно, невозможно. Уберите все это, Паулина, и почистите основательно комнату.

— Охъ, и разозлится же молодой баринъ! — замѣтила Паулина.

— Ну, что же дѣлать? Иначе нельзя. Погодите...—сказала фрау Бюргелинъ, обдумывая что-то.—Я приготовлю ему кое-что взамѣнъ. Сегодня пусть все еще остается по старому. Я отправлю Карла въ горы, а вы тѣмъ временемъ безъ помѣхи возьметесь за работу. Не надо ему ничего говорить.

Карлъ былъ очень гордъ, когда мать поручила ему съѣздить въ Тюрингенскій лѣсъ посмотрѣть тамъ одно мѣстечко. Надо было выяснить, стóитъ ли тамъ купить или построить дачу.

Вернулся онъ изъ поѣздки въ отличномъ настроеніи.

— Великолѣпно!—воскликнулъ онъ навстрѣчу фрау Бюргелинъ, вѣшая въ передней свое пальто и шляпу.—Кажется, очень подходящее для насъ мѣсто. Широкая долина. Закрыта горами только съ одной стороны. Затѣмъ ручеекъ стекаетъ со скалы. А скалы, знаешь, мама, такія, какихъ нѣтъ во всей Тюрингіи... съ гротами и пропастями... Такъ дико и одиноко... А деревня вся на солнцѣ. Это очень важно, потому что тамъ не тепло и очень часто идетъ дождь лѣтомъ.

— Совершенно вѣрно!—согласилась Фрау Бюргелинъ, радуясь его толковой предусмотрительности.

— Я уже намѣтилъ и домъ, гдѣ мы бы могли для пробы прожить это лѣто. Хозяева—такіе славные, милые старички!

— Да? Ну, отлично, мы увидимъ. Ты мнѣ еще многое разскажешь. А теперь иди къ столу; тебѣ, навѣрное, ѣсть хочется.

— Сейчасъ... Я только побѣгу наверхъ и перемѣню сапоги, а то какъ будто таскаю на подошвахъ полъ Тюрингенскаго лѣса.

— Нѣтъ... оставь это,—повелительно сказала фрау Бюргелинъ и взяла сына подъ руку, чтобы вести его въ столовую.

Тамъ ждали ихъ mademoiselle и Діонисъ, взволнованно перешептываясь между собой. У m-lle было озабоченное выраженіе лица. Карлъ, здороваясь съ нею, тотчасъ замѣтилъ это. Затѣмъ подошелъ къ столу и увидалъ рядъ сюрпризовъ, раз-

ставленныхъ вокругъ своего прибора. Чучело коршуна, двѣ серны, нѣсколько красивыхъ раковинъ.

Карлъ отъ удивленія всплеснулъ руками: эта привычка осталась у него съ ранняго дѣтства.

— Нѣтъ! да что это?—пробормоталъ онъ, весь красный.— Вѣдь, я не именинникъ сегодня!

— Развѣ мать не можетъ доставить тебѣ удовольствіе и въ обыкновенный день?—спросила фрау Бюргелинъ и раскрыла объятія.

Карлъ бросился къ ней, обнялъ ее за шею и прижалъ голову къ ея плечу.

Глаза его увлажнились. Онъ почувствовалъ отвращеніе къ самому себѣ. Какъ часто онъ въ послѣднее время раздражалъ и огорчалъ мать, а она такъ добра къ нему! Можетъ быть... о, если бы онъ могъ любить ее!..

Фрау Бюргелинъ чувствовала трепетную нѣжность объятій мальчика и дрожь всего его тѣла. Она была удовлетворена, хоть и не мягко настроена; ей не хотѣлось нарушить этой сцены словами, которыя готовы были сорваться у нея съ губъ. Будетъ еще время. Но Карлъ уже схватилъ коршуна за оба крыла.

— Я долженъ сейчасъ посмотрѣть, куда помѣстить этого разбойника,—закричалъ онъ и въ одинъ прыжокъ очутился за дверью.

— Карлъ!—закричала мать, но онъ уже не слыхалъ ее.

Всѣ молча, въ пугливомъ оцѣпенѣніи, ждали, что будетъ дальше. Нѣкоторое время ничего не было слышно, потомъ вдругъ раздался стукъ, точно упалъ стулъ, и хриплый, злобный крикъ:

— Паулина!.. Паулина!..

А затѣмъ неистовый крикъ, топанье ногъ и извиняющійся голосъ Паулины.

Вдругъ толстая горничная появилась въ дверяхъ, блѣдная и дрожащая, и проговорила, задыхаясь:

— Барыня, помогите, идите туда ради Бога... онъ бѣснуется, онъ ударилъ меня!

Фрау Бюргелинъ приняла высокомѣрную осанку, которая была ей свойственна въ минуты наибольшаго волненія, и пошла наверхъ. М-lle и Діонисъ, растерянные, пошли за ней.

Карлъ стоялъ посреди пустой, оголенной, провѣтренной комнаты; лицо его посѣрѣло отъ злости, волосы были всклокочены, руки сжаты въ кулаки.

— Карлъ, опомнись!—закричала ему мать.—Я приказала Паулинѣ убрать всю эту гадость.

— Ты! Ты!—и мальчикъ громко расхохотался.—А я думалъ, что ты мнѣ хотѣла удовольствіе доставить! Ошибся я. Надо было понять сразу: ты—и вдругъ дѣлаешь мнѣ сюрпризъ.

И онъ съ ожесточеніемъ наступилъ ногой на лежавшаго на полу коршуна, голова котораго превратилась въ безформенную массу, а стеклянные глаза разлетѣлись вдребезги.

— Вотъ тебѣ твой предательскій подарокъ!—закричалъ мальчикъ внѣ себя, схватилъ коршуна и швырнулъ его матери.—Отдай назадъ мою собственность! Ты не имѣла права забирать мои вещи!

Фрау Бюргелинъ угрожающе подняла брови. Глаза ея сверкали.

— Ты попросишь у меня прощенія за это слово,—сказала она ледянымъ тономъ.

— Прощенія? За то, что ты предательски украла у меня мое самое любимое?

— Карлъ!!.

Фрау Бюргелинъ схватила сына за руку и взглянула ему въ глаза. Сила ея личности была такъ велика, что одинъ этотъ взглядъ успокоилъ юношу. Онъ опустился, сталъ какъ будто меньше ростомъ, лицо потускнѣло.

— Ты придешь потомъ попросить у меня прощенія,—повторила она, отчеканивая каждый слогъ. Она выпустила его руку—онъ стоялъ молча, весь дрожа—и вышла изъ комнаты. Слышно было только шуршаніе ея шлейфа по корридору, затѣмъ шаги по лѣстницѣ, затѣмъ стукъ двери ея комнаты.

— Конечно, мама должна была предупредить тебя раньше,—сказалъ Діонисъ, своимъ спокойнымъ, кроткимъ голосомъ.—Но, знаешь, вещи дѣйствительно пахли варварски.

— Развѣ это мѣшало кому-нибудь? Въ комнатѣ, вѣдь, никто кромѣ меня не бываетъ.

— Нну... все-таки домъ-то, вѣдь, маминъ,—сказалъ Діонисъ тономъ строгой справедливости.

— Неужели они все сожгли? такъ-таки все, что я такъ любилъ?—простоналъ Карлъ, переходя отъ злобы къ сознанію своей потери.—Все, что я собралъ за много мѣсяцевъ! Крылья... и лошадиный черепъ, и моя змѣиная кожа... о, моя змѣиная кожа!

Онъ съ болью въ голосѣ прокричалъ это и, прижавъ руки къ вискамъ, забѣгалъ по комнатѣ, какъ безумный.

Вдругъ онъ остановился передъ mademoiselle. Передъ ней одной онъ могъ изрѣдка излить свою душу, и она всегда выслушивала его съ добротой и участливымъ вниманіемъ.

— Видите,—тихо сказалъ онъ,—вотъ вамъ опять маминъ характеръ какъ онъ есть. Она приказываетъ—и ея воля должна быть исполнена, чего бы это ни стоило другимъ. Ахъ, что за женщина! Что за женщина!

— Но Charles, вы забываете, что madame желала доставить вамъ удовольствіе!

— Да!—насмѣшливо протянулъ мальчикъ,—для того чтобы я былъ еще благодаренъ ей за ея жестокость! Что мнѣ эти чужія, взятыя въ магазинѣ вещи? Развѣ съ ними связаны какія-нибудь воспоминанія? Развѣ онѣ говорятъ мнѣ что-нибудь? Но что моя мать можетъ понимать во всемъ этомъ? Вѣдь она никогда не пробуетъ заглянуть въ душу другого человѣка. Она знаетъ только себя, свои планы, свои мысли—а мы для нея воскъ: лѣпи, что вздумается!.. Ужъ я знаю ее хорошо!

— Mais non, Charles, вы несправедливы. Ваша мать желаетъ только вашего блага.

— Да, моего блага... Но какъ *она* его понимаетъ.

— А чего же ты хочешь? каждый понимаетъ по своему,—вставилъ Діонисъ наставительно.—Она никогда не была мальчикомъ, и не знаетъ, что намъ мило и что нѣтъ. Она въ самомъ дѣлѣ думала, что купленныя вещи гораздо красивѣе твоихъ и больше тебѣ понравятся. Дурного она ничего не думала. Поди и попроси у нея прощенія.

Карлъ обнялъ плечо младшаго брата и прижался къ его волосамъ.

— Ты мой милый песикъ. Но этого не требуй отъ меня.

Послѣдовалъ опять комнатный арестъ. Карлъ не имѣлъ права являться къ матери. Да онъ и не стремился къ этому. Mademoiselle говорила, что его упорство ей крайне тягостно. Весь домъ страдалъ отъ мрачнаго, угнетеннаго настроенія хозяйки и, пожалуй, больше чѣмъ самъ прегрѣшившій.

Фрау Бюргелинъ отнеслась къ этой исторіи съ чрезвычайной серьезностью. Вспыльчивость и необузданность Карла пугали ее; что будетъ съ нимъ въ будущемъ. И еще одно; какъ могло случиться, что онъ, ея сынъ, сынъ англичанки, проводившій часть своей жизни въ теплыхъ и холодныхъ ваннахъ, обратилъ свою комнату въ клоаку и могъ хоть часъ оставаться въ такой грязи! Не симптомъ ли это? Все ли въ немъ благополучно?

Mademoiselle Оберъ переживала тяжелые дни. И Карлъ,

и мать его изливали передъ ней свои горести. Бѣдная дѣвушка чувствовала себя между двухъ огней. Видъ у нея былъ печальный, унылый. Даже Паулина уговаривала Карла пойти мириться съ матерью. Наконецъ, онъ рѣшился написать ей просьбу о прощеніи, лишь бы не видѣть кругомъ хмурыя, озабоченныя лица.

Фрау Бюргелинъ была горда и довольна тѣмъ, что сломила упорство сына. Она снова почувствовала къ нему больше теплоты.

А Карлъ презиралъ себя за свою слабость,—и всю горечь этого самопрезрѣнія также поставилъ въ вину матери.

IV.

Прогулки потеряли для Карла всякій смыслъ и интересъ, хоть онъ и продолжалъ бродить по прежнему по маленькимъ долинамъ, перерѣзывающимъ холмистыя окрестности Бернгардсгаузена. Это были узкія, пустынныя, почти дикія долины, до которыхъ еще не дошла культура. Здѣсь сплетались густыя заросли ивъ и ясеней, а мѣстами маленькая сосновая рощица напоминала о томъ времени, когда до этихъ мѣстъ доходилъ Тюрингенскій лѣсъ. Росли странные цвѣты, дикія птицы вили свои гнѣзда и водилась всякая тварь: кролики и летучія мыши, ужи и ящерицы. Здѣсь Карлъ проводилъ цѣлые часы, то наблюдая крота, то сидя на фантастическомъ пнѣ, то погруженный въ разсматриваніе жилокъ листа. Эти мѣста казались ему его неограниченнымъ достояніемъ, такъ какъ дорогъ въ нихъ не было и можно было воображать себя далеко отъ города. Иногда только онъ видѣлъ вдали, на краю горизонта, фигуру крестьянина, работающаго на полѣ. Долины эти были его сокровищницами; здѣсь онъ и нашелъ всѣ прелестныя вещи, которыя мать его уничтожила. Что ему теперь дѣлать на милыхъ старыхъ мѣстахъ? Только наблюдать? Это скучно. Иногда онъ по разсѣянности поднималъ какое-нибудь красивое перо или камень, но затѣмъ съ горечью бросалъ его. Только по привычкѣ онъ посѣщалъ старыя мѣста и думалъ про себя, что надо найти что-нибудь новое для своихъ странствованій.

Онъ встрѣтилъ однажды въ долинѣ дѣвочку, съ которой былъ знакомъ. Онъ остановился и издали смотрѣлъ на нее, растерянный и сбитый съ толку, раздосадованный и вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересованный. Она сидѣла на землѣ, обхвативъ колѣни ру-

ками, и, не шевелясь, пристально смотрѣла на что-то, происходившее въ травѣ возлѣ нея.

Карлъ встрѣчалъ ее нѣсколько разъ въ домѣ профессора Берглинга. Тамъ она была сдержанна и молчалива, и онъ больше дурачился съ ея младшей сестрой.

Наконецъ, она почувствовала на себѣ его наблюдающій взглядъ и повернула къ нему голову.

— Карлъ,—сказала она негромко, — идите сюда. Посмотрите, тутъ есть что-то интересное. Но будьте осторожны—не помѣшайте ей.

Карлъ подошелъ на цыпочкахъ. Она показала ему высокую травку, по которой съ трудомъ взбиралась божья коровка. Поднимется немножко, соскользнетъ по гладкой дорожкѣ внизъ и снова начинаетъ сначала.

— Что же тутъ интереснаго?—сказалъ Карлъ.—Это видишь каждый день.

— Да... но какое терпѣніе, — прошептала дѣвочка, благоговѣйно глядя на божью коровку. — Святое, геройское терпѣніе, которому она учитъ насъ.

— Для чего она старается? Такой безполезный трудъ раздражаетъ меня.

— Вѣроятно, она думаетъ, что съ верхушки травки Божій міръ выглядитъ совсѣмъ иначе. Подумайте... вѣдь и насъ что-то манитъ на деревья, на высокія горы и всюду, гдѣ мы еще не были. Развѣ въ васъ этого нѣтъ?

— Да... пожалуй,—серьезно отвѣтилъ Карлъ.—Но у божьей коровки есть крылья... Глупенькая! ей стоитъ только расправить ихъ... Вотъ кажется... да, она и вправду дѣлаетъ это... отлично! теперь она не хочетъ больше возвращаться въ скучную траву... вверхъ, въ голубой просторъ!

И онъ засмѣялся отъ удовольствія. Мія тоже разсмѣялась. Карлъ бросился на землю рядомъ съ нею и подперъ голову руками, глядя на дѣвочку.

— Какъ вы попали сюда? — спросилъ онъ. — Я здѣсь еще никогда не встрѣчалъ ни одного человѣка.

Она таинственно улыбалась. Эту улыбку онъ и раньше уже замѣтилъ у нея: точно она прячетъ про себя что-то чудесное.

Карлъ видѣлъ, что она некрасива. Ея носъ съ широкими крыльями, смуглый цвѣтъ кожи и полныя, яркія губы придавали ей какой-то чуждый, не нѣмецкій видъ.

— Позвольте, пожалуйста. Я хочу что-то попробовать, — сказалъ онъ и снялъ у нея съ плечъ полосатый шелковый шарфъ.

Она не протестовала. Карлъ надѣлъ ей его на голову и строгой рамкой окаймилъ ея лицо, какъ дочери фараоновъ носили свое головное украшеніе.

— Такъ. Сидите тихо. Положите руки на колѣни... Да, удивительно! Онъ покачалъ головой въ изумленіи.—Не понимаю, откуда у статскаго совѣтника Вѣлера дочь съ лицомъ, какъ у сфинкса?

— Ахъ, куда только бѣдная душа не заблудится въ своихъ скитаніяхъ,—сказала дѣвочка, полная состраданія къ самой себѣ.

Карлъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее.

— Вы вѣрите въ это?

— Я не вѣрю... я чувствую, — прошептала Мія. — Я чувствую въ себѣ всѣ тѣ существа, которыми я была въ теченіе столѣтій. Это такъ жутко и больно. А иногда такъ дивно хорошо. Это —жизнь. Все другое ничего не стоитъ.

— Нѣтъ... нѣтъ,—сказалъ Карлъ задумчиво.—Дѣйствительность тоже кой-чего стоитъ. Краски и формы—это нѣчто. Въ нихъ есть смыслъ. Если бъ только схватить его!

И въ внезапномъ порывѣ отчаянія, въ дѣтской потребности нѣжнаго сочувствія и пониманія, Карлъ уткнулся лицомъ въ платье Міи, лежавшее вокругъ нея на травѣ. Слезы текли изъ его глазъ, но онъ лежалъ, не шевелясь. Мія ласково гладила его взъерошенные волосы.

— Ты—тоже больная душа,—сказала она.

Карлъ поднялъ голову и взглянулъ на нее. Его странное, выразительное лицо было очень печально. Онъ молча кивнулъ ей.

— Знаешь,—сказала она ему мягко,—я поведу тебя къ одному человѣку, гдѣ тебѣ будетъ хорошо. Хочешь?

— Да.

— Такъ завтра вечеромъ. Сегодня я не могу. Когда стемнѣетъ. Тогда лучше всего. Жди меня.

— Гдѣ?

— Возлѣ башни у вала.

— Хорошо.

— Но ты придешь?

— Конечно. Ты сомнѣваешься?

Онъ выговорилъ «ты» искренно и торжественно, какъ говорятъ о новомъ счастьѣ.

Они побрели вмѣстѣ назадъ въ городъ. Карлъ разсказалъ Міи о своей потерѣ.

— Понимаешь, — сказалъ онъ съ раздраженіемъ, — вѣдь

мать должна чувствовать, что дѣтямъ больно. Если у нея отъ природы нѣтъ этой чуткости... то кто мнѣ велитъ вообще, признавать ее своей матерью?

Мія смотрѣла прямо впередъ.

— Какія ты требованія предъявляешь къ людямъ,—сказала она.—Дать жить... уже довольно, если они даютъ намъ жить.

— Ты уже дошла до этого?—спросилъ онъ.—Сколько же тебѣ лѣтъ? Шестнадцать, правда?

Она улыбнулась, но не прежней таинственно-счастливой улыбкой; никогда еще Карлъ не видѣлъ на молодомъ лицѣ такого скорбнаго, безнадежнаго выраженія.

— Но отъ родителей можно требовать бо̀льшаго,—сказалъ онъ, не отступая отъ темы, занимавшей его мысли.

— Родители намъ дальше всѣхъ,—отвѣтила Мія.—Они такъ далеки, такъ далеки... Всего отдаленнѣе другъ отъ друга родители и дѣти.

— Но вѣдь это очень печально,—сказалъ Карлъ.

Родителей Міи онъ ставилъ невысоко. Это были обыкновенные обыватели, никогда не заглянувшіе за предѣлы своего узкаго существованія. Было естественно, что они не понимали своей дочери. Но его мать? Чортъ возьми, вѣдь это женщина другого склада. Онъ вообразилъ себѣ ее, и чувство гордости, странно смѣшанное съ ненавистью, поднялось въ его душѣ.

— Я поведу тебя завтра къ хорошему человѣку, — сказала Мія.—Но я не хочу ничего говорить тебѣ о немъ—ты долженъ самъ увидѣть.

Карлъ снова взглянулъ на Мію. Онъ наблюдалъ ее и хотѣлъ узнать ее вполнѣ.

Шелковый шарфъ спустился съ ея головы и свисалъ съ плечъ. Шляпу она несла на рукѣ. Она какъ бы не замѣчала, что въ ней есть что-то своеобразное и что люди неодобрительно или смѣясь глядятъ ей вслѣдъ. Это въ ней понравилось Карлу.

Попрощавшись съ Міей, онъ, тихонько насвистывая, шелъ домой. Проходя мимо цвѣточнаго магазина, онъ замѣтилъ въ окнѣ японскую лилію. Онъ вошелъ и купилъ ее для матери: ему хотѣлось доставить кому-нибудь большое удовольствіе.

На другой день, вечеромъ, Карлъ явился въ условленное время къ старой башнѣ и сталъ ждать Мію. Башня эта нѣкогда составляла часть укрѣпленій Бернгардсгаузена, среди домовъ котораго кое-гдѣ еще видны были развалины крѣпостныхъ

стѣнъ. Вся широкая внутренняя сторона башни была покрыта теперь садами. Старые, покрытые мохомъ камни были обвиты виноградомъ; изъ-за зелени выглядывали юныя, смѣющіяся лица; пахло жасминомъ и розами. Улица, тянувшаяся вдоль крѣпостной стѣны, называлась еще и теперь Валомъ. Здѣсь жило семейство Вёлеръ, и наверху въ висячемъ садикѣ былъ накрытъ ужинъ.

Карлъ усѣлся на одну изъ скамеекъ, стоявшихъ среди клумбъ передъ старой башней, и сталъ внимательно смотрѣть наверхъ. Вокругъ него цѣлой гурьбой играли мальчишки — и вдругъ, по какой-то имъ однимъ извѣстной причинѣ, шумно бросились бѣжать внизъ по валу.

Стало тихо. Карлъ слышалъ смѣхъ младшихъ сестеръ Міи. Онъ видѣлъ, какъ отецъ ихъ вышелъ на веранду и затѣмъ чинно пошелъ по дорожкѣ сада, бесѣдуя съ двумя дамами. Одна изъ нихъ при этомъ вязала, и клубокъ въ рабочей корзиночкѣ такъ смѣшно прыгалъ вверхъ и внизъ. Вѣроятно, тамъ гости, и Карлъ подумалъ, что Мія, пожалуй, вовсе не придетъ. Но она въ тотъ же моментъ встала рядомъ съ нимъ. Они подали другъ другу руки.

— Отчего ты не зашелъ за мной?—сказала дѣвочка просто.—Тогда я бы выбралась раньше.

— Я и такъ удивляюсь, что тебя отпустили, когда у васъ гости.

Мія сдѣлала странное движеніе—точно стряхнула что-то съ себя.

— Они не могутъ меня удержать. Ахъ, да что... Пойдемъ лучше. Ты знаешь ткацкую мельницу въ паркѣ? Намъ туда надо.

Они пошли, ведя серьезный разговоръ. Затѣмъ стали смѣяться надъ своимъ философствованіемъ. Оба имѣли чутье къ смѣшному.

Карлъ опять пристально глядѣлъ на Мію. Ея лицо странно привлекало его.

Былъ тихій пасмурный вечеръ. Въ аллеѣ, полъ широкими, густыми каштанами уже сгустились сумерки. Сталъ накрапывать дождь, но капли не могли еще просочиться сквозь чащу листвы и только напоили ее влажной прохладой.

Ткацкая мельница находилась на лугу у рѣки, въ четверти часа ходьбы отъ города. Она давно ужъ была заброшена. Большія мастерскія стояли пустыя, съ запыленными, разбитыми окнами. Паутина покрывала толстымъ слоемъ потускнѣвшія стекла.

Въ Бернгардсгаузенѣ вообще многія промышленныя заведенія захирѣли.

Но въ маленькомъ домикѣ, выросшемъ рядомъ съ заброшенной, пустой постройкой, виднѣлся свѣтъ изъ оконъ, за пестрыми гардинами. Мія позвонила.

Дверь отворилась сама. Должно быть, вверху нажали педаль.

Мія ухватила Карла за руку.

— Я поведу тебя,—сказала она и пошла наверхъ по лѣстницѣ. Потомъ она пріотворила дверь, заглянула въ нее, кивнула кому-то головой и опять закрыла дверь.

Они прошли черезъ очень низкую комнату, въ которой горѣла зеленая лампочка и было много хорошихъ восточныхъ ковровъ. Затѣмъ была оклеенная обоями дверь, опять много ступеней внизъ, и они очутились въ просторной, пустой комнатѣ, гдѣ пахло пылью и стружками.

Въ первый моментъ Карлъ не могъ разсмотрѣть ничего, кромѣ сѣрыхъ сумерекъ. Затѣмъ глаза его различили высокую, закутанную въ темный плащъ фигуру, стоявшую у раскрытаго окна. Оттуда лился пахучій влажный воздухъ и слышно было, какъ шумитъ рѣка.

— Это Майя?—устало спросилъ человѣкъ въ плащѣ.

— Да, милый. Я привела того, о которомъ я тебѣ говорила.

— Хорошо. Очень хорошо. Милости просимъ, молодой другъ. Люди, стремящіеся къ правдѣ, всегда намъ друзья. И вы такъ думаете, надѣюсь?

Карлъ энергично подтвердилъ это. Странный человѣкъ протянулъ ему изъ-подъ складокъ широкаго плаща свою желтую, точно восковую руку. Изъ-подъ темнаго капюшона виднѣлось блѣдное, исхудалое лицо. Нельзя было опредѣлить, принадлежитъ ли оно старику или юношѣ.

— Какъ пѣна блеститъ тамъ внизу въ темнотѣ,—сказала Мія, высовываясь изъ окна.

И всѣ трое заглядѣлись молча на пѣнящуюся, шумно бѣгущую воду. Вдругъ пріятеля Міи охватила сильная дрожь.

— Ты прозябъ, милый,—сказала дѣвочка испуганно.

Карлъ находилъ, что въ комнатѣ воздухъ пыльный и душный, и его едва освѣжаетъ влажное дуновеніе отъ рѣки. Но человѣкъ отошелъ отъ окна, надвинулъ капюшонъ еще глубже на лобъ и закутался, дрожа.

— Пойдемте, дѣти мои,—сказалъ онъ.—Мы не въ Индіи, гдѣ маленькія дѣвочки нагія сидятъ на берегу Ганга...

Они вернулись въ низкую, устланную коврами комнату. Человѣкъ откинулъ свой капюшонъ на спину и живописно улегся среди подушекъ восточнаго дивана. Карлъ замѣтилъ теперь, что волосы его не сѣдые, а блѣднаго, пепельно-бѣлокураго цвѣта. Мія, которую онъ почему-то называлъ Майя, принесла папиросъ и стала благоговѣйно подавать ему.

— Вы не курите?—спросилъ онъ Карла.

Для Карла куренье было еще запретнымъ наслажденіемъ, и дома это вызвало бы неистовое возмущеніе. Онъ взялъ папиросу и торжественно, но неловко закурилъ ее. Мія сидѣла на полу, обхвативъ руками колѣни.

— На чемъ мы остановились? —спросилъ странный, безкровный человѣкъ съ худымъ изможденнымъ лицомъ.

— На главѣ о серьезности,—сказала Мія, съ радостнымъ ожиданіемъ глядя вверхъ на своего друга.

— Знаете ли вы что-нибудь объ индійскихъ книгахъ мудрости... Даммама-дамъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Карлъ,—ничего кромѣ обычныхъ вещей о буддизмѣ...

Собесѣдникъ ихъ улыбнулся и сдѣлалъ рукой отстраняющій жестъ.

— Вотъ это культура,—сказалъ онъ медленно.—Какое благородство, какая спокойная законченность по сравненію съ нашимъ отталкивающимъ, варварскимъ міромъ, который считаетъ себя цивилизованнымъ.

Карлъ слушалъ напряженно и съ волненіемъ.

Кутаясь въ свой широкій плащъ, истомленный, точно изнемогшій отъ тяжелаго горя, другъ Міи лежалъ на диванѣ. Наполняя комнату синеватыми струйками дыма, онъ сталъ оживлять передъ своими слушателями далекій азіатскій міръ:—тотъ міръ непроходимыхъ чащъ, тяжко ароматныхъ цвѣтовъ, тихихъ желтыхъ потоковъ, деревьевъ съ воздушными корнями, которыми нагіе грѣшники постепенно опутываютъ себя, погрузившись въ неземныя мечтанія—тотъ міръ, гдѣ изъ буйнаго торжества плоти, точно бѣлый цвѣтокъ лотоса, выросла религія безконечной доброты, самоотверженія, чистаго, тихаго душевнаго созерцанія.

Пока онъ говорилъ, Карлъ нѣсколько разъ слышалъ доносившійся откуда-то смѣхъ, топотъ и возню. Говорившій провелъ рукой по лбу и вздохнулъ. Карлъ забылъ о шумѣ, поглощенный всѣмъ новымъ, что онъ жадно впитывалъ въ себя.

Когда они попрощались—при прощаньѣ господинъ пожалъ

Карлу руку, а Мію поцѣловалъ въ лобъ—и вышли изъ дому, Карлъ спросилъ:

— Что это былъ за шумъ, доносившійся нѣсколько разъ?

— Да это дѣти д-ра Фаренгорста. Дрались вѣрно.

— Какъ же они сюда попали?

— То-есть какъ это?.. Они живутъ дома, у своего отца.

— Д-ръ Фаренгорстъ—это и есть тотъ господинъ, у котораго мы были?

— Ну да!

Карлъ погрузился въ нѣмое изумленіе. Индійскій мудрецъ имѣлъ дѣтей—дѣтей, которые дрались!..

V.

Самымъ большимъ наказаніемъ для себя Карлъ считалъ тѣ вечера, когда онъ долженъ былъ сопровождать мать въ театръ. Фрау Бюргелинъ искренно думала доставить ему этимъ удовольствіе. Выбирала она для этихъ случаевъ такую пьесу, которая должна была несомнѣнно понравиться ему—одну изъ прекрасныхъ классическихъ трагедій, которыя въ Бернгардсгаузенѣ ставились особенно хорошо. И Карлъ дѣйствительно, получилъ бы огромное наслажденіе, если бы сидѣлъ гдѣ-нибудь на балконѣ или въ галеркѣ и могъ бы придти и уйти когда захотѣлось.

Но тутъ надо было дѣлать туалетъ—а его волосы и галстухъ никогда не лежали какъ слѣдуетъ,—затѣмъ ѣхать въ закрытомъ экипажѣ, такъ какъ Фрау Бюргелинъ страдала болями въ щекѣ и боялась вечерняго воздуха. Сидѣли въ первомъ ряду бель-этажа, освѣщенные такъ, что нельзя было бровью повести не будучи замѣченнымъ всей публикой. Затѣмъ надо было встать и поклониться, когда въ центральной ложѣ появлялся герцогъ; надо было отвѣчать на безчисленные поклоны фрейлейнъ фонъ-Кальбъ, фонъ-Клингенбергъ, фонъ-Вольцогенъ и какъ тамъ еще звали всѣхъ, сидѣвшихъ кругомъ. Карлъ съ неудовольствіемъ ощущалъ, что онъ вовсе не подходитъ къ этому аристократическому и видному мѣсту и что всѣ ждутъ отъ него свѣтскихъ любезностей и услугъ во время антрактовъ. Вотъ это множество обязанностей, связанныхъ съ посѣщеніемъ театра, дѣлало его почти невыносимымъ. Тѣлу Карла привыкшему къ движенію и свѣжему воздуху, было тѣсно, и лихорадочное нетерпѣніе охватывало его. Весною въ маленькомъ театральномъ залѣ бывало невыносимо жарко; кровь шумѣла у Карла въ ушахъ, виски

начинали болѣть нестерпимо. Во всемъ тѣлѣ онъ чувствовалъ такое безпокойство, что такъ бы и перескочилъ черезъ барьеръ въ партеръ и пошелъ бы работать руками и ногами во всѣ стороны. Но надо было сидѣть тихо и чинно съ половины седьмого до десяти часовъ. Фрау Бюргелинъ считала вульгарной и нездоровой привычку выходить во время антрактовъ: въ театрѣ не было фойе, и для публики оставался только узкій проходъ передъ ложами, гдѣ всегда были сквозняки. Словомъ, было мучительно. Карлъ зналъ, какъ мать огорчается, если сыновья не рады доставляемому имъ удовольствію. И онъ долгое время страдалъ молча. Но теперь онъ сталъ чувствовать отвращеніе ко всему, связанному съ театромъ—и къ пьесамъ, и къ артистамъ.

Наконецъ, онъ рѣшился повѣдать m-elle Оберъ свои терзанія. Съ тѣхъ поръ онъ очень рѣдко сопровождалъ мать въ театръ. Каждый разъ, когда фрау Бюргелинъ приходила эта мысль, m-elle Оберъ находила благоразумнѣйшія основанія, почему Карлъ долженъ именно въ тотъ вечеръ остаться дома. А самой фрау Бюргелинъ было вѣдь куда пріятнѣе сопровожденіе Діониса.

Директоръ театра, баронъ Пернебергъ, рѣшился поставить «Тристана». Предпріятіе это онъ давно уже обсуждалъ вмѣстѣ съ дирижеромъ, но оба отступали передъ грандіозностью его, въ виду скромныхъ силъ театра.

Рѣшительный толчокъ дала Дорисъ Рюдеръ. Она все настойчивѣе требовала отъ директора дать ей роль Изольды. Отъ нея ждали хорошаго исполненія. Для Тристана былъ раздобытъ гастролеръ, а оркестръ и дирижеръ приложили всѣ свои старанія.

Цѣлыя недѣли Дорисъ жила вся поглощенная своей трудной задачей. Со всѣмъ страстнымъ воодушевленіемъ своего энергическаго темперамента она овладѣла образомъ дочери сѣвернаго короля и воплотилась въ него.

Борьба съ могучимъ, бушующимъ моремъ звуковъ, побѣдоносное одолѣніе его измѣнчивыхъ волнъ, покорявшихся волѣ пѣвицы—это было счастье, волшебное опьяненіе. И ненависть, и чувство мести, и отчаяніе, и любовное блаженство—все находило въ ея голосѣ, движеніяхъ, въ ея взглядѣ сильное и правдивое выраженіе.

И задача удалась.

Голосъ Дорисъ выдержалъ испытаніе съ честью: онъ былъ полонъ и звученъ до послѣдней ноты. Ея игра составляла одно

цѣлое съ пѣніемъ. Вся фигура артистки была обвѣяна тайною грозной судьбы. Изъ шаблона сценическаго трафарета она поднялась въ ту сферу, гдѣ живетъ безсмертная правда, открывающаяся изрѣдка то въ поэтическомъ произведеніи, то въ музыкѣ, то въ скульптурѣ, и доставляющая намъ, людямъ, глубочайшія страданія и радости жизни.

Въ этотъ вечеръ Дорисъ не была сама собой, хорошей пѣвицей. Она пѣла, охваченная какимъ-то демономъ, который былъ сильнѣе ея обычнаго профессіональнаго умѣнья. И то, что она давала, было такъ непосредственно, что въ части публики оно вызвало недоумѣніе, удивленіе и даже разочарованіе.

Директоръ, весь блѣдный, подошелъ за кулисами къ Дорисъ и молча пожалъ ей руку. Гастролеръ гораздо шумнѣе выражалъ свой восторгъ и говорилъ объ ангажементѣ на большую сцену—въ Гамбургъ, Берлинъ или Мюнхенъ...

Въ этотъ вечеръ Дорисъ долго задержали въ театрѣ. Герцогъ бесѣдовалъ съ нею, а нѣкій меценатствующій камергеръ съ женой, нѣсколько супружескихъ паръ и богатая вдова, покровительствовавшая артисткѣ, ждали ее возлѣ уборной и осыпали лестной, но банальной похвалой. Наконецъ, она избавилась отъ всего и ѣхала одна домой. Сегодня ей не хотѣлось имѣть около себя даже Фриду, скромную, самоотверженную пріятельницу. Она была безконечно измучена, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый нервъ еще дрожалъ въ ней отъ возбужденія.

Но дома... дома вѣроятно встрѣтитъ ее мать, милая мама со всѣми своими домашними мелочами и хозяйственными огорченіями, отъ власти которыхъ она никогда не могла избавиться—хотя бы на часъ. И Дорисъ, сидя въ экипажѣ, вся дрожала отъ страха при мысли, что мать—которую она однако любила—будетъ ждать ее дома... Какъ послѣ бурныхъ потрясеній только что пережитаго экстаза найти въ себѣ терпѣніе и вниманіе къ вѣчно одинаковымъ мелкимъ заботамъ старушки!..

У подъѣзда стояла карета. Когда Дорисъ поднялась въ свою скромную маленькую квартирку, она застала ее всю ярко освѣщенной. Запахъ цвѣтовъ несся ей на встрѣчу. И не пасторша изъ Грисбаха ждала ее, а фрау Эдина Бюргелинъ. Она поспѣшно пошла на встрѣчу взволнованной дѣвушки, обняла ее и прижала къ сердцу. Дорисъ прислонила свою пылавшую голову къ ея груди и чувствовала, какъ слезы чужой женщины капаютъ на ея волосы, какъ она тоже потрясена и возбуждена. Она закрыла глаза и молча ощущала, что она понята.

Было такъ отрадно узнать, что фрау Бюргелинъ—не только

элегантная свѣтская дама, но и тонкая цѣнительница музыки. Дорисъ не подозрѣвала, какое впечатлѣніе она сама, въ опьяненіи успѣха и радости творчества, производила на фрау Бюргелинъ,

Онѣ долго оставались въ восторженномъ умиленіи другъ передъ другомъ. Вдругъ скатерть обѣденнаго стола, гдѣ былъ накрытъ холодный ужинъ, зашевелилась, и изъ-подъ ея складокъ высунулась курчавая темная голова.

Дорисъ вздрогнула. Голубые глаза засвѣтились изъ-подъ гривы волосъ и сонный голосъ проговорилъ:

— Мама, поѣдемъ домой! Фрейлейнъ Рюдеръ должна наконецъ поужинать.

Дорисъ залилась звонкимъ, неудержимымъ деревенскимъ смѣхомъ. Она подбѣжала къ столу и стала выволакивать Діониса за его гриву.

— Мальчикъ мой,—воскликнула фрау Бюргелинъ, — въ первый разъ въ жизни я забыла о тебѣ. Если бы вы знали, какъ много это значитъ, фрейлейнъ Дорисъ! Бѣдный мой!.. Ты усталъ, милый...

— Я хорошо поспалъ тамъ подъ столомъ,—сказалъ Діонисъ просто.

Дорисъ взяла его обѣими руками за голову и поцѣловала прямо въ губы.

— Этого поцѣлуя ты не забывай, Діонисъ. Въ немъ тебя коснулось искусство,—сказала ему мать.

Мальчикъ радостно улыбнулся.

— Я долженъ быть музыкантомъ,—сказалъ онъ нѣсколько безпомощно.

— Такъ мы уже почти коллеги,—пошутила Дорисъ;—но слушай, ты можешь спать, послѣ того, какъ въ первый разъ слышалъ Тристана?

— О!—воскликнулъ Діонисъ, тряхнулъ кудрями и смѣясь показалъ свои великолѣпные зубы,—все таки я понимаю, что вы создали сегодня, фрейлейнъ Рюдеръ! И я люблю васъ за это.

Онъ подбѣжалъ къ ней и поцѣловалъ ее еще разъ просто и непринужденно.

— Вы должны быть друзьями,—сказала фрау Бюргелинъ, блестящими глазами слѣдя за ними.

— Ты согласенъ, прекрасный греческій отрокъ?—спросила Дорисъ.

— Съ радостью,—отвѣтилъ Діонисъ, ласково глядя на артистку.

— Болѣе цѣннаго подарка не могу сдѣлать вамъ, милая, единственная! Даю вамъ въ руки своего сына. Онъ—мое самое дорогое сокровище. Вы достойны его —но храните его бережно.

Дорисъ протянула обѣ руки мальчику, а фрау Бюргелинъ расцѣловала ихъ обоихъ.

Затѣмъ Дорисъ проводила своихъ позднихъ гостей до экипажа. Стукъ его колесъ уже затихалъ за угломъ, а она все еще стояла въ подъѣздѣ: ночной вѣтеръ шевелилъ локоны надъ ея лбомъ и обвѣвалъ свѣжестью ея пылающія щеки.

«Странный мнѣ достался подарокъ!,—подумала она и разсмѣялась.—Ученикъ? Ребенокъ? Или юный поклонникъ? Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Но его мать—вотъ это пріобрѣтеніе! Какой дивный, какой богатый былъ вечеръ».

Съ нѣм. пер. М. Славинская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВАЯ КНИГА А. Ѳ. КОНИ [1]).

Быть можетъ, ни въ одной области государственной и общественной жизни переживаемое нами безвременье не сказалось такими мрачными, такими печальными чертами, какъ въ области правосудія. По образному выраженію А. Ѳ. Кони, «новыя судебныя установленія», вошедшія клиномъ въ устарѣлый строй прежнихъ губернскихъ учрежденій, были въ своемъ родѣ «insula in flumine nata», при чемъ рѣка, стѣсненная въ своемъ теченіи образовавшимся островомъ и не измѣнившимися берегами, часто прекращала свое спокойное и лѣнивое теченіе и негодующе бурлила, стараясь, гдѣ возможно, затопить стѣсняющій ея привычное ложе островъ. Въ первые годы осуществленія судебной реформы эти усилія не были успѣшны. Въ то время «судебное дѣло, а съ нимъ и судебное вѣдомство, переживали не повторяющіяся праздничныя минуты идейныхъ порывовъ и юношески пылкаго энтузіазма» [2]). Но не прошло и тридцати лѣтъ— и берега острова, рожденнаго въ рѣкѣ, оказались глубоко изрытыми, а мѣстами и совсѣмъ залитыми набѣжавшей волной. Глава судебнаго вѣдомства торжественно призналъ, что судебная дѣятельность «всегда должна быть строго согласована съ намѣреніями и видами правительства, а выполнять ее необходимо въ дружномъ единеніи съ другими правительственными органами» [3]). И немудрено, что приступая, съ такимъ основнымъ взглядомъ къ пересмотру судебныхъ уставовъ, министръ юстиціи не признавалъ возможнымъ «вдохнуть въ работу тотъ животворящій духъ горячаго увлеченія высокими идеалами, который окрыляетъ силы и заставляетъ не замѣчать препятствій». О какихъ

[1]) А. Ѳ. Кони. «На жизненномъ пути» т. I, Спб. 1912 г.
[2]) Н. В. Муравьевъ. «Изъ прошлой дѣятельности», т. II, стр. 499.
[3]) Н. В. Муравьевъ, ibidem, 374.

«высокихъ идеалахъ» могъ говорить тотъ, кто въ жгучемъ вопросѣ объ отмѣнѣ судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ явилъ безславный примѣръ безпринципной уступчивости и услужливой приспособляемости?

Но если въ послѣднее десятилѣтіе минувшаго вѣка судебное вѣдомство перестало быть своего рода органомъ рыцарей безъ страха и безъ упрека, если къ тому времени «высокіе идеалы» померкли, а кипучій энтузіазмъ смѣнился будничнымъ настроеніемъ служебной работы,—все же русскій судъ держалъ крѣпкой рукой и высоко несъ знамя истиннаго правосудія. Мы могли имъ гордиться и указывать на него, какъ на учрежденіе, сослужившее и продолжающее нести возвышенную службу, отметнувшее безслѣдно постыдныя черты дореформеннаго безсудія, превратившее застарѣлыя язвы взяточничества и лицепріятія въ историческое воспоминаніе. Довѣріе къ суду — въ общемъ и цѣломъ — оставалось нерасшатаннымъ. Приговоры постановлялись согласно требованіямъ закона, а не «видамъ правительства». И если безупречная служебная карьера однихъ не могла быть разбита на томъ основаніи, что постановляемые ими по совѣсти приговоры не соотвѣтствовали этимъ «видамъ», то рабское подчиненіе имъ другихъ не вело къ служебнымъ успѣхамъ и повышеніямъ.

Теперь все это измѣнилось до неузнаваемости. Въ безчисленныхъ политическихъ процессахъ послѣдняго пятилѣтія русская магистратура, откровенно использованная, какъ орудіе политической борьбы, потеряла свой ореолъ независимости и безпристрастія. Въ ея пассивѣ имѣются такіе несмытые и несмываемые грѣхи, какъ процессъ Лопухина, процессъ соціалъ-демократической фракціи второй Думы, недавній процессъ членовъ партіи дашнакцутюнъ и пестрый рядъ процессовъ по преступленіямъ печати, давшихъ печальное безсмертіе пресловутой ст. 129 угол. улож. Въ огромной массѣ этихъ процессовъ приговоръ былъ заранѣе предрѣшенъ, и положеніе сдѣлалось настолько безнадежнымъ, что одно время отказъ отъ политической защиты назрѣвалъ, какъ лозунгъ дня. Служба въ судебномъ вѣдомствѣ для людей съ чуткой совѣстью и негнущейся покорно шеей, переставъ быть служеніемъ высокимъ идеаламъ, превратилась въ тяжкое, постоянное испытаніе, изъ котораго лишь немногіе выходятъ побѣдителями. Чѣмъ выше стояло прежде судебное вѣдомство въ глазахъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ явственнѣе и больнѣе ощущается теперешняя перемѣна, низведшая магистратуру на степень простой исполнительницы правительственныхъ видовъ, сгустившая вокругъ нея сѣрыя сумерки общественнаго равнодушія, недовѣрія, несочувствія, изгнавшая изъ ея рядовъ

не одного достойнаго и мужественнаго представителя идеи настоящаго правосудія...

И вотъ, когда появилась книга А. Ѳ. Кони, въ большей своей части представляющая записки судебнаго дѣятеля и отводящая лишь немного прелестныхъ страницъ бытовымъ очеркамъ, объединеннымъ общимъ заглавіемъ: «Житейскія встрѣчи»,—каждый внимательный и вдумчивый читатель долженъ былъ испытать своеобразное впечатлѣніе. Словно блеснулъ откуда-то яркій свѣтъ, и снопъ лучей прорѣзалъ заснувшія сумерки; словно въ застывшей тишинѣ величаво поплыли звуки колокола, напоминая о чемъ-то великомъ и вѣщемъ, хорошо позабытомъ; словно въ затхлую атмосферу гніенія и смерти ворвалась могучая струя живительнаго, чистаго воздуха, и мы радостно, полными легкими, вдыхаемъ ее. Книга эта нужна всему русскому обществу. Но то «sursum corda», которое въ ней заключается, обращено прежде всего къ судебнымъ дѣятелямъ. Имъ она говоритъ: «имѣяй уши слышати — да слышитъ». Она имъ напоминаетъ о «героическихъ» временахъ, когда независимость и самостоятельность судебныхъ дѣятелей вызвали по ихъ адресу злобный эпитетъ: «судебная республика». И тотъ разительный контрастъ между славнымъ прошлымъ и унылымъ настоящимъ, который такъ ярко выступаетъ на страницахъ книги, могъ бы послужить источникомъ обновленія, нравственнаго воздѣйствія. Въ этомъ смыслѣ прежде всего книга А. Ѳ. Кони глубоко поучительна. Но, конечно, не въ этомъ одномъ. Въ ея поразительно-богатомъ и разнообразномъ содержаніи можно почерпнуть множество уроковъ. Они, однако, не придаютъ книгѣ дидактическаго характера, потому что непосредственно вытекаютъ изъ картинъ и образовъ, написанныхъ рукою мастера слова, мыслителя и высокаго моралиста.

Съ чисто-литературной точки зрѣнія книга представляется явленіемъ исключительно выдающимся. И здѣсь я имѣю въ виду не только ту ея часть, въ которой авторъ, «дерзновенно слѣдуя примѣру И. А Гончарова», изображаетъ нѣкоторыхъ своихъ домочадцевъ и рисуетъ намъ рядъ очаровательныхъ картинокъ съ натуры. Вотъ лакей Фока, хвастающій своимъ разговоромъ съ императоромъ Александромъ I—разговоромъ, который, по провѣркѣ, исчерпывался двумя словами: «посторонись, дуракъ», сказанными Александромъ I при случайной встрѣчѣ съ Фокой на набережной. Вотъ Герасимъ Свѣчкарь, со своимъ необыкновеннымъ лекарствомъ, приготовленнымъ изъ травы «деревѣй», трогательно заботящійся о своемъ баринѣ, но при этомъ берущій отъ его имени взятку гусемъ. Вотъ другой слуга, обрусѣвшій полякъ Гелгутъ, записывающій въ своей книжкѣ: «сегодня Конекъ мой что-то грустенъ» и затѣмъ, по возвращеніи своемъ

на родину послѣ многолѣтней службы у А. Ѳ. Кони, написавшій ему письмо о томъ, что ему жить въ Варшавѣ тяжело и что среди «этихъ фанатизированныхъ народовъ» онъ проводитъ свои дни въ одиночествѣ «субитой душой и сугрюмымъ сердцемъ, какъ *мызантропъ* или *торговецъ яблоками*». Вотъ самодовольный франтъ Павелъ Панкратьевъ, съ начесаннымъ на лбу кокомъ, выхоленными усами и модными галстухами, называющій барометръ Реомюромъ, успокаивающій жену и дочь во время грозы словами: «Чего вы, дуры, боитесь? Это, вѣдь, лестричество! Чего же бояться!», съѣвшій индѣекъ, присланныхъ его барину въ подарокъ, и утѣшающій его тѣмъ, что «вѣдь это индѣйки; вотъ другое дѣло, если бы это былъ индѣй,—ну тогда конечно». Цѣлая галлерея этихъ «домочадцевъ» проходитъ передъ нашими глазами, забавныхъ и трогательныхъ. Рядомъ съ ними идутъ такіе оригинальные типы, какъ синьоръ Джузеппе Бѣляевъ, бывшій крѣпостной, «безсознательный герой цѣлой крѣпостнической эпопеи», мастерски разсказанной и заканчивающейся превращеніемъ бѣглаго дворовaго въ неаполитанскаго проводника-комиссіонера,—нѣсколько то комическихъ, то отталкивающихъ «русскихъ за границей»,—гимназическія воспоминанія,—встрѣчи съ И. С. Аксаковымъ, Погодинымъ, Скобелевымъ и три превосходныхъ портрета «во весь ростъ»: А. И. Урусовъ, А. Л. Боровиковскій и Н. Н. Мясоѣдовъ, написанные яркой и сильной кистью, неотразимо привлекательные, подлинно живые... Художественность книги, однако, не въ этихъ только очеркахъ, порою переходящихъ въ настоящую беллетристику; она проникаетъ всю книгу, вѣетъ съ каждой страницы. Она достигнута необыкновенной изобразительной силой, оживляющей все, чего коснется авторъ. «Дѣло Овсянникова», «Игуменья Митрофанія», «Ландсбергъ», «Дѣло о поддѣлкѣ серій»—не сухіе, протокольные разсказы. Это настоящіе «куски жизни», въ нихъ чувствуется біеніе ея пульса. То и дѣло, на протяженіи всей книги, мелькаютъ отдѣльные характерные эпизоды, смѣняются лица, развертываются картины то грустныя, то комическія, то страшныя. Благодаря всему этому, книга дѣлается необыкновенно «занимательной»; она читается отъ начала и до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ, и порою досадуешь на автора, зачѣмъ онъ такую сравнительно небольшую долю удѣляетъ читателю изъ накопленной имъ сокровищницы наблюденій, мыслей, впечатлѣній...

Если сказаннаго достаточно для того, чтобы признать крупное литературное значеніе книги А. Ѳ. Кони, то для русскихъ юристовъ—и, въ частности для судебныхъ дѣятелей—значеніе ея еще больше. Употребляя нѣсколько избитое, но въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе подходящее выраженіе, мы бы сказали, что книга эта

должна была бы быть для нихъ настольной, говоря имъ о примѣрахъ, которымъ должно слѣдовать, объ опасностяхъ, грозящихъ имъ, и о томъ, какъ этихъ опасностей избѣгнуть, уча, воспитывая ихъ благородной и глубокой мыслью, облеченной въ удивительную по своей изящной простотѣ форму.

Въ книгѣ есть одна нота, звучащая на всемъ ея протяженіи. Отъ первой до послѣдней строки читатель ощущаетъ тотъ юношескій энтузіазмъ, съ которымъ авторъ относится къ начальнымъ годамъ судебной реформы, «когда каждый гвоздикъ вбивался съ любовью». Судебная карьера А. Ѳ. Кони началась и развернулась именно въ это время. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, чья дѣятельность сразу подняла новый судъ на небывалую высоту, заставивъ все общество понять, какъ велика пропасть между вчерашнимъ днемъ, когда Россія была «въ судахъ черна неправдой черной», и сегодняшнимъ.

Для многихъ эта перемѣна была глубоко не по душѣ. Встрѣченный на первыхъ же порахъ горячимъ сочувствіемъ широкихъ слоевъ населенія, молившихъ, по выраженію И. С. Аксакова, только объ одномъ—о судѣ безъ взятокъ, только безъ взятокъ—новый судъ, именно потому, что онъ «клиномъ врѣзался» въ старыя учрежденія, долженъ былъ вызвать въ представителяхъ этихъ старыхъ учрежденій вражду и недовѣріе.

«Въ особенности,—говоритъ авторъ,—это обнаруживалось по первыхъ порахъ введенія судебной реформы въ губернскихъ городахъ. Губернаторъ, въ большинствѣ случаевъ, привыкалъ смотрѣть на себя не только какъ на высшаго представителя мѣстной административной власти, но и какъ на хозяина губерніи во всѣхъ отношеніяхъ, передъ которымъ подобострастно склонялось мѣстное общество, за исключеніемъ—да и то не всегда—губернскаго предводителя дворянства и архіерея. Онъ нерѣдко приходилъ въ гнѣвное недоумѣніе, когда подъ бокомъ у него выростала власть, мѣстные носители которой ни въ чемъ отъ него не зависѣли и отъ которыхъ онъ могъ требовать и ожидать не повиновенія, а лишь вѣжливости и *внѣшняго* уваженія, такъ какъ *внутреннее* надо было еще заслужить». Нужно было много такта, но и много твердости для того, чтобы въ такомъ положеніи съумѣть отстоять авторитетъ и достоинство представителя судебнаго вѣдомства. Но тамъ, гдѣ обнаруживались и тактъ, и твердость, быстро достигались благопріятные результаты.

Такъ было съ казанскимъ губернаторомъ Скарятинымъ, самовластнымъ сатрапомъ, встрѣтившимъ крайне недружелюбно А. Ѳ. Кони, когда послѣдній былъ назначенъ въ Казань прокуроромъ, но затѣмъ очень быстро признавшимъ въ существованіи независи-

маго отъ него судебнаго вѣдомства совершившійся фактъ. Онъ не только примирился съ новымъ судомъ, но и въ значительной степени ограничилъ свои самовластныя привычки, стараясь, гдѣ можно, показать, что онъ не только не противникъ, но даже другъ судебнаго вѣдомства. Конечно, необходимымъ условіемъ успѣха при установленіи правильныхъ отношеній между мѣстной администраціей и представителями судебнаго вѣдомства должна была быть увѣренность послѣднихъ, что высшее начальство ихъ «въ обиду не дастъ». Тогдашній глава судебнаго вѣдомства не додумался до теоріи, недавно провозглашенной съ каѳедры Государственной Думы министромъ юстиціи. Онъ, вѣроятно, не согласился бы a priori признать, что разъ губернаторъ и прокуроръ между собою не ладятъ, непремѣнно виноватъ прокуроръ,—или во всякомъ случаѣ, непремѣнно слѣдуетъ убрать прокурора, переводя его при этомъ, для острастки, на низшую должность... А между тѣмъ, давленіе на министерство юстиціи въ эти первые годы было очень сильное. Губернаторы, по словамъ А. Ѳ. Кони, «не скупились на письменныя сообщенія въ Петербургъ о колебаніи авторитета власти со стороны чиновъ судебнаго вѣдомства, а въ личныхъ бесѣдахъ, ведомыхъ въ столицѣ, многозначительно подчеркивали каждую шероховатость, свойственную новому дѣлу, возводя какую-либо личную неловкость по отношенію къ нимъ изъ области анекдота въ область вопіющаго событія или, наоборотъ, облекая свое собственное служебное самодурство въ форму невиннаго и только забавнаго анекдота». Съ другой стороны, нѣкоторыя изъ характернѣйшихъ чертъ новаго суда должны были вызывать къ нему недоброжелательство со стороны вліятельныхъ высшихъ слоевъ общества, негодовавшихъ на гласность суда, на демократическій составъ мирового института, на равенство передъ судомъ, не считавшимся ни съ табелью о рангахъ, ни съ знатностью (какъ это доказалъ процессъ игуменьи Митрофаніи), ни съ богатствомъ (краснорѣчивый примѣръ дѣла Овсянникова). «Отсюда настойчивое исканіе случаевъ, когда можно было въ печати или въ докладахъ по начальству высказать огорченіе и негодованіе на судебное вѣдомство; отсюда та бухгалтерія особаго рода, по которой *въ пассивъ* новыхъ судовъ преувеличенно крупнымъ шрифтомъ вписывались мелкіе промахи и неизбѣжныя ошибки, а *въ активъ* ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные при старомъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и нелицемѣрнаго правосудія.

На первыхъ же порахъ, какъ извѣстно, результатомъ этого похода было то, что министерство юстиціи пожертвовало однимъ изъ существеннѣйшихъ институтовъ новаго суда—несмѣняемыми

судебными слѣдователями, правда, упраздняя ихъ не формально, а фактически, посредствомъ назначенія «исправляющихъ должность», смѣняемыхъ и вполнѣ зависимыхъ.

Было ли какое-нибудь серьезное для этого основаніе? Если прислушаться къ голосу А. Ѳ. Кони—не было никакого. «Служа въ провинціи,—говоритъ онъ,—я вынесъ о судебныхъ слѣдователяхъ Казанскаго и Харьковскаго окружныхъ судовъ самое лучшее воспоминаніе». «Со слѣдователями петербургскаго окружнаго суда мнѣ пришлось находиться въ служебныхъ отношеніяхъ почти въ теченіе десяти лѣтъ въ качествѣ товарища прокурора и прокурора, а затѣмъ по званію предсѣдателя суда. Многихъ изъ нихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ, другіе давно оставили свою должность—«иныхъ уже нѣтъ, а тѣ далече»...—но теплое чувство уваженія къ огромному большинству этихъ почтенныхъ дѣятелей живетъ въ моей душѣ и возникаетъ съ особой силой каждый разъ, когда я вспоминаю годы нашего совмѣстнаго служенія правосудію. Конечно, способности у слѣдователей были различныя, но, за исключеніемъ одного, всѣ они были безпристрастными изслѣдователями дѣла и преданными, трудолюбивыми, безъ высокомѣрія и самолюбованія, слугами судебныхъ уставовъ, доказывая своею дѣятельностью, какъ мало было основаній къ предпринятому министерствомъ юстиціи упраздненію ихъ несмѣняемости». И сравнивая послѣдующее положеніе съ тѣми порядками, при которыхъ началъ свою дѣятельность А. Ѳ. Кони, онъ приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ.

«По дѣламъ, проходившимъ черезъ мои руки по должности оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, я видѣлъ, какъ постепенно, и нерѣдко при явномъ вліяніи и внушеніи, идущемъ съ іерархическихъ высотъ, вторгалось въ слѣдственную практику одностороннее обвинительное творчество. Оно проявлялось въ расширеніи изслѣдованія далеко за предѣлы состава и свойства преступленія и движущихъ къ нему побужденій, въ производствѣ ненужныхъ и напрасныхъ экспертизъ по вопросамъ, въ которыхъ фантазія играла гораздо бо́льшую роль, чѣмъ разумная потребность, въ пріемахъ, облегчающихъ обвинителю на судѣ обходъ прямыхъ запрещеній закона, и, наконецъ, въ привлеченіи къ слѣдствію *заподозрѣннаго* въ качествѣ *обвиняемаго* лишь въ самомъ концѣ всего, иногда многотомнаго производства, почти наканунѣ его отсылки къ прокурору, когда на привлеченнаго сразу обрушивалась масса направленныхъ противъ него данныхъ, своевременно и лично защищаться противъ которыхъ и, быть можетъ, разрушить предубѣжденіе слѣдователя онъ былъ уже лишенъ возможности».

Этой картинѣ недостаетъ нѣсколькихъ окончательныхъ штри-

ховъ для того, чтобы она явилась отраженіемъ современнаго порядка вещей. Тѣ слѣдователи, о которыхъ говоритъ А. Ѳ. Кони, дѣйствовали все же bona fide, и ихъ приходится упрекать болѣе всего въ излишнемъ усердіи, въ чрезмѣрномъ увлеченіи своей ролью. Нашему времени суждено было явить новую категорію слѣдователей—слѣдователей, прибѣгающихъ къ пріемамъ застращиванія, вымогающихъ показанія съ помощью психическаго давленіи и угрозъ, не брезгающихъ подлогами... И мы оказались свидѣтелями того, какъ эти злоупотребленія встрѣчаютъ не возмущенное и негодующее осужденіе со стороны главы судебнаго вѣдомства, а напротивъ—попытку оправданія, извиненія, мотивированнаго состояніемъ «запальчивости и раздраженія», въ которое ввергнутъ былъ слѣдователь угрозами враговъ.

Еще большей горечью звучатъ страницы, въ которыхъ А. Ѳ. Кони говоритъ о крушеніи другого дѣтища судебной реформы—мирового института. Какъ и другіе, А. Ѳ. Кони констатируетъ, что мировой судъ сразу пріобрѣлъ популярность въ народѣ и что черезъ мѣсяцъ послѣ введенія реформы сокращенное названіе «мировой» стало звучать какъ нѣчто давно знакомое, привычное, вошедшее въ плоть и кровь бытовой жизни и въ то же время внушающее къ себѣ невольное почтеніе. Личныя свойства первыхъ судей,—среди которыхъ были Н. А. Неклюдовъ, О. И. Квистъ, А. И. Барановскій,—служили ручательствомъ, что судъ ихъ не только скорый, но и правый въ предѣлахъ человѣческаго разумѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ милостивый. Какъ указываетъ А. Ѳ. Кони, были, конечно, въ сферѣ мировой юстиціи и промахи. Но они «тонули въ общемъ дружномъ и радостномъ подъемѣ духа, съ которымъ первые судьи, подобно первымъ мировымъ посредникамъ, принялись за новое дѣло, видя въ немъ не простую службу, но занятіе, облагораживающее жизнь и дающее ей особую цѣну». Такъ было въ столицѣ, такъ было и въ провинціи. Черезъ руки А. Ѳ. Кони прошло великое множество дѣлъ съ рѣшеніями и приговорами мировыхъ съѣздовъ со всѣхъ концовъ Россіи. По его словамъ, они свидѣтельствовали, что im grossen und ganzen мировая юстиція находилась въ Россіи въ добросовѣстныхъ рукахъ и исполняла свое назначеніе. Случаи завѣдомо узкаго или тенденціознаго примѣненія закона имѣли мѣсто рѣдко, и то главнымъ образомъ среди мировыхъ судей по назначенію въ Польшѣ и Западномъ Краѣ, по отношенію къ дѣламъ о штундистахъ и уніатахъ. Но и тутъ встрѣчались герои судебнаго долга, не подчинявшіеся властнымъ требованіямъ мѣстной администраціи и рѣшавшіеся признать ея распоряженія незаконными, даже тогда, когда эти распоряженія исходили отъ такихъ всемогущихъ лицъ,

какъ кіевскій генералъ-губернаторъ графъ Игнатьевъ. Тѣмъ съ бо́льшей печалью говоритъ А. Ѳ. Кони о «разразившейся внезапно, въ 1889-мъ году, бурѣ, которая смела съ лица русской земли, за исключеніемъ нѣсколькихъ городовъ, мировыя судебныя учрежденія и обратила въ ничто ихъ многолѣтнюю работу по воспитанію народа въ чувствахъ законности,—при чемъ на опустошенной судебной нивѣ выросли земскіе начальники и распустились пышнымъ цвѣтомъ узаконеннаго произвола и смѣшенія понятій о личномъ распоряженіи и о судебномъ рѣшеніи». Дѣятельность одного изъ такихъ земскихъ начальниковъ «перваго призыва», Протопопова, приведшая его на скамью подсудимыхъ, была по заслугамъ заклеймлена въ одной изъ наиболѣе глубокихъ по мысли и блестящихъ по формѣ рѣчей А. Ѳ. Кони (при разсмотрѣніи въ сенатѣ жалобы Протопопова на обвинительный приговоръ харьковской судебной палаты), рѣчи, навсегда присвоившей обвиняемому и подобнымъ ему «кандидатамъ правъ» мѣткій и убійственный эпитетъ «кандидатовъ безправія».

До сихъ поръ мы касались тѣхъ частей книги, въ которыхъ авторъ является отчасти бытописателемъ, отчасти историкомъ, свидѣтельство котораго тѣмъ драгоцѣннѣе, что оно исходитъ отъ внимательнаго и вдумчиваго наблюдателя, пережившаго то, что онъ описываетъ. Рядомъ съ этимъ онъ долженъ быть признанъ незамѣнимымъ учителемъ, вносящимъ въ цѣлую область судебнаго дѣла свѣтъ критики, указанія своего огромнаго опыта, теплоту гуманнаго сердца, умѣющаго чувствовать страданіе ближняго, хотя бы и порочнаго, хотя бы и преступнаго. Вотъ къ этимъ-то глубокимъ урокамъ и надлежало бы прислушаться тѣмъ, кто въ школѣ другой еще не утратилъ способности стремиться къ высокимъ идеаламъ, кто, по выраженію А. Ѳ. Кони, остался слугою, а не лакеемъ правосудія.

Основной взглядъ автора книги на задачи правосудія связанъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что «для истинной справедливости нѣтъ ничего опаснѣе, какъ вывѣтриваніе изъ основныхъ пріемовъ отправленія правосудія возвышающей ихъ человѣчности». «Тамъ, гдѣ справедливость и правосудіе не сливаются въ единое понятіе, ...тамъ общественный бытъ поколебленъ въ своихъ основаніяхъ». «Я всегда находилъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ А. Ѳ. Кони,—что, наряду со служебнымъ долгомъ судебнаго дѣятеля, выростаетъ его нравственный долгъ. Онъ предписываетъ никогда не забывать, что объектомъ дѣйствій этого дѣятеля является прежде всего *человѣкъ*, имѣющій право на уваженіе къ своему человѣческому достоинству. Всякое поруганіе послѣдняго есть, неизбѣжно, поруганіе своей собственной души, въ ея высочайшемъ проявленіи—совѣсти. Оно не проходитъ даромъ—и рано или поздно можетъ ожить въ тяжкихъ, гнетущихъ

сознаніе образахъ. Правосудіе не можетъ быть отрѣшено отъ справедливости, а послѣдняя состоитъ вовсе не въ одномъ правомѣрномъ примѣненіи къ доказанному дѣянію карательныхъ опредѣленій закона. Судебный дѣятель всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій относительно людей, къ дѣяніямъ которыхъ онъ призванъ приложить свой умъ, трудъ и власть, долженъ стремиться къ осуществленію и нравственнаго закона. Забвеніе про живого человѣка, про брата во Христѣ, про товарища въ общемъ міровомъ существованіи, способнаго на чувство страданія,—вмѣняетъ въ ничто и умъ, и талантъ судебнаго дѣятеля, и *внѣшнюю*, предполагаемую полезность его работы. Какъ бы ни было различно его общественное положеніе сравнительно съ положеніемъ тѣхъ, кого онъ призываетъ предъ свой судъ, какъ бы ни считалъ онъ себя безупречнымъ не только въ формальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, въ его душѣ должно, какъ живое напоминаніе о связи со всѣмъ окружающимъ міромъ, звучать прекрасное выраженіе браминовъ: «tat twam asi!»—*это тоже ты*,—ты въ паденія, ты въ несчастіи, ты въ невѣжествѣ, нищетѣ и заблужденіи, ты въ рукахъ страсти!..»

Трудно что-нибудь прибавить къ этимъ возвышеннымъ словамъ. Конечно, они рисуютъ только идеалъ, отъ котораго далеко отстоитъ дѣйствительность. Не всякій можетъ, подобно А. Ѳ. Кони, сказать, оглядываясь на свою прошлую дѣятельность въ качествѣ обвинителя: «я думаю, что едва ли между моими подсудимыми были люди, уносившіе съ собою, будучи поражены судебнымъ приговоромъ, чувство негодованія или озлобленія противъ меня лично». Но признать такой идеалъ дано всякому, а признать его значитъ стремиться къ нему хотя бы безсознательно.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается А. Ѳ. Кони на вопросахъ положенія и роли обвинителя въ уголовномъ процессѣ. Онъ разсматриваетъ дѣятельность прокуратуры начиная съ самой первой стадіи—начатія уголовнаго преслѣдованія. «Уголовное преслѣдованіе,—говоритъ онъ,—слишкомъ серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни послѣдующее оправданіе судомъ, ни даже прекращеніе дѣла до преданія суду очень часто не могутъ изгладить матеріальнаго и нравственнаго вреда, причиненнаго человѣку поспѣшнымъ и неосновательнымъ привлеченіемъ его къ уголовному дѣлу. Знаменитый канцлеръ Дагессо называлъ осужденіе невиннаго une calamité publique. Такое же *бѣдствіе*, только менѣе громкое, но одинаково тяжелое и далеко не всегда поправимое, вносящее скорбь, смущеніе и боль въ жизнь человѣка и окружающихъ его, составляетъ неправильное привлеченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Предвзятость взгляда,—мало-

душное желаніе «jurare in verba magistri», когда такой magister, въ лицѣ высшаго судебнаго чина, высказываетъ свое мнѣніе о «несомнѣнной» виновности того или другого лица,—и наконецъ хмѣль власти, бросающійся иногда въ молодую и непривычную къ ней голову—все это способствуетъ той поспѣшности въ привлеченіи, о которой не могутъ не пожалѣть всѣ друзьи истиннаго правосудія. Отсюда необходимость самой точной провѣрки дошедшихъ до прокурора свѣдѣній о событіи преступленія и объ участіи въ немъ опредѣленнаго лица».

Рядомъ интересныхъ примѣровъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ автобіографическій характеръ, авторъ доказываетъ, какъ важна строгая разборчивость въ оцѣнкѣ внѣшнихъ данныхъ, какъ опасно увлеченіе видимою, внѣшнею убѣдительностью ихъ случайнаго иногда сцѣпленія между собою. Какъ всякая логическая дѣятельность, правосудіе всегда стоитъ предъ возможностью ошибокъ, и зачастую именно первые ложные шаги роковымъ образомъ ведутъ къ такой ошибкѣ. Если она благопріятна подсудимому, бѣда не большая. Знаменитый афоризмъ, предпочитающій оправданіе десяти виновныхъ осужденію одного невиннаго, не есть только красивая гуманная фраза. Въ немъ заключается правило государственной мудрости. И большинство судебныхъ ошибокъ, выразившихся въ осужденіи невиннаго, именно вызваны какимъ-либо первоначальнымъ заблужденіемъ предвзятой мыслью, сбившей юстицію съ правильнаго пути.

Зато, когда наличность событій и преступная роль заподозрѣннаго достаточно выяснены, прокуратура, начиная преслѣдованіе, уже не можетъ отдаваться никакимъ соображеніямъ о томъ, чье неудовольствіе это вызоветъ, не должна взирать на лица и на отголосокъ, который встрѣтятъ ея дѣйствія въ обществѣ и во вліятельныхъ кругахъ. По свидѣтельству А. Ѳ. Кони, прокуратура его времени именно такъ и смотрѣла на свою задачу. Она, притомъ, никогда не прибѣгала къ современному пріему, вызывающему со стороны автора книги строгое осужденіе,—пріему, уже выше упомянутому, заключающемуся въ томъ, чтобы возможно больше оставлять будущаго несомнѣннаго обвиняемаго въ положеніи подозрѣваемаго, котораго допрашиваютъ лишь въ качествѣ свидѣтеля, лишая его возможности съ самаго начала пользоваться тѣми правами, которыя должны были бы ему принадлежать, какъ участвующему въ дѣлѣ лицу. «Эта практика,—замѣчаетъ А. Ѳ. Кони,—представляется довольно вредной въ виду недавно состоявшагося рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента (по дѣлу Лицкевича и др.), которымъ существенно поколеблено одно изъ основныхъ правъ подсуднмаго, право *молчанія*, разрѣшеніемъ прочитывать

показаніе, данное имъ слѣдователю, хотя бы онъ не былъ на это согласенъ. Судебная практика моего времени встрѣтила бы такое произвольное толкованіе одного изъ принциповъ новаго процесса съ недоумѣніемъ. При обвиненіяхъ на судѣ и я, и нѣкоторые изъ моихъ товарищей старались не опираться на собственное сознаніе подсудимаго, даже сдѣланное на судѣ, и строить свою рѣчь такъ, какъ бы сознанія вовсе не было, почерпая изъ дѣла объективныя доказательства и улики, не зависящія отъ того или другого настроенія подсудимаго,—отъ его нервности, подавленности, желанія принять на себя чужую вину или смягчить свою, сознаваясь въ меньшемъ, чѣмъ то, въ чемъ его обвиняютъ».

Это сопоставленіе прошлаго съ настоящимъ вызываетъ у автора меланхолическое восклицаніе: «Увы, tempora mutantur!». Съ такимъ же, если еще не съ большимъ правомъ, можно повторить эти слова, касаясь другихъ сторонъ дѣятельности прокуратуры, прежней и теперешней.

«Высоко цѣня судъ присяжныхъ, какъ общественное учрежденіе, и считая непозволительнымъ относиться съ упрекомъ къ голосу ихъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго нерѣдко тяжелымъ трудомъ участія въ судебномъ засѣданіи, прокуратура моего времени никогда не рѣшалась высказывать присяжнымъ порицаніе за ихъ приговоры. А между тѣмъ нынѣ зачастую встрѣчаются въ печати указанія на то, что въ обвинительной рѣчи товарищъ прокурора, ссылаясь на предшествовавшій оправдательный приговоръ, говоритъ: сегодня вы уже оправдали одного грабителя, или: послѣ того, какъ вы уже оправдали мошенника, или заканчиваетъ свою рѣчь словами: впрочемъ, принимая во вниманіе вашъ оправдательный вердиктъ по первому дѣлу, не стоитъ говорить, какъ вамъ поступить съ подсудимымъ».

Измѣнилось не только отношеніе къ присяжнымъ: измѣнилось и отношеніе къ подсудимому, и къ защитнику, и къ вопросу объ исходѣ дѣла, измѣнился и самый характеръ обвинительной рѣчи. Все это связано одно съ другимъ, завися отъ основного взгляда на значеніе прокурора въ общемъ ходѣ уголовнаго правосудія. Въ глазахъ А. Ѳ. Кони прокуроръ есть *«говорящій публично судья»*. «По существу своихъ обязанностей, онъ *не можетъ быть лично заинтересованъ въ исходѣ дѣла*». «На обязанности его лежитъ сгруппировать и провѣрить все изобличающее подсудимаго, и если подведенный имъ итогъ, съ необходимымъ и обязательнымъ учетомъ всего, говорящаго въ пользу обвиняемаго, создастъ въ немъ убѣжденіе въ виновности послѣдняго, заявить о томъ суду. Сдѣлать это надо въ связномъ и послѣдовательномъ изложеніи, со спокойнымъ

достоинствомъ исполняемаго долга, безъ паѳоса, негодованія и преслѣдованія какой-либо иной цѣли, кромѣ правосудія, которое достигается не непремѣннымъ *согласіемъ* суда съ доводами обвинителя, а непремѣннымъ *выслушиваніемъ* ихъ».

При такой точкѣ зрѣнія совершенно исключаются многіе изъ тѣхъ пріемовъ, которые теперь сдѣлались обыденными. Оправдательный приговоръ не будетъ разсматриваться прокуроромъ, какъ «проигрышъ дѣла». На защитника прокуроръ не станетъ смотрѣть, какъ на конкурента въ области судебнаго краснорѣчія, какъ на врага и помѣху въ достиженіи судебныхъ успѣховъ. «Прокурору не приличествуетъ забывать, что у защиты, теоретически говоря, одна общая съ нимъ цѣль—содѣйствовать, съ разныхъ точекъ зрѣнія, суду въ выясненіи истины доступными человѣческимъ силамъ средствами, и что добросовѣстному исполненію этой обязанности, хотя бы и направленному къ колебанію и опроверженію доводовъ обвинителя, никоимъ образомъ нельзя отказывать въ уваженіи». Вспоминая своихъ покойныхъ противниковъ—Спасовича, Языкова, Герарда, Хартулари,—А. Ѳ. Кони говоритъ: «Мы часто горячо и убѣжденно боролись, но никогда ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ не приходилось слышать по своему адресу какихъ-либо личныхъ упрековъ, инсинуацій или задорныхъ выпадовъ, и думаю, что и никому изъ насъ поставить въ вину что-либо подобное тоже было невозможно». Невольно вспоминается читателю недавній случай, когда изъ молодыхъ, да ранній товарищъ прокуроръ просилъ судъ удостовѣрить, кто изъ защитниковъ защищаетъ по назначенію, и кто—по соглашенію съ подсудимыми, и вслѣдъ затѣмъ въ своей рѣчи бросилъ защитникамъ по соглашенію укоръ, что трудъ ихъ оплаченъ деньгами потерпѣвшаго. Нѣчто подобное вспоминаетъ и А. Ѳ. Кони, разсказывая о томъ, какъ по одному дѣлу защитникъ, на заявленіе товарища прокурора о большомъ гонорарѣ, заставляющемъ прибѣгать къ искаженію истины, отвѣтилъ расцѣнкою рѣчи обвинителя соотвѣтственно времени, употребленному на ея произнесеніе и получаемому послѣднимъ содержанію, и опредѣлилъ ея стоимость въ *пятиалтынный*».

Я не буду останавливаться на многочисленныхъ, драгоцѣнныхъ указаніяхъ и совѣтахъ автора, касающихся судебнаго краснорѣчія вообще и рѣчи обвинителя въ частности. Какъ извѣстно читателямъ «Вѣстника Европы», эти указанія высказаны были А. Ѳ. Кони по поводу книги П. С. Пороховщикова «Искусство рѣчи на судѣ». Они имѣютъ то неоцѣнимое преимущество, что исходятъ отъ первокласнаго мастера судебной рѣчи, которому—какъ выразился Н. В. Муравьевъ въ своемъ сочиненіи о прокурорскомъ надзорѣ—нельзя

подражать, но у котораго слѣдуетъ учиться. И здѣсь опять авторъ разсыпаетъ предъ нами мѣткія и блестящія иллюстраціи своихъ теоретическихъ положеній, давая въ то же время интересныя свѣдѣнія о собственныхъ своихъ переживаніяхъ и о пріемахъ своего ораторскаго творчества.

Не менѣе важны и цѣнны страницы, посвященныя выясненію роли предсѣдателя суда и значенія его руководящаго напутствія. Если, какъ справедливо указываетъ авторъ, за время его судебной службы, продолжавшейся сорокъ лѣтъ, это напутствіе являлось въ судебной практикѣ самою неразработанною и слабою частью уголовнаго процесса, то нужно признать, что лично онъ сдѣлалъ очень много для того, чтобы это положеніе улучшилось. Именно онъ далъ такіе образцы руководящихъ напутствій, которые убѣдительнѣе всякихъ теоретическихъ разсужденій. Комментаріемъ къ одному изъ такихъ напутствій является обширная глава книги, озаглавленная именемъ героини шумнаго и загадочнаго процесса Маргариты Жюжанъ. Резюме А. Ѳ. Кони, предсѣдательствовавшаго по этому дѣлу, въ полномъ смыслѣ слова классическое. Онъ самъ признаетъ, что здѣсь его задача была особенно трудна и отвѣтственна, не только по отношенію къ содержанію напутствія, но и къ его формѣ, которая должна быть въ высшей степени сжатой, гдѣ не должно быть ни одного лишняго и ни одного забытаго слова. Задача была выполнена превосходно, и авторъ съ законной гордостью приводитъ отзывъ П. Д. Боборыкина, восхищавшагося объективностью изложенія и оцѣнки, широкой и строгой вдумчивостью, съ которой были взвѣшены всѣ обстоятельства дѣла. Полезно напомнить объ этомъ теперь, когда все чаще и чаще приходится констатировать, что «твердаго и точнаго понятія о границахъ и о внутреннемъ смыслѣ руководящаго напутствія все еще окончательно не установлено», и учащаются случаи, когда «напутствія являются или безполезной, ничему не помогающей тратой времени, или проведеніемъ совершенно произвольныхъ взглядовъ и положеній, способныхъ лишь затемнить голосъ здраваго правового сознанія, и житейской правды,— или же, наконецъ, что особенно печально, носятъ на себѣ слѣды вліянія французской развязности, но только безъ тонкаго французскаго остроумія».

Было бы совершенно напрасно попытаться въ журнальной статьѣ исчерпать все богатство и все разнообразіе содержанія разсматриваемой книги. Очеркъ нашъ непомѣрно бы затянулся, если бы мы захотѣли хоть вкратцѣ остановиться на тѣхъ ея главахъ, въ которыхъ авторъ собираетъ и искусно освѣщаетъ часть огромнаго матеріала, накопившагося у него по вопросамъ о психологіи обвиняе-

мыхъ и свидѣтелей, о свѣдущихъ людяхъ и экспертизѣ, о душевнобольныхъ. Здѣсь на каждомъ шагу любопытные эпизоды, глубокія и тонкія наблюденія, яркія характеристики. Никакой пересказъ не замѣнитъ интереса и очарованія этихъ страницъ. Но хотѣлось бы въ заключеніе упомянуть объ одной части книги, въ которой чувствуется вопль сердца, трепещущаго скорбью и негодованіемъ. Это заключительныя три главы записокъ судебнаго дѣятеля, повѣствующія объ уніатскихъ дѣлахъ, о штундистахъ и о пасторскихъ дѣлахъ. Авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ очертилъ ихъ постольку, поскольку ему приходилось въ нихъ принимать участіе.

«Конечно,—замѣчаетъ онъ,—мой разсказъ представляетъ лишь уголокъ общей большей картины. Но по нему, однако, можно судить о ея содержаніи и о характерѣ нашей вѣроисповѣдной политики, до начала 1905-го года, на нашей западной и прибалтійской окраинахъ. Съ одной стороны дѣятельно выступала духовная власть, водворяющая и укрѣпляющая господство церкви не столько путемъ примѣра, поученія и подъема народной нравственности и религіознаго сознанія, сколько путемъ административныхъ взысканій и судебныхъ приговоровъ, предпочитающая духовному вразумленію—вразумленіе полицейское,—а съ другой стороны существовала пестрая масса «упорствующихъ», «уклоняющихся» и «колеблющихся», поражаемыхъ въ своихъ гражданскихъ правахъ и стѣсняемыхъ въ чувствѣ преданности вѣрѣ отцовъ. Эта власть, считая согласнымъ со своимъ призваніемъ и достоинствомъ взывать къ полицейскому вмѣшательству, попускала явное попраніе свободы совѣсти для насильственнаго удержанія людей въ предѣлахъ своей компетенціи противъ ихъ воли и убѣжденія. Въ союзѣ съ нею и единомысліи дѣйствовали мѣстные высшіе представители администраціи, возбуждая уголовныя преслѣдованія, относясь съ недовѣріемъ и осужденіемъ къ высшему изъ нормальныхъ судовъ въ Имперіи, когда онъ не удовлетворялъ ихъ намѣреніямъ, и побуждая законодательную власть къ изданію скороспѣлыхъ и исключительныхъ законовъ въ то время, когда самыя важныя потребности страны тщетно ждали себѣ законодательнаго отвѣта».

За послѣднее время мы снова присутствовали при возрождающихся попыткахъ идеализировать ту эпоху, о которой говоритъ авторъ книги. Небезполезно сопоставить съ этими крикливыми и фальшивыми панегириками спокойный, но дышащій сдержаннымъ негодованіемъ разсказъ А. Ѳ. Кони. Вотъ длинный мартирологъ сѣдлецкихъ уніатовъ, надъ которыми административные эксперименты начались еще въ семидесятыхъ годахъ, но развернулись во всемъ блескѣ въ восьмидесятыхъ, когда на оберъ-прокурорскомъ креслѣ въ Синодѣ сидѣлъ

злой геній православія, К. П. Побѣдоносцевъ. Характеръ и свойства преслѣдованій, которымъ уніаты подвергались, достаточно явствуютъ изъ приводимыхъ А. Ѳ. Кони примѣровъ. Такъ, работа этихъ уніатовъ въ полѣ или на дорогѣ въ православные праздники преслѣдовалась какъ ослушаніе полиціи, или какъ соединенное съ соблазномъ дѣйствіе, или, наконецъ, какъ неисполненіе законныхъ требованій власти, выражающееся въ несоблюденіи отобранной подписки съ обязательствомъ святить православные праздники. По 38 ст. уст. о нак. (нарушеніе общественнаго спокойствія и тишины) преслѣдовалось колядованіе въ Рождественскіе праздники—не вообще, на основаніи ст. 30 устава о преступленіи и пресѣченіи преступленій, нигдѣ впрочемъ не примѣняемой, а лишь по новому стилю. По той же статьѣ, вопреки разъясненіямъ Сената, преслѣдовался отказъ отъ принятія свидѣтельской присяги по православному обряду, а также несоблюденіе отобранной полиціею подписки не посѣщать католическія церкви для молитвъ. Особенно характерна исторія такъ называемыхъ краковскихъ браковъ, заключавшихся по католическому обряду и насильственно расторгавшихся, какъ *незаконные православные* браки. Любопытно трогательное согласіе, съ которымъ и мѣстное духовенство, и мѣстныя власти, и самъ синодальный оберъ-прокуроръ рекламировали «благое вліяніе», производимое на «упорствующихъ» судебнымъ преслѣдованіемъ. Духовенство одного округа даже изъявляло искреннюю благодарность судамъ за ихъ дѣятельность и молило Господа, чтобы благотворное дѣйствіе суда продолжалось, а К. П. Побѣдоносцевъ усматривалъ въ этомъ «отличномъ дѣйствіи» судебныхъ приговоровъ «*налаживаніе церковнаго дѣла* въ Польшѣ». Приблизительно въ то же время, когда въ Юго-Западномъ краѣ состоялось совершенно по существу незаконное распоряженіе генералъ-губернатора о воспрещеніи штундистамъ общественныхъ богомоленій на основаніи правилъ положенія объ усиленной охранѣ, съ привлеченіемъ виновныхъ въ неисполненіи этого распоряженія по ст. 29 уст. о нак., пал. мировыми судьями, графъ А. П. Игнатьевъ также завѣрялъ министра юстиціи Н. А. Манасеина, что такой порядокъ привлеченія виновныхъ признанъ правильнымъ большинствомъ мировыхъ судей, «обвинительные приговоры которыхъ *производятъ благотворное вліяніе* не только на мѣстное православное населеніе, но и *на самихъ штундистовъ*».

Исторія преслѣдованія штундистовъ—одна изъ самыхъ мрачныхъ и постыдныхъ страницъ исторіи конца восьмидесятыхъ годовъ и послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка. Сенатъ, разъясняя въ 1892 г. въ общемъ собраніи кассаціонныхъ департаментовъ вопросъ

о молитвенныхъ собраніяхъ штундистовъ, призналъ, что неисполненіе послѣдовавшаго, на основаніи правилъ объ усиленной охранѣ, распоряженія генералъ-губернатора о воспрещеніи штундистамъ общественныхъ богомоленныхъ собраній не можетъ влечь за собою отвѣтственности по 29 ст. уст. о нак. Это опредѣленіе состоялось вопреки заключенію тогдашняго оберъ-прокурора общаго собранія, Н. А. Неклюдова. О немъ А. Ѳ. Кони говоритъ въ возможно мягкой и сдержанной формѣ, но по существу это заключеніе, доказывавшее, что на основаніи положенія объ усиленной охранѣ начальникъ края могъ бы просто административно высылать кажущихся ему вредными штундистовъ, а не обращаться, отдавая *должное уваженіе* судебной власти, за ея содѣйствіемъ, при чемъ приговоръ послѣдней, конечно, все-таки гораздо мягче, чѣмъ насильственное «выдвореніе» человѣка изъ семьи и изъ мѣста его жительства, съ запрещеніемъ возвращаться,—не можетъ быть названо иначе, какъ недобросовѣстнымъ. Достойно вниманія, что сенатское опредѣленіе, состоявшееся *для установленія единства въ судебной практикѣ*, не только не было напечатано въ сборникѣ рѣшеній общаго собранія кассаціонныхъ и перваго департаментовъ, но даже и министерству юстиціи оффиціально сообщено было лишь черезъ годъ съ четвертью. А уже въ іюнѣ 1894 г. комитетъ министровъ положилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, объявить секту штундистовъ *болѣе вредною*, съ воспрещеніемъ имъ общественныхъ молитвенныхъ собраній. Этимъ положеніемъ комитета министровъ и послѣдовавшимъ въ его развитіе циркуляромъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново были, какъ указываетъ А. Ѳ. Кони, открыты всѣ шлюзы для преслѣдованія штундистовъ, и обвиненія противъ нихъ хлынули неудержимымъ потокомъ, наводняя мѣстныя судебныя и судебно-административныя учрежденія. При этомъ началось распространительное толкованіе словъ положенія комитета министровъ объ *общественныхъ* собраніяхъ. Такъ, во многихъ случаяхъ стали, напримѣръ, считаться *общественнымъ богомоленіемъ*: частная молитва штундистовъ у себя на дому, въ присутствіи близкихъ лицъ; собраніе нѣсколькихъ родственниковъ штундиста въ его домѣ для погребенія его умершей дочери, безъ всякаго при томъ внѣшняго оказательства ереси; простое чтеніе вслухъ священнаго писанія и пѣніе псалмовъ, или присутствіе трехъ гостей въ семьѣ штундиста для бесѣды «съ братомъ о Господѣ о словѣ Божьемъ». Въ одномъ изъ дѣлъ оказался протоколъ урядника о томъ, что, проходя мимо хаты крестьянина и замѣтивъ въ ней свѣтъ, онъ нашелъ, войдя, хозяина и его сосѣда читавшими священное писаніе, о чемъ и составленъ имъ над-

лежащій актъ, съ пріобщеніемъ къ нему книги, «именуемой Евангеліе». Что касается до экспертизы по этимъ дѣламъ, то, стремясь доказать въ каждомъ данномъ случаѣ, что предъ судомъ «доподлинный штундистъ», она доходила до признанія уликой въ штундизмѣ «*фарисейское воздержаніе отъ худыхъ дѣлъ* и повиновеніе правительству и закону не за совѣсть, а страха ради», или чтеніе Новаго Завѣта и подчеркиваніе нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелія фіолетовыми чернилами...

Мало помогло извѣстное сенатское рѣшеніе по дѣлу Головко, состоявшееся уже въ 1900 г., по докладу А. Ѳ. Кони, и установившее обязанность для суда выяснять на основаніи точно провѣренныхъ обстоятельствъ дѣла, принадлежатъ ли обвиняемые, по существу основныхъ положеній исповѣдуемой ими ереси или расколоученія, именно къ штундизму. Земскіе начальники не подвѣдомы сенату; весьма многіе изъ нихъ, «ничто же сумняся», разсматривали рѣшеніе по д. Головко какъ до нихъ не относящееся, и подвергали «штундо-баптистовъ» взысканіямъ и лишенію свободы, не затрудняя себя предписанной сенатомъ экспертизой.

Къ чему привелъ весь этотъ недостойный походъ? Въ 1905 г. митрополитъ петербургскій Антоній и самъ товарищъ оберъ-прокурора Саблеръ, которыхъ, конечно, нельзя было заподозрѣть въ сочувствіи «врагамъ православія», удостовѣрили, въ засѣданіи комитета министровъ, что положеніе 1894-го года не достигло своей цѣли, а лишь внесло въ жизнь мѣстнаго населенія значительную рознь, иногда и вражду между односельчанами, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны православнаго духовенства чрезмѣрное въ иныхъ случаяхъ стремленіе къ охраненію своей силы и значенія привлеченіемъ священниковъ къ дѣятельности, не соотвѣтствующей ни призванію ихъ, ни носимому ими сану.

Такую же узость, нетерпимость и холодную жестокость проявила власть въ такъ называемыхъ пасторскихъ дѣлахъ, гдѣ обвиняемыми въ «совращеніи» оказывались пасторы, совершившіе обрядъ конфирмаціи надъ взрослыми лицами по просьбѣ этихъ послѣднихъ. Съ чувствомъ глубокой признательности приходится отмѣтить то безстрашіе, съ которымъ тогдашній оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента возсталъ противъ такого лже-толкованія и, несмотря на всякаго рода закулисныя и открытыя вліянія и давленія, сломилъ его, добившись отъ сената извѣстнаго рѣшенія по дѣлу Гримма. Этимъ оберъ-прокуроромъ былъ А. Ѳ. Кони. Въ его безупречной и славной судебной карьерѣ не разъ бывали случаи, когда ему приходилось выбирать между тѣмъ путемъ, который подсказывала ему совѣсть, и другимъ, куда его толкали услужли-

выя руки всякихъ героевъ политическаго разсчета и служебнаго честолюбія.

Онъ ни разу не ошибся, ни разу не сдался. Русское общество это знаетъ и этого не забудетъ. Сильный его сочувствіемъ и любовнымъ уваженіемъ, А. Ѳ. Кони можетъ съ гордымъ спокойствіемъ и презрительнымъ равнодушіемъ пройти мимо тѣхъ помѣтокъ мелкой травли и непристойнаго глумленія, отъ которыхъ никто у насъ не избавленъ, какъ бы ни были велики и общепризнаны его заслуги.

Эти покушенія «негодныхъ субъектовъ», «съ негодными средствами», никого не введутъ въ заблужденіе. Книгу А. Ѳ. Кони ждетъ самая широкая популярность; она уже завоевала самый яркій успѣхъ. И если намъ удалось отмѣтить тѣ ея черты, которыми объясняется восторженность ея оцѣнки, задача наша достигнута.

Влад. Набоковъ.

О ЧУДЕСНОМЪ.

(Письмо изъ Лондона).

I.

На всѣхъ заборахъ, которыми обнесены строящіяся зданія, на стѣнахъ подземныхъ станцій, на щитахъ, висящихъ на груди и спинѣ «сэндвичмэновъ», словомъ, всюду я вижу теперь цѣлую серію рисунковъ, иллюстрирующихъ одинъ сюжетъ. Вотъ нѣсколько индѣйцевъ, раскинувъ въ удивленіи руки, окружили динозавра, молодцовато и картинно сидящаго на заднихъ лапахъ. Посадка его почему-то напоминаетъ браваго пожарнаго, поражающаго куму-кухарку. Другой рисунокъ изображаетъ археоптерикса, взобравшагося на скалу и размахивающаго кожистыми крыльями, какъ будто сзывая публику. Рядомъ плезіозавръ, свирѣпо выкативъ глаза и оскаливъ громадные зубы, гонится за джентльмэномъ въ фланелевомъ пиджакѣ. А подъ плезіозавромъ волосатый, съ заостренными ушами прото-человѣкъ—вѣроятно смѣлая реставрація pithecanthropus erectus,—душитъ въ крѣпкихъ объятіяхъ современнаго европейца.

Всѣ эти рисунки выставлены журналомъ «Strand», рекламирующимъ печатающееся въ немъ новое произведеніе Конана Дойля: «The Lost World». «Южная Америка,—объясняетъ центральный герой повѣсти, проф. Чалленджеръ, — какъ вы, быть можетъ, слышали—гранитный континентъ. Въ одномъ мѣстѣ (гдѣ-то въ верховьяхъ Амазонки) въ отдаленный періодъ произошелъ внезапный, гигантскій вулканическій подъемъ почвы. Скалы, которыя вы видите—базальтовыя, слѣдовательно вулканическаго происхожденія. Результатомъ геологическаго переворота было то, что громадная площадь, пространствомъ, скажемъ, въ Сёссексъ, поднялась вверхъ, *en bloc*, со всѣми живыми существами на ней, и отдѣлилась отвѣсными скалами отъ всего остального міра. Всѣ обычные законы природы перестали дѣйствовать. Вліяніе борьбы за существованіе или прекратилось, или измѣнилось. Такимъ образомъ выжили существа, которыя всюду въ другихъ мѣстахъ на землѣ уже давнымъ давно исчезли. Замѣтьте, что птеродактиль и стегозавръ принадлежатъ къ юрскому, т. е. очень раннему періоду. Вслѣдствіе упомянутыхъ условій, они всѣ сохранились».—Въ эту страну, представляющую обломокъ мезозойской эры и лежащую гдѣ-то на границѣ между Бразиліей и Боливіей, т. е. въ единственномъ темномъ мѣстѣ, оставшемся еще на земномъ шарѣ, отправляется экспедиція подъ предводительствомъ профессора Чалленджера.

Конечно, мѣста, гдѣ Конанъ Дойль помѣщаетъ свою «Потерянную страну»—дикія и «гиблыя». Мнѣ припоминается возвращеніе изъ Фунчала въ Англію осенью прошлаго года. Пароходъ *Ланфранкъ* шелъ изъ Манаоса на Амазонкѣ, и я засталъ на немъ любопытное общество, возвращавшееся въ Лиссабонъ. Среди англійскихъ пассажировъ, сдержанныхъ и чопорныхъ, спускавшихся къ обѣду во фракахъ, бразильцы съ грубыми лицами, съ рѣзкими манерами и громкимъ хохотомъ, особенно выдѣлялись. Тутъ были люди, проведшіе тридцать лѣтъ въ первобытныхъ лѣсахъ и возвращавшіеся теперь съ громаднымъ капиталомъ. Эти казались совсѣмъ птеродактилями. Были и болѣе молодые, работающіе «на резинѣ» въ тѣхъ же первобытныхъ лѣсахъ. Они могли съ утра до вечера, въ интервалахъ между ѣдой, играть въ пятнашки или другія дѣтскія игры. Странно было видѣть толстяка съ бородатымъ, грубымъ, рѣшительнымъ и жестокимъ лицомъ пирата, прыгающаго, какъ мячъ, вокругъ другого «пирата» съ завязанными глазами и кричащаго: «кушъ! кушъ!». Вотъ кончился обѣдъ. Разряженные англичане высыпали на палубу и усѣлись поглубже въ кресла. Бразильцы вызвали музыку и устроили танцы.

— Боло! Боло!—кричатъ одни.

— Machicha! Machicha!—кричатъ другіе и одерживаютъ верхъ. Скрипки начинаютъ издавать звуки, напоминающія кайенскій перецъ или тѣ индѣйскія пикули, маленькій кусочекъ которыхъ обжигаетъ нёбо и языкъ. Толстякъ «пиратъ» подходитъ къ накрашенной дамѣ въ эксцентричномъ туалетѣ (она и еще другая, маленькая, вертлявая, сильно вихляющая бедрами на ходу, ѣдутъ тоже изъ Манаоса) и приглашаетъ ее. Молодой бразилецъ въ ярко зеленомъ пиджакѣ, съ громаднымъ алмазомъ въ желтомъ галстухѣ, въ полосатой, красной съ бѣлымъ сорочкѣ, приглашаетъ вертлявую даму. Начинается «смягченный» мачичъ, въ которомъ движенія только «намѣчаются» контурами, но англичане и англичанки спѣшатъ оставить палубу и переходятъ въ гостиную.

— Развѣ такъ танцуютъ? — протестуетъ толстый «пиратъ». Онъ приглашаетъ вертлявую даму, когда она освобождается, но черезъ нѣсколько секундъ она вырывается.

— Cochino! (свинья),—кричитъ она. «Пиратъ» намѣтилъ экспрессивныя движенія не только контурами.

— Я не стану больше танцовать съ вами!—протестуетъ дама.

— Но это *настоящій* аргентинскій мачичъ,—оправдывается «пиратъ».

Бразильцы оказались людьми совершенно примитивными: они могли разговаривать только о резинѣ, о красномъ деревѣ, о мѣстной болѣзни *бери-бери*, при которой мускулы расползаются, какъ сваренные, и о змѣяхъ. Молодой бразилецъ послѣ трехъ словъ вызвался показать мнѣ громадную змѣю, которую въ самое утро отъѣзда изъ Манаоса нашелъ и убилъ у себя на умывальномъ столѣ. Бразилецъ везъ этотъ сувениръ съ собою въ спиртѣ. Эти не интересные на видъ люди десятками лѣтъ жили въ мѣстахъ, о которыхъ въ Европѣ знаютъ едва ли больше, чѣмъ о Марсѣ. Такимъ образомъ, Конанъ Дойль былъ правъ, когда свою фантастическую страну помѣстилъ въ сердцѣ Бразиліи. Но не въ томъ дѣло. Не знаю, на сколько правъ англійскій романистъ, дѣлая pithecanthropus erectus современникомъ птеродактиля и диплодока; но съ увѣренностью могу сказать, что въ поискахъ за первобытнымъ человѣкомъ нечего забираться въ мезозойскую эру. Поступки и міровоззрѣніе людей эолитическаго вѣка мы можемъ, при добромъ желаніи, легко наблюдать *теперь*. О такихъ *поступкахъ* я въ этомъ письмѣ говорить не буду, такъ какъ ихъ отмѣчаютъ мои товарищи по журналу, слѣдящіе за внутренней жизнью. Къ несчастью, у нихъ нѣтъ недостатка въ матеріалѣ. Въ самыхъ культурныхъ странахъ, гдѣ слово *законъ* не пустой звукъ, мы можетъ наблюдать только остатки *міровоззрѣнія* каменнаго вѣка. Оно удержалось у людей, воспринявшихъ внѣш-

нюю высокую культуру. Подѣлюсь съ читателями нѣкоторыми наблюденіями и постараюсь потомъ подвести кое-какіе итоги.

Двадцать восьмого марта 1912-го года въ центральномъ уголовномъ судѣ въ Лондонѣ разбиралось любопытное дѣло. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли Клодъ Айзардъ, 40 лѣтъ, и Рода Айзордъ 28 лѣтъ, мужъ и жена. Онъ—писатель, какъ значится въ обвинительномъ актѣ. Супруги обвинялись въ томъ, что въ 1910—11 годахъ выманили нѣсколько десятковъ ф. ст. у нѣкоего Томаса Симса, по профессіи адвоката. Передъ нами люди культурные, интеллигентные—а между тѣмъ все дѣло прямо поразительное. Подсудимые брали деньги и письма у адвоката Симса, чтобы пересылать ихъ, при посредствѣ духовъ, на тотъ свѣтъ. Подсудимая передавала Симсу письма, или непосредственно написанныя духами, или ею подъ диктовку духовъ. Передъ нами новая форма документовъ, явившихся результатомъ «вдохновленія». Духи посылали адвокату Симсу телеграммы черезъ посредство такихъ «матеріальныхъ» мѣстъ, какъ лондонскія телеграфныя конторы. «Присяжные не будутъ удивлены,—сказалъ представитель обвиненія,—когда узнаютъ, что, за немногими исключеніями, всѣ банковые билеты, отправленные Симсомъ духамъ, пошли на такія прозаическія цѣли, какъ уплата ростовщикамъ, по счетамъ лавочниковъ, мясниковъ и т. д.».

Я напомню читателямъ «почтовую контору», устроенную покойнымъ Стэдомъ для правильныхъ сношеній съ потустороннимъ міромъ. Главнымъ почтмейстеромъ была нѣкая Джулія, пріятельница Стэда, умершая лѣтъ 15 тому назадъ. Въ «конторѣ» правильно работали клерки. За справку, наведенную на томъ свѣтѣ, брался опредѣленный гонораръ въ одну гинею. Кліентами покойнаго Стэда являлись лица, поставленныя такъ высоко, что «почтовая контора Джуліи» была внѣ предѣловъ досягаемости. Въ зависимости отъ свѣдѣній, полученныхъ черезъ посредство Джуліи и Стэда, упомянутыя лица намѣчали свою очень изломанную линію поведенія. Возвращусь, однако, къ дѣлу супруговъ Айзардъ. Возникло оно такимъ образомъ. Томасъ Симсъ въ іюлѣ 1911-го года признанъ былъ банкротомъ. Такъ какъ онъ растратилъ сумму въ 989 ф. ст., принадлежащую кліенту, то онъ былъ привлеченъ къ суду. Представитель обвиненія, разсматривая бумаги, отобранныя у адвоката, нашелъ переписку съ супругами Айзардъ и рѣшилъ привлечь ихъ къ суду. Выяснилось, что адвокатъ Симсъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ находился въ связи съ одной дамой, которую сильно любилъ. Дама эта умерла въ 1906-мъ году. Такъ какъ Симсъ занимался одно время «психологическими изысканіями», т. е. спиритическими опытами, то онъ рѣшилъ завязать переписку съ умершей подругой черезъ посредство медіумовъ. Разы-

скивая ихъ, Симсъ нашелъ г-жу Айзардъ, жену писателя. Спиритка и ясновидящая она была близко знакома съ двумя духами: «докторомъ К.» и докторомъ W.». Первый изъ нихъ при жизни былъ докторомъ богословія и состоялъ священникомъ въ англиканской церкви. Докторъ К. на землѣ былъ врачемъ, практиковалъ въ Мельбурнѣ и скончался семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Адвокатъ Симсъ три года подрядъ ходилъ къ супругамъ Айзардъ. Всего за это время произошло около 300 сеансовъ (по 5 шил. за каждый). Г-жа Айзардъ вызывала сперва съ того свѣта своихъ двухъ хорошихъ знакомыхъ, но адвокатъ Симсъ просилъ найти «за рубежемъ» M. L. O. (My Loved One, т. е. возлюбленную). Г-жа Айзардъ предложила Симсу написать доктору К. и доктору W., что тотъ и сдѣлалъ. Передъ нами любопытное сочетаніе міропониманія дикаря эолитической эпохи съ дѣловитостью и практичностью адвоката XX вѣка: каждое письмо, составленное для отправки на тотъ свѣтъ, Симсъ заботливо копировалъ въ своей книгѣ съ дѣловой корреспонденціей. Г-жа Айзардъ нашла даже спеціальнаго почталіона, который передавалъ письма «докторамъ». То былъ тоже духъ нѣкоего «француза Lawzon» обезглавленнаго въ 1793-мъ году. Хотя и безголовый, почталіонъ Lawzon оказался удивительно толковымъ и расторопнымъ. Онъ передалъ письма докторамъ, которые мигомъ нашли «M. L. O.». Симсу пришла въ голову великая мысль, которую онъ внушилъ своей подругѣ. Преисполнившись жалости съ тѣмъ духамъ, которые на землѣ были грѣшниками и не успѣли исправиться, Симсъ предложилъ своей подругѣ и докторамъ К. и W. устроить на томъ свѣтѣ «Spirits' Rescue Society». (Общество спасенія духовъ). Подруга назвала мысль замѣчательной, но передала, что для осуществленія ея нужны деньги. Адвокатъ Симсъ сперва нѣсколько изумился, когда узналъ, что на томъ свѣтѣ деньги тоже въ ходу, но сейчасъ же повѣрилъ и въ нѣсколько пріемовъ переслалъ много пятифунтовыхъ банковыхъ билетовъ. Дѣла самого Симса тогда сильно запутались, но онъ тѣмъ не менѣе посылалъ деньги, не желая, чтобы основанное на томъ свѣтѣ общество погибло за недостаткомъ субсидій. M. L. O. прислала сообщеніе, что необходимы двадцать фунтовъ ст. «Дѣла мои идутъ очень плохо,—отвѣтилъ Симсъ письменно (письмо сохранилось въ копировальной книгѣ и было прочитано на судѣ).—У меня совсѣмъ нѣтъ кліентовъ, а расходы равны 20 ф. ст. въ недѣлю. Мнѣ надо ко вторнику во что бы то ни стало внести моему банкиру 100 ф. ст. Тѣхъ двадцати фунтовъ, которые вы, моя любовь, просите, у меня нѣтъ. Надо платить ренту и налоги». На это «M. L. O.» черезъ г-жу Айзардъ переслала Симсу письмо, въ которомъ говорится между

прочимъ: «Ненаглядный мой Томми! Докторъ К. собирался писать вамъ; но, узнавъ, что я пишу, просилъ передать слѣдующее. Пожалуйста пошлите ему 20 фунтовъ ст. двумя банковыми билетами по 10 ф. ст. Деньги такъ необходимы, что если у васъ ихъ нѣтъ, заложите что-нибудь, но достаньте. Вложите банковые билеты въ конвертъ и передайте медіуму». «Дорогой мой докторъ,—писалъ въ отвѣтъ Симсъ.—По ходячему представленію деньги не нужны по ту сторону Стикса. Оказывается, онѣ не только необходимы, но даже нужны въ большомъ количествѣ. Что же дѣлать? Посылаю вамъ два банковыхъ билета въ пять фунтовъ каждый». Время отъ времени здравый смыслъ Симса возмущался противъ того, что адвокатъ дѣлалъ; но сомнѣніе продолжалось только день или два. Нѣсколько разъ онъ принимался за письмо, въ которомъ протестовалъ противъ обмана, но оно такъ и оставалось неоконченнымъ. Черезъ два дня Симсъ опять посылалъ деньги на тотъ свѣтъ.

Оказалось, что духи не только любятъ деньги, но даже занимаются биржевыми спекуляціями. Въ 1909-мъ году вся Англія была захвачена «каучуковой лихорадкой»: шла отчаянная биржевая игра на акціи разныхъ компаній, владѣющихъ плантаціями резиновыхъ деревьевъ. Кто только имѣлъ какія-нибудь деньги, покупалъ акціи, стремительно поднимавшіяся въ цѣнѣ. Только и слышно было про состоянія, нажитыя въ три-четыре дня. Повидимому, кто-то изъ скончавшихся тогда биржевиковъ перенесъ «каучуковую лихорадку» въ міръ, лежащій «за чертой». «Докторъ К.» прислалъ письмо, въ которомъ сообщалъ, что интересуется биржевыми спекуляціями, а въ особенности, «каучуковыми» дѣлами. Онъ познакомился, этотъ милый докторъ, съ только что прибывшимъ на тотъ свѣтъ, биржевикомъ «W. W.», который сообщилъ много профессіональныхъ секретовъ. Письмо, по обыкновенію, заканчивалось просьбой денегъ. Симсъ отвѣтилъ, что онъ не только весь въ долгу, но растратилъ уже деньги кліентовъ. «Если я не покрою растраты, то моимъ удѣломъ будетъ тюрьма и позоръ». «Докторъ К.», однако, былъ безжалостенъ и настойчиво просилъ денегъ. «Спекуляціи на резину должны дать большую прибыль,—писалъ духъ;—я пришлю вамъ деньги на покрытіе растраты». И въ результатѣ авдвокатъ Симсъ послалъ еще нѣсколько сотъ фунтовъ жаднымъ духамъ. На судѣ выяснилось, почему духи проявляли такую настойчивость: подсудимый литераторъ Айзардъ сильно игралъ на тотализаторѣ и постоянно проигрывалъ. Шестого мая 1911-го года Симсу исполнилось шестьдесятъ лѣтъ, и въ этотъ день онъ получилъ телеграмму съ того свѣта отъ «M. L. O»: «желаю много разъ встрѣчать этотъ день. Пришлите мнѣ два банковыхъ билета по 5 ф. ст. Цѣлую». Черезъ двѣ недѣли

«докторъ К.» матеріализировался и по телеграфу просилъ прислать ему десять ф. ст. банковыми билетами. Симсъ удовлетворилъ эту просьбу. Черезъ нѣсколько дней несчастный авдвокатъ былъ арестованъ по обвиненію въ растратѣ денегъ кліентовъ. Его бумаги были забраны и, послѣ изслѣдованія ихъ, начато было дѣло противъ супруговъ Айзардъ. Крайне любопытны заключительныя слова представителя обвиненія. Онъ теоретически ничего не отрицаетъ: «есть очень много людей, утверждающихъ, что результатомъ симпатій между умами можетъ быть сообщеніе послѣ смерти. Быть можетъ, истинный спиритизмъ существуетъ. Но въ данномъ дѣлѣ мы видимъ, что подъ покровомъ спиритизма происходило простое мошенничество. Подсудимые воспользовались вѣрой Симса въ спиритизмъ и его нѣжной любовью къ женщинѣ, которую онъ потерялъ тому назадъ пять лѣтъ» [1]).

II.

«Только болѣзненное стремленіе къ сверхъестественному, соединенное съ абсолютнымъ невѣжествомъ и нежеланіемъ считаться съ очевидностью, можетъ побудить умственно здоровыхъ людей вѣрить, что если поднимется уголъ таинственнаго и страшнаго покрывала, отдѣляющаго жизнь отъ смерти, то мы увидимъ духовъ, занимающихся верченіемъ столовъ и глупой болтовней»,—говоритъ англійскій соціологъ и антропологъ Сэмюэль Лэнгъ.—Напрасно дѣянія медіумовъ и ихъ махинаціи раскрываются въ полицейскихъ судахъ. Напрасно то, что показываютъ медіумы, продѣлывается профессіональными фокусниками, какъ Маскелинъ и Кукъ, отрицающими какую бы то ни было помощь со стороны духовъ. До сихъ поръ можно найти здѣсь (въ Англіи) безчисленное множество людей, вѣрящихъ въ то, во что невозможно вѣрить, такъ какъ у нихъ есть стремленіе къ чудесному» [2]). Этимъ обусловливается появленіе нелѣпыхъ, но по своему красивыхъ изслѣдованій въ родѣ только что появившагося объемистаго труда Эванса Уэнтца: «The Fairy-Faith in Celtic Countries». Авторъ смѣло выступаетъ въ защиту старыхъ традицій. «Если люди въ теченіе тысячелѣтія вѣрили въ фей и вѣрятъ до сихъ поръ, то эту вѣру нельзя отбросить какъ дѣтскія сказки»,—говоритъ авторъ, проявляющій большую своеобразную эрудицію. Онъ собралъ много «показаній очевидцевъ», наблюдавшихъ чу-

[1]) Отчетъ о дѣлѣ помѣщенъ, между прочимъ, въ *Times* (Spiritualists prosecuted, 29 и 30 Марта, 1 и 2 апрѣля 1912 г.

[2]) «Modern Science and Modern Thought», стр. 232.

десное. Тутъ разсказы крестьянъ (большею частью», ирландцевъ), священниковъ, поэтовъ и даже «дѣловыхъ людей», инженеровъ и адвокатовъ. Значительная часть этого матеріала была помѣщена въ опытахъ Общества психическихъ изслѣдованій (т. е. спиритовъ) и въ журналѣ покойнаго Стэда «Borderland». Въ изслѣдованіи Уэнтца оживаетъ весь старый пантеонъ, съ теченіемъ времени отодвинутый новымъ. И надо отдать ему справедливость: старый кельтскій пантеонъ (въ изложеніи Уэнтца) красивъ и поэтиченъ. Авторъ выставляетъ теоріи въ родѣ слѣдующей: «боги были сперва людьми и нынѣшняя раса со временемъ превратится въ боговъ». Свои теоріи авторъ доказываетъ кельтскими легендами, которыя онъ удивительно мастерски разсказываетъ, и сообщеніями очевидцевъ. Можно ли еще продолжать сомнѣваться въ существованіи чудеснаго послѣ прочтенія такого, напримѣръ, показанія. «Докторъ Дугласъ Хайдъ разсказалъ мнѣ, что, когда ему было одиннадцать лѣтъ, онъ разъ лѣтомъ, рано утромъ, когда всѣ еще спали, увидалъ на росистомъ лугу прекрасную лошадь. Она обскакала поле и обернулась въ женщину, которая побѣжала еще скорѣе, чѣмъ кобылица, и скрылась изъ глазъ». Или вотъ еще показаніе. «Хорошо извѣстный ирландскій художникъ показалъ мнѣ сдѣланные съ натуры рисунки, изображающіе эльфовъ, которыхъ онъ наблюдалъ не разъ въ лунныя ночи на западномъ берегу (Ирландіи)». Дальше оказывается, что эльфовъ надо наблюдать «и физическими, и мистическими глазами».

Но книга «The Fairy-Faith in Celtic Countries» представляетъ собою исключеніе. Обыкновенно міровоззрѣніе каменнаго вѣка, проявляясь въ наше время, пытается воспринять научную форму, для чего облекается въ туманный жаргонъ. Классическимъ примѣромъ является «Christian Science»—религія, созданная для американскихъ милліонеровъ и перенесенная въ Англію, гдѣ она имѣетъ теперь многочисленныхъ послѣдователей среди представителей богатыхъ классовъ.

Мѣсяца три тому назадъ мнѣ пришлось быть на «at home» въ знакомомъ домѣ. Центральной фигурой долженъ былъ быть «вѣролѣчитель», нѣкій мистеръ Wase, имя котораго часто упоминалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда скончался извѣстный художникъ Колинъ Хентеръ. Онъ страдалъ размягченіемъ мозга. Жена и дочь художника, принадлежавшія къ сектѣ Christian Science, пригласили мистера Wase, чтобы онъ полѣчилъ больного молитвами. Художникъ умеръ. Этого самаго мистера Wase я долженъ былъ увидать на «at home». Хозяинъ дома—дѣятельный, очень занятый и должно быть талантливый инженеръ. Въ году у него бываетъ недѣль шесть свободныхъ, и тогда онъ отправляется на югъ Италіи, въ Тунисъ, въ

Тромзе, на Оркнейскіе острова или въ Ирландію, собирать птичьи яйца. Орнитологія—hobby мистера Рида (такъ зовутъ инженера). За нѣсколько лѣтъ онъ собралъ коллекцію въ девять тысячъ яицъ, которою очень гордится. Кромѣ инженернаго дѣла и орнитологіи, мистера Рида рѣшительно ничто не интересуетъ. Онъ даже газетъ никогда не читаетъ. Г-жа Ридъ сильно увлекается Christian Science; она придерживается крайне консервативныхъ взглядовъ и, кромѣ того, суфражистка-милитантка. Она мнѣ все доказываетъ, что послѣднее выступленіе милитантокъ, когда были выбиты стекла во многихъ магазинахъ, совершенно безполезно, что это «дѣтская мѣра».

— Надо нѣчто болѣе рѣшительное!—сказала мнѣ г-жа Ридъ.

— То-есть? Отодвинуть направо!

— Вотъ если бъ убили Ллойдъ-Джорджа, тогда женщинамъ немедленно дали бы права,—отвѣтила мнѣ г-жа Ридъ своимъ обычнымъ, ровнымъ, холоднымъ, безъ всякаго тембра голосомъ. Не могу сказать, ненавидитъ ли г-жа Ридъ Ллойдъ-Джорджа какъ суфражистка - милитантка или какъ тори. Г-жа Ридъ доказывала мнѣ, что всеобщее избирательное право — беззаконіе. Только богатые должны имѣть право попасть въ парламентъ. Люди бѣдны, потому что лѣнивы, слабы, не умны и не приспособлены къ борьбѣ за существованіе. Съ какой же стати такимъ людямъ предоставлять право вершать государственныя дѣла?—допытывалась г-жа Ридъ. Я пришелъ нѣсколько рано, и хозяйка, занимая меня, разсказывала мнѣ про мистера Wase.

— О, это удивительный человѣкъ,—начала она.—Родомъ онъ изъ Индіи, хотя онъ англичанинъ, а не «бабу» (т. е. индусъ-интеллигентъ). Въ Индіи онъ пріобрѣлъ отъ факировъ таинственную силу, которая помогаетъ ему, когда онъ лѣчитъ молитвами. Между Christian Scientists нѣтъ другого такого какъ онъ. Онъ дѣлаетъ чудеса. Знаете, онъ былъ въ южной Африкѣ во время англо-бурской войны. Одному солдату раздробило колѣнную чашку осколкомъ ядра. Хирурги извлекли всѣ кусочки кости изъ раны, и солдатъ лежалъ безъ движенія въ постели. Является мистеръ Wase, прочитываетъ молитву и говоритъ больному: «ступайте»! И солдатъ всталъ и пошелъ даже безъ костылей.

Все это сообщается мнѣ однозвучнымъ, какъ будто соннымъ голосомъ. Я смотрю въ глаза г-жѣ Ридъ и вижу передъ собою два тускло-голубые, непроницаемые глетчера. Быть можетъ въ бездонной глубинѣ этихъ ледниковъ таится сильная вѣра; быть можетъ, только мутность ихъ мѣшаетъ замѣтить, что «ледъ» не толще вершка и что подъ нимъ ничего нѣтъ. Вошла очень пожилая дама, вся въ черномъ, одѣтая по модѣ пятидесятыхъ годовъ. Только въ Англіи

можно встрѣтить такіе типы. Дамѣ этой восемьдесятъ шесть лѣтъ, но она всѣмъ интересуется и читаетъ каждый выдающійся романъ. Услыхавъ, что рѣчь идетъ о мистерѣ Wase, г-жа Фультонъ—такъ зовутъ старую даму,—сочла надобнымъ тоже прибавить кое-что.

— Я очень хорошо знала художника Колина Хентера. Мистеръ Wase раньше лѣчилъ и вылѣчилъ его молитвами отъ грудной жабы и ревматической подагры.

— Мистеръ Колина Хентеръ потомъ умеръ, хотя его лѣчилъ мистеръ Wase?—вставилъ я.

— О, это ничего не доказываетъ. Мистеръ Wase вылѣчилъ многихъ отъ брайтовой болѣзни, печеночныхъ камней, аппендицита, паралича, не знаю еще отъ чего.

Стали собираться гости. И каждый изъ нихъ зналъ какой-нибудь фактъ, свидѣтельствующій о замѣчательныхъ дѣйствіяхъ Christian Science.

— Только при *христіанской наукѣ* я излѣчила мой бѣшеный характеръ,—сообщила одна дама.—Мнѣ потребовалось на это шесть мѣсяцевъ.

— Когда я убѣдилъ себя, что мое существо совершенно, и что чистый разумъ не мѣшаетъ дѣлать ошибки, я не только пересталъ болѣть, но ни разу не пропустилъ больше ни одного поѣзда, что часто случалось со мною раньше,—сказалъ пожилой джентельменъ.

Въ залѣ заволновались: явился мистеръ Wase. Въ его лицѣ меня прежде всего поразилъ ротъ съ тонкими губами, которыя какъ-то особенно извивались, когда мистеръ Wase говорилъ. Тогда казалось, что на лицѣ его быстро корчатся два тонкихъ красныхъ червяка. Черезъ пять минутъ мистеръ Wase читалъ уже свой докладъ о *христіанской наукѣ*.

III.

На свѣтѣ нѣтъ ничего такого, въ существованіи чего мы были бы твердо увѣрены. Правда, въ ежедневной жизни мы наталкиваемся постоянно на факты, будто бы опровергающіе это утвержденіе,—сказалъ мистеръ Wase;—но сколько-нибудь внимательный анализъ приведетъ насъ къ неожиданнымъ выводамъ. Возьмемъ, напримѣръ, этотъ столъ. Можемъ ли мы узнать его! Вопросъ кажется даже смѣшнымъ, но только на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый скажетъ, что этотъ столъ продолговатый, темно-красный, блестящій, на ощупь гладкій, холодный и твердый. Но чуть только мы приступимъ къ анализу, наша увѣренность исчезаетъ.

Я говорю: «столешница формой напоминаетъ прямоугольникъ»; но если я смотрю на нее отсюда, она кажется мнѣ не прямоугольникомъ, а вытянутымъ ромбомъ. Цвѣтъ стола темнокрасный. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ свѣтъ падаетъ сильнѣе, цвѣтъ стола иной. Если я наведу рефлекторъ, то цвѣтъ получится опять другой. Каждый изъ васъ, смотря на этотъ столъ съ разныхъ сторонъ, видитъ иное распредѣленіе оттѣнковъ. Для художника это обстоятельство крайне важно; ему вѣдь надо узнать, какой цвѣтъ въ *дѣйствительности* имѣетъ предметъ. Такимъ образомъ, чуть только мы приступили къ анализу самаго простого явленія, какъ сразу убѣдились, что кажущееся,—не то самое, что «бытіе». Мы убѣдились, что цвѣтъ не есть нѣчто, присущее столу. Дальнѣйшее изслѣдованіе убѣдитъ насъ, что разныя ощущенія не открываютъ намъ никакихъ прямыхъ *свойствъ* стола. И тогда возникаетъ вопросъ: да существуетъ ли самый столъ въ дѣйствительности? Не имѣемъ ли мы дѣло только съ однимъ *представленіемъ* о столѣ? Не есть ли весь внѣшній міръ тоже только представленіе? Первый въ Англіи утвердительно рѣшилъ этотъ вопросъ епископъ Беркли, жившій въ XVIII вѣкѣ. Взглядъ этотъ выраженъ въ книгѣ «Three Dialogues between Hylas and Philonous». Дѣйствительно существуетъ только разумъ, который есть ничто иное, какъ Богъ. Такимъ образомъ, дѣйствительность—это *идея*, родившаяся въ разумѣ. Дѣйствительность существуетъ только въ представленіи Бога. Существуетъ только одинъ Разумъ, одинъ Богъ, одинъ Христосъ и никто кромѣ Разума. Матерія—это заблужденіе, ошибка, которая можетъ быть исправлена только истиннымъ познаніемъ Бога и Христа, т. е. *Christian Science.* Если не существуетъ матеріи, то страхъ, горе, страданіе, несчастья и болѣзни въ дѣйствительности тоже не существуютъ. Есть только ошибочное *представленіе*, которое можетъ быть разсѣяно обращеніемъ къ чистому Разуму, т. е. къ Богу.

Я обернулся, чтобы взглянуть, какъ реагируетъ публика на этотъ примитивный идеализмъ. И я увидалъ внимательныя лица и горящіе глаза. Прямо передо мною дама съ молодымъ и красивымъ лицомъ, но совершенно сѣдыми волосами. Ея глаза еще свѣтятся, а все еще свѣжія губы шепчутъ: «страха, горя и страданія нѣтъ, такъ какъ нѣтъ матеріи». Я началъ понимать причину успѣха *Christian Science.* У одного изъ самыхъ талантливыхъ современныхъ англійскихъ романистовъ, Голсуорти (Galsworthy), есть замѣчательный разсказъ, изображающій существованіе богатой пары, думающей только о самосохраненіи, о томъ, чтобы продолжить возможно дольше никому ненужную, сѣрую, скучную жизнь. Мужъ и жена устранили изъ своей жизни всѣ волненія, какъ вредныя. Извѣстная часть обще-

ства живетъ, какъ эта пара. Она страшится страстей и не смотритъ больше на жизнь, какъ на серію интересныхъ опытовъ и приключеній. Эта часть общества ищетъ покоя, уравновѣшенности и жадно цѣпляется за жизнь. Сѣрое «комфортабельное» прозябаніе отравлено только безумнымъ страхомъ смерти и боязнью болѣзней и страданій. И вотъ, является *Christian Science* съ ея примитивнымъ идеализмомъ, съ ея малопонятной, таинственной и привлекательной терминологіей. «Нѣтъ страха, нѣтъ страданій, нѣтъ болѣзней»,—говоритъ эта «наука». Болѣзни не можетъ быть, потому что тѣло не существуетъ. Это—религія людей, которымъ все въ жизни далось даромъ. Сорокъ процентовъ прихожанъ первой Christian Science Church въ Лондонѣ принадлежитъ къ высшей аристократіи. Тутъ все герцоги, маркизы, графы и бароны. Остальные прихожане хотя не имѣютъ титуловъ, но люди не только обезпеченные, а богатые.

Г-жа Ридъ, видя во мнѣ, по всей вѣроятности, будущаго прозелита, прислала мнѣ цѣлый тючекъ книгъ и брошюръ, изданныхъ на англійскомъ и французскомъ языкахъ сектой *Christian Science*. Кромѣ того, секта издаетъ двѣ газеты (обѣ въ Бостонѣ): *Christian Science Sentinel* и *The Christian Science Monitor*. Въ томъ нумерѣ послѣдней газеты, воторый у меня въ рукахъ—шестнадцать страницъ. Издается она по обычному типу американскихъ газетъ. Повидимому, секта располагаетъ безграничными средствами. «Христіанская наука,—читаю я въ одной изъ присланныхъ мнѣ брошюръ,—признаетъ своимъ катехизисомъ книгу «Наука и здоровье съ ключемъ къ Писанію» [1]), написанную Мэри Бэкеръ Эдди въ 1875-мъ году. Женщина, написавшая эту книгу, дала нашей эпохѣ дѣйствительное представленіе о Богѣ. Г-жа Эдди революціонизировала наше прежнее представленіе о христіанствѣ, сдѣлавъ его изъ теоретическаго ученія практическимъ. Средневѣковое представленіе о христіанствѣ, какъ объ ученіи, долженствующемъ спасти грядущій міръ, замѣнилось примитивнымъ христіанствомъ, открывавшимъ Божью благодать въ исцѣленіи и спасеніи людей на землѣ. Г-жа Эдди сама испробовала лѣченіе вѣрой въ 1866-мъ году. Она пожелала потомъ открыть *науку* исцѣленія, чтобы просвѣтить умы. Ея книга, содержащая болѣе восьмисотъ цитатъ изъ священнаго писанія, показываетъ, насколько глубоко изучила г-жа Эдди Библію, желая построить свою доктрину на научномъ фундаментѣ... Тѣ лица, которыхъ г-жа Эдди освободила отъ страданій и страха, имѣютъ такое же основаніе радоваться и ликовать, какъ освобожденные изъ Вавилонскаго плѣна». Мы узнаемъ, дальше, что г-жа Эдди дала міру «практическое христіан-

[1]) «Science and Health With Key to the Scriptures».

ство». «Она совершенно изгнала уставъ, — читаемъ мы въ книгѣ, изданной послѣ смерти пророчицы [1]). — Больше всего человѣчество обязано ей тѣмъ, что она научила не бояться страха (not to be afraid of fear). Сколько-нибудь наблюдательный человѣкъ легко замѣтитъ, что теперь люди прямо раздавлены подъ бременемъ страха. Дѣятельность ихъ наполовину сводится къ предохранительнымъ мѣрамъ противъ страха. Люди страшатся болѣзней, смерти, горя, нужды, жестокости, проявляемой человѣкомъ къ человѣку. И среди этой обезумленной страхомъ толпы, лозунгомъ которой служитъ *sauve qui peut*, является женщина, кротко говорящая: «не бойтесь! страхъ—только одно представленіе!». Въ книжкѣ «Великія блага» «*докторъ* Christian Science» Эдуардъ Кимболль (ученая степень дана, конечно, не университетомъ) излагается сущность великаго открытія, сдѣланнаго Эдди. «Она открыла, что божественная и вѣчная субстанція заключается въ духѣ, т. е. въ разумѣ, а не въ матеріи». «Базисъ открытія—вполнѣ научный»,— утверждаетъ «баккалавръ христіанской науки» Биколлъ Янгъ. «Обыкновенно думаютъ, что система, предложенная Эдди, не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ методомъ... Однако внимательное изслѣдованіе вполнѣ убѣдитъ насъ, что все испытываемое человѣкомъ, какъ хорошее, такъ и дурное, является результатомъ мысли. Оглянемся на все то, что происходитъ кругомъ. Вотъ фермеръ, который удобряетъ землю, пашетъ, сѣетъ, жнетъ и продаетъ урожай. *Онъ только осуществляетъ свою мысль.* Дома, города, желѣзныя дороги являются только осуществленіемъ мысли. Книги, какъ возвышенныя, такъ и вульгарныя, вся проза, вся поэзія—все это создано мыслью. Музыка, которую мы любимъ, инструменты, на которыхъ она исполняется, самый совершенный изъ всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ — человѣческій голосъ — все это проявленіе мысли». Все это «открыла» Эдди и пришла къ выводу, что «Богъ, это — разумъ, а слѣдовательно, разумъ, это — Богъ». Отсюда выводъ: не только болѣзнь, страхъ и смерть только «представленія», но также и грѣхъ. «О, вы, изнемогающіе подъ бременемъ жизни, придавленные къ землѣ, съ трудомъ ползущіе по каменистой дорогѣ. Ободритесь теперь! Отдохните. Прислушайтесь къ пѣнію ангеловъ!» [2]). Г-жа Эдди ввела не только «научный методъ», но и «научную терминологію», объясняетъ Фредерикъ Диксонъ, авторъ книжки «Causation». И только люди, умъ которыхъ со-

---

[1]) «The Life and Work of Mary Baker Eddy», стр. 4.

[2]) *Bicknell Joung*, «Christian Science. Son Principe et sa Méthode», стр. 7—32.

вершенно лишенъ «научнаго склада», могутъ находить терминологію Эдди туманной и неясной. «Основательницу *христіанской науки* обвиняютъ въ мистицизмѣ; но развѣ такое же обвиненіе не выставлялось когда-то противъ *Откровенія*»?—спрашиваетъ Фредерикъ Диксонъ. О мистицизмѣ апост. Іоанна говорятъ теперь только люди, неспособные измѣрить всю глубину *Откровенія*. По той же причинѣ поверхностные критики находятъ «туманными» термины, которыми пользуется г-жа Эдди. Великіе умы, посвятившіе себя изученію *Откровенія*, все болѣе и болѣе приходятъ къ выводу, что Іоаннъ, по существу, былъ писатель ученый (a scientific writer), создавшій свой собственный словарь терминовъ. Докторъ Весткотъ, напр., показалъ, какимъ образомъ, употребляя особымъ образомъ опредѣленный членъ, Іоаннъ самымъ точнымъ образомъ отдѣляетъ абсолютное отъ относительнаго. Профессоръ Дейсманъ объяснилъ, какимъ образомъ, пользуясь двумя глаголами, Іоаннъ различаетъ человѣческую, т. е. плотскую любовь отъ духовной, мистической. Докторъ Абботъ выясняетъ, какимъ образомъ, пользуясь оттѣнками словъ, Іоаннъ различаетъ то, что можно видѣть глазомъ, отъ того, что созерцается только духовно. Г-жа Эдди дѣлаетъ то же самое. Ничего мистическаго нѣтъ въ ея писаніяхъ. Это только научное пользованіе словами, необходимое для углубленія текста» [1]).

Вопроса объ особой терминологіи касается также упомянутый уже докторъ христіанской науки Кимболъ въ другой своей книгѣ: «Вопросы и отвѣты». Почему ученые, посвятившіе себя христіанской наукѣ, употребляютъ слова, такъ сильно отличающіяся отъ обыкновеннаго англійскаго языка?»—спрашиваетъ «докторъ». «Но дѣло въ томъ, что ученые не употребляютъ особыхъ словъ. Загляните въ словарь, и вы найдете тамъ, что каждое слово имѣетъ десятокъ различныхъ значеній. Ученые, посвятившіе себя христіанской наукѣ, только углубляютъ вульгарный смыслъ словъ. Обыкновенный англійскій языкъ слишкомъ грубъ, чтобы передавать метафизическія мысли» [2]). Проще было бы сказать, что непонятныя слова придаютъ большую таинственность и привлекательность обыкновеннымъ мыслямъ. Безпрерывнымъ повтореніемъ словъ «ученый», «наука», «научный» достигается то, что мысли каменнаго вѣка облекаются въ новую, пріемлемую форму.

Постараюсь теперь подвести кое-какіе итоги всѣмъ этимъ замѣткамъ. Въ геніальной книгѣ, представляющей отходную старому міру, А. И. Герценъ ставитъ вопросъ: что лучше, блаженство

[1]) «Causation», стр. 11.

[2]) «Answers to Questions», стр. 23.

безумія или несчастье знанія? «Одно чрезвычайно прочно, потому что отнимаетъ все. Другое ничѣмъ не обезпечено, за то многое даетъ,—говоритъ Герценъ.—Я избираю знаніе, и пусть оно лишитъ меня послѣднихъ утѣшеній, я пойду нравственнымъ нищимъ по бѣлому свѣту, но съ корнемъ вонъ дѣтскія надежды, отроческія упованія!—Всѣхъ ихъ подъ судъ неподкупнаго разума. Внутри человѣка есть постоянный революціонный трибуналъ, есть безпощадный Фукье-Тенвилъ и, главное, есть гильотина. И когда судья засыпаетъ, гильотина ржавѣетъ, ложное, прошедшее, романтическое, слабое поднимаетъ голову, обживается, и вдругъ какой-нибудь дикій ударъ будитъ оплошный судъ, дремлющаго палача, и тогда начинается свирѣпая расправа—малѣйшая уступка, пощада, сожалѣніе, ведутъ къ прошедшему, оставляютъ цѣпи». («Съ того берега»). Такъ разсуждаетъ и только такъ долженъ разсуждать человѣкъ, умѣющій думать, homo sapiens, законный потомокъ Прометея; но онъ является исключеніемъ въ современномъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, будь тезисъ Декарта: «Cogito—ergo sum» вѣренъ, то большинство людей не существовало бы, потому что оно не думаетъ. Общій типъ—это homo primigenius, приспособившійся къ высшей культурѣ, умѣющій пользоваться телефономъ, автомобилемъ и телеграфомъ, но міровоззрѣніе котораго или совсѣмъ не измѣнилось, или облеклось въ новую терминологію. «Homo sapiens» гордо говоритъ: «Разумъ безпощаденъ какъ конвентъ, нелицепріятенъ и строгъ, онъ ни на чемъ не останавливается и требуетъ на скамью подсудимыхъ самое верховное бытіе; для добраго короля теологіи настаетъ 21 января... Возмужалая логика ненавидитъ канонизированныя истины, она ихъ разстригаетъ изъ ангельскаго чина въ людской, она изъ священнаго таинства дѣлаетъ явныя истины, она ничего не считаетъ неприкосновеннымъ» (А. И. Герценъ). Homo primigenius, страдающій страшными головокруженіями при приближеніи даже къ подошвѣ той вершины, на которой живетъ Истина, говоритъ: «Мы больше обязаны нашимъ заблужденіямъ и иллюзіямъ, чѣмъ знанію. Заблужденіе, обладающее вообще созидательными свойствами, вѣроятно болѣе содѣйствуетъ нашему счастью, чѣмъ разумъ, который по существу своему аналитиченъ и разрушителенъ. Въ черные часы страданья и несчастья грубый амулетъ, прижимаемый дикаремъ къ груди, можетъ дать неизмѣримо большее утѣшенія, чѣмъ величайшія философскія теоріи. Сердце стремится къ тому, чтобы найти какую-нибудь опору. Счастье обусловливается ощущеніемъ, а не окружающими условіями. Для рядового ума (to common mind) самое главное,—устраненіе мучительныхъ сомнѣній. Система вѣрованій можетъ быть сама по себѣ ложна, ненаучна, реакціонна но она, тѣмъ не менѣе, приноситъ большинству счастье, ибо

даетъ людямъ утѣшеніе въ страданіи и, какъ они полагаютъ, ключъ къ пониманію вселенной. Заблужденіе поддерживаетъ трепещущій духъ этихъ людей при приближеніи къ смерти» [1]). Увы! Проклятіе, тяготѣющее надъ человѣческимъ родомъ, заключается въ томъ, что далеко не всѣ могутъ вмѣстить истину. И мнѣ припоминается восточная сказка. Разъ когда-то персидскій шахъ заболѣлъ тяжелой, отвратительной и никому неизвѣстной болѣзнью. Мѣстные врачи ничѣмъ не могли помочь. И вотъ, явился знаменитый греческій врачъ. Осмотрѣвъ шаха, онъ сказалъ, что для этой болѣзни есть только одно лѣкарство: желчный пузырь человѣка, совершенно похожаго какъ лицомъ, такъ и характеромъ, на шаха. И такого человѣка нашли: то былъ сынъ рыбака изъ Бендеръ-Абаса. Шахъ призвалъ родителей молодого человѣка, осыпалъ ихъ золотомъ и купилъ согласіе ихъ на то, чтобы убить ихъ сына. Затѣмъ призвали судью, который приговорилъ молодого человѣка къ смерти на томъ основаніи, что «вполнѣ законно пролить кровь подданнаго для возстановленія здоровья властелина». И тутъ же осужденнаго поставили на колѣни, и палачъ занесъ свой мечъ. Юноша въ послѣдній разъ взглянулъ на темносинее, ликующее небо и улыбнулся.

— Почему ты улыбаешься, когда тебѣ сейчасъ отрубятъ голову?—спросилъ шахъ.

— Дѣти ждутъ отъ родителей любви,—отвѣтилъ осужденный,—отъ судьи справедливости и отъ шаховъ милосердія. Родители продали меня за деньги, судья неправедный присудилъ меня къ смерти, шахъ желаетъ моею жизнью пріобрѣсть исцѣленіе. У меня теперь осталась послѣдняя, но вѣрная надежда —Аллахъ. У него я найду справедливость и милосердіе, которыхъ не нашелъ у тебя.

Рядомъ стоялъ великій вольнодумецъ, мудрецъ и поэтъ Омаръ-Хаямъ и пылкій ученикъ его Абу-Навасъ. И раскрылъ уста молодой Абу-Навасъ, чтобы повѣдать ту великую и страшную истину, которую зналъ; но мудрецъ Омаръ-Хаямъ остановилъ своего ученика. Слово истины не было произнесено. И голова осужденнаго покатилась отъ удара меча. Молодой рыбакъ умеръ счастливый, потому что не зналъ...

Исторія человѣчества это—борьба homo sapiens и primigenius. Одному дорого знаніе, какъ бы страшно оно ни было; другой счастливъ заблужденіемъ. Но иногда даже у «homo sapiens», въ моменты отчаянія, вырывается вопль въ родѣ слѣдующаго:

«Nur der Irrthum ist das Leben
Und das Wissen ist der Tod!»

[1]) William Lecky, «History of European Morals», стр. 23.

Глубокая жалость къ робкому, безпомощному «пещерному человѣку» заставляетъ щадить его заблужденіе. Только тогда, когда торжествующій homo primigenius пытается ввести въ общество не только *міровоззрѣніе*, но и жестокіе *нравы* каменнаго вѣка, онъ становится опаснымъ врагомъ. Тогда общество превращается въ адъ, и необходимы дружныя усилія всѣхъ сколько-нибудь дѣйствительно культурныхъ людей для борьбы съ разсвирѣпѣвшимъ homo primigenius.

Діонео.

СТРАНИЧКА ИЗЪ РУССКОЙ АГРАРНОЙ ИСТОРІИ.

Наше сельское хозяйство вообще и крестьянское въ особенности переживаетъ въ настоящее время періодъ коренной ломки, производимой одновременно и *сверху*—путемъ законодательной реформы и всякаго рода сверхъ-законныхъ воздѣйствій, и *снизу*—въ силу естественной эволюціи, создавшей къ началу XX вѣка, въ большинствѣ районовъ Европейской Россіи, необходимость разстаться съ традиціонной «трехполкой» и искать новыхъ дорогъ въ сферѣ интенсивной агрикультуры.

Въ настоящій моментъ, конечно, немыслимъ учетъ результатовъ происходящаго аграрнаго переворота; но что результаты эти будутъ имѣть огромное значеніе не только для экономической, но и для политической жизни Россіи—въ этомъ не сомнѣвается никто. Поэтому новѣйшія фактическія данныя, освѣщающія ту или иную сторону современнаго положенія земледѣльческой Россіи, представляютъ интересъ не только для спеціалистовъ, но и для широкихъ слоевъ интеллигенціи. Мы рѣшаемся, поэтому, предложить вниманію читателей краткое изложеніе только что опубликованныхъ результатовъ третьей подворно-хозяйственной земской переписи Полтавской губерніи 1910 г., въ связи съ анализомъ данныхъ двухъ предыдущихъ переписей (1882—9 и 1900 гг.) и съ основными фактами старинной «Румянцевской описи», составленной въ Полтавской губерніи въ 1767-мъ году. Богатый фактическій матеріалъ позволяетъ бросить ретроспективный взглядъ на полуторавѣковую

аграрную исторію Полтавской губерніи, начиная со второй половины XVIII вѣка и кончая новѣйшимъ по-революціоннымъ періодомъ. Только въ исторической перспективѣ можно вполнѣ уяснить себѣ все значеніе переживаемаго нынѣ момента.

На всемъ протяженіи аграрной исторіи на сельско-хозяйственную эволюцію оказываютъ вліяніе двоякаго рода факторы: 1) *политическіе*—въ прежнее время захватъ земли правящими классами, потомъ стремленіе затормазить паденіе крупнаго замлевладѣнія, а теперь тенденція къ выдѣленію изъ массы трудовыхъ земледѣльцевъ слоя мелкой буржуазіи; 2) *экономическіе* (ростъ населенія, его потребностей и культуры, вліяніе рынка, измѣненія въ естественомъ плодородіи почвы), побуждающіе населеніе къ смѣнѣ формъ хозяйства, системъ полеводства и техническихъ пріемовъ земледѣлія. Экономическіе факторы, какъ и политическіе, создаютъ извѣстную перетасовку въ распредѣленіи земли и другихъ средствъ производства между различными классами и слоями хозяйствъ, занятыхъ въ производствѣ; та или иная ихъ комбинація можетъ привести къ *концентраціи* земли въ немногихъ рукахъ или, наоборотъ, къ *дробленію* ея между возрастающимъ числомъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Между трудовымъ и капиталистическимъ классами, между слоями различной хозяйственной силы внутри каждаго класса идетъ постоянная борьба, «борьба за землю», въ которой, въ конечномъ счетѣ, одерживаютъ верхъ группы, наиболѣе приспособленныя къ данному уровню хозяйственнаго развитія. Историческій анализъ даетъ возможность точнѣе опредѣлить силу каждаго изъ взаимодѣйствующихъ факторовъ и удерживаетъ отъ поспѣшныхъ и преувеличенныхъ выводовъ при разсмотрѣніи современнаго положенія вещей.

Полтавская губернія, какъ и бо̀льшая часть Малороссіи, въ сравнительно короткій, двухвѣковой періодъ, пережила ту эволюцію землевладѣнія и, отчасти, хозяйства, которую Европа проходила въ теченіе тысячелѣтій. Когда козацкое «товариство» освободило Малую Россію отъ ярма «лядскаго», крупные польскіе землевладѣльцы были изгнаны и вся земля объявлена нераздѣльной войсковой собственностью. Затѣмъ она была подѣлена по полкамъ, въ полкахъ—по сотнямъ, въ сотняхъ—по мѣстечкамъ, селамъ, деревнямъ и хуторамъ. Въ такой же точно постепенности дѣлилась завоеванная территорія у древне-германскихъ племенъ.

Когда сотенныя «вольницы»—эти общины-волости—стали распадаться на селенныя, начался новый періодъ: «займанщины», т. е. вольнаго захвата земель въ постоянное индивидуальное пользованіе, отвердѣвшее вскорѣ въ частную собственность. Въ степной Украйнѣ

полковникъ могъ занять такое пространство, какое съ одного мѣста окинетъ окомъ, сотникъ—сколько въ день обойдетъ, а простой козакъ—сколько въ день опашетъ сохою. Займанщина и захватъ политической власти козацкой «старшиной« (старшими чинами) привели очень быстро къ соціальной дифференціаціи. Къ началу XVIII-го вѣка бо́льшая половина земли оказалась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ-«державцевъ», меньшая—въ рукахъ рядовыхъ козаковъ, а третій классъ—крестьяне—были почти совсѣмъ обезземелены и закрѣпощены. Екатерина II юридически оформила существовавшее въ дѣйствительности крѣпостное право.

Румянцевская опись застаетъ Малороссію какъ разъ въ моментъ этой дифференціаціи. По Полтавской губерніи до сихъ поръ разработаны только данныя 4 козацкихъ сотенъ (21 поселка) Золотоношскаго уѣзда и 13 крестьянскихъ волостей Полтавскаго уѣзда [1]). Свѣдѣній о положеніи крупнаго землевладѣнія не имѣется.

Козаки, имѣвшіе свою землю и нѣкоторыя права, были значительно зажиточнѣе безправныхъ крестьянъ. Къ настоящему времени, какъ показываютъ нижеслѣдующія данныя, эта разница между двумя категоріями трудового земледѣльческаго населенія сгладилась, въ особенности по отношенію къ пахотной землѣ.

На 100 наличныхъ душъ было:

		у козаковъ.	У крестьянъ.	У козаковъ больше, чѣмъ у крестьянъ въ % %.
Пашни съ переложнымъ	1767 г.	222	71	215
сѣнокосомъ.	1885 и 1900 г.	89	53	68
Крупнаго	1767 г.	84	52	62
скота (головъ)	1885 и 1900 г.	41	27	52

Приростъ козачьяго населенія былъ сильнѣе: крестьяне чаще уходили искать въ другихъ мѣстахъ лучшей доли. Разница въ приростѣ за 120—130 лѣтъ сократила имущественныя различія обоихъ сословій.

Внутри каждаго сословія во второй половинѣ XVIII вѣка су-

---

[1]) Матеріалы по Золотоношскому уѣзду впервые опубликованы, въ сыромъ видѣ, проф. Лучицкимъ. Они подвергнуты детальной разработкѣ г. Рклицкимъ. (см. «Статистич. Ежегод. Полт. губ.» на 1909 г.). Данныя Полтавскаго уѣзда обработалъ г. Мякотинъ, въ статьѣ «Крестьянское землевладѣніе въ Полт. у. 1767 г.», (Сборн. въ пользу недост. студентовъ у-та св. Владимира), но безъ сравненія съ современными, которое произведено нами.

ществовала не меньшая, если не большая разслоенность, чѣмъ въ настоящее время.

А. Группировка по рабочему скоту.

Козаки (% дворовъ).

	Безъ раб. скота	Съ 1 лош.	Съ 1—5 гол. воловъ.	6 и болѣе воловъ.
1767 г.	13,6	6,6	59,0	20,8
		Съ 1 гол. раб. скота.	2—6 гол. раб. скота.	7 и болѣе гол. раб. скота.
1885 г.	35,9	8,5	52,1	3,5

Б. Группировка по пахотной землѣ.

Козаки.

	Беззем. и безпах.	До 3 дес.	3—9 д.	9 — 50 д.	Свыше 50 дес.
1767 г. (% семей).	8	9	31	51	1,0
1900 г. (% дворовъ).	22	29	33	15,5	0,5

Крестьяне (% дворовъ).

	Безпах.	До 3 дес.	3—9 дес.	9—20 д.	Свыше 20 д.
1767 г.	53,6	15,3	22,9	6,7	1,5
1885 г.	31,4	26,0	38,3	3,4	0,9

При сравненіи группировокъ по пашнѣ у козаковъ г. Рклицкій, сопоставилъ не совсѣмъ соизмѣримыя величины—въ 1767 г. семью, а въ 1900 г. дворъ-хозяйство, вслѣдствіе чего разслоенность козаковъ въ эпоху Румянцевской описи получилась меньшая, чѣмъ она была въ дѣйствительности [1]). Но, какъ бы то ни было, несомнѣнно,

[1]) Такой пріемъ г. Рклицкій мотивировалъ тѣмъ, что дворы-хозяйства въ эпоху Румянцевской описи были многосемейнѣе нынѣшнихъ и представляли иногда родовыя группы изъ 5—10 семей. Это вѣрно, но вѣрно и то, что и теперь, чѣмъ крупнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе въ немъ наличныхъ душъ, т. е. крупныя хозяйства и нынѣ, въ большинствѣ, многосемейны. Такимъ образомъ, авторъ перегнулъ палку въ другую сторону—слишкомъ подравнялъ своимъ пріемомъ разслоенность козаковъ въ XVIII вѣкѣ. Если же взять и для Румянцевской описи группировку по дворамъ и

что со времени Румянцевской описи въ распредѣленіи земли и скота среди трудовыхъ классовъ Полтавской губерніи произошелъ весьма замѣтный процессъ *дробленія*, а если взять группировку по дворамъ, то и *нивеллировки*.

Процессъ дробленія является характернымъ и для крупнаго, «привилегированнаго», по терминологіи полтавскихъ статистиковъ, землевладѣнія. Насколько позволяютъ прослѣдить статистическія данныя, дробленіе крупныхъ помѣстій началось еще при крѣпостномъ правѣ.

На 100 душъ крѣпостныхъ приходилось у помѣщиковъ.

	Владѣющ. до 100 дес.	100—500	Свыше 500.
Въ 1835 г.	29,6	33,3	37,1
» 1858 г.	30,6	38,6	30,8

Дробленіе и демократизація частнаго землевладѣнія, послѣ паденія крѣпостного права и по настоящій моментъ, идетъ въ возрастающей прогрессіи. За 40 лѣтъ (съ 1863 по 1902 г.) дворяне Полтавской губерніи потеряли 901 тыс. десятинъ, изъ которыхъ купцы пріобрѣли 89 тыс., козаки и крестьяне—671 тыс., мѣщане и проч.—138 тыс. По размѣрамъ частное землевладѣніе измѣнилось такъ:

Число десятинъ (въ тысячахъ).

	У влад. до 50 дес.	50—200.	200—500.	500—1000.	Сверхъ 1000.
Въ 1877 г.	238,0	322,8	320,3	273,4	867,3
Въ 1905 г.	407,6	367,1	294,0	245,1	577,9
Измѣненіе площади въ % % (+ или —)	+ 71,3	— 13,7	— 8,2	— 10,4	— 33,9

Такимъ образомъ, концентрація землевладѣнія и хозяйства, смѣнившая ко второй половинѣ XVIII-го вѣка соціальное равенство всѣхъ членовъ «товарищества» козацкаго, переходитъ въ XIX вѣкѣ въ обратный процессъ дробленія и нивеллировки: «непривилегированныя» сословія трудовыхъ земледѣльцевъ отвоевываютъ землю, захваченную «державцами» въ періодъ господства вольной «займанщины» и грубаго политическаго насилія и произвола. Внутри трудо-

---

прибавить къ 201 безпахотному двору подсусѣдковъ (385 душъ), которыхъ г. Рклицкій исключаетъ, то, во I-хъ, окажется, что пролетаріата въ XVIII вѣкѣ было больше нынѣшняго, во 2-хъ—что тогдашніе «капиталисты» — дворы съ 37,5 и бол. десятинъ,—сосредоточивали въ своихъ рукахъ 57 % пашни (См. «Стат. Ежегодн. Полт. губ. земства на 1909 г.», стр. 165).

выхъ классовъ крупныя хозяйства дробятся на среднія, среднія—на мелкія.

Этотъ вторичный періодъ аграрной исторіи происходитъ на фонѣ сильно трансформирующихся системъ хозяйства и полеводства. Въ эпоху Румянцевской описи, въ особенности у козаковъ, экстенсивное пастбищное скотоводство еще преобладало надъ земледѣліемъ, а въ земледѣліи царила переложная система: изъ 100 дес. пашни подъ посѣвомъ было всего 31—болѣе двухъ третей лежало подъ залежными сѣнокосами и пастбищами. Пастбищное скотоводство требуетъ гораздо большей территоріи, чѣмъ зерновое хозяйство: между тѣмъ, половина всего скота сосредоточивалась въ рукахъ пятой части козачьихъ дворовъ. При всеобщей займанщинѣ эти дворы, чтобы содержать свой скотъ, должны были захватывать наибольшія доли свободныхъ земель; иначе говоря, концентрація землевладѣнія въ рукахъ верхнихъ слоевъ у «непривилегированныхъ» сословій вызывалась экономическимъ факторомъ—тогдашней системой хозяйства, тогда какъ концентрація земли у «державцевъ» больше всего зависѣла отъ политическихъ факторовъ.

Со времени Румянцевской описи, за 120 лѣтъ, скотоводство у крестьянъ и козаковъ сократилось не только относительно, но и абсолютно.

Число головъ (въ тысячахъ) у крестьянъ и козаковъ.

	Раб. лош.	Воловъ.	Коровъ.	Овецъ и козъ.
1767 г.	5,4	12,3	11,5	73,2
1885 г.	4,2	6,6	9,7	36,8
Убыль въ %	22,2	46,3	15,6	49,7

Больше всего убыли волы и овцы — почти вдвое: это тѣ виды скота, которые при экстенсивномъ хозяйствѣ требуютъ наибольшаго количества пастбищъ. Пастбища пошли подъ распашку, переложные сѣнокосы исчезли: въ 1767 г. у козаковъ подъ посѣвами было 9,4 тыс. десятинъ, въ 1885 г.—18,7 тыс.; у крестьянъ пашни (безъ переложныхъ сѣнокосовъ) было 12,3 тыс. и 21,6 тыс. Посѣвы и пашня возросли не только абсолютно, но даже сравнительно съ населеніемъ.

На наличность душъ приходилось десятинъ посѣва и пашни:

	У козаковъ (дес. посѣва)	У крестьянъ (дес. пашни)
1767 г.	68	46
1885 г.	73	51

Эти цифры ярко характеризуютъ хозяйственный переворотъ, происшедшій въ XIX вѣкѣ въ Полтавщинѣ: экстенсивное скотовод-

ство и переложное земледѣліе смѣнились экстенсивной же паровой зерновой системой. Въ зависимости отъ этого и въ полевыхъ культурахъ продовольственные хлѣба стали вытѣснять кормовыя: процентъ посѣвовъ ячменя и овса сократился съ 29 до 20, ржи—увеличился съ 16 до 30, пшеницы—съ 15 до 16. Земледѣльцы не съумѣли скомбинировать свое хозяйство такимъ образомъ, чтобы и умножившееся населеніе, и возросшій въ числѣ скотъ могли найти достаточное пропитаніе на той же самой площади. Чтобы прокормиться самимъ, люди должны были истребить часть скота и, тѣмъ самымъ, ухудшить свое питаніе, смѣнивъ животную пищу скудной растительной.

Дальнѣйшая эволюція сельскаго хозяйства съ 1880-хъ годовъ и до 1910 г. рисуется тремя подворными переписями. Къ сожалѣнію, эти переписи разработаны не по одинаковому плану, и сравнивать ихъ приходится попарно, причемъ по I и II переписямъ можно сравнить лишь данныя, касающіяся непривилегированныхъ сословій, а по II и III—всѣхъ хозяйствъ.

		(въ тысячахъ) Число дес. посѣва.	Головъ раб. лош.	Воловъ.	Коровъ.	Овецъ и козъ.
Непривилег. сословія	1882—9 г. г.	1330 [1])	188	278	288	1456
	1900 г.	1509	300	209	321	1402
Всѣ сословія	1900 г.	2118	354	259	354	1580
	1910 г.	2347 [2])	427	169	330	1093

Посѣвная площадь неуклонно продолжаетъ возрастать, и ростъ ея, повидимому, ускорился за послѣднее десятилѣтіе. Изъ отдѣльныхъ видовъ скота волы и овцы убываютъ по прежнему; число лошадей, замѣняющихъ собою воловъ, растетъ; число коровъ, увеличившееся за послѣднія 15 лѣтъ XIX в. въ XX в. начинаетъ опять падать. Въ общемъ скотоводство, если принять въ разсчетъ приростъ населенія, равный для 1880-1900 г. г. 11,6% (непривилегированныя сословія), а для 1900-1910 г. г.—4,6% (всѣ сословія), сокращается и въ послѣдній періодъ сельско-хозяйственной исторіи, но это паденіе далеко не такъ интенсивно, какъ опредѣляемое сопоставленіемъ данныхъ земскихъ переписей съ Румянцевской описью.

Не то въ земледѣліи: безпрерывно прогрессирующее возрастаніе посѣвовъ, послѣ того какъ расширеніе пашни довело до по-

---

[1]) Только по 13 уѣздамъ.

[2]) За вычетомъ 100 тыс. дес. «огородины» въ 1910 г.

слѣдняго minimum'а остальныя угодья, показываетъ, что посѣвы растутъ за счетъ незанятой доли пашни, т. е. «трехполка» или, точнѣе, паровая зерновая система [1]) *трансформируется въ какую-то новую, болѣе интенсивную систему полеводства*. И дѣйствительно, за послѣднее десятилѣтіе % посѣвовъ въ обрабатываемой пашнѣ выросъ съ 74 до 81, т. е. незанятая полевыми культурами, малопродуктивная часть пашни составляетъ теперь только 19%—*менѣе пятой части*. Еще такое же десятилѣтіе — и процентъ посѣвовъ у полтавцевъ сравняется съ французскимъ 1890-хъ г. г. (у французовъ подъ паромъ было 13% пашни). Еще нагляднѣе эволюція полеводства обрисовывается измѣненіями въ площади различныхъ культуръ.

	Посѣвы (тыс. дес.)			
	Ржи.	Пшеницы.	Остальн. яровыхъ.	Травъ, корнеплодовъ и пр.
1900 г.	572	672	754	120
1910 г.	527	758	880	182 [2])
Измѣненія въ %% (+ или —)	—7,9	+12,8	+16,7	+51,9

Въ 1880-ыхъ г. г. рожь—эта главная опора трехпольнаго сѣвооборота, у непривилегированныхъ сословій занимала 37,6%—болѣе третьей части посѣвной площади, у привилегированныхъ—26,4%. Въ 1900 г. процентъ ржи въ посѣвахъ у всѣхъ сословій равнялся 27,0, а въ 1910 г.—только 22,4. За счетъ ржи выростаютъ пшеница и прочія яровыя: яровой клинъ охватываетъ $^4/_5$ всѣхъ посѣвовъ. Площадь травъ, корнеплодовъ и другихъ, болѣе высокихъ, трудоемкихъ культуръ, знаменующихъ вступленіе въ фазисъ интенсивнаго *плодосмѣннаго* хозяйства, увеличивалась относительно втрое больше, чѣмъ площадь яровыхъ злаковъ. Въ числѣ этихъ культуръ больше всего (вдвое) возрасли посѣвы свекловицы, табака и, повидимому, однолѣтнихъ травъ. Сильно увеличилась площадь баштановъ (на $^2/_3$), картофеля (въ $1^1/_2$ раза); чисто крестьянскій продуктъ—конопля—осталась безъ измѣненій, а посѣвы льна убавились вдвое: это—единственный видъ трудоемкихъ культуръ, обнаруживающій признаки вымиранія, несомнѣнно—благодаря побѣдѣ хлопка надъ льномъ на современномъ рынкѣ.

Болѣе интенсивная обработка полей и развитіе трудоемкихъ

---

[1]) Чистое трехполье въ Полтавской губ. никогда не было преобладающимъ.

[2]) Безъ огородины.

культуръ требуютъ усиленнаго удобренія. Въ 1910 г. 198 тыс. хозяйствъ—53% всѣхъ, имѣющихъ посѣвы,—вывозили навозъ въ поле. Въ 1900 г. учетъ хозяевъ, удобрявшихъ землю, былъ не полонъ: отмѣчались только хозяйства, дававшія свѣдѣнія о числѣ вывезенныхъ въ поле возовъ навоза: въ 1900 г. ихъ было 91 тыс., а въ 1910 г. - 154 тыс. (приростъ въ 69%). Ростъ навознаго удобренія—явленіе повсемѣстное въ Россіи послѣднихъ годовъ: наши черноземные крестьяне уже далеко ушли отъ той эпохи, когда навозъ сваливался въ овраги, на задворки и даже на улицу, когда бывали случаи, что приходилось бросать загаженныя навозомъ усадьбы. Но, все-таки, интенсивный ростъ навознаго удобренія, несмотря на то, что скотоводство не возрастало, позволяетъ думать что и теперь, вѣроятно, не весь навозъ утилизируется цѣлесообразно, что извѣстная часть крестьянъ возлагаетъ на «милостиваго Бога» заботы о плодородіи почвы.

Кромѣ навознаго, 995 хозяевъ примѣняютъ уже и искусственное удобреніе на площади въ 11,5 тыс. десятинъ.

Еще быстрѣе, чѣмъ удобреніе, эволюціонируетъ примѣненіе усовершенствованныхъ орудій.

(Въ тысячахъ).

	Желѣз. плуговъ.	Сѣялокъ.	Жатокъ.	Молотилокъ конныхъ,	паровыхъ.	Вѣялокъ и сортировокъ.
Въ 1900 г.	123,5	4,4	2,6	8,1	0,6	30,9
Въ 1910 г.	222,5	18,5	11,6	13,6	1,1	53,9
Приростъ въ %%.	80	320	346	68	8,3	74

За 10 лѣтъ большинство усовершенствованныхъ орудій почти удвоилось въ числѣ (плуговъ, конныхъ молотилокъ и вѣялокъ), а нѣкоторыхъ (сѣялокъ и жатокъ)—почти учетверилось. Надо еще замѣтить, что примѣненіе этихъ орудій не ограничивается одними хозяевами: такъ рядовыя сѣялки, кромѣ хозяевъ, употребляли 7 тыс. дворовъ, бравшихъ ихъ въ наемъ; 13,6 тыс. конныхъ молотилокъ брались въ наемъ 120 тысячами дворовъ, а тысяча паровыхъ—10 тысячами. Такимъ образомъ, машинный посѣвъ распространился minimum на 25,6 тыс. хозяйствъ, т. е. на 7% всѣхъ посѣвщиковъ, а машинная молотьба—на 145 тыс. (38%). Эти числа можно считать довольно внушительными, если принять въ соображеніе, что болѣе третьей части посѣвныхъ хозяйствъ въ Полт. губ. принадлежатъ къ парцельнымъ, имѣющимъ менѣе 3-хъ десятинъ посѣва—а такія хозяйства не только у насъ, но и въ Германіи сѣютъ и молотятъ хлѣбъ въ ручную.

Всѣ приведенные факты свидѣтельствуютъ, что Полтавская губернія довольно далеко ушла впередъ на пути отъ экстенсивнаго зернового трехполья къ интенсивному земледѣлію, снабженному атрибутами современной техники. Но до сихъ поръ мы брали за одну скобку *всѣ* хозяйства, не различая крупныхъ и мелкихъ, капиталистическихъ и трудовыхъ. Быть можетъ, главными творцами современной сельско-хозяйственной эволюціи являются не трудовыя, а *капиталистическія* хозяйства. Тогда эти хозяйства, какъ болѣе приспособленныя и должны будутъ рано или поздно одержать побѣду въ борьбѣ за землю. Дробленіе земли въ экстенсивномъ фазисѣ земледѣлія объясняется съ одной стороны исчезновеніемъ способствовавшихъ концентраціи политическихъ факторовъ, съ другой— замѣной скотоводческаго хозяйства зерновымъ. Теперь, по крайней мѣрѣ въ Полтавской губерніи, эта борьба базируется преимущественно на экономической почвѣ. Если при экстенсивныхъ системахъ мелкія хозяйства и на этой почвѣ оказывались побѣдителями, то эту побѣду можно объяснить тѣмъ, что у мелкихъ хозяйствъ было больше запасовъ живого труда — рабочихъ рукъ и скота, по отношенію къ площади. При интенсификаціи земледѣлія этихъ элементовъ производства уже недостаточно: чтобы живой трудъ былъ использованъ наиболѣе продуктивно, необходимы еще, *денежные капиталы* и *агрономическія знанія*. Капиталистическія хозяйства вооружены этими средствами борьбы, несомнѣнно, сильнѣе, чѣмъ хозяйства трудового типа; пуская ихъ въ ходъ, они могутъ еще разъ отвоевать землю отъ трудовой массы.

Перепись 1910 г. позволяетъ намъ сравнить оборудованность трудомъ и капиталомъ, а также степень интенсивности земледѣлія у двухъ группъ землевладѣльцевъ: до 50 и болѣе десятинъ.

А. Средства производства.

На 100 дес. обрабатываемой пашни приходится:

	Работниковъ (своихъ и наемныхъ) [1].	Головъ раб. лошадей.	Воловъ и раб. коровъ.	Плуговъ многолемешныхъ.	Плуговъ однолемешныхъ.
У влад. до 50 дес.	24,4	15,9	7,4	0,14	8,1
Болѣе 50 дес.	8,3	7,2	7,6	0,77	2,8

[1]) По переписи 1910 г. нѣтъ данныхъ о числѣ своихъ работниковъ; учетъ сдѣланъ по % переписи 1880-хъ гг. (47,6% мужчинъ рабочаго возраста). Къ своимъ рабочимъ прибавлены наемные и вычтены уходящіе на заработки (на годъ и на лѣтній сезонъ).

	На 100 десятинъ посѣва.				
	Сѣялокъ.	Жатокъ.	Молотилокъ конныхъ	Молотилокъ паровыхъ.	Вѣялокъ.
У влад. до 50 дес.	0,6	0,4	0,6	0,02	2,4
Болѣе 50 дес.	1,8	1,3	0,5	0,2	1,4

Б. Степень интенсивности земледѣлія.

	% посѣва къ пашнѣ.	Пропорція посѣвовъ. Рожь.	Пшеницы.	Пр. яров.	Травъ, корнеплод. и пр. (съ огород.).	На 1 дес. возовъ навозн. удобренія.	На 1000 дес. посѣва искусств. удобреніе.
Влад. до 50 дес.	84,4	22,5	29,5	37,3	10,7	3,1	0,1
Болѣе 50 д.	67,0	16,0	39,4	28,5	16,1	16,9	2,4

Что говорятъ намъ эти цифры? Онѣ говорятъ, что, съ одной стороны, мелкія хозяйства покрываютъ посѣвами гораздо бо́льшую долю своей пашни, что у нихъ сравнительно съ площадью втрое больше рабочихъ рукъ и вдвое больше лошадей, чѣмъ у крупныхъ, т. е. запасы живого труда у нихъ, относительно, очень велики. Съ другой стороны, крупные владѣльцы лучше оборудованы усовершенствованнымъ инвентаремъ, полевыя культуры у нихъ болѣе цѣнныя и удобреніе значительно интенсивнѣе; иначе говоря, сельское хозяйство у нихъ поставлено на болѣе культурныхъ и раціональныхъ началахъ.

Если принять въ соображеніе, что и по отношенію къ рынку крупные землевладѣльцы поставлены въ лучшія условія, могутъ продавать свои продукты въ періодъ болѣе высокихъ цѣнъ, если вспомнить, что казенный и частные банки снабжаютъ ихъ многомилліоннымъ кредитомъ, то казалось бы, что капиталистическому хозяйству обезпечена побѣда. Однако, это не такъ: какъ и по всей Россіи, такъ и здѣсь крупное землевладѣніе катится по наклонной плоскости съ возрастающей быстротой. Падаетъ не только крупное землевладѣніе: сокращается и *капиталистическое хозяйство*. Составители сборника въ замѣчаніяхъ къ таблицамъ указываютъ на «происходившій въ теченіе десятилѣтія усиленный процессъ ликвидаціи своихъ хозяйствъ болѣе крупными хозяевами и сдачи ихъ въ аренду и съемку другимъ хозяевамъ». Такъ какъ послѣдняя перепись еще не разработана детально по группамъ землевладѣнія, то «опредѣленное цифровое выраженіе это явленіе получитъ лишь послѣ подсчета матеріаловъ переписи по группамъ». Но и сейчасъ можно констатировать, во 1-хъ, что площадь арендуемой пашни за

послѣднее десятилѣтіе возрасло съ 650 до 670 тыс. дес., во 2-хъ, что 95% ея сосредоточено у *мелкихъ* землевладѣльцевъ. Любопытно, что въ періодъ 1880—1900 гг. площадь аренды въ Полт. губ. сократилась, что объяснялось усиленной мобилизаціей землевладѣнія: теперь мобилизація земель еще усилилась и въ то же время возрасла и аренда. Крупное землевладѣніе и хозяйство стали таять, подобно свѣчѣ, зажженной съ двухъ концовъ.

Но среди общей массы крупныхъ земельныхъ собственниковъ, стремящихся, на перебой, ликвидировать свое землевладѣніе, выживаютъ наиболѣе энергичныя, умѣлыя и снабженныя капиталомъ единицы, которыя не только ведутъ прогрессивное хозяйство, но и округляютъ свои владѣнія. Происходитъ, по словамъ полтавскихъ статистиковъ, «главнымъ образомъ среди дворянъ, экономическій отборъ такихъ собственниковъ, которые начинаютъ увеличивать свою собственность и, притомъ, до того энергично, что размѣры средней и крупной собственности повышаются» [1]). Эти болѣе приспособленныя къ современнымъ условіямъ хозяйственныя единицы составляютъ, однако, небольшой процентъ въ массѣ неумѣлыхъ, отживающихъ потомковъ гордыхъ «собирателей земли»—«державцевъ». По переписи 1900 г. 63% привилегированныхъ землевладѣльцевъ не имѣли своихъ посѣвовъ. Имѣя свыше милліона дес. удобной земли, привилегированные засѣвали 315 тыс. — менѣе трети, а сдавали въ аренду одной пахоти такое же количество. Можно думать, судя по этимъ даннымъ, что устойчивыя, прогрессирующія хозяйства въ средѣ привилегированныхъ охватываютъ меньшую половину всей территоріи этого вида землевладѣнія, а бо́льшая половина, вѣроятно, обречена ходомъ исторіи на постепенную естественную ликвидацію. За счетъ своихъ отмирающихъ собратьевъ крѣпкія дворянскія хозяйства округляютъ свои владѣнія, а къ мелкому землевладѣнію пока они касательства не имѣли.

Теперь, когда и крестьянскія земли пущены въ товарный оборотъ, можно было бы опасаться, что земледѣльческіе капиталисты втянутъ и ихъ въ сферу своего «округленія», благо надѣльныя земли продаются вдвое дешевле банковскихъ. Но если даже не считать законодательныхъ, бытовыхъ и прочихъ препонъ, надо принять въ соображеніе, что земледѣліе у трудовыхъ классовъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а, какъ показываетъ нижеслѣдующій раз-

---

[1]) У дворянъ-владѣльцевъ имѣній въ 50—500 дес. средній размѣръ владѣнія за 1894 — 1905 гг. повысился съ 154 до 158 дес., у владѣющихъ свыше 500 дес.—съ 1481 до 1506 дес.

счетъ, прогрессируетъ даже быстрѣе, чѣмъ у капиталистическихъ хозяевъ.

Возьмемъ тѣ средства производства, въ которыхъ мелкіе хозяева наиболѣе отстали отъ крупныхъ—именно усовершенствованныя орудія. Разсчитавъ, сколько ихъ приходилось въ 1900 г. у мелкихъ и крупныхъ хозяевъ на 100 дес. обрабатываемой земли и принявъ эти числа за 100, получаемъ такую картину распространенія этихъ орудій въ обѣихъ группахъ.

	Плуги		Сѣялки.	Жатки.	Молотилки	
	многолемешные.	однолемешные.			паровыя,	конныя.
У мелкихъ хозяевъ [1]).	2000	165	1200	1000	500	150
У крупныхъ.	248	140	190	241	134	210

Судя по этой табличкѣ, мелкія хозяйства стремятся и въ этомъ отношеніи догнать крупныя. Когда наша деревенская кооперація выростетъ и окрѣпнетъ въ уровень съ европейской, нѣтъ сомнѣнія, что въ области сельскаго хозяйства крупные капиталисты не будутъ страшны трудовой массѣ. Скорѣе наоборотъ: тѣ огромные запасы дарового труда, которыми владѣетъ эта масса—вѣдь тоже могучій капиталъ, пока на половину мертвый. Кооперація, наука должны оживить и пустить его въ дѣло, и тогда онъ разовьетъ колоссальную энергію.

Итакъ, шансы на концентрацію сверху, подобную той, которая наблюдается въ индустріи, ничтожны. Трудовымъ земледѣльцамъ грозитъ иная опасность—*ростъ мелкой буржуазіи* въ ихъ собственной средѣ. Въ этомъ отношеніи Полтавская губернія представляетъ замѣчательное явленіе. Переписи 1880—1900 г.г. констатировали въ ней своеобразное *разслоеніе* хозяйствъ у непривилегированныхъ сословій.

---

1) Къ сожалѣнію взятыя нами группы мелкихъ и крупныхъ хозяйствъ нѣсколько несоизмѣримы: въ 1900 г. хозяйства дѣлились по величинѣ посѣва (до 50 и болѣе 50 дес.), въ 1910 г.—по землевладѣнію (тоже до 50 и болѣе 50 дес.). Поэтому мы и сдѣлали не прямой разсчетъ роста земледѣльческихъ машинъ въ той или другой группѣ, а по отношенію къ площади обрабатываемой земли, чѣмъ эта несоизмѣримость сглаживается. Впрочемъ, эти группы почти совпадаютъ: такъ у крупныхъ хозяевъ въ 1900 г. было 900 тыс., въ 1910 г.—1058 тыс. дес.

Число хозяйствъ (по 9 уѣздамъ) въ тысячахъ.

	Безъ посѣва.	Съ посѣв. до 3 дес.	3—6	6—9	9—15	15—50	50 и болѣе
1882—9 г.	56,7	51,7	66,1	33,5	19,0	6,9	0,3
1900 г.	48,2	77,8	71,7	30,6	18,5	8,9	0,65
Измѣненія въ %	—15	+50,0	+ 8	—9	—3	+29	+117

Чтобы назвать это перемѣщеніе слоевъ чистой дифференціаціей, не хватаетъ только одного: увеличенія безпосѣвныхъ, т. е. пролетаризаціи крестьянства.

Перепись 1910 г. указываетъ на дальнѣйшее развитіе тѣхъ же процессовъ, хотя мы должны оговорить, что здѣсь приходится сопоставлять данныя, касающіяся всѣхъ сословій, не выдѣляя непривилегированныхъ.

Число хозяйствъ въ тысячахъ (по всей губерніи).

	Безъ посѣва.	Съ посѣв. до 3 дес.	3—6	6—9	9—25	25—50	св. 50 д.
1900 г.	115,3	131,8	111,9	47,7	40—8	4,0	1,9
1910 г.	110,2	139,3	114,4	57,7	57,5	5,9	2,0
Измѣненія въ %	—4,4	+5,7	+2,2	+21,0	+40,9	+47,5	+5,3

Перемѣщеніе слоевъ нѣсколько измѣнилось въ пользу среднихъ; процессъ разслоенія какъ будто затормозился, но основные контуры его остались тѣ же: болѣе всего выигрываютъ и теперь зажиточная и мелко-буржуазная группы, съ посѣвомъ въ 9—25 и 25—50 десятинъ. Группа самыхъ крупныхъ хозяевъ—свыше 50 дес.— выросла, сравнительно, слабо, но, быть можетъ, тутъ столкнулись два противоположныхъ процесса: ликвидація хозяйствъ у привилегированныхъ сословій и расширеніе мелкой буржуазіи у непривилегированныхъ, такъ что въ итогѣ второй процессъ могъ сильно затушеваться.

Это явленіе заставило проф. Туганъ-Барановскаго, не такъ давно бывшаго сторонникомъ преимуществъ мелкаго трудового хозяйства въ земледѣліи, стать въ ряды защитниковъ аграрной теоріи, развитой г. Масловымъ въ его извѣстномъ трудѣ. «Весьма вѣроятно,— говоритъ онъ въ «Основахъ политической экономіи», — что дифференціація крестьянства идетъ неодинаково въ различныхъ раіонахъ Россіи и что тамъ, гдѣ условія крестьянскаго хозяйства складыва-

ются благопріятнѣе, наблюдается ростъ дифференцированности крестьянства—растутъ группы болѣе зажиточныхъ крестьянъ, что можетъ сопровождаться одновременнымъ ростомъ и сельскаго пролетаріата—а тамъ, гдѣ крестьянское хозяйство не развивается, происходитъ выравниваніе крестьянства на почвѣ общей нищеты» (изд. 2-е, стр. 199). «Нужно думать, что наиболѣе сильнымъ и жизнеспособнымъ является у насъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянское хозяйство вообще можетъ развиваться, крупное крестьянское, переходящее въ капиталистическое. Хозяйства такого типа всего лучше умѣютъ пользоваться благопріятными условіями сельскаго хозяйства и энергично разростаются, въ такихъ случаяхъ, на счетъ другихъ хозяйствъ. Именно этимъ хозяйствамъ, если бы наше земледѣліе было предоставлено своему естественному развитію, безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, и принадлежало бы, повидимому, будущее. Но въ томъ же направленіи толкаетъ крестьянскій міръ и новѣйшая аграрная политика правительства, стремящаяся сдѣлать сильныхъ еще сильнѣе, и слабыхъ еще слабѣе. Все это должно усиливать дифференціацію крестьянскаго населенія» (Ibid., стр. 201).

Теорія г. Маслова, по которой развитіе производительныхъ силъ и ростъ благосостоянія населенія ведетъ къ дифференціаціи въ крестьянской средѣ, основана на неправильномъ толкованіи данныхъ военно-конскихъ переписей по Новороссіи [1]). Третья военно-конская перепись уничтожила это послѣднее фактическое основаніе. Проф. Туганъ-Барановскій, принимая теорію г. Маслова, подтверждаетъ ее данными двухъ переписей Полтавской губ., не поколебленными и послѣдней переписью 1910 г. Но спрашивается, можно ли считать достаточнымъ базисомъ для обобщающей теоріи статическій матеріалъ по одной губерніи?

Авторъ утверждаетъ, что эта губернія—единственная, по которой имѣется повторная перепись съ группировками по посѣвной площади и въ которой благосостояніе крестьянъ повышалось. Онъ отвергаетъ приведенныя нами сопоставленія по Олонецкой, Смоленской, Вятской и Воронежской губ. на томъ основаніи, что въ этихъ губерніяхъ и онъ ожидалъ нивеллировки, вслѣдствіе упадка крестьянскаго хозяйства [2]). Группировокъ по другимъ экономическимъ признакамъ онъ не признаетъ и потому не принимаетъ нашихъ

---

[1]) См. объ этомъ нашу работу «Закономѣрность аграрной эволюціи», ч. I, стр. 101—104 и ч. II, стр. 494.

[2]) Замѣтимъ, кстати, что въ Смоленской губ. не было упадка крестьянскаго хозяйства.

ссылокъ на результатъ третьихъ военно-конскихъ переписей, давшихъ указанія на нивеллировку слоевъ въ крестьянской массѣ какъ разъ въ тѣхъ губерніяхъ и раіонахъ, гдѣ средняя обезпеченность рабочимъ скотомъ возрасла. Но вѣдь кромѣ Россіи, есть Европа, Америка, гдѣ тоже царитъ, какъ выражается г. Билимовичъ, законъ «деконцентраціи»; у насъ то же самое явленіе мы наблюдаемъ въ Польшѣ. Все это—страны, въ которыхъ земледѣліе интенсифицируется въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ у насъ, и никто не посмѣетъ отрицать факта крестьянскаго обогащенія; относительно ихъ самъ авторъ, «подводя балансъ сравнительной силы и устойчивости крупнаго капиталистическаго и мелкаго *трудового* (курсивъ нашъ) сельскаго хозяйства», признаетъ, что «балансъ этотъ склоняется въ наше время скорѣе въ пользу мелкаго хозяйства» (стр. 10). Здѣсь явныя противорѣчія, неустранимыя, если базироваться на единичныхъ, хотя и любопытныхъ явленіяхъ.

Чтобы разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ, надо рѣшить вопросъ, насколько процессы, наблюдаемые въ Полтавской губерніи типичны, т. е. являются ли они результатомъ естественной аграрной эволюціи, «безъ всякаго воздѣйствія извнѣ», или сюда вмѣшался какой-то, побочный факторъ, прямого отношенія къ этой эволюціи не имѣющій?

Когда будетъ опубликованъ подсчетъ данныхъ третьей переписи по группамъ, мы сможемъ точнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ, а пока отмѣтимъ тотъ фактъ, что ростъ мелкой деревенской буржуазіи происходилъ почти исключительно за счетъ частно-владѣльческихъ земель. Непривилегированныя хозяйства, имѣющія болѣе 50 дес. пахоты, расширили площадь своего землевладѣнія въ промежуткѣ между двумя первыми переписями на 77 %, при чемъ площадь одной пахоты у каждаго такого владѣнія увеличилась съ 88 до 99 дес.; площадь всѣхъ остальныхъ хозяйствъ, благодаря покупкѣ земель, возросла на 4, 7 %, а такъ какъ число ихъ росло еще быстрѣе, то средніе размѣры каждаго владѣнія упали съ 5, 5 до 5, 2 дес. Поступавшая на рынокъ земля была доступной только для верховъ деревни, которыя округляли за ея счетъ свои владѣнія; низамъ покупать было не на что и мелкія хозяйства, разростаясь на той же площади, дробились все сильнѣе. Низы пользуются господской землей при помощи аренды; верхи арендуютъ сравнительно мало. Между тѣмъ, Полтавская губернія «лежитъ въ раіонѣ, отличающемся наивысшей по Европейской Россіи арендной платой за землю».

Аренда высасываетъ у болѣе мелкихъ хозяйствъ всѣ соки и на покупку земли ничего не остается. Покупка земли черезъ

крестьянскій банкъ гораздо выгоднѣе аренды, и если бы банкъ здѣсь велъ политику болѣе благопріятную низамъ, быть можетъ такого подъема «крѣпкихъ» хозяевъ мы бы не наблюдали. Дѣйствительно, по отчетамъ крестьянскаго банка, въ Малороссіи процентъ покупателей, имѣющихъ болѣе 3-хъ десятинъ надѣльной земли на душу, вдвое превосходитъ такой же процентъ въ центрально - земледѣльческомъ раіонѣ (29 % противъ 15 %) [1]).

Итакъ одной изъ важныхъ причинъ роста мелкой сельской буржуазіи въ Полтавской губ. является мѣстная политика крестьянскаго банка. Вѣроятно, она вызвана индивидуальнымъ характеромъ землевладѣнія: число единоличныхъ покупокъ здѣсь всегда было преобладающимъ. Сильно распространенныя до революціи въ Россіи товарищескія покупки охватывали тутъ къ 1905 г. менѣе трети частнаго крестьянскаго землевладѣнія. При единоличныхъ покупкахъ банкъ отдавалъ предпочтеніе болѣе зажиточнымъ хозяевамъ [2]).

Такая политика банка не вѣчна; она можетъ покачнуться и въ другую сторону и тогда, вѣроятно, измѣнится темпъ развитія «крѣпкихъ» хозяйствъ. Исторія насъ учитъ, что въ XVIII столѣтіи, когда земля, вслѣдствіе благопріятныхъ политическихъ факторовъ, еще легче доставалась верхамъ, эти верхи составляли гораздо болѣе обширный слой, чѣмъ теперь. Съ тѣхъ поръ численность ихъ сильно сократилась. Произошло это естественнымъ путемъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе раздробленія многосемейныхъ хозяйствъ. На хозяйство, имѣвшее больше 37 $^1/_2$ дес. пахоты, приходилось въ ту эпоху 3,4 души, на остальныя—по 1,8 души. Но и теперь «крѣпкія» хозяйства многосемейны: въ 1900 г. на дворъ у сѣющихъ болѣе 50 дес. были 11,3 души, а у прочихъ только по 5, 3 душъ. Ясно, что и теперь вполнѣ возможно распаденіе этихъ сложныхъ семей на простыя.

Г. Яснопольскій прослѣдилъ въ одной деревнѣ Переяславскаго уѣзда исторію землевладѣнія трехъ поколѣній. Выводъ его—тотъ, что пока отдѣльная семья, возрастая, усложняясь, не дѣлится, она энергично расширяетъ свое землевладѣніе. «Съ переходомъ къ новому поколѣнію сразу все падаетъ: переполняются низшіе разряды, а хозяйства, выбившіяся наверхъ—всѣ исчезаютъ. Но снова начинается Сизифова работа: опять низшія группы карабкаются наверхъ, снова возникаютъ болѣе зажиточныя хозяйства... чтобы снова низверг-

[1]) См. Обзоръ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1883—1904 г., стр. 112.

[2]) Въ настоящее время единоличныя покупки преобладаютъ по всей Россіи, но онѣ сдѣлались гораздо мельче.

нуться внизъ, можетъ быть еще глубже, съ переходомъ къ слѣдующему поколѣнію».

Эти и нѣкоторыя другія соображенія заставляютъ насъ усомниться въ устойчивости современнаго роста слоя мелкой деревенской буржуазіи. Класть этотъ ростъ, констатированный пока въ предѣлахъ одной губерніи, въ основу широкой обобщающей теоріи тѣмъ болѣе непростительно, что *относительная* его величина пока весьма незначительна. Причисляя къ нему всѣхъ засѣвающихъ болѣе 25 десятинъ [1]), получимъ, что въ 1900 г. процентъ мелкихъ капиталистовъ въ Полтавской деревнѣ равнялся 1,2%, а площадь ихъ посѣвовъ — 10,7%. Этому слою еще далеко до того класса, который представляется въ воображеніи г. Туганъ-Барановскаго настолько могущественнымъ, что покоряетъ всѣхъ надъ собой и подъ собой, экспропріируетъ земли у крупныхъ капиталистовъ и у трудовой массы.

Г. Туганъ-Барановскій игнорируетъ и другую сторону наблюдаемаго процесса—сокращеніе деревенскаго пролетаріата или, точнѣе, систематическій возвратъ на землю десятковъ тысячъ мелкихъ владѣльцевъ, пускавшихъ раньше на съемъ свои 2—3 десятины. Возвратъ этотъ вызванъ сокращеніемъ заработка на сторонѣ и еще болѣе *повышеніемъ доходности земледѣлія*. Такимъ образомъ сельско-хозяйственный прогрессъ отнюдь не способствуетъ пролетаризаціи, и этотъ фактъ сильно подрываетъ стройную теорію двухсторонней дифференціаціи, слѣдующей, якобы, за подъемомъ производительныхъ силъ въ земледѣліи. Вмѣстѣ съ г. Туганъ-Барановскимъ мы не считаемъ этотъ подъемъ типичнымъ для всей Россіи: мы думаемъ, что въ особенности теперь парцельныя, полупролетарскія хозяйства, стоящія одной ногой въ городѣ, другой въ деревнѣ, должны отмирать. Но мы не понимаемъ, почему г. Туганъ-Барановскій, считая одну сторону наблюдаемаго процесса явленіемъ не типичнымъ, принимаетъ другую его сторону за прообразъ аграрнаго переворота, долженствующаго распространиться на всю Россію

Но пусть даже процессъ, наблюдаемый въ Полтавской губерніи, окажется всеобщимъ. Мы не станемъ отрицать, что современныя политическія условія крайне благопріятны для роста «крѣпкихъ и сильныхъ» элементовъ деревни. Если прежде на рынокъ поступали только имѣнья, ликвидируемыя крупными владѣльцами, и доступъ къ этимъ имѣньямъ въ Полтавской губерніи былъ облегченъ для мелкой

---

[1]) Какъ показываютъ земско-стат. изслѣдованія, только такія хозяйства продаютъ большую часть производимаго хлѣба и содержатъ наемныхъ батраковъ, т. е. являются дѣйствительно мелкими капиталистами.

буржуазіи, то послѣ указа 9 ноября «крѣпкіе» хозяева могутъ расширить свою территорію за счетъ мобилизуемыхъ надѣльныхъ земель, тѣмъ болѣе, что эти земли продаются почти вдвое дешевле пріобрѣтаемыхъ черезъ крестьянскій банкъ. Но именно большая зависимость роста мелко-буржуазныхъ элементовъ отъ политическихъ факторовъ дѣлаетъ его такимъ же неустойчивымъ, какимъ оказался захватъ земли верхними классами въ XVIII-мъ вѣкѣ. Въ Пруссіи, полвѣка тому назадъ, точно также въ моментъ перелома въ сельскомъ хозяйствѣ, территорія крупно-крестьянскихъ хозяйствъ, которымъ покровительствовало тогдашнее правительство, нѣсколько расширилась за счетъ земель чисто трудовыхъ элементовъ деревни. Однако теперь, когда интенсификація земледѣлія стала уже всеобщимъ явленіемъ, когда почти не встрѣчается крестьянскихъ хозяйствъ, не принимающихъ участія въ той или иной кооперативной организаціи, прусскіе Grossbauer'ы снова сдаютъ шагъ за шагомъ свои позиціи среднимъ слоямъ. Мелкая буржуазія оказывается сильнѣе трудовой массы до тѣхъ поръ, пока эта масса раздроблена. Тогда въ «борьбѣ за землю» каждый «крѣпкій» хозяинъ обладаетъ бо́льшими преимуществами передъ рядовымъ крестьяниномъ, дѣйствующимъ въ одиночку: у него гораздо больше денежныхъ средствъ, онъ выше по развитію и въ началѣ первый выступаетъ на путь агрономическихъ новшествъ. Но у него нѣтъ такихъ запасовъ живого труда, какія имѣются у трудовой массы: поэтому, при прочихъ равныхъ условіяхъ, мелкое хозяйство всегда интенсивнѣе средняго и крупнаго, т. е. болѣе приспособлено къ сельско-хозяйственному прогрессу. Благодаря этому преимуществу, оно вытѣснило въ Полтавской губ. «заможныя» скотоводческія хозяйства, когда населеніе перешло на паровую зерновую систему; пріобрѣтая при помощи кооперації необходимыя денежныя средства и знанія, оно оттѣсняетъ на задній планъ мелкихъ и крупныхъ капиталистовъ въ Германіи, въ интенсивномъ фазисѣ сельскаго хозяйства.

Будемъ же надѣяться, что и у насъ, умудренныхъ опытомъ Зап. Европы, кооперативное движеніе и общественная агрономія придадутъ, въ настоящій трудный моментъ, силу и устойчивость той многомилліонной массѣ трудового крестьянства, для которой земля служитъ единственнымъ источникомъ существованія.

Н. Огановскій.

АВГУСТЪ СТРИНДБЕРГЪ.

Недавно скончавшійся знаменитый шведскій писатель Стриндбергъ прожилъ 63 года. Кто знакомъ съ его бурной жизнью, съ тѣми страданіями, которыя эту жизнь наполняли, тотъ навѣрное удивится ея продолжительности. Сколько разъ этотъ необыкновенный, неуживчивый, безпокойный человѣкъ, казалось, изнемогалъ, доходилъ до послѣдняго предѣла въ яростной борьбѣ съ своими дѣйствительными и воображаемыми врагами! Сколько разъ онъ «сжигалъ то, чему поклонялся, и поклонялся тому, что сжигалъ», разрывалъ въ клочки свою личную жизнь и опять пытался на развалинахъ созидать новое счастье! Только здоровый, могучій сѣверъ можетъ заложить въ человѣка такую кипучую энергію и жизненную устойчивость, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ.

И въ жизни, и въ литературѣ у Стриндберга было много враговъ; но были у него и горячіе почитатели, умѣвшіе уловить основное, наиболѣе цѣнное въ его писательской индивидуальности и вѣрно понять его натуру, несмотря на всю ея многогранную сложность и капризную противорѣчивость. Одинъ изъ нихъ, Ола Гансенъ, говоритъ о немъ: «Отъ Стриндберга вѣетъ стариной сѣвера, величіемъ его вымысловъ. На немъ благородная печать генія. *Въ немъ нѣтъ ни тѣни обыденности*»...

Послѣднія слова, хорошо выражаютъ сущность этого страннаго человѣка, въ которомъ уживались вода и огонь? Онъ часто впадалъ въ противорѣчіе съ самимъ собой и переходилъ отъ одной крайности къ другой, но всѣ его мысли и поступки проникнуты самобытностью, беззавѣтнымъ увлеченіемъ и искренностью. Это былъ человѣкъ порыва и глубокаго убѣжденія, по природѣ настоящій боецъ, идеалистъ, протестантъ и новаторъ. Онъ во многихъ отношеніяхъ родствененъ другому великому скандинавцу — Ибсену. Но ему недоставало послѣдовательности и гармоничности Ибсена; поэтому его роль и въ литературѣ, и въ общественной жизни по преимуществу отрицательная, роль борца-разрушителя.

Августъ Стриндбергъ родился въ январѣ 1849 г., въ Стокгольмѣ, въ семьѣ выходцевъ изъ Финляндіи. По матери онъ былъ плебей, по отцу—аристократъ. Самъ писатель впослѣдствіи придавалъ большое значеніе этой двойственности своего происхожденія

и искалъ въ ней причинъ дисгармоничности своей природы («Прошлое безумца») «Незаконное» происхожденіе отъ отца-аристократа несомнѣнно доставило ему немало горькихъ минутъ въ дѣтствѣ и преждевременно развило въ немъ подозрительность и обидчивость. Онъ отличался большой впечатлительностью. Въ дѣтствѣ же проявилась въ Стриндбергѣ жадная любознательность ко всему окружающему и любовь къ ученью. Въ 1867-мъ году онъ поступилъ въ университетъ въ Упсалѣ и здѣсь набросился на самые разнообразные предметы. Онъ изучалъ медицину, исторію, естественныя науки, увлекался языками, особенно китайскимъ. Въ то же время онъ пробовалъ свои силы въ сценическомъ искусствѣ и въ литературѣ, мечталъ о созданіи *новой* реалистической драмы (тогда въ скандинавскихъ литературахъ господствовало романтическое теченіе). Этотъ интересъ къ разнообразнымъ областямъ искусства и знанія Стриндбергъ проявлялъ всю жизнь, постоянно занимаясь разными опытами, иногда весьма фантастическими; такъ, одно время онъ былъ поглощенъ отысканіемъ способовъ искусственнаго изготовленія золота. Къ этимъ опытамъ побуждала его и матеріальная нужда. Всю жизнь Стриндбергъ упорно боролся за существованіе и лишь незадолго до смерти, сталъ обезпеченнымъ.

Въ литературѣ Стриндбергъ началъ выступать съ 1869 г. небольшими драматическими очерками: «Свободный мыслитель», «Мастеръ Олуфъ» и др. Но не они доставили ему славу. Слава пришла внезапно, въ 1879 г., когда онъ написалъ знаменитую сатиру: «Красная комната». Тутъ впервые сказалась удивительная способность Стриндберга неистово нападать и осмѣивать. Свидѣтели сравниваютъ впечатлѣніе отъ этой сатиры, направленной противъ стараго, коснаго шведскаго общества, съ набатомъ. Одни возмущались, другіе хвалили. Авторъ на другой день проснулся знаменитостью. Характерно, что уже тогда у Стриндберга были недоброжелатели, которые заподозрили оригинальность его произведенія и обвинили его въ подражаніи Эмилю Зола. А между тѣмъ онъ тогда еще совсѣмъ не зналъ знаменитаго французскаго писателя, и его нападки на застой, лицемѣріе и рутину носили вполнѣ самостоятельный характеръ.

«Красная комната», въ героѣ которой многія изъ живыхъ лицъ узнали себя, и слѣдующее, еще болѣе рѣзкое произведеніе: «Новое царство» подняли противъ Стриндберга такую бурю негодованія, что ему пришлось на нѣкоторое время покинуть родину. И впослѣдствіи, впрочемъ, ему не разъ приходилось уѣзжать изъ Швеціи изгнанникомъ и возвращаться блуднымъ сыномъ, съ тщетной надеждой на примиреніе. Лишь въ 1904 г., во время чествованія его юбилея,

Швеція простила ему всѣ его демонстраціи и присоединила къ доставшимся ему всемірнымъ лаврамъ свои, отечественные.

Какъ очень впечатлительный и при томъ мало дисциплинированный умъ, Стриндбергъ легко поддавался разнымъ литературнымъ вліяніямъ. Онъ находился, временами, подъ властью Руссо, Ницше, Чернышевскаго и, подъ конецъ жизни, Сведенборга. Онъ переходилъ отъ однихъ философскихъ и политическихъ взглядовъ къ другимъ, часто противоположнымъ, съ анекдотическою быстротой. Брандесъ разсказываетъ по этому поводу, что когда въ 1886 г. появилась атеистическая басня, подписанная именемъ Стриндберга, онъ былъ пораженъ и справлялся, нѣтъ ли тутъ типографской ошибки—такъ мало атеизмъ соотвѣтствовалъ прежнимъ религіознымъ взглядамъ капризнаго писателя.

Литературная плодовитость Стриндберга была очень велика, но его произведенія отличаются далеко не одинаковымъ достоинствомъ. Среди нихъ много вещей слабыхъ, представляющихъ сырой, непереработанный матеріалъ, или прямолинейно тенденціозныхъ, полемическихъ. За то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ чувствуются проблески большого таланта, почти геніальности. Онъ писалъ не только повѣсти, но и драмы. Но, по природѣ, онъ новеллистъ. Живой, красочный языкъ и необыкновенная простота изложенія дѣлаетъ его повѣсти и разсказы занимательными, иногда даже увлекательными; его читаешь съ интересомъ и тогда, когда съ нимъ не соглашаешься. Стриндбергъ—лучшій представитель шведскаго реализма. По возрасту онъ принадлежитъ къ старшему писательскому поколѣнію, но нервность темперамента приближаетъ его къ новѣйшимъ импрессіонистамъ. Кой-чѣмъ неуловимымъ—можетъ быть, наивностью и свѣжестью чувствъ, можетъ быть, капризною измѣнчивостью настроеній — онъ напоминаетъ моднаго любимца Кнута Гамсуна, который принадлежитъ къ большимъ его поклонникамъ. Но, по сравненію съ хилымъ неврастеникомъ Гамсуномъ, Стриндбергъ, несмотря на всѣ свои причуды, кажется настоящимъ великаномъ. Въ немъ чувствуются могучіе корни жизни, глубоко ушедшіе въ землю.

Наиболѣе извѣстны слѣдующія произведенія Стриндберга: «Брачные очерки» (1884 г.), осмѣивающіе установившійся въ шведскомъ обществѣ рутинный взглядъ на бракъ; «Утопіи» (1885)—иллюстрація къ ученію Руссо; превосходная, съ юморомъ написанная повѣсть «Жители острова Гемзэ» (1887); «Чандала» (1889 г.), повѣсть, замѣтно отражающая идеи Ницше о духовномъ аристократизмѣ; «На шхерахъ» (1890 г.), одинъ изъ лучшихъ его романовъ, трактующій проблему пола въ связи съ біологіей и психологіей.

Съ 1886 г., появляется цѣлый рядъ романовъ, въ которыхъ детально, съ большими подробностями изображена личная жизнь Стриндберга: «Сынъ служанки», «Исповѣдь безумца», «Адъ», «Одинокій», «Создатель». Расцвѣтъ драматическаго творчества его относится къ 1887 г., когда была написана хорошо извѣстная и у насъ драма: «Отецъ». За ней послѣдовали «Юлія», «Заимодавцы», «Преступленіе за преступленіе» и др. Въ послѣднее время Стриндбергъ увлекался созданіемъ историческихъ драмъ, въ общемъ довольно слабыхъ и мало интересныхъ.

Субъективный элементъ всегда занималъ большое мѣсто въ произведеніяхъ Стриндберга. Всѣ они въ той или иной степени являются отголоскомъ личныхъ переживаній и настроеній, воплощаютъ волновавшія его мысли. Его писательская природа отличалась крайней эмоціональностью. Онъ бралъ у другихъ лишь то, что соотвѣтствовало его складу и вкусамъ. Отсюда удивительное совмѣщеніе разнороднаго и противорѣчиваго. Его быстрые переходы и скачки отъ однихъ взглядовъ и настроеній къ другимъ были проявленіемъ его собственнаго существа, многообразнаго, сложнаго и неуравновѣшеннаго.

Среди множества идей, за которыя Стриндбергъ въ разное время свой жизни ломалъ копья, все же преобладаетъ одна: идея индивидуализма. Онъ оставался ей вѣренъ даже въ своемъ фантастическомъ полубредовомъ «Адѣ», гдѣ онъ проповѣдуетъ необходимость смиренія передъ Господомъ. «Все, или, вѣрнѣе, то немногое, что я знаю, сводится къ моему «я», какъ къ своему центру. Если не культъ, то культура этого «я» является, поэтому, высшею и конечною цѣлью бытія». Эти слова могли бы служить эпиграфомъ къ творчеству Стриндберга и всей его жизненной борьбѣ. Свобода личности, возможность ея полнаго развитія, проявленія и утвержденія — вотъ его девизъ. Враговъ человѣческой личности «я», онъ въ разное время видитъ въ разныхъ факторахъ жизни и съ неистовствомъ и безстрашіемъ съ ними воюетъ.

Однако, индивидуализмъ Стриндберга отличается большой сложностью: онъ двуликій, двойственный. Съ одной стороны, въ Стриндбергѣ очень сильны интересы личности, духовного «я», жаждущаго утвержденія исключительно путемъ творчества; съ другой—въ немъ говоритъ голосъ очень здоровой и мощной природы, голосъ рода, настаивающій на конкретномъ утвержденіи на землѣ, на продолженіе личности въ потомствѣ... Голоса эти сталкиваются и спорятъ, но оба они желаютъ одного и того же: *безсмертія*, каждый по своему. Для индивидуалиста Стриндберга непереносима мысль объ уничтоженіи.

Въ тѣсной связи съ этими настроеніями стоитъ проблема пола, столь мятежно волновавшая Стриндберга, и его женоненавистничество. Это послѣднее имѣетъ у него глубокое основаніе. Безпокойной и требовательной личности, жаждущей безсмертія, мало проявленія себя въ интеллектуальномъ творчествѣ: ей нужно физическое безсмертіе. Мужчина обиженъ природой: онъ лишенъ увѣренности, что онъ отецъ своихъ дѣтей. «Мужчина не можетъ имѣть дѣтей! Дѣтей имѣютъ только женщины!»—съ горечью восклицаетъ герой драмы «Отецъ». А если нѣтъ увѣренности, что на землѣ послѣ него останутся корни, то нѣтъ ничего,—всѣ цѣли и задачи жизни сводятся къ нулю. Къ своему мучительному открытію, доводящему до безумія, герой драмы «Отецъ» приходитъ не сразу. Первыя, едва народившіяся сомнѣнія искусно разжигаетъ въ немъ его жена, оспаривающая у него право на воспитаніе ихъ дочери Берты. Онъ постепенно переходитъ отъ сомнѣнія къ отрицанію, и тогда отчаянію его и страстной ненависти къ женѣ нѣтъ границъ.—«Что поможетъ мнѣ, разъ вы отняли у меня мою мысль о вѣчности, на что мнѣ наука и философія, разъ мнѣ не зачѣмъ жить, что мнѣ дѣлать съ жизнью?.. Я привилъ мою правую руку, половину моей жизненной силы къ другому стволу, такъ какъ я думалъ, что они срастутся и перевьются въ одно болѣе совершенное дерево—но пришелъ кто-то съ ножомъ и перерѣзалъ мѣсто прививки. И вотъ я—только половина дерева, а другая половина растетъ дальше съ моей рукой и съ половиной моего мозга, тогда какъ я засыхаю и умираю, потому что отдалъ мою лучшую часть! Теперь я хочу умереть!»

Къ тому же пессимистическому настроенію приходитъ «инспекторъ» въ романѣ: «На шхерахъ». Въ началѣ онъ—только индивидуалистъ-ницшеанецъ, мечтающій о гордомъ одиночествѣ, о подвижничествѣ, о самоусовершенствованіи. Онъ не хочетъ служить цѣлямъ природы «въ дѣлѣ продолженія рода». Это, по его мнѣнію, удѣлъ низшихъ индивидуальностей, для него слишкомъ прозаичный. Онъ радуется, что и любимая имъ дѣвушка Марія раздѣляетъ его мнѣніе. Въ концѣ концовъ этотъ неуживчивый «индивидуалистъ», послѣ разрыва съ Маріей, мучительно страдаетъ отъ одиночества, съ ужасомъ думаетъ, что онъ долженъ уйти безслѣдно, не оставивъ на землѣ корней. Въ послѣдніе дни жизни ужасъ передъ совершеннымъ уничтоженіемъ достигаетъ въ немъ такой силы, что онъ задумываетъ безумный опытъ: добиться потомства научнымъ способомъ общенія съ ненавистнымъ ему женскимъ поломъ. Потерпѣвъ крушеніе, сумасшедшій инспекторъ кончаетъ съ собой. Вотъ какъ силенъ былъ голосъ «рода» у индивидуалиста Стриндберга.

И какъ должна была быть сильна вражда къ той половинѣ рода человѣческаго, которую онъ считалъ источникомъ «мужского» несчастія! Женщины, для Стриндберга, низшая раса, переходная ступень отъ ребенка къ человѣку. «Если человѣческій родъ ведетъ начало отъ обезьянъ, то, очевидно, мужчины и женщины произошли отъ совершенно различныхъ породъ». Природа раздѣлила мужчину и женщину непроходимой бездной, которую ничто никогда не уничтожитъ. Мысль стриндберговскихъ героевъ всегда усиленно работаетъ въ этомъ направленіи. Особенно поглощенъ этой темой инспекторъ въ романѣ: «На шхерахъ» Даже безсознательно онъ чертитъ интригующее его слово: «Пандора», символизировавшее у древнихъ первую женщину, посланную людямъ богами изъ мести за похищеніе Прометеемъ огня—олицетвореніе зла, лжи и коварства. Равенства и гармоніи въ любви между мужчиной и женщиной, по мнѣнію Стриндберга, быть не можетъ. Остается мужчинѣ или возвысить женщину до себя, что почти невозможно, или самому спуститься къ ней, что гораздо вѣроятнѣе, поэтому лучше всего обойти эту коварную ловушку природы, любовь. Борьбѣ половъ посвящены лучшія вещи Стриндберга: «Отецъ», «На шхерахъ», «Товарищи». Въ послѣдней пьесѣ эта борьба принимаетъ характеръ настоящей войны двухъ враждующихъ становъ, двухъ стихій—мужской и женской. Индивидуальности, подъ вліяніемъ увлеченія ненавистью, у «индивидуалиста» Стриндберга совершенно исчезаютъ.

Однако ненависть, которую Стриндбергъ со своими героями питаетъ къ женщинѣ,—весьма сложное чувство, и притомъ довольно коварное. Это ненависть-любовь. Женщина одновременно ужасаетъ, отталкиваетъ и притягиваетъ его, какъ магнитъ. Въ ней источникъ не только горести, но и счастья. Инспекторъ въ романѣ «На шхерахъ» передъ смертью въ этомъ признается товарищу.

— Если бъ ты былъ женщиной, я бы ожилъ снова, потому что женщина—корень мужчины на землѣ,—говоритъ онъ въ отвѣтъ на выраженное ему участіе.

— Твое счастье, что ты уничтожилъ этотъ гнилой корень.

— Но безъ корня мы не можемъ жить и цвѣсти.

Выводъ и обобщеніе у Стриндберга односторонни и прямолинейны, иногда наивны, но ему нельзя отказать въ глубокой прозорливости, въ умѣньѣ заглянуть въ тайники жизни. Природа пассивнаго женскаго начала въ своей основѣ опредѣляется имъ во многихъ отношеніяхъ вѣрно. Ошибка его заключается въ томъ, что онъ эту «женскую стихію», присущую въ разныхъ степеняхъ каждой человѣческой индивидуальности, отождествилъ съ конкретной женщиной и объявилъ женщинамъ войну.

Существуетъ мнѣніе, раздѣляемое и Брандесомъ, будто бы женофобство Стриндберга разгорѣлось въ противовѣсъ господствовавшему въ Скандинавіи феминизму, какъ протестъ противъ него, чуть ли не изъ духа противорѣчія. Гораздо вѣрнѣе предположить, что источникомъ его женофобства были личныя переживанія и впечатлѣнія. У такихъ субъективистовъ, какъ Стриндбергъ, философія больше всего питается собственнымъ опытомъ. Личная жизнь его была въ такой же степени бурной, какъ и общественная. Онъ трижды пытался найти счастье въ бракѣ—и всякій разъ неудачно. Нѣжная, женственно-привязчивая натура усиленно побуждала его искать ласки и прочной любви. Но для семейнаго союза въ его характерѣ было мало данныхъ. Характерно, что и женщины ему нравились не пассивныя, умѣющія служить хорошимъ дополненіемъ мужчинѣ, а тоже ярко индивидуалистическія, свободолюбивыя какъ и онъ самъ. Въ результатѣ—рядъ бурь. Въ 1893 г. онъ разводится съ своей первой женой, отношенія съ которой детально изображены въ «Исповѣди безумца», и женится вторично. Этотъ бракъ длится всего три года, и смѣняется союзомъ съ драматической актрисой Боссе. Къ личнымъ драмамъ Стриндберга, вѣроятно, примѣнимы слова, сказанныя однимъ критикомъ по поводу его общественныхъ отношеній: «онъ страдалъ, и это смягчаетъ тѣ страданія, которыя онъ своимъ неугомоннымъ характеромъ причинялъ другимъ».

Кромѣ литературныхъ произведеній Стриндбергъ оставилъ еще и научныя, показывающія, какъ серьезно онъ относился къ предметамъ своего увлеченія. Въ романѣ «На шхерахъ» и въ повѣсти «Чандала» звучитъ голосъ страстнаго натуралиста, который съ радостью дѣлится съ другими своими обширными познаніями. Въ историческихъ драмахъ проглядываетъ вдумчивый историкъ. Ничего этотъ удивительный человѣкъ не дѣлалъ въ половину, всѣмъ страстно увлекаясь. Но съ другой стороны ни въ чемъ онъ не достигалъ полной законченности. По отзывамъ спеціалистовъ, научныя работы Стриндберга не лишены оригинальныхъ точекъ зрѣнія, но не возвышаются надъ простымъ дилетантизмомъ.

Дилетантомъ, до извѣстной степени, является знаменитый писатель и въ литературѣ. Онъ слабъ какъ художникъ, слабъ какъ стилистъ, и едва ли оставитъ прочный слѣдъ, несмотря на свой несомнѣнно большой талантъ повѣствователя. Самое цѣнное въ Стриндбергѣ—его личность, совершенно исключительная: самобытная и живая, свободолюбивая и мятежная, неугомонная, какъ море.

Е. Колтоновская.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Стихотворенія М. Зенкевича («Дикая Порфира», изданіе «Цеха поэтовъ») не шаблонны. Онъ черпаетъ свой паѳосъ, свои идеи и образы изъ круга явленій, изучаемыхъ геологіей, палеонтологіей, физіологіей, физической географіей и т. п.; иногда встрѣчаются и образы, взятые изъ исторіи, но только для того, чтобы получить освѣщеніе опять-таки съ точки зрѣнія міросозерцанія, сотканнаго изъ соприкосновенія съ естественно-научными элементами. Вниманіе автора сосредоточено на стихійныхъ процессахъ, на работѣ міровыхъ силъ, создававшихъ видимые міры изъ первобытнаго хаоса, на геологическихъ переворотахъ, давшихъ землѣ современное ея состояніе, на смѣнахъ формъ жизни отъ махайродонта до человѣка, отъ гигантскихъ хвощей до теперешней флоры. При этомъ то, что мы называемъ жизнью, представляется Зенкевичу лишь временной стадіей, скоропреходящимъ, поверхностнымъ налетомъ, а истинное величіе, глубина и вѣчность принадлежатъ только тѣмъ стихійнымъ силамъ, которыя обыкновенно признаются мертвыми силами природы. Съ этой точки зрѣнія люди, взятые какъ таковые, суть лишь «твари», которыя на землѣ «плодятся и ползутъ, какъ въ падали бациллы разложенія»; предметъ нашей гордости, разумъ, если только онъ противополагаетъ насъ стихіи и хочетъ вознести надъ ней, есть лишь чванная слѣпота. Мудры и царственны не мы, а металлы и минералы, огненный разливъ которыхъ зрѣлъ передъ первымъ днемъ созданья вѣчную тайну. Человѣкъ мнитъ, что онъ покорилъ металлы, заставилъ ихъ служить своей индустріи и наукѣ, своему тщеславію, золотя орловъ призрачныхъ имперій; но ихъ тяжкій грохотъ въ нѣдрахъ земли безустанно поетъ о томъ, что настанетъ пора, когда они насъ, «владыкъ земли, какъ плѣсень, слизнутъ краснымъ языкомъ»,

Что снова строгій и печальный
Надъ хаосомъ огня и водъ
Духъ—созидатель изначальный—
Направитъ легкій свой полетъ.

Не только человѣкъ, но и всякая органическая жизнь извѣстнаго намъ типа есть такой же несовершенный опытъ міротворящей

силы, какъ и допотопныя чудовища, и, такъ же какъ и они, должна исчезнуть и уступить мѣсто новымъ, невѣдомымъ формамъ бытія. Но тѣ организмы, которые мы считаемъ нашими, исполнены «темнаго прозрѣнья» міровой воли и исполняютъ свое назначеніе безъ всякаго протеста и бунта, съ мудрой покорностью. Лишь люди, кичащіеся своимъ культурнымъ интеллектомъ, оторвались отъ непосредственной связи съ міротворящимъ началомъ, не чуютъ его. И потому они—жертвы ложнаго ужаса и ненужнаго бунта. Поэтому «гордый царь» долженъ учиться утраченной мудрости «у послѣдней слизной твари», или у дѣтей, «едва порвавшихъ живую связь съ животной жизнью материнства», или вглядываясь въ «радостный міръ» живого физіологическаго процесса образованія и распада животныхъ тканей въ организмѣ. Высшая мудрость заключается въ томъ, чтобы чуять «скрытое единство живой души, тупого вещества», или «золотое единство божественной воли», только разлагаемое на радуги» явленій. Эту мудрость можетъ постигнуть уединенный философъ, какъ Маркъ Аврелій, который нашелъ, что

Покорны бѣгу одному
Огнетуманныя свѣтила
И мы, идущіе во тьму.

Но, быть можетъ, еще вѣрнѣе путь изверга—полуживотнаго Коммода, которому поэтъ посвящаетъ такія строки:

Что, если кровожаднымъ нюхомъ
Въ истоки солнцъ—глухой тайникъ—
Ты, темный звѣрь, яснѣй проникъ,
Чѣмъ твой отецъ крылатымъ духомъ?

А иногда поэту кажется, что человѣкъ, оторвавшійся отъ природы, долженъ на время потерять все свое человѣкоподобіе и превратиться въ дикое животное, чтобы обрѣсти утраченную имъ глубинную мудрость. Такъ было съ Навуходоносоромъ:

Съ ложа пиршественныхъ залъ
Къ жвачнымъ буйволамъ въ пустыню
Богъ пастись его воззвалъ.
Но мгновенно царство тѣни:
Тьмой постигнутой великъ,
Вновь изъ сумрачныхъ затменій
Золотой выходитъ ликъ.

И изъ животнаго состоянія Навуходоносоръ возвращается истинно понимающимъ Іегову, такъ какъ его духъ теперь просвѣщенъ «темной мудростью звѣриной».

Вѣнецъ мудрости заключается для Зенкевича въ томъ, чтобы неизбѣжную гибель человѣка и человѣчества понять какъ новое, радостное перевоплощеніе міровой силы. Оглянувшись на эволюцію отъ гигантскаго ящера до разумнаго человѣка, поэтъ осмысляетъ ее такъ:

А все за тѣмъ, чтобъ пламенемъ священнымъ
Я провѣрялъ свой древній, темной духъ
И на кострѣ предъ Богомъ сокровеннымъ,
Какъ царь послѣдній, радостно потухъ;
Чтобъ предъ его всегда багрянымъ трономъ,
Какъ теплый паръ, легко поднявшись ввысь,
Подобно раскаленнымъ электронамъ,
Мои частицы въ золотѣ неслись.

То же настроеніе сказывается и въ обращеніи поэта къ «землѣ-владычицѣ»:

Не порывай со мной, какъ мать, кровавыхъ узъ,
Дай въ танцѣ бѣшеномъ твоей орбитной цѣпи
И крови красный гулъ, и мозга жирный грузъ
Сложить къ подножію твоихъ великолѣпій.

Таково основное содержаніе этого сборника стихотвореній, которому нельзя отказать ни въ своеобразной красотѣ, ни въ подъемѣ настроенія. Но въ пафосѣ Зенкевича чувствуется элементъ надуманности; въ подборѣ образовъ и въ отдѣлкѣ формы сквозятъ умышленность и упорная работа, неуспѣвшая раствориться въ непринужденную легкость истиннаго мастерства; стилистическія украшенія часто грѣшатъ тяжеловѣсностью. Во всемъ этомъ сказывается школа Брюсова, но ученикъ еще далеко не достигъ виртуозности своего учителя. Виртуозность, конечно, дѣло наживное, и у Зенкевича есть шансы достигнуть значительныхъ успѣховъ въ этомъ отношеніи. Гораздо существеннѣе для судьбы начинающаго поэта, какъ будетъ дальше идти его работа въ смыслѣ соотношенія между искренностью непосредственныхъ переживаній и склонностью къ холодной стилизаціи тѣхъ или другихъ сюжетовъ. Послѣдуетъ ли онъ за своимъ учителемъ въ его теоретическомъ воззрѣніи на поэзію какъ на красивую игру словъ, какъ на чисто формальное мастерство, которому можно предаваться и тогда, когда въ душѣ ничто не поетъ, ничто не просится наружу?

Къ чему ведетъ такой путь увлеченія чисто формальными задачами словеснаго искусства—лучше всего показываетъ примѣръ самого Валерія Брюсова. Послѣдніе его стилизаторскіе опыты въ прозѣ свидѣтельствуютъ, что онъ дѣйствительно вполнѣ покорилъ

русскій языкъ и можетъ теперь заставить его служить всякому своему капризу. Въ «Огненномъ ангелѣ» русская рѣчь пріобрѣтаетъ подъ перомъ Брюсова готическій характеръ, въ «Алтарѣ побѣды»—звучитъ, какъ латынь серебрянаго вѣка. Но эти фокусы, растянутые на цѣлые томы, становятся скучными, даже несносными; прямо нудно отъ такого ломанія надъ русскимъ языкомъ, отъ такого маскированія его въ чуждыя ему личины. Хочется свободной, высокой и гибкой, по своему безпредѣльно выразительной настоящей русской рѣчи. А если бы попробовалъ Брюсовъ убрать этотъ маскарадъ и разсказать свои романы простымъ языкомъ, то они превратились бы въ нѣчто жалкое, абсолютно безсодержательное, психологически пустое, исторически блѣдное и отнюдь не характерное. Второй уже годъ тянется въ «Русской Мысли» безконечный «Алтарь побѣды», и самъ авторъ уже признался печатно, что такой объемъ повѣсти явился для него самого неожиданностью: задумана была небольшая вещь, а стилизаторское увлеченіе раздуло ее, уже въ теченіе самой работы, въ десятки печатныхъ листовъ. Можетъ быть, сведенная къ первоначальнымъ размѣрамъ, повѣсть и прочиталась бы безъ скуки; но теперь я не знаю, у многихъ ли хватитъ терпѣнія добрести до ея конца. Гамма настроѐній, охваченная ею, по существу давно уже намъ знакома по прежнимъ произведеніямъ Брюсова, при чемъ реньше онъ, особенно въ поэзіи, находилъ для ея выраженія гораздо болѣе яркіе и выпуклые образы и звуки. Рабство человѣка передъ плотской страстью, безволіе молодой пылкой натуры передъ холоднымъ искусствомъ опытнаго разврата, истерія, переплетающая религіозные экстазы и половую психопатію въ хаосъ, удушливый, но для автора кажущійся значительнымъ,—все это издавна уже привлекало вниманіе Брюсова. И книга валится изъ рукъ, когда читатель начинаетъ улавливать въ психологіи истерички Реи ликъ Ренаты изъ «Огненнаго ангела», или когда дѣва, безнадежно влюбленная въ героя «Алтаря побѣды», забирается къ нему подъ одѣяло точно такъ же, какъ герой «Огненнаго ангела» забирался подъ одѣяло къ Ренатѣ, когда былъ еще безнадежно влюбленъ въ нее. У Брюсова, очевидно, уже выработались психологическіе и фабулистическіе шаблоны. Прямо непонятно, какимъ образомъ человѣкъ столь тонкаго художественнаго чутья можетъ забавляться тѣмъ, чтобы изъ этихъ шаблоновъ, какъ дѣти изъ кубиковъ, строить до нестерпимости похожія другъ на друга аркады и колоннады, разнообразя свои постройки только сухими, книжными аксессуарами, заимствованными сегодня изъ эпохи нѣмецкаго гуманизма, завтра—изъ эпохи императорскаго Рима.

Повторяться сталъ Брюсовъ и въ поэзіи. Его новая книга сти-

хотвореній: «Зеркало тѣней» на три четверти состоитъ изъ перепѣвовъ «Путей и перепутій», и рѣдко эти перепѣвы даютъ новые, интересные варіанты или болѣе яркое выраженіе прежнихъ его опытовъ. Къ числу такихъ удачныхъ пьесъ надо отнести «Призраки», жгучій и жуткій итогъ жизни женщины, много любившей, много страдавшей, низко падавшей, оскорбляемой и оскорблявшей, и теперь покончившей земные счеты. Еще лучше нѣкоторыя изъ стихотвореній, объединенныхъ подъ заголовкомъ: «На груди земной». Тутъ поэтъ отрѣшается отъ своего холоднаго снобизма, отъ погони за экзотическими настроеніями и сюжетами, и съ неожиданнымъ для него ликованіемъ отдается «веселому зову весенней зелени», и «какъ прежде, дѣтски, вѣритъ счастью и правдѣ перемѣнныхъ сновъ».

Эти вѣянья и таянья,
Эти млѣянья (1) и чаянья,
Этотъ милый майскій шумъ—
Увлекая къ безпредѣльности,—
Возвращаютъ тайну цѣльности
Сновъ и міра, словъ и думъ...

Эта «возвращенная тайна» наполняетъ душу поэта столь чуждой для него обыкновенно легкой, прозрачной жизнерадостностью, которая побѣждаетъ суровость жизненнаго опыта:

Бывалъ я, съ нѣжностью, обманутъ,
И, съ лаской, дружбой оскорбленъ,—
Но строфы славить не устанутъ
Любви и страсти сладкій сонъ.
Я говорю: пусть розы вянутъ,
Май будетъ ими напоенъ!

При такомъ подъемѣ не страшенъ даже «живыхъ пугающій, неотвратимый, строгій часъ». Смерть кажется только переходомъ къ вѣчности тѣхъ радостей, которыми такъ богато земное существованіе:

Пусть къ кораблю временъ прицѣпитъ
Твоя рука мою ладью.
И, вѣрю, вѣчностью хранимый,
Въ тѣхъ даляхъ я узнаю вновь
И страсть, и горе, и любовь,
Блескъ дня, чернь ночи, весны, зимы!..

---

1) Безвкусный, шепеляво звучащій неологизмъ, который портитъ строфу, прекрасную и по музыкѣ, и по настроенію.

Вотъ какъ можетъ заговорить холодный стилизаторъ, гоняющійся за инфернальными мотивами, когда у него душа заноетъ, соприкоснувшись съ животворящей грудью земной.

Оригинальную, но, къ сожалѣнію, и оригинальничающую, книжечку стихотвореній выпустилъ другой представитель «Цеха поэтовъ», Владиміра Нарбутъ. Его «Аллилуіа» издана на сѣрой бумагѣ, въ родѣ той, на которой писали въ XVIII и началѣ XIX вѣка, отпечатана вся сплошь церковно-славянскимъ шрифтомъ съ киноварными заглавными буквами изъ старопечатной псалтыри, снабжена портретомъ автора. Все это—смѣшныя и досадныя ненужности, отъ которыхъ приходится отмахиваться, чтобы онѣ не мѣшали правильному воспріятію опытовъ молодого поэта.

Эпиграфомъ къ своей «Аллилуіа» Нарбутъ беретъ псаломъ 148-й: «Хвалите Господа отъ земли, зміеве и вся бездны... звѣріе и вси скоти... цари земстіи, людіе» и т. д. Все создано Богомъ во славу Его, все безъ изъятія, даже то, что кажется намъ жалкимъ и срамнымъ. И Нарбута какъ будто интересуетъ вопросъ, можно ли безъ злобнымъ, примиряющимъ окомъ художника взглянуть именно на эти кажущіяся отрицательными творенія Божіи. Передъ читателемъ проходитъ рядъ странныхъ образовъ, написанныхъ съ несомнѣнной зрительной фантазіей, напоминающей то Босха, то Гойю, и съ яркой, часто грубой выпуклостью. Вотъ «нежить», «погань лохматая», «слѣпыя чада» народной фантазіи—щуры и пращуры, копошащіяся въ дымовыхъ трубахъ, «домовиха рыжая, раскоряка тощая», щуренокъ, копающій корки изъ помойницы и т. п. Дальше идутъ вѣдьмы и топящіе ихъ егозливые полузвѣри-полубѣсы, потомъ рядъ человѣческихъ фигуръ, но тоже взятыхъ въ раккурсахъ гротеска: пьяная компанія, дошедшая до полной распоясанности, старая, расплывшаяся помѣщица, разморенная лѣтнимъ зноемъ до потери человѣкоподобія, столь же мало человѣкоподобная толпа изъ важныхъ гражданъ и простонародья, провожающая по городу архіерея и т. п. Все это написано сочно, густыми тонами, но сильно попорчено тѣмъ, что авторъ, усиленно ища сугубо выразительныхъ словъ и синтаксическихъ оборотовъ, еще не владѣетъ дѣйствительно оригинальнымъ матеріаломъ, который ему подсказываетъ его чутье русскаго языка; изъ всѣхъ этихъ ядреныхъ простонародныхъ реченій и свободнаго сочетанія предложеній можно въ самомъ дѣлѣ выработать нѣчто яркое и своеобразное, но у Нарбута часто получается тяжеловѣсная, маловразумительная путаница и примитивная грубость рѣчи. Нѣкоторыя строки «Аллилуіи» приходится перечитывать нѣсколько разъ, чтобъ уловить ихъ смыслъ. Во всякомъ случаѣ, у Нарбута бьется

пульсъ настоящей одаренности; передъ нимъ есть дорога, если только онъ способенъ на упорный трудъ и трезвую самокритику.

Не психологической глубиной и не совершенствомъ формы, а неподдѣльной искренностью подкупаетъ Н. А. Крашенинниковъ, выпустившій недавно отдѣльной книжкой свой романъ «Барышни». Романъ немного прибавилъ къ тому впечатлѣнію, которое оставили мелкіе разсказы этого автора, собранные въ книжкѣ «Мечты о жизни». По основному настроенію романъ очень близокъ къ разсказамъ, а одинъ изъ нихъ («Тишайшіе») почти цѣликомъ включенъ въ романъ въ качествѣ эпизода, только съ измѣненіемъ собственныхъ именъ. Темавъ большинствѣ разсказовъ Крашенинникова одна и та же. «Жизнь, эта странная штука, у которой было все время гладкое, вызолоченное лицо, а потомъ она какъ-то сразу вдругъ повернулась грязной, затрепанной, пугающей и неизвѣстной изнанкой». Живетъ человѣкъ до поры до времени, существованіе его заполнено тѣми или другими поступками и интересами, въ цѣнности и необходимости которыхъ онъ не сомнѣвается; но затѣмъ, по большей части внезапно, наступаетъ моментъ, когда у него раскрывается какое-то внутреннее зрѣніе, и онъ, остановившись въ недоумѣніи и оглядываясь назадъ, видитъ, что «все это было никому ненужно, вполнѣ ничтожно и лишне», а впереди уже ничего нѣтъ, да и вообще неизвѣстно, въ чемъ истинная цѣль и истинный смыслъ жизни. Дойдя до такого безутѣшнаго вывода, герой Крашенинникова обыкновенно умираетъ; если же разсказъ и не кончается смертью, то все равно ясно, что конецъ неизбѣженъ, и автору просто только не захотѣлось поставить точку. Такой кризисъ постигъ многосемейнаго помѣщика Званцева, который, только спустивъ все состояніе и принужденный зарабатывать хлѣбъ, внезапно понялъ, что безсмысленно было его прежнее безпечальное существованіе, похоже на смерть, страхъ и болѣзнь. Но какое должно быть настоящее существованіе—Званцевъ такъ и не смогъ уразумѣть. Точно также профессоръ Дрейеръ, истязующій студентовъ на экзаменахъ, вдругъ почуялъ на седьмомъ десяткѣ лѣтъ ненужность и недопустимость своей лже-научной и лже-педагогической дѣятельности; но свернуть ему некуда, и онъ навинчиваетъ себя на продолженіе привычной жизни. Старику-купцу Столѣтову, всю жизнь грязно и жадно барышничавшему, открывается что все его прошлое—«нескончаемая цѣпь смѣшныхъ и безполезныхъ движеній». Капитанъ Степановъ 2-й, отцы и дѣды котораго были военными и который собирался пустить по той же дорогѣ своихъ дѣтей, преисполняется ужасомъ и ненавистью передъ военнымъ ремесломъ, когда ему самому приходится на манджурскихъ поляхъ, обороняясь отъ нападенія, убить въ рукопашной схваткѣ японца.

«На землѣ безобразно», и нѣтъ путей, на которыхъ можно было бы спастись отъ этого безобразія жизни.

Романъ «Барышни» построенъ на тѣхъ же нотахъ. Семь дочерей богатаго фабриканта, потерявъ родителей, властной рукой давившихъ ихъ молодость, бросаются на встрѣчу жизни, исполненныя пламенной мечты и огненной жажды счастья и радости—но всѣ такъ или иначе гибнутъ, встрѣтивъ, вмѣсто грезившейся имъ красоты, безмысленность, безобразіе, пошлость. Авторъ даетъ намекъ, что ихъ сгубило именно то, что онѣ «барышни», что онѣ вывихнуты гнетомъ родителей и экзотическимъ существованіемъ богатыхъ дѣвушекъ; только у работающихъ людей бываетъ настоящее счастье. Но онъ самъ показывалъ намъ немало совсѣмъ не барчуковъ и совсѣмъ не барышень, которые однако также заблудились въ жизни, какъ и героини его романа. На самомъ дѣлѣ для Крашенинникова корень зла вовсе не въ барствѣ: ему представляется, что вся современная жизнь, по какому-то роковому недоразумѣнію, заблудилась на ложномъ пути, и поколѣніе, застигнутое злымъ безвременьемъ, осуждено на неизбѣжную гибель. Эта перспектива наполняетъ душу писателя тихой грустью и кроткой жалобой, но не порождаетъ безпросвѣтнаго пессимизма. Онъ чувствуетъ родство своего міровоспріятія съ Тургеневскимъ и вѣритъ, какъ и тотъ, что безрадостная гибель современнаго поколѣнія есть какъ бы искупительная жертва во имя блага грядущаго человѣчества. Непонятный ужасъ и мракъ дѣйствительности по временамъ озаряется трепетными вспышками надежды на то, что гдѣ-то, въ непришедшихъ еще вѣкахъ, взойдетъ благостное солнце, явится правда, безъ которой сейчасъ такъ тяжко дышется, разрѣшится загадка, теперь столь мучительная и неразрѣшимая. И эта надежда помогаетъ принимать жизнь такой, какая она есть. Когда становится слишкомъ ужъ больно и душно, когда нестерпимо давитъ нависающій потолокъ, тогда суровый отецъ «Барышень» заставляетъ свою маленькую дочку читать ему вслухъ Тургенева, и ему «хорошо и жутко мечтается надъ этими *молитвами* о святой жизни... Закрывались тогда глаза, чтобы не было видно ни лампы, ни самовара, ни стульевъ, ни стола, а въ душу мягко вбѣгали произносимыя мягкимъ невиннымъ голоскомъ обольстительныя убѣжденія, *клятвы будущей жизни*, какой она должна быть и, можетъ быть, будетъ».

«Новые люди сдѣлаютъ новую жизнь. И дѣлать ее будутъ по новому. Не доживетъ до этого Стася,—но свѣтъ зажжется, сердце увѣрено,—и на душѣ ея тихо. Около нея—дѣвочка, которая увидитъ... Чего-жъ ей еще?..» Такъ кончаетъ свой романъ Крашенинниковъ. Это, дѣйствительно, по Тургеневски. Это—Лаврецкій, ко-

торый «съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ» уходитъ изъ жизни, увѣренный, что молодое поколѣніе найдетъ то, чего онъ не могъ найти, и сдѣлаетъ то, чего ему не дано было сдѣлать.

С. Адріановъ.

КЪ БІОГРАФІИ И. А. ГОНЧАРОВА.

Бывшая начальница Виленскаго высшаго маріинскаго училища, Александра Яковлевна Колодкина, была знакома съ Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ. Полагая, что для характеристики нашихъ выдающихся писателей важны всѣ сколько-нибудь интересные эпизоды изъ ихъ жизни и пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ г-жи Колодкиной опубликовать нѣкоторыя изъ ея воспоминаній и напечатать имѣющееся у нея письмо И. А. Гончарова, мы съ ея словъ разскажемъ вкратцѣ исторію этого знакомства. Лѣто 1866-го года, А. Я. Колодкина проводила, вмѣстѣ съ своей сестрой П. Я., въ Маріенбадѣ. Общество русскихъ на водахъ было не велико. Большею частью это были больные, пріѣхавшіе для поправленія здоровья. Здоровые, находившіеся при больныхъ, искали развлеченій. При такихъ обстоятельствахъ люди обыкновенно знакомятся быстро и охотно. Къ знакомствамъ побуждало и естественное чувство землячества, пробуждающееся на чужой сторонѣ.

«Однажды,—разсказываетъ Александра Яковлевна,—мы обѣдали въ ресторанѣ «Stadt Hamburg» за отдѣльнымъ столикомъ, Здѣсь по преимуществу собиралось русское общество. Неподалеку отъ насъ расположилась группа посѣтителей. Среди нихъ былъ Гончаровъ, котораго доктора нѣсколько лѣтъ уже подрядъ посылали въ Маріенбадъ. Онъ посмотрѣлъ въ нашу сторону.

— Это непремѣнно русскіе,—сказалъ Иванъ Александровичъ и пожелалъ съ нами познакомиться.

— Позвольте вамъ представить: Иванъ Александровичъ Гончаровъ,—сказалъ А. П. Опочининъ, подводя къ намъ писателя.

— Гончарова не нужно представлять... Его всѣ знаютъ,—отвѣтила я.

Онъ вѣжливо поклонился, и мы разговорились. Съ того дня онъ приходилъ къ намъ каждый день.

Конечно, мнѣ пріятно было знакомство съ писателемъ, о которомъ говорила тогда вся Россія».

Гончаровъ находился тогда, можно сказать, въ зенитѣ своей извѣстности. Публикѣ уже были извѣстны его «Обыкновенная исторія», «Фрегатъ Паллада» и «Обломовъ». Иванъ Александровичъ работалъ надъ «Обрывомъ». Нервы Гончарова въ это время были разстроены, и доктора посовѣтовали ему ѣздить, послѣ леченія въ Маріенбадѣ, въ Boulogne-sur-mer.

«Отправляясь туда и прощаясь со мной, — разсказываетъ А. Я., —онъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Не напишете ли вы мнѣ въ Булонь нѣсколько строчекъ. Мнѣ было бы очень пріятно получить отъ васъ хоть маленькое письмецо...

Видя въ его словахъ обычную въ такихъ случаяхъ любезность, я, конечно, и не думала писать ему.

Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Маріенбадѣ я съ своими родными переѣхала въ Парижъ. Въ одну изъ тоскливыхъ минутъ, какія часто находили на насъ въ дурную погоду, въ большомъ, чуждомъ намъ городѣ, мнѣ пришло въ голову: почему и не написать Ивану Александровичу? Къ этому побуждала меня и моя сестра.

Хотя, по тогдашнимъ понятіямъ, и не принято было писать молодымъ дѣвицамъ письма мужчинамъ, но Гончаровъ могъ быть исключеніемъ,—и я написала ему нѣсколько строчекъ по-французски, самаго общаго содержанія, въ родѣ того: какъ вы поживаете? весело ли проводите время? какъ здоровье? и пр. При этомъ прибавила, что вспоминаю разговоры и интересныя прогулки съ нимъ... Иванъ Александровичъ черезъ нѣсколько дней отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ.

Boulogne-sur-mer.
Hôtel du Petit Pavillon.

«Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Парижа [1]), Александра Яковлевна, Вы отняли у меня суровымъ отказомъ всякую надежду получить отъ васъ строчку: можете себѣ представить, какъ пріятенъ мнѣ былъ неожиданный сюрпризъ, сдѣланный Вашимъ милымъ письмомъ. Только Вы приписываете ему не ту главную заслугу, какую оно имѣетъ: *искренность* [2]). До искренности еще не дошла

[1]) Это неточность: изъ Маріенбада, а не изъ Парижа.
[2]) Курсивъ писателя.

рѣчь, но я смѣю надѣяться, что эта рѣчь впереди, т. е., когда Вы, узнавъ меня нѣсколько короче, сложите съ себя этотъ характеръ сдержанности и учтивой любезности и замѣните ихъ дѣйствительной искренностью. Но я, поспѣшаю прибавить, этого еще не успѣлъ заслужить и потому сознаюсь, что Вы не могли написать письма въ какомъ-нибудь другомъ тонѣ, какъ въ томъ, въ какомъ оно написано. Впрочемъ, самый фактъ, т. е. присылка письма, даетъ мнѣ право гордиться, что Вы не забыли меня и что, слѣдовательно, находили не непріятнымъ мое общество. Я желалъ бы, чтобы по возвращеніи моемъ въ Парижъ, Вы нашли большое удовольствіе въ нашихъ прогулкахъ и чтобы вспоминали о нихъ болѣе двухъ недѣль потомъ. Вотъ видите: Вы немного побаловали меня, и у меня является неумѣренная претензія, которую я постараюсь всячески оправдать.

Вы предоставляете мнѣ угадать, почему пишете мнѣ по-французски, а не по-русски. Я бы желалъ предположить какую-нибудь мелкую и невинную причину, напримѣръ, нелады съ «ѣ» и «е» или отвращеніе къ запятымъ, наконецъ, наивную боязнь нѣкоторыхъ дамъ писать къ литераторамъ, но такія причины слишкомъ ниже Васъ—Вы черезчуръ умны и ложный стыдъ въ незнаніи запятыхъ Вамъ не къ лицу. Я боюсь другой, горшей причины: французская рѣчь лучше помогаетъ быть любезнымъ въ принятыхъ формахъ, нежели русская, не обязанная быть въ то же время искренней. Впрочемъ, эта причина, при неопредѣленныхъ, неустановившихся отношеніяхъ, законная и почти неизбѣжная. Я увѣренъ, что послѣ новыхъ, очень немногихъ прогулокъ со мною Вы перейдете на русскую рѣчь.

Русскихъ женщинъ я считаю лучшими изъ всѣхъ, и не по одному только патріотизму, а и по строгому, долговременному изученію ихъ: языкъ есть самое живое и чуть ли не единственное выраженіе національности. Женщина, постоянно говорящая и пишущая на чужомъ языкѣ, всегда бы осталась для меня незнакомою, какъ бы я часто ни видалъ ее.

Вы полагаете, что я здѣсь попалъ въ вихрь большого свѣта и даже участвую въ балахъ. Большого свѣта здѣсь нѣтъ: англичанъ много, но изъ нихъ мало порядочныхъ, а бо́льшая часть пріѣзжаетъ или спасаясь отъ долговъ въ Англіи, или для торговыхъ сдѣлокъ, или покутить недѣлю въ чужомъ городѣ, или, наконецъ, бѣгутъ отъ англійской дороговизны.

Въ балахъ я участвую тѣмъ, что проклинаю разъѣздъ экипажей всякій разъ, когда дается балъ въ Casino, находящемся противъ моей отели. Одинъ разъ я, увлеченный извѣстнымъ Вамъ ба-

рономъ [1]), пошелъ въ концертъ, въ которомъ участвовала Carlotta Патти, но, прослушавъ пропѣтую арію изъ Верди, ушелъ не дождавшись другой.

Я живу здѣсь очень уединенно, даже пересталъ ходить въ table d'hôte, потому что нѣкоторые англичане и особенно англичанки, узнавъ, что я одинъ русскій во всей Булони (баронъ уѣхалъ), думаютъ, что мнѣ скучно и стараются развлекать меня разговоромъ, и притомъ англійскимъ. Я отвыкъ почти совсѣмъ отъ языка,—и трудъ ломать голову надъ англійскими фразами меня тяготитъ.

Сегодня особенно сюда наѣхало множество народа изъ Англіи и изъ окрестностей Булоня, даже изъ Парижа. Здѣсь празднуютъ нынѣшній день и совершаютъ громадный крестный ходъ въ честь Notre Dame de Boulogne, причемъ епископъ торжественно благословляетъ море. Въ процессіи участвуютъ, какъ мнѣ сказывали, до восемнадцати епископовъ и до тысячи дѣвицъ (toutes les vierges de Boulogne et des environs, сказывала мнѣ одна благочестивая душа). А я думаю, что столькихъ епископовъ во всей Франціи нѣтъ. Не знаю, наберется ли столько дѣвицъ въ Булони и ея окрестностяхъ.

Но какъ я и эту процессію видѣлъ разъ пять, то и не тороплюсь изъ своей комнаты, а провожу время гораздо пріятнѣе, т. е. пишу Вамъ.

Очень жалѣю, что Вы не написали мнѣ нумера дома, гдѣ Вы живете, что необходимо здѣсь, и потому я посылаю письмо къ хозяевамъ своей парижской отели для доставленія Вамъ.

Между прочимъ я роюсь въ своихъ тетрадкахъ и по временамъ прибавляю новую страницу [2]). Если охота не пропадетъ заниматься, то я быть можетъ останусь здѣсь лишнюю недѣлю, хотя чувствую, что отъ работы, при морскихъ купаніяхъ, дѣлаются приливы крови къ головѣ. Если они не прекратятся, я надѣюсь въ непродолжительномъ времени лично поблагодарить Васъ за дорогое, милое вниманіе.

А теперь прошу Васъ передать выраженіе моего почтенія Вашей сестрицѣ, поклонъ племянницѣ и принять увѣреніе въ моей преданности.

И. Гончаровъ».

Въ скоромъ времени въ Парижъ пріѣхалъ и Гончаровъ. «Мы, разсказываетъ А. Я. Колодкина,—цѣлой компаніей часто гуляли съ

---

[1]) Баронъ Шериваль-Валленъ.

[2]) И. А. отдѣлывалъ тогда свой «Обрывъ».

Иваномъ Александровичемъ по городу, устраивали недалекія загородныя прогулки. Въ театрѣ Гончаровъ ни разу не былъ за все это время. Только разъ удалось затащить его на концертъ въ Елисейскія поля... Но концертъ, повидимому, не производилъ на него никакого впечатлѣнія: онъ зѣвалъ и скучалъ.

Онъ развлекалъ насъ своими разсказами и шутками, остроумными замѣчаніями, на которыя былъ большой мастеръ. Онъ обладалъ способностью однимъ выраженіемъ мѣтко охарактеризовать человѣка и что угодно.

Черты выведеннаго имъ Обломова, имѣющаго, безспорно, автобіографическое значеніе, въ это время уже замѣтно сказывались въ немъ. Онъ не любилъ шумныхъ мѣстъ, избѣгалъ людскихъ сборищъ. По бульварамъ любилъ гулять только въ тѣхъ случаяхъ, когда они были малолюдны. Черты обломовщины видны изъ письма. Подобно своему Ильѣ Ильичу, онъ «проклинаетъ разъѣздъ экипажей, когда дается балъ въ Казино, уходитъ «не дождавшись другой аріи изъ Верди», «живетъ уединенно, даже пересталъ ходить въ table d'hôte», предпочитаетъ «не трогаться изъ своей комнаты», предполагаетъ, что у него «пропадетъ охота заниматься»; его «тяготитъ трудъ ломать голову надъ англійскими фразами»...

Александра Яковлевна съ улыбкой, между прочимъ, вспоминаетъ о поѣздкѣ съ Гончаровымъ на ярмарку, въ Сенъ-Клу.

«Намъ, молодымъ людямъ,—разсказываетъ А. Я., — естественно хотѣлось поглядѣть на людей, потолкаться на ярмаркѣ. Мы сказали о своемъ намѣреніи Ивану Александровичу и пригласили его. Но онъ—ни за что...

— И съ какой стати вы туда поѣдете,—началъ онъ насъ отговаривать.—Вы, молодыя дѣвушки, и вдругъ на ярмарку... Чего вы тамъ не видѣли?.. Тамъ рабочіе, разные сапожники, извозчики...

Мы стояли на своемъ. Видя наше настойчивое желаніе ѣхать, Гончаровъ рѣшилъ провожать насъ.

— Не могу же я допустить, чтобы вы ѣхали туда однѣ. Я буду вашимъ кавалеромъ... Ѣдемъ, такъ и быть, но только ради Бога не пароходомъ.

Послѣ путешествія на «Фрегатѣ Палладѣ» у Гончарова на всю жизнь явилось отвращеніе къ морскимъ путешествіямъ и, вообще, къ передвиженію водой. Онъ не скрывалъ этого отвращенія. Мы отправились по желѣзной дорогѣ.

Ярмарка, дѣйствительно, оказалась какимъ-то адомъ: масса народа, сутолока, бѣготня, шумъ, разные возгласы, крики... Продавщицы леденцовъ выкрикивали пронзительно: «Voilà le plaisir». Et les gamins répondaient: «n'en mangez pas, cela fait mourir».

— А что?.. Не говорилъ я!..—ворчалъ писатель, идя за нами.— Ну, скажите пожалуйста, кто изъ интеллигетныхъ дѣвицъ въ наше время ѣздитъ на ярмарку?..

Недовольство Гончарова усилилось, когда нужно было переходить съ поѣзда на поѣздъ чрезъ небольшой подъемъ по ступенькамъ... Къ тому же пошелъ дождь, что уже окончательно испортило настроеніе Ивана Александровича.

Успокоился онъ только въ вагонѣ, отвозившемъ насъ обратно въ Парижъ. Усѣвшись съ комфортомъ въ углу вагона, онъ зналъ, что его теперь не побезпокоятъ никакими неожиданностями, шутилъ по поводу ярмарочныхъ впечатлѣній и все задавалъ намъ язвительный вопросъ—много ли пріятныхъ впечатлѣній мы вынесли изъ ярмарки?.. А когда мы стали обѣдать въ отелѣ «de France», Гончаровъ окончательно развеселился.

— Александра Яковлевна,—обратился онъ ко мнѣ,—вы такая поклонница Пушкина, вѣрно знаете его стихотвореніе «Ангелъ» [1]). Скажите...

— Я начала:

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ
. . . . . .
— «Прости,—онъ рекъ...

— Теперь позвольте,—перебилъ въ этомъ мѣстѣ Гончаровъ и, держа бокалъ съ шампанскимъ, продолжалъ:

. . . . . Тебя я видѣлъ,
И ты не даромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ».

Однажды мы гуляли по rue de Rivoli съ Иваномъ Александровичемъ. Пошелъ дождь. Нужно было куда-нибудь скрыться.

— Пойдемъ въ Лувръ,—предложилъ Иванъ Александровичъ.

Хотя мы бывали въ Луврѣ не однажды, но этотъ музей не наскучитъ, сколько бы разъ его ни посѣщать. Дошли до комнаты, гдѣ на пьедесталѣ высится Венера Милосская. Иванъ Александровичъ, хотя и не разъ ее видѣлъ, пришелъ въ необычный для него восторгъ и, глядя на классическую статую, продекламировалъ:

---

[1]) Замѣтимъ отъ себя, что Александра Яковлевна и въ настоящее время помнитъ очень много стихотвореній и представляетъ собою начитанную, наблюдательную и интересную собесѣдницу.

Цвѣтетъ божественное тѣло
Неувядаемой красой...
Ты вся полна паѳосской страстью,
Ты вѣешь нѣгою морской,
И, вѣя всеподобной властью,
Ты смотришь въ вѣчность предъ собой.

Иванъ Александровичъ зналъ наизусть много стихотвореній, но декламировалъ ихъ не особенно охотно. Онъ былъ большой эстетикъ, любилъ все изящное, цвѣтущее, жизнерадостное и, какъ выраженіе жизнерадостности,—молодость.

Онъ особенно часто развивалъ мысль о томъ, что молодости дается даромъ то, къ чему, какъ къ окончательному итогу, стремится наука и искусство... но молодость не умѣетъ цѣнить своихъ благъ. Эту мысль онъ обыкновенно закрѣплялъ соотвѣтствующими выдержками изъ «Фауста»:

«Отдай же годы мнѣ златые,
Когда я самъ впередъ летѣлъ,
Когда я пѣсни молодыя
Еще свободной грудью пѣлъ»...

Онъ считалъ Гете великимъ сердцевѣдцемъ. Изъ «Фауста» ему особенно нравилось то мѣсто, гдѣ Мефистофель спрашиваетъ Фауста:—«какихъ ты желаешь благъ?».. А Фаустъ отвѣчаетъ:—«Я желаю ихъ всѣхъ, потому что желаю молодости»...

Себя Гончаровъ называлъ «старцемъ преклоннымъ, но не благочестивымъ...» Ему было тогда 54 года.

Прошло лѣто. Въ 20-хъ числахъ сентября А. Я. Колодкина вмѣстѣ съ Гончаровымъ возвращалась въ Россію.

При выѣздѣ изъ Парижа,—говоритъ Александра Яковлевна,—знакомые поднесли мнѣ букеты. Одинъ изъ нихъ былъ въ красивой коробкѣ. «Это все ваши трофеи?..» замѣтилъ Иванъ Александровичъ и въ свою очередь поднесъ мнѣ ананасъ, который я вложила въ коробку. На одной изъ станцій Гончаровъ принесъ сигары, даетъ мнѣ и проситъ ихъ спрятать. Онъ въ это время много курилъ. Я вложила сигары въ ту же коробку. Чрезъ нѣкоторое время Иванъ Александровичъ спрашиваетъ, гдѣ сигары?

— «Въ коробкѣ»...

— «Боже мой, что вы сдѣлали?»..

— «А что»?..

— «Помилуйте, всѣ мои сигары пропахнутъ ананасомъ»...

По дорогѣ останавливались на нѣсколько часовъ въ Кельнѣ, гдѣ осматривали Кельнскій соборъ,—и, конечно, купили о-де-колону... Болѣе продолжительную остановку сдѣлали въ Берлинѣ. Берлинъ

осматривали внимательно, посѣтили берлинскія достопримѣчательныя мѣста.

Были, между прочимъ, въ Крольгартенѣ. «Помнится,—разсказываетъ по этому поводу Александра Яковлевна,—въ Крольгартенѣ какая-то пѣвица пѣла Норму. Гончаровъ по этому поводу вспомнилъ, какъ его Ольга въ «Обломовѣ» пѣла «Casta Diva»... и какъ она понимала Норму, «выплакивавшую сердце»...

— Ольга—вашъ идеалъ?—спросила я.

— Неудачный!—отвѣтилъ писатель.

Въ Петербургѣ онъ часто бывалъ у А. Я. Колодкиной, которая жила тогда въ своей семьѣ на углу Большой Итальянской и Екатерининскаго канала, въ домѣ Енгалычовой.

«Однажды, придя въ мою комнату,—говоритъ А. Я.,—писатель спросилъ позволенія покурить и удивился, что у меня пепельницы нѣтъ.

— Я сама не курю, и никто изъ курящихъ въ мою комнату не допускается,—отвѣтила я шутливо,—но для васъ могу сдѣлать исключеніе...

Писатель поблагодарилъ за вниманіе и, придя въ слѣдующій разъ, принесъ и оставилъ у меня на столѣ небольшую, правильной формы, отшлифованную перламутровую пепельницу. Эту пепельницу онъ привезъ изъ своего путешествія. Другую пепельницу, въ видѣ краба, онъ подарилъ моей сестрѣ».

Пепельница, конечно, хранится А. Я. Колодкиной, какъ дорогая память о писателѣ. Есть также у нея и «Обломовъ», поднесенный авторомъ съ собственноручной надписью: «Александрѣ Яковлевнѣ Колодкиной на память дороги отъ Парижа до Петербурга. Сентябрь 1866 г. Отъ автора». Александра Яковлевна вклеила въ начальную страницу книги миніатюрный портретъ писателя, тоже подаренный ей Гончаровымъ. Портретъ вклеенъ такъ, что подъ нимъ приходится заглавіе книги—«Обломовъ».

— Развѣ похожъ?—спросилъ Гончаровъ, увидя книгу.

— Вполнѣ...—отвѣтила Колодкина.

На экземплярѣ «Фрегатъ Паллады», поднесенномъ А. Я. Колодкиной, Гончаровъ сдѣлалъ другую надпись: «Въ память кругосвѣтнаго путешествія по Парижу, Кельну и Берлину».

Конечно, Александра Яковлевна въ настоящее время не помнитъ всѣхъ разговоровъ съ Гончаровымъ, бывшихъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, но нѣкоторыя его выраженія сохранились у нея въ памяти.

Въ то время было извѣстно, что нѣкоторые редакторы предлагали Гончарову по 500 рублей съ печатнаго листа.

— Что же вы не пишете? — спрашивала его Александра Яковлевна.

— А вы полагаете, что писатель—сапожникъ... получилъ заказъ—и сейчасъ же скроилъ...

Говоря о безспорныхъ преимуществахъ ума, писатель не безъ ироніи прибавлялъ всегда со вздохомъ:

— Конечно, умъ... это хорошо... но въ умъ не поцѣлуешь...

Въ Гончаровѣ въ это время преобладало,—по воспоминаніямъ А. Я. Колодкиной,—какое-то особое настроеніе, которое можно назвать сентиментально-эгоистическимъ. Онъ очень любилъ посентиментальничать, но его сентиментальность отличалась эгоистическимъ характеромъ чего онъ и не скрывалъ. Иногда на него, впрочемъ, находили минуты пессимизма, и тогда онъ говорилъ о бренности всего существующаго и о неизбѣжности общаго для всѣхъ конца.

Въ слѣдующемъ, 1867-мъ году, онъ опять уѣхалъ въ Маріенбадъ. Въ этомъ году сестра тоже звала Александру Яковлевну за границу, но судьба распорядилась иначе.

Она пріѣхала погостить къ другой своей сестрѣ, М. Я. Кузьминой, въ Вильну. Здѣсь въ это время открывалось высшее маріинское женское училище. Попечитель виленскаго учебнаго округа искалъ для этого училища, которое должно было занять выдающееся мѣсто въ Сѣверо-Западномъ краѣ, начальницу. Выборъ палъ на Александру Яковлевну, молодые годы которой не помѣшали ей занять эту должность.

Гончаровъ былъ очень удивленъ, когда узналъ о поступленіи А. Я. Колодкиной на службу.

— Что ее заставило уйти въ училище?—спрашивалъ онъ сестру Александры Яковлевны, съ которой встрѣчался въ Петербургѣ.—Вѣроятно—большое вознагражденіе?..

— Начальница получаетъ всего 500 рублей въ годъ.

Это еще болѣе удивило Гончарова. Онъ прислалъ А. Я. Колодкиной свою карточку, съ любезной надписью. Колодкина поблагодарила...

Больше они не встрѣчались.

«Объ Иванѣ Александровичѣ у меня остались самыя пріятныя воспоминанія»,—такъ закончила свой разсказъ о Гончаровѣ А. Я. Колодкина.

Ѳ. Кудринскій.

ДВѢ СМЕРТИ.

(Фредерикъ Пасси и Анатоль Леруа-Болье).

Они сидѣли за однимъ столомъ въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ, принимали участіе въ общихъ преніяхъ и рѣдко расходились въ своихъ конечныхъ выводахъ. Одному было 90, другому 70 лѣтъ.

Несмотря на эту разницу чуть не въ $^1/_4$ столѣтія, они съ любовью оглядывались на то же прошлое—на іюльскую монархію, съ ея «уравновѣшенной свободой» и «суверенитетомъ не столько народа, сколько разума», т. е. культурной, зажиточной буржуазіи. И ихъ экономическіе принципы были въ сущности тѣ же. Оба шли отъ Жана-Батиста Сея и Бастіа, вѣрили, что экономическая свобода есть основа всѣхъ свободъ, что въ ней лежитъ залогъ и прочнаго мира между народами, и возможность для каждаго свободнымъ приложеніемъ труда проложить путь къ собственному благополучію. Изъ нихъ одинъ Анатоль Леруа-Болье, по видимому, испыталъ на себѣ вліяніе сенсимонизма. Его семья была близка съ Мишелемъ Шевалье, въ молодости послѣдователемъ и другомъ Анфантена. Но какъ мало отразилась мениль-монтанская проповѣдь на экономистахъ старой либеральной школы, это всего лучше доказываетъ примѣръ родного брата покойнаго писателя, Поля Леруа-Болье, едва ли не самаго ортодоксальнаго экономиста изъ всѣхъ тѣхъ, какихъ въ наши дни насчитываетъ Франція. «Либеральная школа», въ отличіе отъ прямой своей предшественницы—физіократіи, отстаивала и отстаиваетъ принципъ свободы и въ сферѣ государственнаго, и въ сферѣ международнаго права. Кенэ и Мерсье де Ларивьеръ отправлялись отъ той мысли, что въ мірѣ политическомъ долженъ существовать неизмѣнный порядокъ, вытекающій изъ естественнаго права, въ свою очередь основаннаго на незыблемыхъ законахъ производства и обмѣна. Правительство, въ ихъ глазахъ, не имѣло поэтому другой задачи, кромѣ приложенія такихъ законовъ къ измѣнчивымъ условіямъ жизни. Сей и Бастіа сохранили отъ этого ученія одну только теорію государственнаго невмѣшательства въ экономическія отношенія. За этими предѣлами и правительства сохраняютъ ограниченную, правда, но еще широкую сферу самодѣятель-

ности. Она можетъ быть успѣшной только подъ условіемъ, если народъ и правительство дѣйствуютъ за одно, если правительство отражаетъ въ своей дѣятельности взгляды народа, спѣшитъ удовлетворить его нужды и желанія, не ставя для себя другого идеала кромѣ того, какой выставленъ общественнымъ мнѣніемъ страны, ея народнымъ представительствомъ, ея печатью, ея свободными союзами и собраніями.

Фредерикъ Пасси, какъ напомнилъ недавно въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ ея временный президентъ Луи Рено, началъ свою дѣятельность съ исполненія обязанностей аудитора въ государственномъ совѣтѣ въ царствованіе Людовика-Филиппа. Онъ былъ одно время земцемъ, т. е. членомъ генеральнаго совѣта, отвѣчающаго нашему губернскому земскому собранію. Былъ онъ также депутатомъ, но ни на одномъ изъ этихъ постовъ, добросовѣстно имъ занимаемыхъ, онъ не проявлялъ еще тѣхъ качествъ, которыя создали его извѣстность. Вступилъ онъ въ Академію какъ экономистъ. Во многихъ городахъ Франціи онъ проповѣдывалъ истины политической экономіи; важнѣйшіе вопросы хозяйственной и общественной жизни поднимались и такъ или иначе рѣшались имъ въ конференціяхъ и брошюрахъ, распространившихъ его взгляды на протяженіи всей Франціи. Съ 1877 г. онъ становится членомъ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Когда 10 лѣтъ тому назадъ Общество экономистовъ пожелало чествовать его на 80-мъ году жизни, Пасси въ отвѣтной рѣчи на выслушанное имъ привѣтствіе охарактеризовалъ свое направленіе въ экономикѣ и политикѣ, объявляя себя сторонникомъ солидарности, основанной на признаніи правъ каждаго и на уваженіи ко всякому производительному и полезному труду. Пасси чуждъ идеямъ соціализма или коммунизма; онъ былъ увѣренъ, что свободная игра страстей, сдерживаемыхъ разумомъ и симпатіей, приведетъ къ благополучію и частныхъ лицъ, и государства. На этихъ началахъ свободы и солидарности должно быть построено и международное общеніе. Никакой успѣшный трудъ немыслимъ при нарушеніи этого общенія войнами. И Фредерикъ Пасси, отправляясь отъ идеи экономической свободы и политики открытыхъ дверей, приходитъ послѣдовательно къ проповѣди пацифизма. Она составляетъ содержаніе всей его жизни, побуждаетъ его къ созданію цѣлаго ряда обществъ, и національныхъ, и международныхъ, ставящихъ себѣ задачей упроченіе начала посредничества между націями. Онъ по истинѣ былъ сѣятелемъ той идеи братства народовъ и солидарности всѣхъ разнообразнѣйшихъ вѣтвей человѣчества, которая такъ часто провозглашалась просвѣтительной литературой XVIII-го вѣка и дѣятелями французъ-

скаго освободительнаго движенія, но подверглась систематическому отрицанію въ эпоху революціонныхъ войнъ, диктатуры Наполеона и созданной имъ континентальной системы. Поклонники Пасси вѣрно поняли характеръ его апостольства и символически выразили его въ сдѣланномъ Пасси подаркѣ. Этотъ подарокъ, поднесенный ими въ 1902 г.,—бронзовое изображеніе вышедшаго въ поле крестьянина, съ рукой, наполненной хлѣбнымъ сѣменемъ. Онъ идетъ по свѣту, разсыпая зерна, которымъ предстоитъ доставить обильную жатву.

Самъ Пасси смотрѣлъ на себя, какъ на такого провозвѣстника будущихъ, лучшихъ порядковъ. Въ предисловіи къ недавнему сборнику своихъ статей онъ говоритъ, обращаясь къ «Жаку Боному» (установившееся съ XIII в. прозвище французскаго крестьянина): «всю мою жизнь я не имѣлъ другой задачи, какъ быть тебѣ полезнымъ, я защищалъ твои интересы словомъ и перомъ я отстаивалъ твою свободу, твой насущный хлѣбъ, твою кровь и кровь твоихъ дѣтей». И руководители общественнаго мнѣнія всего свѣта признали заслуги Фредерика Пасси, какъ старѣйшаго изъ живущихъ проповѣдниковъ мира. Въ 1901-мъ году Нобелевскій Институтъ открылъ свою дѣятельность присужденіемъ ему преміи, какъ стойкому воителю за идею мира и международнаго посредничества. Когда возникло СПБ. Общество Мира, оно въ первомъ же своемъ засѣданіи, ознаменованномъ участіемъ въ немъ представителей отъ французскихъ палатъ, съ Дестурнель де-Констанъ во главѣ, постановило привѣтствовать особою телеграммой старѣйшаго ратника въ правомъ бою за свободу и независимость существующихъ народовъ и государствъ. Недавно, по случаю вновь подготовлявшагося торжества въ честь того же Пасси, отправлена была нашимъ обществомъ особая депутація и изготовленъ текстъ привѣтствія. Но Пасси не могъ явиться лично на устроенный для него праздникъ. Его отвѣтъ звучалъ грустно: «мнѣ не покинуть больше моего жилища для чего другого, какъ для кладбища». Пророчество это къ сожалѣнію осуществилось. Пасси не стало.

Вслѣдъ за его смертью покинулъ насъ и Анатоль Леруа-Болье. Въ подробномъ некрологѣ, напечатанномъ мною въ № 131 «Русскихъ Вѣдомостей», я указалъ на то, что сочиненіе его: «L'Empire des Tzars et les Russes» не знаетъ себѣ, въ давной области, равнаго по научной объективности и обилію данныхъ. Четыре раза посѣтивъ Россію, онъ вошелъ въ близкія отношенія какъ съ руководящими нашей внутренней политикой кругами, такъ и съ вожаками русскаго общественнаго мнѣнія, безъ различія славянофиловъ и западниковъ. Для многихъ изъ насъ онъ игралъ роль благоразумнаго и благожелательнаго совѣтника, одновременно спасительнаго тормаза и парового двига-

теля, готоваго сегодня сказать: «Не увлекайтесь», а завтра: «Не теряйте надежды и не бросайте начатаго».

Для Европы сочиненіе Леруа-Болье было своего рода откровеніемъ. Оно поставило ее впервые лицомъ къ лицу съ неоффиціальной Россіей, ставящей себѣ общекультурныя задачи, стремящейся къ свѣту и свободѣ, при полномъ сохраненіи своей самобытности, при удержаніи всѣхъ особенностей своего экономическаго и общественнаго быта. Франція имѣла въ Леруа-Болье не только глубокаго знатока политическаго уклада разныхъ странъ; онъ былъ также посвященъ въ организацію и жизнь разнообразнѣйшихъ церковныхъ обществъ. Предметомъ его преподаванія въ руководимой имъ за послѣднее время «Школѣ политическихъ наукъ» была, между прочимъ, характеристика отношеній отдѣльныхъ правительствъ къ религіознымъ толкамъ, начиная съ католичества и оканчивая еврействомъ. Эта совершенно исключительная начитанность въ вопросахъ столько же государственныхъ, сколько и церковныхъ—причина тому, что въ рѣдкомъ сочиненіи и, можно съ увѣренностью сказать, ни въ одномъ, написанномъ на иностранномъ языкѣ, можно встрѣтить такое обстоятельное, глубокое и безпристрастное отношеніе одинаково къ православію и къ русскому сектантству, какъ въ «Имперіи царей». Едва ли также въ какой-либо книгѣ, вышедшей по ту сторону нашей границы, оцѣнена съ большей симпатіей культурная работа нашихъ земствъ и ихъ значеніе, какъ подготовительной школы политической самодѣятельности для русскаго общества.

Леруа-Болье былъ открытымъ сторонникомъ франко-русскаго союза, потому что видѣлъ въ немъ залогъ не будущихъ военныхъ успѣховъ Франціи, а мира Европы и защиты союзниками интересовъ мелкихъ національностей противъ германизаціи ихъ столько же Пруссіей, сколько и Австріей. Онъ горячо относился къ мысли о сближеніи русскихъ съ поляками, такъ какъ полагалъ, что съ окончаніемъ ихъ вѣковой распри явится возможность дальнѣйшаго осуществленія той исторической миссіи покровительства славянства, какую Россія приняла на себя возсозданіемъ Сербіи и Болгаріи. Онъ не видѣлъ также возможности наступленія внутренняго мира въ имперіи царей помимо проведенія въ жизнь начала гражданскаго равноправія, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. Отсюда его открытое выступленіе въ вопросахъ, связанныхъ съ положеніемъ евреевъ въ нашемъ якобы обновленномъ строѣ. Хорошо знакомый съ дѣйствительными источниками той легенды, которая приписываетъ употребленіе нѣкоторой частью еврейства христіанской крови въ цѣляхъ культа, онъ присоединилъ свой голосъ къ числу тѣхъ, которые въ Европѣ поддержали нашъ

недавній протестъ. Дважды, въ письмахъ, напечатанныхъ имъ въ газетѣ «Рѣчь», онъ настаивалъ на полной бездоказанности старинныхъ нареканій и рѣшительно протестовалъ противъ извращенія его мысли неразборчивыми полемистами.

Максимъ Ковалевскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— В. Я. Переверзевъ. Творчество Достоевскаго. Съ предисловіемъ П. Н. Сакулина. Москва, 1912.

Достоевскій—одинъ изъ признанныхъ властителей думъ современныхъ литературныхъ дѣятелей. Недавно намъ приходилось говорить о книгѣ г. Закржевскаго, представляющей любопытный примѣръ того, какъ больныя идеи и настроенія великаго писателя способны подавлять собою и увлекать страстно воспринимающаго ихъ читателя. Книга г. Переверзева свободна отъ этого недостатка. Авторъ подошелъ къ Достоевскому съ холодно анализирующимъ настроеніемъ и равно чуждъ, какъ положительной программы Достоевскаго, съ извѣстными ея уклонами въ сторону того, что теперь зовется черносотенствомъ, такъ и очарованія тѣхъ глубинъ страдающаго духа, въ изображеніи которыхъ творчество Достоевскаго достигаетъ небывалой въ исторіи литературы силы.

Главной своей задачею авторъ, повидимому, считалъ объясненіе творчества Достоевскаго опредѣленными рамками соціально-психологическаго уклада. Онъ опредѣляетъ этотъ укладъ какъ «упадочное мѣщанство» и въ типахъ Достоевскаго видитъ разновидности представителей неустойчиваго средняго сословія. Основнымъ среди нихъ является, по представленію автора, типъ двойника, человѣка отъ одного берега отшатнувшагося и къ другому не приставшаго, тяготѣющаго съ одной стороны къ идеаламъ силы и власти, съ другой—къ покорности и смиренію. Но Достоевскій какъ-то съуженъ г. Переверзевымъ, именно этой настойчивостью связать всѣ проявленія творчества въ одинъ единственный узелъ. Самый терминъ: «упадочное мѣщанство» очень растяжимъ и неясенъ. Скорѣе можно было

бы, если пріурочивать психологію творчества Достоевскаго къ опредѣленнымъ соціальнымъ укладамъ, связать ее съ психологіею служилой интеллигенціи, къ которой Достоевскій принадлежалъ по своему происхожденію. Съ сороковыхъ годовъ она переживала кризисъ идейнаго разрыва съ создавшимъ ее государствомъ,—и типы Достоевскаго въ значительной своей части все тѣ же представители служилой интеллигенціи, оказавшіеся, по разнымъ причинамъ, не у дѣлъ. Они мечутся въ поискахъ самоопредѣленія, и въ этихъ поискахъ попадаютъ то въ «въ подполье», то въ свиное стадо, бросающееся въ море («Бѣсы»), то въ «карамазовщину», въ разныхъ ея видахъ.

При изученіи творчества Достоевскаго двойникъ, какъ основной типъ Достоевскаго, освѣщенъ г. Переверзевымъ послѣдовательно и мѣстами очень удачно. Но психологія двойника не есть что-либо специфически свойственное одному Достоевскому. Во-первыхъ, она есть особенность вообще типа «лишнихъ людей», характернаго для всей плеяды сороковыхъ годовъ; во-вторыхъ, однимъ изъ источниковъ типа въ творчествѣ Достоевскаго надо считать прямое вліяніе той романтической школы, которую прошелъ Достоевскій. Въ этомъ романтическомъ вліяніи надо искать и близость Достоевскаго къ Гоголю. Г. Переверзевъ весьма добросовѣстно прослѣживаетъ стилистическія совпаденія у обоихъ писателей, удачно характеризуетъ Достоевскаго какъ художника движенія, но совершенно обходитъ молчаніемъ гораздо болѣе существенный моментъ сходства, именно тождественность художественнаго метода. Обоихъ писателей характеризуетъ склонность объективировать въ типахъ и явленіяхъ свои собственныя, чисто субъективныя переживанія. И Достоевскій, и Гоголь могли бы повторить самоопредѣленіе творчества, сдѣланное Ибсеномъ: «жизнь—борьба съ темными силами души и сердца; творить—значить вершить судъ надъ самимъ собою».

При оцѣнкѣ объективнаго значенія произведеній Достоевскаго, г. Переверзевъ всецѣло присоединяется къ крайне недостаточной оцѣнкѣ Добролюбова. Критикъ, видѣвшій лишь первую половину творчества Достоевскаго, высоко оцѣнилъ изображеніе имъ всякаго рода «бѣдныхъ людей», стремящихся къ активному общественному протесту—что собственно почти и не снилось Достоевскому. «Живой человѣкъ», подъ которымъ г. Переверзевъ понимаетъ прежде всего соціалиста-рабочаго, оцѣнитъ, будто бы, произведенія Достоевскаго, какъ картину страданій, созданныхъ «неуклюжестью общественнаго механизма». Они раскроютъ его уму, «до какой степени дисгарманіи и разладицы съ самимъ собою, съ обществомъ, съ міромъ, доводится человѣкъ этими общественными

условіями». Выводъ этотъ можетъ быть сдѣланъ вовсе не читателемъ, непосредственно воспринимающимъ больное творчество Достоевскаго, а молодымъ гелертеромъ, гнущимъ живое творчество писателя подъ свою систему.—Вступительный очеркъ г. Сакулина, рекомендующій читателямъ книгу начинающаго автора, благожелательно и мягко отмѣчаетъ и основные недостатки его книги.

— Библіотека всемірной литературы. Европейскіе классики. Шекспиръ въ двухъ томахъ, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.—Поэмы Гомера, въ переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. М., 1912.

Издательство «Окто» предприняло серію изданій европейскихъ классиковъ, которая соединяла бы съ изяществомъ исполненія относительную дешевизну. Передъ нами Шекспиръ и Гомеръ, хорошо напечатанные, со многими иллюстраціями. Оба изданія по внѣшности производятъ хорошее впечатлѣніе, и вся серія, въ которую должны войти еще Гете, Шиллеръ, Байронъ и Мольеръ, можетъ считаться, въ виду сравнительно умѣренной цѣны (25 р. по подпискѣ), цѣннымъ пріобрѣтеніемъ нашего во многихъ отношеніяхъ скуднаго книжнаго рынка. Полныя собранія сочиненій классиковъ большею частью слишкомъ громоздки и дороги для большинства читающей публики, и эта серія «избранныхъ произведеній» отвѣчаетъ потребности значительной части нашей публики.

Два тома, отведенные Шекспиру, содержатъ двѣнадцать его пьесъ, въ томъ числѣ пять его безспорно знаменитѣйшихъ трагедій: «Ромео и Джульета», «Гамлетъ», «Отелло», «Король Лиръ» и «Макбетъ». «Венеціанскій купецъ» и «Мѣра за мѣру» избраны, по словамъ редактора изданія, какъ «образцы серьезныхъ драмъ, посвященныхъ крупнымъ вопросамъ нравственной жизни»; «Ричардъ Ш» и «Юлій Цезарь» взяты какъ представители историческихъ драмъ изъ англійскаго прошлаго и изъ античной жизни. «Сонъ въ лѣтнюю ночь» и «Двѣнадцатая ночь» даны какъ образцы комическаго и лирическаго дарованія Шекспира. Наконецъ, дана «Буря», послѣднее, символическое произведеніе его. Относительно этого выбора можно, конечно, спорить. Бросается въ глаза, напримѣръ отсутствіе пьесъ, въ которыхъ фигурируетъ Фальстафъ; можетъ быть ради этого типа слѣдовало бы даже отступить отъ рѣшенія давать пьесы Шекспира только цѣликомъ, или пожертвовать такой пьесой, какъ «Мѣра за мѣру». Какъ бы то ни было, въ предѣлахъ даннаго объема достигнуто все или почти все возможное. Даны хорошіе, хотя и старые переводы пьесъ (Дружининъ, Кронебергъ, и др.), и они

сопровождены статьями, имена авторовъ которыхъ говорятъ сами за себя (Н. И. Стороженко, Тенъ-Бринкъ, Брандесъ и др.).

Гомеръ, въ переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго, сопровожденъ обширной статьей Вяч. Иванова объ эпосѣ Гомера и пояснительнымъ словаремъ. Обѣ поэмы даны полностью. Это изданіе имѣетъ существенную особенность: редакторъ счелъ необходимымъ обновить переводъ Гнѣдича и внесъ много исправленій, но не по существу, а чисто стилистическихъ или словесныхъ. Въ предисловіи г. Грузинскій приводитъ много удручающихъ архаизмовъ, неудачныхъ оборотовъ, словъ, не всегда удачно сочиненныхъ Гнѣдичемъ. Однако, едва ли слѣдовало идти такъ далеко въ модернизаціи, какъ то дѣлаетъ г. Грузинскій. Иныя изъ признаваемыхъ «неудачными» выраженій Гнѣдича кажутся такими лишь слишкомъ придирчивому вкусу, напр. выраженіе «погрузился въ толпу». Если совершенно непонятную «котву» и слѣдовало замѣнить общепонятнымъ «якоремъ», то едва ли была надобность съ одной стороны оставлять «рекъ», съ другой замѣнять «выю»—шеей, «брань»—«битвой», «рамена»—«плечами» и т. п. Открывая наудачу подновленнаго Гнѣдича, мы найдемъ также немало поправокъ, нарушающихъ стильность перевода и образность, тяжеловѣсную и архаичную, но образность, а иногда нарушающихъ и точность. Беремъ страницу 100. Стихъ 148 у г. Грузинскаго читается такъ: «Гекторъ нѣкогда скажетъ, предъ всѣми троянцами гордый». У Гнѣдича—«Гекторъ нѣкогда скажетъ, предъ сонмомъ троянъ велерѣча»; это звучитъ старомодно, но сильно. Стихъ 156 у Гнѣдича: «коихъ супруговъ цвѣтущихъ толпы распростеръ ты по праху» превращенъ въ болѣе безцвѣтный: «много у нихъ ты супруговъ цвѣтущихъ отнялъ на вѣки». Стихъ 168: «Вспять обратить ли коней и сразиться ли противуставши»—измѣненъ неправильно: «вспять обратить ли коней иль на встрѣчу врагу устремиться». Стихъ этотъ относится къ Діомеду, который уже бѣжитъ отъ троянцевъ; онъ долженъ поворотить коней и устремиться къ врагу, слѣдовательно, союзъ «иль» поставленъ совершенно неумѣстно. Въ общемъ получается впечатлѣніе нѣкоторой случайности и недостаточной мотивированности поправокъ. Въ Гнѣдичевскаго Гомера необходимо вчитаться, какъ во всякій старый, но очень хорошій для своего времени переводъ, и тогда архаизмы и неправильности его не настолько даютъ себя чувствовать, чтобы имъ невозможно было пользоваться желающему прочесть Иліаду. Было бы вполнѣ достаточно ограничиться указателемъ этихъ архаизмовъ и замѣткой, объясняющей основныя особенности языка Гнѣдича. Широкой публикѣ, однако, нѣсколько выглаженный Гнѣдичъ даетъ понятіе объ Иліадѣ тоже, что и въ подлинномъ видѣ.

Иллюстраціи къ Шекспиру воспроизводятъ рядъ болѣе или менѣе извѣстныхъ картинъ и рисунковъ иллюстраторовъ Шекспира. Гомеръ иллюстрированъ рисунками Флаксмана, хотя и условными и устарѣлыми, но подходящими къ стилю Гнѣдича.

В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. Москва, 1912.

Б. Кистяковскій. Страницы прошлаго. Къ исторіи конституціоннаго движенія въ Россіи. Москва, 1912.

Книга г. Богучарскаго имѣетъ подзаголовокъ: «Партія Народной Воли, ея происхожденіе, судьбы и гибель». Авторъ собралъ очень много матеріала для исторіи извѣстной группы революціонеровъ, но это—исторія преимущественно внѣшняя. Идейная сторона всего движенія конца 70-хъ и начала восьмидесятыхъ годовъ освѣщена въ общихъ, кое-гдѣ разбросанныхъ замѣчаніяхъ и въ небольшой заключительной главѣ. Взглядъ автора на народовольчество формулированъ здѣсь какъ представленіе о постепенномъ переходѣ мысли русской интеллигенціи «отъ соціальнаго утопизма къ соціально-политическому реализму. Въ побѣдѣ политическихъ идей народовольчества надъ аполитическими идеями народничества явленіе это сказалось съ особою выразительностью. Затѣмъ въ нѣдрахъ самого народовольчества началъ совершаться тотъ же процессъ постепеннаго отмиранія оставшихся въ немъ отъ народничества элементовъ утопическихъ и замѣны ихъ элементами реалистическими. Въ основѣ своей это была та же эволюція, которая ясно видна и въ соціалистической мысли Запада. И, бросая взглядъ на пройденный русскимъ освободительнымъ движеніемъ длинный путь идейныхъ блужданій, историкъ этого движенія долженъ будетъ признать, что въ лицѣ народовольчества передъ нимъ, несмотря на всѣ ошибки ихъ дѣятельности, первые дѣйственные піонеры политическаго реализма въ Россіи».

Существенный недостатокъ работы г. Богучарскаго—не въ общей схемѣ его взглядовъ. Съ той или съ другой схемой можно спорить или соглашаться, но нужно, чтобы она не была механически связана съ содержаніемъ изслѣдованія. А отъ такой механической связанности несвободна книга г. Богучарскаго. Авторъ столько вниманія удѣляетъ внѣшнимъ событіямъ и подробностямъ, что въ итогѣ «происхожденіе, судьбы и гибель» партіи представляются въ какой-то разбросанности и читателю остаются неясными: появилось нѣсколько десятковъ смѣлыхъ революціонеровъ,

произвели рядъ дерзкихъ актовъ, потомъ ихъ переловили, и дѣло кончилось!... Какъ опытъ изслѣдованія, какъ матеріалъ, книга г. Богучарскаго имѣетъ, тѣмъ не менѣе, огромный интересъ. Особо поучительны главы, непосредственно къ дѣятельности партіи не относящіяся, а освѣщающія отраженіе ея въ высшихъ сферахъ; здѣсь въ отвѣтъ на революціонную конспирацію снизу создалась конспирація охранительная;—такъ называемая «Священная Дружина», съ ея едва вѣроятными авантюрами.

Книга г. Богучарскаго вызвала книгу г. Кистяковскаго, посвященную преимущественно изученію и освѣщенію того конституціоннаго движенія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, котораго многократно касается и г. Богучарскій. Г. Кистяковскій подвергаетъ суровой и заслуженной критикѣ методологическіе пріемы г. Богучарскаго и раскрываетъ рядъ его ошибокъ, въ особенности останавливаясь на явно неосновательномъ мнѣніи, что Драгомановъ, Гольцевъ и другіе были игрушкой въ рукахъ провокаторовъ, когда издавали «Вольное Слово»—извѣстный органъ русскихъ конституціоналистовъ. Въ «Страницахъ прошлаго» тщательно сгруппированы многія малоизвѣстныя данныя о конституціонномъ движеніи той поры, и въ частности—о «Земскомъ союзѣ». Дѣятельность конституціоналистовъ является въ этомъ освѣщеніи далеко не столь мизерной, какою представлена она у г. Богучарскаго. Можно пожалѣть, что г. Кистяковскій избралъ полемическую форму изложенія. Приводимые имъ факты и соображенія имѣютъ и самостоятельную цѣну.

Ч. В—скій.

— С. А. Котляревскій. Юридическія предпосылки русскихъ Основныхъ Законовъ. Москва. 1912. Цѣна 1 р. 25 к.

Проф. Котляревскій задался весьма интересной задачей — понять, по статьямъ закона, теорію законодателя; онъ обращается въ «психолога, способнаго расшифровать условный языкъ законодательства и постигнуть смыслъ, вложенный сюда его авторами»; онъ переводитъ содержаніе статей закона на языкъ юридическихъ теорій и вскрываетъ политическія воззрѣнія, которыя съ одной стороны питаютъ научную мысль и даютъ основы теоретическимъ постулатамъ, съ другой—складываются въ краткія статьи закона и становятся его юридическими или, вѣрнѣе, политико-юридическими предпосылками. Установивъ съ самаго начала, что «юридическія предпосылки нашей конституціи отражаются именно въ разграни-

ченіи правомочій», авторъ пришелъ въ концѣ къ весьма печальнымъ съ конституціонной точки зрѣнія выводамъ. Законодательная власть предоставлена народному представительству «въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ это обычно имѣетъ мѣсто при конституціонномъ строѣ относительно законодательныхъ органовъ». Не только количественно, но и качественно власть Думы неудовлетворительна; «компетенція народнаго представительства ограничена не только въ смыслѣ экстенсивномъ, но и интенсивномъ; его участіе въ осуществленіи признанной за нимъ функціи, такъ сказать, менѣе активно, чѣмъ въ большинствѣ современныхъ конституцій»; «въ особенности эта ограничительная тенденція видна тамъ, гдѣ открывается возможность конфликта между Думой и другими высшими государственными органами; законодатель всюду стремился оставить послѣднее слово не за Думой»; «бюджетное право Думы и Совѣта оказывается относительно еще болѣе ограниченнымъ, чѣмъ ихъ право законодательное»; «въ контролѣ надъ управленіемъ русское народное представительство остается совѣщательнымъ». Неудивительно, что послѣ такихъ выводовъ авторъ, сопоставляя нашу конституцію «по преимуществу съ данными тѣхъ конституцій, которыя отличаются ясно выраженнымъ октроированнымъ характеромъ и построены на признаніи монархическаго принципа», приходитъ къ печальному заключенію, что «и при такомъ сопоставленіи нормы нашего государственнаго устройства выдѣляются своей ограничительной тенденціей въ отношеніи права представительныхъ учрежденій». Ограниченности правомочій народнаго представительства соотвѣтствуетъ «расширенная сфера верховнаго управленія» — и это расширеніе подрываетъ основное начало конституціоннаго строя: «верховенство закона». Закономѣрность указовъ у насъ «не обезпечивается тѣми средствами парламентскаго воздѣйствія, которыя обычно мы встрѣчаемъ въ конституціонныхъ текстахъ». Отрицаніе въ русскихъ основныхъ законахъ всякой отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ является самымъ яркимъ отличіемъ, совершенно выдѣляющимъ эти законы изъ ряда обычныхъ конституцій (стр. 98-99).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ первое время послѣ событій 1905 — 1906 гг., тонъ нашей конституціонно-правовой литературы былъ совершенно иной. Иногда, правда, указывали на то, что положеніе Думы оставляетъ желать многаго въ смыслѣ прочности и политическаго вліянія, но общій тонъ былъ бодрящій, на первый планъ выдвигались тѣ статьи закона, въ которыхъ можно было найти подтвержденіе законодательныхъ, бюджетныхъ, контрольныхъ правъ Думы. Толкованіемъ хотѣли пополнить имѣвшіеся въ

законѣ пробѣлы и общетеоретическими принципами обосновать то, чему нельзя было найти прямого подтвержденія въ положительномъ правѣ. Тогда въ литературѣ высказывалось, что «и по общему характеру своего содержанія, и по тому, что они отличаются по своей юридической природѣ отъ остальныхъ законовъ особымъ затрудненіемъ своего пересмотра, наши основные законы 23 апр. 1906 г. вполнѣ подходятъ подъ типъ конституціонныхъ законовъ, какъ они выработаны практикой западныхъ державъ» (Лазаревскій, Конституціонное право 1908, т. I, стр. 122). Какъ видно изъ сравненія приведенныхъ строкъ съ общими мыслями проф. Котляревскаго—путь, пройденный за эти годы не только практикой, но и теоріей, весьма значителенъ. Разбираемая нами работа характеризуется тономъ разочарованія въ объектѣ изученія — и съ этой точки зрѣнія она весьма симптоматична и интересна.

Разочарованіе въ нашемъ конституціонномъ зданіи, построенномъ на германскомъ фундаментѣ, приводитъ неизбѣжно къ сомнѣнію въ цѣнности этого фундамента. Въ Германіи вся наука конституціоннаго права построена на понятіи «самоограниченія», Проф. Котляревскій правильно находитъ двусмысленнымъ самый этотъ терминъ, такъ какъ «онъ можетъ означать самоограниченіе въ предѣлахъ абсолютизма или связанное съ переходомъ къ конституціонному строю». Второй видъ самоограниченія мы несомнѣнно находимъ и въ современныхъ «основныхъ законахъ». Но если даже допускать два вида «самоограниченія», то надо признать, что они качественно совершенно разнородны. Если во второмъ видѣ имѣется на лицо только самоограниченіе, то нѣтъ достоточно данныхъ для того, чтобы отличить его отъ перваго вида. Проф. Котляревскій видитъ самоограниченіе въ основныхъ законахъ 1906 г., а проф. А. В. Алексѣевъ, напр. чуть ли не во всей русской исторіи, начиная съ Петра Великаго, видѣлъ проявленіе начала самоограниченія. Но именно потому-то власть, начиная съ Петра Великаго, и была юридически неограниченна. Если идея самоограниченія примѣнима къ абсолютной монархіи, то ее надо забыть, говоря о государствѣ конституціонномъ, ибо примѣняя это понятіе и тутъ, и тамъ, мы должны будемъ признать, что разница между абсолютной и конституціонной монархіей заключается лишь въ степени; между тѣмъ, цѣнность конституціоннаго государства въ томъ и состоитъ, что оно представляетъ собою явленіе, качественно отличное отъ абсолютной монархіи. Авторъ правильно замѣчаетъ, что «время неизбѣжно превращаетъ монарха, такъ сказать, самоограниченнаго въ монарха просто ограниченнаго. Въ этихъ словахъ выражена, въ сущности, та мысль, что понятіе «самоограниченія» къ конституціонному госу-

дарству неприложимо. Мы готовы повторить вмѣстѣ съ Дюпюи: «Une limitation voulue n'est pas une limitation pour celui qui la veut, et si l'on admet cette seule limitation, il vaut autant dire, que le pouvoir de l'Etat est sans limite».

А. С. Тагеръ.

— Н. Н. Алексѣевъ. Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ. М. 1912.

«Идея натурализма въ соціально-политическихъ теоріяхъ новаго времени—такова тема настоящаго изслѣдованія, первая часть котораго предлагается вниманію публики». Эта часть посвящена разсмотрѣнію двухъ ученій, создавшихся подъ вліяніемъ идей *механическаго* естествознанія, въ отличіе отъ соціальныхъ ученій, внушенныхъ идеями наукъ *біологическихъ* или *органическихъ*. Эти ученія возникли въ исторіи мысли отъ различныхъ причинъ. Первое изъ нихъ—*механическая теорія общества*—возникло подъ вліяніемъ расцвѣта математическаго и механическаго естествознанія въ XVII столѣтіи; второе—*ученіе историческаго или экономическаго матеріализма* — возникло въ XIX вѣкѣ на почвѣ разложенія нѣмецкаго идеализма. Изложеніе автора строго-научно; онъ имѣетъ дѣло не съ отдѣльными отрывками, вырванными изъ исторіи мысли, но «съ цѣльнымъ философскимъ процессомъ». Обѣ теоріи матеріализма представлены авторомъ какъ звенья одной исторической цѣпи. Онъ черпаетъ матеріалъ главнымъ образомъ изъ первоисточниковъ, напримѣръ при изложеніи «экономическаго матеріализма» придерживается только ученія самого Маркса, тщательно изолируя его отъ перетолкованій со стороны безчисленныхъ послѣдователей. По словамъ автора, «какъ о Кантѣ нельзя получить представленія по тому, что говорятъ про него современные неокантіанцы, такъ еще болѣе нельзя понять Маркса по воззрѣніямъ современныхъ марксистовъ».

Работа автора имѣетъ «существенно методологическій характеръ». Его цѣль—«критика существующаго соціально-научнаго сознанія, поскольку проявлялось оно въ фактическомъ составѣ натуралистическихъ соціальныхъ теорій». Одна изъ главныхъ его задачъ—«показать, примѣнимы ли, и въ какомъ смыслѣ примѣнимы методы естествознанія къ изученію общественныхъ явленій,—другими словами, возможна ли и какъ возможна соціологія, какъ естественная наука». Но авторъ не довольствуется «отвлеченнымъ методологизмомъ», оторваннымъ «отъ живой жизни соціально-политической науки»; онъ признаетъ, что «истинно понятое методологи-

ческое изслѣдованіе должно служить введеніемъ въ изученіе проблемъ по ихъ существу, должно давать матеріалъ и указывать путь для ихъ рѣшенія».

Каковъ же положительный результатъ работы автора? Показавъ въ отдѣлѣ первомъ: «Механическая теорія общества», что идея соціальной физики въ ея механическомъ пониманіи была поставлена и осуществлена соціальной философіей въ XVII вѣкѣ, авторъ въ отдѣлѣ второмъ: «Реакція противъ механическаго и математическаго познавательнаго идеала», выясняетъ тотъ историческій процессъ мысли, который явился протестомъ противъ механическихъ теорій XVII вѣка. Здѣсь авторъ выводитъ на сцену Монтескье, какъ главнаго, на ряду съ англійскимъ эмпиризмомъ, представителя, «*исторической* реакціи», а затѣмъ Канта и Гегеля, какъ творцовъ «*философской* реакціи», начавшей свой походъ съ принципіальной критики естественно-научнаго познавательнаго идеала. Подъ натискомъ ея не устояла, въ концѣ концовъ, механическая соціальная теорія. Но и философскій идеализмъ, получившій столь блестящее развитіе въ Германіи, кончаетъ всеобщимъ кризисомъ. «Получилась удивительная картина: крайности сошлись, реакція противъ раціонализма сама породила философскую концепцію, своимъ раціонализмомъ превосходящую, быть можетъ, старыя механическія аналогіи. На развалинахъ царства механики водворилось царство діалектики». И вотъ, въ «отдѣлѣ третьемъ»: «Теорія историческаго или экономическаго матеріализма», авторъ и рисуетъ картину «разложенія философіи Гегеля» и наступленія новой эры натурализма, на фонѣ которой показалась теорія историческаго матеріализма, выросшая изъ кризиса философіи Гегеля. И опять соціальная теорія сочетается съ гипотезой, взятой изъ механическаго естествознанія,—съ идеей матеріализма. Не смотря на это, «соціальная философія» Маркса глубоко проникнута историзмомъ. Карлъ Марксъ—восклицаетъ авторъ,—это Монтескье XIX вѣка, у котораго историческое міросозерцаніе оплодотворено отношеніемъ къ нѣмецкому идеализму». И все ученіе Маркса «представляется заключительнымъ научнымъ опытомъ, какъ будто бы направленнымъ спеціально къ тому, чтобы доказать невозможность идеи соціальнаго механизма и чистой соціальной физики». Этимъ, авторъ даетъ и свой отвѣтъ на поставленную выше проблему.

П. Е. Михайловъ.

— Памятники музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ. Выпуски I—II. Таблицы и текстъ. Москва, 1912.

Ко дню открытія новаго научнаго и художественнаго украшенія Москвы—музея изящныхъ искусствъ—вышли въ свѣтъ два первые выпуска «Памятниковъ музея», (12 таблицъ и книжка текста). Новый музей, на ряду съ богатымъ собраніемъ копій, обладаетъ исключительной по своей научной цѣнности коллекціей египетскихъ и найденныхъ въ Египтѣ оригиналовъ, собранной извѣстнымъ египтологомъ В. С. Голенищевымъ. Многіе предметы этой коллекціи нуждаются въ спеціальныхъ, комментированныхъ изданіяхъ-воспроизведеніяхъ и должны войти въ общій ученый обиходъ. Поэтому можно вполнѣ привѣтствовать мысль хранителей музея, проф. Тураева и проф. Мальмберга, приступить къ изданію научнаго описанія Голенищевской коллекціи. Къ участію въ описаніи привлечены выдающіеся спеціалисты; въ составленіи текста вышедшихъ выпусковъ, кромѣ самихъ иниціаторовъ изданія, приняли участіе В. С. Голенищевъ, проф. Ростовцевъ, проф. Фармаковскій, г. г. Леммъ и Баллодъ. Первые два выпуска чрезвычайно интересны. Мы находимъ здѣсь воспроизведенія египетской могильной плиты временъ XI династіи (приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. Х.), александрійской росписной стелы эллинистическаго періода, различныхъ видовъ письменъ (іероглифическаго на папирусахъ, іератическаго на блюдѣ, коптскаго), изображенія Беса—козлинообразнаго божества египтянъ, мужской статуэтки эпохи средняго царства, фигурокъ купальщицы и купальщика, женской головки одного изъ Фаюмскихъ потретовъ, «до-историческаго» блюда и эллинистической вазы. Изъ перечисленныхъ воспроизведеній обращаетъ на себя особое вниманіе изумительная по изяществу фигурка купальщицы—туалетная вещица временъ новаго царства. Трехцвѣтная фотографія, прекрасно выполненная, не передаетъ однако всей прелести оригинала. Великолѣпенъ Фаюмскій портретъ:—лицо съ опредѣленными, рѣзко выраженными индивидуальными чертами, полные доброты и грусти глаза, взглядъ, какъ будто всюду слѣдующій за зрителемъ. По мнѣнію проф. Фармаковскаго, портретъ своимъ колоритомъ и блескомъ красокъ напоминаетъ картины новѣйшихъ мастеровъ—импрессіонистовъ. Весьма любопытно до-историческое блюдо, съ примитивнымъ изображеніемъ человѣка и боговъ; интересна могильная плита XI династіи и александрійская стела.

Въ текстѣ поясненія отдѣльныхъ воспроизведеній разрослись

до цѣлыхъ этюдовъ; такъ комментарій В. С. Голенищева къ могильной плитѣ XI династіи превратился въ весьма любопытную статью объ египетскихъ погребальныхъ обрядахъ. Очень цѣненъ этюдъ проф. Тураева о позднихъ даунокійныхъ папирусахъ іероглифическаго письма (съ воспроизведеніемъ экземпляровъ Московскаго музея). Обстоятельное и подробное описаніе Фаюмскаго портрета дано проф. Фармаковскимъ. Весьма интересны и цѣнны въ научномъ отношеніи описанія проф. Ростовцева и проф. Мальмберга. Нельзя не пожелать, чтобы за вышедшими первыми выпусками не замедлили послѣдовать и дальнѣйшіе. Быть можетъ, не мѣшало бы пояснительный текстъ или резюмэ его печатать также по-французски (или по-нѣмецки); этимъ облегчено было бы знакомство западно-европейскимъ ученымъ съ выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ изданіемъ.

— Христіанскій Востокъ. Серія, посвященная изученію христіанской культуры народовъ Азіи и Африки. Томъ I. Выпускъ 1. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 1912 .

Въ видѣ предисловія къ настоящему изданію помѣщена записка, составленная академикомъ Марромъ, совмѣстно съ проф. Тураевымъ и Бенешевичемъ и посвященная основанію особаго академическаго органа для изученія христіанской культуры народовъ Азіи и Африки. Какъ указываютъ авторы записки, въ настоящее время на Западѣ замѣчается усиленный интересъ къ изученію христіанскаго Востока, образуются ученыя общества, организуются археологическія раскопки, издаются источники, и предпринимаются повременныя изданія; между тѣмъ въ Россіи—для которой должно представлять особый интересъ изученіе культуръ Грузіи и Арменіи, а равно и византологическіе этюды неизбѣжно должны влечь къ восточнымъ источникамъ,—новое научное движеніе представлено слабо и до сихъ поръ лишено было своего печатнаго органа. Въ настоящее время этотъ пробѣлъ заполняется; Академія Наукъ, согласно представленію названныхъ ученыхъ, постановила издавать подъ ихъ редакціей особую серію, подъ общимъ заглавіемъ: «Христіанскій Востокъ». Недавно вышедшій первый выпускъ серіи составленъ интересно и разнообразно. Онъ содержитъ въ себѣ между прочимъ библіографическую работу кн. Джавахова: «Матеріалы для исторіи грузинской патріотической литературы», небольшія статьи Н. Л. Марра и В. Н. Бенешевича по армяновѣдѣнію и грузиновѣдѣнію, описаніе поѣздки архимандрита Гарегина въ Іерусалимъ для изученія армянскаго миніатюрнаго искусства (къ сожалѣнію, послѣдняя статья

лишена необходимыхъ по тексту иллюстрацій), коптскіе и эфіопскіе тексты въ обработкѣ проф. Тураева, съ воспроизведеніемъ оригиналовъ. Весьма интересна статья проф. Бартольда: «Карлъ Великій и Харунъ ар-Рошидъ, разрушающая, путемъ детальнаго анализа источниковъ, одну изъ ходячихъ легендъ о посольствахъ, которыми, будто бы, обмѣнялись эти государи. Въ обстоятельно составленномъ отдѣлѣ: «Критика и библіографія» выдается разборъ кн. Джавахо-вымъ труда Пахомова о монетахъ Грузіи.

И. Бороздинъ.

— Вернеръ Зомбартъ. Евреи и хозяйственная жизнь. Авторизованный переводъ подъ редакціей Г. Гроссмана. Часть первая (экономическая). Спб. 1912.

Профессоръ Вернеръ Зомбартъ. Будущность еврейскаго народа. Переводъ съ нѣмецкаго Х. Гринберга. Со вступительной статьей д-ра Д. С. Пасманика: Голосъ христіанина о еврейскомъ вопросѣ. Одесса, 1912.

Эти двѣ книги на тему о евреяхъ имѣютъ совершенно различный характеръ и значеніе. Первая рекомендуется авторомъ, какъ «строго научная» (хотя и «односторонняя), не заключающая «ни одной строчки... оцѣнки евреевъ, ихъ существенной дѣятельности», ни единаго слова личнаго мнѣнія автора, интереснаго, какъ онъ говоритъ, «не для широкой публики, а лишь для его друзей», которымъ оно и извѣстно. Вторая книга содержитъ именно личное мнѣніе Зомбарта, не какъ ученаго, а какъ «гражданина и сына своего вѣка». Первая книга, трактуя о спеціальномъ вопросѣ, есть, въ сущности, очень важная глава изслѣдованія о происхожденіи и характерѣ такого всеобщаго явленія, какъ капиталистическій строй общества; вторая посвящена еврейскому вопросу, составляющему по мнѣнію автора, «величайшую проблему всего человѣчества», но разсматриваемому имъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ еврейства.

Первая книга имѣетъ задачей обосновать тѣ положенія, которыя были раньше высказаны Зомбартомъ и о которыхъ въ свое время была рѣчь въ «Вѣстникѣ Европы». Окончательныя заключенія автора о роли евреевъ въ хозяйственной жизни Европы—какъ это указывалось въ нашемъ журналѣ—граничатъ съ парадоксомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы такое выраженіе: «безъ разсѣянія евреевъ по сѣвернымъ странамъ земного шара не было бы ни современнаго капитализма, ни современной культуры». Основаніе для такого утвержденія Зомбартъ заимствуетъ изъ историческихъ данныхъ съ одной стороны, изъ анализа еврейской психологіи и рели-

гіи, еврейскаго «духа»—съ другой: изданная въ русскомъ переводѣ книга даетъ историко-экономическое обоснованіе идеи автора и должна быть признана скорѣе эскизомъ того, что предстоитъ еще сдѣлать для полнаго выясненія роли евреевъ въ развитіи хозяйственной жизни цивилизованнаго человѣчества. Въ своихъ заключеніяхъ авторъ идетъ, однако, гораздо дальше того, что можно вывести изъ предлагаемаго имъ матеріала.

Своей второй книгой, Зомбартъ надѣется достигнуть того, чтобы «обсужденіе еврейскаго вопроса было снова вынесено на широкую общественную арену». Немыслимо предположить, чтобы «величайшая проблема всего человѣчества» молчаливо и незамѣтно могла сойти съ исторической сцены. Поднять еврейскій вопросъ на высоту «величайшей проблемы человѣчества» естественно со стороны автора, стремящагося научно доказать, что безъ евреевъ не было бы всей современной культуры, замѣчающаго, въ то же время, всеобщее оживленіе антисемитизма, и думающаго, что антисемитизмъ, въ смыслѣ антипатіи неевреевъ къ евреямъ будетъ существовать, «пока существуетъ земля». Антипатія къ евреямъ проявляется всего сильнѣе не среди милліонныхъ массъ, получающихъ на свою долю больше шиповъ, нежели розъ современной культуры, а въ среднихъ и высшихъ слояхъ общественной пирамиды, наиболѣе пользующихся благами внушенной евреями культуры. Это послѣднее обстоятельство могло бы, пожалуй, служить руководящей нитью при выясненіи основаній констатируемой Зомбартомъ антипатіи неевреевъ къ евреямъ. Успѣшное соперничество евреевъ съ неевреями въ области свободныхъ профессій, промышленности и торговли, низкій процентъ евреевъ въ классѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ — не объясняется ли этимъ отчасти и распространеніе антисемитизма въ западно-европейскомъ обществѣ, и свобода отъ него класса пролетаріевъ? Зомбартъ не пошелъ, однако, по пути выясненія вопроса съ этой точки зрѣнія, хотя и признаетъ фактъ «поразительныхъ успѣховъ» евреевъ на всѣхъ житейскихъ поприщахъ. «Евреи,—говоритъ Зомбартъ, — въ общемъ способнѣе и предпріимчивѣе» нѣмцевъ, и при вполнѣ безпристрастномъ къ нимъ отношеніи, вѣроятно, заняли бы, напр., «всѣ доцентуры и профессуры въ нѣмецкомъ государствѣ»— къ вящшей выгодѣ «оффиціально-утвержденной науки». Съ этимъ не хочетъ примириться національное чувство современнаго нѣмца, и національное самолюбіе можно, поэтому, считать одною изъ причинъ антисемитизма. Но дѣйствіе обѣихъ причинъ замѣчается пока въ надпролетарскихъ кругахъ западной Европы, и неизвѣстно, какой приняло бы дѣло оборотъ при болѣе активномъ участіи въ общественной жизни народной массы.

Констатируя фактъ усиленій того, что «не совсѣмъ удачно окрестили названіемъ «соціальный антисемитизмъ»—распространяющіся по мѣрѣ того, какъ «евреи стали внѣдряться во всѣ области культурной жизни»—Зомбартъ объясняетъ его не соперничествомъ, а «развитіемъ сознанія внутреннихъ противорѣчій», расовыхъ «различій и контрастовъ». Эти расовыя различія между евреями и арійцами,—продолжаетъ Зомбартъ, — «такъ велики, что служатъ препятствіемъ къ полной ассимиляція евреевъ съ европейскими народами». Эта ассимиляція, «вѣроятно, никогда и не удастся»; противъ нея протестуетъ сама безстрастная природа. «Она мститъ смѣшаннымъ бракамъ проклятіемъ безплодія». Меньшая видимая плодовитость смѣшанныхъ еврейскихъ браковъ объясняется, однако, тѣмъ, что такіе браки заключаются, главнымъ образомъ, въ богатыхъ и культурныхъ слояхъ и, будучи въ большинствѣ недавняго происхожденія, «не могутъ дать столько дѣтей; какъ браки давно заключенные». Природа мститъ смѣшаннымъ еврейскимъ бракамъ и большей, будто бы (по личнымъ наблюденіямъ автора) интеллектуальной и моральной неуравновѣшанностью ихъ потомства—«какъ бы чарующе красивыми и высоко одаренными ни оказались дѣти отъ такихъ браковъ». Моментъ «сознанія, что тутъ соединены евреи и неевреи», также служитъ препятствіемъ къ полной ассимиляціи евреевъ, еще болѣе сильнымъ, чѣмъ физіологическія особенности. «Объ это сознаніе разбиваются пока всѣ попытки расового сліянія»-несмотря на возрастающее число смѣшанныхъ браковъ. Для достиже, нія цѣли—«устраненія контрастовъ»—еще болѣе, чѣмъ смѣшанные браки, необходимо одобреніе ихъ со стороны большинства господствующаго племени, а это большинство, по крайней мѣрѣ въ Германіи, порицаетъ браки евреевъ съ христіанами.

Вся эта аргументація о расовыхъ контрастахъ, какъ основаніи антисемитизма, поддерживаемая, нужно полагать, собственными чувствами автора, можетъ быть и убѣдительна для одинаково съ нимъ чувствующаго нѣмца, но не имѣетъ объективнаго характера и врядъ ли покажется убѣдительной безпристрастному русскому читателю, имѣющему собственныя на этотъ счетъ наблюденія. Расовой антогонизмъ, какъ основа антисемитизма, выставляется у насъ, если не ошибаемся, лишь со стороны лицъ, менѣе всего претендующихъ на безпристрастное отношеніе къ предмету. Какъ бы то ни было, изъ всѣхъ своихъ разсужденій Зомбартъ выводитъ одобреніе политики еврейскихъ націоналистовъ и сіонистовъ. Переводъ его труда вышелъ изъ націоналистическихъ еврейскихъ сферъ, считающихъ его соотвѣтствующимъ не только правильно понятымъ интересамъ еврейства, но и интересамъ человѣчества. Съ точки зрѣнія этихъ сферъ,

сохраненіе еврейской расы служитъ нѣкоторымъ противодѣйствіемъ «опошляющему однообразію», къ которому стремится человѣческій типъ; «сохраненіе каждаго человѣческаго вида есть благо», а еврейскій народъ представляетъ собой «одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ видовъ человѣческаго рода». Идеалистическая сила еврейскаго ренессанса кажется Зомбарту «особенно драгоцѣннымъ сокровищемъ въ наше блѣдное время, когда идеалы болѣе и болѣе выбрасываются за бортъ, дабы можно было возможно полнѣе нагружаться практическими интересами».

В. В.

— Шарль Жидъ. Потребительныя Общества. Книга первая. 1912 г.

За послѣднее время, начиная съ 1905 г., наше кооперативное движеніе вступило въ полосу чрезвычайно энергичнаго роста. Въ настоящее время по числу потребительныхъ обществъ (около $4^1/_2$ тысячъ) Россія обогнала всѣ другія западно-европейскія страны, и каждый изъ послѣднихъ годовъ приноситъ съ собой открытіе почти 1.000 новыхъ подобныхъ организацій. Но, конечно, не всѣ они выживаютъ, а изъ уцѣлѣвшихъ — далеко не всѣ обнаруживаютъ способность къ здоровому развитію. И по числу своихъ членовъ, и по размѣрамъ оборотовъ русская потребительская кооперація на много отстаетъ какъ отъ англійской, такъ и отъ нѣмецкой. Слаба также у насъ и популярная кооперативная литература—а между тѣмъ она является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ кооперативнаго воспитанія, безъ котораго кооперація никогда не сможетъ развернуть своихъ силъ во всю ширь. Для читателей, желающихъ ознакомиться съ исторіей и современнымъ состояніемъ потребительской кооперации, ея функціями, цѣлями и формами, вышеупомянутая книжка, принадлежащая перу извѣстнаго экономиста и одного изъ старѣйшихъ французскихъ кооператоровъ, написанная легко и живо, можетъ быть рекомендована, какъ одна изъ лучшихъ въ нашей популярной литературѣ. Ш. Жидъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей кооперации, которые требуютъ отъ нея не одного только умноженія житейскихъ удобствъ малообезпеченныхъ слоевъ населенія. «Курицу въ супѣ», обѣщанную бѣднякамъ королемъ Генрихомъ IV, эти дѣятели желаютъ превратить въ орудіе экономическаго преобразованія не только въ области обмѣна, но и въ области производства и распредѣленія. Они надѣются установить новый, сверху до низу, экономическій укладъ, который могъ бы замѣнить капиталистическій строй, подобно тому, какъ тотъ замѣ-

нилъ феодальный строй. Для этого нужно только, чтобы кооператоры отказались вполнѣ или хотя бы отчасти отъ своихъ сбереженій или по крайней мѣрѣ оставляли ихъ въ кассѣ кооператива въ видѣ вкладовъ. Составленные такимъ образомъ общественные капиталы должны пойти на созданіе фабрикъ, на покупку земли, на постройку домовъ и тому подобныя предпріятія, доходъ съ которыхъ естественно принадлежалъ бы кооперація. Все увеличиваясь и увеличиваясь, на подобіе снѣжнаго кома, кооперація поглотила бы средства производства, и вмѣстѣ съ ними—прибыль и ренту, присвоиваемую нынѣ индивидуальными предпринимателями. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не объ экспропріаціи капитала, уже присвоеннаго капиталистами, но о созданіи новаго». Конечно, не всѣ теоретики раздѣляютъ этотъ взглядъ Жида, какъ и его вѣру въ возможность устраненія классовыхъ противорѣчій въ организаціяхъ потребителей; но задача его книги—не разрѣшать спорные вопросы кооперації, а возбудить интересъ къ ней въ широкихъ кругахъ публики, и эту задачу она разрѣшаетъ вполнѣ.

К. П.

— Prof. Dr. H. Bechhold. Die Kolloide in Biologie und Medizin. Дрезденъ, 1911.
— R. Liesegang. Beiträge zu einer Kolloidchemie des Lebens. Дрезденъ, 1911.

За послѣднія два десятилѣтія изученіе живого вещества постепенно привело біологовъ отъ области морфологіи и сравнительной анатоміи къ изученію детальной структуры клѣтки, къ рѣшенію гистологическихъ и цитологическихъ вопросовъ. Но болѣе или менѣе удовлетворительное рѣшеніе послѣднихъ не исчерпываетъ всей области біологическаго изученія: наиболѣе глубокій взглядъ на сущность жизненныхъ процессовъ даютъ намъ не морфологія или физіологія вообще, а физика и химія. Въ послѣдніе годы въ біологіи мало по малу намѣчается рядъ новыхъ направленій въ области изслѣдованія сущности жизненныхъ процессовъ уже исключительно съ точки зрѣнія данныхъ химіи и физики. Первые шаги на этомъ новомъ пути были довольно медленны, такъ какъ біологи были еще мало знакомы съ методами изслѣдованія и результатами физики и химіи, а физики и химики слишкомъ односторонне смотрѣли на изученіе сущности жизненныхъ процессовъ. Много важныхъ для біологовъ данныхъ были разбросаны, притомъ, въ спеціальной физико-химической литературѣ и долго оставались имъ неизвѣстными. Подобное раздвоеніе въ области изслѣдованія не могло продолжаться; стали появляться спеціальныя работы, касающіяся химіи и физики

живого вещества, стали выходить учебники этой новой науки. Ученіе о коллоидальномъ состояніи вещества давно уже пріобрѣло важное значеніе въ химіи и физикѣ; о коллоидальномъ состояніи какъ металлоидовъ, такъ и металловъ (особенно серебра), въ спеціальной химической и физической литературѣ существуетъ множество работъ. Примѣненіе ученія о коллоидахъ къ біологіи привело къ признанію, что всякій живой организмъ состоитъ изъ веществъ, находящихся въ коллоидальномъ состояніи; такимъ образомъ всѣ физическіе и химическіе законы, присущіе, напр., коллоидальнымъ металламъ или дѣйствію ихъ другъ на друга, являются примѣнимыми и къ организмамъ. Примѣненіе стереохиміи къ біологіи привело теоретически—къ ученію о химической специфичности вида, а практически къ обоснованію химіотерапіи. Наибольшее вліяніе на біологію оказало ученіе о коллоидахъ въ смыслѣ рѣшенія многихъ спорныхъ вопросовъ зоологіи, ботаники и физіологіи. Вполнѣ исчерпывающимъ и въ то же время доступнымъ для каждаго интересующагося біологіей, но незнакомаго съ спеціальной литературой по химіи и физикѣ, учебникомъ этого новаго направленія въ изслѣдованіи органическаго міра является книга Бехгольда, заглавіе которой выписано нами выше. Начинаясь изложеніемъ общихъ понятій о коллоидальномъ состояніи вещества вообще и о молекулярномъ его составѣ съ точки зрѣнія химіи и физики, эта книга даетъ описаніе методовъ изученія коллоидовъ какъ органическаго, такъ и неорганическаго происхожденія. Въ главѣ о біоколлоидахъ приводится обзоръ всѣхъ химическихъ веществъ, входящихъ въ составъ живого организма; затѣмъ дается понятіе объ организмѣ, какъ о коллоидѣ, и разсматриваются всѣ жизненныя явленія на основаніи выводовъ химіи коллоидовъ. Въ заключеніе авторъ разсматриваетъ съ той же точки зрѣнія рядъ патологическихъ явленій въ организмахъ. Книга Лизеганга является болѣе сжатымъ обзоромъ понятій о живомъ веществѣ, какъ о коллоидѣ. Наиболѣе интересна здѣсь глава, касающаяся ученія о наслѣдственности, въ связи съ ученіемъ о коллоидахъ; этотъ вопросъ почти не затронутъ въ книгѣ Бехгольда. Много вниманія удѣлено также химіи костныхъ образованій и медицинскимъ проблемамъ, возникшимъ по этому поводу (напр., рахитизму).

— Handbuch der Biochemie des Menschen und der Tiere Iena, 1912.
— Biochemisches Handlexikon. Берлинъ, 1912.

Понятіе о «біохиміи» является сравнительно новымъ въ естествознаніи; примѣненіе результатовъ химіи и физики къ біоло-

гическимъ изслѣдованіямъ лишь за послѣднія 10—15 лѣтъ сдѣлало настолько значительные успѣхи, что вызвало новыя направленія въ области естественно-историческаго изслѣдованія, далеко опередившія какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ одностороннее морфологическое направленіе въ области анатоміи, гистологіи и цитологіи. Съ начала XX в. выработалась постепенно новая наука—біохимія, захватывающая съ одной стороны область біологіи, а съ другой—химіи, физики и физіологіи. Несмотря на свою сравнительную юность, біохимія быстро развилась въ обширную область изслѣдованія, вызывая съ каждымъ годомъ все новые и новые запросы, особенно со стороны примѣненія ея выводовъ къ медицинѣ. Весьма скоро появилась потребность не только въ учебникахъ біохиміи, но и въ общихъ обзорахъ столь разносторонней науки чисто справочнаго характера. Первый изъ названныхъ выше сборниковъ даетъ сжатый обзоръ всѣхъ отраслей біохиміи, составленный, по общему плану, 63-мя спеціалистами. Второй сборникъ, составленный 50 спеціалистами, представляетъ словарь всѣхъ явленій или соединеній, такъ или иначе причастныхъ къ области біохиміи во всемъ ея объемѣ и полнотѣ. Хотя изданія эти и нельзя назвать популярными, но, въ виду огромной разбросанности литературныхъ данныхъ, отсутствія хорошихъ учебниковъ и большого интереса, вызываемаго новой отраслью науки, они должны считаться цѣнными пособіями при изученіи біохиміи.

А. С. Щепотьевъ.

Въ теченіе мая въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Айзманъ, Д. Я. Собраніе сочиненій. Томъ 4. Кн-во «Просвѣщеніе». 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ан—скій, С. А. Собр. соч. Томъ III. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб. Цѣна 1 р. 25 коп.

Астори, Е. Англія, Уэльсъ и Ирландія. Изъ личныхъ замѣтокъ и наблюденій. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Д'Аннунціо, Габріэль. Собр. соч. Томъ XII. Изд. «Шиповника». Спб. Цѣна 1 р. 50 коп.

Боргманъ, А. И. Учебная книга по русской исторіи. Часть I. До Петра Великаго. Спб. Изд. «т-ва А. С. Суворина—Новое Время». 1912 г. Цѣна 1 руб.

— Русская исторія. Часть I. До Петра Великаго. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Брихничевъ, Іона. Капля крови (стихи). Изд. журн. «Новая Земля». Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

— Апостолы реформаціи. Цѣна 30 коп.

— Апостолы гуманности и свободы. Цѣна 20 коп.

Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Второе изд. Спб., 1912 г. Цѣна 2 руб.

Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Второе изд. Спб. Изд. Я. Башмакова. 1912 г. Цѣна въ переплетѣ 80 коп.

Васенко, С. В. Годъ великаго испытанія (отечественная война). Второе изд. Спб. Изд. Я. Башмакова. 1912 г. Цѣна 15 коп.

Верховской, П. В. Очерки по исторіи русской церкви въ XVIII и XIX ст. Вып. первый. Варшава, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Витте, С. Ю., графъ. По поводу націонализма. Національная экономія и Фридрихъ Листъ. 2-е изд. Спб., 1912 г. Цѣна 1 руб.

Водовозова, Е. Н. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Итальянцы. Изд. четвертое. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

— Болгары. Сербы. Черногорцы. 4-е изд. Цѣна 40 коп.

Вощининъ, В. Переселенческій вопросъ въ Гос. Думѣ III созыва. Итоги и перспективы. Спб., 1912 г. Цѣна 2 руб.

Вѣтринскій, Ч. Отечественная война въ родной поэзіи. Изд-во «Нижегородскаго Ежегодника». Н.-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 10 коп.

— И. А. Гончаровъ. Цѣна 10 коп.

Гомперцъ, Г. Ученіе о міровоззрѣніи. Изд. «Шиповника». Спб.. Цѣна 4 руб.

Горнфельдъ, А. Г. О толкованіи худож. произведенія. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Деледда, Грація. Одиночество. Пер. съ итальянскаго. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Ефименко, А. Я. 1812. Чтеніе для народа, народныхъ и гор. школъ, Второе изд. Спб. Изд. Я. Башмакова. 1912 г. Цѣна 20 коп.

Зандбергъ, Д. Г. Историческая беллетристика въ школѣ. Опытъ систем. критич. указателя. Ч. I. Всеобщая исторія. Москва, 1912 г. Цѣна 50 к.

Златовратскій, Н. Н. Собр. соч. Томъ III. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Томъ IV. Цѣна 1 р. 50 коп.

Иловайскій, С. И., проф. Учебникъ финансоваго права. Пятое изд. Вып. I. Изд. Е. С. Иловайской. Одесса, 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Кальдеронъ. Сочиненія. Вып. 3-й. Пер. съ исп. К. Д. Бальмонта. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 1 руб.

Канторовичъ, Я. А. Конвенція между Россіей и Франціею для защиты литер. и худож. произведеній. Спб. Изд. юрид. книжн. скл. «Право». 1912 г. Цѣна 50 коп.

Клюевъ, Николай. Братскія пѣсни (книга вторая). Изд. журн. «Новая Земля». Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Конрадъ, Джозефъ. На взглядъ Запада. Романъ. Пер. съ англ. Кн-во «Польза». Москва. Цѣна 75 коп.

Копосовъ, В. А. И. А. Гончаровъ. Краткій очеркъ жизни и творчества. Изд. симб. учен. арх. комиссіи. Симбирскъ, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Кудринскій, Ѳ. А. Курсъ новой русской литературы въ органическомъ конспективномъ видѣ. Вып. II. Вильна, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Кузнецовъ, Н. И. Систематическій сводъ указовъ Прав. Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Томъ VIII. 1911 г. Воронежъ, 1912 г. Цѣна 3 р. 30 коп.

Кузнецкій, С. Финляндія въ началѣ XX вѣка сравнительно со Швеціей и русскимъ сѣвероиъ. Москва, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Кукановъ, А. И. и *Б. Я. Лукинъ.* Руководство по гербовому уставу. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Курдовъ, К. М. Отечествовѣдѣніе. Россія сравнительно съ главнѣйшими госуд. міра. Курсъ ср. уч. зав. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Лебединскій, П. М. Судоустройство и судопроизводство гражд. и угол. у древнихъ евреевъ въ послѣднее тысячелѣтіе до Р. Х. Часть I. Баку 1911 г. Цѣна 1 руб.

Лондонъ, Джекъ. Богъ отцовъ. Пер. съ англ. Изд. І. А. Маевскаго Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

— Сынъ свѣта. Цѣна 1 руб.

Лященко, П. И. Хлѣбная торговля на внутреннихъ рынкахъ Европ. Россіи. Описательно-статист. изслѣдованіе. Спб., 1912 г. Цѣна 4 руб.

Мачтетъ, Г. А. Собр. соч. Томъ IX. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб. 1912 г. Цѣна 1 руб.

Мей, Л. А. Избранныя стихотворенія. Изд-во «Нижегородскій Ежегодникъ». 1912 г. Цѣна 20 коп.

Муйжель, В. В. Собраніе соч. Томъ V. Спб. Изд-во «Просвѣщеніе». 1911 г. Цѣна 1 руб.

— Томъ VI. Цѣна 1 руб.

Нарбутъ, Вл. Аллилуіа. Стихи. Изд. «Цеха поэтовъ». Спб. Цѣна 75 к.

Новорусскій, М. Устройство и оборудованіе школы. Спб., 1912 г. Цѣна 35 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Собр. соч. Томъ VIII. Щучій омутъ. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Собр. соч. Томъ седьмой. Трепетъ земли. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Овчинниковъ, А. А. Къ ученію о соединеніи труда. Казань, 1912 г. Цѣна 3 руб.

Опацкій, А. Н. Фабрично-зав. промышл. Харьковской губерніи и положеніе рабочихъ. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 2 руб.

Пересъ, Ж. Б. О томъ, что Наполеона никогда не было. Изд-во «Задруга». Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Поповъ, Н. Война и легъ воиновъ. Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Постниковъ, А. П. Учебникъ физики. Для ср. уч. зав. Часть 1. Изд. В. С. Спиридонова. Москва, 1911 г. Цѣна 1 руб.

Пуришкевичъ, Вл. Въ дни бранныхъ бурь и непогоды. Сборникъ стихотвореній. Томъ I. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Пѣшехонова, А. Сборникъ вычисленій и простѣйшихъ задачъ. II ступень элем. курса. 6-е изд. Спб., 1912 г. Цѣна 15 коп.

Румянцевъ, Н. Е. Обзоръ литературы по психологіи дѣтства. Изд. 2-е. Спб., 1912 г. Цѣна 60 коп.

Сев'джъ, Ричардъ Генри. Нареченная и обреченная заурядъ супруга. Антологич. романъ. Пер. съ англ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Сендерко, М., свящ. Государственная Дума и жизненные вопросы правосл. духовенства. Спб., 1912 г. Цѣна 25 коп.

Соколовъ, Н. А. Великая эпопея. Къ столѣтію Отеч. войны 1812 г. Спб., 1912 г.

Соловьевъ, Вл. С. Собр. соч. Второе изд. Томъ пятый. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 2 руб.

Сыромятниковъ, С. Н., и *Юрьевскій, Б.* Землеустроительный смотръ. Спб., 1912. Ц. 30 к.

Тарановскій, Ѳ. В. Судьба наказа имп. Екатерины II во Франціи. Спб., 1912 г.

Тимофеевъ, М. И. Азбука по естеств. методу. Изд. 4-е. Одесса. Цѣна 25 коп.

Фоминъ, И. И., прив.-доц. Практическая постановка промышл. образованія. Харьковъ, 1912 г.

Чеховъ, Н. В. Народное образованіе въ Россіи съ 60-хъ годовъ XIX вѣка. Кн-во «Польза». Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Чулковъ, Георгій. Сочиненія. Томъ пятый. Изд. «Шиповника». Спб. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шапиръ, Ольга. Собр. соч. Томъ X. Рабство и др. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Щепкинъ, В. Н. Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ — какъ историкъ русскаго искусства. Москва, 1912 г.

Универсальная библіотека. Кн-во «Польза». В. Антикъ. Москва.

— Нарѣжный, В. Т. Бурсакъ. Романъ. Цѣна 30 коп.

— Ожешко, Э. Меиръ Эзофовичъ. Пер. съ польскаго. Часть первая. Цѣна 20 коп.

— Слово о полку Игоревѣ. Цѣна 10 коп.

— Бласко Ибаньесъ, В. Мертвые повелѣваютъ. Романъ. Пер. съ исп. Цѣна 40 коп.

— Ксавье де-Мэстръ. Параша-Сибирячка. Пер. съ франц. Цѣна 10 к.

— Богдановичъ, Т. Александръ I. Историко-біографическ. очеркъ. Цѣна 10 коп.

— Гауфъ, В. Избранныя сказки. Пер. съ нѣм. Цѣна 20 коп.

— Шекспиръ, В. Макбетъ. Цѣна 10 коп.

— Богдановичъ, И. Ѳ. Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ. Цѣна 10 коп.

Французы въ Россіи. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Часть II. Сборникъ, составленный А. М. Васютинскимъ, А. Н. Дживелеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Изд-во «Задруга». Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Труды агинской экспедиціи. Матеріалы по изслѣдованію Агинской степи, Забайк. обл. Вып. VII. Изд. Читинскаго отд. приамур. отдѣла Имп. р. геогр. о-ва. Чита. 1911.

Альманахъ памяти Фофанова. Оранжевая урна. Изд. газеты «Петербургскій Глашатай». Спб., 1912 г. Цѣна 25 коп.

Ростъ кооперативныхъ учрежденій въ Россіи. Изд. ред. журн. «Вѣстникъ мелкаго кредита». Спб., 1912 г. Цѣна 15 коп.

Отчеты инспекторовъ сельскаго хозяйства, уполномоченныхъ по сельско-хоз. части и правит. агрономовъ 19 губ. Евр. Россіи за 1910 годъ. Изд. деп. земл. Спб., 1912 г.

Труды областныхъ сельско-хоз. совѣщаній въ гг. Харьковѣ и Саратовѣ (9—15 сент. 1911 г.). Часть I. Изд. деп. земл. Спб., 1912 г.

— Часть II. (Приложенія).

Украина. Сборникъ пов. и разск. малоросс. писателей въ переводѣ Н. Шадурскаго. Плоцкъ, 1911 г. Цѣна 90 коп.

— Повѣсти и разск. малоросс. писателей въ пер. Н. Шадурскаго. Плоцкъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Отчетъ московскаго публичнаго и румянцевскаго музеевъ за 1911 годъ. Москва, 1912 г.

Акціонерное страхованіе отъ огня въ Россіи 1827—1910 гг. Изд. тар. отд. акц. стр. обществъ. Спб., 1912 г.

Труды перваго всеросс. съѣзда по борьбѣ съ торгомъ женщинами и его причинами. Томъ I. Спб. 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Томъ II. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Московскій гор. нар. университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1912—1913 академ. годъ. Москва, 1912 г. Цѣна 5 коп.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Политическая агитація высшаго духовенства и молчаніе низшаго. — Признаки развала церковной жизни.—Подготовка почвы для выборовъ, совершаемая администраціей. — Химерныя старанія запрудить рѣку жизни. — Борьба симбирскаго губернатора съ «волками въ овечьей шкурѣ».—Самоубійства отъ голода и голодный «бунтъ».—«Вѣдаютъ»-ли, что «творятъ»?

Въ начинающейся предвыборной кампаніи духовенство развиваетъ большую и стройную дѣятельность. Уже не случайность, а, несомнѣнно, общее для всей почти Россіи явленіе, что епископы разсылаютъ агитаціонные циркуляры, консисторіи памѣчаютъ избирательные списки, благочинные разъѣзжаютъ по своимъ округамъ, воздѣйствуя словомъ и примѣромъ. Газеты удѣляютъ все больше и больше вниманія избирательной дѣятельности духовенства. А общество начинаетъ, повидимому, наблюдать эту дѣятельность съ неудовольствіемъ и развивающейся непріязнью.

Походъ для завоеванія четвертой Думы духовенство повело съ большой энергіей и широкой организованностью. Но, было бы, въ значительной степени несправедливо и невѣрно считать поголовно все россійское духовенство одной сплоченной черносотенной арміей. Уже теперь довольно опредѣленно выдѣляется любопытная

черта: энергично хлопочетъ духовное начальство, начиная съ петербургскихъ іерарховъ, продолжая губернскими епископами и кончая благочинными. Остальная, главнѣйшая масса низшаго духовенства пребываетъ въ молчаніи. Конечно, стараются держать эту массу въ послушаніи и трепетѣ, но все-же, какъ бы ни заковывали, какъ бы ни застращивали духъ человѣка, въ немъ всегда кроется много гибкости, много неожиданныхъ возможностей. Тайныя настроенія низшей церковной среды (допуская и здѣсь значительное число правыхъ, дѣйствующихъ не только за страхъ, но и за совѣсть, искривленную многолѣтнимъ давленіемъ) должны быть, въ общемъ, пестры и многообразны.

Недавно пришлось мнѣ поговорить съ виднымъ депутатомъ-прогрессистомъ третьей Думы. Какъ помѣщикъ, онъ давно наблюдалъ сельское духовенство и внимательно присматривался къ священникамъ-депутатамъ въ Думѣ.

Сельскіе священники,—говорилъ онъ,—связаны съ крестьянствомъ, несомнѣнно, больше, чѣмъ съ господствующими классами. Со стороны господствующихъ классовъ священники часто видятъ оскорбительное отношеніе. Положимъ, и крестьяне иногда подтруниваютъ надъ своими попами. Но это все-таки другое дѣло. Священники связаны съ деревней трудомъ, одинаковыми интересами и даже предразсудками. И какъ деревня страдаетъ отъ разныхъ властей, такъ и сельское духовенство страдаетъ отъ архіерейской и консисторской власти. Нельзя, поэтому, сдѣлать изъ сельскихъ священниковъ орудіе реакціи. Но когда насильственно дѣлаютъ ихъ реакціонерами, въ душѣ несчастныхъ священниковъ, втиснутыхъ въ Госуд. Думу, рождается чувство глубокаго недовольства и раздраженія. Они не могутъ не сознавать, что ихъ толкаютъ на нѣчто пагубное, что ихъ заставляютъ поддерживать тотъ самый порядокъ который тамъ, въ деревнѣ, давитъ и губитъ ихъ. Они связаны въ принудительный союзъ, во главѣ котораго поставлена группа барчуковъ. Положеніе неестественное и тягостное. Я приглядывался къ священникамъ въ третьей Думѣ. Въ глубинѣ ихъ совѣсти—постоянное чувство угнетенія. Мнѣ кажется, они чувствуютъ, что совершается нѣчто пагубное не только для нихъ, но и для самой церкви, для православія. Къ нимъ дѣлаютъ прививку клерикализма, который чуждъ нашему духовенству. И притомъ берутъ худшее отъ католичества. Тамъ, на Западѣ, дѣятельность духовенства соединена съ огромной дисциплиной, съ образованіемъ, съ привычкой къ власти. А у насъ націоналистическая и правая политика вноситъ разломъ въ духовную среду. Скромный типъ духовнаго пастыря вытѣсняется карьеристами. Изъ сельскаго храма дѣлаютъ

нѣчто неподобающее. Политика должна быть далека отъ храма: иначе она грозитъ поколебать самыя основы вѣры. Времена измѣнчивы, и если духовенство втянуто въ политическую борьбу, то и оно можетъ когда-нибудь услышать возгласъ: «Горе побѣжденнымъ!» Русское населеніе перерастаетъ примитивную вѣру, развитіе его повышается, и если духовенство не сумѣетъ идти въ уровень съ вѣкомъ, если оно дастъ населенію, вмѣсто духовнаго хлѣба, камень политической вражды, то это губительно отразится на самой церкви.

Отъ этихъ общихъ разсужденій и печальныхъ предположеній собесѣдникъ мой снова вернулся къ священникамъ-депутатамъ третьей Думы.—Особенно тяжело,—съ грустью говорилъ онъ,—положеніе священниковъ-прогрессистовъ. Они имѣютъ мужество противиться указаніямъ своихъ духовныхъ властей, и за это ихъ подвергаютъ всяческимъ угрозамъ. Заслуга ихъ еще въ томъ, на мой взглядъ, что они не впадаютъ въ крайности, въ которыя впадали священники въ первой и второй Думѣ. Судьба ихъ печальна, но примѣръ ихъ скромной, мужественной дѣятельности весьма поучителенъ.

Какъ ни мрачна, слѣдовательно, роль нынѣшняго духовенства, но было бы ошибкой обвинять въ реакціонности все русское духовенство огуломъ. Презрѣніе и насмѣшки, которыми нѣкоторыя газеты спѣшатъ осыпать сельскихъ священниковъ могутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ быть не только обидны своей несправедливостью, но могутъ даже повести къ нежелательному результату, оскорбивъ и оттолкнувъ кое-кого изъ священниковъ отъ прогрессивныхъ теченій.

Ежедневная печать, впрочемъ, уже начинаетъ улавливать тѣ разнородныя теченія, которыя вызываетъ среди духовенства предвыборная кампанія. Такъ напримѣръ, кіевскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ: «На мѣстахъ самую интенсивную дѣятельность по прежнему развиваютъ націоналисты и сельское духовенство. Среди послѣдняго наблюдаются три теченія. Часть священниковъ склоняется волей-неволей идти по указкѣ и поддерживать націоналистовъ. Другіе стремятся использовать всѣ выгоды своего положенія и провести возможно большее число священниковъ въ выборщики и депутаты. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напримѣръ, въ Кіевскомъ, Каневскомъ, Звенигородскомъ и Уманскомъ, среди духовенства на частныхъ совѣщаніяхъ довольно громко раздаются голоса о необходимости единенія съ крестьянами, у которыхъ много общихъ интересовъ съ сельскимъ

духовенствомъ, а не идти по указкѣ помѣщиковъ. Пока выборщики отъ духовенства окончательно не намѣчены».

Въ Костромской губерніи, судя по корреспонденціи оттуда въ «Русскія Вѣдомости», на духовенство возлагаютъ даже оптимистическія надежды. «Преобладающую роль въ выборахъ,—говоритъ корреспондентъ,—будетъ играть духовенство: напримѣръ, на прошлыхъ выборахъ по одному уѣзду священниковъ по землевладѣльческой куріи было большинство; и священники «изъ милости», говорилъ мнѣ одинъ земецъ, пропустили одного земца. Въ связи съ этой ролью духовенства въ землевладѣльческихъ кругахъ отмѣчается теперь любопытное явленіе: съ каждымъ годомъ крупное землевладѣніе распыляется, за распродажей земель; въ наступающихъ выборахъ въ четвертую Думу въ Костромской губерніи уже не насчитывается нѣсколькихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые были выборщиками на выборахъ въ третью Думу; между тѣмъ, церковныя земли, представителями которыхъ являются священники, остаются постоянной величиной. «Такимъ образомъ мы доживемъ до церковнаго собора, котораго теперь такъ добивается духовенство,— улыбаясь, говорилъ мнѣ одинъ земецъ.—Тѣ, которые считаютъ духовенство Костромской губерніи прогрессивнымъ въ общей массѣ—а это утверждали и встрѣчавшіеся со мною священники, — питаютъ надежду, что, не будучи особенно устойчивымъ въ открытыхъ выступленіяхъ, духовенство въ процессѣ закрытой баллотировки все же окажетъ услугу прогрессивнымъ силамъ общества».

Изъ нѣкоторыхъ губерній сообщаютъ, что циркуляры высшей духовной власти по поводу выборовъ не были прочитаны на епархіальныхъ съѣздахъ, такъ какъ не было довѣрія къ настроенію сельскаго духовенства. Предвыборная агитація въ этихъ губерніяхъ возложена исключительно на благочинныхъ, чтобы они, объѣзжая приходы, разными способами укрощали и уничтожали прогрессивныя стремленія у сельскихъ священниковъ.

Итакъ, роль священниковъ на предстоящихъ государственныхъ выборахъ повсюду будетъ значительна, но никакъ нельзя сказать что она будетъ однородна. Различныя уклоненія отъ результатовъ, ожидаемыхъ духовными властями, вполнѣ возможны.

Съ другой стороны, увлеченіе духовенства политикой начинаетъ уже приводить къ тѣмъ печальнымъ для православной церкви результатамъ, которые предсказаны были трезвыми наблюдателями церковной жизни. Въ Кіевской губерніи, гдѣ за послѣдніе годы увлеченіе духовенства право-національстической политикой было въ особенномъ разгарѣ, замѣчается такого рода явленіе. «Чуткая ко всякой несправедливости молодежь,—говоритъ мѣстный корреспон-

дентъ,—реагируетъ на развалъ церковной жизни сочувственными манифестаціями по адресу «опальныхъ» преподавателей и повальнымъ бѣгствомъ изъ стѣнъ духовно-учебныхъ заведеній. Демонстративный характеръ носило состоявшееся на-дняхъ чествованіе уволеннаго въ отставку проф. В. И. Экземплярскаго. Студенты поднесли профессору сочувственный адресъ и икону Іоанна Златоуста, чѣмъ была подчеркнута ихъ полная солидарность съ взглядами Экземплярскаго. Что же касается до бѣгства учащихся изъ духовно-учебныхъ заведеній, то этотъ фактъ подтверждается цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ. Прежде всего въ кіевской епархіи сейчасъ находится масса свободныхъ священническихъ вакансій, и нѣтъ желающихъ занять ихъ; въ связи съ этимъ духовныя власти предпринимаютъ рядъ «экстренныхъ» мѣръ, которыя однако едва ли приведутъ къ желанной цѣли. Наконецъ, достаточно отмѣтить фактъ внезапнаго перенесенія экзаменовъ въ кіевской духовной семинаріи съ весны на осень, съ цѣлью лишить воспитанниковъ 4-го класса возможности поступить въ свѣтскія учебныя заведенія. Повидимому, бѣгство учащихся достигло значительныхъ размѣровъ, если приходится прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ».

Дополненіемъ къ этому сообщенію можетъ служить слѣдующая замѣтка «Кіевской Мысли». «Въ Кіевской епархіи,—говоритъ газета,—на ряду съ епархіями всей Россіи наблюдается въ послѣдніе годы недостатокъ лицъ, желающихъ поступить по окончаніи семинаріи въ священники. Для увеличенія контингента священниковъ была введена особая мѣра: при мѣстной семинаріи установленъ особый экзаменъ для ищущихъ званія священника и діакона. Но такъ какъ эта мѣра не достигаетъ цѣли и недостатокъ священниковъ продолжаетъ замѣчаться, то правленіе мѣстной семинаріи выработало новую мѣру: пріемъ въ богословскіе классы семинаріи (5-й и 6-й), въ качествѣ вольнослушателей, всѣхъ лицъ діаконскаго сана, имѣющихъ званіе учителя и проходившихъ эту должность не менѣе пяти лѣтъ. Этимъ лицамъ въ началѣ слѣдующаго учебнаго года будетъ произведенъ экзаменъ по нѣкоторымъ богословско-историческимъ предметамъ по программѣ церковно-учительскихъ школъ, и по окончаніи семинаріи эти вольнослушатели получатъ право на священство наравнѣ со студентами семинаріи. Указанной мѣрой, утвержденной высшей духовной властью, предполагается имѣть среди духовенства лицъ, болѣе способныхъ къ пастырско-учительской дѣятельности, нежели часто нынѣ возводимые въ санъ священника сельскіе діаконы».

Подобные факты говорятъ если не о развалѣ въ средѣ церкви, то во всякомъ случаѣ о значительномъ оскудѣніи церковнаго духа.

И конечно, іерархамъ православной церкви, нужно было бы въ эту сторону направить свою энергію, а не на политическую борьбу.

Свѣтская власть тоже, разумѣется, проявляетъ въ провинціи свою энергію, въ мѣру своего государственнаго разумѣнія, для подготовленія почвы выборамъ въ четвертую Думу. Административныя мѣры обычны: запретить, оштрафовать, выслать—привычный способъ вліять на жизнь пріостановкой нормальнаго теченія жизни. Таковы и теперь газетныя сообщенія изъ разныхъ губерній. «Опасенія результатовъ предстоящей избирательной кампаніи,—пишутъ изъ Владиміра въ «Р. Вѣд.»,—обнаруживаются во всѣхъ распоряженіяхъ мѣстной администраціи. Не разрѣшено устройство нынѣшнимъ лѣтомъ педагогическихъ курсовъ для учителей въ Ковровѣ, Шуѣ и Александровѣ, въ виду опасеній политической агитаціи среди учителей. Устройство дня «бѣлой ромашки» разрѣшено при условіи, что собранныя деньги будутъ храниться у администраціи до окончанія выборовъ, дабы онѣ не могли быть употреблены на предвыборную кампанію. Мѣстный органъ печати находится въ условіяхъ, дѣлающихъ невозможнымъ освѣщеніе вопросовъ избирательной кампаніи. Администраціей собираются справки о тиражѣ газеты».

Изъ Чернигова мѣстный корреспондентъ саркастически пишетъ: «Нашу губернію, повидимому, рѣшено твердо оберегать отъ борьбы съ туберкулезомъ. Никакихъ «праздниковъ бѣлаго цвѣтка» въ предѣлахъ губерніи не разрѣшается, и на этой почвѣ на-дняхъ даже вышелъ такой «инцидентъ». На границѣ Черниговской губерніи съ Кіевомъ находится довольно густо населенная мѣстность Черниговской губерніи, Предмостно-Никольская слободка. Послѣдняя представляетъ собой какъ бы окраину Кіева, и при устройствѣ въ Кіевѣ дня «бѣлаго цвѣтка» предполагали распространить его и на слободку, совершенно забывъ, что слободка находится въ предѣлахъ губерніи, гдѣ борьба съ туберкулезомъ не допускается; въ слободкѣ губернскими властями воспрещено было устройство «дня бѣлаго цвѣтка». Въ одномъ районѣ—одно «усмотрѣніе», въ другомъ—другое. Говорятъ, что даже обычные съѣзды земскихъ бухгалтеровъ, учителей и т. п. въ предвыборное время у насъ не будутъ допущены, чтобы подъ видомъ этихъ съѣздовъ,—сохрани Боже!—не столковались о предвыборной тактикѣ партіи лѣвѣе октябристовъ».

Изъ Твери сообщаютъ: «Въ числѣ другихъ мѣропріятій начавшейся «избирательной кампаніи» слѣдуетъ отмѣтить предпринятое давленіе на служащихъ. Нѣкоторымъ поставленъ ультима-

тумъ: или отказаться отъ всякихъ выступленій и агитаціи по выборамъ въ 4-ю Думу, или будетъ примѣнена 20-я ст. объ усиленной охранѣ. Примѣняется также мѣра перемѣщенія въ другіе города. Вообще предвыборная кампанія ведется въ губерніи съ полнымъ разсчетомъ парализовать дѣятельность партій лѣвѣе октябристовъ. «Нажимъ» дѣлаютъ на всѣхъ земскимъ служащихъ, пользующихся извѣстною популярностью на мѣстѣ ихъ жительства. Такихъ лицъ изъ городовъ переводятъ въ селенія другихъ уѣздовъ».

Сходную дѣятельность проявляетъ администрація и въ Костромѣ. «Не успѣло еще,—говоритъ мѣстный корреспондентъ,—наступить время предвыборной кампаніи, какъ провинціальной печати приходится уже разсчитываться за нее авансомъ. На протяженіи какой-нибудь недѣли двѣ изъ прогрессивныхъ газетъ: «Наша Костромская Жизнь» и «Костромскія Новости», выходящія три раза въ недѣлю, были оштрафованы: первая—дважды, на 400 и на 300 р., вторая—на 200 р. Оштрафованная за фельетоны, посвященные третьей Государственной Думѣ, «Нов. Костром. Жизнь» должна была отправить двухъ своихъ отвѣтственныхъ редакторовъ отбывать наказаніе тюремной высидкой: одного на мѣсяцъ, другого—на три мѣсяца, а газета временно выходомъ пріостановилась».

Въ Вяткѣ воспрещенъ «день колоса ржи», въ Воронежѣ не разрѣшили продавать бѣлую ромашку въ пользу туберкулезныхъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ не допущены къ обслѣдованію хуторскихъ и отрубныхъ хозяйствъ 13 земскихъ статистиковъ—и такъ далѣе, и такъ далѣе. Стараній прилагается немало, чтобы запрудить и пріостановить рѣку жизни. Но результаты, нужно полагать, получатся малые и краткосрочные. Въ числѣ этихъ малыхъ результатовъ возможна и довольно удачная «подготовка» выборовъ въ четвертую Думу. Но развѣ это будетъ большая, прочная и длительная побѣда? Жизнь найдетъ пути для своихъ теченій—если не ровные и спокойные, то, въ обходъ препятствіямъ, тревожные и осложненные. И все же рѣка жизни, какъ и всякая рѣка, идетъ не вспять, а впередъ.

Нынѣшней зимой, при посѣщеніи голодающихъ мѣстностей, пришлось мнѣ заѣхать въ г. Сызрань, Симбирской губерніи. Зашелъ я въ редакцію мѣстной газеты. Говорили о мѣстныхъ дѣлахъ и главнымъ образомъ, конечно, о голодѣ.

— Да, вотъ кстати!—сказалъ редакторъ, взявъ со своего стола какой-то большой листъ и подавая мнѣ.—Только-что получено,—прибавилъ онъ и посмотрѣлъ на меня съ какой-то странной, кривой улыбкой.

Съ недоумѣніемъ сталъ я читать печатный листъ. Это было воззваніе самарскаго объединеннаго комитета, умоляющаго населеніе дѣлать посильныя пожертвованія въ пользу голодающихъ.

— Ну, что же,—сказалъ я, не понимая,—значитъ напечатаете?

— Въ томъ-то и дѣло, что нельзя.

— Не понимаю. Почему нельзя?

— Потому что у насъ «голода нѣтъ». Воспрещено упоминать о голодѣ.

— Но вѣдь этотъ комитетъ—оффиціальное учрежденіе! Въ его составъ входятъ губернскія власти.

— Все равно нельзя,—уже не улыбаясь, съ унылой покорностью сказалъ редакторъ.—Въ Самарской губерніи можно, а въ нашей нельзя. У насъ на эти воззванія особая цензура установлена, и ничего не разрѣшаютъ.

— А вы все же пошлите въ цензуру, попробуйте.

— Нечего и пробовать,—безнадежно махнулъ рукой редакторъ,—я посылалъ нѣсколько разъ. Полицеймейстеръ отсылаетъ губернатору, а оттуда никакого отвѣта. По распоряженію губернскаго начальства у насъ голода нѣтъ.

Подивился я и не совсѣмъ повѣрилъ редактору. «Вотъ,—думалъ я,—до чего запугиваетъ уѣздная жизнь людей!» Казалось невѣроятнымъ, чтобы подозрительность администраціи доходила до такихъ ненормальныхъ предѣловъ.

И вотъ на дняхъ пришлось прочитать въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» корреспонденцію изъ Симбирска съ неожиданнымъ и яркимъ подтвержденіемъ моихъ сызранскихъ впечатлѣній. «Здѣшній губернаторъ А. С. Ключаревъ,—сообщаетъ корреспондентъ,—обратился къ московскому митрополиту съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Какъ вашему высокопреосвященству извѣстно, Симбирскую губернію, въ числѣ другихъ губерній, постигъ въ 1911-мъ году недородъ хлѣбовъ, но тяжелое экономическое положеніе крестьянъ, по представленію мѣстной администраціи, немедленно же вызвало соотвѣтственную помощь извнѣ, изъ общегосударственныхъ средствъ. Съ Высочайшаго соизволенія нашего Всемилостивѣйшаго Государя, на Симбирскую губернію для этой надобности ассигновано свыше 9.000.000 руб., и организованная на эти средства трудовая помощь, въ связи съ помощью врачебно-питательной, съ открытіемъ столовыхъ отъ земства, выдачею ссудъ на обсѣмененіе, настолько исчерпала нужду населенія, что нынѣ съ чувствомъ радостнаго облегченія можно сказать, что ни одинъ человѣкъ отъ голода въ Симбирской губерніи не умеръ, заболѣваемость не превысила таковой же за предшествовавшіе годы и даже не обнаружилось сколько-

нибудь крупныхъ экономическихъ потрясеній крестьянскихъ хозяйствъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этихъ положеній служитъ то обстоятельство, что изъ предназначенныхъ 9-ти милл. руб. нынѣ уже предвидится экономія до 2-хъ милл. руб. Однако такой благополучный исходъ дѣла оказался пріятнымъ далеко не для всѣхъ. Уже съ первыхъ дней, когда выяснился недородъ, крайнія лѣвыя организаціи, исконные враги порядка, чрезъ своихъ агентовъ въ родѣ Вольнаго Экономическаго Общества и отдѣльныхъ, неуравновѣшенныхъ, тяготѣющихъ къ такимъ организаціямъ лицъ, предприняли свою собственную кампанію, возбуждая черезъ лѣвыя газеты ложную тревогу въ обществѣ, собирая этимъ путемъ въ свое безконтрольное распоряженіе деньги довѣрчивыхъ людей и стремясь проникнуть съ своею непрошенною «помощью» въ деревню. Надобно ли говорить, что эти волки въ овечьей шкурѣ отнимали у мѣстной администраціи много дорогого времени на борьбу съ ними, а у довѣрчивыхъ благотворителей источали крупныя деньги. Установленная мною въ цѣляхъ борьбы съ подобными «радѣтелями о благѣ народномъ» строгая регистрація, къ крайнему моему удивленію, обнаружила, между прочимъ, что два московскихъ священника, собиравшіе, какъ видно изъ газетъ, такія пожертвованія, о.о. Кедровъ и Цвѣтковъ, не рѣшаясь почему-то идти прямымъ путемъ чрезъ меня, какъ начальника губерніи, открыли въ д. Волковѣ Симбирской г. *чрезъ подставное лицо* школьную столовую, послѣ чего немедленно же обратились въ мѣстную газету лѣваго направленія съ просьбой печатать ихъ воззванія о повсемѣстномъ сборѣ пожертвованій на «открытыя ими въ Симбирской губерніи столовыя». Въ виду такого страннаго образа дѣйствій священниковъ Кедрова и Цвѣткова, памятуя великія слова Великаго Учителя: «прелазяй же индѣ, татіе суть и разбойницы», я обратился въ управленіе сельской продовольственной части съ запросомъ, разрѣшена ли подобная дѣятельность названнымъ священникамъ, на что управленіе отъ 25-го минувшаго апрѣля, за № 817-мъ, категорически отвѣтило мнѣ, что разрѣшенія на повсемѣстный сборъ пожертвованій гг. Кедрову и Цвѣткову даваемо не было. Въ виду изложеннаго и стремясь оградить въ мѣрѣ моихъ силъ отъ нареканій въ мѣстномъ обществѣ доброе имя православныхъ духовныхъ пастырей, я счелъ долгомъ сообщитъ обстоятельства этого дѣла вашему высокопреосвященству».

Вотъ документъ, предъ которымъ нѣмѣешь отъ изумленія! Мы-то думали, что такіе администраторы отошли въ исторію со временъ Салтыкова. И вотъ, живая русская явь приноситъ яркое опроверженіе нашего оптимизма. Изумительнѣе всего этотъ тонъ побѣдоноснаго самодовольства симбирскаго администратора. Г. гу-

бернаторъ не только не смущается называть всѣхъ, огуломъ, частныхъ благотворителей «волками въ овечьей шкурѣ», не только позволяетъ себѣ двухъ московскихъ священниковъ, горячо и душевно поработавшихъ въ нынѣшнюю черную годину на пользу ближнихъ, назвать еще худшимъ именемъ и очернить ихъ предъ духовной властью, но въ немъ еще сверкаетъ упоенье побѣдой надъ воображаемыми «исконными врагами порядка», посягавшими обманно накормить голодныхъ симбирскихъ крестьянъ. Всѣхъ побѣдилъ г. губернаторъ! Никого не допустилъ къ своей голодающей деревнѣ... Самодовольство такой высокой марки, что надъ нимъ можно было бы звонко смѣяться, если бы забыть, что это подлинная русская жизнь, со всѣмъ трагизмомъ молчаливой, безпомощной деревни, отданной въ безконтрольное попечительство современныхъ помпадуровъ...

Беру свою записную книжку и нахожу въ ней слѣдующій эпизодъ изъ краткаго путешествія по Сызранскому уѣзду.

— У насъ, правда, особенно тяжелаго положенія какъ будто и нѣтъ,—разсказывали мнѣ въ д. Голодяевкѣ мѣстные люди,—но въ этомъ-то и бѣда для нѣкоторыхъ деревень. Среди десятка селъ попадается какая-нибудь глухая деревенька, въ которой форменный голодъ. А начальство уже рѣшило, что у насъ въ общемъ сравнительно благополучно, что есть недородъ, а голода нѣтъ, и никакимъ отдѣльнымъ извѣстіямъ не вѣритъ. Считаетъ это злонамѣренностью. А вотъ въ сосѣдней деревнѣ Александровѣ недавно одного мужика изъ петли вынули. Сначала корова его кончилась отъ безкормицы, лошадь поднялъ и повѣсилъ на веревкахъ, а потомъ подошло—ложись и умирай. Не выдержалъ и захлестнулъ себя петлей. А начальство прискакало усмирять «бунтъ»... Тутъ вотъ какая исторія вышла. Назначили для этой деревни общественную работу: брать землю для выволоки на дорожныя сооруженія. А у нихъ рядомъ мѣловая почва. Этотъ камень и лѣтомъ надо кирковать, а зимой ничѣмъ не возьмешь. И предложили 3 рубля за кубъ. Крестьяне вышли на работу, сдѣлали пробу—и всѣ отказались. А небольшая часть деревни въ это время мосты дѣлала. Мужики подошли къ нимъ и сказали: «Вы заработаете, а мы нѣтъ, не хорошо это. Подождите». Тѣ прекратили работу. Сочли за бунтъ. Пріѣхало начальство. Приставъ напустился на мужиковъ. А у нихъ какой бунтъ! Указали они приставу на мужика, котораго изъ петли вынули. «Смотри, говорятъ, ваше благородіе, какъ живемъ. Вотъ до чего дошли!» Посмотрѣлъ приставъ на эту голь, на голодныхъ дѣтишекъ, самъ прослезился и изъ своихъ денегъ далъ полтинникъ этому мужику. Показали ему еще четыре семьи: лежатъ, не могутъ встать. Покру-

тилъ головой приставъ и поѣхалъ докладывать, какой въ Александровѣ «бунтъ»...

Можеть быть, и въ симбирскомъ губернаторѣ значительно сократилось бы побѣдоносное самодовольство, если бы удалось ему, какъ приставу, вблизи увидѣть тихій ужасъ деревенской голодовки.

Единственнымъ частичнымъ оправданіемъ подобныхъ администраторовъ могло бы служить евангельское скорбное слово: «Не вѣдаютъ бо, что творятъ».

Но если «вѣдаютъ» и все же «творятъ»?

И. Жилкинъ.

ТРЕТЬЯ ДУМА И ПРЕДСТОЯЩІЕ ВЫБОРЫ.

Въ одной изъ немногихъ газетныхъ статей, пытающихся дать апологію только что закончившихъ свою дѣятельность «народныхъ избранниковъ», третья Государственная Дума названа «Думой будничной работы». И если — прибавляетъ оффиціозная оцѣнка,— «такое заданіе не обѣщаетъ взрыва энтузіазма, то, съ другой стороны, даетъ странѣ реальныя блага».

Далекое, какъ мы увидимъ, отъ полноты, это опредѣленіе чрезвычайно характерно. Минувшее пятилѣтіе освѣщено въ немъ довольно яркимъ свѣтомъ—но впечатлѣніе получается совсѣмъ не то, на которое разсчитывала газета. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ «будничной работѣ» нуждалась Россія въ 1907—12 гг.? Развѣ «будничными» были тѣ задачи, которыя оставались нерѣшенными или даже не поставленными въ долгіе, безконечные періоды реакціи и застоя, тѣ задачи, которыя были въ первый разъ точно формулированы ноябрьскимъ земскимъ съѣздомъ 1904-го года, отчасти признаны указомъ 12-го декабря, усвоены манифестомъ 17-го октября? Будни, сѣрые, мрачные будни продолжались въ Россіи цѣлыя десятилѣтія; страна истомилась подъ ихъ давленіемъ, жаждала «праздника», т. е. выхода на свѣтлую, широкую дорогу. Только послѣ достиженія главной цѣли, послѣ созданія новыхъ основъ государственной и общественной жизни могли опять наступить «будни»,

могла начаться детальная разработка пріобрѣтеннаго въ моментъ всеобщаго подъема. Такъ смотрѣла на дѣло первая Дума; такъ, въ сущности, относилась къ нему и вторая, на сколько это было возможно при измѣнившихся условіяхъ. И если третья Дума, воскрешая худшія традиціи печальнаго прошлаго, опять погрузилась въ «будничную работу», то этимъ самымъ она произнесла надъ собою приговоръ, оставляющій мало мѣста для снисхожденія.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ «будничной работы», когда она не отвѣчаетъ требованіямъ минуты и замѣняетъ собою другое, насущное дѣло, является ходъ назадъ, сопровождаемый порчей государственнаго механизма. Неутѣшителенъ результатъ, получаемый при сравненіи не только недавнихъ надеждъ съ реальными итогами, но и нѣкоторыхъ сторонъ настоящаго съ соотвѣтствующими сторонами прошлаго. Десять лѣтъ тому назадъ у насъ было законосовѣщательное учрежденіе, мало знакомое съ дѣйствительностью, слабое волей, бѣдное иниціативой, но все же не лишенное опытности и способное, по временамъ, тормозить возвращеніе къ отжившимъ порядкамъ. Если бы не возобновились только что прерванные политическіе будни, Государственный Совѣтъ могъ бы стать не безполезнымъ участникомъ преобразованій, находя подходящія формы для новаго содержанія, редактируя, по данной извнѣ программѣ, не имъ внушенные законопроекты. Даже въ качествѣ верхней палаты, не смотря на всю неподготовленность свою къ этой роли, онъ могъ бы оказаться по меньшей мѣрѣ безвреднымъ, если бы вокругъ него, увлекая его за собою, шло «не-будничное» преобразовательное движеніе. Что онъ представляетъ собою теперь, въ политическіе будни—это слишкомъ хорошо извѣстно. Чѣмъ безцвѣтнѣе, зауряднѣе, тусклѣе была дѣятельность третьей Думы, тѣмъ легче было Госуд. Совѣту занять господствующее положеніе, уничтожить или исказить почти все то хорошее, что удавалось сдѣлать нижней палатѣ и понизить безъ того уже крайне скудный активъ цѣлаго законодательнаго періода.

Десять лѣтъ тому назадъ неподорваннымъ въ своемъ основаніи, хотя, быть можетъ, и нѣсколько ослабѣвшимъ, былъ авторитетъ Сената, и какъ верховнаго суда, и какъ блюстителя законности въ управленіи. Что уцѣлѣло отъ этого авторитета теперь, послѣ извѣстныхъ «разъясненій», достигшихъ своего апогея передъ выборами второй Думы, но не прекращающихся и до сихъ поръ, послѣ распространительныхъ толкованій уголовнаго уложенія, послѣ такихъ процессовъ, какъ дѣло Лопухина? Возможно ли было бы нѣчто подобное, если бы государственная жизнь носила не-будничный характеръ, если бы Дума стояла на стражѣ закона и подавала примѣръ ува-

женія къ правамъ обществъ, національностей и частныхъ лицъ? И сколько понадобится времени и усилій, чтобы возстановить дѣйствіе одного изъ немногихъ регуляторовъ, завѣщанныхъ нашимъ прошлымъ?

Десять лѣтъ тому назадъ захирѣвшій, обезцвѣченный и обезсиленный судъ не былъ уже тѣмъ, чѣмъ его хотѣли сдѣлать—и сдѣлали на короткое время—составители судебныхъ уставовъ 1864 г., но все же не отрѣшился вполнѣ отъ традицій незабвенной эпохи, да и судебная администрація воздерживалась отъ слишкомъ прямыхъ и частыхъ нажимовъ на судейскую совѣсть. И теперь, конечно, деморализація охватила не весь судебный міръ, но довѣріе къ нему утрачено надолго, и утрачивается все больше и больше, несмотря на громкія фразы о тщательно оберегаемой независимости суда. Способствуетъ этому, въ значительной мѣрѣ, ограниченіе гласности, изъ исключенія обратившееся, для цѣлой категоріи процессовъ, въ общее правило. Еще чувствительнѣе перемѣна, происшедшая въ настроеніи и образѣ дѣйствій прокуратуры. И все же, рядомъ съ нормальнымъ судомъ, прислушивающимся къ внушеніямъ свыше, продолжаетъ дѣйствовать военная юрисдикція, продолжаетъ дѣйствовать среди глубокой тишины, перенося въ мирное время пріемы, допустимые развѣ въ минуты грозной опасности, внутренней или внѣшней. Ненормальность этого положенія выражается особенно ярко въ непрекращающихся смертныхъ казняхъ. Отказываясь возвысить голосъ противъ вопіющаго зла, третья Дума впала въ противорѣчіе сама съ собою: какъ Дума «будничной работы», она должна была осудить не-будничное средство охраненія государственнаго порядка.

Невелико было уваженіе къ закону и праву среди губернаторовъ конца XIX-го и начала XX-го вѣка—но все же административный произволъ не доходилъ тогда до тѣхъ размѣровъ, какихъ онъ достигъ въ послѣдніе годы. Гг. Толмачевъ, Думбадзе, Хвостовъ, Муратовъ—и не они одни—оставили далеко за собою даже такого типичнаго «властелина», какимъ былъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, черниговскій губернаторъ Анастасьевъ. Ничего «будничнаго» нѣтъ въ безпредѣльномъ расширеніи сферы дѣйствія обязательныхъ постановленій, въ попыткахъ регулировать частную жизнь, въ систематическомъ проведеніи принципа: «нраву моему не препятствуй»—или, если и считать все это подходящимъ къ «буднямъ», то развѣ къ буднямъ торжествующаго абсолютизма, а отнюдь не къ буднямъ хотя бы самаго несовершеннаго правового порядка. «Будничная» Дума должна была бы поставить себѣ задачей осуществленіе хотя бы нѣкоторой гармоніи между формой и содержаніемъ, между

словомъ и дѣломъ. Она должна была бы понять, что именно для будничной жизни необходима хоть нѣкоторая увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, хоть нѣкоторая гарантія личной и общественной свободы. Она должна была бы понять, что при обновленномъ, какъ-никакъ, государственномъ строѣ немыслимо длительное дѣйствіе экстраординарныхъ «охранъ», установленныхъ при совершенно другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Вмѣсто того, чтобы категорически выразить это убѣжденіе, она не провела законовъ о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи, не взяла на себя иниціативу пересмотра законодательства о печати, о собраніяхъ и обществахъ. Этого одного достаточно, чтобы угадать, какое мѣсто она уготовила себѣ въ исторіи... Менѣе индифферентно и пассивно она отнеслась къ свободѣ совѣсти, и не на ней лежитъ непосредственная отвѣтственность за то, что ничего не сдѣлано и въ этомъ направленіи; но едва ли можно отрицать, что при другомъ общемъ характерѣ думской работы не такъ печальна была бы судьба вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ... Роняя авторитетъ Думы, политическіе «будни» поднимали тѣмъ самымъ значеніе Государственнаго Совѣта и во многомъ солидарнаго съ нимъ Синода. Политическое вліяніе послѣдняго, замѣтно уменьшившееся въ періодъ 1904—6 гг., опять тяжело падаетъ на ту чашку вѣсовъ, гдѣ сосредоточены реакціонныя силы. Не случайно Синодъ передъ выборами въ первую Думу рекомендовалъ духовенству воздержаніе отъ политической борьбы — а теперь присутствуетъ молча при крайностяхъ агитаціи, во главѣ которой стоитъ почти вездѣ епархіальное начальство.

Мы сказали выше, что опредѣленіе третьей Думы, предложенное «Россіей», далеко отъ полноты. Дѣйствительно, терминъ «будничная работа» не можетъ быть признанъ подходящимъ къ тѣмъ сторонамъ думской дѣятельности, которыми прокладываются новые пути, ломаются установившіяся отношенія. Здѣсь вопросъ ставится иначе: каковы эти пути, что подвергается ломкѣ, что ставится на мѣсто сломаннаго? Совершенно новымъ является, прежде всего, положеніе, созданное для Финляндіи. О законѣ 17-го іюня 1910-го года, когда онъ былъ еще проектомъ, и объ основанныхъ на немъ мѣропріятіяхъ, когда они проходили, во время послѣдней сессіи, черезъ Госуд. Думу и Госуд. Совѣтъ, мы говорили неоднократно. Разрывая съ прошлымъ, они обѣщаютъ въ будущемъ мало хорошаго какъ для Финляндіи, такъ и для Россіи. На мѣсто взаимнаго довѣрія и уваженія они ставятъ силу—опору несравненно болѣе измѣнчивую и шаткую; они сѣютъ вражду тамъ, гдѣ возможна была дружба. И дѣло, начатое ими, будетъ, по видимому, обостряться и продолжаться; на очередь поставлено уже отдѣленіе отъ Финляндіи части

ея территоріи, грозящее принять еще болѣе широкіе размѣры... Аналогичное значеніе имѣетъ образованіе Холмской губерніи, отдѣляемой отъ Царства Польскаго; и здѣсь чисто внѣшними средствами предполагается сразу добиться результата, достижимаго только путемъ продолжительнаго, мирнаго труда. Къ усиленію, а не къ уменьшенію разлада между національностями направлено и куріальное начало, въ конецъ испортившее и безъ того уже крайне неудовлетворительную организацію земства въ шести западныхъ губерніяхъ. Таковы плоды «націонализма», пышно расцвѣтшаго на почвѣ третьей Думы. Не нужно забывать, что это оказалось возможнымъ только вслѣдствіе перехода октябристовъ, avec armes et bagages, въ лагерь противниковъ ихъ первоначальной программы. Лидеръ союза 17-го октября, А. И. Гучковъ, говорилъ недавно въ Думѣ о «черно-красномъ блокѣ», составляющемъ «проклятіе русской жизни». Если правые и лѣвые подавали иногда голосъ въ одномъ и томъ же смыслѣ—конечно, по совершенно различнымъ или, точнѣе, противоположнымъ мотивамъ,—то это случалось очень рѣдко и никакихъ практическихъ послѣдствій не имѣло; не помѣшало это, напримѣръ, проведенію закона о мѣстномъ судѣ, по поводу котораго были сказаны вышеприведенныя слова г. Гучкова. Другое дѣло—блокъ черно-сѣрый, блокъ націоналистовъ и октябристовъ, къ которому сплошь и рядомъ присоединялись крайне правые; его господству слѣдуетъ приписать и общій «будничный» характеръ работы третьей Думы, и тѣ не-будничные ея результаты, о которыхъ мы только что упомянули и къ которымъ нужно еще присоединить обращеніе указа 9-го ноября въ законъ 14-го іюня. Что они представляютъ собою—благословеніе или «проклятіе»,—это покажетъ будущее.

Въ той же газетѣ, которая назвала третью Думу «Думой будничной работы», апологія Думы проводится еще другимъ путемъ, не менѣе характернымъ. Защищая Думу отъ упрека въ «зависимости», «Россія» отождествляетъ «независимость» народнаго представительства съ переходомъ къ нему исполнительной власти и съ упраздненіемъ Государственнаго Совѣта. Отсюда выводится заключеніе, что рѣчь идетъ о государственномъ переворотѣ. «Скажутъ»—читаемъ мы дальше,—«что между третьей Думой и ея образомъ дѣйствій и, съ другой стороны, государственнымъ переворотомъ есть еще золотая середина. Это безусловно невѣрно. Никакой середины нѣтъ, потому что все промежуточное пространство, по самому существу задачи, которая въ данномъ случаѣ ставится, цѣликомъ заполняется борьбой за эту задачу, т. е. все за ту же идею государственнаго переворота. Третья Дума работала у самой границы, раздѣляющей обѣ эти безусловно непримиримыя области: работу въ

предѣлахъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ и борьбу во имя государственнаго переворота. Иногда, какъ извѣстно, она отдѣльными постановленіями переходила эту границу». Смыслъ этихъ словъ совершенно ясенъ: четвертая Дума должна стать повтореніемъ третьей, избѣгая лишь изрѣдка допускавшихся послѣднею нарушеній завѣтной черты. Какъ предвыборный маневръ, это было бы придумано недурно—если бы только меньше бросалось въ глаза извращеніе правды. Въ конституціонномъ, хотя бы и не-парламентарномъ государствѣ—а конституціоннымъ, въ широкомъ смыслѣ слова, слѣдуетъ считать всякое государство, гдѣ безъ согласія палатъ не можетъ быть изданъ новый законъ, не можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ законъ дѣйствующій—правильный ходъ политической жизни требуетъ извѣстнаго согласія между правительствомъ и законодательными собраніями. Достигается оно взаимными уступками, а не подчиненіемъ силѣ. Не обладая *властью*, парламентъ можетъ обладать *вліяніемъ*—и долженъ стремиться къ нему, какъ къ средству осуществленія задачъ, возлагаемыхъ страною на своихъ представителей. *Степени* вліянія могутъ быть до крайности различны какъ различны и комбинаціи отношеній между главными факторами политической жизни. чѣмъ меньше вліяніе парламента, тѣмъ вѣроятнѣе его *зависимость*. Принципіальные сторонники правительства могутъ, пожалуй, утверждать, что, идя съ нимъ рука объ руку, они проводятъ свои собственныя воззрѣнія, т. е. сохраняютъ свою независимость. Къ такому самооправданію не могутъ прибѣгать, при реакціонномъ направленіи правящихъ сферъ, партіи, основанныя подъ знаменемъ политическаго и соціальнаго прогресса, хотя бы самаго умѣреннаго, самаго постепеннаго. Поддерживая правительство, онѣ выдаютъ сами себѣ аттестатъ зависимости. И если онѣ были «руководящими», то зависимымъ является и руководимое ими законодательное собраніе. Этой простой истины не могутъ затемнить никакіе софизмы.

Немного найдется наивныхъ людей, способныхъ повѣрить, что Дума, хоть сколько-нибудь уклоняющаяся влѣво сравнительно съ своей предшественницей, будетъ «Думою государственнаго переворота». Можно находить, что при нынѣшнемъ устройствѣ и составѣ Государственнаго Совѣта немыслима коренная перемѣна къ лучшему, въ какой бы области народной жизни она ни предпринималась—и не стоять за полное упраздненіе Гос. Совѣта, какъ верхней палаты. Оффиціознымъ публицистамъ не мѣшало бы помнить, что основные законы касаются Гос. Совѣта только въ самыхъ общихъ чертахъ и что иниціатива его преобразованія можетъ принадлежать, безъ всякаго «государственнаго переворота», и Государственной Думѣ... Отъ боевой машины, сооруженной

оффиціознымъ усердіемъ съ цѣлью внушенія избирателямъ спасительнаго страха, не остается, такимъ образомъ, ровно ничего. Ничто не обязываетъ избирателей ставить себѣ образцомъ третью Думу и видѣть въ возможно точномъ ея воспроизведеніи единственную гарантію противъ «государственнаго переворота». Если сотрудникамъ—и вдохновителямъ—«Россіи» желательно неуклонное соблюденіе демаркаціонной черты, за которую, будто бы, иногда переходило большинство третьей Думы, то широкимъ кругамъ русскаго общества и русскаго народа желательно, наоборотъ, совершенно иное пониманіе границъ, опредѣляющихъ собою поле дѣятельности народнаго представительства... Короткій смыслъ длинныхъ оффиціозныхъ внушеній можетъ быть формулированъ такъ: большинство третьей Думы хорошо понимало отведенную ему роль и не пыталось возвыситься надъ ея уровнемъ; такимъ же пусть будетъ большинство четвертой Думы, только значительно усиленное и надлежащимъ образомъ очищенное; что не вмѣщается въ эти рамки, то отъ лукаваго.

Подавать совѣты избирателямъ можетъ, конечно, всякій; нельзя было бы, поэтому, отрицать формальную карректность приглашенія обратить четвертую Думу въ исправленную копію съ третьей—если бы оно было только приглашеніемъ, а не понужденіемъ. Въ данномъ случаѣ отграничить одно отъ другого не представляется возможнымъ. Четвертая избирательная кампанія начинается при условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ, чѣмъ вторая и третья. Выборамъ во вторую Думу предшествовали извѣстныя сенатскія «разъясненія», но они оказались недостаточными, чтобы парализовать дѣйствіе избирательнаго закона 1905-го года. Ко времени выборовъ въ третью Думу этотъ законъ болѣе не существовалъ, но—быть можетъ, именно въ разсчетѣ на новыя выборныя правила—были пущены въ ходъ не всѣ виды оффиціальной и оффиціозной подготовки выборовъ. Теперь увѣренность въ успѣхѣ, повидимому, ослабѣла—и сообразно съ этимъ увеличилось число и возросло усердіе разнообразныхъ силъ, властно привлеченныхъ или предупредительно поощренныхъ къ участію въ избирательной борьбѣ. Не говоря уже о «губернаторской политикѣ», чего стоитъ одна агитація духовенства, выдвигающая его на одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ избирательной борьбѣ—мѣсто, всего менѣе соотвѣтствующее его настоящему призванію! Чего стоитъ привилегированное положеніе всякаго рода союзовъ и организацій, не только легализированныхъ, но и всячески покровительствуемыхъ!... Намъ могутъ сказать, что вмѣшательство правительства въ избирательную агитацію — явленіе обычное во многихъ конституціонныхъ государствахъ, что нѣтъ, слѣдовательно, причины считать его недопустимымъ въ Россіи; но съ этимъ мы никакъ не мо-

жемъ согласиться. Положеніе Россіи, съ занимающей насъ точки зрѣнія, слишкомъ своеобразно, чтобы къ нему могли быть примѣнимы примѣры другого времени или другихъ странъ. Прежде всего—никогда не было и нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго избирательной системѣ, созданной правилами 3-го іюня. Много несообразностей, много вопіющихъ аномалій было въ избирательныхъ порядкахъ, дѣйствовавшихъ въ Великобританіи до реформы 1832-го года; но онѣ не были изобрѣтены ad hoc, съ предвзятою мыслью—онѣ были продуктомъ вѣковъ, низводившихъ города на степень гнилыхъ бурговъ, возводившихъ ничтожныя мѣстечки на степень крупныхъ центровъ промышленности и торговли. Верхъ искусственности представляетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, дѣленіе избирателей на три разряда, до сихъ поръ дѣйствующее въ Пруссіи; но оно одинаково примѣняется во всѣхъ частяхъ государства, и группировка избирателей, вездѣ опредѣляемая однимъ и тѣмъ же началомъ, не можетъ быть измѣняема по усмотрѣнію административной власти. У насъ уже законъ 11-го декабря 1905-го года установилъ крайнее разнообразіе избирательныхъ правъ, поставивъ двухстепенные выборы рядомъ съ трехъ- и четырехстепенными, имущественный цензъ—рядомъ съ сословнымъ, сословный—рядомъ съ классовымъ. Положеніе 3-го іюня пошло еще дальше въ этомъ направленіи, допустивъ прямые выборы рядомъ съ косвенными, призвавъ къ жизни національныя куріи, устранивъ цѣлыя области отъ участія въ выборахъ, ограничивъ его въ другихъ, предоставивъ администраціи дискреціонное право дробленія избирательныхъ коллегій. Все это имѣло цѣлью предрѣшить, до извѣстной степени, результатъ выборовъ, усиливъ значеніе однихъ классовъ населенія, уменьшивъ значеніе другихъ, узаконивъ административный произволъ въ организаціи выборовъ. При такомъ положеніи дѣлъ непосредственное давленіе на избирателей, производимое или поощряемое властью, нарушаетъ то правило, которое криминалисты выражаютъ формулой: non bis in idem. Подобно тому, какъ нельзя дважды наказывать за одно и то же преступленіе, не слѣдуетъ двоякимъ образомъ вліять на выборы: сначала косвенно, тенденціозной ихъ регламентаціей, потомъ прямо, посягательствомъ на независимость избирателей. Чтобы пояснить нашу мысль, припоминимъ, что дѣлалось во Франціи при Наполеонѣ III, т. е. въ золотой вѣкъ оффиціальныхъ кандидатуръ. Чтобы провести угодное правительству лицо въ члены законодательнаго корпуса, въ избирательномъ округѣ производилась настоящая мобилизація, обнимавшая собою всѣхъ агентовъ власти, начиная съ префекта до сельскаго сторожа, всѣхъ нуждавшихся въ ея благоволеніи или поддержкѣ, начиная съ епископа до трактирщика или мелочнаго торговца. Но за то и предстоявшая

ей задача была не изъ легкихъ: къ подачѣ голоса—прямой и тайной—призывались, благодаря всеобщему избирательному праву, тысячи или десятки тысячъ гражданъ. Не было между ними ни различія по мѣстностямъ, ни различія по сословіямъ или классамъ, которымъ могло бы воспользоваться правительство для своихъ особыхъ цѣлей; не было ни искусственныхъ перегородокъ, ни искусственныхъ соединеній, ни ограниченій, до крайности уменьшающихъ число лицъ, подлежащихъ избранію. Всѣмъ этимъ, конечно, не оправдывалось, но до извѣстной степени объяснялось давленіе на избирателей; не имѣя въ своемъ распоряженіи «приспособленнаго» закона, наполеоновское правительство «приспособляло» практику, искало и находило въ ней—до поры до времени—средства къ достиженію избирательныхъ тріумфовъ. Совсѣмъ не то мы видимъ у насъ, гдѣ для обезпеченія такихъ тріумфовъ принаровлено все избирательное право. Присоединеніе къ нему многообразныхъ и многочисленныхъ пріемовъ воздѣйствія на избирателей—это, если можно такъ выразиться, настоящій политическій плеоназмъ, тѣмъ болѣе опасный, чѣмъ выгоднѣе положеніе тѣхъ, кому онъ нуженъ, и чѣмъ труднѣе положеніе тѣхъ, противъ кого онъ направленъ. Чтобы понять, въ какой мѣрѣ нарушено равновѣсіе между тѣми и другими, достаточно вспомнить, что только въ Россіи требуется «легализація» партій, только въ Россіи стерта демаркаціонная черта между мирными политическими организаціями и преступными сообществами...

И что же достигается, что можетъ быть достигнуто нагроможденіемъ препятствій на пути свободныхъ, независимыхъ выборовъ? Вмѣсто яснаго выраженія взглядовъ, чувствъ, желаній, существующихъ въ странѣ, получается нѣчто призрачное, обманчивое, неизбѣжно ведущее къ недоразумѣніямъ и ошибкамъ. Несчастіемъ Россіи до 1905-го года было именно безмолвіе народа, скрывавшее истину. Но развѣ ея не скрываетъ—или не извращаетъ—отвѣтъ, данный сравнительно небольшою частью населенія, и данный, притомъ, при условіяхъ въ высшей степени неблагопріятныхъ для его искренности и полноты? О полнотѣ отвѣта не можетъ, конечно, быть и рѣчи, пока дѣйствуютъ правила 3-го іюня; но если бы инымъ было ихъ примѣненіе, если бы составъ избирательныхъ собраній опредѣлялся исключительно свободной волей избирателей, если бы выборщики не руководились ничѣмъ инымъ, кромѣ сознательно выработаннаго убѣжденія, результатъ выборовъ все же могъ бы служить нѣсколько болѣе вѣрнымъ отраженіемъ хотя бы нѣкоторыхъ общественныхъ настроеній. Повторяемъ еще разъ: исполнить истинное свое назначеніе политическіе выборы могутъ лишь при господствѣ всеобщаго избирательнаго права или хотя бы при томъ приближеніи

къ нему, которое было обѣщано манифестомъ 17-го октября и начато закономъ 11-го декабря 1905-го года; но свобода выборовъ, на какой бы почвѣ они ни происходили — условіе sine qua non ихъ серьезности, ихъ показательнаго значенія, ихъ цѣлесообразности. Безъ нея они не могутъ дать правильнаго представленія о настоящемъ, не могутъ правильно освѣтить ближайшее будущее.

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Австрійскіе «милліоны солдатъ» и свиданіе двухъ императоровъ.—Значеніе и возможные результаты совѣщаній 21 и 22-го іюня.—Предѣлы и послѣдствія русско-германскаго сближенія.—Турецкія дѣла.—Бельгійскіе клерикалы.—Американскіе президентскіе выборы.

Австро-венгерскимъ правителямъ удалось, наконецъ, съ неимовѣрными трудностями, добиться принятія новыхъ военныхъ законовъ парламентами обѣихъ половинъ имперіи. Засѣданіе австрійской палаты господъ 28 (15) іюня было послѣднимъ, заключительнымъ моментомъ многолѣтней упорной борьбы, волновавшей особенно умы мадьяръ и парализовавшей всю политическую жизнь Венгріи. Двухлѣтній срокъ военной службы и сохраненіе правъ нѣмецкаго языка при командованіи войсками представляются великими пріобрѣтеніями съ точки зрѣнія центральнаго военнаго вѣдомства монархіи. Императоръ Францъ-Іосифъ принималъ живое участіе въ судьбѣ спорныхъ законопроектовъ, неоднократно вмѣшивался лично въ относившіеся къ нимъ парламентскіе переговоры, поощрялъ и одобрялъ графа Тиссу, обращался съ увѣщаніями къ руководителямъ польскихъ и украинскихъ группъ, выражалъ свое благоволеніе отдѣльнымъ лицамъ, способствовавшимъ успѣшному ходу дѣла. Нѣкоторыя выступленія его вызывали даже крупные политическіе инциденты; такъ, его любезныя слова по адресу галиційскихъ русинъ или украинцевъ показались крайне обидными для поляковъ и побудили галиційскаго министра Длугоша выйти въ отставку; поляки успокоились только тогда, когда и имъ сообщено было министромъ внутреннихъ дѣлъ, барономъ Гейнольдомъ, столь же милостивое

императорское посланіе. Въ день окончательнаго утвержденія законопроектовъ императоръ сдѣлалъ визитъ больному министру-президенту, графу Штюргку, чтобы оффиціально засвидѣтельствовать ему свою радость.

Нѣмецко-австрійская патріотическая печать ликуетъ. «Отнынѣ—говоритъ вѣнская умѣренно-либеральная «Neue Freie Presse»—австро-венгерская монархія будетъ въ состояніи выставить въ поле два милліона солдатъ. Военныя силы Германской имперіи опредѣляются въ четыре милліона, и всякій врагъ, который рѣшился бы задѣть одного изъ обоихъ союзниковъ, долженъ заранѣе предвидѣть, что будетъ имѣть дѣло съ компактною массою шести милліоновъ солдатъ, превосходно вооруженныхъ и всегда готовыхъ къ бою. Такой «блокъ» шести милліоновъ солдатъ заставитъ даже высокомѣрнаго и ослѣпленнаго ненавистью противника задуматься надъ опасностью нарушенія мира. Поэтому принятый теперь военный законъ представляетъ собою въ одно и то же время укрѣпленіе союзной политики, охрану труда и благосостоянія и государственную необходимость, которой не можетъ избѣгнуть ни одна страна». Шесть милліоновъ солдатъ!—восклицаетъ далѣе съ умиленіемъ та же газета.—«Это предостерегающій знакъ на границѣ союзныхъ имперій; это—указаніе легкомысленнымъ, которые на западѣ и сѣверѣ могли бы имѣть охоту пуститься въ область приключеній. Нашъ военный законъ есть европейское событіе, которое, въ связи съ недавними военными рѣшеніями въ Германіи, составитъ для нарушителей мира огромную преграду, благодаря союзному соединенію силъ, никогда еще исторически не выставлявшихся въ такомъ размѣрѣ».

Легкомысленные нарушители мира, съ точки зрѣнія австро-нѣмецкихъ патріотовъ, могутъ находиться только внѣ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, «на западѣ и сѣверѣ». Высокомѣріе, ослѣпленіе и страсть къ рискованнымъ приключеніямъ свойственны лишь противникамъ тройственнаго союза, а отнюдь не зачинщикамъ боснійской аннексіи, марокканскихъ конфликтовъ и триполійской войны. Въ центрѣ Европы, откуда исходитъ духъ соперничества въ неустанныхъ вооруженіяхъ и воинственныхъ тревогахъ, исключительно господствуетъ, будто бы, забота объ охранѣ общаго мира и спокойствія отъ посягательствъ Франціи и Россіи, при помощи всегдашней боевой готовности оборонительныхъ союзныхъ армій. Но вѣдь съ такимъ же правомъ и обѣ названныя державы могутъ приписывать себѣ охрану общаго мира отъ тревожной предпріимчивости Германіи и Австро-Венгріи—и это предположеніе будетъ гораздо болѣе правдоподобно, чѣмъ то, которое съ такою беззастѣнчивою наивностью высказывается въ «Neue Freie Presse». Съ другой сто-

роны, если двѣ союзныя имперіи располагаютъ грандіозною шестимилліонною арміею, то одна Россія, по количеству своего населенія, могла бы, въ крайнемъ случаѣ, выставить столько же,—такъ что страшнымъ австро-германскимъ цифрамъ легко противопоставить еще болѣе внушительныя цифры, хотя бы тѣ и другія существовали пока только на бумагѣ. Стремленіе запугивать сосѣдей численностью войскъ теряетъ смыслъ и становится безцѣльнымъ, когда оно одинаково овладѣваетъ всѣми культурными націями, крупными и мелкими. Изъ этой системы взаимнаго запугиванія ничего не выходитъ, кромѣ безпокойнаго взаимнаго недовѣрія и ложно направленнаго патріотическаго возбужденія. Удивительно, однако, съ какимъ самодовольствомъ мирные буржуазные публицисты разсуждаютъ о милліонахъ отлично вооруженныхъ солдатъ, готовыхъ наброситься на чужія страны по первому сигналу правителей, подъ предлогомъ обезпеченія внѣшняго мира. Милліонныя арміи, которыя такъ легко передвигаются на бумагѣ, требуютъ для своего дѣйствительнаго сосредоточенія и передвиженія столько особыхъ, трудно выполнимыхъ условій, что перевѣсъ количества оказывается иногда источникомъ слабости и всевозможныхъ затрудненій. Шестимилліонныхъ армій еще никто не видалъ, и едва ли ихъ увидятъ въ будущемъ, ибо собирать, продовольствовать и направлять подобныя человѣческія массы можно только фиктивно, въ смѣлыхъ бумажныхъ планахъ и газетныхъ статьяхъ.

Эти угрожающіе австрійскіе намеки по отношенію къ «Западу и Сѣверу» совпадаютъ какъ разъ съ новою попыткою Германіи сблизиться съ главною представительницею Сѣвера въ Европѣ—Россіею. Свиданіе двухъ императоровъ близъ Балтійскаго порта, 21 и 22-го іюня, имѣетъ несомнѣнно крупное политическое значеніе. Прибытіе Вильгельма II въ русскія воды есть не только формальный отвѣтъ на визитъ въ Потсдамѣ, состоявшійся въ началѣ ноября 1910 года, но и самостоятельный актъ, направленный къ дальнѣйшему развитію и закрѣпленію тогдашнихъ соглашеній. Германскаго императора сопровождаетъ имперскій канцлеръ, Бетманнъ-Гольльвегъ, который воспользовался этимъ случаемъ для посѣщенія Петербурга и Москвы. Съ нашей стороны присутствовали при свиданіи министръ иностранныхъ дѣлъ и предсѣдатель совѣта министровъ. Въ Потсдамѣ переговоры касались преимущественно Персіи и багдадской желѣзной дороги; вмѣстѣ съ тѣмъ условлено было, въ видѣ общаго правила, что «ни одна изъ обѣихъ державъ не будетъ участвовать въ комбинаціяхъ, остріе которыхъ направлено противъ другой», и это неопредѣленное отрицательное условіе было какъ-будто первымъ шагомъ къ серьезному политическому сближенію. Съ тѣхъ поръ произошла замѣтная пе-

ремѣна въ группировкѣ и настроеніи державъ, отчасти подъ вліяніемъ мароккскаго кризиса и вызванной имъ горячей полемики между Германіею и Англіею. Наши вліятельные круги вновь убѣдились въ практической важности прочнаго соглашенія съ британскимъ правительствомъ, и это сознаніе еще болѣе укрѣпилось во время недавняго кризиса въ Персіи. Нынѣшніе русско-германскіе переговоры могутъ касаться лишь опредѣленныхъ политическихъ вопросовъ, связанныхъ съ турецко-итальянской войною и съ положеніемъ дѣлъ въ европейской Турціи. Попытокъ мирнаго посредничества вѣроятно болѣе не будетъ въ виду доказанной ихъ безплодности; но возможно и даже неизбѣжно обсужденіе событій, происходящихъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Эгейскомъ морѣ. Внѣшнія потрясенія и неудачи, равно какъ и внутренніе партійные раздоры, сильно подорвали популярность и авторитетъ недавно еще столь могущественнаго младотурецкаго комитета «Единенія и Прогресса»; недовольство охватило значительную часть турецкаго офицерства, и въ провинціи нѣкоторые отряды войскъ открыто возстали противъ правительства. Въ Монастырѣ (Битоліи), главномъ городѣ вилайета въ западной части Македоніи, нѣсколько десятковъ офицеровъ, съ сотней солдатъ изъ мѣстнаго гарнизона, присоединились къ возставшимъ албанцамъ. Революціонное движеніе въ Албаніи разростается и принимаетъ болѣе рѣшительный характеръ, чѣмъ когда-либо. Турецкіе патріоты волнуются по поводу захвата итальянцами группы острововъ въ Эгейскомъ морѣ и опасаются новыхъ нападеній на Дарданеллы; туземное населеніе занятыхъ острововъ не допускаетъ и мысли о возвратѣ ихъ подъ власть турокъ, и съ этимъ вполнѣ согласны и итальянцы. Все это должно теперь привлекать особенное вниманіе дипломатіи къ дѣламъ ближняго Востока.

Само собою разумѣется, что наше дипломатическое вѣдомство должно постоянно имѣть въ виду необходимость согласовать свои рѣшенія съ намѣреніями и взглядами Франціи, а также Англіи. Мы можемъ сойтись или сблизиться съ Германіею, но только подъ однимъ условіемъ—чтобы этимъ не нарушались наши установившіяся политическія связи и союзныя обязательства. Если вѣрить оффиціознымъ нѣмецкимъ газетамъ, на этотъ разъ, независимо отъ политическихъ совѣщаній и проектовъ, подготовлялись еще комбинаціи другого рода, болѣе интимныя, способныя также вліять на политику. Императоръ Вильгельмъ II привезъ съ собою своего третьяго сына, 28-лѣтняго принца Адальберта, и съ этимъ обстоятельствомъ связывались нѣкоторые планы. При той значительной роли, какую играютъ династіи въ совре-

менной монархической Европѣ, близость родственныхъ отношеній остается еще однимъ изъ весьма замѣтныхъ—хотя иногда и закулисныхъ—факторовъ международной дипломатіи. Эти отношенія давно уже существовали между оффиціальною Россіею и берлинскимъ дворомъ, но не всегда одинаково отражались на политикѣ. Очень можетъ быть, что и новѣйшія комбинаціи, если бы онѣ дѣйствительно состоялись, не будутъ имѣть тѣхъ послѣдствій, которыя отъ нихъ ожидаются въ Германіи.

По поводу событій въ Балтійскомъ портѣ въ нашихъ газетахъ напечатано 24-го іюня слѣдующее правительственное сообщеніе:

«Свиданіе Государя Императора съ императоромъ германскимъ носило особенно сердечный характеръ и явилось новымъ доказательствомъ дружественныхъ отношеній, давно связывающихъ обоихъ Государей. Состоявшійся по этому поводу обмѣнъ мыслей между государственными людьми, сопровождавшими Ихъ Величества, далъ возможность лишній разъ отмѣтить твердое намѣреніе поддерживать вѣковыя традиціи, существующія между обѣими странами.

«Политическія объясненія, коснувшіяся всѣхъ текущихъ вопросовъ, внушили съ обѣихъ сторонъ убѣжденіе, что обоюдное общеніе, основанное на взаимномъ довѣріи, имѣетъ существенное значеніе какъ для интересовъ обѣихъ сосѣднихъ Имперій, такъ и для всеобщаго мира. При этомъ не было рѣчи ни о заключеніи какого-либо новаго соглашенія, ибо настоящія обстоятельства не подаютъ къ этому повода, ни объ измѣненіи соотношенія европейскихъ державъ, такъ какъ польза существующихъ группировокъ, съ точки зрѣнія сохраненія равновѣсія и мира, уже доказана. Такимъ образомъ, свиданіе въ Балтійскомъ Портѣ можетъ по справедливости быть привѣтствовано повсюду съ удовлетвореніемъ, такъ какъ, подтверждая постоянную и прочную дружбу между Россіей и Германіей, оно служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ выраженіемъ миролюбія, которымъ въ одинаковой степени вдохновляется политика обоихъ государствъ».

Турецкія и балканскія дѣла входятъ уже по традиціи въ кругъ постоянныхъ и обязательныхъ заботъ европейской дипломатіи, но они очень мало выигрываютъ отъ такой заботливости. Можно даже сказать, что чѣмъ усерднѣе дипломаты занимаются этими дѣлами, тѣмъ болѣе они ихъ запутываютъ и усложняютъ. Къ каждой попыткѣ устроить что-нибудь положительное для удовлетворенія недовольныхъ или возставшихъ турецкихъ христіанъ примѣшивается желаніе не трогать существующаго порядка вещей, не измѣнять

status-quo на ближнемъ Востокѣ и возстановить внѣшнее спокойствіе безъ ущерба для чьихъ бы то ни было интересовъ. Въ результатѣ получается рядъ безсильныхъ, обманчивыхъ полумѣръ, которыя только безплодно раздражаютъ населеніе. Сколько разъ вырабатывались и обсуждались необходимыя реформы для Македоніи, и какъ ничтожны были плоды этихъ стараній! Македонскіе «инородцы»—т. е. туземные жители, греки и болгары,—находятся въ томъ же безправномъ положеніи подъ властью турецкихъ распорядителей, какъ и десять или двадцать лѣтъ тому назадъ, не смотря на всѣ дипломатическія совѣщанія и мѣропріятія иностранныхъ кабинетовъ. Національныя волненія и междоусобія въ разныхъ областяхъ Турціи повторяются періодически и гораздо труднѣе поддаются какимъ-либо успокоительнымъ попыткамъ, чѣмъ прежде. Въ былое время дипломатія имѣла дѣло съ однимъ султаномъ и его приближенными; она могла дѣйствовать секретными путями, пугать Порту революціей или иностраннымъ вмѣшательствомъ, вступать въ частные переговоры съ вліятельными царедворцами и достигать своихъ цѣлей при помощи финансовыхъ комбинацій, въ которыхъ такъ часто нуждалось турецкое правительство. Теперь всѣ эти способы воздѣйствія закрыты для дипломатіи, ибо въ Турціи «существуетъ, слава Богу, парламентъ», съ которымъ должны неизбѣжно считаться правители; народилось независимое общественное мнѣніе, властно и авторитетно выражаемое въ парламентскихъ рѣчахъ и голосованіяхъ; оживилось національное чувство, появился новый турецкій патріотизмъ, и нѣтъ уже возможности разсчитывать на уступки подъ давленіемъ иностранныхъ совѣтовъ и уговоровъ. Всякая тѣнь посторонняго вмѣшательства отвергается заранѣе, какъ оскорбительная для достоинства оттоманской націи, и такимъ искуснымъ европейскимъ дѣятелямъ, какъ Маршалъ фонъ-Биберштейнъ, нечего уже дѣлать въ Константинополѣ. Турецкій парламентъ высказался за упорное продолженіе войны съ Италіею, пока итальянцы не откажутся отъ своихъ захватовъ, и всякій министръ, который обнаружилъ бы склонность къ миролюбію, навлекъ бы на себя обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Турція стала болѣе упорною и непримиримою во внѣшнихъ дѣлахъ, и въ этомъ отношеніи новый конституціонный режимъ вполнѣ удовлетворяетъ національное общественное мнѣніе. Но многіе недовольны печальнымъ ходомъ внутреннихъ дѣлъ: ни одна изъ обѣщанныхъ реформъ не осуществилась, и сами турки не получили тѣхъ общественныхъ и политическихъ правъ, которыя торжественно провозглашались при введеніи конституціи. Широкая освободительная программа турецкихъ прогрессистовъ, выставленная на первыхъ порахъ комитетомъ «Единенія и

Прогресса», остается пока мертвою буквой; въ дѣйствительности, ничего не было предпринято для достиженія предположенныхъ цѣлей— единенія подвластныхъ султану народностей и ихъ культурнаго прогресса. Нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ «единенія и прогресса» въ жизни оттоманской имперіи; напротивъ, внутренній разладъ усиливается, такъ какъ возродившееся національное самосознаніе турокъ не даетъ простора тому духу взаимной уступчивости, безъ котораго немыслимо мирное развитіе страны въ разноплеменномъ государствѣ. Суровый режимъ военнаго министра, Махмуда-Шефкета-паши, напоминаетъ отчасти военную диктатуру и вызываетъ безпокойство въ прогрессивной части турецкаго населенія. Албанцы, бывшіе когда-то надежными защитниками и охранителями мусульманства, стали революціонерами именно въ послѣдніе годы, послѣ того какъ убѣдились въ невозможности мирными средствами добиться того, чтò имъ слѣдуетъ по праву, въ силу неоднократно данныхъ Портою обѣщаній.

Въ сущности исполненіе желаній албанцевъ было бы только выгодно для Порты, сдѣлавъ ихъ опять преданными союзниками турецкой власти, и притомъ оно безусловно соотвѣтствовало бы принципамъ младотурокъ и ихъ комитета «Единенія и Прогресса». И тѣмъ не менѣе константинопольскіе патріоты предпочитаютъ покорить албанцевъ силою оружія, чтобы окончательно сдѣлать ихъ врагами Турціи. Чего желаютъ албанцы? Они точно выработали и формулировали свои требованія на недавнемъ національномъ съѣздѣ, собиравшемся въ мѣстности Юникъ, между Дьяковымъ и Ипекомъ, въ числѣ 86 делегатовъ или «вождей», христіанъ и магометанъ, изъ разныхъ областей страны. Это народное собраніе закончило свои занятія 20 (7) іюня и послѣ долгихъ и обстоятельныхъ обсужденій изложило албанскія требованія въ двѣнадцати пунктахъ. Албанцы добиваются полной свободы обученія на родномъ языкѣ; права основывать публичныя школы съ тѣми же правами и преимуществами, какими пользуются правительственныя учебныя заведенія; свободы преподаванія въ церковныхъ и религіозныхъ школахъ католиковъ и православныхъ; законнаго признанія албанской національности на равныхъ правахъ съ другими народностями Оттоманской имперіи; гарантіи, что въ будущемъ не будутъ повторяться и допускаться антиконституціонные акты и поступки въ Албаніи ни со стороны центральнаго правительства, на со стороны мѣстныхъ властей; уваженія всѣхъ религій, обычаевъ и традицій населенія, санкціонированныхъ обычнымъ правомъ и конституціею; полной свободы выбора депутатовъ, число которыхъ должно быть пропорціонально численности жителей; организаціи управленія въ духѣ децентрали-

заціи и самоуправленія; назначенія мѣстныхъ должностныхъ лицъ изъ албанцевъ, пополненія состава жандармеріи и полиціи изъ способнѣйшихъ членовъ мѣстныхъ общинъ; назначенія представителя султана, съ полномочіями генералъ-губернатора, на опредѣленный срокъ, съ обязанностью наблюдать за исполненіемъ органическихъ законовъ, за дѣятельностью мѣстныхъ властей и за сохраненіемъ порядка и мира между различными элементами населенія; признанія мѣстнаго языка оффиціальнымъ и обязательнымъ для всѣхъ правительственныхъ, судебныхъ и общественныхъ учрежденій въ Албаніи; воинской служебной повинности для всѣхъ албанцевъ, съ соблюденіемъ ихъ религіозныхъ обрядовъ и обычаевъ, съ производствомъ набора по окружной системѣ въ мирное время и съ особою организаціею для мѣстностей, пограничныхъ съ балканскими государствами; употребленія мѣстныхъ государственныхъ доходовъ на мѣстныя же надобности, кромѣ поступленій почтовыхъ и телеграфныхъ, а также нѣкоторыхъ налоговъ, назначенныхъ на спеціальныя цѣли; права мѣстныхъ выборныхъ собраній устанавливать бюджеть страны и контролировать расходы; выдѣленія извѣстной доли доходовъ для образованія достаточнаго фонда съ цѣлью возстановленія сожженныхъ и разрушенныхъ артиллеріей домовъ, назначенія независимой смѣшанной комиссіи для контроля исполнительныхъ мѣръ по этому предмету; возвращенія жителямъ конфискованнаго у нихъ оружія, съ обязательствомъ для владѣльцевъ подчиняться мѣстнымъ правиламъ и распоряженіямъ.

Всѣ эти пункты албанскихъ требованій входятъ въ общую либеральную программу младотурецкой партіи, и, очевидно, имѣютъ очень мало общаго съ сепаратизмомъ, который обыкновенно такъ пугаетъ близорукихъ патріотовъ-централистовъ разныхъ странъ. Албанцы пока не мечтаютъ о политической автономіи, о самостоятельномъ управленіи и законодательствѣ; они довольствуются несравненно болѣе скромными требованіями, которыя сводятся лишь къ общему вопросу о гарантіяхъ хорошаго, справедливаго и безобиднаго для жителей управленія. Вотъ почему эти требованія пользуются сочувствіемъ и поддержкою многихъ турецкихъ прогрессистовъ, даже среди лицъ, принадлежащихъ къ арміи. Отрицательное отношеніе Порты къ недовольнымъ албанцамъ даетъ матеріалъ для оцѣнки всей правительственной политики бывшихъ руководителей и сторонниковъ освободительнаго движенія. Нѣкоторые изъ нихъ прямо отреклись отъ своего прошлаго; другіе, попавъ въ государственные дѣятели и министры, стали оппортунистами въ мелкомъ и узкомъ смыслѣ этого слова; третьи обыкновенно считаютъ наиболѣе существеннымъ сохранять власть, не заботясь объ остальномъ, а для сохраненія власти нужно ладить и съ консерваторами и реак-

ціонерами—если не явными, то скрытыми,—какихъ немало и въ новомъ турецкомъ парламентѣ. Преобладаніе внѣшнихъ военно-политическихъ интересовъ въ парламентскихъ группахъ и въ печати позволяетъ противникамъ реформъ откладывать ихъ на неопредѣленное время, подъ предлогомъ «несвоевременности», необходимости поддерживать престижъ власти и т. п. А между тѣмъ внутренній кризисъ разростается, создавая опасности, могущія повлечь за собою иностранное вмѣшательство въ болѣе или менѣе «дружественной» или настоятельной формѣ, непріятной, во всякомъ случаѣ, для національнаго турецкаго самолюбія. Близорукая политика правящихъ лицъ приноситъ свои плоды, въ видѣ распаденія младотурецкой партіи и серьезныхъ вспышекъ возстанія въ арміи. Сосѣднія балканскія государства съ понятнымъ интересомъ слѣдятъ за ходомъ этихъ событій и, конечно, ничего не имѣютъ противъ дальнѣйшаго развитія ихъ въ томъ же духѣ и направленіи.

Въ Бельгіи на парламентскихъ выборахъ 2-го іюня (нов. ст.), правительственная партія клерикаловъ одержала рѣшительную побѣду надъ соединенными силами либераловъ и соціалистовъ. Эта побѣда поразила всѣхъ своей неожиданностью; на нее не разсчитывали сами побѣдители, и къ ней совершенно не была поготовлена оппозиція. Въ теченіе многихъ лѣтъ, съ 1884-го года, клерикалы располагали большинствомъ въ парламентѣ, и власть находилась въ ихъ рукахъ. Тщетны были всѣ усиліи передовыхъ прогрессистовъ сломить это легальное владычество клерикальной партіи: между оппозиціонными группами не было единства, и ихъ внутренній разладъ исключалъ возможность успѣха въ борьбѣ съ противниками. Объединеніе разрозненныхъ элементовъ оппозиціи признавалось необходимымъ условіемъ перемѣны установившагося режима, явно противорѣчащаго желаніямъ и интересамъ наиболѣе культурной части населенія. «Одно соглашеніе радикаловъ и соціалистовъ съ либералами, о которомъ часто заходитъ рѣчь въ послѣднее время,—писалъ въ 1906-мъ году одинъ изъ лучшихъ спеціалистовъ по конституціонному праву,—можетъ положить конецъ такому представительству бельгійской націи, которое едва ли пользуется сочувствіемъ большинства населенія. Но этому соглашенію мѣшаетъ страхъ, внушаемый по крайней мѣрѣ части либераловъ соціалистической программою, почему нерѣдки случаи, когда въ пользу списка кандидатовъ католической партіи вотируютъ и ихъ политическіе противники, недостаточно многочисленные, чтобы обезпечить выборъ собственнымъ избранникамъ, и не желающіе въ то же время дать своихъ голосовъ соціалистамъ».

Соглашеніе либераловъ съ радикалами и соціалистами наконецъ состоялось передъ послѣдней избирательной кампаніей; умѣренные прогрессисты отрѣшились отъ своего страха передъ соціалистами, и послѣдніе вступили въ «блокъ» со своими всегдашними противниками, чтобы общими силами одолѣть худшаго и опаснѣйшаго врага—клерикализмъ. Либералы, при соперничествѣ между соціалистами и клерикалами, отдавали свои голоса соціалистамъ, а соціалисты, въ свою очередь, голосовали въ извѣстныхъ случаяхъ за либераловъ;—словомъ, осуществилось то, что считалось вѣрнѣйшимъ залогомъ торжества надъ клерикальной партіей. Однако, дѣйствительность разрушила эти оптимистическіе разсчеты и предположенія. Оппозиція все-таки очутилась въ меньшинствѣ, и безспорное большинство несомнѣнно высказалось въ пользу того парламентскаго представительства, которое многими признавалось ненормальнымъ и несогласнымъ съ истинными желаніями населенія.

Чѣмъ объяснить это странное явленіе? Бельгія славится своей образцовой конституціей, своими усовершенствованными избирательными и административными порядками; въ ней существуетъ система пропорціональныхъ выборовъ, обезпечивающихъ справедливое представительство меньшинства,—система, которую еще только собираются ввести во Франціи. Оппозиціонная пропаганда почти ничѣмъ не стѣснена; произволъ и беззаконіе властей неизвѣстны бельгійской практикѣ; избиратели не уклоняются отъ выборовъ, такъ какъ участіе въ подачѣ голосовъ признается по закону обязательнымъ. Дѣло въ томъ, что вожди бельгійскихъ клерикаловъ—люди просвѣщенные и культурные; они не злоупотребляютъ властью и стараются быть умѣренными въ своихъ притязаніяхъ; они не торопятся извлекать всѣ выгоды изъ преимуществъ своего положенія и далеко не всегда являются противниками либеральныхъ идей. Сельское населеніе католическихъ областей Бельгіи всецѣло подчиняется авторитетному вліянію и руководству мѣстнаго духовенства; зажиточные классы, даже настроенные въ либеральномъ духѣ, относились крайне недовѣрчиво и неодобрительно къ союзу либераловъ съ соціалистами и изъ боязни послѣднихъ вотировали противъ оппозиціоннаго «блока». Избирательные законы даютъ прямой перевѣсъ сельскимъ жителямъ надъ городскими, вслѣдствіе принципа множественности голосовъ, въ связи съ условіями имущественнаго ценза. Городскіе избиратели, не обладающіе недвижимостью, и въ томъ числѣ рабочіе, имѣютъ по одному голосу; между тѣмъ, каждый женатый крестьянинъ, платящій пять франковъ жилищнаго налога или владѣющій усадьбой по оцѣнкѣ въ двѣ тысячи франковъ, имѣетъ

два голоса. Такимъ образомъ, при одинаковой численности данныхъ группъ сельскихъ жителей и горожанъ, первые располагаютъ двойнымъ количествомъ голосовъ сравнительно съ послѣдними. Свидѣтельство объ окончаніи курса высшаго или средняго учебнаго заведенія, а также государственная или частная служба извѣстнаго рода, даютъ право на три голоса,—и слѣдовательно, не только всякій средній обыватель съ образовательнымъ цензомъ, но всякій зависимый отъ правительства чиновникъ имѣетъ на выборахъ втрое большее значеніе, чѣмъ любой заурядный горожанинъ или рабочій. Эта сложная избирательная система была принята оппозиціею въ 1893-мъ году только потому, что она впервые предоставляла избирательныя права неимущимъ, достигшимъ установленнаго возраста и проживающимъ въ теченіе извѣстнаго срока въ предѣлахъ опредѣленной общины. Устраненіе прежнихъ цензовыхъ требованій открыло всему рабочему классу доступъ къ пользованію избирательными правами, и ради этого допущены были тѣ странности избирательнаго закона, которыя создали чрезмѣрно привилегированное положеніе для буржуазіи и владѣльческаго крестьянства. Либерально-соціалистическій «блокъ» выставилъ на своемъ знамени введеніе всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права; а такъ какъ мало кто склоненъ отказываться отъ своихъ, хотя бы и несправедливыхъ, привилегій, то обыватели, обладающіе теперь двумя или тремя голосами, не могли желать торжества тѣхъ вольнодумцевъ, которые хотѣли отнять у нихъ эти крупныя и важныя преимущества. Противъ оппозиціи и за клерикаловъ вотировали, по разнымъ мотивамъ, люди, которые вообще считались либеральными—чиновники, промышленники, капиталисты, представители свободныхъ профессій,—не говоря уже о землевладѣльцахъ и крестьянахъ, которыхъ спеціально обрабатывали католическіе патеры. Сельскимъ избирателямъ объясняли, что подавать голоса за оппозицію—значитъ подготовить господство анархистовъ, въ родѣ французскихъ автомобильныхъ грабителей и убійцъ, принадлежащихъ, будто бы, къ той же соціалистической партіи,—и невѣжественная масса вѣрила этимъ ужасамъ и добросовѣстно открещивалась отъ всякихъ либеральныхъ соблазновъ. Многихъ образованныхъ бельгійцевъ пугала мысль о томъ, что въ случаѣ побѣды оппозиціи власть можетъ перейти къ союзникамъ либераловъ, соціалистамъ. Даже въ такихъ культурно-промышленныхъ центрахъ, какъ Брюссель и Антверпенъ, большинство досталось клерикаламъ, и это большинство было бы еще гораздо значительнѣе, если бы не система пропорціональнаго представительства. Такъ, въ Брюсселѣ подано было за католиковъ 150 тысячъ, за либераловъ 104 тысячи, за соціалистовъ 72.800 голосовъ,—и несмотря

на подавляющій перевѣсъ первыхъ надъ каждою изъ противныхъ партій, клерикалы, благодаря пропорціональной системѣ, получили изъ 26 депутатскихъ мѣстъ только 12; на долю побѣжденныхъ досталось 14, восемь—либераламъ, шесть—соціалистамъ. Въ общемъ итогѣ клерикальное большинство въ палатѣ депутатовъ усилилось на десять голосовъ—и это уже очень много при соотвѣтственномъ представительствѣ меньшинства; всего числится теперь около 102 клерикаловъ, 45 или 46 либераловъ, 39 или 40 соціалистовъ.

Торжество клерикальной партіи произвело особенно сильное впечатлѣніе на бельгійскій рабочій классъ и вызвало серьезные безпорядки въ разныхъ мѣстахъ страны. Вожди оппозиціи произносятъ успокоительныя рѣчи, но не скрываютъ своего собственнаго разочарованія; они, правда, не предаются унынію, но и не замалчиваютъ того грустнаго факта, что въ Бельгіи вновь утвердилось владычество клерикаловъ—и, быть можетъ, на многіе годы. Побѣдители, съ своей стороны, должны по неволѣ считаться съ этимъ общественнымъ настроеніемъ. Повидимому, они готовятся удивить публику своею умѣренностью и благоразуміемъ при открытіи засѣданій парламента (9-го іюля нов. ст.).

Въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ закончился первый фазисъ избирательной агитаціи по поводу предстоящихъ президентскихъ выборовъ. Обѣ главныя политическія партіи—республиканская и демократическая—выставили своихъ кандидатовъ: первая, на конвентѣ въ Чикаго, выбрала нынѣшняго президента, Тафта, а вторая, на конвентѣ въ Балтиморѣ, намѣтила прогрессиста Вильсона. Оффиціальные выборщики будутъ избраны въ отдѣльныхъ штатахъ въ началѣ ноября и подадутъ свои голоса въ январѣ будущаго года; срокъ новаго президентства начинается съ 4-го марта 1913 г. Рѣшающее значеніе будутъ имѣть ноябрьскіе выборы уполномоченныхъ делегатовъ; пока происходитъ только подготовительная борьба, которая на этотъ разъ приняла необыкновенно страстный характеръ, благодаря энергическому личному участію бывшаго президента, Теодора Рузевельта. Въ Чикаго Рузевельтъ потерпѣлъ пораженіе, но онъ не теряетъ еще надежды на успѣхъ и надѣется на образованіе новой независимой партіи прогрессистовъ, спеціальнымъ назначеніемъ которой будетъ пропаганда взглядовъ и идей Рузевельта, въ видахъ поддержанія его кандидатуры на постъ президента. Рѣзкія и нерѣдко крайне грубыя нападки на его недавняго еще друга и союзника, Вильяма Тафта,

не могли расположить общественное мнѣніе въ пользу Рузевельта, и шансы его побѣды надъ соперниками представляются весьма сомнительными.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Протестъ и требованія крестьянъ-союзниковъ.—Разрушенная фикція.—Эволюція ставки на сильнаго.—«Отклоненіе» совѣтомъ министровъ законопроекта членовъ Думы объ измѣненія ст. 10 положенія о выборахъ.—Образчикъ юридической аргументаціи. — Назначеніе членовъ Думы на должности.—Утвержденіе, поспѣвшее во время.

Съ обычнымъ ритуаломъ—съ музыкой и со знаменами на эстрадѣ—открылся въ Петербургѣ послѣдній съѣздъ «истинно-русскихъ союзниковъ». Но шумихи вокругъ съѣзда на этотъ разъ было мало. Его засѣданія посѣщались участниками и публикой довольно слабо. По общему отзыву газетныхъ репортеровъ, громадный залъ дворянскаго собранія пустовалъ. За то, по увѣренію «Земщины», съѣздъ прошелъ «съ замѣчательнымъ единодушіемъ». Г. Дубровинъ и союзники-дубровинцы, надо думать, вынесли иное впечатлѣніе. Но и независимо отъ происшедшаго внутри союза раскола изъ-за «темныхъ денегъ», оказывается, что «единодушіе» на съѣздѣ было весьма относительное. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ два документа, напечатанныя въ «Грозѣ»—органѣ столь же черносотенномъ и, пожалуй, еще болѣе любезномъ сердцу черной демагогіи.

Первый документъ—протестъ крестьянъ, прибывшихъ на съѣздъ въ качествѣ делегатовъ отъ провинціальныхъ отдѣловъ союза. Второй—перечень требованій ихъ, не получившихъ признанія на съѣздѣ. Въ протестѣ крестьяне указываютъ, что заправилы съѣзда—г.г. Марковъ, Пуришкевичъ, Коповницынъ и другіе—мѣшали имъ высказаться о своихъ нуждахъ, проводили свои личныя выгоды, стремились создать такую организацію союза, въ которомъ крестьяне, получившіе свободу 19 февраля 1861-го года, снова попадутъ подъ ярмо помѣщиковъ, и что, наконецъ, въ руководители союза вошли лица, никѣмъ не избранныя и крестьянамъ неизвѣстныя. Требованія и желанія крестьянъ, заключающіяся во второмъ документѣ, сво-

дятся, между прочимъ, къ слѣдующему: всеобщее обязательное обученіе, обученіе гимнастикѣ за счетъ казны, а не сельскихъ обществъ, доступъ крестьянскихъ дѣтей во всѣ военно-учебныя заведенія, свобода сельскихъ обществъ въ вопросѣ о передачѣ церковно-приходскихъ школъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, разложеніе расходовъ по содержанію волостныхъ и сельскихъ управленій на всѣ имущества въ предѣлахъ волости, запретъ скупать въ однѣ руки крупное количество земли, разрѣшеніе споровъ о землѣ только судомъ, право сельскихъ обществъ закрывать торговлю виномъ и выдача ссудъ на покупку земли по полной оцѣнкѣ.

«Истинно-русскіе» дворяне-зубры, они же «заправилы» союза русскаго народа, всю свою силу строили и строятъ на томъ, что за ними стоятъ милліоны. Милліоны въ Россіи — это другими словами значитъ крестьяне, т. е. та безпросвѣтно-темная масса, которая ничѣмъ «не заражена» и находится въ безъисходной кабалѣ нужды. На пережиткахъ рабьяго безгласія и послушанія этой массы предполагало оперировать булыгинское совѣщаніе, создавшее спеціально-обособленное думское представительство отъ крестьянъ. Опытъ, какъ извѣстно, сразу же потерпѣлъ полную неудачу. Въ думѣ первыхъ двухъ созывовъ крестьянскіе представители оказались почти поголовно трудовиками. И законъ 3 іюня, какъ оплотъ для защиты Думы отъ политическихъ вліяній слѣва, выдвинулъ, вмѣсто бывшихъ крѣпостныхъ—бывшихъ крѣпостниковъ и ихъ экономическихъ правопреемниковъ въ деревнѣ: кулаковъ крупнаго пошиба изъ среды всѣхъ сословій. Новый оплотъ получилъ давящее преобладаніе въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Куріальное представительство отъ крестьянъ осталось, но одинаковое же представительство было введено отъ землевладѣльцевъ и отъ горожанъ и производство выборовъ крестьянскихъ представителей было перенесено въ общее собраніе выборщиковъ, т. е. было поставлено въ зависимость отъ воли крупныхъ земельныхъ собственниковъ... Опытъ, который безъ малаго семь лѣтъ вели въ томъ же разсчетѣ организаторы союза русскаго народа, въ сущности такъ же точно никогда успѣха не имѣлъ. Во концѣ 1905 г., правда, въ конно-гвардейскомъ манежѣ, въ Петербургѣ, вслѣдъ за докторомъ Дубровинымъ, не единичные голоса, а тысячная толпа кричала по адресу графа Витте: «въ Шлиссельбургъ его!» «удавить удава!» Тогда же, и затѣмъ позднѣе, съ полнымъ «успѣхомъ» происходили еврейскіе погромы въ Одессѣ, въ Бѣлостокѣ, въ Минскѣ и т. д., были убиты Герценштейнъ и Іоллосъ, и была организована цѣлая система покушеній на графа Витте. Но безжалостная исторія

уже воочію раскрыла, что «милліонная» темная крестьянская масса во всемъ этомъ не участвовала. Если темнота народная громила евреевъ и неистовствовала въ конно-гвардейскомъ манежѣ, то сознательной воли ея тутъ не было, а были деньги, былъ обманъ и было разсчитанное на низменные инстинкты подстрекательство.

Но погромы, уличные безпорядки на яко бы патріотической подкладкѣ и союзническія чайныя сами по себѣ все-таки создавали фикцію если не «милліоновъ», то, во всякомъ случаѣ, массоваго участія въ революціонномъ движеніи справа низшихъ слоевъ населенія. Вѣдь заправилы союза изъ «зубровъ» ни евреевъ своими руками не громили, ни оконъ, за которыми стояли портреты Льва Толстого и Муромцева, не выбивали, ни въ чайныхъ не засѣдали и не ораторствовали. Близость русской городской голытьбы къ деревнѣ, откуда нужда ее выбрасываетъ въ городъ, давала возможность распространять фикцію на крестьянство. Съ другой стороны, проигрышъ дѣла освободительнаго движенія не могъ не показать крестьянству, что измѣненіе формъ государственнаго строя далеко не разрѣшаетъ вопроса о содержаніи экономической жизни населенія. Союзъ имѣлъ въ своемъ реальномъ активѣ тотъ громадный фактъ, что освобожденіе крестьянъ было актомъ неограниченной самодержавной власти. Отсюда вытекала если не вѣроятность, то возможность существованія въ крестьянствѣ симпатій къ возстановленію «исконныхъ началъ». Противное нужно было, во всякомъ случаѣ, доказывать. Былъ предметъ спора. Теперь его не стало. Приведенные выше протестъ и заявленіе крестьянъ-союзниковъ фикцію окончательно разрушили.

Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, кто именно авторы обоихъ документовъ. Это не рядовые союзники, а «делегаты отъ провинціальныхъ отдѣловъ союза», т. е. въ нѣкоторомъ родѣ мѣстное союзническое начальство, вызванное «начальствомъ» центральнымъ,—къ тому же съ оплатою за счетъ «темныхъ денегъ» стоимости проѣзда и жизни въ Петербургѣ. «Сиволапыхъ» мужиковъ тутъ, конечно, не было: было бы дико предположить, что деревенскіе столпы черносотенства—сидѣльцы винныхъ лавокъ, лавочники, старшины и т. п.—уступили «сиволапымъ» честь поѣздки въ такую почетную и выгодную командировку. Слѣдовательно, авторство документовъ принадлежитъ такимъ крестьянамъ-союзникамъ, въ отношеніи которыхъ всего менѣе возможны подозрѣнія въ крамольномъ сдвигѣ влѣво. Но они все же живутъ въ деревнѣ, знаютъ деревню, видятъ мужицкую бѣдноту и ежедневно наблюдаютъ, что пять лѣтъ реакціи во имя «ставки на сильнаго» не внесли въ деревенскую жизнь ничего положительнаго.

И они перечислили тѣ требованія крестьянъ, подъ которыми съ готовностью подпишется вся русская оппозиція. Мало того: они сорвали маску съ заправилъ союза—дворянъ и тѣмъ показали, что даже въ лицѣ крестьянъ-союзниковъ деревня поняла, въ чемъ состоитъ сущность «ставки на сильнаго», какъ руководящаго принципа политики.

Отъ «сильныхъ» крестьянъ-хуторянъ, когда подъ экономической «силой разумѣется консерватизмъ политическихъ убѣжденій и желаній, переходъ къ традиціонно и «исторически» сильнымъ дворянамъ-крѣпостникамъ неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться самъ собою. Въ практикѣ правительственной политики этотъ переходъ еще только обозначается. Кое-гдѣ изъ оставшихся за банкомъ имѣній уже выдѣлялись для дворянъ усадьбы съ полевой землей, соотвѣтствующей по числу десятинъ полному землевладѣльческому цензу, но общаго вопроса объ «испомѣщеніи» за счетъ государства сыновей и внуковъ крѣпостниковъ пока не поставлено. Въ сознаніи крайнихъ изъ крайнихъ послѣдышей крѣпостного права, организовавшихъ петербургскій съѣздъ союза русскаго народа,—можетъ быть, вѣрнѣе, въ ихъ ощущеніяхъ,—переходъ несомнѣнно предвосхищенъ, и онъ рисуется какъ то, что съ логической неизбѣжностью должно наступить. Въ теченіе всей послѣдней сессіи Думы депутатовъ-крестьянъ—и лѣвыхъ, и правыхъ,—постоянно обрывали. Г. Пуришкевичъ не разъ позволялъ себѣ кричать по адресу того или другого изъ нихъ: «а тебя давно не сѣкли»! или: «что, въ холодную захотѣлъ»? Съ «милліонами», словомъ, и въ Думѣ, и внѣ Думы, у крайней правой дворянской стороны уже установилось обращеніе начальническое, свысока. Съ ними не стѣсняются, имъ предъявляютъ одно требованіе почтенія и послушанія, ихъ обязываютъ съ покорностью принимать то, что сыновья и внуки крѣпостниковъ считаютъ возможнымъ и для себя не убыточнымъ—въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ—имъ дать и для нихъ сдѣлать. Съ своими «милліонами» стѣсняются, конечно, всего менѣе. Взбунтовавшіеся «свои» вѣрно формулировали, что̀ именно на почвѣ «ставки на сильнаго» и возрожденія «исконныхъ началъ» готовится крестьянству.

Въ крестьянскомъ вопросѣ болѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ, націоналисты и даже октябристы сливаются съ думскими изувѣрами черносотенства. Вопреки «предвыборнымъ» словамъ А. И. Гучкова, которыя три-четыре мѣсяца назадъ онъ говорилъ въ Москвѣ и лицемѣріе которыхъ мы тогда же отмѣчали,—это фактъ, безспорно устанавливаемый итогами дѣятельности третьей Думы. Горькую правду для всей правой половины Думы и, въ частности, для себя

высказалъ незадолго до конца думскихъ полномочій правый крестьянинъ Амосеновъ: «крестьяне послѣ пятилѣтняго существованія Государственной Думы,—говорилъ онъ,—хорошо знаютъ господъ, сидящихъ на правой, и напрасно Новицкій и Пуришкевичъ заботятся о крестьянахъ. Крестьяне не должны вѣрить этимъ господамъ, такъ какъ они на дѣлѣ предаютъ крестьянъ и только на словахъ обѣщаютъ намъ землю и гражданскія права». Ни въ смыслѣ уменьшенія земельнаго налога крестьянъ, ни въ смыслѣ распространенія на нихъ хотя бы тѣхъ правъ «гражданства», которыя принадлежатъ другимъ сословіямъ,—пять лѣтъ работы третьей Думы не дали ничего. Не только Новицкіе и Пуришкевичи, но Дума въ цѣломъ, въ лицѣ ея право-октябристскаго большинства, въ отношеніи положенія крестьянства въ ряду другихъ классовъ постоянно подчеркивала, что крестьяне суть тѣ «братцы», которые остаются и должны оставаться объектомъ сторонихъ заботъ и опеки. Рѣшительно ничего для заполненія пропасти не сдѣлано и не дѣлалось. И разница между крайними правыми, съ одной стороны, и октябристами, съ другой, была лишь въ томъ, что первые «не стѣснялись» ни въ дѣйствіяхъ, ни въ словахъ, а вторые вели политику и создавали видимость, что они хотятъ идти на встрѣчу экономическимъ и моральнымъ нуждамъ крестьянства, но изъ-за внѣшнихъ препятствій—Государственный Совѣтъ, правительство, недостатокъ средствъ и пр.—не могутъ. Яркій примѣръ «политики» большинства Думы въ крестьянскомъ вопросѣ представляетъ собою голосованіе 31-го мая по законопроекту объ усиленіи наказаній за похищеніе чужого лѣса. Этотъ законопроектъ былъ внесенъ министерствомъ юстиціи по иниціативѣ Думы,—т. е. вѣрнѣе, по иниціативѣ «объединеннаго дворянства», къ резолюціямъ котораго третья Дума всегда съ готовностью прислушивалась. Одинъ изъ прозрѣвшихъ правыхъ крестьянъ-депутатовъ, г. Герасименко, членъ Думы отъ наиболѣе «истинно-русскаго» юго-западнаго края, раскрывая до простоты ясную суть законопроекта, рисовалъ слѣдующую картину: «Помѣщичье дерево упадетъ на сервитутной землѣ крестьянина, съ него будетъ падать сухой хворостъ, и если крестьянинъ этотъ сухой хворостъ подберетъ, то онъ долженъ будетъ подвергнуться сторублевому штрафу и мѣсячному аресту. За самовольное собираніе грибовъ, ягодъ, песку, глины и т. п. виновный подвергается тому же наказанію. Развѣ это можно?» «Молодцы тѣ дворяне,—продолжалъ онъ,—которые создали на дворянскомъ съѣздѣ этотъ проектъ. Этимъ закономъ желаютъ умышленно вредить населенію. Пусть голодные, несчастные пухнутъ на улицѣ, но нельзя собирать валежника или хвороста, чтобы вскипятить себѣ хотя бы картошку. Вамъ это не-

извѣстно, вы сыты»... Оппозиція требовала законопроектъ отклонить. Большинство рѣшило лишь снять его съ очереди. Конечно, наканунѣ закрытія Думы такое рѣшеніе было равносильно отклоненію. Но «сытые» все же не сдались передъ «голодными». Членъ Думы Петровъ назвалъ проектъ «издѣвательствомъ» надъ крестьянствомъ. На прямое «издѣвательство» націоналисты и октябристы не рискнули. Они нашли изъ положенія «тактическій» выходъ, дабы крестьяне помнили и не забывали того, что имъ помнить надлежитъ.

А что крестьянамъ въ данномъ вопросѣ надлежитъ помнить, объ этомъ разсказываетъ—въ сотый, пожалуй, разъ—корреспонденція «Рѣчи» изъ Могилевской губерніи, озаглавленная: «Въ успокоенной деревнѣ». Крестьянинъ Лукашенко вечеромъ возвращался домой съ пасѣки. Вмѣстѣ съ пчеловодными принадлежностями онъ несъ нѣсколько прутьевъ лозняка. Не доходя двухъ верстъ до деревни Лукашенко былъ остановленъ двумя черкесами изъ экономіи кн. Оболенской. Послѣдовалъ опросъ «преступника», нарушившаго священное право собственности княгини на лознякъ, а затѣмъ и скорая расправа: выстрѣлъ изъ ружья. «На слѣдующій день—сообщаетъ корреспондентъ—Лукашенко умеръ, оставивъ мать, жену и восемь человѣкъ дѣтей. По дѣлу начато слѣдствіе»... Допустимъ, что черкесъ пойдетъ въ каторгу. Но сына матери и отца семьѣ кто и какъ возвратитъ? За что погибъ Лукашенко? Неужели право собственности на нѣсколько прутьевъ лозняка такъ свято, что нарушеніе его должно быть оплачиваемо, при эксцессѣ приставленнаго для его охраны стража, человѣческой жизнью? Почему всѣ другіе отвлеченные правовые принципы расцѣниваются у насъ совсѣмъ по другому масштабу? Какой крикъ возмущенія и ужаса, какой призывъ къ искорененію крамолы подняли бы дворяне-помѣщики, если бы нашелся крестьянинъ, который выстрѣлилъ бы въ «зубра», свернувшаго въ непролазную грязь съ дороги и нарушившаго колесами экипажа и копытами тройки лошадей священное право собственности этого крестьянина на растущую въ его полѣ траву?..

Кромѣ всевозможнаго усиленія репрессій, дабы крестьянамъ «не повадно было» и дабы они, чувствуя сторублевые штрафы и мѣсячные аресты и помня судьбу Лукашенко, «тако дѣяти» перестали бы,—послѣ-конституціонная реакція продолжала стародавнюю русскую систему: государственныя деньги должны идти на флотъ, на воспособленіе промышленности и на все что угодно, но не въ возвратъ главнымъ плательщикамъ—крестьянамъ. Для нихъ средства казны заказаны. Явилась фантазія милитаризировать населеніе посредствомъ «потѣшныхъ» и обученія деревенскихъ школьниковъ гимнастикѣ,—оплачивать эту фантазію обязали крестьянство. За-

казаны для крестьянъ и платежныя средства помѣщиковъ на оплату расходовъ по содержанію волостного управленія. Въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ «обновленный» строй не сдѣлалъ ничего, чтобы устранить унаслѣдованную отъ крѣпостного права вопіющую несправедливость. При обсужденіи новаго устава о воинской повинности депутаты-крестьяне протестовали противъ дѣйствительно возмутительнаго закрытія для ихъ дѣтей дверей военно-учебныхъ заведеній и офицерской службы. Ихъ протесты никто не удостоилъ даже возраженій. Думское большинство промолчало такъ, какъ молча оставляютъ безъ отвѣта явныя нелѣпости. Ибо не нелѣпость ли въ глазахъ послѣдышей крѣпостничества желаніе «братцевъ» хоть не себя, а своихъ дѣтей видѣть въ положеніи не «братцевъ», которыми помыкаютъ и которыхъ «тыкаютъ», а людей—«господъ офицеровъ»! О водкѣ и о народномъ пьянствѣ реакція и въ Думѣ, и внѣ Думы кричитъ безъ умолку. Строятся противо-алкогольные институты. Собираются съѣзды по борьбѣ съ пьянствомъ. Думская комиссія «работала» пять лѣтъ и выработала этикетку со страшными словами для обязательнаго снабженія ею бутылокъ. А сдѣланъ ли хоть шагъ для противодѣйствія корчемству? Возвращено ли сельскимъ обществамъ право закрывать торговлю виномъ,—право, отнятое отъ нихъ винной монополіей и, притомъ, отнятое безъ всякой компенсаціи, тогда какъ у остзейскихъ бароновъ аналогичное право было казною выкуплено?

Все это и многое другое однородное нашло мѣсто въ тѣхъ требованіяхъ крестьянъ-союзниковъ, которыя не получили признанія на «истинно-русскомъ» съѣздѣ. Все это вылилось непосредственно изъ обихода жизни деревни. Все это—сама жизнь. Г.г. Марковы, Пуришкевичи и Коновницыны, гордо поднявъ головы, отвернулись отъ всего этого и прошли мимо. Они готовы считать, что имъ теперь и «милліоны» уже не нужны. Но Россія-то—«мужицкая» страна,—чѣмъ и какъ она будетъ существовать, если не крестьянствомъ, и не для деревни?!.

Въ виду предстоящихъ выборовъ въ четвертую Думу, оппозиція третьей Думы не могла не вспомнить о томъ «разъясненіи», въ силу котораго выброшена за бортъ политической жизни чуть не половина членовъ Думы перваго созыва и вмѣстѣ съ ними — безчисленное и до сихъ поръ все растущее множество публицистовъ и другихъ общественныхъ дѣятелей лѣваго лагеря. Всѣ они, какъ извѣстно, не могутъ ни избирать, ни быть избираемы, ибо, при содѣйствіи «храмины правосудія», админи-

страціи удалось включить въ ихъ формуляръ пресловутую 129-ую статью уголовнаго уложенія—или въ формѣ состоявшагося присужденія къ году или нѣсколькимъ мѣсяцамъ крѣпости или тюрьмы, или въ формѣ одного только привлеченія къ судебной отвѣтственности. Законодательное предположеніе объ измѣненіи 10-ой статьи положенія о выборахъ въ Государственную Думу, дабы въ порядкѣ изданія закона лишить «разъясненіе» силы, было внесено оппозиціей еще въ 1908-мъ году. Но тогда оно было признано совѣтомъ министровъ «нежелательнымъ». И, конечно, этого было совершенно достаточно, чтобы законопроектъ остался въ Думѣ безъ движенія: третья Дума, въ лицѣ ея руководящаго большинства, съ первыхъ лѣтъ своей «плодотворной» работы была вѣрна обѣту «послушанія». Вновь внесенное предположеніе постигла та же участь. Совѣтъ министровъ его «отклонилъ». На этотъ разъ въ газетахъ такъ прямо и писали: «отклонилъ». Въ основныхъ законахъ еще не значится, что совѣту министровъ принадлежитъ право налагать veto на законодательныя предположенія членовъ Думы. Но практика русской «конституціонной» дѣйствительности уже давно опередила законъ и обратила дарованное Думѣ право законодательной иниціативы въ право представлять министрамъ пожеланія.

По существу вопроса такъ много говорилось и писалось, въ частности и нами на страницахъ «Вѣстника Европы», что возвращаться къ нему не стоило бы. Не стоило бы отмѣчать и «отклоненіе» предположенія объ измѣненіи 10-ой статьи совѣтомъ министровъ. Какъ новый институтъ «конституціонной» практики, созданный усердіемъ признательныхъ за законъ 3-го іюня октябристовъ, такія «отклоненія» не со вчерашняго дня стали обычнымъ явленіемъ. Какъ фактъ, оно не имѣетъ значенія, ибо, не говоря уже о Государственномъ Совѣтѣ, но и въ Думѣ предположеніе оппозиціи или не дождалось бы очереди, или было бы просто и откровенно отвергнуто. Отъ политическаго стыда большинство третьей Думы было свободно, и было бы странно думать, что наканунѣ выборовъ оно приметъ мѣры къ усиленію рядовъ своихъ противниковъ тѣми «будто бы лучшими людьми», въ отношеніи которыхъ пользующееся и непользующееся избирательными правами населеніе держится противоположнаго мнѣнія. Господамъ Пуришкевичамъ, Марковымъ, Крупенскимъ, Замысловскимъ, Лерхе и Гучковымъ слишкомъ хорошо извѣстно, что только въ глазахъ ихъ самихъ, ихъ присныхъ, губернаторовъ, да пожалуй, судей, поднятыхъ г. Щегловитовымъ на «высокую безпартійную скалу», они суть «лучшіе люди» безъ ироническаго «будто бы». Вынуждаетъ, въ данномъ случаѣ, остановиться на вопросѣ не «от-

клоненіе» само по себѣ, а его юридическая аргументація, подробно развитая министромъ юстиціи и появившаяся въ печати («Право», № 22). Ко многому въ юридической эквилибристикѣ уже пріучили русскихъ юристовъ г. Щегловитовъ и сенатъ — это, по его выраженію, «великое учрежденіе, подобнаго которому не имѣетъ ни одна западно-европейская страна». И все-таки, новая экскурсія г. Щегловитова въ область научной и догматической юриспруденціи свидѣтельствуетъ только о безпримѣрной «смѣлости» автора.

Пунктъ первый ст. 10-ой положенія о выборахъ гласитъ, что въ выборахъ не участвуютъ: «*подвергшіеся суду* за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго черезъ обманъ имущества и ростовщичество, *когда они судебными приговорами не оправданы*, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою всемилостивѣйшаго манифеста или особаго высочайшаго повелѣнія».

Трудно сказать, кого именно разумѣли составители положенія 6 августа 1905 г. (откуда это правило безъ всякаго измѣненія перешло въ положенія 11 декабря того же года и 3 іюня 1907 г.) подъ лицами, подвергшимися суду и не оправданными судебными приговорами: тѣхъ ли только лицъ, которыя лишены правъ по суду, или также и тѣхъ, кому судебный приговоръ правоограниченія не назначилъ, но кого судъ за вмѣненное въ вину дѣяніе *могъ* приговорить къ наказанію, влекущему правоограниченіе. Изъ журналовъ булыгинскаго совѣщанія не видно, чтобы этотъ вопросъ былъ предметомъ сужденія. Съ другой стороны, формула ст. 10-ой не есть новшество въ нашемъ правѣ, а представляетъ собою простое воспроизведеніе соотвѣтственныхъ ограничительныхъ опредѣленій устава о службѣ, учрежденія судебныхъ установленій, земскаго и городового положеній. А потому скорѣе всего надо думать, что составители положенія о выборахъ на выводахъ изъ текста ст. 10-ой не останавливались. И когда впервые появилось «разъясненіе», которое, вопреки до-конституціонной сенатской практикѣ, отнесло въ категоріи пожизненно лишенныхъ избирательныхъ правъ такихъ лицъ, въ отношеніи которыхъ лишь была возможность праволишенія,— то главнымъ возраженіемъ выставлялось указаніе, что до конституціи и возвѣщенія новаго «свободнаго» уклада государственной жизни сенатъ, толкуя аналогичныя опредѣленія закона, держался

одного взгляда, а послѣ конституціи сталъ держаться другого. Политическій характеръ «разъясненія» былъ совершенно ясенъ. Но съ юридической точки зрѣнія никто тогда не рисковалъ утверждать, что независимо отъ буквы закона стоявшая когда-то передъ русскимъ гражданиномъ, но затѣмъ безповоротно ликвидированная возможность праволишенія должна отнимать отъ него право на исполненіе гражданскаго долга. Тогда опирались исключительно на букву. И что она нѣкоторую опору даетъ,—этого отрицать нельзя. Въ настоящее время министерство юстиціи говоритъ не только: «такъ есть», оно говоритъ: «такъ быть должно».

«Такъ быть должно» потому, во-первыхъ—утверждаетъ г. Щегловитовъ—что предположеніе объ измѣненіи ст. 10-ой идетъ «вразрѣзъ» съ системой дѣйствующаго законодательства; во-вторыхъ, потому, что она нарушаетъ твердо установившееся въ области уголовнаго права начало, «согласно коему лишеніе общественнаго довѣрія ставится въ связь съ сущностью преступнаго дѣянія, а не наказанія». Въ подтвержденіе послѣдняго положенія приведены слова объясненій къ проекту уголовнаго уложенія 1903 г.: «съ точки зрѣнія теоретической, разрушеніе довѣрія и пораженіе правъ можетъ быть прежде всего послѣдствіемъ преступнаго дѣянія, а не наказанія, являющагося лишь искупленіемъ вины: не эшафотъ наноситъ стыдъ, а преступленіе, имъ караемое».

Образная фраза объ эшафотѣ дѣйствительно была высказана составителями уголовнаго уложенія. Но въ заключеніи министра юстиціи послѣ нея поставлена точка. А въ объясненіяхъ, непосредственно вслѣдъ за нею, читаемъ: «посему и наступленіе правопораженій должно зависѣть отъ сущности преступныхъ дѣяній, условій ихъ совершенія, мотивовъ и т. п., а не отъ рода или вида назначаемаго виновному наказанія». Слѣдовательно, съ теоретической точки зрѣнія,—если, слѣдуя за министромъ юстиціи, отождествлять съ теоріей сужденія составителей уголовнаго уложенія,—сущность преступнаго дѣянія имѣетъ центральное значеніе въ вопросѣ о пораженіи правъ постольку, поскольку, на основаніи мотивовъ, условій совершенія и т. п., ею опредѣляются внутреннія свойства содѣяннаго. Иными словами, «твердо установившееся въ области уголовнаго права начало» требуетъ, чтобы въ отношеніи вопроса о пораженіи правъ законъ устанавливалъ не обычное дѣленіе дѣяній на болѣе или менѣе тяжкія, въ зависимости отъ тяжести наказаній, а спеціальное: на разрушающія понятіе о чести и не разрушающія, какъ формулировала въ 1879 г. основной признакъ преступнаго дѣянія комиссія Государственнаго Совѣта (объясненія къ проекту редакціонной комиссіи, т. I, изд. 1885 г., стр. 218). Раз-

рушаютъ понятіе о чести, по общепринятому воззрѣнію, преступленія, совершаемыя изъ корыстныхъ или иныхъ постыдныхъ побужденій, т. е. изъ менѣе тяжкихъ посягательствъ именно тѣ имущественныя правонарушенія, которыя особо перечислены въ ст. 10-ой полож. о выб. и въ отношеніи которыхъ законодательное предположеніе 30 членовъ Думы отнюдь не имѣло въ виду вносить какое-либо измѣненіе. Юристовъ же теоретиковъ, которые бы признавали, что политическія преступленія подлежатъ обязательному отнесенію къ категоріи дѣланій, долженствующихъ влечь правоограниченія, независимо отъ тяжести наказанія, нѣтъ ни за границей, ни въ Россіи. Не было ихъ и среди профессоровъ, составлявшихъ уголовное уложеніе 1903 г. Имена покойнаго Неклюдова и понынѣ здравствующихъ Таганцева, Фойницкаго и Случевскаго слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы тутъ могли быть малѣйшія сомнѣнія. И напрасна попытка г. Щегловитова покрыть ихъ авторитетомъ до него никому не приходившую въ голову «научную» теорію. Лишать избирательнаго права гражданъ, отсидѣвшихъ по 129 статьѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ или въ крѣпости, когда въ приговорѣ нѣтъ ни звука о лишеніи и ограниченіи правъ,—это цѣликомъ ему принадлежащая «теорія», ничьимъ авторитетомъ не покрываемая.

Обращаясь къ догматической сторонѣ вопроса, г. Щегловитовъ признаетъ, что составители уголовнаго уложенія отступили отъ «указаннаго теоретическаго начала» и «поставили правопораженія въ зависимость отъ рода наказаній». Это отступленіе онъ, однако, называетъ «кажущимся», такъ какъ въ объясненіяхъ говорится, что «согласованіе правопораженій съ преступностью можетъ быть достигнуто тѣмъ, что законодатель, назначая то или другое наказаніе за какое-либо преступное дѣяніе, самымъ выборомъ онаго уже будетъ свидѣтельствовать, что онъ не признаетъ даннаго дѣянія позорящимъ, безчестнымъ и наоборотъ». Приведенное соображеніе цитировано вѣрно. Но къ тому заключенію министра юстиціи, которое на немъ обосновывается, оно имѣетъ весьма слабое отношеніе.

Предметъ спора составляютъ тѣ случаи, когда лицу, признанному виновнымъ въ предъявленномъ ему обвиненіи, судомъ назначено не высшее изъ положенныхъ наказаній, съ которымъ соединяется праволишеніе, а низшее, праволишенія не влекущее, или когда судъ, по предоставленной ему власти, въ порядкѣ смягченія, перешелъ отъ высшаго наказанія къ низшему. По системѣ уголовнаго уложенія установлены чрезвычайно широкія рамки судейскаго усмотрѣнія. Такъ напримѣръ, ст. 129 опредѣляетъ, какъ высшую мѣру наказанія, поселеніе или исправительный домъ на срокъ до

трехъ лѣтъ. Но вмѣсто поселенія судъ можетъ назначить заключеніе въ крѣпости на время отъ одного года до шести лѣтъ, и вмѣсто исправительнаго дома—заключеніе въ тюрьмѣ на время отъ двухъ недѣль до одного года. Поселеніе и исправительный домъ влекутъ за собою лишеніе правъ состоянія; крѣпость же и тюрьма не влекутъ. Назначая наказаніе, судъ дѣйствуетъ свободно и приговора не мотивируетъ. Какъ большее, слѣдовательно, изъ карательной части 129-ой статьи можно вывести лишь то, что по признанію законодателя конкретные случаи совершенія дѣянія, предусмотрѣннаго этимъ закономъ, могутъ имѣть позорящій и безчестный характеръ, но могутъ его и не имѣть, и что различеніе конкретныхъ случаевъ по признакамъ позорности и безчестности предоставлено суду. Слѣдовательно, разъ судъ назначилъ лишь крѣпость и тюрьму, то не можетъ имѣть мѣста ни лишеніе осужденнаго «общественнаго довѣрія», ни отнятіе отъ него избирательнаго права. Составители уголовнаго уложенія не считали возможнымъ «предоставить примѣненіе правопораженій вполнѣ усмотрѣнію судьи». Но «отчасти» примѣненіе ихъ его усмотрѣнію они предоставили. Такимъ образомъ, «вразрѣзъ» съ системой дѣйствующаго уголовнаго законодательства «пришло» созданное въ политическихъ видахъ «разъясненіе», а законодательное предположеніе объ измѣненіи статьи 10-ой только возстановляетъ систему.

Г. Щегловитовъ заканчиваетъ свое заключеніе опасеніемъ, что «постановленіе утраты избирательныхъ правъ въ зависимость отъ рода наказанія давало бы поводъ для сомнѣній, не послѣдовало ли признаніе или отрицаніе наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ лишь въ силу симпатіи суда къ той или иной партіи». Очевидно, это опасеніе весьма смущаетъ министерство юстиціи; имъ, очевидно, подсказано толкованіе сената, упразднившаго по дѣламъ печати примѣненіе ст. 132-ой и предписавшаго судамъ всегда примѣнять ст. 129-ую, хотя бы распространенія преступнаго сочиненія не послѣдовало, т. е. хотя бы имѣлъ мѣсто именно тотъ случай, который въ 132-ой статьѣ прямо оговоренъ. Секретъ толкованія простъ: годъ крѣпости, назначенный по ст. 132, не отнимаетъ избирательныхъ правъ, а тотъ же годъ крѣпости, назначенный по ст. 129-ой—отнимаетъ. И подчеркиваемъ, какъ главное: отнимаетъ пожизненно. Это одно лишаетъ министра юстиціи права въ какомъ бы то ни было отношеніи искать защиты въ авторитетѣ редакціонной комиссіи, составлявшей первоначальный проектъ уголовнаго уложенія. Вся конструкція ея ученія о пораженіи правъ была основана на срочности этого придатка къ наказанію лишеніемъ свободы. Комиссія не допускала вѣчнаго правопораже-

нія, ни по роду дѣяній, ни по роду каръ. Въ этомъ весь смыслъ ея системы.

Печально закончила свое пятилѣтіе третья Дума и въ этическомъ отношеніи. Послѣ назначенія вице-губернаторомъ г. Гололобова въ газетахъ появился длинный списокъ депутатовъ, которымъ обѣщаны и предстоятъ назначенія на административныя должности. Однимъ должности обѣщаны условно: въ случаѣ если они не попадутъ въ четвертую Думу. Другимъ—безотносительно къ предстоящимъ выборамъ. Что и тѣ, и другіе принадлежатъ къ право-октябристскому большинству — объ этомъ, конечно, нечего говорить. Нельзя не удивляться лишь скромности многихъ изъ вѣрно хранившихъ обѣтъ послушанія. Есть такіе члены Думы, которымъ за пять лѣтъ послушанія обѣщаны всего на всего должности земскихъ начальниковъ.

Фактъ подобныхъ назначеній глубоко печаленъ. Молодое русское представительство съ изумительной быстротой усвоило отрицательныя стороны западнаго представительнаго строя. Ни для кого не составляла и не составляетъ секрета близость многихъ членовъ Думы къ концессіонному дѣлу. Не стѣсняясь, называютъ фамиліи и видныхъ, и совсѣмъ незначительныхъ депутатовъ. Принявъ участіе въ концессіонномъ предпріятіи, сложилъ съ себя полномочія одинъ г. Головинъ. Другіе, за время пребыванія въ Думѣ, вошли въ составъ совѣтовъ акціонерныхъ банковъ и страховыхъ обществъ, и повидимому имъ въ голову не приходило неудобство подобнаго совмѣстительства. Г. Гололобовъ не совмѣстительствовалъ и совмѣщать депутатство съ вице-губернаторствомъ не могъ. Но если онъ хотѣлъ быть вице-губернаторомъ и если министръ внутреннихъ дѣлъ тоже хотѣлъ, чтобы онъ имъ былъ, то почему его назначеніе состоялось не раньше, а передъ концомъ полномочій. Неужели такія назначенія представляютъ собою не то расплату, не то награду? И является второй вопросъ: за что? Этотъ вопросъ, само собою разумѣется, не нуждается въ отвѣтѣ. Для членовъ законодательныхъ палатъ нѣтъ бо́льшаго грѣха, чѣмъ угодничество. Въ интересахъ ли государства насаждать угодничество въ нравы Думы?..

Въ свое время, осенью прошлаго года, мы подробно разбирали циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія, прекратившій существованіе родительскихъ комитетовъ въ порядкѣ «упорядоченія» ихъ организаціи и дѣятельности. Циркуляръ, какъ извѣстно, преду-

смотрительно установилъ сложную систему мѣръ «упорядоченія» на случай, если бы гдѣ-либо въ общее собраніе явилось двѣ трети родителей, Одна изъ такихъ мѣра—требованіе утвержденія избранныхъ предсѣдателя и членовъ комитета попечителемъ учебнаго округа. Въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи эта мѣра давно испытана и дѣйствуетъ безошибочно. Не измѣнила она и министерству народнаго просвѣщенія.

Въ женской гимназіи, въ Витебскѣ, 15 сентября прошлаго года имѣлъ мѣсто рѣдкій случай: въ общее собраніе явилось «законное» число родителей и производство выборовъ состоялось. Немедленно списокъ выбранныхъ былъ посланъ на утвержденіе. Попечитель въ утвержденіи не отказалъ, но оно только... замедлилось. 5 мая предсѣдатель комитета получилъ увѣдомленіе, что выборы «на текущій учебный годъ» попечителемъ утверждены и что «промедленіе въ утвержденіи комитета произошло по независящимъ отъ попечителя округа обстоятельствамъ». Не правда ли, какъ просто и мило!..

Издатель: М. М. Ковалевскій. Ред. К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Комитетъ по изданію сборника, посвященнаго памяти Анны Павловны Философовой, обращается ко всѣмъ лицамъ, ее знавшимъ, съ просьбой помочь ему въ начатомъ дѣлѣ сообщеніемъ писемъ покойной, замѣтокъ и воспоминаній о ней, и т. п. Матеріалы, хотя бы самые незначительные по размѣру или содержанію, будутъ имѣть свою цѣнность при составленіи біографіи А. П. Философовой и примутся съ благодарностью.

Желающимъ—все присланное будетъ, по использованіи, возвращено обратно.

Направлять матеріалы слѣдуетъ на имя дочери А. П. Философовой—Зинаиды Владиміровны Ратьковой-Рожновой, Петербургъ, Мойка, 1.

Предсѣдательница Комитета В. Тарновская.
Членъ Комитета Д. Философовъ.

Отъ Предсѣдателя Отдѣла воздушнаго флота Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА.

Воздушный флотъ Россіи долженъ быть сильнѣе воздушныхъ флотовъ нашихъ сосѣдей. Это слѣдуетъ помнить каждому, кому дорога военная мощь нашей родины.

Два года тому назадъ Я обращался съ воззваніемъ, прося жертвовать на созданіе воздушнаго флота.

За это время пожертвованій поступило 222.923 рубля; кромѣ того, на созданіе воздушнаго флота, согласно волѣ жертвователей, были обращены 880.000 рублей, оставшіеся отъ суммъ, пожертвованныхъ во время Русско-Японской войны на усиленіе морского флота.

Отдѣлъ воздушнаго флота Высочайше учрежденнаго Особаго Комитета по усиленію военнаго флота Россіи на добровольныя пожертвованія поставилъ первой своей задачей образованіе корпуса школы авіаціи въ Севастополѣ.

Въ ноябрѣ 1910 года школа открыла свои дѣйствія и въ августѣ 1911 года уже имѣла возможность командировать 19 самолетовъ и 20 летчиковъ на маневры С.-Петербургскаго, Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ. Въ ноябрѣ 1911 года состоялся выпускъ первыхъ летчиковъ въ числѣ 30 человѣкъ. Составъ школы, имѣвшей въ ноябрѣ 1910 года 18 офицеровъ и 20 нижнихъ чиновъ при 6 самолетахъ, къ апрѣлю текущаго года увеличился до 102 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ при 55 самолетахъ. Въ настоящее время, въ виду пріобрѣтенія новыхъ быстроходныхъ самолетовъ, часть офицерской школы авіаціи переведена на рѣку Качу, въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ Севастополя, и къ зимѣ текущаго года вся школа перейдетъ на новое мѣсто. Къ концу года школа предполагаетъ выпустить до 100 военныхъ летчика. За 2 года было пріобрѣтено заграницей и построено въ Россіи всего 77 самолетовъ. Такимъ образомъ Отдѣлъ воздушнаго флота по мѣрѣ силъ и средствъ дѣлаетъ все, что возможно, но потребность военныхъ летчиковъ во много разъ превышаетъ то число, которое школа можетъ подготовить. Доблестный духъ нашей арміи и беззавѣтная храбрость ея офицеровъ сказываются въ томъ, что число желающихъ поступить въ школу превышаетъ 1200 человѣкъ.

Франція, Италія и наши сосѣди, придя къ заключенію, что самолеты необходимы арміи, какъ развѣдчики и какъ орудіе пораженія непріятеля сверху, не жалѣютъ государственныхъ средствъ на созданіе воздушнаго флота. Одновременно въ этихъ странахъ собираются для этой цѣли крупныя суммы путемъ частныхъ пожертвованій; въ Германіи для сбора пожертвованій образованъ воздухоплавательный комитетъ подъ предсѣдательствомъ брата Императора.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если мы не приложимъ всѣхъ усилій на развитіе уже начатаго,—мы потеряемъ то мѣсто (второе въ мірѣ), которое въ отношеніи воздушнаго флота занимаемъ теперь, и отстанемъ отъ нашихъ сосѣдей. Опасность положенія ясна, допустить этого нельзя, и Я снова считаю долгомъ обратиться съ призывомъ о пожертвованіяхъ на воздушный флотъ.

Предсѣдатель Отдѣла воздушнаго флота
Великій Князь Александръ Михаиловичъ.

Пожертвованія принимаются въ Конторѣ Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича, С.-Петербургъ, Офицерская. 35.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.—ІЮЛЬ.

СТРАН.

Портретъ: **Иванъ Александровичъ Гончаровъ.**

I. ГОЛОДНАЯ ДЕРЕВНЯ.—(Окончаніе).—**Тана** 3

II. ПРИВРАТНИКИ СЛАВЫ.—(Повѣсть).—**И. Потапенко** 33

III. ПОДРУГЪ.—Стихотвореніе.—**Якова Година** 86

IV. МОЛОДНЯКЪ.—(Очерки).—(Продолженіе).—**В. І. Дмитріевой** 87

V. ТОЛСТОЙ И РУССО.—(Окончаніе).—**А. Дивильковскаго** 125

VI. ПѢСНЯ.—(Изъ М. Конопницкой).—Стихотвореніе.—**А. Колтоновскаго.** 154

VII. НА РУБЕЖѢ.—**Льва Дейча** 155

VIII. ПОСЛѢ ДОЖДЯ.—(Стихотвореніе).—**Якова Година** 184

IX. СЕРДЦЕ ВЪ ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ. — Разсказъ Вилльяма Дж. Локка.—Съ англ. перев. **М. С.** 185

X. 1812-ый ГОДЪ.—(Посвящается памяти моего отца, прапорщика въ арміи Кутузова)—**Максима Ковалевскаго** 193

XI. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ АСТРОНОМІИ.—**Николая Морозова** 225

XII. НОЧЬЮ.—(Стихотвореніе).—**В. М.** 234

XIII. ВЪ СТЕПИ.—**Мих. Юшкевича** 235

XIV. ФРАУ БЮРГЕЛИНЪ И ЕЯ СЫНОВЬЯ.—Романъ Габріэллы Рейтеръ.—Съ нѣм. пер. **М. Славинской.** 247

XV. ХРОНИКА.—НОВАЯ КНИГА А. Ѳ. КОНИ.—**Влад. Набокова** 286

XVI. О ЧУДЕСНОМЪ.—(Письмо изъ Лондона).—**Діонео** 304

XVII. СТРАНИЧКА ИЗЪ РУССКОЙ АГРАРНОЙ ИСТОРІИ.—**Н. Огановскаго** . 320

XVIII. АВГУСТЪ СТРИНДВЕРГЪ.—**Е. Колтоновской** 339

XIX. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. Адріанова** 346

XX. КЪ БІОГРАФІИ И. А. ГОНЧАРОВА.—**Ѳ. Кудринскаго** 354

XXI. ДВѢ СМЕРТИ.—(Фредерикъ Пасси и Анатоль Леруа Болье).—**Максима Ковалевскаго** 363

XXII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. Я. Переверзевъ. Творчество Достоевскаго. Съ предисловіемъ П. Н. Сакулина.—Библіотека всемірной литературы. Европейскіе классики. Шекспиръ въ двухъ томахъ, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.—Поэмы Гомера, въ переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.—В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка.—В. Кистяковскій. Страницы прошлаго. Къ исторіи конституціоннаго движенія въ Россіи. — **Ч. В—скаго.**—С. А. Котляревскій. Юридическія

СТРАН.

предпосылки русскихъ Основныхъ Законовъ.—**А. С. Тагера.**—Н. Н. Алексѣевъ. Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ.—**Н. Е. Михайлова.**—Памятники музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ. Выпуски I—II. Таблицы и текстъ.—Христіанскій Востокъ. Серія, посвященная изученію Христіанской культуры народовъ Азіи и Африки. Томъ I. Выпускъ I. Изданіе Императорской Академіи Наукъ.—**И. Бороздина.**—Вернеръ Зомбартъ. Евреи и хозяйственная жизнь. Авторизованный переводъ подъ редакціей Г. Гроссмана. Часть первая (экономическая).—Профессоръ Вернеръ Зомбартъ. Будущность еврейскаго народа. Переводъ съ нѣмецкаго Х. Гринберга. Со вступительной статьей д-ра Д. С. Пасманика: Голосъ христіанина о еврейскомъ вопросѣ.—**В. В.**—Шарль Жидъ. Потребительныя Общества. Книга первая. —**К. П.**—Prof. Dr. H. Bechhold. Die Kolloide in Biologie und Medizin.—R. Liesegarg. Beiträge zu einer Kolloidchemie des Lebens.—Handbuch der Biochemie des Menschen und der Tiere.—Biochemisches Handlexikon. — **А. С. Щепотьева.**—Новыя книги и брошюры. 367

XXIII. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Политическая агитація высшаго духовенства и молчаніе низшаго.—Признаки развала церковной жизни.—Подготовка почвы для выборовъ, совершаемая администраціей.—Химерныя старанія запрудить рѣку жизни.—Борьба симбирскаго губернатора съ «волками въ овечьей шкурѣ».—Самоубійства отъ голода и голодный «бунтъ». – «Вѣдаютъ ли, что творятъ»?—**И. Жилкина** 389

XXIV. ТРЕТЬЯ ДУМА И ПРЕДСТОЯЩІЕ ВЫБОРЫ.—**К. Арсеньева** 399

XXV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Австрійскіе «милліоны солдатъ» и свиданіе двухъ императоровъ.—Значеніе и возможные результаты совѣщаній 21 и 22-го іюня.—Предѣлы и послѣдствія русско-германскаго сближенія.—Турецкія дѣла.—Бельгійскіе клерикалы.—Американскіе президентскіе выборы. 408

XXVI. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Протестъ и требованія крестьянъ-союзниковъ.—Разрушенная фикція.—Эволюція ставки на сильнаго.—«Отклоненіе» совѣтомъ министровъ законопроекта членовъ Думы объ измѣненіи ст. 10 положенія о выборахъ. Образчикъ юридической аргументаціи.—Назначеніе на должности членовъ Думы.—Утвержденіе поспѣвшее во время 420

XXVII. ИЗВѢЩЕНІЕ 434

XXVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 439

XXIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ВСѢ ЧАСЫ, ИМѢЮЩІЕ НАДПИСЬ ИЛИ КЛЕЙМО ФИРМЫ

В. Габю,

ПРОДАЮТСЯ СЪ ПОЛНЫМЪ РУЧАТЕЛЬСТВОМЪ ЗА ВѢРНОСТЬ И ПРОЧНОСТЬ МЕХАНИЗМА.

Фирма состоитъ поставщикомъ:

Многихъ желѣзныхъ дорогъ и Земствъ, Московскаго Почтово-Телеграфнаго Округа, Экономическаго Общества офицеровъ Московскаго Военнаго Округа, Желѣзнодорожныхъ, торгово-промышленныхъ и многочисленныхъ Потребительныхъ Обществъ.

Письма слѣдуетъ адресовать:

Москва, Никольская, В. ГАБЮ.

Телеграммы слѣдуетъ адресовать:

МОСКВА, — ГАБЮ.

Телефонъ № 45-23.

Прейсъ-курантъ № 17 высылается безплатно.

1—1

МАГАЗИНЪ

ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, пассажъ Солодовникова.

Телефонъ № 11-05.

Адресъ для телеграммъ: **Полотно, Москва.**

Отдѣлъ мужского бѣлья:

Зефиры, Цвѣтныя сорочки. Дорожные костюмы Pyjama. Галстухи, платки, воротники, манжеты. Цвѣтныя фуфайки, кальсоны и носки.

Отдѣлъ дамскаго бѣлья:

Большой выборъ лѣтнихъ, исключительно парижскихъ, **блузокъ.** Платья Lingerie. **ПРИДАНОЕ** на всевозможныя цѣны. Чулки и трико шелковые и фильдекосовые.

Смѣты и иллюстрированный каталогъ къ услугамъ г. г. покупателей. 1—1

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ **„АГРОНОМЪ“**

Москва, Долгоруковская, 26а. Для телегр.: Москва Агрономъ.

Телефонъ 107—88.

4000 названій книгъ по разнымъ сел.-хоз. вопросамъ, техническимъ производствамъ и кооперації.

Изъ собственныхъ изданій:

Богдановъ, Е. А., проф. Кормленіе молочныхъ коровъ, и ихъ содержаніе и доеніе въ связи съ организаціей стада и всего молочнаго дѣла. Ц. 3 р. 50 к.

Богдановъ, Е. А., проф. Составленіе кормовыхъ дачъ для молочнаго скота. Отд. оттискъ изъ предыдущ. книги. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Богдановъ, Е. А., проф. Откормъ с.-х. животныхъ. Ц. 4 р.

Будиновъ, Л. Т. Проба на броженіе молока и проба сычужной закваски. Ц. 15 к.

Вульфъ, К. Пер. В. И. Лемуса. Контрольные союзы. Ц. 75 к.

Гуринъ, Г. И. Туберкулезъ у животныхъ. Ц. 30 к.

Засухинъ, И. И. Хмѣлеводство. Ц. 25 к.

Зубрилинъ, А. А. Первые шаги къ крестьянскому богатству — ленъ, травосѣяніе и искусственныя удобренія. Ц. 10 к.

Зубрилинъ, А. А. Улучшайте покосы. Ц. 10 к.

Калугинъ, П. И., проф. Роль подбора въ совершенствованіи породъ. Ц. 15 к.

Ленисъ, Ф., проф. (Перев. съ нѣмецк. подъ ред. С. А. Северина). Введеніе въ бактеріологію для сельскихъ хозяевъ. Ц. 75 к.

Маковскій, В. А. Постройка ледника (практическіе совѣты). Ц. 5 к.

Маноцковъ, Н. И. О заразныхъ болѣзняхъ на скотѣ. Бесѣды ветеринарнаго врача. Ц. 35 к.

Модестовъ, А. И. Какъ очистить поля отъ сорныхъ травъ. Ц. 8 к.

Модестовъ, А. И. Кормовыя растенія. Плакатъ въ краскахъ. Ц. 20 к.

Модестовъ, А. И. Подготовка посѣвнаго зерна. Ц. 10 к.

Модестовъ, А. Могаръ. Ц. 6 к.

Петеръ и Хельдъ. Практическое руководство къ приготовленію швейцарскаго сыра. Ц. 75 к.

Разозинъ, П. М. Варка зеленаго сыра. Ц. 25 к.

Симоновъ, М. И. Сибирская язва. Ц. 7 к.

Тулайковъ, Н. М. О почвахъ. С.-х. бесѣды Ц. 25 к.

Черняевъ. Вѣчный календарь беременности с.-х. животныхъ. Ц. 50 и 75 к. (въ лучшемъ исполненіи).

Чижовъ, Л. Артельныя маслодѣльни и артельныя лавки. Ц. 35 к.

Наглядныя пособія для агрономическихъ бесѣдъ, курсовъ и школъ.

Подписка на всѣ с.-х. період. изданія Россіи и заграницы.

Подборъ библіотекъ на разныя цѣны и заданія.

Журналъ **„Молочное хозяйство и скотоводство“**. 50 №№ въ годъ подписная плата 3 руб.

Требуйте каталоги и пробн. № журнала. 1—1

Книгоиздательское Т-во „ДѢЛО".

Главная Контора: **МОСКВА, Поварская 10. Телеф. 291-65.**

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА".

ИНТИМНЫЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРІИ.

№ 1. **Смерть Павла I.** С. Горскаго.
№ 2. **Легенда о смерти Александра I.** П. Бунина.
№ 3. **Фавориты Екатерины II.** А. Савина.
№ 4. **Борьба за престолъ (Петръ III и Екатерина II).** Д. Соловьева.
№ 5. **Казненная королева (Марія Стюартъ).** М. Радищева.
№ 6. **Княжна Тараканова.** А. Платонова.
№ 7. **Графиня Дю-Барри (Любовница короля Людовика XV).** Е. Олартъ.
№ 8. **Мазепа.** В. Готвальдъ.
№ 9. **Стрѣлецкій бунтъ.** П. Семенова.
№ 10. **Лжедимитрій.** П. Бунина.
№ 11. **Савонарола.** В. Михайлова.
№ 12. **Бироновщина.** А. Лебедева.
№ 13. **Мальчикъ-Императоръ (Петръ II).** С. Львова.
№ 14. **Петръ I и женщины.** Е. Олартъ.
№ 15. **Стенька Разинъ.** Б. Лебедева.
№ 16. **Императоръ-Узникъ (Іоаннъ Антоновичъ).** Д. Покровскаго.
№ 17. **Салтычиха (Крѣпостной бытъ).** С. Львова.
№ 18. **Жены Іоанна Грознаго.** С. Горскаго.
№ 19/19а. **Наполеонъ и двѣ императрицы.** К. Бестужева.
№ 20. **Тайны Шлиссельбургской крѣпости.** Е. Олартъ.
№ 21/22. **Декабристы.** Д. Соловьева.
№ 23. **Тайны инквизиціи.** А. Лебедева.
№ 24. **Цезарь Борджіа.** М. Салтыкова.
№ 25. **Сынъ Петра Великаго.** М. Костомарова.
№ 26. **Толстовцы.** Баранова.
№ 27. **Клеопатра.** С. Львова.
№ 28. **Монастырскія тюрьмы.** Е. Олартъ.
№ 29. **1865-ый годъ. (Крымская кампанія).** К. Острогорскаго.
№ 30. **Хлысты и скопцы.** Е. Баранова.
№ 31. **Императрица Елисавета.** К. Бестужева.
№ 32. **Неронъ.** П. Мартынова.

Цѣна № 10 коп.

Изданіе выходитъ въ количествѣ 8—10 №№ ежемѣсячно.
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ.
Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 1 р. 50 к. за пересылку не платятъ.

„ВЕЛИКАЯ РОССІЯ",

подъ общимъ руководствомъ профессора **Д. Н. АНУЧИНА** этнографическіе, географическіе и культурно-бытовые очерки современной Россіи.

ВЫШЕЛЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ ВТОРОЙ ТОМЪ

„Поволжье и Приуралье".

Изданіе состоитъ изъ 12 томовъ, заключающихъ до 3,500 стр. большого формата, и богато иллюстрировано типами, видами и сценами изъ жизни различныхъ народностей Россіи. Каждый томъ заключенъ въ плотную обложку, исполненную въ 4-хъ краскахъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к., при полученіи каждаго тома **по 2 р. 50 к.**, при полученіи послѣдняго 12-го тома—**одинъ рубль.**

Цѣна всего изданія съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи—31 рубль.

Цѣна каждаго отдѣльнаго тома—**ТРИ РУБЛЯ** съ пересылкой. Вышли: I-й томъ—„Сибирь"; II-й томъ—„Поволжье и Приуралье". 1—1

НОТНЫЕ МАГАЗИНЫ

Россійскаго Музыкальнаго Издательства.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 6. *Тел. 217-07.* | С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 11. *Тел. 178-53.*

СКЛАДЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНІЙ.

ПОСТОЯННЫЙ СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ изданій **Брейткопфъ и Гертель.**

Оптовые склады изданій: **Н. Зимрокъ, Шлезингеръ** (Р. Линау), **Эрнстъ Эйленбургъ** (карманныя партитуры).

Складъ духовно-музыкальныхъ сочиненій изданій **Придворно-пѣвческой капеллы.**

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго знанія всѣхъ **русскихъ и иностранныхъ** издательствъ.

Оперы и либретто.—Постоянно всѣ новости.—Открытыя письма съ портретами выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.—Свѣжія струны.—Нотная бумага.

Заказы гг. иногородныхъ покупателей исполняются быстро и аккуратно.

Отправка съ наложеннымъ платежомъ. 1—1.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ“

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Москва, Знаменка, 11.

Ближайшее участіе принимаютъ:

Н. А. Бердяевъ, С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

Всѣ книги по сельскому хозяйству.

Журналъ **Молочное хозяйство** и скотоводство.

Въ годъ 50 №№—3 руб.

Изъ списка книгъ, принятыхъ на складъ „Агрономъ“.

С. АСКОЛЬДОВЪ.—А. А. КОЗЛОВЪ. Цѣна 1 р. 50 к.

С. БУЛГАКОВЪ.—ФИЛОСОФІЯ ХОЗЯЙСТВА. Ч. I. Міръ, какъ хозяйство. Цѣна 2 р.

Н. БЕРДЯЕВЪ.—А. С. ХОМЯКОВЪ. Цѣна 1 р. 60 к.

Л. ДЮШЕНЪ.—ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ. Цѣна 2 руб.

Религія Л. ТОЛСТОГО.—СБОРНИКЪ СТАТЕЙ: С. Н. Булгакова, В. В. Зѣньковскаго, Кн. Евг. Трубецкого, В. И. Экземплярскаго, Анд. Бѣлаго, Н. А. Бердяева, А. С. Волжскаго. Вл. Эрна. Цѣна 1 руб. 70 к.

Вышли раньше *Булгаковъ С. Н.*—„Два града“ Изслѣдованія о природѣ общественныхъ идеаловъ. Въ 2-хъ т. Ц. 3 р. за оба тома, каждый томъ продается отдѣльно по 1 р. 50 к. *Кирѣевскій И. В.*—Полное собраніе сочиненій, въ 2-хъ т., съ портретомъ, подъ редакціей М. Гершензона. Ц. 4 руб. *Гершензонъ М. О.*—Жизнь В. С. Печерина Ц. 1 р. 50 к. *Лопатинъ Л.*—Философскія характеристики и рѣчи. Ц. 3 р. *Вл. Эрнъ.*—Борьба за Логосъ. Ц. 2 р. *Н. А. Бердяевъ.*—Философія свободы. Ц. 2 р *Влад. Соловьевъ.*—Россія и вселенская церковь. Переводъ съ франц. Г. А. Рачинскаго.—Ц. 2 р. 25 к. *Влад. Соловьевъ.*—Русская идея. Переводъ съ франц. Г. А. Рачинскаго.—Ц. 75 к. о *Вл. Соловьевѣ.* Сборникъ статей:—С. Н. Булгакова.—Вячесл. Иванова.— Кн. Евг. Трубецкого.—Алекс. Блока.—Н. Бердяева.—Вл. Эрна.—Ц. 1 р. 50 к.

Продаются во всѣхъ извѣстн. книжн. магаз. Высылаются налож. платеж. Въ С.-Петербургѣ—книжн. складъ „Провинція“, Стремянная, 6. Подробн. проспектъ по требов. безплатно.

Открыта предварительная подписка на новое изданіе Т-ва „Міръ“.

Исторія западной литературы

(1800—1910)

подъ редакціей **проф. Ѳ. Д. Батюшкова.**

При ближайшемъ участіи **проф. Ѳ. А. Брауна, акад. Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, прив.-доц. Е. В. Аничкова, и прив.-доц. К. А. Тіандера.**

Исторія западныхъ литературъ XIX в. представитъ обзоръ главныхъ проявленій умственной и духовной жизни европейскихъ народностей, поскольку она выразилась въ произведеніяхъ художественной литературы минувшаго столѣтія.—Все изданіе составитъ около 150 листовъ, т.-е. около 2,400 страницъ большого формата, и будетъ богато иллюстрировано (до 1,000 рисунковъ). Изданіе выходитъ книгами, приблизительно по 9 листовъ каждая, всего около 18 книгъ.

Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 руб., при полученіи каждой книги—2 руб. (включая пересылку); послѣдняя книга—безплатно.

Лица, подписавшіяся до выхода первой книги (въ августѣ 1912 г.), пользуются скидкой въ 10%, т.-е. уплачиваютъ при подпискѣ 1 руб. 80 коп. и при полученіи каждой книги 1 руб. 80 коп., послѣдняя книга—безплатно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ **т-ва „МІРЪ“:**

ИТОГИ НАУКИ

ВЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ.

Подъ редакціей проф. **М. М. Ковалевскаго,** проф. **Н. Н. Ланге, Николая Морозова** и проф. **В. М. Шимкевича.**

Изъ послѣдняго отзыва печати: „...Если первые выпуски, увлекательно, интересно написанные и прекрасно изданные, производили самое благопріятное впечатлѣніе, то послѣдующіе такое впечатлѣніе, въ общемъ, могли только упрочить, и въ настоящее время, когда характеръ изданія достаточно опредѣлился, можно дать такой же отзывъ уже не объ отдѣльныхъ книгахъ, а объ изданіи какъ цѣломъ. Представляя изъ себя научную энциклопедію, „ИТОГИ НАУКИ“ ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ характера справочника: **это—изданіе, предназначенное служить для самообразованія въ широкомъ смыслѣ этого слова,—изданіе, которое даетъ то, что представляетъ наибольшую цѣнность для широкой публики...** Наибольшимъ достоинствомъ „ИТОГОВЪ“ является то обстоятельство, что редакціи удалось сохранить за нимъ характеръ популярнаго изданія безъ всякаго ущерба для его содержательности... **Нѣкоторые отдѣлы по красотѣ и увлекательности изложенія являются настоящими шедеврами. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго“.** *Современный Міръ,* февраль 1912 г.

Изданіе составитъ около 12 томовъ, и будетъ богато иллюстрировано рисунками въ текстѣ и особыми приложеніями (меццотинтогравюры, цвѣтн. таблицы и т. п.) **Вышло три тома.**

Цѣна изданія по подпискѣ въ роскошн. полукожан. переплетѣ (безъ пересылки) по 6 р. 75 к. за томъ. Допускается разсрочка.

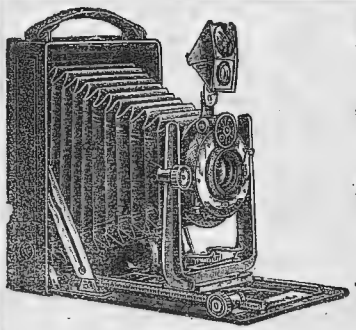
Проспекты безплатно. Главная контора изданій Т-ва „МІРЪ“: Москва, Знаменка, 9. В. Е. Т-ву Міръ. Телеф. 137—31.

1—1

ДѢТСКІЕ НАРЯДЫ

М. Поповъ.

МОСКВА,
Кузнецкій пер., № 14.
Прейсъ-куранты высылаю БЕЗПЛАТНО.
4—9



ВЪ РАЗСРОЧКУ
на 9 мѣсяцевъ
ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ,
объективы и принадлежности.
Микроскопы, призмен. бинокли,
готовальни и проч.
Т-ва К. ЛОРЕНЦЪ и К°,
МОСКВА, Мясницкая, д. Сытова № 22—38.
ПОЛНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ высылается за 14 коп. марками.
Краткій—безплатно. 6—4

ВИРТУОЗЪ,
механическое піанино или рояль,
даетъ возможность слушать у себя дома концертную игру въ исполненіи знаменитыхъ піанистовъ.
ДЕМОНСТРИРУЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО.
Ноты для всѣхъ механическихъ аппаратовъ: виртоуза, фонолы, піанолы, авто-піано и др.
АВТО-МУЗЫКА
А. Бергманъ.
Мясницкая, 22.
Телефонъ 49-06.
Прейсъ-куранты и каталоги безплатно. 4—9

Картины для волшебнаго фонаря

ПО ИСТОРІИ 1812 ГОДА

быстро и художественно приготовляетъ

Мастерская Б. П. КАЩЕНКО.

Оригиналы подобраны подъ редакціей **Моск. Педагогическаго Музея.**

Мастерская имѣетъ большой выборъ оригиналовъ по географіи, естествовѣдѣнію и др. отдѣламъ. Москва, Тверская, Дегтярный пер., д. 10, кв. 53. Телефонъ 286-48. 1—1

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Я. ЗИМИНА** вдова и **С. НИКИФОРОВЪ.**

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ✪ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ✪ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ✪ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ✪ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ✪ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ✪ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ✪ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патроновъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности **по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.**

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно, на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

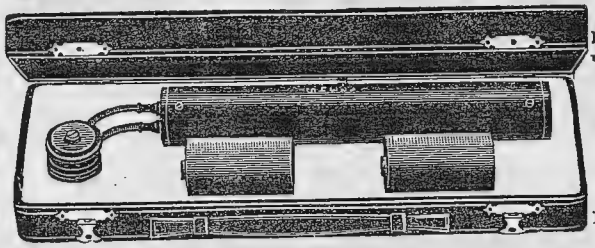
Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и Ко представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте **ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!**

ВСѢМЪ БОЛЬНЫМЪ И ЗДОРОВЫМЪ



рекомендуется новый электрический патентованный

МАССАЖНЫЙ АППАРАТЪ

„Le Royal Paris“ („ле ройаль Пари“).

Самый усовершенствованный, цѣлесообразный и практическій—онъ **при ревматизмѣ, подагрѣ, опухоли сочлененій, невралгіи, истеріи, мигрени, нервной и общей слабости**—незамѣнимъ. При общемъ массажѣ „Le Royal Paris“ возбуждаетъ дѣятельность кожи, оживляетъ всю мускульную систему, очищаетъ кровь и способствуетъ кровообращенію, при массированіи лица **уничтожаетъ морщины** и слѣды утомленія, а потому аппаратъ „Le Royal Paris“ **необходимъ въ каждомъ домѣ.**

Цѣна 19 руб. Брошюра безплатно.

Аппаратъ высылается налож. плат. по полученіи задатка въ 5 р.

Главный складъ: **Москва, Маросейка, Девятинскій пер., № 4-с, Рудольфъ Ивановичъ Кубья.** 12—1

АНУЗОЛЬ

МАРКА УТВЕРЖД. ГЕДЕКЕ и К° ПРАВИТ. № 4530.

ПРОСИМЪ ОТВЕРГАТЬ ПОДДѢЛКИ И ВСЯКІЯ ПОДРАЖАНІЯ И ТРЕБОВАТЬ ТОЛЬКО НАСТОЯЩІЯ СЪ ОХРАН. КЛЕЙМОМЪ СЪ ТАМОЖ. ПЛОМБОЙ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

СВѢЧИ

АНУЗОЛЬ

ГЕДЕКЕ и К°.

РЕКОМ. ДЛЯ БЫСТРАГО, УДОБНАГО И БЕЗБОЛѢЗНЕННАГО ИЗЛѢЧЕНІЯ

ГЕМОРРОЯ

Это испытанное, благотворно-дѣйствующее средство признано врачами за лучшее. Цѣна **1 р. 75 к.**

Продажа въ аптекахъ и лучш. аптекар. магазин.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВЪ РОССІИ пров. Э. ЮРГЕНСЪ.

Волхонка, МОСКВА.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

ПРОВИЗОРА

Г. Ф. ЮРГЕНСЪ

БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

ОТЪ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ, УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ И ЖЕЛТЫХЪ ПЯТЕНЪ.

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ

1/1 кчк. 50 к. 1/2 кчк. 30 к.

1—6

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ

АЙВАДА (Aywad's Water Wings)

ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ.

СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ и ЛЕЖАТЬ на ВОДѢ.

СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.

ПОДДЕРЖИВАЮТЪ НА ПОВЕРХНОСТИ ДО **9 ПУДОВЪ.**

Цѣна **1 р. 70 к.**, пересылка **35 к.**, въ Сибирь **65 к.**

СКЛАДЪ У **И. ГЛАЗУНОВА,** **Москва,** Столешниковъ, № 8.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1912 годъ. **XXIII г. изданія.**

НА ЖУРНАЛЪ

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ".

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—5 р., съ доставкой и пересылкой—6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—5 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1912 годъ

на прогрессивн., общественно-политическую и литературную газету

„Оренбургскій Край"

(Годъ изданія V-й).

Гор. Оренбургъ, Неплюевская ул., д. Городисскаго.

Газета ставитъ своею ближайшей задачею служеніе принципамъ конституціоннаго строя на широкихъ демократическихъ началахъ и разработку вопросовъ какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ только съ этой точки зрѣнія.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна: годъ—6 р., 6 мѣсяцевъ 3 р. 50 к., три мѣсяца—2 р., 1 мѣсяцъ—70 к.

Редакторъ И. Ж. Туркестановъ. *Издатель Е. М. Городисскій.*

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
МУЖСКОЙ и ДАМСКОЙ
АМЕРИКАНСКОЙ ОБУВИ
всемірно извѣстной Мануфактуры
Walk-Over Camprello Mass U. S. Amerikan

Единственный представитель для Москвы Ф. МАДЕРЪ.

МОСКВА.

Столешниковъ пер., 9.

Телеф. 514-96.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ.

МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ ГОСТ. ДВОР. С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИН. КАНАЛЪ 6 БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ и СТИЛЕЙ ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ. ФИРМА 1883 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

СЪ ЭТОГО ДНЯ

у Васъ не будетъ неудачныхъ снимковъ
Кёлерскія пластинки „ЭЛЕКТРА ЭКСПРЕССЪ“
доведены до совершенства.
Устройство новой спеціальной фабрики
даетъ возможность устранить всѣ
недостатки и изготовлять по
доступной цѣнѣ пластинки,
съ которыми по
ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ
могутъ сравниться
только самыя
дорогія
заграничныя.
Испробуйте пластинки
„ЭЛЕКТРА ЭКСПРЕССЪ“
и первый же опытъ Вамъ
докажетъ ихъ совершенство.
Т-во „Р. КЁЛЕРЪ и К° въ МОСКВѢ.“

3